

РСТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XIX

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА»

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ
RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

ISSN 2782-2605

**РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА**

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

ТОМ XIX
VOLUME 19

<https://yearbook.rug.lunn.ru>

**РАЗНООБРАЗИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
«DIVERSITY» В ФОКУСЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
РАЗНООБРАЗИЕ В АРХИТЕКТУРЕ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

**DIVERSITÄT ('DIVERSITY') IM KONTEXT
DER MODERNEN GEISTESWISSENSCHAFTEN:
'DIVERSITY' IM FOKUS DER GERMANISTISCHEN
LITERATURWISSENSCHAFT.
DIVERSITÄT IN DER ARCHITEKTUR
DER DEUTSCHEN SPRACHE**

**XIX СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
СМОЛЕНСК, 25 — 27 НОЯБРЯ 2021 ГОДА**

*Организатор:
Смоленский государственный университет*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2022

УДК 811.112.2; 821.112.2

ББК 80

P88

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Р е д к о л л е г и я :

д. ф. н., проф. *А. В. Иванов* (главный редактор),
к. ф. н., ст. науч. сотр. *Н. С. Бабенко* (отв. редактор лингвистической части),
д. ф. н., проф. *Н. А. Бакихи* (отв. редактор литературоведческой части),
к. ф. н., доц. *А. В. Белобратов*, д. ф. н., доц. *Р. В. Белютин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Гришаева*, д. ф. н., проф. *С. И. Дубинин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Жеребин*, д. ф. н., проф. *Ж. В. Никонова*,
д. ф. н., проф. *А. Н. Полубояринова*, к. ф. н., вед. науч. сотр. *Н. Н. Трошина*

Р е ц е н з е н т ы :

д. ф. н., проф. *В. З. Демьянков* (Институт языкознания РАН)
д. ф. н., вед. науч. сотр. *Т. В. Кудрявцева*
(отдел литературы Европы и Америки Новейшего времени, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)

Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов / Российский союз германистов ; Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. — Т. 19 : Разнообразие в контексте современного гуманитарного знания : «Diversity» в фокусе литературоведения. Разнообразие в архитектуре немецкого языка (Diversität ('Diversity') im Kontext der modernen Geisteswissenschaften: 'Diversity' im Fokus der germanistischen Literaturwissenschaft. Diversität in der Architektur der deutschen Sprache) : материалы XIX съезда Российского союза германистов; Смоленск, 25 — 27 ноября 2021 г. / гл. ред. А. В. Иванов. — Москва : ФЛИНТА, 2022. — 564 с.

ISBN 978-5-9765-5084-1

В том включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XIX съезде Российского союза германистов «Разнообразие в контексте современного гуманитарного знания: «Diversity» в фокусе литературоведения. Разнообразие в архитектуре немецкого языка», прошедшем в онлайн-формате при поддержке Смоленского государственного университета 25 — 27 ноября 2021 года. На съезде были представлены лингвистические и литературоведческие доклады, посвященные проблематике разнообразия в немецком языке и немецкой литературе. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов и конференций германистов, проводимых в рамках РСГ. Входящие в данный том статьи отражают актуальное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в различных областях гуманитарного знания.

ISBN 978-5-9765-5084-1

УДК 811.112.2; 821.112.2

ББК 80

ISSN 2782-2605

9 772782 260002 >

© НГЛУ, 2022

© Авторы, 2022

© Издательство «ФЛИНТА», 2022

Registered by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communication,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of Registration PI No. FS77-81832 dated August 31, 2021

E d i t o r i a l B o a r d :

Ivanov, Andrey V., PhD (advanced) in Philology, Professor (editor-in-chief),
Babenko, Nataliya S., PhD in Philology, Senior Researcher (executive editor, Linguistics),
Bakshi, Nataliya A., PhD (advanced) in Philology, Professor (executive editor, Literary Studies),
Belobratov, Aleksandr V., PhD in Philology, Associate Professor,
Belyutin, Roman V., PhD (advanced) in Philology, Associate Professor,
Dubinin, Sergey I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Grishayeva, Lyudmila I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Nikonova, Zhanna V., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Poluboyarinova, Larisa N., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Troshina, Natal'ya N., PhD in Philology, Leading Researcher,
Zherebin, Aleksey I., PhD (advanced) in Philology, Professor

R e v i e w e r s :

Demyankov, Valeriy Z., PhD (advanced) in Philology, Professor
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Kudryavtseva, Tamara V., PhD (advanced) in Philology, Leading Researcher
(Department of European and American Contemporary Literature,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

Germanic Philology in Russia : Yearbook of the Russian Union of Germanists / Russian Union of Germanists ; Nizhny Novgorod State Linguistics University. Vol. 19 : Diversität ('Diversity') im Kontext der modernen Geisteswissenschaften : 'Diversity' im Fokus der germanistischen Literaturwissenschaft. Diversität in der Architektur der deutschen Sprache (Diversity in the Context of Modern Humanities: 'Diversity' in the Focus of Literary Studies. 'Diversity' in the Architecture of the German Language) : Proceedings of the 19th Congress of the Russian Union of Germanists; Smolensk, November 25 — 27, 2021. — Moscow : FLINTA, 2022. — 564 c.

ISBN 978-5-9765-5084-1

The volume includes articles based on reports made at the 19th Congress of the Russian Union of Germanists “Diversity in the Context of Modern Humanitarian Knowledge: ‘Diversity’ in the Focus of Literary Studies. ‘Diversity’ in the Architecture of the German Language”, held online with the support of Smolensk State University on November 25 — 27, 2021. The Congress participants presented linguistic and literary papers related to the issues of diversity in the German language and German literature. The yearbook continues to publish articles on the proceedings of the congresses and conferences held by the Russian Union of Germanists. The articles included in this volume reflect the current state of Russian Germanists’ research activities in various fields of humanitarian knowledge.

ISBN 978-5-9765-5084-1

© LUNN, 2022
© Authors, 2022
© FLINTA Publishers, 2022

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	11
ЛИНГВИСТИКА	13
<i>Бабаева Р. И.</i> Дискурсивная палитра функционирования лексемы Diversity в немецкоязычном медиапространстве	14
<i>Бабенко Н. С.</i> Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке	29
<i>Белютин Р. В.</i> О многообразии перспектив исследования дискурса немецких спортивных фанатов	50
<i>Беспалова Е. В.</i> Целевые группы в виртуальном дискурсе немецких национальных парков	65
<i>Birkhardt A.</i> Diversität und die (deutsche) Sprache	82
<i>Быкова О. И.</i> Диатопическая, диастратическая и диамедийная вариативность в стратификации современного немецкого языка	106
<i>Grischajewa L. I.</i> Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel	120
<i>Дюбо Б. А.</i> Немецкий контекст начала становления языкового стандарта в русской грамматикографии	145
<i>Иванов А. В., Байкова О. В.</i> Топ: этимология и история лингвистического термина	160
<i>Катаева С. Г.</i> «Пластиковые слова» — вокабуляр универсального кода	184
<i>Кобенко Ю. В., Костомаров П. И.</i> Эндогlossные тенденции функционирования диалектов немецких переселенцев в межконтинентальной перспективе (XVII — XXI века)	198
<i>Kostrowa O. A.</i> Theoretische Probleme der funktionalen Diversität der Sprache bei Elise Riesel und ihre Entwicklung in zeitgenössischer Germanistik	217
<i>Lachhein B., Awerkina L. A., Nikonowa Sh. V.</i> Sprachgebrauchs- weisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher Umbrüche in Deutschland	233
<i>Meier-Vieracker S.</i> Zwischen Gay Pride und archaischer Männlichkeit: Linguistische Perspektiven auf Diversität unter Fussballfans	246

<i>Maslakova-Clauberg N. I., Clauberg R.</i> Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel	263
<i>Москвина Т. Н.</i> Семантические процессы в диалектной лексике: аспекты изучения	274
<i>Nefedowa L. A.</i> Lexikalische Diversität der Sprache: Reichtum oder Überflüssigkeit? (Am Beispiel der deutschen Lexik 2020/2021).....	289
<i>Parr R.</i> Sprachliche Diversität im deutschen Fernsehen, oder: Wie man monolingualen deutschsprachigen Zuschauerinnen und Zuschauern Fremdsprachlichkeit vermittelt	307
<i>Трошина Н. Н.</i> Интернационализация науки и языковая диверсификация научного дискурса	325
<i>Fix U.</i> Radikales Umdenken in der Stilistik. Elise Riesels funktionaler, sozialer, pragmatischer Stilbegriff.....	342
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	353
<i>Абрамов П. В.</i> Аутопоэзис и рекурсия в <i>Поэзии и правде</i> И. В. Гёте.....	354
<i>Васкиневич А. И.</i> Культурный трансфер в <i>Итальянских</i> <i>сказках</i> Клеменса Брентано.....	367
<i>Вольский А. Л.</i> Многоликая идентичность: размышления на тему немецкого национального мифа	385
<i>Горбачевская С. И., Меркиш Т. А.</i> Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык: проблемы и решения	401
<i>Дронова О. А.</i> Текст города в берлинской трилогии Уве Тимма	421
<i>Жеребин А. И.</i> Два стиля: Шиллер и Шекспир.....	438
<i>Зусман В. Г., Зусман Н. Д.</i> Diversity на границе слова и музыки (на материале новеллы Ф. Грильпарцера <i>Бедный</i> <i>музыкант</i> и рассказа А. П. Чехова <i>Скрипка Ротшильда</i>).....	448
<i>Ишимбаева Г. Г.</i> Интенции мюнхенского текста Г. Розендорфера	461
<i>Сибирцева В. Г.</i> Лирика Клопштока в русских переводах XIX и XX веков	473
<i>Смирнова Т. П.</i> Многоязычные цитаты в немецких транслингвальных нарративах	492
<i>Федяева Т. А.</i> Исторические драмы Феликса Миттерера как феномен тирольского текста в австрийской литературе	506
<i>Цветков Ю. Л.</i> Эстетический плюрализм литературного кружка «Молодая Вена»: прорыв в модернизм	524

РЕЦЕНЗИИ.....	538
<i>Аверина А. В.</i> Межнаучный трансфер в анализе немецкого художественного текста. Рец. на кн.: <i>Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В.</i> Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты: монография / под общ. ред. О. А. Костровой. М.: Флинта, 2021. 312 с.	
	539
<i>Awerkina S. N., Lachhein B.</i> Jewgenij Tschirikow neu lesen. Рец. на кн.: Tschirikow, Jewgenij. <i>Das Tier aus dem Abgrund.</i> Übersetzung von Christine Hengevoss. Coesfeld: Elsinor Verlag. (Im Druck).....	
	545
<i>Бабенко Н. С.</i> Из истории взаимодействия двух культур в XIII — XVI веках: немецкой и русской. Рец. на кн.: <i>Сквайрс Е. Р., Мальков А. В.</i> Новгородская скра. Издание, перевод, исследования. М.: Языки Славянских Культур, 2020. 216 с.	
	551
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	558

CONTENTS

Editorial Foreword	11
LINGUISTICS	13
<i>Babayeva R. A.</i> The Discourse Palette of Lexeme Diversity Functioning in the German-language Media Space.....	14
<i>Babenko N. S.</i> The Phenomenology of Impersonality and its Syntactic Projections in German.....	29
<i>Belyutin R. V.</i> On the Diversity of Perspectives for Researching the Discourse of German Sports Fans	50
<i>Bespalova Ye. V.</i> Target Groups in Virtual Discourse of German National Parks.....	65
<i>Burkhardt A.</i> Diversity and (the German) Language	82
<i>Bykova O. I.</i> Diatopic, Diastratic and Diamedial Variability in the Stratification of Modern German	106
<i>Dyubo B. A.</i> The German Context at the Beginning of the Language Standard Formation in Russian Grammaticography.....	145
<i>Fix U.</i> Radical Rethinking in Style. Elise Riesels Functional, Social, Pragmatic Term of Style.....	342
<i>Grishayeva L. I.</i> Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression	120
<i>Ivanov A. V., Baykova O. V.</i> <i>Ton</i> : Etymology and History of the Linguistic Term.....	160
<i>Katayeva S. G.</i> “Plastic Words” — the Vocabulary of the Universal Code..	184
<i>Kobenko Yu. V., Kostomarov P. I.</i> Endoglossic Tendencies in the Functioning of German Settlers’ Dialects in the Intercontinental Perspective (17 th — 21 st Centuries).....	198
<i>Kostrova O. A.</i> Theoretical Problems of Functional Language Diversity by Elise Riesel and their Development in Modern German Studies.....	217
<i>Lachhein B., Averkina L. A., Nikonova Zh. V.</i> Linguistic Usage in Times of Profound Social Upheaval in Germany	233
<i>Maslakova-Clauberg N. I., Clauberg R.</i> Swiss German in a Changing World....	263
<i>Meier-Vieracker S.</i> Between Gay Pride and Archaic Masculinity: Linguistic Perspectives on Diversity among Football Fans	246
<i>Moskvina T. N.</i> Semantic Processes in Dialect Vocabulary: Aspects of Study.....	274
<i>Nefedova L. A.</i> Lexical Diversity of Language: Richness or Surplusness? (Exemplified by the German Vocabulary 2020/2021) ...	289
<i>Parr R.</i> Linguistic Diversity on German Television, or How to Communicate Foreign Languages to Monolingual German Viewers	307

Contents

<i>Troshina N. N.</i> Internationalization of Science and Linguistic Diversification of Scientific Discourse	325
LITERARY STUDIES	353
<i>Abramov P. V.</i> Autopoiesis and Recursion in <i>Dichtung und Wahrheit</i> by J. W. Goethe	354
<i>Dronova O. A.</i> City Text in the Berlin Trilogy by Uwe Timm	421
<i>Fedyayeva T. A.</i> The Historical Dramas of Felix Mitterer as a Phenomenon of the Tyrolean Text in Austrian Literature	506
<i>Gorbachevskaya S. I., Merkish T. A.</i> Wolfgang Borchert translated into Russian: Problems and Solutions	401
<i>Ishimbayeva G. G.</i> Intentions of the Munich Text by H. Rosendorfer	461
<i>Sibirtseva V. G.</i> Poems by Klopstock in Russian Translations of 19 th and 20 th Centuries	473
<i>Smirnova T. P.</i> Multilingual Quotations in German Translingual Narratives	492
<i>Tsvetkov Yu. L.</i> Aesthetic Pluralism of the Literary Circle “Young Vienna” is Breakthrough into Modernism	524
<i>Vaskinevich A. I.</i> Cultural Transfer in Clemens Brentano’s <i>Italian Fairy Tales</i>	367
<i>Volskiy A. L.</i> Diverse Identity: the Motives of the German National Myth....	385
<i>Zherebin A. I.</i> Two Styles: Schiller and Shakespeare	438
<i>Zusman V. G., Zusman N. D.</i> “Diversity” on the Border of Word and Music (Based on the Story <i>The Poor Musician</i> by F. Grillparzer and the Story <i>Rothschild’s Violin</i> by A. P. Chekhov)	448
REVIEWS	538
<i>Averina A. V.</i> Interscientific Transfer in the Analysis of German Literary Text. Book Review: Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel’kina, Oksana V. (2021) <i>Nemetskiy</i> <i>khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul’turnyye aspekty</i> (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta.	539
<i>Averkina S. N., Lachhein B.</i> Reread Yevgeniy Chirikov. Book Review: Tschirikow, Jewgenij. <i>Das Tier aus dem Abgrund</i> . Übersetzung von Christine Hengevoss. Coesfeld: Elsinor Verlag. (In Print).....	545
<i>Babenko N. S.</i> From the History of the Interaction of two Cultures in the 13 th — 16 th Centuries: German and Russian. Book Review: Squires, Yekaterina R., & Malkov, Anton V. (2020) <i>Novgorodskaya skra.</i> <i>Izdaniye, perevod, issledovaniya</i> (Novgorod Skra. Edition, Translation, Research). Moscow: LRC Publishing House	551
LIST OF CONTRIBUTORS	561

ОТ РЕДАКЦИИ

XIX съезд Российского союза германистов, прошедший в Смоленске 25 — 27 ноября 2021 г., был посвящен теме разнообразия («Diversity / Diversität») в контексте современного гуманитарного знания.

Обращение к проблематике, связанной с понятием Diversity, обусловлено интересом современных гуманитарных наук к пока еще содержательно не вполне освоенному понятию из области социологии / социальной психологии и не вполне дискурсивно адаптированному для применения в разных сферах знания.

Изучать какой-либо объект под знаком Diversity значит развенчивать или, во всяком случае, ставить под вопрос представление о его целостности, показывать условность его границ, как много разного он в себя вобрал и как он по всем линиям способен развиваться в разных направлениях. Понятие Diversity очень широкое, но его можно конкретизировать и в смысле трансформации «исконного» путем заимствований, и в смысле дихотомического деления объекта на две взаимоисключающие части, и в смысле интердискурсивного или интертекстуального выхода за границы текста. Как принцип исследования понятие Diversity присутствует повсюду, где что-либо, казавшееся ранее замкнутым смысловым единством, размыкается и оборачивается разнообразием.

Diversity означает признание равноценности гетерогенных элементов системы языка и системы литературы, их центра и периферии, необходимость изучения исторической динамики этих систем как их возрастающей дифференциации, процесса формирования «своего», культурной идентичности в диалогическом процессе восприятия и трансформации «чужого», выявление ценности

«другого» как фактора развития, а не объекта подчинения и подавления. Акцент при этом переносится на принципиальную незавершенность, открытость, внутреннюю противоречивость структур и дискурсов.

Тематика съезда носила поисковый характер и отражала попытку представить проблематику, связанную с понятием Diversity, применительно к вызовам, стоящим перед современной германистикой, которая расширяет границы своих интересов в разных направлениях, вступая в контакты с разными дисциплинами, но сохраняет при этом опору на свой научный инструментарий и концентрирует внимание на значимых для дальнейшего развития знания проблемных вопросах литературоведческой и лингвистической германистики. Существующий опыт изучения языков и литератур в рамках Diversity-Studies имеет некоторые предварительные результаты, но говорить о сложившейся концепции данного направления исследований еще рано.

Предлагаемый выпуск Ежегодника РСГ «Русская германистика» состоит из статей, подготовленных в основном по материалам сделанных на съезде докладов, которые отражают общее понимание организаторами и участниками съезда феномена «Diversity / разнообразие».

ЛИНГВИСТИКА

LINGUISTICS

Р. И. Бабаева

Ивановский государственный университет

ДИСКУРСИВНАЯ ПАЛИТРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ DIVERSITY В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается вопрос о том, какое место занимает англицизм Diversity в системе немецкого языка, выявляются парадигматические и синтагматические связи данного слова. В основе подхода лежит методика дискурсивного анализа, описание слова опирается на его употребление. Материалом исследования являются немецкоязычные тексты, представленные в медиапространстве, а также корпусы современного немецкого языка. Анализ опирается на авторитетные лексикографические источники, описывающие современное состояние немецкого языка. В рамках исследования выявляются типичные контексты употребления анализируемой лексической единицы, освещаются экстралингвистические условия, определяющие интеграцию иноязычного слова в систему современного немецкого языка. Дискурсивный анализ позволяет показать, что внедрение анализируемого слова в немецкую речь и далее в немецкий язык является результатом влияния глобализационных процессов на язык.

Ключевые слова: немецкий язык; англицизмы; дискурс; медиапространство; экономический дискурс; политический дискурс

1. Введение

Как известно, язык находится в постоянном движении, изменения имеют характер постепенного эволюционирования, поэтому носители языка не всегда могут осознавать эти изменения. Что же касается лексического уровня, то преобразования этого аспекта языка происходят в более короткий период, поэтому они могут осознаваться носителями языка — представителями одного поколения, лексические единицы могут восприниматься как неологизмы, как устаревшие или устаревающие слова. Появление новых слов, изменение значения слова вызваны процессами, происходящими в жизни общества. При этом инновации одних аспектов в языке могут вызвать преобразования в смежных частях системы языка.

Иногда языковые перемены являются не столь очевидными, носители языка не сразу осознают, что за, казалось бы, незначи-

тельным вербальным преобразованием стоит важное экстралингвистическое явление, которое касается того, что происходит в обществе. Выяснить эти глубинные общественные процессы позволяет дискурсивный анализ лексических единиц, опирающийся на обширные базы данных — корпусы, в которых представлены тексты и в которые интегрированы инструменты статистического лингвистического анализа. Зафиксированные в хранящихся текстах слова — это материальные носители информации, а их употребление является индикатором нематериальных сущностей — идей и общественных отношений. Через отклонения от стандарта в употреблении слов можно заметить изменения, происходящие во взглядах и оценках носителей языка.

Медиатексты и медиадискурс, в которых слова употребляются не только как источник информации, но и как средство воздействия, представляют для лингвистов особый интерес, потому что они, с одной стороны, позволяют выявить важные особенности, свойственные языку как средству познания и коммуникации в специфических условиях медиапространства, а, с другой, —

«любой анализ использования языка в медиапространстве помогает в конечном итоге раскрыть особенности ценностной картины мира общества в определенный период времени» (Гришаева 2014: 25).

Проникновение английского слова *diversity* в немецкий язык не привлекло внимание исследователей, так как оно очень похоже на те слова, которые уже не одно столетие существуют в данном языке — *divers*, *Diversität* (OWID). Словари иностранных слов пока не фиксируют *diversity* как элемент системы немецкого языка, исключением являются словарь, интегрированный в корпус DWDS, который описывает это слово уже по нормам немецкого языка — указывается артикль, и существительное пишется с большой буквы (DWDS), а также лексикон англицизмов (ANGLIZISMEN-INDEX) Общества немецкого языка, где это слово еще имеет графический образ, соответствующий нормам английского языка.

Для лингвистов может представлять интерес ответ на вопрос, чем вызвано появление иноязычной лексической единицы в современном немецком языке, если язык уже располагает словами с похожей семантикой. По наблюдениям Л. А. Нефедовой, «язык стремится устранять абсолютные синонимы», «каждое иноязычное слово при интегрировании в лексическую систему

языка-реципиента, занимает свою нишу, встраиваясь в системные отношения с автохтонной лексикой» (НЕФЕДОВА 2012: 39).

2. Материал и методы исследования

В рамках данной статьи рассмотрим вопрос о том, какое место англицизм *Diversity* занимает в системе современного немецкого языка, попытаемся указать наиболее типичные контексты употребления этого слова и выявить экстралингвистические факторы, определяющие дискурсивную палитру функционирования слова *Diversity* в современной немецкой речи, а также попытаемся понять причины заимствования немецким языком данной лексемы.

На первом этапе проведенного исследования был установлен состав группы лексических единиц с семантикой «многообразия». Материалом данного анализа послужили онлайн-словари современного немецкого языка (Duden, DWDS, OWID, Wortschatz). Целью этого сравнительного анализа было выяснить, что отличает слово *Diversity* от близких по семантике лексических единиц.

На втором этапе основное внимание уделялось работе с корпусом DWDS и корпусом университета г. Лейпцига, чтобы установить время проникновения анализируемого слова в немецкий язык медиапространства, определить основные контексты употребления этого англицизма и выявить экстралингвистические факторы, способствующие заимствованию данной иноязычной лексемы современным немецким языком.

На последующем этапе для верификации выявленных тенденций и гипотез привлекались дополнительные медиатексты, которые пока не вошли в использованные для анализа корпуса (*DIVERSITY IN DEUTSCHLAND* 2016; SCHIEDERIG 2013; и др.).

Базовыми понятиями для анализа стали идеи и термины теории дискурса, представленные в работах отечественных и зарубежных авторов (АРУТЮНОВА 1998; КАРАСИК 2004; SPITZMÜLLER, WARNKE 2011).

3. Основные результаты исследования

3.1. Парадигматические отношения лексемы *Diversity*

Состав лексической группы с семантикой многообразия можно определить на основе словарей современного немецкого языка, так как в них в словарной статье описываемой единицы, как правило, указываются соответствующие синонимы.

Анализируемый в статье англицизм, как указывалось выше, подробно описывается как отдельная единица в словаре корпуса

DWDS, где дается указание, что такое же значение, как и у слова *Diversität*, в немецком языке имеют слова *Vielfalt*, *Spektrum* (DWDS). При дальнейшем обращении к словарным статьям указанных единиц состав лексической группы со значением многообразия был дополнен единицами, указанными как синонимическая группа соответствующего слова.

У слова *Vielfalt* в качестве синонимов указаны две группы: первая включает *Abwechslung*, *Differenziertheit*, *Diversität*, *Mannigfaltigkeit*, *Vielfalt*, *Vielfältigkeit*, *Vielzahl*, вторая — *Gesamtheit*, *Palette*, *Spektrum*, *Summe*, *Vielfalt*. В первой, вероятно, подчеркивается «разнообразие», а во второй акцент делается на компоненте «единство, состоящее из составных частей».

Duden у леммы *Vielfalt* указывает 19 лексических единиц, которые представлены в трех группах: нейтральные слова — *breite Skala*, *Buntheit*, *Fülle*, *große Auswahl*, *großes Angebot*, *Klavatur*, *Palette*, *Reichhaltigkeit*, *Reichtum*, *Universum*, *Variationsbreite*, *Verschiedenartigkeit*, *Vielfältigkeit*, *Vielgestaltigkeit*; слова возвышенного стиля (*gehoben*) — *Mannigfaltigkeit*, *Mannigfaltigkeit*; слова образные (*bildungssprachlich*) — *Diversifikation*, *Diversität*, *Spektrum* (DUDEN).

При сравнении описаний значений указанных слов было установлено, что у леммы *Diversity* при описании значения происходит конкретизация «многообразия», это многообразие касается только социальной сферы, и при этом у данной единицы на первый план выходит уточнение, что это слово представляет собой концепт, суть которого состоит в поддержке «равенства шансов» и в устранении дискриминации:

«organisatorisches und gesellschaftspolitisches Konzept, das Chancengleichheit fördern und Diskriminierung abbauen soll, indem es einen bewussten, respektvollen und wertschätzenden Umgang mit Individualität, Vielfalt und Heterogenität verfolgt» (DWDS).

Ни у одного из указанных слов группы со значением «многообразие» не указано в толковых словарях, что они являются концептами.

В связи с этим становится очевидным, что англицизм *Diversity* не является полным синонимом ни одного из слов группы «многообразие». Кроме того, это слово в системе немецкого языка может считаться элементом и еще одной парадигмы, которая включает слова со значением «концепт», например, *Entwurf*, *Kon-*

zept, Konzeption, Plan.

Выбор из ряда немецких слов с близкой семантикой англицизма в качестве номинации «социального разнообразия», вероятно, имеет и определенный прагматический смысл. В. М. Алпатов отмечал, что использование номинаций иногда может быть проявлением действия мягкой силы в области языка:

«Крупнейшие лингвисты и философы языка (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и др.) постоянно говорили о том, что одна из важнейших функций языка заключается в членении мира. Многообразные элементы и явления человеку необходимо расчленить и охарактеризовать. Что-то мы называем сложным описательным образом, а что-то называем одним словом или устойчивым сочетанием слов (одной номинацией). И в последнем случае эта номинация закрепляет некоторое представление носителей языка о мире; то множество явлений, которое язык считает объединяемым в одной номинации, трактуется как единство, а их отличия от того, что называется иначе, расцениваются как существенные» (АЛПАТОВ 2015: 27).

Рассматриваемое слово, вероятно, является в современном немецкоязычном медиапространстве номинацией определенной концепции:

«Zu den klassischen Dimensionen des Diversity Managements gehören Alter und Geschlecht, religiöse Prägungen, Behinderungen sowie sexuelle Orientierungen» (DWDS);

«Diversity ist eines der großen Schlagwörter unserer Zeit» (WORTSCHATZ).

При сравнении употребительности лексической единицы Diversity с частотностью синонимичных слов Vielfalt и Diversität (данные за период с 1946 г. по 2022 г.) можно заметить, что рассматриваемый англицизм лишь в конце XX в. стал частью парадигмы слов со значением ‘многообразие’ (DWDS).

Слово Vielfalt является лексической единицей, у которой в словаре Duden указывается одно значение ‘Fülle von verschiedenen Arten, Formen o. Ä., in denen etwas Bestimmtes vorhanden ist, vorkommt, sich manifestiert; große Mannigfaltigkeit’, стилистических особенностей у данной лексемы не указано. На основе данных корпуса DWDS было отмечено, что это немецкое слово употреблялось в медиапространстве на протяжении всего указанного периода, но начиная с 90-х гг. прошлого века отмечается повышение частотности его использования. В основном же корпу-

се, который включает разнообразные тексты, это слово фиксируется с 1900 г., после чего начинается постепенное увеличение частотности его употреблений.

Лексическая единица *Diversität*, как указывается в словаре Duden, является заимствованием из латинского языка и имеет стилистическую помету *bildungssprachlich*, в словаре на базе корпуса университета г. Лейпцига указывается, что это слово употребляется в текстах технической, химической, социологической тематики (WORTSCHATZ). В газетных текстах корпуса DWDS оно зафиксировано с 1983 г. Резкий рост его использования, согласно графическим данным корпуса, приходится на 2016 год. В то же время в корпусе, содержащем тексты различной тематики, отмечается, что данное слово встречалось раньше, чем это указано для газетных текстов, и в отдельные периоды характеризовалось значительной степенью употребительности в немецком языке. Вероятно, это связано с его использованием в научных текстах, например, в философских книгах.

Англицизм *Diversity* встречается только в газетном корпусе, его функционирование в немецком языке начинается в конце 90-х гг. прошлого века. Язык, вероятно, заимствовал это слово из английского языка вместе с явлением, которое оно обозначает, то есть для номинации многообразия в обществе, которое соотносится с определенными группами населения и которое внедряется целенаправленно в немецкую культуру. Употребление данной единицы происходит преимущественно в немецкоязычном медиапространстве. В отличие от слов *Vielfalt* и *Diversität*, которые также активно используются в современных газетных текстах, при употреблении *Diversity* не возникает неоднозначностей, так как оно обозначает не просто многообразие, а оно является номинацией конкретного концепта, заимствованного из американской действительности. В этой связи дискурсивный анализ англицизма *Diversity* позволяет в полной мере понять содержание «импортируемого» концепта, а это значит, определить семантику и прагматические элементы значения данного слова как компонента лексикона немецкого языка.

3.2. Типичные контексты употребления лексики Diversity

При рассмотрении типичных контекстов анализируемого англицизма в немецкоязычном медиапространстве мы опирались на понятие «дискурс», поэтому далее описываются выяв-

ленные контексты в рамках определенных типов дискурса.

Как уже отмечалось, согласно данным DWDS, слово Diversity появилось в немецкоязычном медиапространстве в 1993 г. и постепенно с каждым годом все чаще и чаще становилось составным элементом немецкоязычных текстов, в 2021 г. в данном корпусе было зафиксировано в газетных текстах 471 употребление данной лексической единицы. Первые употребления этого слова соотносились с экономической тематикой и экономической выгодой, поэтому целесообразно большинство контекстов, в которых используется англицизм Diversity, отнести к экономическому дискурсу.

3.2.1. Экономический дискурс

В текстах экономической тематики анализируемое слово встретилось в таких сочетаниях как Diversity-Management, Diversity Manager, Diversity-Industrie, Diversity-Arbeitgeber. Это свидетельствует о том, что акторами / действующими лицами в ситуациях экономического дискурса, где речь идет о многообразии / Diversity, являются Unternehmen, Arbeitgeber, Arbeitnehmer, Industrien, Manager, Mitarbeiter, т. е. все те, кто вовлечен в экономические отношения. В текстах экономической тематики, где употребляется слово Diversity, упоминаются или подразумеваются те, кто образует это «многообразие» / Diversity-Dimensionen — 1) представители разных возрастных групп (Dimension Alter, altersgemischte Teams, alle Generationen); 2) представители разных этносов и национальностей (Migranten); 3) представители разнообразных групп, которые выделяются по критерию половой принадлежности (Geschlechtliche Identitäten sind mit männlichen, weiblichen, trans* und inter* Menschen sehr vielfältig); 4) люди с ограниченными возможностями (Mitarbeitende, die körperlich oder geistig behindert sind); 5) представители различных религиозных конфессий и вероисповеданий (Menschen mit ganz unterschiedlichen Religionen und Überzeugungen); 6) люди разной сексуальной ориентации (Mitarbeitende unterschiedlicher sexueller Identität); 7) люди, имеющие различное социальное происхождение и разнообразный уровень образования (Menschen aus unterschiedlichen sozialen Herkunftfen) (CHARTA).

Местом действия для данных групп в экономическом дискурсе являются предприятия, фирмы, концерны, рынок труда — «Sie interessiert sich besonders für die Rolle von Diversity in der neuen Arbeitswelt» (WORTSCHATZ). «Das Thema Diversity ist in den

letzten Jahren zu einem regelrechten Buzzword in Unternehmen geworden» (WORTSCHATZ). «Die Tech-Unternehmen haben sich nämlich Diversity in ihren Unternehmenszielen sehr sichtbar auf die Fahne geschrieben» (WORTSCHATZ); «Auf Diversity, also Vielfalt hinsichtlich Alter, Nationalität und Geschlecht, setzen vor allem internationale Konzern» (DWDS).

Реализация концепта в фирмах и на предприятиях является важным управляемым процессом, которым занимаются специальные сотрудники, отвечающие за данное направление: Diversity-Aktivitäten, Diversity Management, eine Ansprechperson für Diversity, der Beauftragte für Diversity, Head of Diversity and Inclusion, der Berater für Diversity.

Вовлеченность концепта, обозначаемого словом Diversity, в экономическую сферу опирается на документ *Charta der Vielfalt. Für Diversity in die Arbeitswelt*, который подписали многие немецкие предприятия и фирмы, внедряющие принципы концепции «многообразия»:

«4500 Unternehmen und Institutionen haben die Charta der Vielfalt bisher unterzeichnet und setzen sich für ein wertschätzendes und vorurteilsfreies Arbeitsumfeld ein. Der Verein repräsentiert damit 14,6 Millionen Arbeitnehmende in Deutschland» (CHARTA).

Эти предприятия разрабатывают свои стратегии «многообразия»: «In diesem Rahmen bildet auch das Thema Diversity eine feste Säule der Unternehmensstrategie» (WORTSCHATZ).

В текстах экономической тематики, где мы встречаем слово Diversity, концепт МНОГООБРАЗИЕ в немецкоязычном медиапространстве описывается как выгодный фактор и самое лучшее для предприятий:

«Der Berliner Mittelständler ist Vorsitzender des Unternehmerverbandes Deutsche Telematik Gesellschaft Telematics-Pro und hat in den Mitgliedsbetrieben von ganz klein bis ganz groß beobachtet, dass „Diversity“ für die Unternehmen am besten ist und auch beim Kunden am besten ankommt» (DWDS);

как маркетинговый инструмент:

«In den nächsten Jahren wird sich zeigen, ob die Unternehmen den Weg hin zu mehr Diversity wirklich konsequent gehen oder es nur als Marketing-Instrument benutzen» (WORTSCHATZ);

как фактор экономического процветания и успеха:

«Die Vielfalt der Belegschaft als Erfolgsfaktor erkennen, fördern, wertschätzen — und dadurch wirtschaftliche Erfolge steigern, das ist der Grundgedanke des Diversity Managements (DiM)» (FACTBOOK 2021).

Те, кто внедряют концепт МНОГООБРАЗИЕ, более успешны в плане получения выгоды и производства продукции:

«Unternehmen, die insgesamt mehr auf Diversity, das heißt einen ausgeglicheneren Mix aus Alter, Geschlecht und Herkunft setzen, seien profitabler, produktiver und an der Börse wertvoller» (WORTSCHATZ).

Частью корпоративной культуры немецких фирм и предприятий становятся специальные дни, посвященные «многообразию», Diversity & Inclusion Days.

Критические суждения о многообразии в немецкоязычном экономическом дискурсе встречаются не так часто:

«Häufig sehen Personalverantwortliche Diversity als Ballast an statt als Bereicherung, beobachtet Neuhof» (WORTSCHATZ).

О взаимосвязи концепта DIVERSITY и экономического дискурса могут свидетельствовать статистические данные о наиболее частотных словах, сопровождающих лексему Diversity, генерированные на основе базы данных университета г. Лейпцига: на первом месте по частотности указывается сочетание Diversity Management (688 употреблений), среди типичных «со-седей» указываются слова Unternehmen, Strategie (WORTSCHATZ).

3.2.2. Политический дискурс

Действующими лицами политического дискурса являются партии, общественные движения, политики. Эти номинации встречаются в текстах с Diversity, которые посвящены политическим темам (DIVERSITÄTSPOLITIK 2012; WAHLPRÜFSTEINE 2017).

Политические партии также могут присоединиться к *Charta der Vielfalt*.

«Wir Freie Demokraten sind 2013 als erste Partei dem Bündnis „Charta der Vielfalt“ beigetreten, welches seine Mitglieder auf ein Diversity Management in der eigenen Organisation verpflichtet. Wir sehen es als politischen und gesellschaftlichen Auftrag an, das Thema Diversity Management voranzutreiben» (WAHLPRUEFSTEINE 2017).

В политических структурах, так же как и в фирмах, есть ответственные за распространение идей концепта МНОГООБРАЗИЕ, например: der Diversity Manager der SPD, die Vorsitzende des Fachausschusses Diversity der Berliner FDP, специальные

комиссии, такие как der «Fachausschuss „Chancengleichheit und Diversity“».

Политические объединения рассматривают «многообразие» как возможность получить для себя выгоды, например, об успехах в этой области сообщает СПГ:

«Da auf der gesellschaftspolitischen Ebene mit der Steuerung und Nutzung von Diversity im Rahmen einer Politik der Vielfalt zahlreiche positive Effekte verbunden sind, prägt Diversity die unterschiedlichen Programme des Bundes. So gelten beispielsweise beim Bundesprogramm „Demokratie leben!“ Gender-, Diversity Mainstreaming und Inklusion als Leitprinzipien und Voraussetzungen für die Förderung der Projekte. In diesem Sinne sollte Diversity-Mainstreaming als ganzheitlicher Ansatz, im Sinne einer Querschnittsaufgabe und unabhängig vom jeweils federführenden Ressort, bei Bundesprogrammen stets mitgedacht werden» (WAHLPRÜFSTEINE 2017).

Немецкие партии еще недостаточно внимания уделяют вопросам «многообразия», за что порой подвергаются критике: «Mangelnde Diversity bei CDU und CSU» (DWDS).

Положительные эффекты от внедрения Diversity-Mainstreaming определяются как positive Effekte и Förderung der Projekte.

3.2.3. Дискурс искусства и культуры

Реализация концепта МНОГООБРАЗИЕ в рамках искусствоведческого дискурса проявляется в проведении специальных фестивалей, балов, в открытии специализированного музея, в учреждении специальных премий.

В этой связи были выявлены такие сочетания как der Diversity Ball, «Die Swiss Diversity Award Night findet am Samstagabend zum zweiten Mal statt» (WORTSCHATZ), Wiener Diversity Ball, Frauenrechten und Diversity und Berlinale, Art & Diversity Festival, Diversity und Sexismus in der Musik.

Искусство призвано воздействовать на взгляды и мировосприятие людей и, как подтверждает один из примеров, киноискусство, так же как и политика, должно формировать diversity, то есть соответствующее отношение к этническому и гендерному многообразию общества:

«Dunaway sagte noch, der beste Film solle „unser Denken verändern“, und Beatty ergänzte, mit ihm solle die diversity, also die ethnische und geschlechtliche Vielfalt der Gesellschaft, abgebildet werden — „ein Ziel sowohl der Politik als auch der Filmkunst“» (DWDS).

«Культура многообразия» порой представляет собой сочета-

ние классических и новых форм, как, например, Diversity Ball в Вене:

«Am 9. Mai 2020 verwandelt der Diversity Ball den Kursalon Wien in einen spektakulären Ort gelebter Vielfalt, wo das Zusammentreffen klassischer Balltradition und moderner Partykultur zu einem unvergesslichen Fest der Lebensfreude wird» (WORTSCHATZ).

3.2.4. Образовательный дискурс

Участниками образовательного дискурса являются преподаватели, студенты, участники различных тренингов и курсов, исследователи, школьники. В текстах немецкоязычного пространства очень часто упоминаются проректоры или другие административные работники учебных заведений, которые являются ответственными за внедрение концепта МНОГООБРАЗИЕ в сфере образования: Prorektorin der Universität und verantwortlich für Diversity Management; Dozentin für Diversity; «Heute haben auch andere Unis in der Leitung Verantwortliche für Diversity, darunter etwa Bremen und die TU München» (DWDS).

В университетах открываются учебные курсы, посвященные «многообразию»: Gender- und Diversitykompetenz, «Die Universität Witten-Herdecke startet voraussichtlich im September 2007 einen ersten Masterstudiengang zu Diversity Management in Europa» (DWDS), Angebote und Beratung der Diversity-Koordination für Studierende, Diversity-Angebote und -Projekte der Universität Osnabrück für Studierende, Gender- und Diversity Trainings.

Университеты, так же как и фирмы, объединились в единую сеть, чтобы реализовывать идеи программы «многообразие» в высшей школе:

«die Stärkung der Diversity- und Antidiskriminierungs-Aktivitäten an Hochschulen sowie die Institutionalisierung von Diversity-Strategien und -Strukturen an Hochschulen anstreben» (NETZWERK).

В рамках учебного дискурса англицизм Diversity употребляется в контекстах, где речь идет об учебных мероприятиях, например: die Workshops zu Diversity und Toleranz, Studiengang Gender- und Diversitykompetenz; научных исследованиях и конференциях: die zahlreichen Studien über den Zusammenhang zwischen Gender, Diversity und Organisationserfolg, die 4. St. Galler Diversity & Inclusion Tagung an der Universität St. Gallen, German Diversity Monitor 2021, «Diversity Management — Eine neue Managementkultur der Vielfalt», «Diversity statt Integration», «Diversity für morgen», «Migra-

tion — Integration — Diversity», «Diversity an der Universität», Diversity-Diskurse, Diversity-Paradigmen (NETZWERK).

Местом действия ситуаций образовательного дискурса, содержащего слово Diversity, являются не только университеты, академии, но и школы, где реализуются проекты о «многообразии»: «Die Wolfsburger Schüler überzeugten mit dem Projekt „Diversity: Wir sind bunt, wir sind mehr!“» (WORTSCHATZ). Специальные тренеры Diversity Coachings проводят консультации и тренинги по развитию навыков «многообразия».

4. Выводы

Слово Diversity было заимствовано немецким языком для обозначения концепта, пришедшего в немецкоязычную реалью из американской жизни, его распространение в немецком языке может быть свидетельством того, что В. И. Карасик называет «импортом концептов» (КАРАСИК 2004: 188). Это слово является номинацией социального проекта, поэтому оно, с одной стороны, является частью тематической группы слов со значением 'многообразие', а с другой стороны, входит в лексический ряд единиц со значением 'концепт/проект'. Рассматриваемый англицизм не является абсолютным синонимом ни к одному из слов немецкого языка, так как он обозначает многообразие не в общем виде, а конкретное социальное разнообразие и является номинацией концепта, связанного с определенными темами; кроме того, как показал проведенный анализ, заимствованное слово Diversity в немецком медиапространстве является прагматически маркированным, так как оно сопровождается позитивной оценочностью.

Как конкретный социальный проект, продвигающий определенные ценности, он охватывает различные стороны немецкоязычной действительности, о чем свидетельствуют употребление слова в различных типах дискурса. В рамках статьи мы остановились только на основных дискурсах — экономическом, политическом, искусствоведческом и образовательном. Для каждого из анализируемых типов дискурсивных практик характерны наиболее распространенные сочетания, которые связаны с доминантными темами дискурса, с участниками и с местом действия, характерными для определенного дискурса.

Ряд сочетаний встретились во всех рассмотренных типах дискурса, что свидетельствует о сходных процессах, связанных с реализацией конкретного концепта. Это говорит и о том, что те-

мы в разных дискурсивных условиях касаются одних и тех же проблем (Diversity-Themen), а процесс реализации данного концепта является не спонтанным, а хорошо управляемым (Diversity Management) на различных уровнях специальными чиновниками (Manager für Diversity, Berater für Diversity, Coutcher für Diversity, Diversity-Expertin). Политика многообразия касается определенных социальных групп, выделяемых на основе биологического / социального рода, этнической принадлежности, физических возможностей, возраста, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, социального происхождения. Это явление заимствовано из американского общества и позиционируется как стремление к обеспечению равноправия всех указанных групп.

Лексическая единица Diversity является прагматически насыщенной: с одной стороны, уже само употребление англоязычной формы слова имеет целью показать престижность продвигаемого явления, а с другой стороны, это слово сопровождается лексическими единицами с положительной коннотацией — *Bereicherung, Gewinn, Erfolg, Innovation, Kreativität, Toleranz, Offenheit, gut, besser, am besten.*

Анализ функционирования англицизма Diversity в немецком медиапространстве показал, что реализация принципов, составляющих суть концепта социального многообразия, оказывает влияние и на систему немецкого языка, и на речевые нормы, что может быть объектом специального рассмотрения.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алпатов В. М.* «Идеология, выраженная в языке» и политологическая лингвистика // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сб. трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера / ред. Н. С. Бабенко и др. М.: Буки Веди, 2015. [Alpatov, Vladimir M. (2015) "Ideologiya, vyrazhennaya v yazyke" i politologicheskaya lingvistika ("Ideology expressed in Language" and Political Linguistics). In Babenko, Nataliya S., & al. (eds) *Profili yazyka: sotsiolingvistika, natsional'noye varyirovaniye, perevodovedeniye, kontrastivnaya stilistika* (Language Profiles: Sociolinguistics, National Variations, Translation Studies, Contrastive Stylistics). Moscow: Buki Vedi. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136—137. [Arutyunova, Nataliya D. (1998) *Diskurs* (Dis-

- course). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Yazykoznanije. Bol'shoj entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistics. A Big Encyclopedic Dictionary). Moscow: Big Russian Encyclopedia, 136—137. (In Russian)].
- Гришайева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. [Grishayeva, Lyudmila I. (2014) *Paradoksy medialingvistiki* (Paradoxes of Media Linguistics). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2012. [Nefedova, Lyubov' A. (2012) *Inoyazychnaya leksika v sovremenном nemetskom yazyke: inoyazychnaya leksika v kontekste zaимstvovaniya i slovoobrazovaniya* (Foreign Language Vocabulary in Modern German: Foreign Language Vocabulary in the Context of Borrowing and Word Formation). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Anglizismenindex: Verein Deutsche Sprache. Retrieved from <https://vds-ev.de/3d-flip-book/anglizismenindex>.
- Charta der Vielfalt. (2006) Für Diversity in der Arbeitswelt. Retrieved from <https://www.charta-der-vielfalt.de>.
- Diversitätspolitik. (2012) Strategien für mehr kulturelle Vielfalt im politischen Mitgliederorganisationen. Bonn: Friedrich Ebert Stiftung.
- Diversity in Deutschland. (2016) Studie anlässlich des 10-jährigen Bestehens der Charta der Vielfalt. Stuttgart: Ernst & Young GmbH.
- DUDEN — Online-Wörterbuch. Retrieved from <http://www.duden.de>.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- ФАКТBOOK — Factbook Diversity. (2021) Positionen, Zahlen, Argumente. Charta der Vielfalt. Berlin: Charta der Vielfalt e. V.
- NETZWERK — Netzwerk Diversity an Hochschulen. Retrieved from <https://netzwerk-diversity.de>.
- OWID — Ein Angebot des IDS, Leibniz-Institut für deutsche Sprache. Retrieved from <https://www.ids-mannheim.de/onlineangebote>.
- Schiederig, Katharina. (2013). *Mythos Diversity: Personalpolitiken in transnationalen Unternehmen*. Frankfurt: Campus Verlag.
- Spitzmüller, Jürgen, & Warnke, Ingo H. (2011) *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.

WAHLPRÜFSTEINE — Wahlprüfsteine der internationalen Gesellschaft für Diversity Management (idm) zur Bundestagswahl 2017: Diversity-Politik in Deutschland. (2017) Berlin: idm.

WORTSCHATZ — Wortschatz Universität Leipzig: Korpus Deutsch. Retrieved from <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de>.

Raisa I. Babayeva
Ivanovo State University

The Discourse Palette of Lexeme *Diversity* Functioning in the German-language Media Space

This article discusses the place of anglicism *Diversity* in the system of the German language, reveals the paradigmatic and syntagmatic connections of this word. The approach relies on the method of discursive analysis; the description of the word is based on its use. The study material is the German-language texts presented in the media space, the corpus of the modern German language. The analysis rests on authoritative lexicographic sources describing the current state of the German language. The study identifies typical contexts for the use of the analyzed lexical unit, highlights extralinguistic conditions that determine the integration of a foreign word into the modern German language system. Discursive analysis allows us to show that the introduction of the word *Diversity* into German speech and further into the German language is the result of globalization influence on the language.

Keywords: German; Anglicism; discourse; media space; economic discourse; political discourse

Для цитирования:

Бабаева Р. И. Дискурсивная палитра функционирования лексемы Diversity в немецкоязычном медиапространстве // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 14—28.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-14-28.

To cite this Article:

Babayeva, Raisa I. (2022) Diskursivnaya palitra funktsionirovaniya leksemy *Diversity* v nemetskoazychnom mediaprostranstve (The Discourse Palette of Lexeme *Diversity* Functioning in the German-language Media Space). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 14—28. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-14-28.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022; принята к публикации 28.03.2022
The article was submitted 28.03.2022; accepted for publication 28.03.2022*

Н. С. Бабенко
Институт языкознания РАН

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ И ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается категория безличности, которая маркируется в немецком языке элементом *es* местоименного происхождения; он исконно развивал устойчивые признаки особого рода и использовался как оператор безличности. Автор анализирует данный феномен немецкого языка, опираясь на материал словарей, положения теоретических грамматик, стилистики, практики перевода. В статье систематизируются представления о разнообразии функций элемента *es*, не обладающего семантическими признаками; выявляются связи с разными уровнями системы языка (морфологического, синтаксического, лексического, фразеологического, стилистического); определяется грамматический статус элемента *es* и его нагрузка в реализации категорий, профильных для функционирования немецкого языка. На основании полученных данных делается попытка обосновать наличие признаков идиоэтничности в развитии категории безличности в немецком языке.

Ключевые слова: категория безличности; элемент *es*; маркер безличности; грамматические категории; рематизация; идиоэтничность

1. Введение

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать масштабы присутствия *es* в строе немецкого языка, возможности его использования в составе немецкой речи и роль данного элемента в реализации основных законов и категорий немецкого языка. Среди грамматических категорий безличность занимает в немецком языке особое положение благодаря активному участию в ее выражении элемента *es*, который присутствует в разных по своей природе и назначению языковых конструкциях. Если опираться на метафору И. И. Ревзина о «мирах», описание которых лежит в области грамматики, гарантирующей правильное построение фраз из области обыденных смыслов, то применительно к элементу *es* эта метафора работает идеально точно: «миры», которые описываются в немецком языке при участии «словечка *es*», по выражению В. Г. Адмони, весьма разнообразны и нетривиальны

как по своему формальному выражению, так и по когнитивному, коммуникативному, семантическому и стилистическому содержанию, что делает элемент *es* идиоэтнически значимым маркером немецкого языка, с помощью которого обеспечивается режим безличности в сугубо специфических формах, требующих изучения и категоризации как в рамках системы, так и в рамках коммуникативного подхода к функционированию языка.

2. Безличность и ее категориальные свойства

Безличность в самом общем смысле представляет собой категорию, которая указывает на то, что действие, выраженное глаголом, носит отвлеченный характер, то есть не соотносено непосредственно с самим субъектом действия. Возможность упразднения агенса и тем самым обезличивания предложения является некоторой универсалией, которая по-разному представлена в языках и обеспечивается в каждом языке своим набором средств для выражения отношений личного и безличного.¹

По И. И. Ревзину, «значение безличности есть комбинаторное значение, возникающее в сочетании с местоимением *es*, которое устраняет идею действующего лица. В принципе, любое личное высказывание может быть превращено в безличное, если имеется возможность устранить представление о деятеле. Условием такого устранения служит исконная непереходность глагола, то есть замкнутость действия на самом себе» (РЕВЗИН 2009: 225).

В отечественной германистике при интерпретации грамматической природы «обезличивания», маркером которого в немецком языке считается элемент *es*, особо подчеркивается тяготение к одноактантности, к снижению членимости описываемого события действительности (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 110). Весьма наглядной иллюстрацией этого явления может служить фрагмент из Части 2 *Фауста* Гёте.

¹ Тяготение к «обезличиванию» признается достаточно важной характерологической особенностью русского языка в сравнении с немецким (НАЙДИЧ & ПАВЛОВА 2015: 270), что проявляется на разных уровнях системы русского языка, связанной с невысокой степенью его номинативности (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & МОНаХОВ 1983: 155). О типологически характерных возможностях перевода безличных предложений (на материале русского, украинского и немецкого языков) см. в (ИВАНОВА 1969).

Ihr glücklichen Augen,
Was je ihr gesehn,
Es sei, wie *es* wolle,
Es war doch so schön! (ГОЕТНЕ 1948: 342)

В общем определении безличности содержится целый ряд других моментов частного характера.² Обращает на себя внимание тот факт, что безличные конструкции в немецком языке отличаются предельным сужением валентности, то есть сокращением числа актантов глагола, что позволяет сконцентрировать высказывание на факте устранения субъекта. Типично безличными являются конструкции с элементом *es*, обозначающие процессы природы; они отличаются в немецком языке исторической устойчивостью функционирования, число «безличных глаголов» редко пополняется новыми единицами, если не считать окказиональные случаи: *es* blitzt, *es* regnet, *es* schneit, *es* dämmert и др.³ В такого рода конструкциях отмечается высокая концентрация внимания на выраженном предикатом коммуникативном событии, которое имеет место быть в данный момент и не зависит от фактической временной формы глагола. В зону развития данной безличной модели предложения с *es* попадают также и другие семантические группы глаголов, выражающие внутренние состояния или ощущения (см. примеры ниже). Значение, которое возникает благодаря наличию в безличной конструкции элемента *es*, в когнитивном отношении «голового», по

² О трактовке в германистике близких понятий «безличность» и «бессубъектность» см. в (АБРАМОВ 1967: 361–363; DOVAL 2011: 229).

³ Не получили широкого употребления образования *es* herbstet, *es* frühlingt, *es* tagt и т. д. (РЕВЗИН 2009: 225). Вместе с тем безличное *es* исконно было довольно широко представлено в немецком языке; нередко оно выделялось на письме апострофом в случае постпозиции по отношению к глаголу или к другой части речи: «Wer sich in Fürsten weiß zu schicken, dem wird's heut oder morgen glücken» (J. W. Goethe). В целом для немецкого языка характерна большая устойчивость основных типов предложения на всем протяжении его обозримого пути. В связи с рассматриваемой в данной статье темой важным представляется замечание В. Г. Адмони об исчезновении такого типа предложения, как двн. *snivít* 'идет снег' или *quidit*, совпадающим с рус. 'говорят' — с пропуском местоимения-подлежащего, которое фактически выражалось в личном окончании глагола (АДМОНИ 1935: 17).

выражению И. И. Ревзина, является коммуникативно нагруженным: оно реализуется при необходимости указать на факт существования некоторой коммуникативной ситуации, которая не зависит от субъекта.

Категория безличности в немецком языке, проявляющаяся наиболее ярко и полно в типичных для немецкого языка конструкциях с безличными глаголами при участии элемента *es*, обнаруживается во множестве других синтаксических образований. Это дает основание несколько расширить представление о специфике данной категории в немецком языке, принимая во внимание факты довольно широкой употребительности *es* как строевого элемента системы немецкого языка, с помощью которого происходит обезличивание высказываний в целях фокусирования содержания в его коммуникативных границах. Для понимания языкового феномена, связанного с использованием *es*, существенным представляется теоретическое обобщение, сделанное И. И. Ревзиным:

«Когнитивное содержание предложения можно сопоставить с понятием «диктум» у Ш. Балли. В немецком языке имеется даже формальное средство выделения диктума: это то, что можно заменить на *es* (...на *es* заменяется некомуникативная часть сказуемого, но это же *es* может быть ссылкой на все предложение — вне зависимости от того, выступает ли его содержание как коммуникативно оформленное или в виде конденсата)» (РЕВЗИН 2009: 36).

3. Литературно-художественное осмысление феномена безличности Т. Манном

Рассмотрение проблематики, связанной с выражением безличности в немецком языке и ролью элемента *es*, уместно предварить иллюстрацией из текста первой главы романа Томаса Манна *Der Erwählte* (1951).⁴

«Wer läutet?

Glockenhall, Glockenschwall supra urbem, über die ganze Stadt, in ihren von Klang überfüllten Lüften! Glocken, Glocken, sie schwingen und

⁴ На этот лингвистически значимый и яркий фрагмент первой главы последнего романа Т. Манна *Избранник* обратил внимание И. И. Ревзин (РЕВЗИН 2009: 225–226). В статье предлагается несколько расширенная интерпретация развиваемого Манном метаязыкового дискурса, его лингвистического смысла и стилистической нагрузки в романе.

schaukeln, wogen und wiegen aushokend an ihren Balken... sie reden auf einmal und alle einander ins Wort, ins Wort auch sich selber: an dröhnen die Klöppel und lassen nicht Zeit dem erregten Metall, dass *es* ausdröhne, da dröhnen sie pendelnd an am anderen Rande, ins eigene Gedröhne, also dass, *wenn's* noch *halle* „In te, Domine, speravi“, so *halle es* auch schon „Beati quorum tecta sunt peccata“, hinein aber *klinglelte es* hell von kleineren Stätten... Von den Hohen *läutet es* und aus der Tiefe... vom Aventin *läutet's*... *es läutet* über dem Grabe...

Wer läutet die Glocken? Glöckner nicht. Die sind auf die Strasse gelaufen wie alles Volk, da *es* so ungeheuerlich *läutet*... Wird man sagen, dass *niemand* sie *läutet*? Nein, nur ein ungrammatischer Kopf ohne Logik wäre der Aussage fähig: „*Es läuten die Glocken*“, das meint: *sie werden geläutet* und seien die Stuben auch noch so leer. — *Wer also läutet die Glocken Roms?* — Der Geist der Erzählung. — Kann denn der überall sein...? An hundert weihlichen Orten auf einmal? Allerdings das vermag er. Er ist luftig, körperlos, allgegenwärtig, nicht unterworfen dem Unterschiede von Hier und Dort. *Er ist es*, der spricht: „Alle Glocken lauteten“, und folglich ist *er's*, *der sie läutet*. So geistig ist dieser Geist und so abstrakt, dass *grammatisch* nur *in der dritten Person* von ihm die Rede sein und *es* lediglich heißen kann. „*Er ist's*“. Und doch kann er sich zusammenziehen zur Person, nämlich zur ersten, und sich verkörpern in jemandem, der in dieser spricht: „*Ich bin es*. Ich bin der Geist der Erzählung“...» (MANN 1980: 7–8).

Комментарий.

Фрагмент из романа Манна дает множество поводов для наблюдений над синтаксическим потенциалом элемента *es* и его способности участвовать в выражении художественно значимых смыслов, а также для анализа его структурной (формальной) роли в составе целого ряда синтаксических построений. С помощью *es* — безличной языковой единицы, лишенной собственной семантики, используемой в разных синтаксических комбинациях, — автор романа создает атмосферу безличного (нереферентного) повествования, предваряя введение в повествование главного героя, каковым является *er* (Geist der Erzählung) — личное местоимение 3 л. ед. ч. На личный вопрос: *Wer läutet?* даются безличные ответы: *wenn's* noch *halle* „In te, Domine, speravi“, so *halle es* auch schon „Beati quorum tecta sunt peccata“, hinein aber *klinglelte es* hell von kleineren Stätten... Von den Hohen *läutet es*...

Обращает на себя внимание использование в тексте глагола *läuten*, который относится к группе глаголов, обозначающих

шумовые эффекты и способных выступать как в личной форме (переходные), так и в безличной форме (непереходные).⁵ Глагол *läuten* варьирует свою грамматическую форму, появляясь то в личном, то в безличном качестве, что создает интригу повествования и перспективу его развития от противопоставления двух сущностей к их соединению в конструкции: *Er ist es; Ich bin es.*

Личное употребление глагола <i>läuten</i>	Безличное употребление глагола <i>läuten</i>
<i>Wer also läutet die Glocken Roms?</i>	<i>von den Hohen läutet es...</i>
<i>Wird man sagen, dass niemand sie läutet?</i>	<i>vom Aventin läutet's...</i>
<i>Alle Glocken läuteten folglich ist er's, der sie läutet</i>	<i>es läutet über dem Grabe da es so ungeheuerlich läutet...</i>

Контрапунктом тонкой метаязыковой рефлексии автора является контаминация личного и безличного в конструкции *Es läuten die Glocken*, которую автор в контексте своего повествования не признаёт грамматически приемлемой несмотря на ее формальную правильность и реальную возможность ее преобразования в пассивную форму: *sie (die Glocken) werden geläutet.*⁶ Грамматическая правильность этих построений с точки зрения системы немецкого языка входит, однако, в противоречие с их семантической алогичностью в контексте романа и поэтому отвергается автором как аграмматичная, не отражающая сути описываемого явления действительности.

Фрагмент из романа Манна интересен не только в плане соотношения личного / безличного и способов их выражения, но также специфическим для немецкого языка разнообразием использования элемента *es* в разных функциях как структурной единицы синтаксиса.

4. Зоны «грамматической ответственности» элемента *es*

Глубина проникновения элемента *es* в систему немецкого языка весьма велика. *Es* не имеет ограничений по линии персональности и одушевленности / неодушевленности в отличие от

⁵ В эту группу, помимо *läuten*, входят глаголы *klingeln, krachen, klopfen, knarren, knacken, rascheln, rauschen, scheppern.*

⁶ В словаре DWDS зафиксирована возможность такого употребления следующим примером: *es läute ständig die Alarmglocke, aber es gebe keine Reaktion (ARCHIV DER GEGENWART, Bd. 49, 31.01.1979, DWDS).*

местоимения *man*, которое не употребляется с неодушевленными глаголами (РЕВЗИН 2007: 247). Несопоставимый с *man* объем выполняемых элементом *es* функций порождает многообразие интерпретаций этого слова в лексикографии и в грамматической традиции.

Благодаря своему местоименному происхождению *es* является полноправной единицей словаря. Прямое значение *es* прочно удерживается в местоименной парадигме немецкого языка в 3-м л. ед. ч., и как чисто грамматическая единица *es* является субститутим имени предшествующего контекста. Обозначение *es* как «безличное местоимение» оправдано только по отношению к местоименной парадигме. Подобно местоимению *man*, оно не участвует в противопоставлении по роду, числу и падежу. Эти свойства местоименного *es*, подчеркивающие его неопределенность и обобщенность, оказываются весьма значимыми для маркирования безличности в ее разных проявлениях.

Словарные толкования *es* весьма разнообразны и дают материал для некоторых важных обобщений. Например, в словаре Германа Пауля *es* рассматривается под леммой «*er*» и анализируется как особый, неординарный случай развития местоимения, которое входит в состав разных синтаксических образований: от чисто местоименной единицы словаря через обобщенно-безличное, дейктическое употребление к разнообразным по своей структуре и семантике конструкциям с разной степенью идиоматизации и облигаторности в них элемента *es* в качестве вспомогательного (формального) средства. Пауль приводит богатый эмпирический материал, который демонстрирует большой спектр употреблений *es* в современном автору словаря языке немецкого языка. В исторической части словарной статьи показано, что немецкому языку были присущи синтаксические образования с исконно генитивным *es*, которое выступало составной частью глагольных комплексов: *es* (*dessen*) *ist zu viel*; *ich erinnere mich's*; *ich bin es satt*. В такого рода высказываниях исторически произошло, согласно Паулю, перераспределение падежных форм генитива, аккузатива и номинатива с сохранением безличного элемента *es* в составе глагольных конструкций как рефлекса прошлого развития языка (PAUL 1956: 160–162). Из словарных материалов Пауля становится очевидным вывод о несводимости явлений, связанных с употреблением *es* в немец-

ком языке, к единому шаблону и о неоднозначности интерпретаций случаев вхождения *es* в состав синтаксических образований. Следует отметить, что не вполне очевидными остаются основания для группирования явлений, связанных с использованием *es*, в разнообразных конструкциях и оборотах; автор обращает внимание на отдельные важные детали (например, отмечает ошибочность некоторых толкований *es* в грамматиках и словарях), но вопрос о природе широкого присутствия элемента *es* в немецком языке остается непроясненным.

Материал более поздних толковых словарей немецкого языка, например, Дудена (DUDEN 1989: 463), демонстрирует несколько иной подход к массиву разнообразных эмпирических данных об использовании элемента *es*. В общей сложности выделяются четыре группы явлений в зависимости от синтаксических отношений, которые реализуются между *es* и другими сегментами (членами) предложения. На большом количестве примеров в словаре Дуден демонстрируется разнообразие существующих в немецком языке возможностей соединения *es* с предметом информации в ее логико-грамматическом выражении: 1) *Es* в качестве личного местоимения замещает именованного среднего рода или другие, известные из контекста имена независимо от рода (Wie ist das Buch? — *Es* ist gut); 2) *es* устанавливает связь между частями высказывания (er bat mich darum und ich tat *es* auch); *es* предвещает появление субъекта высказывания или придаточного предложения (*es* fielen die ersten Tropfen); включается в высказывания обобщающего характера (*es* ist genug); 3) *es* выступает в качестве субъекта в безличных предложениях: при обозначении природных явлений, физических и эмоциональных состояний (*es* regnet), при указании на конкретное событие или на создавшуюся конкретную ситуацию (*es* brennt!), в предложениях состояния (*es* ist Nacht) или образа действия (*es* war schon spät), в пассивных (*es* wurde gelacht) и рефлексивных конструкциях (hier wohnt *es* sich gut); 4) *es* присутствует в качестве формального объекта в некоторых глагольных образованиях (er hat *es* weit gebracht). Важно подчеркнуть, что приводимые в словаре Дуден примеры использования *es* в немецкой речи могут быть сгруппированы и на иных основаниях, например, относительно семантики глагольного предиката, степени идиоматизации конструкций, логико-грамматического устройства конструкций или

их коммуникативного назначения.⁷

Следует признать, что систематизация случаев употребления *es* в словарях неизбежно оказывается сопряжена с противоречиями в отнесении того или иного явления к определенной группе явлений; она не может претендовать на полноту охвата данной языковой сферы и безоговорочно преодолевать фактор исключительной разнородности эмпирического материала.

Данные словарей отчетливо показывают, что значение *es* является нулевым с точки зрения прямой денотативной связи; его безличность, связанная с местоименным происхождением, соотнесена с разного рода целостными коммуникативными ситуациями; *es* — маркер попадания в фокус внимания некоторого обобщенного высказывания, в котором существует безличный сегмент, не имеющий непосредственной денотативной связи с объектами действительности, но указывающий на разного рода ситуации, в том числе и шаблонного и рутинного характера.

Разнообразие и нетривиальность способов обезличивания высказывания в немецком языке с помощью элемента *es*, не имеющего, кроме случаев местоименного употребления, собственной семантики, с большой долей очевидности обнаруживаются при межязыковом сопоставлении с русским языком даже в словарном формате. Так, в двуязычном немецко-русском словаре под ред. Д. О. Добровольского слово *es* как лемма сопровождается следующими комментариями:

«заменяет повторяющийся предикатив; *не переводится*»; «формальный объект; *не переводится*»; «в функции формального подлежащего; *не переводится*»; «начинает предложение при перемещении подлежащего за финитный глагол; *не переводится*»; «в катифорической функции; *не переводится*» (БНРС 2008: 882).

В нормативных грамматиках современного немецкого языка свойства слова *es* и условия его употребления рассматриваются как неоднозначная проблема, имеющая множество аспектов и толкований; отмечается особый статус *es* в силу многообразия его использования в отличие от личных местоимений 3-го л. ед. ч. *er* и *sie*; подчеркивается большой интерес исследователей разных школ к этой проблематике, в которой обнаруживаются многие

⁷ Подробнее о различиях в структуре словарных статей разных эпох см. в (ИВАНОВ 2021).

противоречивые явления грамматики немецкого языка (EISENBERG 1986: 184). Так, вопрос об облигаторности / факультативности *es* в составе некоторых конструкций и высказываний относится к разряду нетривиальных проблем немецкой грамматики, и здесь нет единого представления на предмет рекомендаций для нормативного употребления *es*. Облигаторно оно присутствует в ряде конструкций с нулевым аргументом (*Impersonalia*), которые обозначают погодные, световые, температурные и тому подобные явления (подробнее см. в [DOVAL 2011: 228–230]). Наблюдения над использованием *es* в предложениях показывают, что оно может оказаться факультативным элементом, если стоит не в начальной позиции: если безличное предложение открывается не с помощью элемента *es*, то вопреки закономерностям немецкого языка в плане высокой степени номинативности *es* опускается без ущерба для смысла высказывания.⁸ Вместе с тем сформулировать условия, при которых *es* облигаторно входит в структуру предложения, оказывается весьма проблематичной задачей (EISENBERG 1986: 187), решение которой, по всей видимости, лежит не столько в теории грамматики, сколько в изучении коммуникативных типов оформления высказываний.

В новейших грамматиках современного немецкого языка *es* рассматривается в двух грамматических статусах: как местоименное слово, входящее в парадигму личных местоимений и связанное с категорией лица, и как слово, не имеющее референта (антецедента) и соотносящееся с разнообразными синтаксическими употреблениями *es*, которые могут быть сгруппированы вокруг трех типичных для немецкого языка явлений (ZIFONUN & al. 1997: 38).

1. Фиксированное, постоянное *es* (*fixes Es*) присуще глаголам, выражающим природные явления, эмоциональные состояния, а также глаголам с значением существования.

Es donnert.

Es gibt nichts, was es nicht gibt.

⁸ В. Г. Адмони многократно обращал на это внимание в связи с трактовкой двусоставности немецкого предложения, а также явлений инверсии: *Es wird hier gearbeitet / Hier wird gearbeitet; Es hungert mich / mich hungert* (АДМОНИ 1955).

2. Эксплетивное *es* (*expletives Es*)⁹ маркирует первую позицию в предложении.

Es ritten drei Reiter zum Tore hinaus.

Es hat die Nachtigal die ganze Nacht gesungen.

Занимая первую позицию в высказывании, *es* является всего лишь формальным элементом, на месте которого может стоять иной член предложения, при этом *es* как не подлежащий передвижению с первой позиции элемент редуцируется в предложениях с иной структурой.

Drei Reiter ritten zum Tore hinaus.

Die Nachtigal hat die ganze Nacht gesungen.

С точки зрения выражаемого содержания *es* не имеет существенного значения: это слово сопровождает финитный глагол, будучи в постпозиции к нему, и образует с глаголом единую синтагму, которая может перемещаться внутри предложения как целое.

3. Коррелятивное *es* (*korrelatives Es*) открывает позицию для катафорического выделения в предложении запольной части: *Er findet es gut, dass du kommst.*

Очевидно, что компактное описание основных функций *es* в Немецкой грамматике академического типа, выполненной коллективом германистов под руководством Гизелы Цифонун, не охватывает все зоны «грамматической ответственности», которые обнаруживаются у элемента *es* на разных уровнях системы языка и во всех регистрах немецкой речи (литературной, быденной, стандартной, возвышенной, научной, поэтической, публицистической и т. д.).

Если попытаться даже конспективно представить обширную картину употреблений *es* в многообразных связях этого элемента с разными уровнями системы немецкого языка (лексического, морфологического, фразеологического, синтаксического и пр.), то можно получить весьма наглядный материал для размышлений над статусом *es* и его нагрузкой в реализации катего-

⁹ «*Expletiv* — из лат. лингв. а. Вставной элемент, слово-паразит, (семантически избыточное слово или выражение; б. Вставной элемент (в теории управления и связывания — семантически «пустой» элемент типа местоимения *es*)» [БНРС 2008: 895]).

рий, профильных для немецкого языка.

5. Проекция элемента *es* в системе немецкого языка

1. С помощью элемента *es* обеспечивается грамматическая полнота предложений, их обязательная в немецком языке формальная двусоставность, или двучленность, которая означает, что основными структурными чертами элементарного предложения является наличие подлежащего и сказуемого. В формально-двусоставных моделях предложения элемент *es* является сателлитом глагола и позиционно располагается главным образом в его зоне.¹⁰

Es ist kalt.

Es hat einen anderen Grund

Es wird wärmer.

2. Элемент *es* входит в состав классических безличных предложений и указывает на отсутствие референции к прочим объектам действительности, кроме тех, которые названы в предикате: *Es hagelt*; *Es brennt*; *Es geht*. Безличность в немецком языке имеет двусоставную природу и маркируется элементом *es*, который выполняет типизирующую функцию «обезличивания» представленного в высказывании события, в чем немецкий язык существенно отличается от русского, где «обезличивание» встречается намного чаще и в более разнообразных формах (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & МОНАХОВ 1983: 151).

3. Элемент *es* управляет порядком слов в предложении и не допускает того, чтобы стилистически нейтральное повествовательное предложение начиналось личной формой глагола. *Es* прикрывает, защищает личную форму глагола, смещая ее на типичное второе место.

Es lacht der Mai!

Der Wald ist frei

Von Eis und Reifgehänge (J. W. Goethe)

Es werde Licht!

4. Элемент *es* участвует в назывании исходного момента высказывания и, попадая в начальную позицию, вызывает инверсию, благодаря чему все высказывание оказывается «под прикрытием» (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ 2004: 118).

¹⁰ Вполне оправдано представление об *es* как составной интегральной части глагола (ENGEL 1994: 155).

Dein Paul grüßt dich / *Es* grüßt dich dein Paul.

По этой причине *es* квалифицируется как вводящее слово, как «заполнитель» первого места в предложении.

5. Формула *es* gibt + Akk. занимает особую позицию в немецком языке в силу своей структурной целостности, легкой выделяемости в высказывании, прозрачности значения, а также частотности употребления. Она служит идеальным индикатором значения экзистенциальности, то есть указания на существование некоего объекта и возможность его выделения из соответствующей предметной области. После *es* gibt часто ставится неопределенный артикль:

Es gibt so was wie einen Hintergrund.

Wegen der Corona-Pandemie gibt *es* eine deutlich geringere Zahl an Gästen als üblich.

Объяснить эту закономерность в терминах определенности-неопределенности трудно, и на этот счет существуют разные точки зрения. Можно предположить, что формула *es* gibt как целостное образование маркирует значение существования вне связи с какой-либо определенностью, а неопределенный артикль (как и отрицательный артикль *kein* = *nicht ein*) существительного в аккумулятиве только усиливает это значение, если принять во внимание, что неопределенный артикль передает добавочную идею экзистенциальности (РЕВЗИН 2009: 119).

6. *Es* как вводящий формальный элемент, прикрывающий личный глагол на второй позиции высказывания,¹¹ несет также категориально-грамматическую нагрузку, которая заключается в том, что *es* выступает типизирующим элементом, сигнализирующим наличие или отсутствие некоторого описываемого предложением «события» и иницирующим микротему.¹²

7. Элемент *es* довольно активно контактирует с глагольной лексикой, образуя устойчивые глагольные конструкции с уча-

¹¹ Относительно грамматической природы *es* в начале предложения среди грамматистов нет единства (РЕВЗИН 2009: 74).

¹² По наблюдения А. В. Авериной, предложения, содержащие местоимение *es* в первой позиции, нередко попадают в начало абзаца и открывают «описание» как тип текста (АВЕРИНА 2021: 91). Это свойство особенно типично для зачинов в сказках и песнях: *Es* lebte einmal eine alte Königin.

ствием *es* на облигаторной основе. При этом элемент *es*, пустой в семантическом отношении, подчеркивает обобщенный характер высказывания, его «обезличенность», которая усиливается за счет семантической пустоты глагола: *es geht um...*; *es handelt sich um...*; *es lohnt sich...*; *es gelingt...*; *es scheint...*; *es heißt...*; *es kommt darauf an*, *es klappt...* и др. Список таких конструкций довольно велик (БАБЕНКО 2021a), они обслуживают разные регистры немецкой речи; их функция — участвовать в назывании исходного момента высказывания и фокусировать внимание на факте смены перспективы.

«*Es kommt alles darauf an, dass man die Zeit wohl braucht und keine Stimmung versäumt*» (J. W. Goethe).

8. Довольно большая группа образований с *es* представляет собой сложившиеся речевые формулы, даже если они не рассматриваются в лингвистической традиции как идиоматические (или идиоматизированные) предложения; они выражают определенные эмоциональные состояния в предельно краткой форме: *Es geht gut soweit*; *Es tut weh*; *Es ist mir wohl*; *Es ist nun mal so* и др. К ним примыкают собственно идиомы — живые или ставшие архаичными.

Es ziemt sich nicht für dich ‘тебе не положено (что-то)’;

Es allen recht machen ‘всем угодить’;

Es sich bequem machen ‘устроиться поудобнее’;

Es ist Essig (mit etwas) ‘накрыться медным тазом’.¹³

9. По своему когнитивному значению категория безличности сближается с пассивным залогом (РЕВЗИН 2007: 232). В основе этого сближения лежит идея устранения деятеля в грамматической структуре высказывания, сосредоточение внимания на самом действии. В результате в пассивных конструкциях и в безличных образованиях уменьшается число мест при глаголе: *Der Vorschlag wurde gemacht* — *Es wurde vorgeschlagen*. Вне зависимости от того, занято или нет место подлежащего, в обоих случаях фактический деятель оказывается устраненным. Весьма показательно, что пассивные и безличные конструкции сближа-

¹³ Трактовку этой идиомы см. в (Добровольский 2013: 652). Весьма показательно употребление *es* в конструкциях, содержащих формы конъюнктива в составе предиката: *Es lebe der 1. Mai*; *Wie wäre es, wenn...*; *Es sei erwähnt*; *Sei es wie es will*; *es sei denn...* и др.

ются в немецком языке не только по грамматическим признакам — устранение деятеля, — но и по другим параметрам, где проявляют себя правила порядка слов, а также тенденции к краткости высказывания (РЕВЗИН 2009: 237–238).

10. В русле рассматриваемой проблематики находятся регулярные грамматические явления, специфические для немецкого языка, так называемые, квазистрадательные формы, образованные от непереходных глаголов, например: *Es wird gefeiert*; *Es wird Schritt gefahren* и пр. В действительности это не пассив, ибо «истинный» пассив образуется только от переходных глаголов. В такого рода конструкциях все высказывание с бессубъектным, или иначе безличным пассивом оказывается под прикрытием благодаря *es* в начальной позиции (НАЙДИЧ & ПАВЛОВА 2015: 270). Попадание в первую позицию иного компонента вызывает эмфатический эффект: *Es wird dem Jungen geholfen*, но *Dem Jungen wurde geholfen*.

11. Элемент *es* активно участвует в создании моноремных высказываний разнообразной семантики, что является специфическим для немецкого языка способом маркирования коммуникативной структуры предложения. Так, между бессубъектным пассивом (*Es wird gefeiert*), репрезентативным предложением (*Es ist ein Stuhl*) и семантически безличными (*Es ist Abend*; *Es regnet*) существует сходство в использовании элемента *es*, которое заключается в тяготении к одноактантности и снижению членности описываемого предложением события (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 110).

12. Очевидной является в немецком языке связь элемента *es* с актуальным членением предложения. В немецком языке существует специальная синтаксическая конструкция сложноподчиненного типа, в которой *es* выступает сильным рематизатором. Она используется для размещения ремы в начале предложения. Русского синтаксического соответствия этому явлению нет. Неопределенное *es* используется для эмфатического выделения существительного с развитием высказывания в постпозиции в виде относительного придаточного.

Der Ehemann ist es, der an allem schuld ist.

13. Элемент *es* глубоко укоренился в немецком языке как оператор синтаксических отношений более сложного порядка,

чем те, о которых уже говорилось. В современных грамматиках немецкого языка, например, выделяется *дейктическое es*, устанавливающее связи между частями сложного синтаксического целого. Специфической разновидностью этой функции выступает *кофрелятивное es*, которое открывает позиции как для *анафорического*, но чаще для *катафорического* выделения сегментов сложного предложения. Элемент *es* как дейктическое средство представлено в немецком языке весьма разнообразными синтаксическими структурами и активно используется в дискурсах разных жанров. Весьма отчетливо анафорика и катафорика, сопровождаемая элементом *es*, обнаруживается в научных дискурсах, где система синтаксических связей отмечена сложным характером отношений входящих в высказывание частей целого. В качестве иллюстративного материала, демонстрирующего это весьма типичное для строя немецкого языка явления, предлагаются фрагменты из научного труда Германа Пауля *Принципы истории языка* (PAUL 1937), содержащие синтаксические комплексы с элементом *es* и в анафорической, и в катафорической функциях и демонстрирующие разнообразие синтаксических проекций *es*, обеспечивающего связность сложных синтаксических образований (подробнее см. в [БАБЕНКО 2021б]).

- (1) «Was die Verfasser im Sinne haben, ist nichts anderes als ein Teil... dessen, was man sonst Kulturgeschichte oder Philologie genannt hat, nur auf psychologische Grundlage gestellt... *Es* ist aber keine Gesetzwissenschaft wie die Psychologie und keine Prinzipienlehre oder, um den Ausdruck der Verfasser zu gebrauchen, keine synthetische Grundlage der Kulturgeschichte» (PAUL 1937: 10).
- (2) «Vielmehr ist *es* eine Tatsache von fundamentaler Bedeutung, die wir niemals aus dem Auge verlieren dürfen, dass alle rein psychische Wechselwirkung sich nur innerhalb der Einzelseele vollzieht» (Ibid.: 12).

14. Элемент *es* глубоко укоренился в немецком языке и при необходимости может многократно использоваться в структуре высказывания. Не будучи избыточным словом, *es* выполняет различные функции, в том числе и стилистические. В принципе плотное присутствие элемента *es* в речевых (письменных и устных) формах современного немецкого языка может быть проиллюстрировано практически на любом текстовом материале.

- (1) «*Es*₁ ist ganz einerlei, was man besitzt, *es*₂ fragt sich nur, ob man *es*₃ versteht» (J. W. Goethe).

(2) «“Gregor”, rief es_1 — es_2 war die Mutter —“ es_3 ist drei Viertel sieben”» (КАФКА 1993: 11).

(3) « Es_1 bleibt also dabei, es_2 kann nur eine individuelle Psychologie geben, der man keine Völkerpsychologie oder wie man es_3 sonst nennen mag gegenüber stellen darf» (PAUL 1937: 12–13).

6. Заключение

Представленный в статье языковой материал может служить доказательством исключительно существенной роли элемента *es* как маркера категории безличности в немецком языке. Вопрос о статусе элемента *es* не является тривиальным. Участие *es* в конструировании множества типов высказываний, его связь с кардинальными категориями немецкого языка как в системе, так и в функционировании, отсутствие прямых аналогов в других языках использования неопределенного местоимения, не обладающего семантикой, но формально устойчивого в функции оператора синтаксических отношений как между отдельными словами, так и между предложениями и фрагментами текста — все это дает основание квалифицировать *es* как идиоэтническую особенность немецкого языка. При этом идиоэтничность понимается не в ее исходном толковании — влияние языка на сознание, из чего исходили первые идеологи Ю. Г. Шоттель и др. и позднее В. фон Гумбольдт (РАДЧЕНКО 1997: 43–73), а в лингвокогнитивном аспекте: языковое явление может получить характеристику идиоэтнического, если оно реализует универсальные категории специфическим для данного языка образом и не может быть выражено иными средствами без ущерба для смысла и формы высказывания. Сопряженное с идиоэтничностью понятие национального не несет в современной трактовке признаков, относящихся исключительно к внутренней форме языка; ср. (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 70; КОСТРОВА и др. 2021: 237–277). Специфика ситуации с использованием элемента *es* полностью соответствует представлениям о глубинном, категориально обусловленном признаке строя немецкого языка в его историческом развитии и в современном состоянии с тенденцией к устойчивому использованию во всех регистрах языка.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Адмони В. Г.* Структура предложения // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении / ред. В. М. Жирмунский. М.; Л.: Учпедгиз, 1935. С. 3—26. [Admoni, Vladimir G. (1935) *Struktura predlozheniya*. In Zhirmunskiy, Viktor M. (ed.) *Voprosy nemetskoj grammatiki v istoricheskom osveshchenii* (Issues of German Grammar in Historical Coverage). Moscow; Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House, 3—26. (In Russian)].
- Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. [Admoni, Vladimir G. (1955) *Vvedeniye v sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Introduction to the Syntax of Modern German). Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian)].
- Аверина А. В.* Структурные модели предложений с внешней перспективой в немецком языке // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVII. М.: Флинта, 2020. С. 81—98. [Averina, Anna V. (2020) *Strukturnyye modeli predlozheniy s vneshney perspektivoy v nemetskom yazyke*. In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanistik Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta, 81—98. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Элемент *es* как идиоэтническая особенность немецкого языка: грамматическая теория и языковая практика // Германские и романские языки в высшей школе России. Сб. по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А. Л. Зеленецкого / ред. Н. С. Бабенко. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2021а. С. 11—19. [Babenko, Nataliya S. (2021a) *Element es kak idioetnicheskaya osobennost' nemetskogo yazyka: grammaticheskaya teoriya i yazykovaya praktika*. In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Germankiye i romanskiye yazyki v vysshey shkole Rossii* (Germanic and Romance Languages in the Higher School of Russia). Kaluga: Kaluga State University, 11—19. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Функции элемента *es* в информационной структуре предложения немецкого языка // Гуманитарный полилог. Сб. статей к юбилею Елены Михайловны Чекалиной / ред. И. В. Матыцина. М.: МАКС Пресс, 2021б. С. 11—19. [Babenko, Nataliya S. (2021b) *Funksii elementa es v informatsionnoy structure predlozheniya nemetskogo yazyka*. In Matytsina, Irina V. (ed.) *Gumanitarnyy polilog* (Humanitarian Polylogue). Moscow: MAX Press, 11—19. (In Russian)].
- БНРС — Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Т. 1. / под общ. рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008. [Dobro-

- vol'skiy, Dmitriy O. (ed.) *Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'* (A Big German-Russian Dictionary). In 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST: Astrel. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. Учебное пособие. М.: Академия, 2004. [Zelenetskiy, Aleksandr L. (2004) *Sravnitel'naya tipologiya osnovnykh yevropeyskikh yazykov* (Comparative Typology of the main European Languages). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Просвещение, 1983. [Zelenetskiy, Aleksandr L., & Monakhov, Pyotr F. (1983) *Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of German and Russian Languages). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. [Zelenetskiy, Aleksandr L., & Novozhilova, Olga V. (2003) *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* (Theory of German Linguistics). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Иванов А. В. Словарная статья как особый тип текста (на материале словарных статей с заголовочным словом Akzent) // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. 2021. № 18. С. 377—399. [Ivanov, Andrey V. (2021) *Slovarnaya statya kak osobyuy tip teksta (na materile slovarnykh statey s zagolovochnym slovom 'Akzent'*. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanistik Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 18, 377—399. (In Russian)].
- Иванова Т. А. Типологически характерные возможности перевода безличных предложений (на материале русского, украинского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 663. Львов: Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко, 1969. [Ivanova, Tamara A. (1969) *Tipologicheski kharakternyye sposoby perevoda beslichnykh konstruktсий* (Typologically Characteristic Translation Possibilities of Impersonal Sentences (Exemplified by Russian, Ukrainian and German). Extended abstract of PhD thesis in Philology. L'viv: Lviv State University named after Ivan Franko. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, O'lga A.; Beppalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Найдич Л. Э., Павлова А. В. Грубочист или Лорд? Теория и практика

- немецко-русского и русско-немецкого перевода. СПб.: Златоуст, 2015. [Naydich, Larisa E., & Pavlova, Anna V. (2015) *Trubochist ili lord? Teoriya nemetsko-russkogo i russko-nemetskogo perevoda* (Chimney Sweep or Lord? Theory and Practice of German-Russian and Russian-German Translation). Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].
- Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1. М.: Метатекст, 1997. [Radchenko, Oleg A. (1997) *Yazyk kak mirosozidaniye. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumboldtianstva* (Language as a Creation of the World. The Linguistic and Philosophical Concept of Neo-Humboldtianism. Vol. 1. Moscow: Metatext. (In Russian)].
- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. [Revzin, Il'ya I. (2009) *Struktura nemetskogo yatsika* (The Structure of the German Language). Moscow: United Humanitarian Publishing House). (In Russian)].
- Abramov, Boris A. (1967) Modelle der subjektlosen Sätze im Deutschen. *Deutsch als Fremdsprache*, 4, 361—374.
- Doval, Irene. (2011) Zur Frage der Grammatikalisierung der unpersönlichen Konstruktionen im Deutschen. *Revista de Filología Alemana*, 19, 225—246.
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch A — Z. (1989). Mannheim: Dudenverlag. [2., völlig bearb. u. stark erw. Aufl.].
- Eisenberg, Peter. (1986) *Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Engel, Ulrich. (1994) *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. [3. Aufl.]. (Grundlagen der Germanistik 22)
- Goethe, Johann Wolfgang. (1948) Faust. Eine Tragödie. In *Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bd.* Bd. 3. Hamburg: Christian Wegener.
- Kafka, Franz. (1993) *Die Verwandlung*. Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt/M.
- Mann, Thomas. *Der Erwählte*. Retrieved from https://www.buecher.de/shop/rom/der-erwaehlte-ebook-epub/mann-thomas/products_products/detail/prod_id/41381009. (Stand: 19.01.2022).
- Paul, Hermann. (1897/1956) *Deutsches Wörterbuch*. Bd. 1. Halle (Saale): VEB Max Niemayer Verlag. [5. Aufl.]
- Paul, Hermann. (1937) *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer. [5. Aufl.]
- Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger, & Stecker, Bruno. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 1. Berlin; New York: De Gruyter.

Nataliya S. Babenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**The Phenomenology of Impersonality
and its Syntactic Projections in German**

The article deals with the category of impersonality, which is marked in German by the element *es* of pronoun origin; it originally developed stable characteristics of a special kind and was used as the operator of impersonality. The author analyzes this German language phenomenon, exemplified by the lexical material of dictionaries, the provisions of theoretical grammars, stylistics and translation practice. The article systematizes the ideas about the diversity of functions of the element *es*, which has no semantic features; it reveals the connections with different levels of the language system (morphological, syntactic, lexical, phraseological, stylistic) and determines the grammatical status of the element *es* and its role in the implementation of categories, profile for the functioning of the German language. Based on the data obtained, an attempt is made to substantiate the presence of idioethnicity signs in the development of the category of impersonality in the German language.

Keywords: category of impersonality; *es* element; marker of impersonality; grammatical categories; rematization; idioethnicity

Для цитирования:

Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 29—49.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49.

To cite this Article:

Babenko, Nataliya S. (2022) Fenomenologiya bezlichnosti i yeyo sintaksicheskiye proyeksitsii v nemetskom yazyke (The Phenomenology of Impersonality and its Syntactic Projections in German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 29—49. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 23.03.2022; accepted for publication 29.03.2022

Р. В. Белютин
Смоленский государственный университет

О МНОГООБРАЗИИ ПЕРСПЕКТИВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА НЕМЕЦКИХ СПОРТИВНЫХ ФАНАТОВ

Объектом исследования в статье выступает дискурс немецких спортивных фанатов, который занимает особое место в структуре немецкого языкового спортивного пространства вследствие многочисленности представителей (языковых личностей) данной субкультуры, неослабевающего интереса средств массовой информации и других общественных институтов к феномену спортивного болельщика, высокой номинативной плотности данного концепта и, как следствие, многообразия его репрезентаций через внутренние и внешние каналы коммуникации. Представлены пути изучения дискурса спортивных фанатов с фокусированием внимания на лингвистических, социолингвистических, лингвокультурологических и лингвоментальных аспектах прототипного порядка дискурса, обозначены возможные направления дальнейшей операционализации и интерпретации концепта СПОРТИВНЫЙ ФАНАТ с учетом новых реалий и реальностей, во власти которых находятся участники спортивного дискурса и коррелирующих с ним прямым или опосредованным способом других дискурсивных формаций.

Ключевые слова: дискурс; прототипный порядок дискурса; спортивный дискурс; спортизация; спортивные фанаты; лингвокультурный типаж

1. Введение

Изучение структуры и содержательных аспектов дискурса, исследование его конституирующих признаков, выявление интертекстуальности и «ментальности» той или иной дискурсивной формации относятся к актуальным и больше — магистральным направлениям дискурсологии.

Среди всего имеющегося массива дискурсов, которые разворачиваются в ходе коммуникативной деятельности человека, особым статусом наделяется *спортивный* дискурс. Ср.:

«Спорт не без основания воспринимается как неотъемлемая составная часть мировой и национальной культур... В результате постоянно расширяется пространство, которое занимает в массовой культуре спортивный дискурс, в том числе, и обиходно-бытовой» (КЫЛАСОВ 2010: 3).

О спортизации в языке, культуре, общественных и социальных практиках достаточно убедительно говорит Р. Симон:

«Es scheint so, als ob der Sport die Macht eines metakommunikativen Axioms gewonnen hat. ...so scheint es unmöglich geworden zu sein, sich dem Sport zu entziehen» (SIMON 2003: 9).

О том, что мы неизбежно находимся во власти спортивного дискурса, и спорт проникает во многие социальные институты, которые непосредственным образом влияют на культуру, образование, политику, экономику, свидетельствуют многие факты, в том числе и языкового плана. Для наглядности приведем несколько примеров — актуальных высказываний известных политиков на актуальные темы.

М. Захарова (официальный представитель МИД РФ) — о результатах переговоров в Женеве между Россией и США относительно предложений нашей страны о гарантиях безопасности:

«Как говорится, мяч до нашей половины поля не долетел, он по-прежнему на стороне Соединенных Штатов Америки».¹

В. Кречман (премьер-министр земли Баден-Вюртемберг) о борьбе с коронавирусной инфекцией:

«In der ersten Halbzeit lagen wir 0:2 hinten. Doch wir haben uns zurückgekämpft, jetzt steht es 3:2 gegen das Virus, aber es hat sozusagen drei neue Spieler eingewechselt, zwar gefährliche Spieler, das sind die drei Mutanten, die sich hier schon festgesetzt haben, und wir können diese zweite Halbzeit und damit die Pandemie nur gewinnen, wenn wir auch weiter dran bleiben, gut verteidigen gegen das Virus...».²

Данные примеры показывают, что спортивный дискурс способен активно экспортировать свои ресурсы в другие дискурсивные практики, вследствие чего спортивные концепты приобретают новую семиотическую маркированность и во внешних проекциях используются для представления фактов, явлений, событий, не коррелирующих со спортом напрямую.

Вместе с тем, говоря о структуре самого спортивного дискурса, мы согласимся с утверждением Г. Люшена о том, что спорт представляет собой «замкнутую систему, существующую по своим внутренним законам» (ЛЮШЕН 1974: 25–26). Данное утверждение

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/5157567>.

² <https://www.welt.de/politik/deutschland/video226154119/Lockdown-verlaengert-Kretschmann-nutzt-Fussballmetapher.html>.

можно экстраполировать на характеристику языкового пространства, которое создает (по Е. Г. Малышевой) мегаконцепт СПОРТ (МАЛЫШЕВА 2011: 59).

В самой обобщенной форме структура спортивного дискурса может быть представлена следующими уровнями:

«...wird gewöhnlich in die Fachsprache der jeweiligen Sportart, den entsprechenden Sportjargon und die Reportsprache, d. h. die Sprache der Sportberichterstattung, unterschieden» (BURKHARDT 2009: 176).

А. Буркхардт не ограничивается в своей классификации тремя уровнями, вокруг которых организуется спортивное языковое пространство. Существенным дополнением данному высказыванию становится утверждение, что

«...dass diesen drei Sprachschichten als vierte die eigentliche Fansprache (als echte Gruppensprache) an die Seite gestellt werden muss. Auch sie verdankt sich dem Versuch, einen speziellen Weltausschnitt mithilfe sprachlicher Benennungen zu erschließen und so kommunikativ verfügbar zu machen» (Ibid.).

Дискурс спортивных фанатов — особая лингвосомиотическая формация. Зрители в широком смысле этого слова — та интегративная часть системы «Спорт», без которой соревнование («спортивное зрелище», по Х. У. Гумбрехту), теряет к себе интерес. Ср.:

«Без спортивного соревнования нет зрителя, без зрителя не раскрывается ценностная природа спортивного соревнования» (ЕРМИЛОВА & КРОВОТА 2015: 100).

«Denn die Zuschauer konstituieren den Sport, der ohne sie kurios und unkultiviert wäre. Also gehört die Zuschauerschaft ins Zentrum des Sportes, ebenso wie die Wettkampffregeln» (SIMON 2003: 8).

Спортивные фанаты (далее мы с учетом того, что в Германии спортом номер один со значительным отрывом продолжает оставаться футбол, будем говорить о футбольных фанатах) представляют собой отдельную целевую группу с присущими ей «внутриведомственными» характеристиками. Ср.:

«Die Fans zeichnen sich für den Beobachter zunächst dadurch aus, dass sie rückhaltlos hinter ihrer Mannschaft stehen, bestimmte Stehplatzblöcke als ihr Territorium betrachten und aufgrund ihrer gruppenspezifischen Normen und Verhaltensrituale die optisch und akustisch auffälligste Zuschauergruppe ausmachen» (SCHULZ & WEBER 1982: 55).

Активное изучение футбольной фанатской субкультуры ве-

дятся с 80-х гг. XX в., причем по самым разным научным направлениям и аспектам данной концептуальной сферы. Из числа новейших фундаментальных работ, посвященных исследованию дискурса футбольных фанатов через социологические, политологические, психологические, лингвистические и лингводидактические проекции, отметим коллективную монографию *Fankultur und Fankommunikation in nationalen und transnationalen Diskursen*, вышедшую в 2021 г. в издательстве «Peter Lang».

2. Характеристика материала и методов исследования

Целью статьи является обозначение перспектив изучения футбольной фанатской субкультуры с позиций языка, речи, дискурса. Мы полностью разделяем точку зрения Р. Клауса и Й. Габлера, которые утверждают:

«So verfügen sie über eigene Codes und Zeichen..., was sich ebenso in sprachlichem Handeln wiederfindet. Dabei bilden der Fußball und seine Fanszenen das Sinnsystem, innerhalb dessen gesprochen wird» (CLAUS & GABLER 2018: 370).

Отметим, что многообразие перспектив исследования данного коммуникативного пространства во многом сопряжено с многообразием форм коммуникации, используемых футбольными фанатами для представления тех или иных концептов своей коллективной картины мира. В качестве эмпирического материала мы привлекали тексты песен, речевок, кричалок, фразы, размещаемые на баннерах, дневниковые записи фанатов, чат-коммуникацию, данные фанзинов, литературные произведения, интервью и др. Кроме этого, были учтены и внешние проекции — публикации о фанатах в СМИ, научные работы, рассматривающие спортивный дискурс под лингвистическим углом, и др. Дополнительную аутентичность данные приобретают за счет проведенных автором полевых исследований — записей речевых образцов во время интервью с футбольными фанатами, фиксации высказываний футбольных фанатов непосредственно в фан-секторах на стадионе и др.

В работе задействован комплексный методологический аппарат, который включает дискурсивный, компонентный, концептуальный анализ, классификацию, наблюдение, описание, лексикографический, контекстологический методы.

Узкие рамки статьи не позволяют представить весь круг вопросов, появление которых «провоцирует» дискурс футбольных

фанатов, поэтому мы ограничимся профилированием тех перспектив, которые наилучшим образом подходят для характеристики лингвокультурного типажа представителей данной субкультуры.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Проекция в сферу языковой игры

Языковая игра в эмотивном дискурсе футбольных фанатов — доказательство высокого уровня креативной компетенции субъектов коммуникации и одновременно достойный ответ той части общества, которая фокусирует внимание (свое и своего окружения) исключительно на деструктивных аспектах поведения фанатов. Наши наблюдения показывают, что языковая игра представлена в дискурсе футбольных фанатов широко и многообразно: остроумные высказывания создаются на фонетическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, «прецедентном» уровне и заслуживают в силу своей высокой коммуникативной плотности отдельного рассмотрения.

«Merry Christmeth» (CLAUS & GABLER 2018: 374) — надпись на баннере, который накануне католического Рождества развернули фанаты из г. Бохума во время футбольного поединка с участием их команды и соперника из Дрездена. Обыгрывая данную фразу, болельщики из Рурского региона хотели продемонстрировать свою информированность относительно того, что фанаты «Динамо» (Дрезден) испытывают тягу к употреблению наркотического вещества *Cristal Meth* («кристаллический мет»).

«Doofmund»³ — пренебрежительное, трансформированное и сокращенное обозначение команды «Ballspielverein Borussia 09 e. V. (Dortmund)», изобретенное фанатами «вечного» соперника дортмундцев — «Шальке 04» из Гельзенкирхена. Словарь Duden наделяет лексему *doof* следующими негативными коннотациями: 'einfältig, beschränkt, ärgerlich, lästig, uninteressant, langweilig'.

«Lieber Ratten mit Ball, als Rasenball»⁴ — данная фраза, ставшая в футбольной фанатской среде прецедентной, адресована всем, кто имеет отношение к футбольному клубу «РБ Лейпциг» (полное официальное название — «Rasenballsport Leipzig»). Фанаты многих

³ <https://schalkergirls1904.myblog.de/schalkergirls1904/page/349353/Anti-Doofmund-WitZe>.

⁴ <https://www.welt.de/sport/article161846119/Die-gesammelten-Widerwaertigkeiten-von-der-Suedtribuene.html>.

футбольных команд, не желая мириться с коммерциализацией футбола и искусственным созданием новых клубов — без традиций и истории — объединились в своей ненависти к «Лейпцигу» и регулярно скандировали или размещали на баннерах антилейпцигские лозунги, как правило, с применением стратегий языковой игры. В анализируемом высказывании лексема, встроенная в официальное название команды, трансформируется в созвучное *Ratte* (крыса). Эксперты так объясняют такой выбор:

«Die Entmenschlichung von RB Leipzig im Begriff Ratte und die Kennzeichnung der Kontrahenten als Schädlinge, die vermeintlich das gute System zerstören und deshalb bekämpft gehören, ist von den Argumentationsstrukturen her auch mit antisemitischer Rhetorik vergleichbar».⁵

3.2. Приемы метафорического моделирования действительности

Метафорическое представление концептов, формирующих прототипный порядок дискурса футбольных фанатов — один из наиболее распространенных способов концептуализации, интерпретации и оценки действительности в этой субкультуре. Метафоры, которыми «живут» футбольные фанаты, достаточно *многообразны* как по линии сигнификативных, так и денотативных дескрипторов. Ср.:

— религиозная метафора:

«Außerdem besagte *das elfte Gebot*, dass dieser unbeliebte Verein aus der verbotenen Stadt nicht deutscher Meister werden konnte. Aber *Gebote* sind zu befolgen» (CRÄSING 2015: 99);

— военная метафора:

«Lang bevor die Tore noch fallen, hört man unseren *Schlachtruf* erschallen — Arminia, Arminia...»;⁶

— медицинская метафора:

«Wenn man einmal von dem Eintracht-*Virusbefallen* ist, hat man sein Leben lang das *Blau-Gelbfieber*, und man wird *fußballverrückt*» (KLINGENBERG 2013: 52).

«Nicht wiederzuerkennen, wie ausgewechselt die Jungs, aus dem mehrjährigen *Dornröschenschlaf wachgeküsst*» (KRUSCHINSKI & BERGHÖFER 2010: 32).

⁵ <https://rblive.de/news/rattenball-logo-in-offiziellem-stadionheft-union-wollte-keine-zensur-3307666>.

⁶ https://www.festgestaltung.de/fangesaenge/arminia_bielefeld1.

3.3. Репрезентации категории «Свой — Чужой»

Проиллюстрируем репрезентацию данной дихотомии в языке футбольных фанатов на примере вербального противостояния между поклонниками дортмундской «Боруссии» и «Шальке 04» из Гельзенкирхена. В приведенных ниже образцах отчетливо обозначается генеральная идея всей фанатской субкультуры: то, что священо и неприкосновенно для одних, для других является поводом для диффамации, стигматизации и других негативных действий в отношении «врагов».

Фанаты «Боруссии» (Дортмунд) — о своем клубе:

«Im Jahre 1909, da wurd' ein Stern geboren / Und man sah sofort an seinem Schein / Er kann nur aus Dortmund sein / Dieser Stern, der heißt Borussia / Und er leuchtet in Schwarz-Gelb / Als schönster Stern von allen dort / Am großen Himmelszelt».⁷

Фанаты «Шальке 04» — о своем клубе:

«Schalke unser im Himmel / Du bist die auserkorene Mannschaft / verteidigt werde Dein Name / Dein Sieg komme / wie zu Hause so auch auswärts / unseren üblichen Heimsieg gib uns immer / und gib uns das „Zu Null“ / so wie wir Dir geben Unterstützung».⁸

Фанаты «Боруссии» — о «Шальке»:

«Schalke unser am Abgrund / vernichtet werde Dein Name / Dein Untergang komme / wie zu Hause, so auch auswärts».⁹

Фанаты «Шальке» — о «Боруссии»:

«Borussia Doofmund — Verrecke mein Stern und tauche nie wieder auf. In tiefer Dankbarkeit nehmen wir Abschied von Hochmut, Arroganz und maßloser Selbstüberschätzung».¹⁰

3.4. Формы вербальной агрессии

Наши наблюдения показывают, что вербальная агрессия футбольных фанатов ритуализована и в ее основе, как правило, стандартный набор когнитивных моделей, сценариев, образов-

⁷ <https://www.bvb.de/Aktionen/Liederbuch/Leuchte-auf-mein-Stern-Borussia>.

⁸ <https://schalke04-world.de/tl/Schalker-Gebet.htm>.

⁹ <https://jagger1969.wordpress.com/2006/05/19/danke-staatsanwalt-schaft-essen>.

¹⁰ <https://www.google.de/search?q=anti+borussia+bilder&tbm=isch&source=univ&sa=X&ved=2ahUKewiyx97hvnDjAhXqtYsKHajJWC5oQsAR6BAGJEA&biw=1680&bih=939>.

схем. Наиболее часто вербальная агрессия реализуется через лексические единицы, связанные со смертью. Ср.:

«Am Tag, als der Liga-Dino starb, / und alle Rauten weinten um ihn! /
Das war ein schöner Tag, / als in Stellingen eine Welt zerbrach!».¹¹

— аллюзия на популярную песню Ю. Вердинг «Am Tag, als Conny Kramer starb», в которой рассказывается о трагической судьбе знакомого певца; таким достаточно жестким способом фанаты клуба «Санкт-Паули» (Гамбург) выразили свое отношение к другой команде их этого города — «Гамбургская спортивная ассоциация» (Hamburger Sportverein); посыл данного текста заключается в следующем: в Гамбурге должен быть только один клуб, а другой должен исчезнуть.

За гранью здравого смысла — высказывания с референцией к деяниям гитлеровского режима.

«Eine U-Bahn, eine U-Bahn, eine U-Bahn bauen wir, von Leipzig bis nach *Auschwitz*». ¹²

— инцидент произошел во время матча между клубами «Шильдау» из одноименного города и «Красная звезда» (Лейпциг); после одного из эпизодов в матче фанаты из Шильдау позволили себе оскорбительные выпады в адрес гостевой команды и ее болельщиков).

3.5. Проекции в диалектные зоны

Использование футбольными фанатами в текстах песен, речевок, кричалок, на сайтах болельщиков диалектальных вариантов подтверждает мнение многих специалистов о том, что диалекты в Германии не вымирают, а продолжают оставаться важной составляющей немецкого языка и немецкой культуры; в дискурсе футбольных фанатов диалекты даже более чем в других коммуникативных пространствах призваны отображать идентичность, принадлежность конкретному региону и др.

«Dat hätz vun dr welt, / jo dat es kölle / dat hätz vun dr welt, / dat schlät am rhing». ¹³

«Mia san die Bayern / Mia san die Bayern, vom rot-weißen Bayern / Dem Land, das der Fußball regiert / Mia san die Bayern, heut werden

¹¹ <https://www.konbon.de/fcsp-fangesaenge>.

¹² <https://www.saechsische.de/sachsen/freispruch-fuer-u-bahn-nach-auschwitz-5298167-plus.html>.

¹³ <https://hoehner.com/songtexte/dat-haetz-vun-dr-welt>.

wir feiern».¹⁴

Данная проекция может получить дальнейшее развитие, если в нее включить, например, австрийский вариант немецкого языка и рассмотреть специфику коммуникации австрийских футбольных фанатов. Недостатка в эмпирическом материале по данному вопросу нет, достаточно назвать изданную недавно работу Р. Седлачека *Österreichisch fia Fuafßboifäns*. Ср.:

«Blinda, mach auf deine Glurn und pfeif eine» (SEDLACZEK 2016: 27).

«Heit hamma a Watschn krieg» (Ibid.: 99).

3.6. Использование футбольного жаргона

Исследование дискурса фанатов позволяет, помимо данного коммуникативного пространства, параллельно осваивать другие, в частности, футбольный жаргон, который покрывает значительные участки языка футбола за счет активной эксплуатации со стороны игроков, тренеров, судей, спортивных СМИ.

«...die *Pille* fliegt Ping und Pong zwischen zwei Gelben hin und her, und Edu ist da, rutscht nicht aus, sondern schiebt *das Ei* mit der Hacke zu Rakitic... und Ivan, Mensch, ...haut *das runde Wunder* aus 20 Metern in den Winkel» (KRUSCHINSKI & BERGHÖFER 2010: 231).

«Pille», «Ei», «das runde Leder (Wunder)» — метафорические и метонимические «жаргонные» обозначения футбольного мяча). Ср. в словаре А. Буркхардта (BURKHARDT 2006):

«**Ei**, das; weder vom Huhn noch etwas Ovales, sondern (in metaphorischer Verwendung): im Fußballjargon für → Ball, → Kirsche, → Kugel, → Pille, → Spielgerät. — **Leder**, das; nicht einfach gegerbte Tierhaut, sondern (in metonymischer Übertragung): der → Ball (dessen äußere Hülle früher aus Leder gefertigt war), → Ei, → Kugel, → Pille, → Spielgerät. — **Pille**, die; von lat. pilula ›Kügelchen, Pille‹ (zu lat. pila ›Ball‹); kein leistungsförderndes Medikament, sondern: der → Ball, das → Ei, → Spielgerät, die → Kirsche, → Kugel, → Pocke».

3.7. Лингвострановедческие и межкультурные профили коммуникации

Проанализированный для данной работы материал помимо перечисленных проекций демонстрирует богатый лингвострановедческий потенциал, причем в высказываниях футбольных фана-

¹⁴ <https://musikguru.de/fussball/songtext-fc-bayern-muenchen-mir-sandie-bayern-478490.html>.

тов встречаются как классические форматы (названия федеральных земель, регионов, городов, рек, праздников и др. — все, что выстраивается вокруг концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ), так и прецедентные реалии, появление которых в дискурсе футбольных фанатов является реакцией на актуальные события, факты, затрагивающие косвенно или напрямую их «профессиональную» сферу.

«Wohnst du zwischen *Harz* und *Heide* und dem schönen *Niedersachsenland* kennst du auch das Städtchen *Braunschweig* durch den Fußball wohl bekannt».¹⁵

«Uns zieht es nicht nach *Berlin*, uns zieht es nicht in die Ferne, Wir ham die *Alm* und unsere Mannschaft ziemlich gerne».¹⁶

«DFB — Dietmars Fußball-Bund»¹⁷ (в данной фразе помимо часто актуализируемой, как правило, в негативных контекстах немецкими футбольными фанатами аббревиатуры «DFB» («**D**eut**s**cher **F**uß**b**all**b**und») присутствует еще одно имя собственное — Dietmar, которое отсылает реципиента к конфликтной ситуации, где оказался замешанным владелец клуба «Хоффенхайм» Дитмар Хопп. Основная причина конфликта между фанатами с одной стороны, и Немецкой футбольной федерацией и Хоппом — с другой, кроется в том, что DFB, пообещав фанатам ряд реформ, спустя некоторое время своими действиями доказала обратное, и причастным к этому фанаты среди прочего «назначили» Хоппа. Во-первых, он добился через Федерацию коллективного штрафа для фанатов; во-вторых, Федерация никак не отреагировала на дополнительное финансирование Хоппом своей команды, на что всегда очень болезненно реагируют так называемые «традиционалисты» — фанаты старейших клубов Германии. Такая ситуация всколыхнула все футбольное фанатское движение. Реакция не заставила себя ждать — фанаты на многих стадионах развернули баннер, на котором недвусмысленно указывалось на сговор между Федерацией и Хоппом и на степень зависимости DFB от финансового магната. Итог — на баннере Федерация футбола становится не «немецкой», а исключительно «принадлежащей Д. Хоппу».

¹⁵ <https://www.fc45.de/eintracht-lied-eintracht-braunschweig.html>.

¹⁶ <https://chefkochowl.beepworld.de/hobbys.htm>.

¹⁷ <https://www.augsburger-allgemeine.de/sport/fussball/Streit-zwischen-Fans-und-DFB-Dietmars-Fussball-Bund-Kreative-Provokationen-in-der-Kurve-id56996906.html>.

Совершенно очевидно, что только владение фоновой информацией, помноженное на знание футбольных и околофутбольных реалий и реальностей позволит правильно декодировать тот смысл, который фанаты решили донести до общественности.

В контексте межкультурной коммуникации перспективным представляется выявление зон совпадения и зон расхождения в речевом поведении футбольных фанатов разных стран. Безусловно, наибольший интерес вызывают те случаи, когда фанатам, разговаривающим на одном языке (например, немецком), необходимо объяснять происхождение тех или иных слов, высказываний, включенных в языковой репертуар фанатов другой страны (например, России) и по каким-либо причинам не зафиксированных лексикографическими источниками. Ср.:

«Два *паспорта* отыграли сегодня на уровне, с которым в Европе не абсолютно стыдно, Бакаев, хотя и не весь матч, и Максименко».¹⁸

«Паспорт» на жаргоне российских футбольных фанатов — метонимическое обозначение футбольного игрока, имеющего российское гражданство; слово стало активно использоваться в узусе фанатов с момента начала дискуссий о введении в российском футболе лимита на легионеров). В данном случае при переводе предложения на немецкий язык требуется соответствующее пояснение, а из-за отсутствия прямого эквивалента корректным вариантом станут только описательные конструкции «*Spieler mit einem russischen Pass*» / «*Spieler, die die russische Staatsangehörigkeit besitzen*» / «*Spieler mit russischer Nationalität*».

«*Englische Woche in der Bundesliga, der S04 gastiert beim Nachbar in Bochum, Fluchtspiel im Ruhrstadion — das *Straßenbahnduell*. Und gänzlich stilecht wählten wir demnach auch die Anreisevariante mit der Linie 302 von Gelsenkirchen nach Bochum*».¹⁹

Лингвострановедческая реалия «*Straßenbahnduell*» (букв. «трамвайная дуэль») достаточно часто используется в немецкой фанатской среде и даже в СМИ Германии, которые освещают спортивные события. В данном случае прямой перевод также не прояснит сущность реалии «*Straßenbahnduell*», поэтому для декодирования смысла необходимо дать страноведческие пояснения. Дело в

¹⁸ <http://spartak.msk.ru/guest/search.php?keywords=%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0>.

¹⁹ https://ultras-ge.de/blauerbrief/blauerbrief_0708_ffm_web.pdf.

том, что на матчи с участием двух команд из Рурского региона — «Шальке» из Гельзенкирхена и «Бохума» фанаты могут добраться из одного города в другой на трамвае № 302. В день Рурского дерби за каждым трамваем, следующим по данному маршруту, закрепляется полицейский эскорт — для предотвращения столкновений между фанатами. Такой способ перемещения выбирают многие болельщики, считая его стильным и оригинальным.

4. Выводы и перспективы исследования

Дискурс спортивных фанатов представляет собой практически неисчерпаемый источник для лингвистического и больше — лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа. Многообразии исследовательских проекций позволяет всесторонне изучить языковую картину мира фанатов и на основании полученных данных сделать определенные выводы о том, «Wie der deutsche Fußballfan tickt» — в социальном, эмоциональном, коммуникативном, (интер)культурном плане.

Наблюдения за тем, как организуется «прототипный порядок» дискурса футбольных фанатов, полезны и с точки зрения рефлексии над тенденциями в развитии современного языка (немецкого, русского и др.) в целом и применительно к его субсистемам. Язык спортивных фанатов метафоричен, эмоционален, его отличает креативность, наполненность интертекстуальными и прецедентными смыслами; он обладает, с одной стороны, компрессивным потенциалом, с другой — создает возможности для создания дополнительных ресурсов, необходимых для объективации и оценки тех или иных концептов. Помимо этого, дискурс спортивных фанатов напрямую влияет на все более заметную тенденцию к спортизации языка и этнолингвокультур.

Рассуждая о перспективах дальнейшего функционирования дискурса спортивных фанатов, возьмем на себя смелость перефразировать известную цитату Бориса Стругацкого и предположить следующее:

«с ним может произойти все что угодно: перестройка, преображение, превращение — но только не вымирание. Он слишком... гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять и вдруг исчезнуть».

О том, что язык футбольных фанатов постоянно «живет» рядом или вместе с нами, красноречиво говорит (в прямом и переносном смысле) реакция российских футбольных фанатов на недавнее введение электронного паспорта болельщика — Fan ID.

Отношение фанатов к принятой мере моментально нашло отражение в их дискурсе — оформлено оно эмоционально, лингвокреативно, имеет четко выраженную прагмасемантику и ментальность.

«...вижу у *ФанУйди* большой минус — невозможность спонтанного похода на футбол. Взять за компанию «неболеющего» друга, пригласить девушку или приехавшего из другого города родственника».²⁰

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Белютин Р. В.* Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: дис. доктора филол. наук: 10.02.04. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2019. [Belyutin, Roman V. (2019) *Nemetskiy sportivnyy diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniya* (German Sports Discourse: a Pattern of Pragmatic, Semantic, Linguo-cognitive Research). Advanced PhD thesis in Philology. Smolensk: Smolensk State University. (In Russian)].
- Гумбрехт Х. У.* Похвала красоте спорта / пер. с англ. В. В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2009. [Gumbrecht, Hans U. (2009) *Pokhvala krasote sporta* (In Praise of Athletic Beauty). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (New Literary Review). (In Russian)].
- Ермилова В. В., Кротова Е. Е.* Особенности зрелищности в спорте и их трансформация в условиях современного общества // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 2. С. 100—103. [Yermilova, Viktoriya V., & Krotova, Yelena Ye. (2015) *Osobennosti zrelishchnosti v sporte i ikh transformatsiya v usloviyakh sovremennogo obshchestva*. (Peculiarities of Sports Spectacularity and their Transformation in Modern Society). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* (Society. Environment. Development), No. 2, 100—103. (In Russian)].
- Кыласов А. В.* Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М.: Гос. академия славянской культуры, 2010. [Kylasov, Aleksey V. (2010) *Sport kak sotsiokul'turnyy fenomen epokhi globalizatsii*. (Sport as a Socio-Cultural Phenomenon in the Globalization Era). PhD thesis in Cultural Sciences. Moscow: State Academy of Slavic Culture. (In Russian)].
- Люшен Г.* Спорт в современном обществе // Спорт в современном обществе. Сб. научных материалов Всемирного конгресса / ред. В. М. Выдрин. М.: Спорткомитет СССР, 1974. С. 25—28.

²⁰ <http://spartak.msk.ru/guest/search.php?keywords=%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B9%D0%B4%D0%B8>.

- [Lyushen, Gunther. (1974) *Sport v sovremennom obshchestve* (Sport in Modern Society). In Vydrin, V. M. (ed.) *Sport v sovremennom obshchestve* (Sport in Modern Society). Moscow: Sportkomitet SSSR (USSR Sport Committee), 25—28. (In Russian)].
- Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. доктора филол. наук: 10.02.01. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2011. [Malysheva, Yelena G. (2011) *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* (Russian Sports Discourse: Theory and Methodology of a Linguo-Cognitive Study). Advanced PhD thesis in Philology. Omsk: Omsk State University. (In Russian)].
- Beljutin, Roman, & Burkhardt, Armin. (eds) (2021) *Fankultur und Fankommunikation in nationalen und transnationalen Diskursen*. Berlin: Peter Lang GmbH.
- Burkhardt, Armin. (2006) *Wörterbuch der Fußballsprache*. Göttingen: Verlag die Werkstatt.
- Burkhardt, Armin. (2009) Der zwölfte Mann. Fankommunikation im Fußballstadion. In Burkhardt, Armin, & Schlobinski, Peter. (eds) *Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache*. Bd. 10. Mannheim: Dudenverlag, 175—193.
- Claus, Robert, & Gabler, Jonas. (2018) Sprache und Kommunikation in Fußballfangruppen. In Neuland, Eva, & Schlobinski, Peter. (eds) *Handbuch Sprache in Gruppen*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 370—385.
- Cräsing, Tim. (2015) *Aus der Hölle ans Licht. Zehn wilde Jahre mit dem BVB*. Göttingen: Verlag die Werkstatt.
- Klingenberg, Alex. (ed.) (2013) *Blau-Gelb-Sucht. Ein Eintracht Braunschweig Fanbuch*. Meine: Verlag Andreas Reiffer.
- Kruschinski, Oliver, & Berghöfer, Matthias. (2010) *Schalke total. Das königsblaue Fan-Tagebuch*. Göttingen: Verlag die Werkstatt.
- RB Live. Retrieved from <https://rblive.de/news/rattenball-logo-in-offiziell-em-stadionheft-union-wollte-keine-zensur-3307666>.
- Schulz, Hans-Joachim, & Weber, Robert. (1982) Zuschauerausschreitungen. In Pilz, Gunter A. (ed.) *Sport und körperliche Gewalt*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 55—71.
- Sedlaczek, Robert. (2016) *Österreichisch fia Fuaßboifäns*. Wien: Amalthea Signum Verlag.
- Simon, Ralf. (2003) *Reden über den Sport. Basler Magazin. Wochenend-Beilage der Basler Zeitung*, 2, 8—9.

Roman V. Belyutin

Smolensk State University

**On the Diversity of Perspectives for Researching
the Discourse of German Sports Fans**

The article is devoted to German sports fans' discourse, which occupies a particular place in German linguistic sports space due to the plurality of representatives ('linguistic personalities') of this subculture, relentless focus of the mass media and other social institutions on the phenomenon of a sports fan, high recurrence of this concept, and consequentially diversity of its representations in inner and outer communication media. The article presents methods for studying sports fans' discourse focused on linguistic, sociolinguistic, linguo-culturological and linguo-cognitive aspects of the prototypical order of the sports discourse; it also determines possible prospects of making connections and interpretation of the concept 'sports fan' taking into account new realia and reality, which affect the participants of the sports discourse and other discourse patterns correlating with it directly or indirectly.

Keywords: discourse; prototypical order of discourse; sports discourse, 'sportization'; sports fans; linguo-cultural prototype

Для цитирования:

Белютин Р. В. О многообразии перспектив исследования дискурса немецких спортивных фанатов // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 50—64.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-50-64.

To cite this Article:

Belyutin, Roman V. (2022) O mnogoobrazii perspektiv issledovaniya diskursa nemetskikh sportivnykh fanatov (On the Diversity of Perspectives for Researching the Discourse of German Sports Fans). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 50—64. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-50-64.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; принята к публикации 02.03.2022

The article was submitted 06.02.2022; accepted for publication 02.03.2022

Е. В. Беспалова

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (Самарский университет)

ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ

Впервые рассматривается проблема экологического образования и воспитания путем адресного воздействия на разные социально-возрастные группы населения Германии в виртуальном дискурсе национальных парков. Метод исследования интегрирует положения теории виртуального и рекламного дискурсов, мультимодальности и персуазивности. Выявлено более 20 целевых групп и систематизированы мультимодальные средства их объективации. Описаны мультимодальные способы реализации стратегий привлечения внимания, создания положительного имиджа парка и поддержки интеракции для целевых групп «дети» и «учителя».

Ключевые слова: виртуальный дискурс; целевая группа; персуазивные стратегии; мультимодальность; разнообразие

1. Введение

Создание и обновление в сети Интернет институциональных сайтов является в настоящее время одним из неперенных условий существования и продвижения памятников природы, представляющее широкие возможности информирования и привлечения целевой аудитории. Сайты национальных парков — не исключение; см. (СЕРГЕЕВА 2014: 298–304). В связи со спецификой своей деятельности по сохранению и защите крупных природных ландшафтных форм, парки размещают материалы, выполняющие наряду с информативной функцией функцию социальной рекламы в области экологии, призванной пропагандировать идеи устойчивого развития, охраны окружающей среды, и нацеленной

«на формирование и изменение в положительную сторону общественного мнения, социальных норм, моделей поведения» (МЕЩЕРЯКОВА 2012: 3).

В центре нашего внимания — виртуальный дискурс сайтов немецких национальных парков, имеющих, как и заповедники, статус охраняемых природных территорий, но отличающихся возможностью более свободного привлечения посетителей.

Цель исследования — изучить опыт экологического образования и воспитания, реализуемый в виртуальном дискурсе немецких национальных парков путем адресного воздействия на разные целевые группы. В круг задач исследования входит выявление разнообразных целевых групп, для которых предназначены информационно-рекламные материалы сайтов, анализ средств их объективации и стратегий воздействия в зависимости от целевой группы. Объем статьи позволяет подробнее рассмотреть реализацию стратегий воздействия на целевые группы «дети» и «учителя».

Актуальность исследования обусловлена возросшей ролью экологической проблематики в современном мире и устойчивого развития территорий, в связи с чем, в частности, возникает необходимость в осмыслении и описании (в том числе лингвистическом) опыта направленного воздействия в области экологического воспитания и образования разных слоев населения. Новизна исследования заключается в обращении к виртуальному информационно-рекламному дискурсу крупных природных территорий, что позволяет проанализировать взаимодействие вербальных и невербальных средств в описании категориальных признаков целевой аудитории и в реализации стратегического воздействия на нее.

2. Характеристика материала и методов исследования

Мы обращаемся к исследованию Интернет-коммуникации национальных парков Германии с целевой аудиторией. Материалом послужили сайты трех национальных парков ФРГ (Nationalpark Schwarzwald, Nationalpark Bayerischer Wald, Nationalpark Harz), из которых наиболее разработанным оказался сайт национального парка Шварцвальд. Выбранный нами интегративный метод исследования состоит в применении положений теории виртуального дискурса (ЛУТОВИНОВА 2009; ГОРОШКО, ЖИГАЛИНА 2010; ГОРОШКО & ЗЕМЛЯКОВА 2011; ЩИПИЦИНА 2010), теории рекламного дискурса (СТАРЫГИНА 2019), теории мультимодальности (KRESS & VAN LEEUWEN 2001; HENNECKE 2015; КАЛАШНИКОВА 2020), теории персуазивности (ГОЛОДНОВ 2010). В ходе исследования мы определяем глобальную цель виртуального дискурса сайтов национальных парков, в соответствии с которой описываем круг участников виртуальной коммуникации, выявляем группы целевой аудитории и иллюстрируем функционирование персуазивных стратегий применительно к отдельным группам.

Для характеристики сайтов мы используем определение виртуального жанра как «вербально-знакового оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет» (ГОРОШКО & ЗЕМЛЯКОВА 2011: 234). Сайт мы рассматриваем как сложный гипержанр виртуальной коммуникации, объединяющий более простые традиционные и новые жанры, для исследования которого необходимо учитывать

«такие составляющие как коммуникативную цель, концепцию адресанта, концепцию адресата, событийное содержание, факторы коммуникативного прошлого и будущего, <...> лингвистический и паралингвистический дизайн» (ГОРОШКО & ЖИГАЛИНА 2010: 115–116).

Глобальная коммуникативная цель состоит в привлечении широких кругов населения к взаимодействию с природной средой и тем самым к проблемам сохранения природного разнообразия, а также в вовлечении населения в процесс экологического образования. В соответствии с глобальной целью дискурс сайтов национальных парков сочетает характеристики нескольких типов дискурсов, в том числе рекламного, массово-информационного, педагогического; ср.: (ЩИПИЦИНА 2010: 209). Адресант и адресат материалов сайтов — обобщенно-массовый, это, с одной стороны, сотрудники парков, участвующие в создании сайтов, а с другой стороны, широкие круги населения, вовлекаемые во взаимодействие с парками. В настоящей статье мы ограничимся характеристикой целевых групп адресатов, которые отличаются значительным разнообразием.

Публикуемые на сайтах национальных парков информационно-рекламные материалы содержат значимые в плане воздействия вербальные и невербальные компоненты, в отечественной литературе для описания таких текстов нередко используется термин «креолизованные тексты» (АНИСИМОВА 2003; ВАЛГИНА 2003). В зарубежной лингвистике для обозначения схожего феномена принят термин «мультимодальные тексты» (KRESS & VAN LEEUWEN 2001; HENNECKE 2015; и др.), который встречается и в работах отечественных авторов. Если «креолизованность» предполагает упрощение вследствие сочетания разных систем, например, языковых (ср.: креолизованные языки), то мультимодальность, напротив, предполагает усложнение вследствие взаимодействия разных знаковых систем. К тому же, креолизация языка не зави-

сит от внешних направленных действий, это неуправляемый процесс, тогда как мультимодальность создается целенаправленно. Мультимодальными называются

«тексты и коммуникативные действия, которые содержат различные знаковые системы (язык, изображение, звук), т. е. состоят из разных семиотических кодов» (КАЛАШНИКОВА 2020: 59).

В этом смысле мультимодальными являются и гипертексты, и тексты рекламы. В работах немецких исследователей содержится тезис о том, что мультимодальность не исторически возникшая форма проявления или выражения коммуникации, а основополагающее свойство всех форм коммуникации (BUCHER 2011: 114). Далее используется именно этот термин, позволяющий учесть роль создателей текстов.

Рекламная цель дискурса сайтов национальных парков подразумевает привлечение в парки посетителей, способствуя через воздействие на их когнитивные способности переосмыслению значения крупных природных территорий для сохранения природного баланса. На достижение цели направлен макроакт РЕКЛАМИРОВАНИЕ, осуществляемый, в частности, в ходе более простых речевых действий, таких как НАИМЕНОВАНИЕ, ОПИСАНИЕ и ОЦЕНКА рекламного продукта или ИНФОРМИРОВАНИЕ о нем; первостепенной персуазивной стратегией является стратегия оценочного информирования / стратегия создания положительного имиджа; ср.: (ГОЛОДНОВ 2010: 101–112). Рекламным продуктом является сам парк, объекты его инфраструктуры, предлагаемые туристические, исследовательские и образовательные программы и мероприятия и проч. Среди вторичных стратегий А. В. Голоднов выделяет стратегию привлечения внимания к продукту и группу стратегий поддержки интеракции (Ibid.: 113).

3. Результаты исследования, их обсуждение

3.1. Целевые группы информационно-рекламных материалов сайтов национальных парков, способы и средства их объективации

Проведенный анализ сайтов показал, что создатели сайтов обращаются к разным адресатам. В целевой аудитории виртуального дискурса было выделено в зависимости от сайта 15-20 и более целевых групп.

Для классификации групп внутри целевой аудитории адресатов рекламного информирования в общих чертах применимы критерии, используемые для адресной сегментации туристиче-

ского рынка: демографические (возраст, пол, национальность), социальные (образование, профессия, социальное положение), психологические особенности адресата (обычай, конфессии, привычки), а также дополнительные стимулирующие мотивы (СТАРЫГИНА 2019: 173). По нашим наблюдениям, состав групп целевой аудитории сайтов национальных парков имеет свои особенности. На всех сайтах есть материалы, адресованные предельно широкой аудитории (Besucher, Gäste) и отдельным группам лиц и учреждений (Kinder, Jugendliche, Junior-Ranger, Familien, Erwachsene, Kindergärten, Schulen, Lehrer, Erzieher, Forscher, Touristen, Journalisten, Fotografen). Возраст, профессия, социальное положение, круг интересов являются основными критериями выделения целевых групп.

Способы объективации целевых групп на сайтах немецких национальных парков коррелируют со *структурными, жанровыми* особенностями публикуемых материалов, определяемыми *языковыми и мультимодальными* параметрами.

3.1.1. Универсальные средства: Рубрикация и гиперссылки

К универсальным особенностям, позволяющим структурировать сайт, мы относим *рубрикацию* и *гиперссылки*. Рубрикация делает сайт обозримым и способствует быстрой ориентации в нем; гиперссылки разгружают интерфейс, используя возможности компьютерно-опосредованной коммуникации. Уже на этом этапе можно говорить о мультимодальной стратегии, поскольку сочетаются принципы традиционного членения текста и его расширения в виртуальном дискурсе.

Ряд целевых групп объективирован в рубриках, функционирующих как заголовки гиперссылок: мы различаем рубрики с максимально обобщенной адресацией, предоставляющие общую информацию о парке («Kurz & knapp», «Aufgaben & Ziele», «Lage & Zonierung», «Anreise & Kontakt»), и рубрики для определенных целевых групп. Так, возрастная группа «дети», объективирована в рубриках «Kinder», «Junior-Ranger», «Für kleine Forscher», «Naturspaß für Kids»; профессиональная группа «учителя» — в рубриках «Lehrer & Erzieher», «Lernort Wald»; социальная группа лиц с ограниченными возможностями — в рубриках «Barrierefrei», «Barrierefreies Erleben», «Barrierefreiheit»; социальная группа мигрантов, не в полной мере владеющих немецким языком, — в рубрике «Einfache Sprache». Переход по ссылкам открывает доступ к ин-

формации, специально подобранной для данной целевой группы.

3.1.2. Специфические средства: Жанры публикуемых материалов

Как виртуальный гипержанр сайт объединяет в своем составе образцы разных традиционных (новости, рекламные тексты) и новых жанров (блог, подкаст), специфика которых определяется целевой группой. Ряд жанров имеет максимально широкого адресата; некоторые из жанров рассчитаны на узкую целевую группу. К жанрам, адресованным максимально широкому кругу, можно отнести расписание мероприятий парка «Veranstaltungen», новости «Aktuelles». Жанры «Загадка» («Rätsel»), «Видео-инструкция» («Video-Tutorial Basteltipp»), «Дневник наблюдений за природой» («Entdeckerheft») рассчитаны на детей; жанры «Брошюра», «Географическая карта» («Karten & Broschüren») ориентированы на туристов.

Адресная ориентированность жанров предполагает разную степень интеракции со стороны пользователей. Так, жанры, рассчитанные на детей, предполагают активизацию совместной деятельности. В жанрах, ориентированных на туристов, учитывается их самостоятельность, например, умение работать с картой.

3.1.3. Языковые особенности номинации целевых групп

3.1.3.1. Вербальные средства

Для номинации целевых групп на сайтах используются разнообразные речевые средства, позволяющие максимально точно обозначить адресатов. Среди простых прямых номинаций во множественном числе встречаются не только нейтральные (Besucher, Gäste), но и адресно ориентированные номинации, обозначающие возрастные (Kinder, Jugendliche, Erwachsene), социальные (Familien), профессиональные группы ожидаемых посетителей (Lehrer, Erzieher), номинации, обращенные к специальной группе исследователей природы (Forscher), номинации, объединяющие группу по интересам (Touristen) и, наконец, номинации, привлекающие институционально организованных посетителей (Schulen).

Номинации сложным словом (Junior-Ranger, Kindergärten), словосочетанием / синтаксической группой (ehrenamtliche Ranger, Gäste mit Kinderwagen, Menschen mit Gehbehinderung, Menschen mit Sehbehinderung) максимально уточняют состав ожидаемых групп посетителей. Особого внимания в аспекте применения уважительной коммуникативной стратегии заслуживают эвфемистические номинации людей с ограниченными возможностями (Gäste

mit Gehstöcken, Personen im Rollstuhl), эфемистические заголовки гиперссылок (barrierefrei, Barrierefreies Erleben, Barrierefreiheit), ведущие к описаниям доступных программ для инвалидов или позволяющие менять контрастность и размер шрифта на странице.

В номинациях учитываются гендерные особенности посетителей (Wildnispädagog*innen, Junior-Ranger*innen). Таким образом, проявляется стратегия создания положительного имиджа адресанта, позволяющая потенциальным посетителям найти свою целевую группу и рассчитывать на специальное обслуживание.

3.1.3.2. Невербальные (мультимодальные) средства

Универсальным способом объективации целевых групп на сайтах немецких национальных парков является *мультимодальность*. Выше упоминалась роль рубрикации и гиперссылок в мультимодальном представлении содержания. В материалах сайтов используется взаимодействие конкретных семиотических кодов, типичных для компьютерно-опосредованной коммуникации; здесь наряду с письменной вербальной информацией представлены красочные фотографии пейзажей, обитателей парка или участников программ; пиктограммы (например, телефонная трубка перед номером телефона для справок или звуковые волны как символ аудиотекста); видеоматериалы экскурсий или образовательных программ: подкасты.

Активно используется варьирование размера шрифтов и цвет: например, зеленый часто служит фоном, на котором белым цветом приводится важная информация. Так, на сайте Баварского национального парка в разделе, содержащем серию подкастов под общим названием «Wildnis schafft Wissen» («Нетронутая природа создает знание»), название серии служит своеобразным логотипом, повторяющимся (согласно рекламным законам) 17 раз при анонсировании разных захватывающих эпизодов («spannende Geschichten aus der entstehenden Waldwildnis»), озвученных в подкасте (play episode 15:57) с указанием времени звучания. Название приведено на светло-зеленом фоне крупным белым шрифтом, превосходящим в размере название национального парка, что можно расценить как концептуальную программу парка. Серия ориентирована на целевые группы научных работников («Prof. Claus Bässler erklärt die Bedeutung von Totholz für die...; Botanikerin Cornelia Straubinger gibt Einblicke in die Pflanzen») и педагогов («Wie funktioniert Umweltbildung im

Nationalpark?»). Подкасты сопровождаются фотографиями.

Отметим, что подкасты имеют занимательную форму интервью, в которых сотрудники парка отвечают на вопросы журналистов о их сфере деятельности, об особенностях флоры и фауны парка, об интересных маршрутах и т. п. Занимательность формы и красочные фотографии могут привлечь не только ученых и педагогов, но и взрослых посетителей, интересующихся жизнью нетронутой природы («Jörg Müller über die besonderen Insekten im Nationalpark»). Этот прием размывает адресную направленность серии, расширяя ее до возрастной группы «взрослое население».

3.2. Средства реализации стратегий воздействия на разные целевые группы

Мультимодальность обеспечивает комплексное воздействие на посетителей сайта и характеризует средства реализации стратегий рекламного воздействия в соответствии с целевой группой. В зависимости от адресата используется разный набор средств реализации стратегий привлечения внимания, создания положительного имиджа парка, поддержка интеракции. Наиболее ярко специфика стратегий проявляется на целевых группах, направленных на целевые группы «дети» и «учителя / воспитатели».

3.2.1. Целевые группы «Дети», «Подростки»

Стратегия привлечения внимания учитывает интересы и потребности целевой группы, обусловленные психологическими особенностями возраста, особенности конкретного парка и реализуется комплексом мультимодальных средств. Так, начальная *детская* страница парка Шварцвальд построена с учетом любознательности по отношению к представителям живой природы и сезонным изменениям и содержит красочные фото- и видеоматериалы о животных и временах года, изменяющих пейзаж в парке. Видеонаглядность подобрана с учетом возрастных особенностей целевой группы, способствуя формированию желания посетить парк. В центре страницы размещен вопрос «Welche Tiere gibt es eigentlich im Nationalpark?», ответ на который дают фотографии и названия типичных представителей фауны (Auerhahn, Kreuzotter, Rothirsch, Reh, Dreizehenspecht, Wanderfalke, Fuchs, Feuersalamander, Eichhörnchen, Siebenschläfer). Сочетание красочных фотографий и часто незнакомых названий под ними, несомненно, привлечет внимание ребенка. Воздействие усили-

вается всплывающим поверх фотографий текстом, описывающим особенности соответствующего вида. Ср. описание талисмана парка — сыча воробьиного — крупное фотоизображение которого размещено вверху страницы:

- (1) *Der Sperlingskauz ist die kleinste Eule, die in Europa lebt. Er frisst kleine Vögel und Mäuse und lebt in Bergwäldern, in denen es viele alte Bäume gibt. Sehr gerne mag der Sperlingskauz Nadelbäume. Er ist oft Nachmieter von Spechten und nistet in Baumhöhlen, die der Specht gezimmert hat. Das Nationalpark-Maskottchen, liebevoll auch Spauz genannt, ist ein Einzelgänger und ziemlich scheu.*

В объяснении преобладает базовая лексика, знакомая детям в повседневной жизни. Значение специфических понятий, например, Nachmieter, раскрывается через знакомые понятия, сообщаются сведения о месте обитания и предпочтениях, приводится уменьшительно-ласкательное прозвище и описание характера птицы. Элементы описания дополняют изображение совы, выглядывающей из небольшого дупла сосны.

Стратегия создания положительного имиджа парка реализуется посредством создания доверительной и непринужденной атмосферы общения с представителями парка и его положительной характеристикой, содержащей информацию о природе и видах активности. Невербальными средствами являются нестрогий шрифт заголовка детской страницы «Der Nationalpark für Kinder», качественно выполненные фото- и видеоматериалы. Вербальным средством выступает приветствие-обращение. Характерно, что авторы текста обращаются как бы к конкретному лицу, употребляя форму местоимения 2 л. ед. ч.:

- (2) (2.0) „Willkommen im Nationalpark Schwarzwald!“ (2.1) *Schön, dass du da bist!* (2.2) *Warst du schon mal bei uns im Nationalpark zu Besuch?* (2.3) *Egal, ob du dich schon richtig gut auskennst oder dich erstmal hier ein bisschen schlau machen willst, bevor du zu uns kommst: hier kannst du viel über den Nationalpark erfahren.* (2.4) *Und richtig Lust bekommen, alles mit eigenen Augen zu sehen!* (2.5) *Wie sieht es wohl aus, in einem Nationalpark?* (2.6) *Bei uns gibt es viel Wald, mit all den Tieren, Pflanzen und Pilzen, die in einem Wald zuhause sind.* (2.7) *Einige davon sind sehr selten und etwas ganz Besonderes.* (2.8) *Bei uns gibt es auch ziemlich viele Hügel und Berge — den Seekopf zum Beispiel, den Schliffkopf oder den Hohen Ochsenkopf.* (2.9) *Warum die alle „Kopf“ heißen?* (2.10) *Komm vorbei und finde es heraus!* (2.11) *Schon mal was vom „Deutschlandpilz“ gehört?* (2.12) *Oder dem*

„wohlriechenden Schichtpilz“? (2.13) Bei uns gibt es *unglaublich viel zu entdecken* — *kommst du mit auf Entdeckertour?* (2.14) Nix wie raus!! (2.15) *Wir freuen uns auf dich.*

Созданию доверительной атмосферы общения с сотрудниками парка способствуют обозначения отправителя и получателя текста личными местоимениями; Wir — это обобщенно все сотрудники парка, а du — ребенок, соотношение обозначений отправителя и получателя повторяет привычное ребенку соотношение «мы — ты» в общении с родителями и близкими родственниками. Использование лексем положительной семантики («Schön, Wir freuen uns») подчеркивает, что ребенка в парке ждут и ему рады, что соответствует его потребности в признании и одобрении со стороны взрослых. Описание природы парка в обращении дается в обобщенной форме перечисления наименований основных ландшафтных и природных концептов (2.6), однако подчеркивается факт, что некоторые из них — нечто редкое и особенное («sehr selten und etwas ganz Besonderes»). Предлагаемые парком виды активности опираются на потребность в исследовании, удовлетворении любопытства и получении удовольствия (2.13).

Синтаксис обращения приближен к разговорному стилю. Эмоциональную окрашенность придают восклицательные (2.0, 2.1, 2.4, 2.14), вопросительные (2.2, 2.5, 2.9, 2.11, 2.12, 2.13) и побудительные предложения (2.10). Многие предложения имеют облегченную эллиптическую структуру (2.1, 2.3, 2.4, 2.11, 2.12, 2.14), содержат модальные частицы mal, wohl, выполняющие контактоустанавливающую функцию и придающие высказыванию смягчающее значение (АВЕРИНА 2021: 165).

Стратегия «поддержка интеракции», осуществляемая посредством активации гиперссылок, направлена на взаимодействие с пользователями онлайн, внутри сайта: так, ссылка с надписью «Reinhören» активирует аудиоматериал — запись звуков леса; путем наведения курсора мыши на изображение животного активируется всплывающий текст-объяснение. Текстовые блоки призваны поддержать внешнюю интеракцию, так они содержат перспективную информацию о том, что после просмотра странички возникнет желание увидеть все своими глазами, а формулировка вопросов и загадок («Warum die alle „Kopf“ heißen? Komm vorbei und finde es heraus!») не только активизирует мыслительную дея-

тельность, но и является стимулом посещения парка.

Текстовый блок внизу страницы, адресованный подросткам, содержит помимо побуждения к совместной деятельности, направленной на сохранение природы, также элементы социальной рекламы, направленной на воспитание чувства ответственности за природную среду. Форма первого лица глагола *übernehme* может быть осмыслена как тактический прием персуазивной стратегии, позволяющий подростку ощутить себя деятельным защитником природы:

(3) *ÜBERNEHME VERANTWORTUNG ALS JUNIOR-RANGER*IN!*

*Du bist zwischen 5 und 12 Jahren, liebst den Wald und die Tiere und möchtest dich für die Natur stark machen? Dann bist du bei unseren Junior-Ranger*innen genau richtig!*

Hier hast du die Möglichkeit mit Gleichaltrigen die Tier- und Pflanzenwelt des Nationalparks zu erkunden und lernst dabei neue interessante Dinge, wie Spurenlesen oder die verschiedenen Vogelarten des Nationalparks zu unterscheiden.

Сочетание текстового блока и фотографии рекламирует участие в программах рейнджеров-юниоров, отвечающее возрастным потребностям совместной деятельности со сверстниками, и расширение границ познания. Вербальный блок взаимодействует с фотографией, изображающей двух девочек-подростков одного роста в зеленых футболках с надписью «Eine Spur wilder», смотрящих в бинокль в сторону лесистых холмов Шварцвальда.

3.2.2. Целевая группа «Учителя / воспитатели»

В материалах для целевой группы «учителя / воспитатели» *положительный имидж* парков создается через апелляцию к профессиональной сфере. Парки и сохраняемая в них природная среда понимаются в дискурсе сайтов как великолепное место обучения и воспитания («Natur & Wildnisbildung, Lernort Wald»), предлагаются программы и информационные материалы для образовательных учреждений разного уровня («Angebote für Schulen, Angebote für Kindergärten»), размещается информация об образовательных организациях-партнерах («Nationalpark-Schulen, Kooperationskindergärten, Kooperationssschulen»). В следующем рекламном тексте называются образовательные и общественные организации-партнеры разных уровней, эксплицируются цели современного обучения (*begeistern*), пути сближения с природной средой через опору на органы чувств, эмоции и переживания, характеристики образовательного процесса в современном обще-

стве (zielgruppengerecht, differenziert, barrierefrei, inklusiv):

- (4) Wildnis entsteht erst einmal im Kopf. Jeder hat seine eigenen Vorstellungen von Wildnis. Diese beinhalten Bilder von Landschaften oder Tieren oder auch den kleinen, unscheinbaren Dingen in der Natur. Es sind aber auch *Geräusche und Gerüche* und ganz besonders *Emotionen* und bereits gemachte *Erlebnisse*, die unsere Vorstellung von Wildnis entstehen lassen.

Hier setzt unsere *Bildungsarbeit* an. Wir möchten Menschen für *Wildnis begeistern* und das auf unterschiedlichste Art und Weise. Hierfür schaffen wir mit unseren *Angeboten und Programmen* Zugänge in die *Natur* und in die *Wildnis*. Und das *zielgruppengerecht, differenziert, barrierefrei und inklusiv*.

Es ist uns wichtig, bereits die Jüngsten unter uns für den Nationalpark zu *begeistern* und arbeiten intensiv mit *Kindergärten* und *Kindertageseinrichtungen*. Eine kontinuierliche Zusammenarbeit ist uns wichtig. Daher richten wir einen weiteren Fokus auf *Schulen* aller Schularten und SchülerInnen jeden Alters — das gilt auch für *Hochschulen*. Darüber hinaus bieten wir Angebote für *Jugendgruppen, Vereine und Verbände*.

Весь комплекс перечисленных средств реализует стратегию создания положительного имиджа парка.

Стратегия *аттрактивации* также затрагивает профессиональную сферу и проявляется в предлагаемом разнообразии программ и обучающих проектов, названия которых содержат номинации с эксплицитно положительной оценкой («Die schönsten Erlebnispfade, eine richtige Forschungsstation für Kinder, Wanderung über eine der Traumschleifen»), а также воздействующие на образную и эмоциональную сферу метафоры и стилистические фигуры («Reise in die Welt der Wurzelzweige, im Reich der Murmeltiere, Der Steinadler — König der Lüfte, Lebensnetz Wald, Alt und Reich — Vom Zauber alter Wälder»). В названиях образовательных программ иногда содержится указание на развитие когнитивных способностей детектива или ученого («Tatort Natur, Naturpark-Forscher als Detektive unterwegs»).

Стратегия *поддержки интеракции* реализуется в том числе в предоставлении материалов для обучения на дому в период пандемии. Следующий рекламный текст представляет ресурс #WIBIDIGI на сайте национального парка Шварцвальд, содержащий видеоматериалы из и позволяющий знакомиться с жизнью природы из дома.

(5) #WIBIDIGI: WILDNISBILDUNG DIGITAL

Wildnis und Nachhaltigkeit im Netz für zu Hause

Wir wollen euch *Anregungen, Aufgaben* und *Aufheiterungen* aus dem Nationalpark *nach Hause* bringen. Und auch zu Hause digital mit euch vernetzt sein. Denn die Themen *Wildnis, Nachhaltigkeit* und *Umweltschutz* sind keine Themen, die nur bei einer Exkursion im Nationalpark eine Rolle spielen. Etwas bewirken könnt ihr am besten *in eurem Alltag*. Und wenn wir bei einer Exkursion dazu anregen können sind wir *genauso froh*, wie wenn wir euch über ein Video oder einen kurzen Text einen Stupser für zu Hause geben können.

Авторы рекламы оговаривают возможность участвовать в образовательном процессе, не выходя из дома и в повседневной жизни способствовать устойчивому развитию, осваивая тематические области «дикая природа», «охрана природы» в ходе просмотра занимательных видеоматериалов, чтения небольших текстов и выполнения заданий. Создание специального блока в соответствии с актуальной ситуацией иллюстрирует возможности быстрого реагирования сайтов на вызовы современности.

4. Заключение и выводы

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о планомерном адресном воздействии на разные социально-возрастные группы населения Германии в виртуальном дискурсе национальных парков, целью которого является привлечение широкого круга людей к общению с природой и вовлечение их в процесс экологического образования и воспитания. Выявлено более 20 целевых групп, охватывающих предельно широкую целевую аудиторию, и отдельные группы лиц и учреждений, основными критериями выделения которых являются возраст, профессия, социальное положение, круг интересов. Наиболее выпукло адресное воздействие проявляется на целевых группах «Дети» и «Учителя / воспитатели», что свидетельствует о приоритете первых двух критериев.

Систематизация способов и средств объективации целевых групп на сайтах включает структурные, жанровые, языковые критерии и характеризуется мультимодальностью. Мультимодальные способы реализации стратегий привлечения внимания, создания положительного имиджа парка и поддержки интеракции для целевых групп «дети» и «учителя» затрагивают важные стороны развития личности (интеллект, творчество, эмоции,

профессиональный рост). При этом используются универсальные средства модализации в компьютерно-опосредованной коммуникации: видео- и аудионаглядность, рубрикация и гиперссылки, варьирование цвета и шрифта. Специфику придают вербальные лексико-синтаксические и стилистические средства.

Сопоставление с аналогичными сайтами русских национальных парков дало бы возможность выявить общие и специфические черты в представлении материалов и сделать выводы о возможностях влияния коммуникативных стратегий в виртуальных дискурсах на образовательный и туристический дискурс.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аверина А. В. Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика. М.: Прометей, 2021. [Averina, Anna V. (2021) *Chastitsy kak elementy kommunikativnogo vzaimodeystviya v nemetskoyazychnoy srede: teoriya i praktika*. (Particles as Elements of Communicative Interaction in German Environment: Theory and Praxis). Moscow: Prometey. (In Russian)].
- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. [Anisimova, Yelena Ye. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* (Text Linguistics and Intercultural Communication (exemplified by Creolized Texts)). Moscow: Academia. (In Russian)].
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. [Valgina, Nina S. (2003) *Teoriya teksta* (Text Theory). Moscow: Logos. (In Russian)].
- Голоднов А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб.: Астерион, 2010. [Golodnov, Anton V. (2010) *Persuazivnaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vozdeystviya (na materiale sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamy)* (Persistent Communication: Strategies and Tactics of Influence (exemplified by modern German-language Advertising). Saint Petersburg: Asterion. (In Russian)].
- Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105—123. [Goroshko, Yelena I., & Zhigalina, Yelena A. (2010) Virtual'noe zhanrovedeniye: ustoyavsheyesya i spornoye (Virtual Genre Study: Fixed and Disputable). *Journal of Psycholinguistics*, 12, 105—123. (In Russian)].
- Горошко Е. И., Землякова Е. А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического нацио-

- нального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. № 1. С. 225—237. [Goroshko, Yelena I., & Zemlyakova, Yelena A. (2011) Virtual'noe zhanrovedeniye: stanovleniye teoreticheskoy paradigmy (Theory of Virtual Genres: Paradigm Development). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 1, 225—237. (In Russian)].
- Калашишникова Е. В. Лингвистика изображения в исследованиях современных немецких лингвистов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 13 (842). С. 57—67. [Kalashnikova, Yevgenia V. (2020) Lingvistika izobrazheniya v issledovaniyakh sovremennykh nemetskiikh lingvistov (Linguistics of Images in Studies of modern German Linguists). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (842), 57—67. (In Russian)].
- Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2009. [Lutovinova, Olga V. (2009) *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki virtual'nogo diskursa* (Linguocultural Characteristics of Virtual Discourse). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Мещерякова Н. В. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности (на материале текстов социальной рекламы на русском и немецком языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М: Военный ун-т, 2012. [Meshcheryakova, Nataliya V. (2012) *Stilisticheskiye i pragmalingvisticheskiye osobennosti reklamnykh tekstov social'noy napravlennosti (na materiale tekstov social'noy reklamy na russkom i nemetskom yazykakh)* (Stylistic and Pragmalinguistic Features of Social Advertising Texts (exemplified by Texts of Social Advertising in Russian and German)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Military University. (In Russian)].
- Сергеева Т. К. Экологический туризм. М.: Финансы и статистика, 2014. [Sergeyeva, Tatyana K. (2014) *Ekologicheskyy turizm* (Ecological Tourism). Moscow: Finansy i statistika. (In Russian)].
- Старыгина Н. Ф. Категория адресата в семантическом пространстве туристического рекламного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6. С. 171—177. [Sarygina, Nataliya F. (2019) Kategoriya adresata v semanticheskom prostranstve turisticheskogo reklamnogo teksta (The Addressee Category in the Semantic Space of the Tourist Advertising Text). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6, 171—177. (In Russian)]. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10623.
- Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Линг-

- вистический аспект анализа. М.: Красанд, 2010. [Shchipitsina, Larisa Yu. (2010) *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* (Computer-mediated Communication: The Linguistic Aspect of Analysis). Moscow: Krasand. (In Russian)].
- Bucher, Hans- Jürgen. (2011) *Multimodales Verstehen und Rezeption als Interaktion. Theoretische und empirische Grundlagen einer systematischen Analyse der Multimodalität*. In Diekmannshenke, Hajo; Klemm, Michael, & Stöckl, Hartmut. (eds) *Bildlinguistik. Theorien-Methoden-Fallbeispiele*. Berlin: Erich Schmidt.
- Hennecke, Angelika. (2015) *Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis*. Retrieved from <http://trans-kom.eu>.
- Kress, Gunther, & Leeuwen, Theo van. (2001) *Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication*. London: Arnold.
- Nationalpark Bayerischer Wald. Website. (2022, January 20). Retrieved from <https://www.nationalpark-bayerischer-wald.bayern.de>.
- Nationalpark Harz. Website. (2022, January 20). Retrieved from <https://www.nationalpark-harz.de/de>.
- Nationalpark Schwarzwald. Website. (2022, January 20). Retrieved from <https://www.nationalpark-schwarzwald.de/de>.

Yekaterina V. Bepalova
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev (Samara University)

Target Groups in Virtual Discourse of German National Parks

For the first time, the author researches the problem of ecological training and upbringing by means of influence upon different social and age groups of German population in virtual national parks discourse. The research methodology integrates the theory of virtual and advertising discourses, multimodality and persuasivity. The author finds over 20 target groups and brings to a system multimodal means of their objectivation. She describes multimodal strategy realization ways of attention attracting, positive park image building and interaction supporting for target groups “Children” and “Teachers”.

Keywords: pervasive discourse; target group; persistent strategies; multimodality; diversity

Для цитирования:

Беспалова Е. В. Целевые группы в виртуальном дискурсе немецких национальных парков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 65—81.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-65-81.

To cite this Article:

Bespalova, Yekaterina V. (2022) Tselevyye gruppy v virtual'nom diskurse nemetskikh natsional'nykh parkov (Target Groups in Virtual Discourse of German National Parks). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 65—81. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-65-81.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

A. Burkhardt
Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg

DIVERSITÄT UND DIE (DEUTSCHE) SPRACHE*

Nach einer näheren Bestimmung dessen, was Diversität ist, wird zunächst geprüft, ob und inwieweit Sprache zu deren Ausdruck geeignet ist. Unter Rekurs vor allem auf G. W. F. Hegel, F. Mauthner und H. von Hofmannsthal und anhand eines Beispieltextes von J. L. Borges wird gezeigt, dass Wortbedeutungen notwendigerweise abstrakt sind (und nur Eigennamen an Individuelles heranreichen können). Die heute gängige Reduktion der grammatischen Kategorie Maskulinum auf den alleinigen Ausdruck des natürlichen Geschlechts „männlich“ wird abgelehnt, vor allem indem dargelegt wird, dass so entweder Hyponyme ohne Oberbegriff entstehen oder in sprachwidriger Weise versucht wird, Unterbegriffe — etwa durch *, oder : — bereits in den Signifikanten der ursprünglich generisch maskulinen Hyperonyme anzuzeigen, um bereits hier als relevant eingestufte Personengruppen „sichtbar“ zu machen. Entsprechend wird die heute in der Gender- bzw. Identitätsdiskussion immer wieder vertretene Ansicht, unterschiedliche soziale Gruppen müssten stets erkennbar „mitgenannt“ sein bzw. immer neu vermeintlich neutral oder mit ihren Selbstbezeichnungen benannt werden, verworfen, weil das Ersetzen inkriminierter grammatischer Formen ebenso wie dasjenige als diskriminierend eingestufte Wörter in eine („Euphemismus-“ bzw. „Diversity-“)Tretmühle führt, solange nicht zuvor die gesellschaftliche Diskriminierung selbst überwunden wird.

Schlüsselwörter: Sprache; Gender; Diversity; Hyponym; Hyperonym; Euphemismus-Tretmühle

Überall aber sah er, wie die Menschen desselben Zeitalters gleiche Auffassungen über gleiche Dinge äußerten, die Ansichten der Mehrheit als ihre eigenen ausgaben, Phrasen anstelle wirklicher Gedanken aussprachen, und er entdeckte dabei, daß es im Grund bloß die Gedanken einiger weniger waren, die die Massen wiederkäuten (STRINDBERG 1981: 51).

1. Einleitung

Im vorliegenden Beitrag geht nicht darum, ausgehend von vorgefertigten Typologien sozialer Diversität, Zuordnungen von Welt zu

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XIX съезда РСГ.

sprachlichen Formen vorzunehmen oder deren Eignung im Einzelnen zu prüfen, sondern darum, der Frage nachzugehen, was Diversität ist, ob Sprache überhaupt zu deren Ausdruck geeignet ist und inwieweit die Verwendung sprachlicher Mittel in diesem Zusammenhang kommunikativ sinnvoll erscheint.

2. Was ist Diversität?

Diversität ist bereits seit dem frühen 17. Jh. in der Bedeutung ‚Verschiedenheit‘, wenig später auch „aufwertend für ‚Vielfalt, Vielfältigkeit“ belegt (DFWB 4: 780). Der Begriff bringt also das Bestehen differierender Merkmale zum Ausdruck und ist kein linguistischer Terminus, sondern bezeichnet eine Eigenschaft der Welt und der in ihr vorkommenden Lebewesen und Sachen. Diversität ist die Kehrseite der Individualität und Vielfalt ihr Ergebnis. Sie findet sich in allen Bereichen des Existierenden, in der Natur ebenso wie in der menschlichen Lebenswelt und unter den Menschen selbst. Entsprechend kann der Skopus der jeweils in Rede stehenden Diversität unter Fokussierung auf einzelne Merkmale und Merkmalsgruppen eingeschränkt werden. Dazu ist es nötig, zuerst einmal Gruppen oder Klassen aufgrund *gemeinsamer* Merkmale zu konstituieren, um dann die jeweils abweichenden Merkmale der einzelnen Gruppen- oder Klassenmitglieder in den Blick zu nehmen. In diesem Sinne setzt Diversität Homogenität, d. h. Übereinstimmung in übergeordneten, d. h. abstrakteren Merkmalen, voraus. In Bezug auf Menschen bedeutet dies, dass Diversität auf Übereinstimmung in den übergeordneten Merkmalen des Menschseins, d. h. auf Gemeinsamkeiten aufruht.

Die Betrachtung der überall vorhandenen Diversität kann auf unterschiedliche, jeweils im Interesse der Wahrnehmung stehende Bereiche eingengt werden. Entsprechend wird gesprochen oder auch geforscht über Biodiversität, Soziodiversität, Neurodiversität oder auch Geschlechterdiversität. Auf Menschen und ihre Gesellschaften eingeschränkt wird *Diversität* heute häufig durch sein englisches Pendant *diversity* ersetzt. Das DIVERSITY-Konzept entstand in den 1950er Jahren und hat seinen Ursprung in der US-amerikanischen Bürgerrechtsbewegung. In den Sozialwissenschaften werden seither zumeist sieben Diversity-Dimensionen unterschieden, nämlich Geschlecht, sexuelle Orientierung, Alter, ethnische Herkunft und Nationalität, Religion und Weltanschauung, Behinderung und soziale Herkunft. Diese Dimensionen, die wertungsfrei zu betrachten und zu respektieren sind, können auch „intersektionell“ auftreten, d. h. einander überschneiden. Ebenso

wie Diversität im Weiteren ist Diversity im engeren Sinne ein Merkmal des Konkreten, der Individuen, die sich aber gleichwohl aufgrund ihrer gemeinsamen Merkmale zu Gruppen zusammenfassen lassen, und meint daher häufig nichts anderes als Pluralität. In der Soziologie und bei vielen gesellschaftlichen Gruppen wird sie positiv gewertet und als Bereicherung verstanden. Entsprechend heißt es etwa auf der Webseite des Bayerischen Jugendrings:

„Eine diversitätsbewusste Gesellschaft versteht daher Verschiedenartigkeit als Selbstverständlichkeit, nimmt Unterschiede ohne jedwede Wertung wahr und schafft entsprechend vielfältige Strukturen und Angebote.

Diskriminierende Vorstellungen und Gruppenbezogene Menschenfeindlichkeit können nicht unter der Diversität aufgefasst und nicht unter dem Schutz des Diversitätsbewusstseins stehen. Denn diese Vorstellungen sind gerade davon geprägt, Vielfalt nicht zu respektieren und das Eigene über das Andere zu stellen.“¹

Gefordert wird dementsprechend ein „Diversitätsbewusstsein“, das mit den Konzepten Individualisierung, Diversifizierung und Antidiskriminierung verbunden und durch die Akzeptanz unterschiedlicher Lebensstile und kultureller Herkunft sowie wechselseitigen Respekt gekennzeichnet ist:

„Demnach lässt sich in Deutschland eine zunehmende Individualisierung beobachten, in der die Menschen selbstbestimmt ihre Lebensstile sowie Identitäten definieren. Darüber hinaus ist Deutschland durch Migrationsbewegungen kulturell, ethnisch sowie religiös heterogener, diverser geworden. Letztlich ist das Bewusstsein, gegen Diskriminierungen jedweder Richtung aktiv vorzugehen, bei politischen sowie zivilrechtlichen Einrichtungen gestiegen und Antidiskriminierung zu einem Schlagwort geworden. Alle drei Prozesse haben dazu beigetragen, dass auch Diversität und Diversitätsbewusstsein eine Aufwertung erfahren haben“ (Ibid.).

Um ein wenig Ordnung zu schaffen, muss zunächst einmal unterschieden werden zwischen individueller und Gruppen- bzw. Klassendiversität. Die individuelle Diversität kann man nicht vollständig bezeichnen.² Aber Eigennamen kann man immerhin so bilden, dass

¹ <https://www.bjr.de/themen/integration/wording-begriffe-im-kontext/diversitaet>.

² Ein zumindest teilweise gelungener Versuch ist allenfalls der bekannte walisische Ortsname *Llanfairpwllgwyngyllgogerychwyrndrobwlllantysi-*

das wichtigste Merkmal durch ihre morphologische Gestalt hervorgehoben wird. Bei der Gruppenidentität ist die Lage etwas besser. Hier können wichtige Merkmale semantisiert und immer neue Kohyponyme gebildet werden, was die Abstraktheit der Begriffe zwar reduziert, aber keineswegs beseitigt. Der Ausdruck von Gruppendiversität kann also auf unterschiedlichen Abstraktionsebenen erfolgen, die im Prinzip unendlich sind und — wie der als Entitätenklassifikation gedachte porphyrische Baum — allenfalls bei den Eigennamen enden.

Es sei aber noch einmal betont, dass Diversität keine Eigenschaft der Sprache ist, sondern eine Eigenschaft der Welt. Das gilt auch für Diversity im engeren Sinne. Der Sprache kann allenfalls die Aufgabe zugewiesen werden, Diversität dadurch beschreibbar zu machen, dass das Sprachzeicheninventar — je nach gesellschaftlichem oder wissenschaftlichem Differenzierungsbedarf — so erweitert wird, dass innerweltliche Unterschiede als distinktive semantische Merkmale an immer neue Sprachzeichen gebunden werden, so dass immer neue Hyperonyme und Kohyponyme entstehen. Beim Sprechen, also bei der Auswahl aus dem verfügbaren lexikalischen System, soll mit Blick auf die Diversität v.a. menschlicher Individuen darauf geachtet werden, so zu formulieren, dass keine Vorurteile mittransmittiert werden. Gleichwohl bleibt die (jeweilige) Sprache ein abstraktes Medium.

3. Diversität und Sprache

Schon Hegel hat das Denken nämlich als Allgemeines, Abstraktes bestimmt. „Indem die *Sprache* das Werk des Gedankens ist“, schreibt er in der *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften*,

„so kann auch in ihr nichts gesagt werden, was nicht allgemein ist. Was ich nur meine, ist mein, gehört mir als diesem besonderen Individuum an; wenn aber die Sprache nur Allgemeines ausdrückt, so kann ich nicht sagen, was ich nur meine. Und das Unsagbare, Gefühl, Empfindung, ist nicht das Vortrefflichste, Wahrste, sondern das Unbedeutendste, Unwahrste. Wenn ich sage: »das Einzelne«, »dieses Einzelne« »Hier«, »Jetzt«, so sind dies alles Allgemeinheiten; Alles und Jedes ist ein Einzelnes, Dieses, auch wenn es sinnlich ist, Hier, Jetzt. Ebenso wenn ich sage: »Ich«, *meine* ich Mich *als diesen* alle anderen Ausschließenden; aber was ich sage, Ich, ist eben jeder; Ich, der alle anderen von sich ausschließt“ (Ibid.: § 20).

liogogogoch, was so viel bedeutet wie ‚Marienkirche in der Mulde der weißen Hasel, in der Nähe eines schnellen Strudels und der Kirche St. Tysilio bei der roten Höhle‘, also eigentlich eine Aufzählung ist.

Abgesehen von den schon erwähnten Eigennamen, die stets auf Individuelles in der Gesamtheit seiner Eigenschaften bezogen sind, aber gleichwohl aufgrund ihrer Wortbildung wichtige Merkmale des Bezeichneten fokussieren können, sind die Bedeutungen der Wörter der Sprache notwendigerweise abstrakt, indem in ihnen jeweils nur einige wenige Merkmale der zu bezeichnenden Dinge, Personen und Sachverhalte festgehalten sind: Aufgrund der Bedeutung seiner lexikalischen und grammatischen Elemente kann der Satz *Professor Burkhardt liest ein interessantes Buch* etwa paraphrasiert werden mit 'eine männliche erwachsene Person mit dem Namen *Burkhardt* und von Beruf Hochschullehrer identifiziert gegenwärtig in einem aus etlichen papiernen Textseiten bestehenden Druckwerk, das vom Sprecher als inhaltlich bemerkenswert beurteilt wird, nacheinander Buchstabenkombinationen als bestimmte konventionalisierte Sprachzeichen, versteht deren Bedeutungen und verbindet sie zu Gedanken'. Im Satz werden über die Wortbedeutungen nur die Männlichkeit, das Erwachsenensein, der Hochschullehrerstatus und die Zugehörigkeit zur Spezies Mensch, die Tätigkeit der Zeichenerkennung und -deutung sowie das aus etlichen Textseiten bestehende Druckwerk aus dem Material Papier³ erwähnt, nicht aber Geschlecht, sexuelle Orientierung, Alter, ethnische Herkunft und Nationalität, Religion und Weltanschauung, Behinderung, soziale Herkunft oder etwa die konkrete Statur, die Haar-, Haut- oder Augenfarbe des Referenten, seine Kleidung zum Bezugszeitpunkt sowie die genaue Menge der Textseiten, die Lesegeschwindigkeit, das Thema des Buches oder die Sprache, in der es geschrieben ist. Auch die Geschwindigkeit der Informationsaufnahme, der Ort, an dem diese stattfindet, die Position, in der sie geschieht (z. B. liegend oder sitzend), die Farbe und der Erhaltungszustand des Einbandes, die Zahl der Textseiten oder die Beschaffenheit des Papiers und vieles andere werden nicht mitgeteilt. Darin zeigt sich, dass Sätze bzw. satzwertige Äußerungen generell nur Allgemeines ausdrücken und infolgedessen auch nur in einem allgemeinen Sinne wahr oder falsch sein können, weil sie mit Hilfe der Sprachzeichen nur dem jeweils Sprechenden wichtige Momente einer komplexen Realität herauspicken und hervorheben. Es handelt sich also jeweils um eine Art Satzmetonymie, in der jede Beschreibung notwen-

³ Heutzutage ist natürlich auch an digitalisierte Texte und Textversionen zu denken.

digerweise ausschnittshaft bleibt; vgl. dazu auch (HÜBL 2018: 35). Zwar kann man die Konkretion erhöhen, indem man Satzglieder hinzufügt und so die Satzinformation erweitert, also etwa sagt: *Der 69-jährige, heterosexuelle, aus Ostwestfalen stammende und altersbedingt leicht gehbehinderte Agnostiker Prof. Burkhardt liest in seinem Wohnzimmer auf der Couch liegend Die Kunst des Bücherliebens von Umberto Eco in einer Taschenbuchausgabe.* Weil aber die verwendeten Wörter, mit Ausnahme der Eigennamen, nichts Individuelles bezeichnen, ändert das nichts an ihrer prinzipiellen Abstraktheit und damit auch der sprachlichen Äußerung als ganzer. Konkretes lässt sich gar nicht ausdrücken, sonst müsste man, wie Swifts Weise von Laputa, statt Wörtern in einem Sack mitgeführte Gegenstände vorzeigen (vgl. dazu [SWIFT 1843: II, 68ff.]) und diese so „semiotisieren“ (vgl. [ECO 1972]). Und selbst dann wären die Gegenstände noch abstrakt, sobald sie nicht ausschließlich für sich selbst stünden.

Darunter, dass Sprache nichts Konkretes zum Ausdruck bringen kann und sich in der Kommunikation durch millionenfachen allgemeinen Gebrauch abnutzt, haben ausdrücklich wohl zuerst Fritz Mauthner und Hugo von Hofmannsthal gelitten. Mauthner ist als früher Exponent dieser Sprachskepsis sogar so weit gegangen, die Sprache zum „Hauptmittel des Nichtverstehens“ zu erklären, und hat noch hinzugefügt:

„Worte für innere Seelenvorgänge sind natürlich von den Werten oder Begriffen ihres Inhalts abhängig und darum bei zwei Menschen niemals gleich, <...>. Je vergeistigter das Wort, desto sicherer erweckt es bei verschiedenen Menschen verschiedene Vorstellungen. <...> Das abstrakteste Wort ist das vieldeutigste. <...> Mut, Liebe, Wissen, Freiheit sind ebenso [wie Gott] zerfahrene Worte. Durch die Sprache haben es sich die Menschen für immer unmöglich gemacht, einander kennen zu lernen“ (MAUTHNER 1923: I, 56).

Und Hofmannsthal lässt bekanntlich in seinem berühmten *Brief* Lord Chandos ein „unerklärliches Unbehagen, die Worte ‚Geist‘, ‚Seele‘ oder ‚Körper‘ nur auszusprechen“, empfinden und schließlich sagen, „die abstrakten Worte, deren sich doch die Zunge naturgemäß bedienen muß, um irgendwelches Urteil an den Tag zu geben, zerfielen mir im Munde wie modrige Pilze“ (HOFMANNSTHAL 1951: 14) Es ist die Verzweiflung an der mangelnden Konkretion und Unangemessenheit der Sprache im emotionalen Bereich, die hier als Empfindung des Sprachzerfalls zum Ausdruck kommt und

auch von späteren Autoren immer wieder variiert worden ist.⁴

Mit der Sprache kommt man auch und gerade an Gefühle nicht heran, weil sie nur mit allgemeinen, teils metaphorischen Begriffen wie *Bauchschmerzen*, *Heimweh* oder *Liebe* beschrieben werden können. Und auch Sinneswahrnehmungen lassen sich nicht wirklich (oder allenfalls mit Hilfe von Metaphern) beschreiben, wie dies der sardische Schriftsteller Marcello Fois in einem Kriminalroman zum Ausdruck bringt:

„Diese Nacht zu beschreiben scheint ganz einfach zu sein, dass sich die Nächte nicht beschreiben lassen. Es lassen sich nicht die stechenden Gerüche der Pflanzen beschreiben, die das Licht des fast vergangenen Tages abschütteln, oder die der auf der Suche nach Nahrung umherirrenden Tiere. Auch nicht der Duft der Beeren, die heruntergedrückt von den frechen Stößen des Nordwindes auf den Boden fallen. Selbst der trockene Klang der Schritte auf der von den Karrenrädern gepeinigten Trift ist nicht beschreibbar“ (FOIS 2006: 21) (meine Übersetzung — A. B.).⁵

Das Gegenteil einer Typologisierung und Kategorisierung durch Abstraktion findet sich in der Novelle *Funes el memorioso* („Das unerbittliche Gedächtnis“) des argentinischen Nobelpreisträgers Jorge Luis Borges, wo der Protagonist, eine Art Super-„Monk“ (am. Fernsehserie), wie folgt beschrieben wird:

„Wir nehmen mit einem Blick drei Gläser auf einem Tisch wahr; Funes alle Triebe, Trauben und Beeren, die zu einem Rebstock gehören. Er kannte genau die Formen der südlichen Wolken des Sonnenaufgangs vom 30. April 1882 und vermochte sie in der Erinnerung mit der Maserung auf einem Pergamentband zu vergleichen, den er nur ein einziges Mal angeschaut hatte, und mit den Linien der Gischt, die ein Ruder auf dem Rio Negro am Vorabend des Quebracho-Gefechtes aufgewühlt hatte. Diese Erinnerungen waren indessen nicht einfältig; jedes optische Bild war verbunden mit Muskel-, Wärmeempfindungen

⁴ Z. B. von Ingeborg Bachmann, Christa Wolf oder Ulla Hahn.

⁵ Im italienischen Original: „A raccontarla quella notte sembra poca cosa, che le notti non si possono raccontare. Non si possono raccontarne gli odori acuti della piante che si scrollano di dosso la luce del giorno appena passato; l'odore delle bestie che vagano in cerca di cibo. Né si può raccontare il fragore delle bacche che precipitano al suolo spinte giù dalla scossa dispettosa della tramontana. Persino il suono secco dei passi nel tratturo martoriato dalle ruote dei carri è irracontabile“.

usw. Er konnte alle Träume seiner Träume, alle im Halbschlaf gesehenen Bilder rekonstruieren. Zwei oder dreimal hatte er einen ganzen Tag rekonstruiert, nie war er über etwas im Zweifel gewesen, aber jede solche Rekonstruktion hatte einen ganzen Tag beansprucht. Er sagte mir: „Ich habe allein mehr Erinnerungen, als alle Menschen zusammen je gehabt haben, solange die Welt besteht.“ Und weiter: „Meine Träume sind wie euer Wachen.“ Und schließlich, gegen Morgengrauen: „Mein Gedächtnis, Herr, ist wie eine Abfalltonne.“ Ein Kreis auf einer Schiefertafel, ein rechtwinkliges Dreieck, ein Rhombus sind Formen, die wir ganz und gar wahrnehmen können; ebenso erging es Funes mit der verwehten Mähne eines jungen Pferdes, mit einer Viehherde auf einem Hügel, mit dem wandelbaren Feuer und den unzähligen Aschestäubchen, mit den vielen verschiedenen Gesichtern eines Verstorbenen während einer langen Totenwache. Ich weiß nicht, wie viele Sterne er am Himmel sah <...>.

Tatsächlich erinnerte Funes sich nicht nur an jedes Blatt jedes Baumes in jedem Wald, sondern auch an jedes einzelne Mal, da er es gesehen oder sich vorgestellt hatte. Er beschloß, jeden seiner vergangenen Tage auf 70 000 Erinnerungen zu beschränken, die er später mit Ziffern bezeichnen wollte. Zwei Überlegungen hielten ihn davon ab: die Einsicht, daß die Mühe endlos sein würde, und die Einsicht, daß sie sinnlos war. Er überlegte, daß er in der Stunde seines Todes noch nicht einmal die Einordnungen seiner sämtlichen Kindheitserinnerungen zu Ende gebracht haben würde. <...>

Er war — vergessen wir das nicht — zu allgemein platonischen Ideen so gut wie nicht imstande. Nicht nur machte es ihm Mühe zu verstehen, daß der Allgemeinbegriff „Hund“ so viele Geschöpfe verschiedener Größe und verschiedener Gestalt umfaßt; es störte ihn auch, daß der Hund von 3 Uhr 14 (im Profil gesehen) denselben Namen führen sollte wie der Hund von 3 Uhr 15 (gesehen von vorn). Sein eigenes Gesicht im Spiegel, seine eigenen Hände überraschten ihn immer wieder. Swift berichtet, daß der Kaiser von Liliput die Bewegungen des Minutenzeigers wahrnahm; Funes unterschied ständig die ruhigen Vorgänge der Verwesung, der Fäulnis, des Leidens. Er bemerkte die Fortschritte des Todes, der Feuchtigkeit. Er war der einsame und klare Beobachter einer vielgestaltigen, augenblicklichen und fast unerträglich deutlichen Welt. Babylon, London und New York haben mit ihrer wilden Pracht die Einbildungskraft der Menschen überladen. Aber niemand in ihren übervölkerten Türmen oder im Getriebe ihrer Straßen hat die Hitze und den Druck einer derart nimmermüden Wirklichkeit gefühlt, wie sie Tag und Nacht auf dem unseligen Ireneo in seinem südamerikanischen Vorwort lastete. Schlafen fiel ihm sehr

schwer. Schlafen heißt, sich von der Welt erholen; Funes, auf dem Rücken auf seinem Feldbett liegend, stellte sich im Dunkeln jeden Riß, jedes Gesims der präzisen Häuser um ihn herum vor.

<...> Er hatte ohne Mühe Englisch, Französisch, Portugiesisch, Latein gelernt. Ich vermute allerdings, daß er zum Denken nicht sehr begabt war. Denken heißt, Unterschiede vergessen, heißt verallgemeinern, abstrahieren. In der vollgepropften Welt von Funes gab es nichts als Einzelheiten, fast unmittelbarer Art“ (BORGES; zit. nach: [ECO 2016: 9f.]).

Borges hat hier den Extremfall eines nur auf Einzelobjekte und Details fixierten Menschen skizziert, dem die Fähigkeit zu abstrahieren, d. h. Gemeinsamkeiten zu erkennen, fehlt, die der Ausbildung der Sprache zugrunde liegt und die menschliche Erkenntnis gerade aus- bzw. möglich macht. Funes ist der Diversität des oder der Einzelnen vollkommen verfallen. Darum hat die Journalistin Kübra Gümüşay, auf deren Spiegel-Bestseller „Sprache und Sein“ gleich noch zu sprechen zu kommen sein wird, auch vollkommen recht, wenn sie schreibt:

„Die Welt braucht keine Kategorien. Wir Menschen sind es, die sie brauchen. Wir konstruieren Kategorien, um uns durch diese komplexe, widersprüchliche Welt zu navigieren, um sie irgendwie zu begreifen und uns über sie zu verständigen.

Wir brauchen Kategorien. Wer probieren würde, alles auf dieser Welt — Menschen, fremde wie bekannte, Tiere, große wie kleine, Gerüche und Geräusche, alle Informationen, die auf uns einprasseln — ungefiltert und unkategorisiert wahrzunehmen, würde von den Reizen überflutet werden und in ihnen ertrinken“ (GÜMÜŞAY 2017: 133f.)

Gümüşay, in deren Buch die Gefühle von Fremdheit und Ausgrenztheit von Minderheiten, insbesondere solchen mit Migrationshintergrund, sehr eindringlich geschildert und reflektiert werden, konzediert hier also einerseits die Notwendigkeit der Kategorisierung auf der Grundlage von Abstraktion, um jedoch andererseits zugleich zu kritisieren, dass Menschen wie z. B. kopftuchtragende Musliminnen „[k]ategorisiert, katalogisiert, ihrer Vieldeutigkeit beraubt, entmenschlicht“ (Ibid.: 88) werden. Durch die Verwendung des Gendersternchens hebt Gümüşay zwar die Diversität der durch Personengruppenbezeichnungen kategorisierten Menschen hervor, spricht jedoch eigentlich nur von Männern und Frauen und benutzt an mehreren Stellen sogar das generische Maskulinum („keiner ihrer Gäste“; [Ibid.: 160]) oder auch das generische Femininum („die Per-

son“; [Ibid.: 19] u. ö.). Halten wir hier fest, dass schon Borges die extreme Detailsucht des von ihm geschaffenen Funes ausdrücklich als „sinnlos“ bezeichnet hatte.

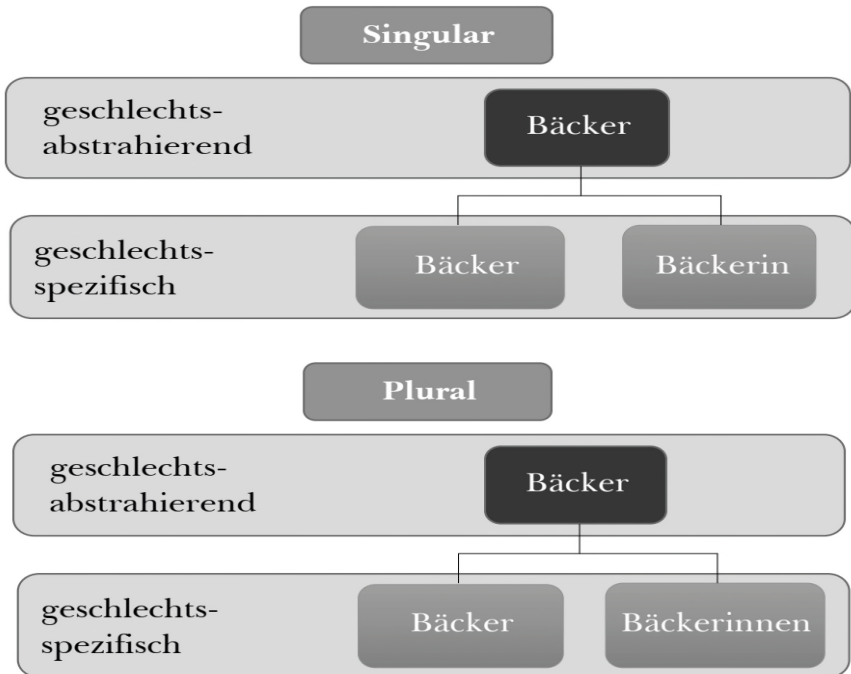
4. Diversität und Semantik

Auch heute gibt es nicht wenige Menschen, zu denen auch einige Linguisten gehören, denen die Abstraktheit der Wortbedeutungen Bauchschmerzen bereitet und die — wenn auch nicht aus denselben Gründen wie Mauthner und Hofmannsthal — von der Sprache, genauer: von den Wörtern fordern, Identitäten und damit Individuelles oder doch zumindest Gruppenindividuelles hervorzuheben, und dies gleichsam objektiv, soll heißen, aus der Perspektive der Benannten. Es gibt daher ein verbreitetes Gefühl, bei Gattungsnamen, vorzugsweise Personengruppenbezeichnungen, müssten möglichst alle in ihrer Diversität ERKENNBAR mitgenannt werden. Die Idee, die dahintersteht und für die das Buch von Kübra Gümüşay gleichsam stellvertretend steht, ist, a) dass es den in einer Gesellschaft wie etwa der deutschen üblichen Bezeichnungen von Minderheiten oder von als diskriminiert betrachteten Personengruppen an Konkretion mangelt, so dass — vor allem von ihnen selbst — als wichtig betrachtete Merkmale unsichtbar bleiben oder gar durch negative Zuschreibungen ersetzt werden, und b) dass Menschen so bezeichnet werden müssten, wie sie selbst bezeichnet werden wollen; dies sei „einfach eine Frage des menschlichen Anstands“ (GÜMÜŞAY 2021: 49). Sprache — oder ist nicht vielmehr das Sprechen gemeint? — müsse gerecht und inklusiv sein, so dass alle Personen oder Gruppen in ihrer Unterschiedlichkeit in ihr bzw. in ihrer Begrifflichkeit sichtbar würden. Gümüşay differenziert sogar zwischen der Mehrheitsgesellschaft als den „Unbenannten“, deren Existenz nicht hinterfragt werde und die auch die Benennenden seien, und den verschiedenen Minderheiten als den „Benannten“, die „sorgfältig katalogisiert in Glaskäfigen [leben], beschriftet mit ihren Kollektivnamen“ (Ibid.: 54) und betrachtet durch die Augen der Unbenannten: „gesichtslose Wesen, Bestandteile eines Kollektivs“, auf das jede ihrer Handlungen zurückgeführt werde. Wobei man allerdings sicher sein kann, dass auch die Benannten für die Unbenannten eigene Benennungen entwickelt haben werden. Wichtig ist beim Bezeichnen generell nicht, dass immer alle mitgenannt, sondern dass sie nicht pejorativ bezeichnet oder auf andere Weise abgewertet werden.

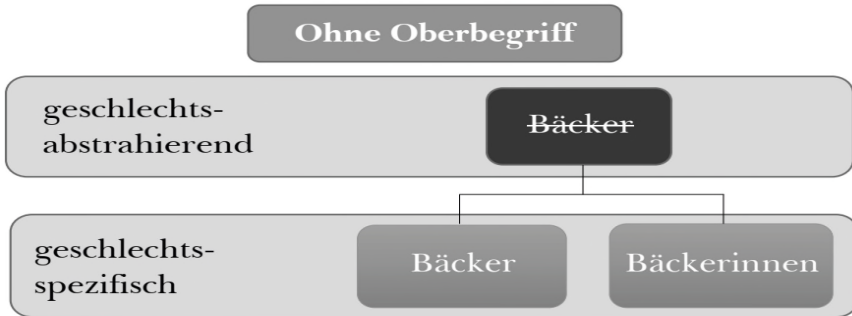
Ein wesentlicher Ausgangspunkt für das neue Bedürfnis, unterschiedliche Personengruppen im selben Gattungsnamen in gleicher

Weise zu nennen oder, wie es meistens heißt, „sichtbar zu machen“, ist die gesellschaftlich zwar verständliche, sprachhistorisch und sprachsystematisch aber schwer zu rechtfertigende Uminterpretation der grammatischen Kategorie Maskulinum bei Personengruppenbezeichnungen zum alleinigen Ausdruck des natürlichen Geschlechts „männlich“ und der damit einhergehende Verzicht auf den bisher verfügbaren generischen Oberbegriff.

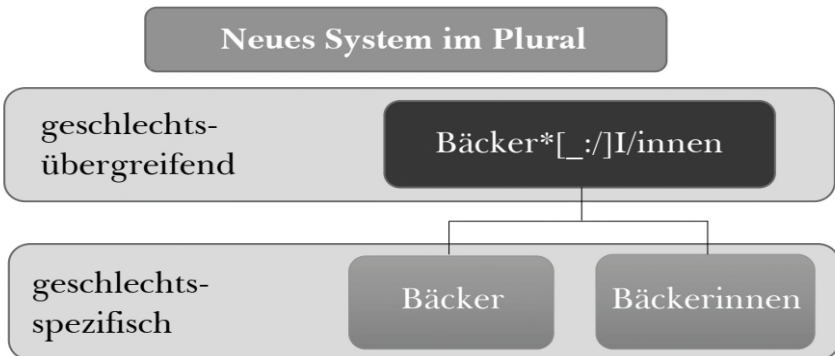
Semantisch betrachtet bildeten bis in die letzten Dekaden des vorigen Jahrhunderts Personengruppenbezeichnungen im Maskulinum bekanntlich sowohl den Oberbegriff für männliche wie für weibliche Exemplare der betreffenden Gruppe und zugleich für die Untergruppe der männlichen allein. So war z. B. die Berufsgruppenbezeichnung *Bäcker* Hyperonym und eines ihrer Hyponyme zugleich:

Durch die inzwischen auch in den Medien um sich greifende Umdeutung des Maskulinums zu ‚männlich‘ ging in den Augen vieler dessen generische Funktion als Hyperonym verloren, ohne dass ein echter lexikalischer Ersatz dafür geschaffen wurde oder werden konnte:

Das führt zu dem semantischen Problem, dass man nun a) keinen Oberbegriff mehr hat und b) gezwungen ist, um der Gleichberechtigung aller willen nach neuen Formen zu suchen, die auch andere Geschlechter und Neigungen bezeichnerbar machen, und dies auf der generischen Ebene. Um das entstandene Problem zu beseitigen, wurden zunächst Zwillingformeln, dann Binnenmajuskeln, Schrägstriche und zuletzt Doppelpunkte, Unterstriche und Asterisken eingeführt. Bis dahin war es in der deutschen Sprache nicht üblich gewesen, Diversität bereits auf der Ebene der Hyperonyme anzuzeigen, denn Diversität in der Sprache besteht in der Diversität der Benennungen, der Hyponyme, und nicht in der semantischen Aufladung der Hyperonyme im Sinne einer vermeintlich größeren Inklusivität. Diversität bringt man in die SPRACHE durch neue Wörter bzw. Wortbildungen, in den SprachGEBRAUCH durch Aufzählungen, im Extremfall in Form von Realdefinitionen. Inzwischen werden jedoch Wörtern — Komposita oder Ableitungen — schon auf der Ebene der Hyperonyme zusätzliche Differenzierungsfunktionen aufgebürdet:

Mögliches neues System?

Bäcker*[_:/I/innen / Backende

Bei der Differenzierung wird hier, nach Ansicht des Verfassers, auf der falschen Analyseebene angesetzt. Es ist ein bisschen so, als müsste man beim Sprechen über Wälder immer „*Nadel- und Laubbäume*“ oder *Nadel*laub*bäume sagen, weil *der Wald* männlich ist, oder statt *Hund* immer *Hündinnen und Rüden* oder *Hünd*innen* sagen, weil *der Hund* Maskulinum ist und es möglicherweise auch diverse Hunde gibt. Die diagnostizierte Unsichtbarkeit ist eine auf der Ebene der Hyperonymie, auf der Ebene der Hyponyme besteht sie aber zumeist nicht. Zumindest könnte die Lexik auf dieser Ebene leicht ausgebaut werden. Derselbe Verlust der Funktion als Hyperonym würde übrigens auch für das generische Femininum gelten — nur mit dem Unterschied, dass hier für männliche oder diverse Teilgruppen noch nie eine geschlechtergerechte Ersatzbezeichnung oder Zusatzmarkierung wie etwa *der/die Person*er* bereitgestellt wurde.

Um es noch einmal deutlich zu sagen: Natürlich ist es vollkommen in Ordnung, bei Bedarf neue Oberbegriffe erfinden. Es ist aber sprachwidrig und kategoriell sinnlos, Hyperonyme auf der Ausdruckseite so umzugestalten, dass in ihnen alle Untergruppen mitgenannt sind (das wäre im Übrigen auch aussichtslos).⁶ Für Gruppen- oder Klassen-Diversität stehen in der Regel als Hyponyme bereits einzelne eigene Klassenbegriffe zur Verfügung. Oberbegriffe

⁶ Eine denkbare, aber sprachhistorisch wie -systematisch eher abenteuerlich anmutende Lösung des Problems wäre, das ehemalige generische Maskulinum so umzuinterpretieren, dass es rein generisch ist und dann neue Unterbegriffe zu bilden, sodass dann etwa unter dem Hyperonym *Bäcker* der *Bäckerin* der *Bäckerich* entspräche.

drücken jedoch niemals selbst die Diversität aus.

Das substantivierte Partizip Präsens, wie z. B. *Backende*, ist deswegen kein adäquater Ersatz für das verlorengegangene Hyperonym, weil es zeitliche Ausdehnung und Gleichzeitigkeit des Handelns zum Ausdruck bringt, die etwa bei Berufen nicht immer gegeben ist (z. B. nach Feierabend). (Vgl. u. a. [EISENBERG 2019: 19ff.]) Sollte es sich dennoch durchsetzen, was ja immerhin den Vorteil hätte, dass nunmehr ein neues Hyperonym bereitstünde, dann würde diese Entwicklung langfristig vermutlich die Möglichkeit des Ausdrucks von Gleichzeitigkeit und Dauer durch das Partizip I beschädigen.

Weil jede Sprache, mit Humboldt (1963: 418; VII 46) gesprochen, kein fertiges „Ergon“ ist, sondern eine „Energeia“, kann die materielle, wie die soziale oder geistige Welt natürlich durch ihre Wörter anders bzw. neu gegliedert werden. Man muss dabei ja nicht dem Beispiel der von Borges beschriebenen altchinesischen Enzyklopädie mit dem Titel *Himmlicher Warenschatz wohlthätiger Erkenntnisse* folgen, die die Gegenstände klassifiziert in:

„a) dem Kaiser gehörige, b) einbalsamierte, c) gezähmte, d) Milchschweine, e) Sirenen, f) Fabeltiere, g) streunende Hunde, h) in dieser Klassifizierung enthaltene, i) sich toll gebärdende, j) unzählige k) mit feinstem Kamelhaarpinsel gezeichnete, l) und so weiter, m) die den Wasserkrug zerbrochen haben, n) die von weitem wie Fliegen aussehen“ (Zit. nach: [ECO 1994: 216]).⁷

⁷ Eine ebenfalls sehr eigenwillige Klassifikation sogar von Menschen findet sich bei Strindberg, der den Fischerei-Inspektor Axel Borg erkennen lässt, „daß man die Menschen genau wie Tiere und Pflanzen in große Klassen, in Ordnungen und Familien untergliedern konnte, je nach der Festlegung des Einteilungsprinzips“. Weiter heißt es: „Da er aber mehrere Einteilungssysteme verwendete, kam er der Wahrheit ziemlich nahe und beleuchtete sein Untersuchungsobjekt von allen Seiten.“

So entwarf er unter anderem ein Schema für Menschen mit drei Unterabteilungen: Bewußte, Selbstbetrüger und Unbewußte. <...> Zu den Selbstbetrügern rechnete er alle religiös Gläubigen, hypnotische Medien, Propheten, Parteiführer, Politiker, Wohltätigkeitsapostel und den ganzen Schwarm schwacher Ehrgeizlinge, die sich den Anschein gaben, sie lebten für andere. Zu den Unbewußten gehörten die Kinder, die meisten Verbrecher, die meisten Frauen, eine Anzahl Geisteskranker, die alle noch halb auf dem Niveau von Säugetieren lebten, ohne die Fähigkeit, Subjekt und Objekt zu unterscheiden.

Man muss allerdings darauf achten, dass die neue Gliederung nicht schon auf der Hyperonymiebene ansetzt.

5. Die Diversity-Tretmühle

Während der Arbeit am Vortragstext, aus dem dieser Beitrag hervorgegangen ist, erschien im Internet ein Interview mit der bekannten früheren Nachrichtenmoderatorin Petra Gerster über das Buch „Vermintes Gelände — Wie der Krieg um Wörter unsere Gesellschaft verändert: Die Folgen der Identitätspolitik“, das sie mit ihrem Mann Christian Nürnberger geschrieben hat. In dem Interview wird u. a. behauptet, den Gender-Kritikern gehe es „um die Ideologie, um die Privilegien des ‚alten weißen Mannes‘“ (GERSTER 2021), genauer: um deren Verteidigung. Sie glaube, „da fürchtet eine ganze Generation, mit der männlich geprägten Sprache auch die Deutungshoheit zu verlieren“. Kritik am Gendern und am generischen Maskulinum, die laut Gerster meist von „ältere Herren“ stammt, ist demnach Verteidigung sozialer Privilegien, und zwar derjenigen des „alten weißen Mannes“. Im Interview ist auch zu lesen, es gehe beim Gendern „nicht um Formalitäten, sondern um viel mehr: um Geschichte, Herkunft, Ethnie, Hautfarbe und Geschlecht — kurz um Identität. Und um den Wunsch nach Teilhabe“. Das Gendersternchen im Besonderen sei „geradezu ideal, um neben den Frauen auch Menschen anzusprechen, die sich nicht eindeutig männlich oder weiblich fühlen“. Dass die hier genannten Eigenschaften und Aspekte wichtig sind, kann nicht sinnvoll bestritten werden. Die Frage ist nur: Warum *sollte* man in alltäglichen Äußerungen überhaupt Menschen in ihrem Geschlecht oder ihrer sexuellen Orientierung „ansprechen“, wenn diese Eigenschaften überhaupt nicht das Thema der jeweiligen Äußerungssituation sind? Warum sollten in allgemeinen Äußerungen überhaupt differierende Gruppen stets ausdrück-

Nach einem anderen Einteilungsprinzip, dem ontogenetischen, das sich vom Embryo bis zu dem am höchsten stehenden Mann erstreckte, untergliederte er in Kinder, junge Leute, Frauen und Männer. <...>

Weiter nahm er eine Einteilung der Charaktere nach einer Dominanten — wie er es nannte — vor, auf diese Weise untergliederte er in Freßsüchtige oder Prasser, Trinker und irgendwie Süchtige in einer untersten Gruppe, Sexuelle oder geschlechtlich Genießende, Affektive oder Gefühlsmenschen und schließlich Intellektuelle oder Denkende, die für ihn am höchsten standen“ (STRINDBERG 1981: 52f.).

lich „mitgenannt“ werden, statt einfach ganz selbstverständlich impliziert zu sein? Die Vielfalt muss in der Welt, auch und gerade der sozialen, möglich sein, allgemein akzeptiert werden und sich in der medialen Welt abbilden, aber nicht notwendigerweise im System der Sprache, deren Begriffe an echte Identität und Individualität per se nicht heranreichen können. Insofern ist das Adjektiv „divers“ selbst die wohl am wenigsten geeignete Möglichkeit, Diversität angemessen zum Ausdruck zu bringen. Die Frage ist auch, ob man nicht sogar durch gutgemeinte Differenzierung gerade die Unterschiede hervorhebt, die man eigentlich nivellieren will.

Und ist eine „inklusive“ Sprache, wie z. B. Gerster meint, gerechter? Oder einfach nur umständlicher und plakativer? Ist es nicht vielmehr so, dass zwar das Sprechen, d. h. die ÄUSSERUNGEN, gerecht sein muss, es aber durchaus zweifelhaft ist, ob es überhaupt eine Gerechtigkeit auf der lexikalisch-semantischen Ebene geben kann — oder gar muss? Ist nicht das (kontextuelle) Meinen wichtiger als (lexikalisch-semantische) Sagen? Und trifft es wirklich zu, dass Gender-Gegner, „meistens ältere Herren [sind], die mit dem generischen Maskulinum im Grunde ihre Vormachtstellung erhalten wollen. Da geht es ganz klar um Ideologie, um die Privilegien des ‚alten weißen Mannes‘“ (Ibid.). Hier zeigt sich wieder einmal, dass diejenigen, die anderen ideologischen Sprachgebrauch vorwerfen und sich gegen ihrer Ansicht nach negative Konnotationen von Personengruppenbezeichnungen wehren, nicht selten kein Problem damit haben, selber ideologische Begriffe zu verwenden, durch die sie andere pejorisieren und so letztlich mindestens gegendiskriminieren. Auf jeden Fall drängen sich im Zusammenhang mit Gersters hier nur stellvertretend angeführter Argumentation, einige weitere Fragen auf wie: Können grammatische Formen ernsthaft ein soziales Kampfmittel und dafür geeignet sein, eine Vormachtstellung oder „Deutungshoheit“ zu verteidigen? Ist das nicht selber eine ziemlich ideologische Behauptung? Kann ein „Sternchen <...> den Respekt auch vor nichtbinären Menschen [bezeugen], die bisher immer ausgegrenzt waren“ (Ibid.)? Sicher ist es wichtig, diesen Respekt zu haben, es ist aber vielleicht die Frage gestattet, ob es wirklich nötig ist, ihn immer wieder und bei möglichst jeder Gelegenheit auszudrücken.

Auch Gümüşay vertritt die inzwischen weit verbreitete Ansicht, dass das generische Maskulinum insofern unzulänglich sei, als in ihm Frauen allenfalls „mitgemeint“ würden und „gedanklich weniger

einbezogen“ seien. Sie führt dafür das inzwischen schon über 30 Jahre alte, Luise Pusch zugeschriebene (aber wahrscheinlich auf den britischen Psychologen Anthony J. Sanford zurückgehende und also eigentlich englische) Beispiel von *dem* „diensthabenden Chirurgen“ an, der seinen schwerverletzten Sohn operieren soll und sich im weiteren Verlauf der Geschichte als dessen Mutter entpuppt. Dass „der Chirurg“ in der damaligen Gesellschaft einen männlichen Arzt assoziieren ließ, ist auch heute noch bis zu einem gewissen Grade nachvollziehbar. Die Ursache für diese Fehlinterpretation jedoch dem generischen Maskulinum anzulasten, verkennt vollkommen die Tatsache, dass in früheren Zeiten Chirurgen fast immer Männer waren und es sich bei der im Beispiel falschen Hypothese um die Anwendung eines erlernten Sozialstereotyps und nicht um ein Problem von Grammatik und Semantik handelt. Bei der per Gesetz als geschlechtsneutral definierten Berufsbezeichnung „Hebamme“ dürften die Assoziationen heute in umgekehrter Richtung verlaufen. Gümüşay selbst referiert übrigens beim Erzählen der bekannten Geschichte auf die besagte Chirurgin mit Hilfe des generischen Feminiums „die Person“. An den Artikeln und der mit ihnen verbundenen Zuweisung eines grammatischen Geschlechts dürfte es jedenfalls nicht liegen, wenn Frauen und diversgeschlechtliche Personen oder solche mit speziellen sexuellen Ausrichtungen diskriminiert werden, denn auch Gesellschaften, deren Sprachen keine Artikel und kein grammatisches Geschlecht kennen, weisen oft dieselben Diskriminierungen auf. Entsprechend schreibt Gümüşay selbst in einer Fußnote:

„Gibt es weniger Sexismus und sexistische Gewalt in der Türkei, weil die Sprache zumindest grammatikalisch nicht diskriminiert? Nein — die Türkei ist eines der Länder mit den höchsten Femizid-Raten weltweit und mitnichten eine gendergerechte Gesellschaft. Denn Sprache ist nur *ein* Faktor. Andere sind mediale Bilder, Filme, Kunst, Kultur, Justiz, Exekutive, tradierte Machtkonstruktionen in Politik, Wirtschaft, Bildungsinstitutionen, religiösen Institutionen etc. Das Patriarchat findet mit einer Sprachreform keine Ende. Aber auch nicht ohne“ (GÜMÜŞAY 2021: 193, Fn. 18).⁸

Hinzu kommt, dass zumindest das Insistieren auf den movierten Formen teils zu Redundanzen (*Frau Professorin*), teils zu einer Art Selbstdiskriminierung führt: In der als Lob gemeinten Äußerung

⁸ Dass der letzte Satz zutrifft, würde ich bezweifeln.

Frau Meyer ist die beste Ministerin des Kabinetts wird die Leistung der Politikerin auf den Vergleich mit den weiblichen Kabinettsmitgliedern einschränkt. In einem Fernsehkrimi, in deren Zentrum ein Treffen früherer Schulfreundinnen stand, war dagegen neulich der Satz zu hören: *Eine von uns ist **der** Mörder*, was ja die mögliche Täterin zumindest in eine größere Gruppe einordnet, zu der dann auch Männer gehören würden (die aber im vorliegenden Fall als Täter gar nicht in Frage kamen).

In die Diskussionen über die einzelnen Formvarianten des Genders und die — seiner Ansicht nach sowohl historisch als auch mit Blick auf das grammatische System gut begründete — Kritik an der Umdeutung des generischen Maskulinums will sich der Verfasser hier gar nicht weiter einmischen und verweist statt dessen auf einige Arbeiten von Peter Eisenberg (u. a. 2019) oder auch von Martin Neef (2018), der das Genus als „eine Art der Nominalklassifikation“ bestimmt hat. Wichtig scheint ihm an dieser Stelle nur, noch einmal ausdrücklich zu betonen, dass es in der deutschen Sprache auch ein generisches Femininum gibt, dessen wohl exponierteste Vertreterin das (oben schon kurz thematisierte) Substantiv *die Person* (ähnlich aber auch *die Lehrkraft, die Geisel, die Führung* u. a. m.) ist, die Männer (und andere Menschen) immer mitmeint. Im Bereich der menschlichen Gesellschaft mögen solche Beispiele selten sein, v. a. mit Blick auf das Tierreich (aber vgl. auch: *die Hexe — der Hexerich*) kommen sie jedoch des Öfteren vor: *die Gans — der Gänserich, die Ente — der Enterich, die Maus — der Mäuserich* u.a.m. Bei den Tierarten haben übrigens (besonders in der Jägersprache) die männlichen und weiblichen Tiere sogar häufig unterschiedliche Bezeichnungen: *das Schwein: die Sau — der Eber, das Rind: die Kuh — der Bulle, der Fuchs: der Rüde — die Fähe, das Reh: der Rehbock — die Ricke, der Hase: der Rammler — die Häsin* usw. Bei *der Hund* zeigt sich das generische Maskulinum, bei *die Katze* das generische Femininum.⁹

⁹ Puschs (1984: 35) These, bei Nutztieren werde im Deutschen das nützlichere Geschlecht (hier: das Femininum) zum Genus des Archilexems, bei Raubtieren dagegen mit Blick auf die größere Körperkraft der männlichen Exemplare das Maskulinum, erfordert nach Ansicht des Verf. differenziertere Betrachtungen, die z. B. auch die Tatsache einbeziehen, dass *Huhn, Schaf* und *Schwein* eben nicht Femininum sind. Und vielleicht ist bei Raubtieren ja auch nicht die männliche Stärke, sondern die Bösartigkeit der Grund für die

Der Faktor, der die Diskriminierung hervorbringt und trägt, ist die Gesellschaft und insofern das Sein, nicht die Sprache. Schon Steven Pinker hat darauf hingewiesen, dass sich gesellschaftlich fortbestehende Diskriminierungen und Vorurteile sofort an die neuen Wörter heften, durch die die alten, negativ konnotierten ersetzt werden, und dass deswegen Bestrebungen der „political correctness“ nie über einen längeren Zeitraum erfolgreich sein können. Er hat dies die „euphemism treadmill“ genannt, die darin besteht, dass

„People invent new ‘polite’ words to refer to emotionally laden or distasteful things, but the euphemism becomes tainted by association and the new one that must be found acquires its own negative connotations“ (PINKER 1994).

Pinker schließt daraus, dass in diesem Prozess

„concepts, not words, are in charge: give a concept a new name, and the name becomes colored by the concept; the concept does not become freshened by the name“ (Ibid.)

Konnotationen sind daher eher als kognitiv-soziale denn als semantische Phänomene zu bestimmen. Und der Versuch, sie allein durch den Austausch von Wörtern, Morphemen oder Sonderzeichen zum Verschwinden zu bringen, gleicht den notorisch zu unendlichem Scheitern verurteilten Bemühungen des Sisyphus.

Das bekannteste Beispiel für die Euphemismus-Tretmühle bilden die Bezeichnungen für dunkelhäutige Amerikaner, die zuerst *negroes* (spanisch *negro*, aus lat. *niger* ‘schwarz’), dann *colored* or *black people* und in jüngerer Zeit schließlich *African-Americans* oder *people of color* genannt wurden. Ein weiteres eindrucksvolles Beispiel findet sich schon bei Leinfellner (1971: 130), die (aus W. Safire’s *The New Language of Politics* (1968)) die folgende drastische Bemerkung einer Slumbewohnerin zitiert:

„I used to think I was poor. Then they told me I wasn’t poor, I was needy. They told me it was self-defeating to think of myself as needy, I was deprived. Then they told me underprivileged was overused, I was disadvantaged. I still don’t have a dime. But I have a great vocabulary“.

Die Angst vor Wörtern wie z. B. dem sog. *N-Wort* ist eigentlich nur die Angst vor konnotativen Bedeutungsaspekten, d. h. vor unseren eigenen Vorurteilen, und paradoxerweise wird gerade das tabuisier-

sprachhistorisch bedingte Zuweisung des Maskulinums (und warum ist dann nicht *Kater* das Archilexem (bzw. Hyperonym), sondern *Katze*?).

te Wort durch die Ersatzbezeichnung evoziert.

Eine andere, inzwischen verbreitete Meinung ist, dass Personengruppen so bezeichnet oder angesprochen werden sollten, wie sie selbst gern genannt werden würden oder sich selbst benennen. Im Bereich der Nationalitätenbezeichnungen käme die Realisierung dieses Ansinnens wohl einer weltweiten Revolution gleich. Denn diese sind üblicherweise Fremdbenennungen, wie etwa die Bezeichnungen der Deutschen als *almanlar*, *allemands*, *tedeschi*, *Germans*, *doitsu-jin*, *déguó-rén*, *nemze* oder *saksalaiset* bezeugen. Neutral sind sie nur dort, wo mit ihnen keine Vorurteile verbunden werden, so dass auch hier der Versuch einer bloßen lexikalisch-semantischen Aufwertung nicht ausreichen würde. Es ist daher illusorisch, Diskriminierungen dadurch beiseitigen zu wollen, dass man — wie es die Empfehlungen des Ständigen Ausschusses für geographische Namen (s. Liste der Staatennamen 2014), dessen Geschäftsstelle dem Bundesamt für Geodäsie und Kartographie angegliedert ist, vorsehen — etwa statt angeblich diskriminierendem *Pakistani* *Pakistani*er sagt oder statt früherem *Togoese* *Togoer* (aber: *Kongolese*). Wahrscheinlicher ist, dass man — bei Weiterbestehen eventuell vorhandener Vorurteile — auch hier in einen tendenziell infiniten Prozess gerät, den man Diversity-Tretmühle nennen könnte. Und eine vergleichbare Tretmühle ist ja anscheinend in der Abfolge der verschiedenen Vorschläge für das Gendern bereits im Gange.

6. Schlussbemerkung

Nach dem Zweiten Weltkrieg gab es Intellektuelle — Literaturwissenschaftler, Politologen, aber auch Linguisten, — die die Meinung vertraten, dass ganz normale Alltagswörter, die in der Nazi-Zeit missbraucht wurden, nunmehr per se abzulehnen seien. Sie kritisierten sie im *Wörterbuch des Unmenschen* (STERNBERGER, STORZ & SÜBKIND 1968; zuerst 1945) und riefen dazu auf, böse Wörter wie *Betreuung* oder *untragbar* aus der deutschen Sprache zu verbannen. Mit Recht hat aber Peter von Polenz (1958: 158f.) in seiner berühmten Rede *Sprachpurismus und Nationalsozialismus* auf dem Germanistentag 1966 darauf insistiert, dass „nicht die Wörter als solche lügen, täuschen, verführen usw.“, sondern nur die Sprecher und die Art, wie sie von den Wörtern in Kontexten Gebrauch machen, böse sein können. Und weil Sprache allen gehört, wäre es aus der Sicht des Verfassers ein später Triumph der Nazi-Verbrecher, wenn ihr Sprachmissbrauch noch heute den normalen, nicht ideologisch befrachteten Alltagsgebrauch der betreffenden Wörter be- oder verhindern würde.

Auch heute gibt es gar nicht so wenige Menschen, auch Linguisten, die glauben, dass Wörter oder grammatische Formen selbst diskriminieren. Nein, das tun sie nicht. Nur Menschen diskriminieren andere Menschen und assoziieren mit den Wörtern und grammatischen Formen nur ihre eigenen schlechten Gedanken. Wenn man seitens der Linguistik die sprachliche Seite der Diskriminierung sinnvoll bekämpfen will, muss man daher nicht die Sprache, sondern den Sprachgebrauch untersuchen, um Vorurteile und Präsuppositionen herauszufiltern. Der Verfasser selbst hat dies bereits vor mehr als 30 Jahren getan, indem er in einer Studie den chauvinistischen Sprachgebrauch und die nicht selten respektlose Behandlung weiblicher Abgeordneter im damaligen Deutschen Bundestag untersuchte und medial anprangerte (vgl. [BURKHARDT 1990; 1992]). Der nächste Schritt muss dann immer sein, die Welt — und nicht ersatzweise die Sprache — zu verändern.

Wäre es nicht, alles in allem, schlauer, beim generischen Maskulinum zu bleiben und die Diversität da zu betonen, wo es die Höflichkeit gebietet oder eine Differenzierung pragmatisch oder auch politisch sinnvoll erscheint? Auch bei der Geschlechtergerechtigkeit geht es schließlich nicht um die Sprache (*Langue*), sondern um die Gesellschaft und infolgedessen um das Sprechen (*Parole*). Entsprechend ist, wenn es um die Beseitigung von Missständen, Diskriminierungen und anderen Ungerechtigkeiten geht, das Basteln an der Sprache kein geeignetes Mittel. Vorurteilsfreies Sprechen dagegen schon.

Und denken Sie bitte bei sprachkritischen Diskussionen immer daran, dass auch der Weihnachtsmann und Djed Moros alte weiße Männer sind.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Borges, Jorge Luis. (1974) *Funes el memorioso*. In Borges, Jorge Luis. *Ficciones. Obras completas: 1923 — 1972*. Buenos Aires: Emecé.
- Burkhardt, Armin. (1990) „Das ist eine Frage des Intellekts, Frau Kollegin!“ Zur Behandlung weiblicher Redner in deutschen Parlamenten. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht* 21, Heft 65, 61—83.
- Burkhardt, Armin. (1992) „Das ist eine Frage des Intellekts, Frau Kollegin!“ Zur Behandlung von Rednerinnen in deutschen Parlamenten“. In Günthner, Susanne, & Kotthof, Helga. (eds) *Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen*. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 297—309.
- DFWb — Deutsches Fremdwörterbuch. (1999) 2. völlig Neubearb. Aufl. Bd. 4. Berlin; New York: De Gruyter.

- Eco, Umberto. (1972) *Einführung in die Semiotik*. München: W. Fink.
- Eco, Umberto. (1994) *Die Suche nach der vollkommenen Sprache*. München: C.H. Beck. [2. Aufl.]
- Eco, Umberto. (2016) *Die Kunst des Bücherliebens*. München: dtv. [3. Aufl.]
- Eisenberg, Peter. (2019) Das missbrauchte grammatische Geschlecht — Gendern im Wandel. In *Die deutsche Sprache und ihre Geschlechter. Eine Dokumentation*. Paderborn: Verlag Deutsche Sprache, 17—27.
- Fois, Marcello. (2006) *Memoria del vuoto*. Turin: Einaudi.
- Gerster, Petra. (2021) *Petra Gerster über Gender-Kritiker: „Da geht es um die Privilegien des alten weißen Mannes“*. Retrieved from <https://web.de/magazine/unterhaltung/tv-film/petra-gerster-weist-gender-kritiker-zurecht-privilegien-alten-weissen-mannes-36348754>.
- Gümüşay, Kübra. (2021) *Sprache und Sein*. Berlin: Hanse. [17. Aufl.]
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. (2017) *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Neuausgabe mit einer Biographie des Autors*. Berlin: Hofenberg.
- Hofmannsthal, Hugo von. (1951) Ein Brief. In Steiner, Herbert. (ed.) *Hofmannsthal, Hugo von. Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Prosa II*. Frankfurt/M., 7—20.
- Hübl, Philipp. (2019) *Bullshit-Resistenz*. Berlin: Nicolai Publishing & Intelligence. [2. Aufl.]
- Humboldt, Wilhelm von. (1963) *Schriften zur Sprachphilosophie*. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft. [4., unveränd. Aufl.]
- Leinfellner, Elisabeth. (1971) *Der Euphemismus in der politischen Sprache*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Liste der Staatennamen und ihrer Ableitungen im Deutschen mit Anhang: Liste der Namen ausgewählter nichtselbstständiger Gebiete. 13. Ausgabe — Stand: Januar 2014, StAGN-Geschäftsstelle im Bundesamt für Kartographie und Geodäsie (BKG).
- Mauthner, Fritz. (1923) *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*. 3 Bde. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Felix Meiner. [3. Aufl.]
- Neef, Martin. (2018) Das Konzept des sogenannten ‚Geschlechtergerechten Sprachgebrauchs‘ aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In Lang-Groth, Imke, & Neef, Martin. (eds) *Facetten der deutschen Sprache*. Berlin: Peter Lang, 44—66.
- Pinker, Steven. (1994) The Game of the Name. *The New York Times*, April 3. Retrieved from (http://pinker.wjh.harvard.edu/articles/media/1994_04_03_newyorktimes.pdf).
- Polenz, Peter von. (1980) Sprachpurismus und Nationalsozialismus. In *Germanistik — eine deutsche Wissenschaft*. Beiträge von Eberhard Lämmert, Walther Killy, Karl Otto Conrady und Peter v. Polenz. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 113—160.

- Pusch, Luise. (1984) *Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik*. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag.
- Sternberger, Dolf; Storz, Gerhard, & Süskind, Wilhelm E. (1968) *Aus dem Wörterbuch des Unmenschen*. Neue erw. Aufl. mit Zeugnissen des Streites über die Sprachkritik. Hamburg; Düsseldorf: Claassen Verlag, 311—327.
- Strindberg, August. (1981) *Am offenen Meer*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam.
- Swift, Jonathan. (1843) *Gulliver's Reisen in andere Länder*. 2 Bde. Stuttgart: Verlag von Adolph Krabbe. [2. Ausg.]

Armin Burkhardt
Otto von Guericke University Magdeburg

Diversity and (the German) Language

After a definition of diversity it is first examined whether and to what extent language is suitable for expressing it. Referring mainly to G. W. F. Hegel, F. Mauthner and H. von Hofmannsthal and using an example text by J. L. Borges it is shown that word meanings are necessarily abstract (and only proper names can in a way approach the individual). The currently common reduction of the grammatical category masculine to the sole expression of the natural gender “male” is rejected. This is done particularly by pointing out that such a reduction either leads to creating hyponyms without corresponding hyperonym or to the linguistically unacceptable attempt of indicating the hyponyms in question (by means e. g. of *, _ or :), in order to make “visible” groups of people considered as relevant, in the signifiers of the originally generic masculine hyperonyms already. Accordingly, the view, repeatedly expressed in today’s gender or identity discussion, that different social groups must always be recognizable as “explicitly included” or named in an allegedly neutral way or by means of their self-designations is rejected because any replacement of incriminated grammatical forms as well as any replacement of words classified as discriminatory will lead to a (“euphemism” or “diversity”) treadmill as long as the social discrimination itself is not overcome first.

Keywords: language; gender; diversity; hyponym; hyperonym; euphemism treadmill

Армин Буркхардт
Университет им. Отто фон Герике

Разнообразие и (немецкий) язык

После подробного рассмотрения того, что понимается под термином «многообразие», следующим шагом в статье становится изучение степени готовности языка объективировать данный концепт имеющими-

ся в его распоряжении средствами. В работе, со ссылкой на труды Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Маутнера и Г. фон Гофманстала, с привлечением в качестве примера текста Х. Л. Борхеса, отмечается, что значения слов неизбежно являются абстрактными (в расчет не берутся только имена собственные, у которых признак конкретности в семантике распознается более отчетливо). Мы возражаем против редукции грамматической категории мужского рода и ее компрессии до обозначения только того, что «относится исключительно к маскулинному»; наша аргументация строится прежде всего на том, что при таком подходе либо провоцируется возникновение гипонимов без родового понятия, либо предпринимается попытка (которая идет в разрез с законами языка) зафиксировать видовые понятия с помощью специальных помет (звездочки (*) или двоеточия :) непосредственно в означающих, первоначально относящихся к категории гиперонимов мужского рода, чтобы таким образом «высветить» группы так называемой «повышенной релевантности». Далее мы обосновываем неприемлемость распространенной на сегодняшний день позиции, согласно которой необходимо находить в языке такие способы и возможности, чтобы можно было поименовать и сделать узнаваемой в «оязыковленном» формате любую социальную группу — либо через нейтральную трансформацию, либо через самоназвание; замена существующих вариантов на такие «сомнительные» грамматические формы, равно как и замена лексических единиц, наделенных статусом «дискриминирующих», погружает нас в эвфемистическую пучину, которая порождает искусственное, шаблонное многообразие; лучше было бы, если бы проблема дискриминации решалась в первую очередь на общественном, а не только языковом уровне.

Ключевые слова: язык; гендер; многообразие; гипоним; гипероним; эвфемистический конвейер

Для цитирования:

Burkhardt A. Diversität und die (deutsche) Sprache // Русская германистика:

Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 82—105.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-82-105.

To cite this Article:

Burkhardt, Armin. (2022) Diversität und die (deutsche) Sprache (Diversity and (the German) Language). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 82—105.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-82-105.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; принята к публикации 10.04.2022

The article was submitted 05.04.2022; accepted for publication 10.04.2022

О. И. Быкова

Воронежский государственный университет

ДИАТОПИЧЕСКАЯ, ДИАСТРАТИЧЕСКАЯ И ДИАМЕДИЙНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СТРАТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вариативность на уровне стратификационной структуры современного немецкого языка с точки зрения многофакторности влияния критериев на функционирование языковых средств в неоднородном, плюрицентричном пространстве Германии. Разнообразие способов номинаций и их вариативность (diversity) обусловлены особенностями параметров стратификационной структуры лингвокультурного пространства. Особое внимание обращается на релевантность лингвокреативной деятельности коммуникантов: воспринимать окружающую действительность, фиксировать в языке и хранить в культурной памяти носителей языка, отражающей глубинный слой национального языкового сознания. В качестве основной социокультурно значимой величины языковых единиц предлагается выделять особый тип коннотации: этноконнотацию, многомерная структура которой включает: ассоциативное переосмысление образной составляющей, маркированной признаками-спецификаторами территориальной и временной соотнесенности; этноэмотив; социолект и функциолект; регистры употребления номинаций. Маркеры этноконнотата являются значимыми при решении проблемных вопросов недостаточного исследования в языкознании феномена «коннотация». Рассмотрение диатопической, диастратической и диамедийной вариативности на примере новейших эмпирических данных позволяет выявить тенденцию к усилению диастратической вариативности в современном немецком языке.

Ключевые слова: диатопическая вариативность; диастратическая вариативность; диамедийная вариативность; стратификационная структура; этноконнотация; этноконнотат

1. Введение

В центре внимания при рассмотрении особенностей функционирования языковых единиц современного немецкого языка находится социолингвистическая релевантность понятия «вариативность». Исследовательская парадигма diversity (нем. Vielfaltigkeit) направлена на изучение многообразия, вариативности средств обозначения воспринимаемых коммуникантами объектов

действительности в речевой деятельности: а) внутри определенной культуры (intrakulturelle Kommunikation); б) в межкультурной коммуникации (interkulturelle Kommunikation). Процессы интеграции и глобализации в современном мире оказывают влияние на речевую деятельность коммуникантов, целесообразность использования функциональных особенностей форм и смыслов средств выражения (Angemessenheit) и аффективности высказывания (Sensibilität). Это детерминировано: 1) экстралингвистической многофакторностью влияний на изменения в структуре языка; 2) лингвокреативной деятельностью представителей определенного языкового коллектива, появлением инноваций.

Многими лингвистами вариативность рассматривается как универсальная категория языковой системы (KELLERMEIER-RENBEIN 2014). Проявление вариативности находит выражение в подвижности и изменчивости аспектов языковой дифференциации в конкретной языковой ситуации. Многообразие способов выражения (diversity) соотнесено с социальными различиями представителей лингвокультурного пространства. Язык по своей структуре гетерогенное, многокомпонентное образование. В конкретном коммуникативном акте проявляется гетерогенный характер его функционирования: знание нормы (Normwissen) и знание вариативностей (Varietätenwissen) определяют его успешность (GROBE 1982: 7).

В этом отношении заслуживает внимания социолингвистическая модель вариативности, предложенная немецким лингвистом Г. Лёффлером (LÖFFLER 2010: 79).

В этой модели (см. Рис.) в форме многообразно пересекающихся линий представлены различные вариативности, континуум отдельных «лектов» (Lekte): (диалектов, функциолектов, медиолектов, идиолектов, ситуолектов, социолектов), что, на наш взгляд, весьма конструктивно для исследования вариативности в языке и речи. В случае функциолектов (Funktiolekte) вариативность опирается на различные функции в разных регистрах: языке бытового общения (Alltagssprache) и письменного, и устного языка. Сюда же относятся и различные смешанные типы как имеющие письменную базу квазисинхронной коммуникации в новых медийных средствах (Chat, SMS). Идиолекты (Idiolekte) обусловлены личностной спецификой способов выражения информации в межличностном общении. Ситуолекты (Situolekte)

обозначают вариативности в различных ситуациях общения: разговор с друзьями или официальная речь. Возрастными и гендерными характеристиками коммуникантов обусловлены Genderlekte. Социолекты (Soziolekte) охватывают значительное количество различных типов вариативности, характеризующих различные социальные слои, в том числе по принадлежности к профессии, кругу интересов.

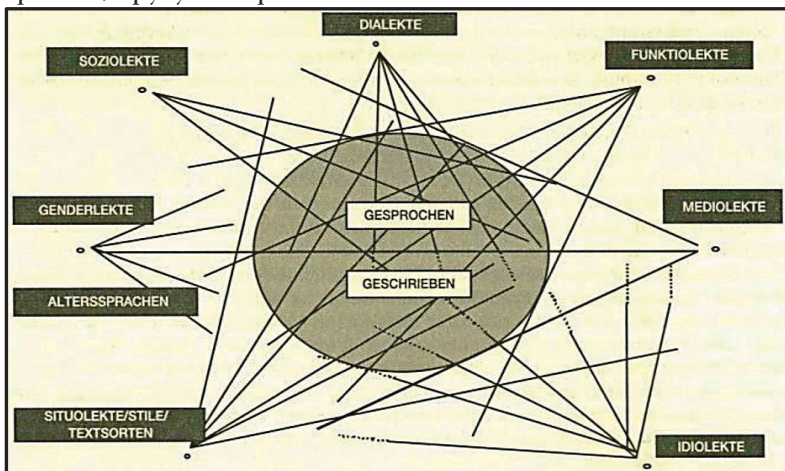

Рис. Социолингвистическая модель вариативности Г. Лёффлера

Хотя эта модель, с одной стороны, демонстрирует наличие трудностей отграничения типов вариативности, то есть отдельные вариативности могут быть соотнесены со многими типами, с другой стороны, отдельные типы часто представляют негомогенные структуры и, в свою очередь, состоят из более мелких, субсистем. Так, научный язык может быть реализован в зависимости от типа коммуниканта в устной или письменной форме общения:

«Mediolekte bestehen eigentlich nur aus zwei Varietäten: der geschriebenen und gesprochenen Sprache.“ <...> “So variiert etwa Wissenschaftssprache, je nachdem, ob sie an Experten oder Laien gerichtet ist bzw. mündlich oder schriftlich realisiert wird» (цит. по: [KELLERMEIER-REHBEIN 2014: 18–19]).

На этом основании можно предположить, что диамедийная вариативность языковых единиц может быть рассмотрена как особая категория, включающая все признаки диахронической, диатопической, диастратической вариативности языковых единиц.

Для изучения глубинных национально-специфических культуроносных смыслов при актуализации коннотативного значения номинативных единиц мы используем понятие «этноконнотации» как *особого вида культурной коннотации, которая вызывает в сознании коммуниканта отнесенность языковой единицы к определенному культурному пространству*. «Этноконнотат» (ЭК) мы определяем как *макрокомпонент этноконнотации, включающий образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера: территориальной (локус), временной (темпус) соотношенности; этноэмотив (ЭЭ), а также признаки, связанные с особенностями функционирования культурного концепта в определенном социуме (социолект) и в определенной сфере употребления (функциолект)* (БЫКОВА 2005: 41–42). Этноконнотация как основная единица историко-культурного содержания номинативных единиц, обозначающих признаки денотатов, в том числе и уникальных, отражает отношение говорящего: а) к собственному сознанию в процессе идентификации личности как представителя этнолингвокультурной общности; б) к языку как способу выражения диахронической, диатопической, диастратической и диамедийной вариативности функционирующих в нем единиц; в) к внешней действительности (Ibid.: 47).

2. Характеристика материала и методов исследования

Неоднородность плюрицентричного пространства лингвокультурного сообщества Германии определяет обращенность нашего исследования к диатопической, диастратической и диамедийной вариативности на уровне наиболее открытой и подвижной лексической системы языка.

Для проведения многоаспектного изучения особенностей стратификационной структуры лексики считаем целесообразным использовать целый комплекс методов: лексикографическое описание; компонентный анализ на уровне коннотативного содержания: маркирование признаками этноконнотата; лингвокогнитивный анализ номинаций отдельных концептуальных сфер отражаемой действительности в национальном языковом сознании представителей определенных этноспецифических пространств; контекстуальный анализ функционирования языковых единиц в различных дискурсивных условиях.

В качестве материала исследования использованы словари, в том числе словари диалектов и говоров, статьи, опубликованные

в периодических изданиях (список приводится в конце работы).

3. Результаты исследования, их обсуждение

Диалектная картина мира как подсистема языка заслуживает внимания: диалектам присуща образность и необыкновенная выразительность. Следует отметить определенный ренессанс употребления диалектизмов в современном немецком языке как способа первичного восприятия окружающего мира. Диатопические варианты образуют иерархическую совокупность наддиалектных форм языка, региолектов современного немецкого языка (Nieder - oder Norddeutsch, Mittel - und Oberdeutsch).

Проиллюстрируем функционирование номинаций в разных региолектах:

Сравним формы прощания (Abschiedsformeln).

«Das norddeutsche „*Tschüss*“ habe die gleiche Bedeutung wie das bairische „*Pfiadde*“ (Behüte Dich Gott). „*Tschüss*“ leitet sich vom lateinischen „*Ad Deum*“ ab, was übersetzt „Gott befohlen“ bedeutet» (PRESSESPiegel 2020: 282).

В региолекте (mitteldeutsch: das Ruhrdeutsch) можно выделить широкий спектр номинаций различных концептуальных сфер (FELLSCHES & SCHNIEBER 2008).

Кörperteile: *der Dassel*, der Kopf (Ibid.: 42); *die Hautkappe*, die Glatze (Ibid.: 79); *der Schnarchhaken*, die Nase (Ibid.: 161).

Lebensmittelmittel: *Erpel*, Kartoffeln (Ibid.: 52); *Kruppschen Aal*, billige Blutwurst (Ibid.: 67).

Geld: *die Geige*, der Zwanzig-Mark-Schein, Marie (Ibid.: 118).

Mensch: *Paijass*, der Blödmann (Ibid.: 131).

Zustand des Menschen: *koksen*, sich hinlegen und ein wenig schlafen (Ibid.: 100).

Technische Geräte: *Mäuseklavier*, Handy (Ibid.: 120).

Bars, Diskotheken: *schicki-micki*, Bars oder Diskotheken, wohin nur sehr gestylte Leute gehen (Ibid.: 154).

Этноконнотированная номинанта *die Bangbüx* ‘furchtsamer Mensch, Angsthase’ (DUW 1996: 205) маркирована признаками-спецификаторами образной составляющей этноконнотата: локус: norddeutsch и этноэмотив: scherzhaft.

Так, в основу образной составляющей в саксонском диалекте существительное *der Strunk*, ‘großer, unbeholfener, frecher Kerl’ (BERGMANN 1987) положено ассоциативное сравнение стебля рас-

тения, ножки гриба, сухого ствола дерева, которые являются бесполезными, с невоспитанным юношей, так же всем и всюду мешающим.

Примечательно, что в функции этноэмотива в саксонском диалекте наиболее часто выступает отрицательная оценка в качестве маркера языковой идентичности и самоидентификации («sprachliche Identität und Selbstdifferenzierung») (SCHLOBINSKI 2015: 203).

Например, «Das sächsische *Sauerkraut* wird in der Oberlausitz *Furzwulle* genannt» (BUCHBESPRECHUNGEN 2020: 288). В сложном существительном *Furzwulle* первый компонент, определительное слово *Furz-*, обозначающий '(derb) /laut/ entweichende Darmblähung' (DUW 1996: 551), маркирован признаком, эксплицирующим отрицательную оценку, указывающим на негативную реакцию жителей Верхнелужицкой области при потреблении блюда, ставшего традиционным в немецкой культуре.

Особое место в региолекте Mittel- und Oberdeutsch занимает Берлинский говор (Berlinisch):

«Berlinisch ist — um es zuzuspitzen — kein klassischer Dialekt, sondern Prototyp einer regionalen Ausgleichsprache für eine Stadt» (GÖTTERT 2012: 107).

Берлинский говор (die Mundart), отличающийся словотворческой креативностью, образностью и юмором, получил шутовское название «Berliner Schnauze». В работах Дитмара Норберта (NORBERT 1986) и Гельмута Шенфельда (SCHÖNFELD 2001) детально описана специфика лексикона берлинцев. Мы ограничимся приведением ряда примеров.

«*Jedächtniswärmer*, Baskenmütze; *mohndoof*, extrem doof; *Platschpampe*, Schneematsch; *'ne Mark abdrücken*, viel bezahlen; *'n Abgang machen*, weggehen; *auswärts reden*, eine Fremdsprache sprechen; *jemandem de Karte lejn*, jemandem drohen; *Sitzkissen*, türkisches Fladenbrot» (цит. по: [GÖTTERT 2012: 116]).

В фокусе исследований диастратической вариативности находится центральная проблема социолингвистики: соотносённость общественных изменений с изменениями в языковой системе. Тенденция к усилению влияния диастратической вариативности на стратификационную структуру языка связана с лингвокреативностью инноваций в социолектах: появлением новых концептуальных сфер и новых номинаций.

Кризисная ситуация, возникшая в связи с большим потоком беженцев, способствовала появлению наряду с зафиксированным в словаре значением глагола *winken* 'jmdn. durch eine Handbewegung auffordern heranzukommen' (DUW 1996: 1745) нового значения 'durchwinken', т. е. пройти без предъявления документа, используя жест рукой в качестве разрешительного указания, а также новообразований *Dauer-Durchwinken*, *Politik des Durchwinkens*:

«< ...> Flüchtlinge werden in einigen Ländern teilweise zum nächsten Nachbarstaat *durchgewinkt*, ohne dass sie registriert worden wären.“ „< ...> „durch Winken [aufgefordert], eine Absperrung, Kontrolle o. Ä., ohne anzuhalten zu passieren» (ZEIT-WORT 2015: 223).

В политическом дискурсе в номинативном поле «нарастающее обеднение старшего и молодого поколения» среди слов 2019 года первое место занимает слово *Respektrente*.

«Dem politischen Diskurs ist das Wort *Respektrente* auch entsprungen. Im Jahr 2019 belastete ein Streit die Regierungskoalition aus SPD und CDU, in dem es um die Anpassung des Rentensystems in der Bundesrepublik Deutschland ging. Dadurch sollte die drohende Altersarmut vieler Menschen abgewendet werden. Einig waren sich die Koalitionspartner darüber, dass die Menschen, die in ihrem Leben viele Jahre lang gearbeitet haben oder oft unbezahlt die Pflege von Kindern oder Angehörigen übernommen haben, in jedem Fall eine Rente erhalten sollen, die zum Leben reicht. Sie sollen nicht unterhalb der Armutsgrenze leben und auf Sozialleistungen angewiesen sein» (KUNTZSCH 2020: 117).

Словосочетание *Fridays for Future*, заимствованное из британского варианта английского языка и номинирующее концепт «изменение климата», означает протестное движение, направленное на сохранение природы.

«<...> der Anglizismus *Fridays for Future*, landete auf Platz 3 der Wörter des Jahres 2019. Diese Wortgruppe führte zu vielen Analogie- und Parallelbildungen sowie Zusammensetzungen mit der Abkürzung FFF (z. B. FFF-Demos oder FFF-Kundgebungen). Sie steht wie kein anderer Ausdruck für eine junge Generation, die bereits ist, für ihre Zukunft auf die Straße zu gehen. Die Klimademonstrationen haben vielerorts freitags zur Schulzeit stattgefunden, was in den Medien mit Ausdrücken wie „Klimaschwänzler“ (FAZ 03.08.2019) oder „am Freitagmorgen wird die Welt gerettet“ nicht immer positiv kommentiert wurde. Die Demonstrantinnen und Demonstranten verfolgten hauptsächlich das Ziel, auf die Gefahren des Klimawechsels oder Klimanot-

standes aufmerksam zu machen <...>» (Ibid.: 120).

В сложном слове *der Donut-Effekt*, ассоциативно-образное переосмысление первого компонента *Donut*, который в британском варианте английского означает ‘твердую часть маленького круглого пирога, срединную часть которого образует характерная пустота, дырка’ (нем. *das Loch*), лежит в основе образной составляющей переносного значения ‘пустота, незастроенные части селения’.

«Solche Löcher klaffen auch vermehrt in der Mitte von Dörfern und Kleinstädten. Wer es sich leisten kann, zieht in die Neubaugebiete am Gemeinderand, im Dorfkern herrscht Leerstand, nur geringverdien- te und ältere Menschen bleiben zurück. Der Einzelhandel schließt die Ladentür. Bausubstanz und Dorfgemeinschaften bröckeln. Mit Blick auf die löchrige und verödete Stadtmitte spricht man im Bereich der Stadtentwicklung vom *Donut-Effekt* (Frankenpost, 20.11.2019). Das Problem ist aus gesellschaftlicher Sicht ernst zu nehmen und auch aus diesem Grund landete das Wort auf Platz 5 der Liste der Jahres- wörter 2019» (Ibid.: 122).

Креативное новообразование *Schaulästige* возникло в результате игры слов с противоположным значением *lustig* и *lästig*.

«Der Ausdruck *Schaulästige* unterstreicht dabei einen weiteren bitteren Aspekt des Gaffens: Immer wieder behindern Schaulustige Polizei und Rettungskräfte bei der Arbeit, verletzen mit gezücktem Smartphone der Opfer und <...> greifen Helferinnen und Helfer sogar tätlich an, wenn diese sie in die Schranken weisen wollen. Dass dieses Verhalten bloß lästig sei, ist wohl stark untertrieben; in jedem Fall ist es strafbar!» (Ibid.: 122).

В социальной политике Германии произошли изменения относительно равенства полов (*Geschlechtergerechtigkeit*).

«Im Herbst 2017 wurde die Entscheidung des Bundesverfassungsgerich- tes im Verfahren um die sogenannte „dritte Option“ veröffent- licht (BVerfG, Beschluss vom 10.10. 2017, 1 BvR 2019/16), in der die Zulassung eines dritten positiven Geschlechtseintrags neben *männlich* und *weiblich* im Personenstandsregister verkündet und die Bundesre- gierung aufgefordert wird, bis Ende 2018 ein entsprechendes Gesetz zu erlassen. Ein solches wurde am 14. Dezember 2018 vom Bundes- tag beschlossen. Seither ist der Eintrag *divers* möglich, der zu den vorher zulässigen Einträgen *männlich*, *weiblich* und *ohne Angaben hin- zutritt*» (DIEWALD 2020: 7).

Это способствовало появлению нового социального концепта.

«*Der Gender* als soziales Konzept betrifft die Interpretation und Aufladung biologischer Gegebenheiten durch weitere Merkmale, die mehr oder weniger willkürlich mit den biologischen assoziiert werden» (Ibid.: 4).

Рассуждая о взаимосвязи экстра- и внутрилингвистических изменений, Габриеле Дивальд обращает внимание на комплексный характер концепта:

«Einerseits muss also zwischen Genus, Semantik und Genderrollen (sowie auch Sexus) unterschieden werden, andererseits muss beachtet werden, dass diese Ebenen in komplexer Weise interagieren» (Ibid.: 6).

Прилагательное *generisch* — лингвистическое понятие для обозначения грамматической формы:

«<...> dass ein Wort als Maskulinum, also in grammatisch männlicher Form erscheint, sich dabei aber nicht allein auf das männliche (natürliche) Geschlecht beziehen, sondern allgemeingültig verstanden werden und alle Geschlechter umfassen soll» (ZEIT-WORT 2021: 136).

Функционирующая в языке вторичная номинация маркирована отрицательной оценкой:

«So hat der Ausdruck *das Mensch* statt *der Mensch* durch die Wahl des Neutrums eine abwertende Bedeutung» (DIEWALD 2018: 207).

Сфера номинаций концепта DER GENDER представлена следующими единицами: *gendern*, *Gendering*, *Genderismus*, *Gender-Fiber*, *Gender-Wahn*, *Geschlechtsvielfalt* oder *Diversität*, *Geschlechtergerechtigkeit*, *Geschlechterideologie*, *geschlechtergerechte Sprache*, *Genderstern*, *Gendergap* (DIEWALD 2020: 3).

В стратификационной структуре немецкого языка особое место занимает социолект молодежи. При отнесении молодежного языка к лингвистическим и/или социолингвистическим категориям используются понятия «*Gruppensprache*», «*Jargon*», «*Slang*», «*Soziolekt*», «*Varietät*». В настоящее время многие лингвисты рассматривают социолект молодежи как комплексный языковой регистр.

«<...> als ein komplexes sprachliches Register. Die meisten Jugendlichen sprechen eine Alltagssprache, die sie variieren» (SCHLOBINSKI 2015: 205).

Хельмут Хенне, автор ряда работ по проблеме молодежного социолекта в Германии, выделил следующие аспекты, побуждающие молодежь к созданию языкового субстрата:

«1) *Protestaspekt*; 2) *Abgrenzungsaspekt*; 3) *Aspekt der Creditory*; 4)

affektiv - emotionaler Aspekt; 5) kommunikativ-ökonomischer Aspekt; 6) Regellosigkeit» (HENNE 1986).

Что касается понятия «внутреннее двуязычие» (innere Mehrsprachigkeit), то речь идет о молодежном социолекте как варианте стандартизированного языка, и тот факт, что молодежь в определенном возрасте переходит на Hochdeutsch в ситуациях, где такой необходим, свидетельствует о существовании двух вариантов языка: нормативного и социолекта как категории диглоссии. Профессор Хайке Визе, на наш взгляд, детально описала этноконнотированные единицы социолекта молодежи (WIESE 2012). Наиболее значимые в языковом сознании молодежи смысловые сферы представлены в концептах: а) РОДИТЕЛИ, что связано со стремлением молодежи противопоставить себя миру взрослых, к независимости от их контроля, финансовой свободе: mein Ahnherr, meine Ahnfrau; Gespenster Kalkleisten, Grufties, Fossilien, Dinos, lebende Museumsstücke, Riesensauier (*Pl*) и др.; б) СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ТРАНСПОРТ: Schlachtschiff, Dünenflitzer, lahme Schnecke, Asphaltblase, Schrittkarre, Blechhaufen, Kugelblitz и др.

Аксиологическая неоднозначность и амбивалентность номинаций подтверждает предположение о гетерогенной структуре и открытости этноконнотата, тенденции к отрицательной оценке. Отмечая влияние языка мигрантов на современный немецкий язык, Шлобински выделяет понятие Ethnolekt (этнолект), на примере «Kiezdeutsch»:

«Fragen nach Mehrsprachigkeit und Sprachmischungen. In einem Einwanderungsland wie Deutschland haben Zuwanderersprachen wie das Türkische einen Einfluss auf das Deutsche. Das sogenannte *Kiezdeutsch* weist Merkmale aus dem Türkischen auf (z. B. lan, Typ, Kerl). In Verbindungen mit anderen Eigenschaften — Lassma Körnerpark gehen, lan! — wird das *Kiezdeutsch* als Ethnolekt, als eine ethnisch bedingte Mischsprache stigmatisiert» (SCHLOBINSKI 2015: 204).

Следует обратить внимание на коннотативный потенциал вариативности в социолекте молодежи на уровне способов словообразования, как-то: производных слов с суффиксом -е-:

«Hierher gehören <... > die pejorative Wortbildung *Anmache* (die unangenehme Art wie ein Mann aus sexuellen Motiven eine Frau anspricht bzw. sich zu ihr verhält) und *Abzocke* (unehrliches, betrügerisches Verdienen von Geld). Und *Schreibe* steht danach nun umgangssprachlich für Schreibgerät, etwas Geschriebenes» (SCHELLENBERG

2020: 210).

Диамедийная вариативность особенно в устной коммуникации является как бы точкой пересечения с диатопической и диастратической вариативностью, что подчеркивает Л.-Х. Геттерт:

«Ausgerechnet das moderne elektronische Medium überhaupt bietet über die Mündlichkeit dem Dialekt den Raum. Der Chat als Rettung der Dialekte?» (GÖTTERT 2012: 306).

В спонтанной речи специалистов в сфере медийной коммуникации употребляются производные слова.

«Und mediensprachliches *Schalte* schließt spezielle Inhaltselemente ein, wie spezielle medientechnische Vernetzung, angemessene Umgebungssituation (wie Raumausgestaltung, Beleuchtung, Positionierung der Akteure) an die Spezifik von Bildübertragung angepasste Sprechweise der Teilnehmer usw.» (SCHELLENBERG 2020: 212).

В то же время встречается негативная оценка:

«Die negativen *Schalte* — Bemerkungen zeigen, wie spontan Sprachengagement sein kann» (Ibid.: 213).

Для номинаций в медийной коммуникации характерно появление вариативности, например:

«Ein *Call*, bislang landläufig englisch für '(Auf- / An-) Ruf)', fachsprachlich für „Kaufoption“, ist hier eine „Telekonferenz, auch bekannt“ unter dem Kurzwort *Telko* mit Videofunktion wird eine *Telko* dann zur *Viko*. Auch *die (Video-) Schalte*, bisher vor allem im Funk- und Fernsehjargon üblich für eine Schaltung <...>» (RÜDEBUSCH 2020: 166).

Принцип языковой экономии как фактор, обеспечивающий успешное протекание информации («Effektivität und Effizienz»), находит отражение в употреблении сокращенных слов, что придает тексту так называемый Telegrammstil:

«Beim Simsen und Twittern handelt es sich um ganz besondere Formen der Kommunikation, die durch Kürze — maximal 160 bzw. 140 Zeichen — gekennzeichnet sind» (KELLERMEIER-REHBEIN 2014: 231).

Для информирования о субкультурах молодежи или о сценах из их жизни в медийной коммуникации появилось понятие «Jugendsprache — App».

«Das Konzept *der App* ist im Rahmen von Edutainment-Konzepten zu verorten. Da der Wortgebrauch am stärksten einzelne jugendliche Szenen und Kulturen kennzeichnet, wurden für *die App* einzelne Wörter aus zehn jugendspezifischen Szenen / Teilkulturen sowie Wör-

ter aus dem umgangssprachlich-jugendsprachlichen Wortschatz (wie ey) ausgewählt und in Form eines Quiz strukturiert» (SCHLOBINSKI 2015: 206).

4. Заключение и выводы

Гетерогенный характер стратификационной структуры лингвокультурного сообщества детерминирует проявление вариативности (диатопической, диастратической, диамедийной) — фундаментального свойства языковой дифференциации в конкретной речевой ситуации. Разнообразие способов номинаций, их вариативность (diversity) обусловлены особенностями параметров стратификационной структуры лингвокультурного пространства.

Многомерность структуры этноконнотации как особого типа культурной коннотации, включающей ассоциативное переосмысление образной составляющей, маркированной признаками-спецификаторами территориальной и временной соотнесенности; этноэмотив; регистры употребления: социолект и функциолект, — отражает изменения в глубинных слоях национального языкового сознания.

Тенденция к усилению диастратической вариативности лексических единиц связана с появлением вариантов номинаций в социолектах и в сфере медийной коммуникации.

Перспектива дальнейшего исследования может быть нацелена на: 1) выявление вариативности способов языкового воплощения самоидентификации коммуникантов в процессах межкультурной коммуникации в сопоставительном плане на материале разных языков; 2) более детальное описание коннотативного фонда конкретного лингвокультурного пространства.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. [Bykova, Olga I. (2005) *Etnokonnotatsiya kak vid kulturnoy konnotatsii (na materiale nominativnykh yedinitz nemetskogo yazyka)* (Ethno-connotation as a Type of Cultural Connotation (Exemplified by Nominative German Units). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Große, Rudolf, & Neubert, Albrecht. (1982) *Soziolinguistische Aspekte der Theorie des Sprachwandels*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Henne, Helmut. (1986) *Jugend und ihre Sprache. Darstellung — Materialien — Kritik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

- Kellermeier-Rehbein, Birte. (2014) *Plurizentrik. Einführung in die nationalen Varietäten des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Löffler, Heinrich. (2010) *Germanistische Soziolinguistik*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. (Grundlagen Germanistik 28). [4. neu bearb. Aufl.]
- Norbert, Dittmar, & al. (1986) *Berlinisch. Studien zum Lexikon, zur Sprachentwicklung und zum Stilrepertoire*. Berlin: A. Spitz.
- Schönfeld, Helmut. (2001) *Berlinisch heute*. Frankfurt/M.: Peter Lang.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Bergman, Gunter. (1987) *Kleines sächsisches Wörterbuch*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Buchbesprechungen. (2020). *Der Sprachdienst*, 6/20, 285—288.
- Diewald, Gabriele. (2018) Gendergerechte Sprache. — Was ist das? Was soll das? Wie geht das? *Der Sprachdienst*, 6/18, 195—208.
- Diewald, Gabriele. (2020) „Alles ändert sich, aber nichts von allein“. Eine Standortbestimmung zum Thema geschlechtergerechte Sprache. *Der Sprachdienst*, 1—2/20, 1—14.
- DUW — Duden Deutsches Universalwörterbuch A — Z. (1996). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. und erweit. Aufl.]
- Fellsches, Josef, & Schnieber, Franz. (2008) *Essener Wortschätzchen*. Essen: Verlag: Meyersche Buchhandlung. [3. Aufl.]
- Göttert, Karl-Heinz. (2012) *Alles außer Hochdeutsch. Ein Streifzug durch unsere Dialekte*. Berlin: Verlag der Ullstein Buchverlage GmbH.
- Kuntzsch, Lutz, & Müller, Susanne. (2020) Respektrente, Fridays for Future, brexit-müde — die Wörter des Jahres 2019. *Der Sprachdienst*, 3/20, 113—133.
- Pressespiegel. (2020) Wenn das «Du» das «Sie» verdrängt. Passauer Neue Presse, 02.09.2020. *Der Sprachdienst*, 6/20, 278—284.
- Rüdebusch, Frauke. (2020) Zeit-Wort. Home-Office. *Der Sprachdienst*, 3/20, 164—166.
- Schellenberg, Wilhelm. (2020) Wie die Kanzlerin in der Videoschalte mit Präsident Macron betonte, sollte Europa künftig... Ansichten über ein aktuelles Wortgebilde im Wechselraum von Standard-, Fach- und Umgangssprache. *Der Sprachdienst*, 4—5/20, 205—213.
- Schlobinski, Peter. (2015) Sprache und Gesellschaft — JugendSprache zum Anklicken. *Der Sprachdienst*, 6/15, 203—207.
- Wiese, Heike. (2012) *Kiezdeutsch. Ein neuer Dialekt entsteht*. München: C. H. Beck.
- Zeit-Wort. (2015) Durchwinken. *Der Sprachdienst*, 6/15, 223.
- Zeit-Wort. (2021) Generisch. *Der Sprachdienst*, 3—4/21, 136.

**Diatopic, Diastratic and Diamedial Variability
in the Stratification of Modern German**

The article considers the variability at the level of the stratification structure of the modern German language from the viewpoint of the influence of multi-factor criteria on language means functioning in the heterogeneous, pluricentric space of Germany. The diversity of nomination methods and their variation (diversity) are conditioned by the peculiarities of stratification structure parameters of the linguocultural space. Particular attention is drawn to the relevance of the linguocreative activity of communicants: to perceive the surrounding reality, fix it in the language and store it in the cultural memory of native speakers, reflecting the deep layer of the national linguistic consciousness. As the main socio-culturally significant value of linguistic units, it is proposed to single out a special type of connotation: ethnoconnotation, whose multidimensional structure includes associative rethinking of the figurative component, marked by sign-specifiers of territorial and temporal correlation; ethnoemotive; sociolect and funktsiolect, registers of the use of nominations. Markers of ethnoconnotation are significant in solving problematic issues of insufficient research of the phenomenon of “connotation” in linguistics. The examination of diatopic, diastratic and diamedial variation on the example of the latest empirical data allows us to reveal the tendency of increasing diastratic variation in the modern German language.

Keywords: diatopic variability; diastratic variability; diamedy variability; stratification structure; ethnoconnotation; ethnoconnotatum

Для цитирования:

Быкова О. И. Диатопическая, диастратическая и диамедийная вариативность в стратификации современного немецкого языка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 106—119. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-106-119.

To cite this Article:

Bykova, Olga I. (2022) Diatopicheskaya, diastraticheskaya i diamediytnaya variativnost' v stratifikatsii sovremennogo nemetskogo yazyka (Diatopic, Diastratic and Diamedial Variability in the Stratification of Modern German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 106—119. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-106-119.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; принята к публикации 20.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; accepted for publication 20.02.2022

L. I. Grischajewa
Staatliche Universität Woronesh

**KONSTRUKTION VOM SIMULAKRUM, LUDOPHILE TEXTE,
SOZIALE KRITIK UND PRÄZEDENZPHÄNOMENE
ALS SEKUNDÄRES NOMINATIVES AUSDRUCKSMITTEL***

Im vorliegenden Beitrag wird das weit gefächerte und fein differenzierte Funktionspotential von Präzedenzphänomenen als sekundären nominativen Ausdrucksmitteln beschrieben. Besondere Aufmerksamkeit wird textsemantischen, textsyntaktischen, funktionalen Gestaltungsprinzipien von ludophilen Texten, denen inhaltlich kulturspezifische Präzedenzphänomene zugrunde liegen und die zwecks sozialer Kritik generiert worden sind, geschenkt. Kognitive und textgrammatische Eigenschaften von zu analysierenden Präzedenzphänomenen sowie die Berücksichtigung der sozial-kritischen und satirischen Einstellung des Produzenten beim Textgenerieren erlauben es zu erläutern, warum auch in temporaler Rezeptions-Distanz ein mit heterogenen sprachlichen Ausdrucksmitteln konstruiertes Simulakrum von Sprach- und Kulturteilhabern diverser Generationen stillschweigend als reale Wirklichkeit interpretiert wird.

Schlüsselwörter: sekundäre nominative Ausdrucksmittel; Konstruktion vom Simulakrum; Intertextualität; ludophile Strategien; personale und kollektive Identität des Subjekts; soziale Kritik

Textgestaltungsprinzipien ändern sich im Laufe der Zeiten und im engen Zusammenhang mit Strategien, die jeweils unter konkreten kommunikativen Bedingungen von Sprach- und Kulturteilhabern realisiert werden. Diese Binsenwahrheit kann unmöglich in Frage gestellt werden, selbst dann nicht, wenn Berücksichtigung findet, welche Textsorte Gegenstand einer wissenschaftlichen Untersuchung ist und mit welchen Untersuchungsmethoden aktuelle Textgestaltungsprinzipien ermittelt und beschrieben werden.

Für verschiedene Textsorten gilt heute als nachgewiesen, dass solche Trends wie Hybridisierung, Dialogisierung, Karnevalisierung, semiotische und stilistische Heterogenität mit anschließender Auflösung der bis heute gültigen Textgestaltung-Kanons und textsemantischer Fragmentierung als besonders aktuell empfunden werden (АНИСИМО-

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XIX съезда РСГ.

ВА 2019; ГРИШАЕВА 2020; FIX 2008; FREUDENBERG-FINDEISEN 2016; GRISCHAJEWA 2020; TEXT-BRÜCKEN... 2012; TRANSLATION... 2009; u. a. m.). Angesprochene Besonderheiten der textsemantischen und text-syntaktischen Gestaltung sowie Besonderheiten der Sprachverwendung sind auch mehrmals im Fokus von Besprechungen des Russischen Germanistenverbandes gewesen (s. z. B. eingehende Veröffentlichungen vor allem in [РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА 2009; 2011; 2017; 2019; 2020; 2021]). Bei der Untersuchung von Gestaltungsprinzipien diverser Textsorten fallen auch Verfahren auf, dank denen Informationen so oder anders „kondensiert“ werden. Verschiedenartige Manipulationsverfahren, die von den Rezipienten bzw. Forschenden mehr oder weniger leicht erkennbar bzw. ihnen gelungen sind, lassen sich immer öfter und deutlicher beobachten. Immer ausgeprägter zeigen sich Adressatenorientiertheit und Dominanz des Komischen als Stützpunkt im Textganzen, immer häufiger werden sie so empfunden und wissenschaftlich charakterisiert. Den Analysierenden fällt auch auf, dass Autoren verschiedener Kategorien „plötzlich“ beim Generieren verschiedener Texte eine besondere Schwäche für kreative Entscheidungen bekommen haben und immer öfter Geschmack an ungewöhnlichen, gegen fast jede Anstandsregel verstoßenden Benennungen finden, die von potentiellen Rezipienten als attraktiv aufgenommen werden. Sie appellieren auch explizit und/oder implizit an Stereotype als Wahrnehmungsmuster und andere Muster kognitiver Bearbeitung von wahrzunehmenden Wissensbeständen. Und so wird der im Prinzip unbekannte Textinhalt dem Rezipienten immer vertrauter und dadurch kognitiv leichter bearbeitet. Auch verschiedenartige Simulationsverfahren werden beim Textgenerieren immer intensiver strapaziert — und das nicht nur in Medientexten. Zahlreiche und auffallende Belege dafür liefern das Internet mit seinen verschiedenartigen, zum größten Teil erst in diesem kommunikativen Milieu aufkommenden kommunikativen Formaten und der Alltag.

1. Problemstellung und Zielsetzung

Ein Merkmal, das allen angesprochenen Trends immanent ist, betrifft thematisch und formell verschiedenartige Texte, die gesellschaftliche Kritik beinhalten. Dieser Umstand veranlasst ein Paar Fragen zu stellen, die auf den ersten Blick paradox¹ erscheinen: Wa-

¹ Als paradox lassen sich die formulierten Fragen bezeichnen, weil ludophile Texte als Textsorte über bestimmte Eigenschaften verfügen. So

rum und wozu werden sozialkritische Strategien in ludophilen Texten realisiert? Oder umgekehrt: Warum und wozu werden ludophile Strategien in sozialkritischen Texten realisiert?

Die angeschnittenen Trends bedürfen noch weiterer Erläuterung und theoretischen Fundierung, weil in aktuellen Texten verschiedener Sorten den primären nominativen Ausdrucksmitteln oft sekundäre vorgezogen werden. Zum Beispiel: statt *DDR-Bürger*² (ein primäres nominatives Ausdrucksmittel) zu sagen wird *Russe de luxe* (eine sekundäre Bezeichnung) verwendet, der *geräucherte Aal* (eine primäre Bezeichnung) wird in einigen Texten *Dreifarbenfisch* (eine sekundäre Bezeichnung) genannt. Zu fragen ist: Wer versteht³ denn so etwas? Wann und für wen sind solche Nominationen generiert worden? Wozu? Für wen sind sie verständlich? Warum? Wie ist der Effekt vom Gebrauch solcher Bezeichnungen?

Die gestellten Fragen sind einfach zu beantworten, denn nicht alle Deutsch Sprechenden erkennen ohne Weiteres, was gemeint ist und warum eben so formuliert wurde; vgl.: *Carton de blamage* (eine sekundäre Bezeichnung für den Wagen „Trabant“). Nichtdestotrotz stoßen wir auf recht viele Texte, deren Generieren eine Gegenüberstellung von sekundären und primären Bezeichnungen zu Grunde lag; und die Wirkung solcher Texte auf die Rezipienten scheint effektiver zu sein als bei Verwendung primärer Bezeichnungen.

Die Relevanz der Fragen wird deutlicher, wenn auch an die formelle und inhaltliche Heterogenität von sekundären Ausdrucksmitteln und an die Diversität des Funktionspotentials sowie des Funktionsbereichs gedacht wird. Sekundäre Ausdrucksmittel sind unter anderen so genannte Präzedenzphänomene,⁴ denen Ju. N. Karaulow

nennt H. Isenberg solche: „Erzielung eines gemeinschaftlichen *Lustgewinns*“ als „fundamentales Interaktionsziel“, „*momentane Lusthaftigkeit*“ als „globales Bewertungskriterium“ (ISENBERG 1984: 267–268) (hervorgehoben von mir — L. G.). Offensichtlich bedarf die Sozialkritik des momentanen Lustgewinns keinesfalls als obligatorische Vorbedingung.

² Beispiele hier und weiter im Text des Beitrages sind dem Buch von B.-L. Lange entnommen.

³ *Verstehen* bedeutet „den Sinn von etwas erfassen; etwas begreifen“ (DUDEN 1989: 1666), und *begreifen* heißt „geistig erfassen, in seinen Zusammenhängen erkennen, verstehen“ (DUDEN 1989: 222).

⁴ In einigen Kontexten sind Präzedenzphänomene den Kultursymbolen im Sinne G. Hofstedes (2006) in Analogie zu stellen.

(КАРАУЛОВ 1987) folgende drei wesentliche Eigenschaften zuschreibt: (1) Die Präzedenzphänomene sind für Sprach- und Kulturteilhaber emotionell und rationell von besonderer Relevanz; (2) die meisten Sprach- und Kulturteilhaber sind mit ihnen vertraut; (3) die Präzedenzphänomene werden im Laufe von mehreren Jahrhunderten (von mehreren Generationen der Sprach- und Kulturteilhaber) genutzt. Diese Eigenschaften erklären, dass die Präzedenzphänomene es den an der Kommunikation Beteiligten erlauben, in jeder Interaktion FREMD ⇔ EIGEN zu erkennen. Etwa die Bezeichnungen *Arbeiter-schließfach* für eine Wohnung, *die Firma* oder *Horch und Guck* für das MfS, oder *die blauen Fliesen* für die westlichen 100-D-Mark-Scheine, was „geistig (zu) erfassen, in seinen Zusammenhängen (zu) erkennen, (zu) verstehen“ (DUDEN 1989: 222) nur und erst diejenigen vermögen, die in der entsprechenden Gesellschaft sozialisiert worden sind oder diese Wendung von den Muttersprachlern aufgeschnappt bzw. übernommen hatten (s. die eingehendere Beweisführung unten).

Eine eingehendere Analyse des Funktionspotentials von diversen Präzedenzphänomenen lässt den Schluss zu, dass die zu behandelnden Erscheinungen axiologisch prädeterniert werden, d. h. sie sind im System von Wertvorstellungen in der betreffenden Kultur lokalisiert und auf Grund dessen konnotiert. Dabei ist der Bezug auf eine bestimmte Wertvorstellung konstant und bleibt im Laufe von Jahrhunderten⁵ unverändert. Von konkreten Sprach- und Kulturteilhabern werden die Präzedenzphänomene nichtdestotrotz individuell interpretiert — wie jedes Phänomen in der Kultur übrigens. Die erwähnte Eigenschaft basiert auf der wesentlichen kognitiven Charakteristik der Präzedenzphänomene, allgemeingültiges Muster beim Verarbeiten heterogener, heterochroner, heterosubstrater Wissensbestände für mehrere Generationen der Sprach- und Kulturteilhaber zu sein. Deshalb sind sie imstande, Kulturspezifik einer Sprachgemeinschaft diachron und synchron herzustellen und im Laufe von mehreren Jahrhunderten als solche zu bewahren. Für ein Präzedenzphänomen scheint die Beschaffenheit von Referenten keine Rolle zu spielen: dieses kann Subjekt, Objekt, Eigenschaft, Relation, Sachverhalt/Situation, Prozess,

⁵ Im Falle von DDR-Sprache spielt die erwähnte Eigenschaft der Beziehung Wertvorstellung ⇔ Präzedenzphänomen, dauernd gleich zu bleiben, um so größere Rolle, weil der Gebrauch von entsprechenden Wendungen aus bekannten Gründen zeitlich begrenzt ist.

Handlung, Proposition u. a. sein. Unabhängig davon ruft jedes Präzedenzphänomen einen komplexen heterogenen, heterosubstraten, heterochronen Wissensbestand ab und co-aktiviert dabei ein umfangreiches und höchst heterogenes interaktionales und Weltwissen. Ausgedrückt wird der entsprechende Wissensbestand verbal oder non-verbal. Im ersten Fall kann es ein Lexem sein (*Sudel-Ede*), eine Wortgruppe diverser Struktur (*Tal der Ahnungslosen*, *Arbeiter-und-Bauern-Volvo*, *Miß Bildung*) oder ein Satz (*Neutronen-Kaffee*: „*Der Mensch geht kaput, die Tasse bleibt heil!*“). Im zweiten Fall tritt das Präzedenzphänomen als Figur aus Stein, Holz, Plaste usw., als Puppe, als Bild, als musikalisches Stück, als Foto u. ä. auf. Die Entscheidung für eine bestimmte Ausdrucksmöglichkeit und potentielle inhaltliche und formelle Diversität bleibt dem Subjekt überlassen. Diese Entscheidung aber beeinträchtigt keinesfalls das umfangreiche und weit verzweigte Funktionspotential und beeinflusst in keiner Weise den Funktionsbereich des entsprechenden Präzedenzphänomens (s. detaillierte Erwägungen in [ГРИШАЕВА 1998; 2018] vgl. die Interpretation derselben Erscheinungen in [ДОМЕЦ 2014; КРЕМНЕВА 2017]).

Die nähere Untersuchung zeigt, dass das Funktionspotential von Präzedenzphänomenen für bestimmte Charakteristiken des Präzedenzphänomens selbst sensibel ist (ГРИШАЕВА 2018). Nach bestimmten Kriterien lassen sich diese klassifizieren. Auf Grund des Kriteriums Geltungsbereich können Präzedenzphänomene in universelle, kulturspezifische, subkulturelle, regionale, individuelle (in Bezug auf eine konkrete Person bzw. eine Gruppe) untergliedert werden. Auf Grund des Kriteriums Kreativitätsgrad kann zwischen konventionalen/allgemein gültigen, wiederholt vorkommenden, aber noch nicht konventionalen sowie okkasionalen Präzedenzphänomenen unterschieden werden (Ibid.). Unabhängig von seiner Beschaffenheit ist das Präzedenzphänomen im Kernbereich der mentalen Strukturen Kollektive Identität und Personale Identität gelegen.

Sekundäre Bezeichnungen für diverse Referenten (Subjekte, Objekte, Eigenschaften, Handlungen, Prozesse, Zustände, Relationen, Tätigkeiten, Sachverhalte u. drgl.) stellen für Kommunikanten in einer Interaktion als nominative Ausdrucksmittel deswegen ein recht kompliziertes Problem dar, weil sie Sprach- und Kulturteilhaber verunsichern können. Die Bezeichnung *Haus* kann unter verschiedenen kommunikativen Bedingungen auf *ein Landhaus*, *Puppenhaus*, *Hochhaus*, *Blockhaus*, *Einfamilienhaus* usw. oder auf *eine Villa*, *ei-*

nen Wolkenkratzer, einen Palast, eine Burg u. ä. referieren und aus diesem Grunde verschiedene Wissensbestände abrufen sowie die Verständigung (bedeutend) erschweren — vgl. nur die oben angeführten Beispiele, die eindeutig einen mehr oder weniger ausführlichen soziokulturellen und soziolinguistischen Kommentar verlangen.

Die angesprochenen Zusammenhänge erlauben es die *Zielsetzung* des vorliegenden Beitrags wie folgt zu formulieren: Was für ein Sprach- und Kulturteilhaber bevorzugt als Bezeichnungen von Objekten, Personen, Sachverhalten, Aktionen etc. solche sekundäre Ausdrucksmittel wie Präzedenzphänomene? Warum werden sekundäre Ausdrucksmittel den primären vorgezogen?

In diesem Zusammenhang tauchen auch andere Fragen auf: Warum werden in den aktuellen Texten so viele Präzedenzphänomene verwendet? Ausdrucksmittel für welche kommunikativen Strategien sind die zu analysierenden Präzedenzphänomene? Warum wird ein und dieselbe nominative Aufgabe in gleich gelagerten kommunikativen Situationen mehrfach gelöst? Warum gibt es mehrere Synonyme für Präzedenzphänomene?

2. Untersuchungsmaterial und -methoden

Das Untersuchungsmaterial hat drei Quellen. Die erste Quelle ist ein für die vorgenommene Untersuchung höchst markantes⁶ Buch *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten* Bernd-Lutz Langes, das bereits 2000 erschienen ist. Der Entscheidung für dieses Material liegen wenigstens zwei Umstände zugrunde. Zum einen ist es das Thema, das im Buch unter drei Blickwinkeln behandelt wird: im Kontext der DDR, vor dem Hintergrund der Wiedervereinigung Deutschlands und der Zeit danach. Auf dem Schmutztitel charakterisiert es der Verlag so: „<...> die hoffnungsvolle Zeit der Wende und das Leben der Ostdeutschen nach der mit so viel Vorschußlorbeeren bedachten Wiedervereinigung“. Zum anderen sind es Vorstellungen und Ein-

⁶ Die Charakteristik, die hier dem zu analysierenden Buch verliehen wird, wird von den Respondenten der durchgeführten Umfrage mittelbar und unbeabsichtigt bestätigt. So meinen eine Journalistin und ihr Gatte, er war im Fernsehen beschäftigt und in einem Ministerium in der Presseabteilung: „<...> Bernd-Lutz Lange ist ein hervorragender Kabarettist, Humorist, Unterhaltungskünstler, Autor, aber weder Linguist noch Wissenschaftler, wenn auch ein politisch denkender Mensch. <...> Er ist inzwischen Rentner, aber sicher über sein Leipziger Stammkabarett „Akademixer“ noch zu erreichen.“

schätzungen des Autors, in die er eine scharfsinnige Analyse seines Landes und seiner Landesleute damals und heute einbettet. Texte mit tiefblickenden Überlegungen über das Sozium und Beweggründe der Kulturteilhaber in entscheidenden soziokulturellen Tragweite-Situationen entsprechen oft nicht ganz den verbreiteten Erwartungen der Rezipienten beim Behandeln lebenswichtiger soziokritischer Probleme: es sind vor allem solche Textsorten wie Sketch, Maxime, Aphorismus, es sind ludophile Texte mit sozialkritischem Hintergrund.

Unter die Lupe wird der Text *Bonzenschleuder und Rennrappe* aus dem besagten Buch genommen, weil hier 74 DDR-spezifische⁷ Präzedenzphänomene aktiviert und noch dazu als solche vom Autor selbst kommentiert werden. Sprach- und Kulturteilhaber, die sich an dem Thema interessiert gezeigt haben, bekamen eine Liste mit den 74 DDR-spezifischen Ausdrücken, die der oben genannten Erzählung B. L. Langes entnommen wurden, mit der Bitte anzugeben, was sie verstehen bzw. nicht verstehen und warum (s. Tabelle 1).

Zum anderen sind die zu analysierenden Texte beinahe ein Paradebeispiel für aktuelle Tendenzen der textsemantischen und textsyntaktischen Gestaltung, die in zahlreichen Studien von diversen Textsorten verschieden und mehrfach unter Beweis gestellt worden sind (s. oben). Siehe in diesem Zusammenhang den zweiten Absatz des Textes von B. -L. Lange *Bonzenschleuder und Rennrappe*:

„Ja, liebe Leserinnen und Leser, wenn Sie nicht aus den neunten Bundesländern stammen und nicht wenigstens 30 Jahre zählen,

⁷ Eine Journalistin meint: „In unserem persönlichen Umfeld haben wir diese *Verbalhornungen* eher *liebevoll ironisch*, aber kaum *abwertend* angewandt. Wir kennen sie, *ohne sie alle verwendet zu haben*“ (hervorgehoben von mir — L. G.).

Eine Historikerin ist überzeugt: „<...> Es sind alles Begriffe einer *Klientel*, die die DDR als Staat *distanziert bis hämisch betrachtete und ablehnte*, *Worte der politischen Gegnerschaft innerhalb der DDR*. Die sind inzwischen mehr in Vergessenheit geraten als Alltagsbezeichnungen, die mehr oder weniger unpolitisch aber eindeutig DDR-bezogen waren wie „Konsummarken“, „Poliklinik“, „Haushaltstag“, „Flimmerstunde“, „Kinderkrippe“, „Brigadetagebuch“, „Spartakiade“ (ich kann noch mehr nennen). Die von Dir genannten Begriffe (einige habe ich noch nie gehört) blieben oft nur in der *westdeutschen* Nachwendeliteratur erfasst, die *vorgeben wollte, DDR-Sprache zu kennen!!!* An diesen Begriffen lässt sich nicht messen, wer aus der DDR kam und wer nicht“ (hervorgehoben von mir — L. G.).

dann können Sie mit diesen Wörtern nichts mehr anfangen. Es sind zwei Belege für die Kreativität des Volksmundes in der DDR. Sicher unerschöpflich erfand er Namen für Dinge und Situationen des Lebens, originelle Bezeichnungen, die manchmal auch den Ansatz von Widerstand in sich tragen. Diese Wörter sind sozusagen die kürzesten politischen Witze, die es gibt.“ (LANGE 2000: 24).

(Zu nennen sind in erster Linie solche Charakteristiken der modernen Trends bei der Textgestaltung wie Adressatenbezogenheit, Sozialkritik, Übereinstimmung mit der damals aktuellen öffentlichen Agenda, Mündlichkeit in der Schriftlichkeit, Auflockerung von stilistischen Kanons u. a. m.)

Tabelle 1. Liste für 74 DDR-spezifische Ausdrücke im Text B.-L. Langes (Auswahl)

Das zu bezeichnende Objekt = Kommentar Langes im Text	Bezeichnung, die im Text kommentiert wird	Ich verstehe			Kommentar
		alles, was gemeint wird, weil ...	überhaupt nichts, weil...	nur etwas, weil ich Deutsch verstehe	
der morgendliche Städte-schnell-verkehr der Deutschen Reichsbahn	Bonzen-schleuder				
der Dienstwagen der SED-Funktionäre					

Die in den zu analysierenden Texten nachgewiesenen Besonderheiten sind — auch in diversen Textsorten — solche dominierenden Stilistika wie: Ironie und Sarkasmus, negativ konnotierte Lexik, semantische, lexikalische, syntaktische Repetition, traditionelle und/oder kognitive Metapher, Hyperbel als Intensivierungsmittel, das aber zugleich die Funktion des Euphemismus übernimmt, Litotes oft auch in der euphemistischen Funktion, Wortspiel, Kontamination, Chiasmus, Kontrast sowie verschiedenartige sekundäre nominative Ausdrucksmittel und impliziter Vergleich (s. Beispiele oben, unten und in Tabelle 2).

Als zweite Quelle werden bei der Auswertung der Analyseer-

gebnisse auch Antworten von Sprach- und Kulturteilhabern mit berücksichtigt. An der Pilotumfrage haben sich etwa 50 Personen⁸ aus der Ex-DDR, der „alten“ BRD sowie aus dem vereinten Deutschland beteiligt. Sie alle sind gebildete Personen mit allseitigen Interessen, mit Sinn für Humor und mit Erfahrung im Umgang mit Sprache. Viele von ihnen waren und sind politisch interessiert. Einige Personen waren in die Prozesse, die die Wiedervereinigung Deutschlands begleiteten, unmittelbar mit involviert.⁹

Markant ist in diesem Sinne die Antwort einer Person, heute 34, aus Dresden: Von 74 Einheiten, die aufgelistet waren, hat diese nur 6 (≈8%) als bekannt angegeben und kommentiert:

„Wenn dann Rennpappe, selten (*Rennrappe*). Bekannt, wurde nie genutzt (*Jahresendefrucht*). Bekannt, in der DDR keine Rolle (*EDV*). Sehr bekannt, noch heute relevant (*Tal der Ahnungslosen*). Bekannt (*Arbeitschließfach*). *VEB H&G* bekannt (*der VEB Horch und Guck*).“

(In Klammern werden Ausdrücke angeführt, die B. -L. Lange in sei-

⁸ Es ist unmöglich, die Zahl der Beteiligten genau, bis auf die Person, anzugeben, weil viele Respondenten nicht nur ihre Meinung angeführt haben, sondern auch die ihrer nächsten Verwandten, die sich an der Umfrage interessiert erklärt haben. Eine Person aus der Ex-DDR schreibt zum Beispiel: „In Ostberlin. Geboren 1971, war zur Wende 18 (hatte gerade Abitur gemacht). Ja, bin also mit der DDR-Realität vertraut. Anmerkung: Ich habe die Wendungen auch meiner Mutter (73) und meinem Neffen (23) vorgelesen. Mein Neffe kannte überhaupt nichts davon. Meine Mutter auch erstaunlich wenig — ein paar mehr als ich.“

⁹ „Ich bin 1945 geboren, jetzt 76 Jahre alt, bin in der DDR, in einer Großstadt (Halle/S.) in Mitteldeutschland aufgewachsen und lebe seit 1973 in Berlin (Ostteil).

Ich kenne übrigens Bernd-Lutz Lange aus meiner Forschungsstudienzeit an der Leipziger Universität, wo ich bei der Studentenbühne mitarbeitete. Lange war Mitglied der Studentenbühne und des Studentenkabarets „Die Akademixer“.

Die Akademixer *waren/sind hoch intelligente, kritisch denkende Leute mit einem feinen Sinn für Sprache und (bissigen) geistreichen Humor*. Ich glaube, dass einige der Wendungen *ihre Erfindungen sind, die dann vom Volksmund übernommen wurden*. Das Kabarett hatte in der DDR eine Art Ventilfunktion.

Ich verstehe *alle hier aufgeführten Wendungen aus dem in der DDR erlebten Kontext, habe aber viele von ihnen nie gehört und nur wenige selbst verwendet*. Ich lese sie jetzt *mit Vergnügen, weil sie in der Mehrzahl den Nagel auf den Kopf treffen*“ (hervorgehoben von mir — L. G.).

nem Buch verwendet)

Aus verständlichen Gründen waren die Ausdrücke meistens Personen bekannt, die in der DDR aufgewachsen, denen diese Ausdrücke durch Eltern bzw. Verwandte und Bekannte vertraut geworden sind sowie durch Presse bzw. andere Medien oder Literatur und Kabarettprogramme.¹⁰ Einige Personen kennen diese Ausdrücke durch Besuche der DDR. Von Interesse sind einige Aussagen von Muttersprachlerinnen und Muttersprachlern.

„Ich kannte den Ausdruck nicht, aber hier erscheint er mir selbsterklärend“ — „Wirkt auf mich wie westlicher Spott“ — „Bekannt aus einer Unterhaltungssendung (Ein Kessel Buntes?) — vielleicht von Herricht oder Cohrs?, der den Witz machte: unsere Wissenschaftler hätten den Golfstrom umgeleitet.“

Als unbekannt, aber (leicht) erkennbar und verständlich haben viele Personen die zu analysierenden Wendungen angegeben, weil man Deutsch beherrscht, und dadurch sind ihnen Wortbildungsmodelle, lexikalische und/oder grammatische Semantik, Modelle von Wortgruppen usw. oder Idiome, Sprichwörter, die paraphrasiert werden, vertraut; sie interpretieren diese aufgrund der semantischen Kompatibilität und der sonstigen grammatischen Regularitäten. Nicht selten hilft den Respondenten beim Dekodieren ihr Wissen über die DDR-Wirklichkeit.

„Den Witz verstand und würde auch heute jeder verstehen, das halbleere Geschäft sah/sieht so aus. Das war in anderen Ländern genau so.“

¹⁰ Der Autor, Bernd-Lutz Lange, seine politischen Aktionen, seine Einstellung zur Wiedervereinigung sind den meisten Respondenten unbekannt. Interessant ist, was Sohn einer in der Ex-DDR leitenden Person aus der Mittelschicht erläutert: „Bernd Lutz Lange ist ein vor allem in Ostdeutschland und in Sachsen *hoch geschätzter Kabarettist und Autor*. Ich habe das o. g. Buch nicht gelesen, kenne Lange aber aus Kabarettprogrammen und Fernsehsendungen. Besondere Bedeutung kommt ihm als *Mitautor* des von Kurt Masur am 09.10.1989 verlesenen „*Leipziger Aufrufs*“ zu. Viele der Bezeichnungen sind Begriffe und Namen aus Lange’s Kabarett-Programmen und waren in der damaligen DDR im Volksmund nicht so gebräuchlich, wie z. B die rot hinterlegten Namen. *Sie haben zwar alle einen realen Hintergrund und es hätte sie auch geben können, sie wurden vom Volk aber nicht benutzt*. Hinzu kommt: Lange hatte seinen Tätigkeitsschwerpunkt in der DDR in Sachsen (Leipzig, Dresden), d. h. einige Begriffe sind besonders mit seinem sächsischem Dialekt verbunden“ (hervorgehoben von mir — L. G.).

— „Passte und passt auch heute noch auf viele Politiker.“ — „Begriff lässt sich einfach herleiten, wurde aber nicht verwendet.“ — „Kenne ich nicht, ist aber ähnlich plastisch wie Rotlichtbestrahlung (eher für eine ganze Gruppe, die sich bessern sollte).“ — „Eine sehr weit verbreitete Ausdrucksweise; fast alltäglich dafür, wenn man zu solchen Veranstaltungen „freiwillig“ ging, um z. B. für eine Beförderung in Betracht zu kommen.“

Als nicht dekodierbar gelten laut Meinung der Respondenten meiner Pilot-Umfrage recht viele Einheiten, was durch fehlendes differenziertes Wissen über die DDR erklärbar ist oder dadurch, dass die Sprach- und Kulturteilhaber keinen Bezug der lexikalischen Semantik auf die dadurch abzurufenden Wissensbestände herstellen können:

„Das habe ich nie gehört und gibt rein sprachlich auch keinen Sinn, zumal es kaum Lackschuhe zu kaufen gab.“ — „War allgemein üblich/normale Umgangssprache in der DDR.“ — „Sehr häufig bei Gesprächen darüber, wie es in der DDR war, ironisierend eingeworfen von meinen Eltern.“

Tabelle 2. Auswertung von Umfrage-Ergebnissen (pauschal)

Referent	Zahl der Einheiten	Prozentsatz	Stimmt mit der Wirklichkeit überein
Eine beliebige Person Russe de luxe, Frühgurke, Radfahrer mit goldener Klingel	3	≈4	Für wenige
Eine konkrete Person			
Egon Krenz Erichs Ziehkind, der älteste Jugendliche der DDR	2	≈3	Für viele
Walter Ulbricht der Spitzbart, die Fichtelbergziege	2	≈3	Für viele
Karl-Eduard von Schnitzler Sudel-Ede	1	1,35	Für alle
Margot Honecker Miß Bildung	1	1,35	Für wenige
Beruf der Rucksackbulle	1	1,35	Für alle
Parteifunktionär Nebelwerfer, Mundwerkstätiger	2	≈3	Für wenige

Eine Menge von Menschen sozialistische Wartegemeinschaft, das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten, Engpaß	3	≈4	Für die Meisten
Panzersoldaten Rüsseltraktoristen	1	1,35	Für wenige
Armee die Asche, Hoffmanns Trachtengruppe, VEB Gleichschritt	3	≈4	Für wenige
Sportler Spitzensportler	1	1,35	Für einige
Grenze EDV (= Ende der Versorgung)	1	1,35	Für viele
Soziales			
Ein soziales Institut die Sicherheitsnadeln, die Knirpskolonne, die Firma, der VEB Horch und Guck, die Innere Mission, der Konsum	6	8,1	Für viele
Geld Blaue Fliesen, Dürer-Bild, Bunte, blaue Kacheln, Alu-Chips, Spielgeld	6	8,1	Für viele
Betätigung			
Leitung der Wasserkopf in der Faultierfarm, die Lackschuhe	2	≈3	Für viele
Wahlen Zettelfaltveranstaltung	1	1,35	Für viele
Weiterbildung Runderneuerung, Rotlichtbestrahlung	2	≈3	Für wenige
Wohnung Arbeiterschließfach	1	1,35	Für viele
Lebensmittel			
Butter Kapitalistischer Brotaufstrich	1	1,35	Für alle
Margarine BBB (=Backen-Braten-Bohnen)	1	1,35	Für wenige

Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik...

Wurst Panzerfett	1	1,35	Für einige
Fisch der Dreifarbenfisch (= Grün gefangen, braun geräuchert, Schwarz gekauft)	1	1,35	Für einige
Apfelsine Jahresendefrucht	1	1,35	Für wenige
Kaffee Erichs Krönung, bohnenlose Gemeinheit, Mokkafuck	3	≈4	Für viele
Raum und Zeit			
Ort Tal der Ahnungslosen	1	1,35	Für alle
Kaufhalle Pornoshop	1	1,35	Für wenige
Datum der Tag der Hinterbliebenen	1	1,35	Für viele
Verkehr			
Auto Bonzenschleuder ¹ , Bonzenschleuder ² , Rennrappe, Babbe, Zwickauer Flüchtlingskoffer, Gehhilfe, Carton de blamage, Sachsenporsche, Arbeiter-und-Bauern-Volvo, Mercedes Krenz, Rostquietsch, Kossakenmercedes, der Golfstrom	12	16,0	Für fast alle
Eisenbahnverkehr Bonzenschleuder ¹	1	1,35	Für viele
Zug Zitteraal, Mumienexpress, Bonzenschleuder ¹	3	≈4	Für viele
Sonstiges			
Kopfbedeckung der Knitterfreie	1	1,35	Für wenige
Luft der sozialistische Industrienebel	1	1,35	Für viele
Probleme Engpässe, Versorgungslücken	2	≈3	Für viele

Mechanismen Hamsterhaken	1	1,35	Für viele
Abzeichen Bonbon, Webfehler, Existenz- zellipse	3	≈4	Für viele
Waffe Neutronen-Kaffee: „Der Mensch geht kaput, die Tasse bleibt heil!“	1	1,35	Für einige

Die vorgenommene Analyse zeigt, dass die aufgelisteten Wendungen über ein weit verzweigtes nominatives Potential verfügen (s. Tabelle 2). Mit anderen Worten, sie geben dem Rezipienten ein recht differenziertes DDR-Bild, dazu noch einen authentischen Einblick in die Erwartungen von DDR-Bürgern im Moment der Wiedervereinigung Deutschlands sowie eine — wenn auch vage — Vorstellung von der Wirklichkeit im vereinten Deutschland aus der Sicht der Ex-DDR-Leute. Für die Analyse ist es wichtig zu berücksichtigen, dass die allermeisten Respondenten die zu beschreibenden Einheiten an der Wirklichkeit messen und bei der Übereinstimmung die Bezeichnung transparent und treffend finden. Sie nehmen diese sprachlichen Ausdrucksmittel als nicht neutral, meistens negativ konnotiert und stilistisch markiert wahr, betonen, dass diese einen sehr ausgeprägten Funktionsbereich besitzen oder heute nicht mehr gebräuchlich sind. Aus heutiger Sicht sind viele Wendungen für die Sprach- und Kulturteilhaber auch auf die heutige Wirklichkeit, vor allem im politischen Bereich, zu beziehen.

Das zeigt, dass die zu analysierenden Einheiten für die Sprach- und Kulturteilhaber *Realienwörter* sind, die Realien in ihrer Sprachgemeinschaft bezeichneten. In ihrer Rezeption sind diese Nominationen *Kulturspezifika*, und ihre Reaktionen auf den Gebrauch solcher Ausdrucksmittel waren Reaktion *auf Sachen*, die das Land, wo sie gelebt haben, so oder anders charakterisieren und diese in ihren Erinnerungen nachgestalten. Deswegen rufen diese Ausdrücke bei ihnen die DDR-Wirklichkeit und deren Unzulänglichkeiten, Zielscheibe des damaligen Spottes und der damaligen sozialen Kritik, wie sie ihnen durch den Alltag vertraut waren, ab und werden zu expliziten und/oder impliziten Markern für semiotische Grenzen innerhalb ihrer Sprachgemeinschaft, zu expliziten und/oder impliziten Markern für konkrete Diskursformate (s. oben und unten den zitierten Kommen-

tar von Sprach- und Kulturteilhabern).

Anders ausgedrückt bedeutet das, dass der Autor, B.-L. Lange, mit den sekundären nominativen Ausdrucksmitteln ein *Simulakrum*¹¹ konstruiert, das so überzeugend, plastisch und lebensnah ist, dass es eine Reaktion verursacht: „So war es nicht“, „Butter gab es immer“ und dergleichen, indem die Ex-DDR-Bürger die Ironie im Ausdruck *kapitalistischer Brotaufstrich* wollen nicht herausgehört haben daher aber ganz bestimmt die scharfe soziale Kritik. Dies erklärt auch, warum viele „naive Linguisten“ beim Kommentar auf solche Aspekte achten wie (s. Tabelle 2) Häufigkeit beim Gebrauch, Interaktionstyp, Funktion, Funktionsbereich, Strategie, Bekanntheitsgrad in der Sprachgemeinschaft, Konventionalitätsgrad, wie sie diesen einschätzen, Referent, Kontext u. a. Die entscheidende Frage bleibt für viele aber: Stimmt die erwähnte Sache (!!!) mit der Wirklichkeit überein? Die Tatsache, dass diese Ausdrücke einem ludophilen Text, d. h. einem fiktiven, einem fiktionalen, Text, entnommen worden sind,¹² bleibt von den meisten Personen unberücksichtigt — bewusst oder unbewusst, spielt keine große Rolle dabei — bzw. unwichtig, weil die entsprechenden Ausdrücke als für politische Kritik vorbestimmte rezipiert werden. Für viele scheint von keinem Belang zu sein, dass einige Wortschöpfungen womöglich Einmalbildungen, Okkasionismen, sind und deswegen ungewöhnlich, auffallend, stilistisch markiert vorkommen, und dass ihre Serialisierung und Konventionalisierung aus diesem Grunde problematisch ist.¹³

¹¹ Das Simulakrum wird in vielen modernen geisteswissenschaftlichen Theorien als einer der wichtigen Begriffe verwendet. Das Simulakrum gilt „in aktuellen medientheoretischen Kontexten <...> als ‘eine Kopie ohne Original’, als eine Darstellung, die sich auf ein reales Vorbild zu beziehen scheint, diese Referenz aber nur noch simuliert“ (GRIEM 2001: 585). Simulation wird auch als synonyme Ausdruck für Simulakrum verstanden, also ist das Simulakrum ein „zentraler Begriff eines komplexes gegenwartsdiagnostischen Gestus, dessen Kernstück in der These von der Verdrängung des Realen durch eine zumeist medienkritisch bestimmte sog. Hyperrealität besteht“ (KÖSTER 2000: 471).

¹² Dass der Text, dem 74 DDR-spezifische Wendungen entnommen sind, ein fiktionaler Text ist, war extra im Umfrage-Bogen angegeben: das Impressum wurde angeführt.

¹³ Eine Ex-DDR-Bürgerin meint: „Ich bin in der DDR aufgewachsen (62 Jahre), und der Buchautor ist mir bekannt. Viele der erwähnten Wen-

Der Effekt basiert auf den wesenhaften Eigenschaften der Präzedenzphänomene, in der Sprachgemeinschaft allgemein bekannt und relevant zu sein, ganze Fragmente von kulturspezifischen Weltvorstellungen zu aktivieren und zu co-aktivieren, bei den Sprach- und Kulturteilhabern in diversen Interaktionen sehr ähnliche bzw. identische Wissensbestände abzurufen. Sie stellen einen Code dar, der in der betreffenden Kultur zu den primären semiotischen Systemen parallel sei (ДОЕДИ 2014), und sorgen in der Sprachgemeinschaft für den Fortbestand der mentalen, sozialen und diskursiven Diversität einzelner sozialen Gruppen, aus denen sich die Sprachgemeinschaft zusammensetzt.

Die für die Analyse eingesetzten Untersuchungsmethoden sind für eine linguistische Untersuchung traditionell. Besonders werden dabei semantische, soziolinguistische und kognitiv-linguistische Verfahren beachtet.

3. Präzedenzphänomene als sekundäre nominative Ausdrucksmittel und deren Leistung im Text und in der Kommunikation

Die zu analysierenden Präzedenzphänomene stellen sekundäre nominative Einheiten dar, was eigentlich an die primären denken lässt wie auch an den Grund zum Generieren von sekundären Bezeichnungen für einen Referenten, der in der Sprachgemeinschaft bereits mit einem „Namen“ versehen worden ist.

Für die zu analysierenden Einheiten sind kognitive Mechanismen, Verbalisierungsmechanismen, Stilistika und innere Form als solche leicht erkennbar, sogar für diejenigen, die als Sprach- und Kulturteilhaber weder zu Hause, noch im Arbeitsbereich oder in ihrer Freizeit solche Wendungen je gehört hatten (s. Tabelle 2). Nur einige Beispiele: Funktion als Motiv für die Benennung: *der VEB Horch und Guck* (Staatssicherheit), Gestalt als Motiv: *Pornoshop* (Kaufhalle, Kommentar: *nackte Schaufenster und entblößte Regale*), kognitive Metapher als Mechanismus beim Generieren: *Tal der Ahnungslosen* (Dresden und seine Umgebung), *Rotlichtbestrahlung* (politische Weiterbildung). Zu erwähnen sind auch viele Stilistika, die in dem ludophilen Text sehr aktiv beansprucht werden: Parodie: *das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten* (Anspielung auf die in der offiziellen Kommunikation geläufi-

dungen sind zwar verständlich, doch *im Sprachgebrauch aus meiner Sicht kaum anzutreffen*. Sicher hat es auch damit zu tun, dass *der Autor als Kabarettist eine spezifische Sprache sucht*“ (hervorgehoben von mir — L. G.).

gen Parolen), Metapher: *Frühgurke* (Person, die besonders schnell befördert wird), Metonymie: *die Lackschuhe* (Beamte), *der Wasserkopf* (Leitung im Betrieb), Vergleich: *Bonbon* (SED-Abzeichen), *der Knitterfreie* (Stahlhelm), Ironie: *Arbeiter-und-Bauern-Volvo* (Trabant), Sarkasmus: *EDV (Ende der Versorgung)* (Grenze Ostberlins zu Westberlin), Euphemismus: *der sozialistische Industrienebel* (Smog), Wortspiel: *bohnenlose Gemeinheit* (Kaffee) (vgl.: *bodenlos*), *Miß Bildung* (Margot Honecker) (vgl.: *Missbildung*). Auch ein Pseudozitat wird verwendet: *sozialistische Wartegemeinschaft* (Warteschlange, vgl.: sozialistische Wertegemeinschaft) sowie ein Komplex von verschiedenartigen Mechanismen sorgt für die Expressivität des Ausdrucks und Effektivität der sozialen und/oder politischen Kritik: *Jahresendefrucht* (Apfelsine), *Erichs Ziehkind* (Egon Krenz), *Rüsseltraktoristen* (Panzersoldaten), *Fichtelbergziege* (Walter Ulbricht), *die Knirpskolonne* (die Stasi), *Spielgeld* (Landeswährung der DDR), *Mumienexpress* (Express zwischen der BRD und der DDR, mit dem Rentner ihre Verwandten besuchten), *Dreifarbenfisch* (Grün gefangen, braun geräuchert, schwarz gekauft).

Die Frage nach dem Grund für eine besonders intensive Verwendung der sekundären Ausdrucksmittel ist relativ leicht zu beantworten: Sekundäre Bezeichnungen rufen andere Wissensbestände ab, als diejenigen bei der primären Identifikation, und der Komplex von Merkmalen des zu identifizierenden Elementes der außersprachlichen Wirklichkeit wird anders profiliert als bei der primären Identifikation.¹⁴ Hinzu kommt, dass die Präzedenzphänomene als sekundäre nominative Ausdrucksmittel an der axiologischen Identifikation mit beteiligt werden. Deswegen wird das zu kategorisierende Objekt der Wirklichkeit in einen anderen Komplex von Eigenschaften eingebettet als bei der primären Identifikation, und vor einem anderen kognitiven Hintergrund ist ein anderes Resultat vom Kategorisieren des Objektes zu erwarten. Das axiologische Kategorisieren

¹⁴ Die entsprechenden Überlegungen sind aus dem Grunde relevant, weil jedes Objekt der außersprachlichen Wirklichkeit an verschiedenen, höchst heterogenen, Merkmalen, die ihm immanent sind oder die ihm in der betreffenden Sprachgemeinschaft als wesentliche bzw. unwesentliche zugeschrieben werden, in der Interaktion erkannt. Deshalb wird ein Objekt als Element sehr verschiedener mentaler Klassen rezipiert und bekommt zahlreiche Bezeichnungen. Deshalb kann zwischen der primären Identifikation bzw. sekundären Identifikation, axiologischer Kategorisierung oder Deskription des Objektes unterschieden werden.

der Objekte ist, da jedes Präzedenzphänomen an Wertvorstellungen appelliert (s. die Begründung in [ГРИШАЕВА 1998; 2018]). Das effektive Einwirken auf Rezipienten mithilfe von Präzedenzphänomenen wird auch durch zahlreiche intertextuelle Bezüge unterstützt, und so wird der entsprechende Effekt multipliziert und der Inhalt des auf solche Weise generierten Textes vielfach bereichert.

Das Funktionspotential der hier vorgestellten Einheiten ist recht weit und fein differenziert: Informieren, Verspotten, soziale Kritik, Ausdruck von diversen Emotionen und Unmut, Ventilfunktion, Selektion FREMD ⇔ EIGEN, Trost, die den Phantomschmerz lindernde Umschreibung, Lustgewinn u. a. m. (s. Beispiele oben). Die Funktionsbereiche, die in Frage kommen, sind auch sehr verschieden: Alltag, Feierabend, Verkehr unter Vertrauten, politisch engagierte Diskurse, Amüsieren, Entspannung, Spott, Sozialkritik, Konspiration, (scheinbare) Anonymität usw. Die kommunikativen Strategien, die dabei realisierbar sind, sind nicht weniger vielfältig: Konstruktion von fiktionaler Wirklichkeit und von Simulakrum und Fake News,¹⁵ Pranking, Flaming, Hating, Manipulation, Bagatellisieren, Meinungsbildung bzw. -prägung ohne (vernünftige/triftige) Argumente, parallel zum Informieren, Streben nach lakonischem und effektivem, emotivem und expressivem Ausdruck, Konstruieren axiologischen Hintergrunds u. a.

Die Frage danach, warum, wann und wozu die Präzedenzphänomene bevorzugt gebraucht werden, bereitet auch keine großen Schwierigkeiten: Diese Einheiten haben einen direkten Bezug auf Wertvorstellungen, sie sind eindeutig konnotiert, expressiv, emotional geladen, beinhalten oft Sozialkritik, rufen eine Menge von heterogenen Erkenntnissen ab, sind als eine Art Realien-„Wörter“ kulturspezifisch, markieren in der Sprachgemeinschaft die Dichotomie FREMD ⇔ EIGEN, und einige übernehmen auf solche Weise die Kennwortfunktion. Außerdem dienen sie der Sprachökonomie und prädeterninieren qualitative und quantitative Parameter von kognitiven Filtern sowie den axiologischen Hintergrund, vor dem das

¹⁵ Ein Simulakrum mithilfe der Präzedenzphänomene zu konstituieren ist deswegen ein mit großer Wahrscheinlichkeit gelungenes Unterfangen, weil das Simulakrum als „eine Kopie ohne Original“ mittels Bezeichnungen generiert wird, die sehr bekannt — bekannt — geläufig und dank der Sprache verständlich sind; sie haben einen eindeutigen Bezug auf die DDR-Wirklichkeit.

wahrzunehmende Wissen zu kategorisieren ist. Indem sie den Wahrnehmungsrahmen prädeternieren, erleichtern sie das axiologische Kategorisieren vom Wissen.

4. Fazit

Die zu analysierenden Wendungen bezeichnen für Sprach- und Kulturteilhaber (lebens)wichtige Begriffe so, dass dadurch das Wissen über die damalige Wirklichkeit um die Wendezeit sowie kurz vor und kurz nach der Wendezeit abgerufen wird. Das mit den zu analysierenden Wendungen konstruierte Simulakrum ist so plastisch, so überzeugend, dass die Sprach- und Kulturteilhabenden die entsprechenden Wörter und Wendungen nicht als solche (d. i. Bezeichnungen für etwas, Zeichen für etwas) interpretieren, sondern als Begrifflichkeiten, mit denen sie die wahrzunehmende Wirklichkeit kognitiv zu bearbeiten bereit sind. So verwandelt sich die fiktionale Wirklichkeit — ein ludophiler Text, der zwecks politischer Kritik generiert worden ist — in die außersprachliche Realität, wie sie aus unmittelbarer Nähe mitbekommen wurde, miterlebt wurde — und zwar durch „das Prisma“ DDR-BRD-Gegenüberstellung bzw. -Vergleich und später durch das mehr oder weniger transparente oder aber getrübbte „Prisma“ Ossi-Wessi-Beziehungen, das den Lichtstrahl bricht, d. h. das Wahrnehmungsergebnis notgedrungen transformiert bzw. entstellt.

Dazu kommen noch andere kognitive Filter in Frage: impliziter Vergleich DDR — Ex-DDR, Opposition BRD — das vereinte Deutschland, die heutige und damalige personale und kollektive Identität des Subjekts, Vorstellung von GUT und SCHLECHT heute und damals, Wirklichkeit und Vorstellungen von ihr.

Schlüsse zweifacher Natur sind zu ziehen: konkrete (d. i. in Bezug auf zu analysierende Einheiten) und allgemeine (d. i. bezüglich sekundärer Ausdrucksmittel, deren Funktionsbereich sich heutzutage bedeutend erweitert hat und immer differenzierter wird). Beide Mengen überlappen sich, aus diesem Grunde wird nur das behandelt, was in die Überlappungszone gehört.

Die oben formulierten Fragen lassen sich wie folgt beantworten.

Präzedenzphänomene werden so zahlreich verwendet, weil sie emotional geladen, expressiv und einen lakonischen Ausdruck zu gestalten imstande sind. Aus diesem Grunde sind sie geeignet, eine Ventilfunktion zu übernehmen und an der Meinungsbildung, -prägung und -verdeutlichung sowie Manipulation und Informationsverdichtung mitzuwirken. Mit anderen Worten, die Präzedenzphänomene sind an-

gemessene und effektive Ausdrucksmittel für mehrere und diverse kommunikative Strategien, die unter verschiedenartigen kommunikativen Bedingungen Verwendung finden. Es spielt dabei keine Rolle, wie ein Präzedenzphänomen entstanden und wie es beschaffen ist: ob es im Alltag vom „Volksmund“ generiert, gekünstelt (von einem konkreten Autor für ein Programm generiert) bzw. ausgeklügelt ist, ob es einen weiten bzw. einen begrenzten Funktionsbereich hat, usw. Ein Präzedenzphänomen kann auch der Kritik dienen sowie zum Trost der Sprach- und Kulturteilhabenden, indem es durch Profilieren von wahrzunehmenden Wissensbeständen der Beschönigung der Wirklichkeit, der Milderung von axiologischen Urteilen, der Akzentsetzung zur Geltung verhelfen oder im Gegenteil die Kritik verschärfen.

Da die Präzedenzphänomene über ein weit gefächertes Funktionspotential verfügen und ohne Zweifel kognitiv relevant sind, können sie ein und dieselbe nominative Aufgabe mehrfach lösen, indem sie dabei die Beziehung kognitiver Hintergrund — kognitiver Fokus beeinflussen und den abzurufenden Wissensbestand profilieren. Dadurch sorgen sie für nominative (sprachliche) und entsprechend für kognitive Diversität beim Mitteilen, bei der Interpretation des Wissens, schließlich bei der Verständigung zwischen den Kulturteilhabenden. Die sprachliche und kognitive Diversität wird auch dadurch unterstützt, dass die Präzedenzphänomene unter bestimmten kommunikativen Bedingungen füreinander synonym sein können. Das ist eine plausible Erklärung dafür, dass die Präzedenzphänomene die Informationsverdichtung fördern und sich somit am Wissensmanagement beteiligen.

Die beschriebenen Eigenschaften der Präzedenzphänomene als sekundäre nominative Ausdrucksmittel sowie deren Expressivität und unmittelbarer Bezug auf das Wertesystem veranlassen den Produzenten, sekundäre nominative Ausdrucksmittel den primären vorzuziehen. Darauf basiert auch die Potenz von Präzedenzphänomenen, ein Simulakrum zu konstruieren und somit das Wertesystem und das Weltbild der Kulturteilhabenden zu beeinflussen.

Meinen aufrichtigen Dank möchte ich meinen Freundinnen Prof. Elke Scherstjanoi, Brigitte Resnik und meinem Freund Dr. Lutz Kuntzsch aussprechen, die mir bei der Umfrage und mit ihren kritischen Bemerkungen, hilfreichen Kommentaren und Korrekturen bei der Endfassung des Textes mitgeholfen haben.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019. [Anisimova, Yelena Ye. (2019) *Religiosnyy diskurs: funktsionalnyy i antropologicheskiy aspekty* (Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. [Grishayeva, Lyudmila I. (1998) *Arminiy, Barbarossa, vedmy s Brokена i drugiye: nemetskiy yazyk i kultura cherez prizmu nemetskih pretsedentnykh tekstov* (Arminius, Barbarossa, the Witches of Brocken and others: German Language and Culture through the Prism of German Precedent Texts). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Типология прецедентности и культурная континуальность или К вопросу о культурных скрепах // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: Проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018. С. 371—388. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018) *Tipologiya pretsedentnosti i kul'turnaya kontinual'nost' ili K voprosu o kul'turnykh skrepakh* (The Typology of Precedent and Cultural Continuity or To the Cultural Staples Problem). In Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Lyubov V. *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii: Problemy, podhody, analisis* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 371—388. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Var'irovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17 / гл. ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 24—47. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien?* (Homo ludens, Fake News and Text, or Why the Principles of Text Organization change?). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta, 24—47. (In Russian)].
- Донец П. Н.* Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурологическом понятии // Субъект

- познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 429—439. [Donez, Pavel N. (2014) *Pretsedentnyye ili prototipicheskiye fenomeny? K voprosu ob odnom lingvokulturnom ponyatii* (Precedent or Prototypical Phenomena? On the Issue of one Linguoculturological Concept). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 429—439. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: Алтайский ГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. [Kremnyova, Anna V. (2017) *Intertekstual'nost' kak odna is form mezhtekstovogo vsaimodeistviya v semioticheskom prostranstve kul'tury* (Intertextuality as One of the Forms of Intertextual Interaction in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Technical University. (In Russian)].
- Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. V / ред. Н. С. Бабенко; Н. А. Бакши. М.: Языки Славянских Культур, 2009. [Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) (2009) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*. Т. 5 (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 5). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. VIII / ред. Н. С. Бабенко; Н. А. Бакши. М.: Языки Славянских Культур, 2011. [Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) (2011) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*. Т. 8 (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 8). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XIV / ред. Н. С. Бабенко; Н. А. Бакши. М.: Языки Славянских Культур, 2017. [Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) (2017) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 14. Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVI / ред. Н. С. Бабенко; Н. А. Бакши. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2019. [Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) (2019) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germa-*

nistov (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 16. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVII / гл. ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. [Ivanov, Andrey V. (ed.) (2020) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta. (In Russian)].

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. № 18. [*Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 2021, 18. (In Russian)].

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. A — Z. (1989) Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.

Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.

Freudenberg-Findeisen, Renate. (ed.) (2016) *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Zürich; New York: Georg Olms Verlag Hildesheim.

Griem, Julika. (2001) Simulacrum. In Nünning, Ansgar. (ed.) *Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 585—586.

Hofstede, Geert. (2006) *Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management*. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag.

Isenberg, Horst. (1984) Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie. *Zeitschrift für Germanistik*, 3, 261—270.

Kalverkämper, Hartwig, & Schippel, Larisa. (eds) (2009) *Translation zwischen Text und Welt — Translationswissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft*. Berlin: Frank & Timme.

Köster, Werner. (2000) Simulation. In Schnell, Ralf. (ed.) *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 471—472.

Rentel, Nadine, & Venohr, Elisabeth. (eds) (2012) *Text-Brücken zwischen den Kulturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Bernd Spillner*. Frankfurt/M: Peter Lang.

Empirisches Material

Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart-Leipzig: Hohenheim Verlag.

**Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism
and culturally Significant Phenomena
as Secondary Nominative Means of Expression**

The paper describes one of the ways to manifest rich and finely differentiated functional potential of culturally significant phenomena as secondary nominative means. Special attention is paid to the semantic, syntactic and functional principles of structuring ludic texts generated for the purposes of social criticism. From semantic and structural points such texts are based on culturally significant phenomena which are specific for a particular culture by their definition. The analysis of the cognitive and textual characteristics of the latter allows us to identify the grounds for their active use by the addresser as a means of implementing strategies for generating ludic texts and/or for social criticism of varying degree. Comprehension of the socio-critical and satirical attitudes of the author of a ludic text provides an understanding of somewhat paradoxical reactions of native speakers/members of a particular culture, for whom the corresponding texts, even if the latter can be classified as consciously constructed simulacra which are perceived by different generations of members of a culture as reflecting true reality of their cultural space, even if it is at some temporal distance from them.

Keywords: secondary nominative means; construction of simulacra; intertextuality; ludic strategies; personal and collective identity of the subject; social criticism

Людмила И. Гришаева
Воронежский государственный университет

**Конструирование симулякров, людические тексты, социальная
критика и прецедентные феномены как вторичные
номинативные средства**

В статье описывается один из способов реализации богатого и тонко дифференцированного функционального потенциала вторичных номинативных средств «прецедентные феномены». Особое внимание уделяется текстосемантическим, текстосинтаксическим и функциональным принципам организации людических текстов, порожденных в целях социальной критики и содержательно и структурно основывающихся на прецедентных феноменах, культурно специфических по определению. Анализ когнитивных и текстограмматических характеристик последних позволяет выявить основания для их активного использования адресантом в качестве средств реализации стратегий

на порождение людических текстов и/или для социальной критики разной степени остроты. Осмысление социально-критических и сатирических установок продуцента соответствующего текста обеспечивает понимание порой парадоксальных реакций носителей языка и культуры, для которых соответствующие тексты, даже если последние и представляют собой сознательно сконструированные симулякры, воспринимаются разными поколениями носителей культуры как отражающие реальную действительность своего культурного пространства, отстоящего от них на некоторой темпоральной дистанции.

Ключевые слова: вторичные номинативные средства; конструирование симулякров; интертекстуальность; людические стратегии; личностная и коллективная идентичность субъекта; социальная критика

Для цитирования:

Grischajewa L. I. Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 120—144.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-120-144.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-120-144.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 20.02.2022

The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 20.02.2022

Б. А. Дюбо

Санкт-Петербургский национальный исследовательский
Академический университет им. Ж. И. Алферова
Российской академии наук

НЕМЕЦКИЙ КОНТЕКСТ НАЧАЛА СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СТАНДАРТА В РУССКОЙ ГРАММАТИКОГРАФИИ

Рассматриваются методические принципы, представленные в грамматиках католического аббата И. И. Фельбигера (1724 — 1778), а также в русском переводе его книги, вышедшей под названием *О должностях человека и гражданина* (1783). Благодаря школьным реформам Фельбигера в Австрии активно происходит процесс стандартизации немецкого языка, преодоление вариантности, связанной с существованием диалектов. В своих грамматических сочинениях Фельбигер стал в Австрии проводником языковых норм И. К. Готтшеда. Проводимая Екатериной II по австрийскому образцу школьная реформа предусматривала использование в народных училищах книг Фельбигера. Немецкая грамматика Фельбигера предписывалась в качестве обязательного образца для составления учебника по грамматике русского языка. Обнаружено, что *Краткая Российская грамматика* (1787) профессора Московского университета Е. Б. Сырейщикова, следовала в немалой степени методическим принципам, представленным в сочинениях Фельбигера. Появление грамматики Сырейщикова, позволяло в силу ее популярности, практической направленности, краткости и четкой безвариантной регламентации узуса избегать неоправданного многообразия языковых средств, содействовало внедрению в последней четверти XVIII в. наиболее пригодного для коммуникации кодифицированного языкового стандарта в образованное российское общество.

Ключевые слова: языковой стандарт; школьная реформа; грамматикография; И. И. Фельбигер; Е. Б. Сырейщиков

Введение

В второй половине XVIII в. с целью укрепления просвещенных монархий в Пруссии, Австрии и России на государственном уровне предпринимались усилия по установлению контроля над всеми сферами жизни общества, в том числе ставилась задача расширения и стандартизации школьного обра-

зования. Новые формы начального образования делали актуальными вопросы стандартизации национальных языков, сведения свободных вариантов языковых единиц к одному. Как подчеркивает Ульрих Аммон,

«Признанию его как нормы учат и закрепляют в школах. Полная стандартизация вряд ли возможна без кодификации: определения стандартного варианта в словарях и грамматиках» (АММОН 2004: 183–184).

Школьная реформа в России проводилась Екатериной II по австрийской модели. Поскольку для составления грамматических руководств в России в качестве образца предписывались грамматики, изданные в Австрии в последней трети XVIII в., большое значение и актуальность приобретает изучение того, какую роль они сыграли в понимании языковой нормы русскими грамматистами и в какой степени были заимствованы методы закрепления языкового варианта в качестве стандартного.

Задачей данной статьи является показать роль немецких грамматических руководств аббата Иоганна Игнаца Фельбигера (1724 — 1778), одного из ведущих католических педагогов в Центральной Европе, в становлении русского языкового стандарта в последней четверти XVIII в. Материалом исследования послужили опубликованные во второй половине XVIII в. грамматические сочинения, широко использовавшиеся в преподавании немецкого и русского языков.

1. Школьная реформа в России по австрийской модели

При проведении школьной реформы в России Екатерина II решила использовать опыт проведения подобных реформ в Австрии, которые проходили под руководством Фельбигера. Императрица обратилась также с просьбой к Иосифу II Габсбургу, чтобы в Россию был направлен человек славянского происхождения, православного вероисповедания, знакомый с положением школьного дела в Австрии. Фельбигер рекомендовал сербского педагога Федора Ивановича Янковича-де-Мириево (1741 — 1814) (STANZEL 1976: 318). Последующие изменения в сфере школьного образования Российской империи были тесно связаны с его именем. Фактически он стал выполнять в России ту же функцию, что Фельбигер в Австрии. Янкович предложил единую систему начальных школ, подчеркнув при этом важность стандартизированного обучения (KUSBER 2009: 83).

5 августа 1786 г. Екатериной II был утвержден «Устав народным училищам», согласно которому на территории Российской империи создавались народные училища. Проводимая по австрийской модели реформа в России касалась методов преподавания и его содержания. Преимущество отдавалось изучению религии и русского языка.

Для этих училищ потребовались и новые учебные книги. Основным пособием стала книга Фельбигера *О должностях человека и гражданина* (1783а) (Пискунов 2001: 149), представляющая собой переложенное Янковичем на русский язык *Руководство к честности и правдивости, в малых училищах учащейся славено-сербской юности на чтение определенная книга Фельбигера* (FELBIGER 1777), изданное на немецком и параллельно на словенском языке. Главной в этой книге была идея безоговорочного подчинения государству и монарху, раскрываются идеи духовно-нравственного воспитания. В рекомендованном для российских народных училищ в качестве обязательного *Руководстве учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи*, изданному также по австрийскому образцу, где речь шла о формах и методах обучения, говорилось:

«Школьные учителя обязаны ни по какимъ другимъ книгамъ не учить, кроме отъ начальства предписанныхъ, и никакого другаго учебнаго способа не употреблять, кроме установленнаго» (ФЕЛЬБИГЕР 1783b: 95).

Введение по примеру Фельбигера государственного контроля в начальном образовании явилось механизмом последовательного внедрения языкового стандарта в российское образованное общество.

2. Понимание языковой нормы и методика изучения грамматики у Фельбигера

Проводимая Фельбигером в Австрии стандартизация школьного образования, предусматривавшая использование в начальной школе его грамматик, способствовала продвижению стандартизации языковой нормы. Проблема нормы особенно остро стояла в южных немецкоязычных землях. Вплоть до конца XVII в. не было стандартных немецких грамматик и словарей. Иезуиты, в чьих руках находилось образование и университеты в католической Австрии, пренебрегали преподаванием немецкого языка и тем самым хотели помешать чтению

и изучению хорошей немецкой прозы и поэзии из протестантских стран (WIESINGER 1997: 338).

В это время в северной и средней Германии в результате Реформации все больше внедряется восточно-средне немецкий мейссенско-верхнесаксонский язык Лютера, который становится ведущим в письменном немецком языке. На верхненемецком юге сохраняется, однако, баварско-верхненемецкий язык канцелярии императора Максимилиана. Оба варианта языка были конфессионально обусловлены. Мейссенско-верхнесаксонский становится письменным языком протестантов, а баварско-верхненемецкий становится письменным языком католицизма. Лишь около 1730 г. начинают осознаваться отчетливые языковые и культурные различия. Улучшением языка католического юга в сравнении с языком протестантского севера занималась в течение почти четырех десятилетий XVIII в. императрица Мария Терезия, проводя реформу языка в Австрии. В 1773 г. был ликвидирован орден иезуитов. Основой для преобразований в орфографии и грамматике стала письменная форма языка, представленная в работах Иоганна Кристофа Готтшеда (1700 — 1766) (WIESINGER 1999: 12–13).

Лингвистическими целями Готтшеда было введение единого стандарта письменного языка в форме восточногерманского и северогерманского «верхненемецкого» без местных различий. Проводником этих языковых норм Готтшеда в Австрии стал Фельбигер. В XVIII в. активно происходит процесс стандартизации немецкого языка именно благодаря школьным реформам Фельбигера. После введения обязательного начального образования большое количество детей из низших социальных слоев смогли изучить языковые нормы, предписанные грамматикой Фельбигера, который в своих грамматических сочинениях для школьников стремился избегать вариативности, связанной с существованием диалектов.

Фельбигер не был новатором как в понимании языковой нормы, где он поддерживал взгляды Готтшеда, для которого идеалом был восточно-средне немецкий письменный язык, так и в научно воспитательном и методическом аспектах (ROESSLER 1997: 76–77). В развитии школьной реформы конца XVIII в., которая охватывает всю Европу, большую роль в продвижении и утверждении конкретных педагогических намерений сыграло

знакомство и общение Фельбигера с представителями одного из протестантских течений: пиетистами Иоганном Юлием Хеккером (Johann Julius Hecker; 1707 — 1768) и Иоганном Фридрихом Хеном (Hähn, Johann Friederich, 1710 — 1789), преподавателями Реальшколе в Берлине. В отличие от Готтшедовской *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* Фельбигер намеренно стремится к краткости изложения, применяя подход, заимствованный им у пиетиста Хена (об использовании Хеном для этого таблиц см. *Anleitung zur d. Sprachlehre* [FELBIGER 1775a: 59]) (ROESSLER 1997: 75).

Наконец, не следует забывать, что грамматики Фельбигера, например, 1775 г. (FELBIGER 1775a), служат для использования в немецких школах в имперско-королевских землях и поэтому не преследуют цель всеобъемлющего, описательного изложения современной немецкой грамматики — со всеми ее отклонениями, — но выступают именно как руководство, и, следовательно, выполняют дидактико-нормативную функцию (ROESSLER 1997: 287).

Стремясь к простоте и практичности преподавания грамматики, Фельбигер полагает, что этимология в истинном смысле слова нужна только ученым, а не ученикам немецких школ. Вполне достаточно постараться научить молодежь многим разновидностям (слов) и их правильным изменениям. Поэтому, полагает Фельбигер, нужно называть эту часть (грамматики) словоизменением. В его руководстве ничего не говорится об исследовании или происхождении слов. Правильное соединение или порядок слов, преподают и изучают в синтаксисе (FELBIGER 1892: 199). По Фельбигеру,

«не следует давать все сведения о грамматических явлениях <...> грамматическое руководство должно быть кратким и содержать только самое необходимое. Знающие люди легко поймут, почему одно или другое считалось излишним и было опущено. Например, учение о роде имен, по общему признанию, относится к грамматике, однако, не встречается в нашей. Мы опустили эти правила, потому что немецкая молодежь уже научилась на практике правильному использованию имен» (FELBIGER 1892: 200).

3. Роль грамматики Е. Б. Сырейщикова в становлении русского языкового стандарта

Российская грамматика М. В. Ломоносова не использовалась в учебном процессе в последней трети XVIII в., так как в это время уже были созданы специальные учебники русского языка

(ФОМЕНКО 2000: 15). Профессором Московского университета Евгением Борисовичем Сырейщиковым (1757 — 1791) для народных училищ была написана *Краткая Российская грамматика* (СЫРЕЙЩИКОВ 1787). Появление такой грамматики было важной вехой в становлении в последней четверти XVIII в. языкового стандарта, который до того не был

«укоренен ни в каких институтах, значимых для всего образованного общества. Он не усваивается обществом как необходимая часть культурной традиции, как это должно быть с полноценными литературными языками, его новые пользователи переделывают его по своему вкусу» (ЖИВОВ 2004: 127).

Так, поэт Александр Петрович Сумароков (1717 — 1777) демонстративно использует морфологическую вариативность, с которой борются академические нормализаторы. Например, в первой элегии (СУМАРОКОВ 1774: 4) читаем:

Лишаюсь милыхъ губъ и поцѣлуевъ ихъ:
И ахъ! лишаюся я всѣхъ утѣхъ моихъ:
Лишаюся, увы! всево единымъ словомъ...

Вариативность возвратных форм очевидно обусловлена здесь не метрически, но, как полагает В. М. Живов, «желанием избежать монотонного повтора одной и той же формы» (ЖИВОВ 2004: 126). В Предисловии к *Краткой российской грамматике* Сырейщикова отмечается:

«Издаваемая ныне Российская грамматика коль ни сокращена быть кажется; содержит однакож в себе все нужное» (СЫРЕЙЩИКОВ 1787: I).

При всей ее краткости автор изложил дидактические и методические рекомендации, в основу которых были положены принципы последовательности и связи изучаемого материала с жизнью. Учителям советовалось не побуждать детей к зазубриванию, а, используя яркие примеры, разъяснять трудные места, добиваться усвоения изученного материала путем повторения (ПИСКУНОВ 2001: 150).

Живов подчеркивает, что грамматика Сырейщикова, предназначенная для насаждаемых Екатериной народных училищ (СЫРЕЙЩИКОВ 1787), не предусматривает

«никакой вариативности или стилистического выбора вариантов; ее цель состоит в том, чтобы регламентировать узус четким

и однозначным образом» (Живов 2004: 129–130).

В своей нормативной грамматике Сырейщиков разрабатывает языковой стандарт. Например, образование превосходной степени прилагательных происходит тремя способами: 1) прибавлением слога *pre-* (преполезный); 2) добавлением слова *самой* («самой приятный»); 3) «окончательного слога» «шій» («приятныйшій»). Но Сырейщиков настаивает:

«Превосходная степень, дѣлаемая съ прибавленіемъ слога *най*: хотя и употребительна; однако не есть правильна. На пр. *найприятнѣйшій*, *наиполезнѣйшій*» (СЫРЕЙЩИКОВ 1787: 7).

Здесь мы видим влияние сочинений Фельбигера, в том числе его грамматик немецкого языка (FELBIGER 1775a; 1779) и соответствующих методических пособий, таких как *Азбука* (FELBIGER 1776; ранее 1774). Его грамматики явились предварительным этапом стандартизации, которая понималась как редукция множества вариантов, зафиксированных в системе языка. Так, например, Фельбигер — первый среди австрийских грамматистов, кто создал четкие правила для гласного «е» во 2-м и 3-м л. ед. ч. наст. вр. индикатива неправильных глаголов. Соответственно все глаголы с перегласовкой во 2-м и 3-м л. ед. ч. синкопируют гласный «е» (*ich gebe, du gibst, er gibt*). Во всех неправильных глаголах, не изменяющих гласного, должен также опускаться последний безударный слог во 2-м и 3-м л. ед. ч. (*ich steh, du stehst, er steht*), если их основа не заканчивается на зубные «ch», «sch», «s» или «st» (FELBIGER 1775a: 52). Список неправильных глаголов в *Руководстве* (FELBIGER 1779) также показывает, насколько последовательно Фельбигер следует требуемым правилам (ROESSLER 1997: 250).

Именно немецкая грамматика Фельбигера была предписана в качестве обязательного образца для составления учебника по грамматике русского языка:

«Комиссия о народных училищах <...> решилася препоручить сие дело Императорского Московского университета профессору красноречия, г. коллежскому советнику Антону Барсову. <...> с тем, чтобы он токмо следовал расположению той немецкия грамматики <...> кою для того доставить в образец и г. Барсову» (УСПЕНСКИЙ 1981: 22).

Внешние рамки изложения, порядок частей, известные правила и определения *Российской грамматики* А. А. Барсова (1730 —

1791) заимствованы были из немецкой грамматики Фельбигера, принятой в австрийских школах (FELBIGER 1779) (см. [СУХОМЛИНОВ 1878: 274; Булич 1904: 235]). Вместе с тем сочинение Антона Барсова было весьма обширным. Это была научная, а не учебная грамматика русского языка.

«Интересно, что в Описании дел архива Министерства народного просвещения встречается указание Комиссии об учреждении народных училищ, о необходимости производить сокращение из грамматики Барсова. А «Краткая российская грамматика» 1787 г. Е. Б. Сырейщикова издана для народных училищ Российской империи. Возможно, именно грамматика Сырейщикова 1787 г. и была результатом знакомства ее автора с обширной рукописной грамматикой Барсова» (КОНДАКОВА 1976: 152).

Сырейщиков, ученик Барсова, был хорошо знаком и разделял лингвистическую концепцию последнего (Ibid.: 153).

Сырейщиков внес также ряд уточнений и изменений в морфологические классификации, терминологию, подбор примеров (см. [ФОМЕНКО 2000: 10–11]). Вслед за Фельбигером Сырейщиков, как и Барсов, вводит в свою грамматику рассмотрение особенностей произношения слов (словоударение) (СЫРЕЙЩИКОВ 1787: 56), к чему, как отмечает Барсов, не имелось «никакого руководства от прежних грамматиков» (СУХОМЛИНОВ 1878: 265).

В педагогической концепции Фельбигера важным элементом был табличный или буквенный метод, т. е. метод изображения через начальные буквы («Tabellar od. Litteralmethode»), который Фельбигер ввел по модели Хена (об описании «Literaloder Buchstabenmethode» см. в [HÄHN 1777: 16 и сл.; RANHOLZER 1892, 23]). Таблицы играют у Фельбигера важную роль в обучении, способствуют краткому изложению материала. Вслед за ним они рекомендуются и в русском *Руководстве учителям первого и второго класса* 1783 г., почти дословные цитаты из *Methodenbuch* 1775 г. Фельбигера свидетельствуют, что в *Руководстве* (1783b) приводятся не самостоятельные формулировки, а именно их переработки. Ср.:

«В общем, таблица — это не что иное, как краткий, хорошо составленный и хорошо связанный фрагмент учебного предмета, в котором все основные части, все подразделения, в особенности своеобразные дополнительные вещи, дополнения и опре-

деления, то есть основные понятия, положения и истины, устроены таким образом, что можно сразу бросить взгляд на целое, легко различить разницу частей, а также их связь с тем или иным основным элементом и соединение всех частей посредством определенных знаков. Таблицы показывают нам общую картину всей науки и в то же время различные разделы и ее части» (FELBIGER 1775b: 22).

«Таблица ни что иное есть, как выписка, или краткое содержание какого нисеть сочинения или книги, в котором все главные части, отделения и сих разделения так представлены, что все в надлежащем соединении легко и удобно видеть можно» (ФЕЛЬБИГЕР 1783b: 12).

Таблицы должны обладать следующими свойствами: 1) «должны быть кратки, т. е. оне должны содержать в себе только самое существенное и главное»; 2) «сперва надлежит в них показывать ясно самое то дело, о коем идет речь, а потом главные онаго части, отделения и сих разделения»; 3) «должны быть порядочны; и части дела должны в них следовать одна за другою в естественном порядке, т. е. главному не должно стоять после побочнаго; а существенному не должно смешиваему быть со случайным»; 4) «должны быть связны, т. е. все то, чему надобно быть вместе, должно стоять в них вместе, и каждая часть должна относиться ко другой» (Ibid.: 12).

Как и у Фельбигера (1775b: 21–37), в русском *Руководстве* подробно рассматриваются различные виды таблиц (с цифрами, буквами, скобками, уступами и т. п.). В приложении к *Руководству* приводятся, например, «Таблицы о познании букв, о складах, о чтении и о правописании» (ФЕЛЬБИГЕР 1783b: 1 и сл.). Фельбигер позже отказывается от таблиц из-за формального применения их коллегами. Об этом он пишет немецкому педагогу-филантропинуисту Фридриху Эберхарду Рохову в письме от 15 января 1773 г. (PANHOLZER 1892: 89); см. также в (ROESSLER 1997: 76).

Интересно отметить, что в преподавании немецкого языка в России после 1786 г. также наблюдается отказ от использования таблиц. О необходимости их использования ничего не говорится во втором издании дидактико-методического пособия 1790 г. *Способ учения* (СПОСОБ УЧЕНИЯ 1790), где особое внимание уделяется методике изучения языков (КОСН 2002: 311). Можно пред-

положить, что такое отношение к таблицам явилось результатом более тесного и быстрого обмена информацией среди преподавателей немецкого языка в России и за рубежом. В преподавании русского языка последней трети XVIII в., напротив,

«практической направленности обучения служат таблицы склонений и спряжений, которых в учебниках больше, чем в научном труде М. В. Ломоносова» (ФОМЕНКО 2000: 12–14).

Сырейщиков в Предисловии к своей популярной в то время *Краткой Российской грамматике* рекомендует постоянно обращаться к таблицам: при изучении правил синтаксиса

«въ сіежь время повторять учитель съ учениками своими таблицу о правописаніи, которая тѣмъ яснѣе учинится для учащихся, что они уже знаютъ грамматику» (СЫРЕЙЩИКОВ 1787: III).

Таблицы содержат нормативные рекомендации и оценки; например, в одной из многих таблиц в его грамматике не рекомендуются формы спряжения «Я есмь» «Ты еси» и др. как неупотребительные (Ibid.: 24); (см. также таблицы «Склоненія имянь существительныхъ», таблицы «Склоненія мѣстоименій»; «Таблицу спряженія глаголовъ» [Ibid.: 10, 16–19, 24–29]).

Реформа школьного образования явилась важным социальным фактором развития и функционирования языка. Реформа, как и связанная с нею публикация обязательных к использованию в школе, нашедших широкое распространение кратких грамматик, не могли не повлиять на язык официальных письменных текстов. Так, в Австрии авторы петиций корректировали свое использование языка в соответствии с грамматиками. По крайней мере, некоторые авторы петиций посещали обязательные начальные школы, введенные императрицей Марией Терезой, и обучались по учебникам Фельбигера (HAVINGA 2018: 226).

В России появление нормативных грамматик способствовало внедрению языкового стандарта.

«Регламентация языкового узуса дает хотя и не немедленный, но вполне ощутимый эффект. Не только бесследно исчезают те легкомысленные забавы с языковым стандартом, которые позволяя себе Сумароков, но и узус духовной литературы на русском языке постепенно приводится в соответствие с нормой» (ЖИВОВ 2004: 129–130).

Учебник Сырейщикова был наиболее популярным и востребованным, он применялся даже в первые годы Пушкинского Царскосельского Лицея (1811/1812 гг.) (Фоменко 2000: 15–16).

4. Выводы

Проводимая Екатериной II по австрийскому образцу школьная реформа предусматривала использование в народных училищах книги Фельбигера, вышедшей в переводе под названием *О должностях человека и гражданина*. Его же немецкая грамматика, в которой автор стремится преодолеть вариантность, связанную с существованием диалектов, предписывалась в качестве обязательного образца для составления учебника по грамматике русского языка. Появление грамматики Сырейщикова, следовавшей методическим принципам, изложенным в сочинениях австрийского школьного реформатора Фельбигера, позволяло в силу ее популярности, практической направленности, краткости и четкой безвариантной регламентации узуса избегать неоправданного многообразия языковых средств, содействовало внедрению в последней четверти XVIII в. наиболее пригодного для коммуникации кодифицированного языкового стандарта в образованное российское общество.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. СПб.: тип. М. Меркушева, 1904. [Bulich, Sergey K. (1904) *Ocherk istorii yazykovedeniya v Rossii*. T. I (Essay on the History of Linguistics in Russia. Vol. 1). Saint Petersburg: by M. Merkushev. (In Russian)].
- Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки Славянских Культур, 2004. [Zhivov, Viktor M. (2004) *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* (Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the 17th — 18th Centuries). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Кондакова Т. И. Анонимные грамматики XVIII века и их авторы // Проблемы рукописной и печатной книги / ред. А. А. Сидоров и др. М.: Наука, 1976. С. 146—153. [Kondakova, Tatyana I. (1976) *Anonimnyye grammatiki XVIII veka i ikh avtory* (Anonymous Grammars of the 18th Century and their Authors). In Sidorov, Aleksey A., & al. (eds) (1976) *Problemy rukopisnoy i pechatnoy knigi* (Problems of handwritten and printed Book). Moscow: Nauka, 146—153. (In Russian)].
- Пискунов А. И., Вендровская Р. Б., Кларин В. М., Плохова М. Г., Бли-

- нов В. И., Петров В. М. и др. История педагогики и образования. М.: Сфера, 2001. [Piskunov, Aleksey. I.; Vendrovskaya, Regina B.; Klarin, Valdimir M.; Plokhova, Margarita G.; Blinov, Vladimir I.; Petrov, Vladimir M., & al. (2001) *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya* (History of Pedagogy and Education). Moscow: Sfera. (In Russian)].
- Способ учения. М.: Унив. тип. у Окорокова, 1790. [Sposob ucheniya (Method of Teaching). (1790) Moscow: by Okorokov. (In Russian)].
- Сумароков А. П. Елегия любовныя. СПб.: Имп. Акад. наук, 1774. [Sumarokov, Aleksandr P. (1774) *Elegiya lyubovnyya* (Love Elegies). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Сухомлинов М. И. История российской академии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XIX. Вып. 4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1878. [Sukhomlinov, Mikhail I. (1878) *Istoriya rossiyskoy akademii* (History of the Russian Academy). In *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. Т. 19. Вып. 4 (Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 19. Issue 4). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Сырейшичков Е. Б. Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи. СПб.: Типография Гекка, 1787. [Syreyshchikov, Evgeniy B. (1787) *Kratkaya rossiyskaya grammatika, izdannaya dlya narodnykh uchilishch Rossiyskoy imperii* (Concise Russian Grammar published for Folk Schools of the Russian Empire). Saint Petersburg: by Gek. (In Russian)].
- Успенский Б. А. Предисловие к Российской грамматике Антона Алексеевича Барсова. М.: МГУ, 1981. С. 3—30. [Uspenskiy, Boris A. (1981) *Predislovie k Rossiyskoy grammatike Antona Alekseyevicha Barsova* [Preface to the Russian Grammar by Anton Alekseyevich Barsov]. Moscow: Moscow State University, 3—30. (In Russian)].
- Фельбигер И. И. О должностях человека и гражданина: книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя. СПб.: Имп. Акад. наук, 1783а. [Felbiger, Johann I. (1783a) *O dolzhnostyakh cheloveka i grazhdanina: kniga, k chteniyu opredelennaya v narodnykh gorodskikh uchilishchakh Rossiyskoy imperii* (On the Obligations of Man and Citizen: a Book defined for Reading in Folk City Schools of the Russian Empire). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Фельбигер И. И. Руководство учителям перваго и втораго класса народных училищ Российской империи, изданное по высочай-

шему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй / пер. с нем. яз. А. Ковалев. СПб.: тип. Шора, 1783b.
[Felbiger, Johann I. (1783b) *Rukovodstvo uchitelyam pervago i vtorago klassa narodnykh uchilishch Rossiyskoy imperii* (Guidance for Teachers of the First and Second Grade of Folk Schools of the Russian Empire). Saint Petersburg: by Shor. (In Russian)].

Фоменко А. В. Цели, содержание и методы работы по русскому языку в школьных учебниках последней трети 18 века: автореф. дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.02. М.: Московский пед. гос. ун-т. 2000. [Fomenko, Aleksandr V. (2000) *Tseli, sodержaniye i metody raboty po russkomu yazyku v shkol'nykh uchebnikakh posledney trety 18 veka* (Goals, Contents and Methods of Work on the Russian Language in School Textbooks of the last third of the 18th Century). Extended abstract of PhD thesis in Pedagogy. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian)].

Ammon, Ulrich. (2004) Funktionale Typen und Statustypen von Sprachsystemen. In Ammon, Ulrich; Dittmar, Norbert; Mattheier, Klaus, & Trutgill, Peter. (eds) *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*. Bd. 1. 1. Teilband. Berlin; New York: de Gruyter, 179—188. [2., vollst. neu bearb. Aufl.]

Felbiger, Johann I. (1775a) *Anleitung zur deutschen Sprachlehre*. Wien: Verlagsgewölbe der deutschen Schulanstalt.

Felbiger, Johann I. (1775b) *Methodenbuch für die Lehrer der deutschen Schulen in den kaiserlich-königlichen Erbländern*. Wien: Verlagsgewölbe der deutschen Schulanstalt.

Felbiger, Johann I. (1776) *ABC-oder Namenbüchlein zum Gebrauche der Schulen in den kaiserlich-königlichen Staaten*. Temeswar: Verlag der deutschen Normal-Schulanstalt.

Felbiger Johann I. (1777) *Anleitung zur Rechtschaffenheit oder das für die in den Trivialschulen lernende slawonisch-servische nicht unirte Jugend bestimmte Lesebuch*. Wien: Kurzböck.

Felbiger, Johann I. (1779) *Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre*. Wien: Deut. Schulanstalt bei St. Anna.

Hähn, Johann F. (1777) *Ausführliche Abhandlung der Literal-Methode*. Berlin: Verlag der Buchhandlung der Real-Schule.

Havinga, Anna. (2018) *Invisibilising Austrian German. On the effect of linguistic prescriptions and educational reforms on writing practices in 18th-century Austria*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.

Koch, Kristine. (2002) *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Kusber, Jan. (2009) Governance, Education, and the Problems of Empire in the Age of Catherine II. In Gerasimov, Ilya; Kusber, Jan, & Semyonov

- Alexandr. (eds) *Empire speaks out: languages of rationalization and self-description in the Russian Empire*. Leiden; Boston: Brill, 59—88.
- Panholzer, Johann. (1892) *Einleitung zu Johann Ignaz von Felbigers Methodenbuch für die Lehrer der deutschen Schulen*. Freiburg im Breisgau: Herder.
- Roessler, Paul. (1997) *Die deutschen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Österreich*. Frankfurt/M.: Peter Lang.
- Stanzel, Josef. (1976) *Die Schulaufsicht im Reformwerk des J. I. von Felbiger (1724 — 1778)*. Paderborn: Schöningh.
- Wiesinger, Peter. (1997) Die Anfänge der Sprachpflege und der deutschen Grammatik in Österreich im 18. Jahrhundert zu Johann Balthasar Antespergers „Kayserlicher deutscher Sprachtabelle“ von 1734. In Glaser, Elvira; Schlaefer, Michael, & Rübkeil, Ludwig (eds) *Grammatica Ianua Artium. Festschrift für Rolf Bergmann zum 60. Geburtstag*. Heidelberg: Winter, 337—355.
- Wiesinger, Peter. (1999) Die Entwicklung der deutschen Schriftsprache vom 16. bis 18. Jahrhundert unter dem Einfluß der Konfessionen. *Studien des Instituts für die Kultur der deutschsprachigen Länder*, 17, 1—15.

Boris A. Dyubo

Alferov Federal State Budgetary Institution of Higher Education
and Science Saint Petersburg National Research Academic University
of the Russian Academy of Sciences

The German Context at the Beginning

of the Language Standard Formation in Russian Grammaticography

The methodological principles presented in grammars of the Catholic abbot J. I. Felbiger (1724 — 1778) as well as in his book translated and published in Russia under the title *On the Obligations of Man and Citizen* are considered. Thanks to Felbiger's school reforms the standardization process of the German language actively took place in Austria, overcoming the variability associated with the existence of dialects. In his grammatical writings, Felbiger became the guide of Johann K. Gottshed's linguistic norms in Austria. The school reform carried out by Catherine II according to Austrian model made provisions for the use of Felbiger's books in folk schools. Felbiger's German grammar was ordered as a mandatory model for compilation of the Russian language grammar textbook. It was found that *Concise Russian Grammar* by professor of Moscow University E. B. Syreishchikov followed to a considerable extent the methodological principles presented in Felbiger's writings. The appearance of Syreishchikov's grammar due to its popularity, practical orientation, succinctness and clear invariant regulation of the usage allowed to

avoid an unjustified variety of language means and contributed to the introduction of the codified language standard most suitable for communication among the educated Russian society in the last quarter of the 18th century.

Keywords: language standard; school reform; grammaticography; I. I. Felbiger; E. B. Syreyschikov

Для цитирования:

Дюбо Б. А. Немецкий контекст начала становления языкового стандарта в русской грамматикографии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 145—159.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-145-159.

To cite this Article:

Dyubo, Boris A. (2022) Nemetskiy kontekst nachala stanovleniya yazykovogo standarta v russkoy grammatikografii (The German Context at the Beginning of the Language Standard Formation in Russian Grammaticography). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 145—159. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-145-159.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; принята к публикации 29.01.2022

The article was submitted 27.12.2021; accepted for publication 29.01.2022

А. В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет

О. В. Байкова

Вятский государственный университет

ТОП: ЭТИМОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

Статья посвящена изучению этимологии и истории развития семантической структуры термина *Топ*, который входит в состав терминологической системы немецкой лингвистики. В качестве отдельного предмета исследования выступают случаи и способы его лексикографирования в словарях общего и специального типа. Автор ставит целью сопоставить точки зрения этимологов на проблему происхождения слова *Топ*, описать историю развития системы его значений в немецком языке и на этом основании уточнить семантическую структуру слова. В необходимых случаях привлекается языковой материал латинского и греческого языков. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, этимологического, дефиниционного и семантического анализа. Материалом исследования выступают около 300 источников на немецком языке. К их числу относятся как текстовые, так и лексикографические источники, в том числе одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари, номенклаторы, справочники и грамматики.

Ключевые слова: *Топ*; фонетика; лексикография; лингвистический термин; этимологический анализ; историко-лингвистический анализ; семантическая структура

1. Проблематика, цель, задачи и методы исследования

Сначала слово, а позднее термин, *Топ* относится к числу единиц специальной номинации, лексикографическое описание которых вызывает определенные трудности у лексикографов, поскольку некоторые элементы семантической структуры этой лексемы, которые на первый взгляд представляются в достаточной мере специализированными, обладают выраженной общеязыковой семантикой. Сравним ее толкования, предлагаемые словарями общего типа (толковыми) и терминологическими словарями. В целях экономии места сведем воедино дефиниции этого понятия, взятые из словарей различных типов.

Ton, der; -(e)s, Töne: 1. mit dem Ohr wahrnehmbare akustische Schwingungen a) die in einer bestimmten Frequenz erfolgen und im Unterschied zum Klang frei von Obertönen sind, nicht von Schwingungen anderer Frequenzen begleitet werden... <...> (CONRAD 1975: 273; HEUPEL 1978: 143; KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748; WAHRIG 1989: 1282; GLÜCK 2000: 739; HOMBERGER 2000: 584; DBW 2002: 891; BUBMANN 2002: 703); b) Klang <...> (CONRAD 1975: 273; KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748; WAHRIG 1989: 1282; GLÜCK 2000: 739; HOMBERGER 2000: 584; DBW 2002: 891; BUBMANN 2002: 703); c) Laut <...> (KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748; WAHRIG 1989: 1282; DBW 2002: 891); d) Geräusch (KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748). 2. Betonung <...> (CONRAD 1975: 273; KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748; WAHRIG 1989: 1282; DBW 2002: 891). 3. /ohne Pl./ Art des Sprechens... (KLAPPENBACH, STEINITZ 1980, V: 3748; WAHRIG 1989: 1282; GLÜCK 2000: 739; HOMBERGER 2000: 584; DBW 2002: 891). 4. Intonation (BUBMANN 2002: 703). 5. Suprasegmentales Merkmal in den Tonsprachen (HEUPEL 1978: 143; GLÜCK 2000: 739; BUBMANN 2002: 703).

Анализ показывает, что в современных справочных изданиях Ton не везде предъясняется как лемма (см., например, в [BOHUSCH 1972]). Во-вторых, в структуре словарной статьи Ton в различных словарях фиксируются заметные различия, связанные с тем, что в ряде словарей отдельные значения лексемы могут трактоваться широко, включая более узкие значения, в то время как в других словарях эти узкие значения предъясняются в качестве отдельных элементов вертикальной структуры словарной статьи. В-третьих, семантическая структура лексемы включает различное количество значений, что обусловлено прежде всего типом, целевой направленностью и задачами того или словаря. В частности, Ton как дистинктивный супрасегментный признак тоновых языков упоминается только в трех из восьми обследованных лексикографических источников.

Изучение семантической структуры термина Ton в современной его трактовке, с одной стороны, позволяет сравнить данные, предлагаемые существующими словарями, а с другой, — проследить в диахронии историю формирования семантики искомого термина в сопоставлении с информацией о нем, встречающейся в опубликованных ранее научно-теоретических и справочных изданиях.

В качестве материала исследования выступают около 300 ис-

точников на немецком языке. К их числу относятся как текстовые, так и лексикографические источники, в том числе одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари, номенклаторы, справочники и грамматики.

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, этимологического, дефиниционного и семантического анализа.

2. Этимологический анализ лексемы Топ

Слово Топ впервые зафиксировано в вокабуляре немецкого языка в древневерхненемецкий период как заимствование из латыни (*tópus*), в которую оно, в свою очередь, вошло из древнегреческого языка. В языке-источнике слово *tóvos* (*tónos*) ‘натяжение’, перен. ‘напряжение’ (< *τείνω* (*teínō*) ‘натягиваю’) выступало в двух узкоспециализированных значениях: ‘1) ударение (тоническое), 2) стихотворный размер’. Во втором значении оно встречается у Геродота: «ἐξάμετρος τόπος» (ДВОРЕЦКИЙ 1958: II, 1635). От этого греческого этимона возникло гнездо однокоренных слов, сохранивших упомянутую специализацию в своей семантике: *τονίζω* (*tonízō*) ‘ставить (тоническое) ударение, снабжать (тоническим) ударением’, *τονικόν* (*tonikón*) ‘акцентуация, расстановка ударений’, *τονικός* (*tonikós*) ‘тонический (об ударении); относящийся к тону (ударению)’, *τονόω* (*tonóō*) ‘ставить (тоническое) ударение, снабжать (тоническим) ударением’.

Будучи заимствованным в латынь, слово *tópus* и его употреблявшийся Квинтилианом более поздний латинский синоним *tópos* унаследовали первое значение греческого этимона с поправкой на тип латинского ударения: ‘ударение, повышение голоса, акцент’. В этом значении *tópus* встречается у Авла Геллия, во втором значении (‘тон’; ‘звук’) — у Витрувия и Макробия (ДВОРЕЦКИЙ 2002: 776).

В древневерхненемецком вокабуляре слово встречается только в латинизированной форме *topus*. В средневерхненемецком языке на фоне общей тенденции к ослаблению окончаний, а также с учетом процесса ассимиляции заимствований принимающим языком в XIII в. оно приобрело формы *tōn*, *dōn(e)* (FRISCH 1741: 376; LEXER 1876: I, Sp. 446–447; LEXER 1891: 35; DHW 2001: 855; PAUL 2002: 1009; KLUGE 2011: 920; PFEIFER 2014: 1437). Примерно до середины XVIII в. с учетом орфографии немецкого языка того времени, отражающей специфику произнесения сло-

ва, последнее могло выступать в формах Thon/thon, Tohn/tohn или тооп (примеры см. ниже). В дальнейшем распространение получила форма Топ, в которой долгота корневого гласного уже не выражалась какими-либо специальными орфографическими средствами (диакритикой).

3. Развитие семантической структуры лексемы Топ

Начиная с XI в. и примерно до середины XIX в. семантическую структуру лексемы Топ постепенно формируют 5 значений, к которым в порядке их возникновения относятся: 1) звук, звучание; 2) язык (устар.); 3) ударение (словесное или слоговое), т. е. выделение одного из слогов в составе неодносложного слова различными фонетическими средствами; 4) интонация, мелодия, изменение тембра и высоты голоса (тона) в потоке речи; 5) воспринимаемые на слух акустические колебания, производимые с определенной скоростью и частотой.¹ Целесообразно рассмотреть формирование каждого значения по отдельности.

3.1. Звук, звучание

В первом значении слово Топ впервые встречается в начале XI в. в латинизированной форме у Ноткера Немецкого, который перевел на немецкий язык *De nuptiis philologiae et Mercurii* Марциана Капеллы (HIRT 1921: 236):

«taz ist also er echert châde. sô filo tonus kemag in musica <...> Tonus liutet ticchor an demo sange» (HATTEMER 1846: II, 326).

Позднее Топ в форме, характерной для средневерхненемецкого языка («dôp»), обнаруживается в первой половине XIII в. у Ботенлаубена: «mit dœnen und mit guoter rede» (HAGEN 1838: 40; WECHSTEIN 1845: 28).

В первой половине XVI в. слово Топ появляется в значении 'звук', 'звучание' и в форме «thon» в *Ain Teütfche Grammatica* у Валентина Икельзамера применительно к реализации в речи звуковых значений букв, поскольку в то время не устанавливалось четкого разграничения между буквой и звуком, который она обозначала:

¹ Пауль полагает, что семантическая структура лексемы Топ применительно к слову в его звуковой форме начинает складываться из различных значений со второй половины XV в. (PAUL 2002: 1009). Анализ источников показывает, что в XV в. значения 3, 4, 5 у слова Топ еще не выделились в качестве отдельных элементов семантической структуры.

«Dar zû fo geben fy [halb lautende Bûchftabē] auch zû / das die ftūmen dannoch etwas ain thon haben und geben / vnd nit gar ftūmloß feyn... Es gebē aber difem thon oder laut / weder zway noch dreu u / mehr dañ das ainige...» (ICKELSAMER 1534).

В начале XVII в. Топ встречается в орфографическом трактате *Teutfche Orthographie vnd Phrafeologie* у Иоганна Затлера:

«Die muten oder ftummen... derwegen also genannt werdē, daß fie ein ftumpfferen oder ftilleren thon haben...» (SATTLER 1610: 11);

позднее в *Buch von der Deutfchen Poeterey* у Мартина Опица:

«Die diphthongi oder doppeltlautenden Buchftaben, weil fie bey vns nicht vblich, dürffen nur mit demfelblautenden buchftaben gefchrieben werden, deffen thon fie haben...» (OPITZ₁ 1624).

В 1663 г. лексема Топ в первом значении зафиксирована в *Aufführliche Arbeit Von der Teutfchen HauptSprache* у Юстуса Шоттеля:

«Es gehören auch zu den Zuwörtern die Lautwörter (Vocabula sonum aut vocem aliquam imitantiae) das ift dieselbige / wodurch man einen Laut oder Tohn auspricht / oder welches Wort man nach dem Laute oder Schalle bildet und format...» (SCHOTTEL 1663: 661);

у него же далее читаем:

«Bishero... wäre übrig etwas anzuführen von dem Wortklange / oder Tohne / fo bey Ausprechung Teutfcher Worte verfpüret wird. <...> Der Wortklang ift entweder fcharf / gelinde / oder ein Mittelklang. Der fcharfe Wortklang ift / wan das Wort gleichfam mit einem brechenden Thone / und härlichem fcharfen Schalle uns zu Ohren gehet...» (Ibid.: 832).

В 1669 г. искомое значение встречается у Иоганна Коменуса в *Janua lingvarum referata aurea* как синоним латинского tonus:

«Der wiederkehrende und wiederfchallende Thon (Schall) wird ein Wiederfchall genant / kein Schall (da man nichts höret) das ftillfchweigen» (COMENIUS 1669: 62);

позднее в *Unterricht von der teutfchen Sprache und Poefie* у Даниэля Морхофа:

«Denn / wenn die Wörter nicht verftändlich find / daß man zugleich mit dem Thon den vollkommenen Verftand der Wörter haben kan / fo hat folches keine Krafft in Bewegung der Gemühter» (MORHOFF 1700: 643);

в *Die Kayferliche Deutsche Grammatick* у Иоганна Антесперга:

«Gegenwärtige Grammatick ift nichts fchweres; weil ein bereits

deutsch gebohrner Lehrling, der die deutſche Töne ſchon verſtehet, hieraus nicht die Sprache ſelbſt, ſondern nur dero Richtigkeit (Grammaticale) zu lernen hat...» (ANTESPERG 1747: 1).

В значении ‘звучание’ термин Тон употребляет Иоганн Ставенхаген при переводе следующего отрывка из *Росſійской Грамматики* Ломоносова:

«[Сіе произношеніе] въ чтеніи книгъ и въ предложеніи рѣчей изустныхъ къ точному выговору буквъ склоняется» (ЛОМОНОСОВ 1755: 49).

Ломоносов говорит здесь о «выговоре букв», иначе говоря о соответствии звукового значения его выражению средствами графики. Ставенхаген так переводит этот пассаж:

«Bey Vorlefung eines Buchs aber, oder wenn man eine Rede hält, muß ſo viel möglich der eigene Ton eines jeden Buchſtaben beybehalten werden» (LOMONOW 1764: 62).

3.2. Язык

Во втором значении слово Тон обнаруживается единожды около 1272 г. в *Der jüngere Titurel* у Альбрехта Шарфенберга в словосочетании, которое на современный немецкий язык переводится как ‘in der Sprache der Engel’: «gräl benennet in engelischem dōne» (SCHARFENBERG 1842: 607) (курсив наш — Авт.).

3.3. Ударение словесное или слоговое

В третьем значении лексема Тон в форме «Thon/thon» встречается в первой половине XVII в. в *Teuſche Pöemata* у Опица, рассуждающего об изяществе поэтической речи, которая не в последнюю очередь обязана этими своими качествами слоговому ударению:

«Auff den thon vnd das maß der Syllaben, darinnen nicht der minſte theil der ziehrlichkeit beſtehet, habe ich, wie ſonſten, auch hier genawe achtung gegeben...» (OPITZ₂ 1624: 119).

Иоганн Мейфарт в *Teuſche Rhetorica* говорит о словесном ударении как об инструменте для создания комического эффекта путем соположения в речи одинаково звучащих или близких по звучанию, но разных по значению слов:

«Welche Redner forgfältig feyn, ſuchen vnterſchiedliche Arten in dieſer Figur [Paronomafia], vnd wollen es gefchehe erftlich, wenn die Wort gantz vnd gar gleich lauten an den Syllaben vnd Thon, iſt aber die Bedeutung mercklich vnterſchieden, als in dem Gymnaſiſchen Gefange» (MEYFART 1634: 327).

Упоминание лексемы Топ в первой половине столетия в указанном значении связывается с постепенным отходом от строгих пуристических тенденций прежнего времени, в русле которых латинская терминология ранее массово замещалась исконным языковым материалом, благодаря чему некоторая часть латинских номинаций вернулась в немецкий словарный фонд, но могла использоваться уже в более конкретном или другом значении. В частности, в грамматиках XVII в. Топ выступает в качестве эквивалента латинскому *accentus* в значении 'ударение'. Ср.:

«Viel deutsches Wortmaterial, das schon in früheren Grammatiken den lateinischen Ausdruck ersetzt hatte, findet durch seine Wiederaufnahme in die puristische Grammatik eine technische Schärfung: Топ = *accentus*...» (LESER 1912: 47).

Во второй половине XVII в. Топ в форме «*Tohn/tohn*» в третьем значении встречается в *Aufführliche Arbeit Von der Teutschen HauptSprache* у Шоттеля:

«In einem Teutschen Verfe aber kan man das Stammwort / es habe einen so starken Tohn / und so viele Letteren / als es wolle / dennoch wol zu einem kurzen Laute machen» (SCHOTTEL 1663: 825);

в трактате о правописании *Die Deutsche Rechtschreibung* у Иоганна Гюйнца:

«Auweh hat in der letzten den tohn / <...> / wird mit fünf buchstaben und zwey Sylben geschriben...» (GUEINTZ 1666: 32).

В начале XVIII в. лексема Топ обнаруживается у Конрада Дункельберга:

«In Ungebundner Rede mögen diese [etliche vielfylbichte] Wörter den Thon auff die erste Sylbe setzen; aber dem Poeten gehet es nicht an» (DUNCKELBERG 1703: 8),

а годом позже у Иоганна Мэннлинга в *Der Europæische Helicon*:

«In der deutschen Poesi verkehren sich in den Nominibus Propriis nach Belieben die Vocale in schlechte Diphtongos, wenn der Thon vorhanden, e. g. ich kan schreiben *Mecenas*, *Eneas*, *Egypten*, *Etna*, oder nach dem Lateinischen, *Mæcenas*, *Æneas*, *Ægypten*, *Ætna*, denn weil ich deutsch schreibe, kan ich auch die deutsche Freyheit brauchen» (MÄNNLING 1704: 38).

В этом примере Мэннлинг говорит о различном написании слов греко-латинского происхождения, имеющих в своем составе лигатуры, передающие монофтонги, которые он ошибочно назы-

вает «простыми дифтонгами» («schlechte Diphtongos»), и связывает написание слов с ударенностью этих звуков в слове.

Магнус Омейс в *Gründliche Anleitung zur Teutfchen accuraten Reim- und Dicht-Kunst* предпринимает попытку обусловить длительность произнесения слова или слога соответствующим типом ударения:

«Dann in der T. Sprach gehabt sich die Wort-Zeit oder der Syllben Ton eben / wie außer dem Vers / also auch in dem Vers» (ОМЕИС 1704: 60);

«...weil man damals nur die Syllben abgezehlet / und auf den eigentlichen Wort-Ton wenig acht gegeben. Hat also unfere theure Mutter-Sprach hierinnen für andern Sprachen einen stattlichen Vorzug / daß nemlich darinnen der Wort-Ton und die Aussprach in ungebunden- und ungebundener Rede nett übereinstimmen» (Ibid.: 61);

«Wort-Ton (accentus) aus diefem ist die Wort-Zeit zu urtheilen / bei den Griechen und Lateinern ist der Wort-Ton und die Wort-Zeit zweierlei. <...> Wort-Zeit... ist in und aufer dem Vers mit dem Wort-Ton einerlei» (Ibid.: 362).

Позднее Топ встречается в *Neu-vermehrte Grund-Sätze Der Deutfchen Sprachen im Reden und Schreiben* у Иоганна Бёдикера:

«Die Deutschen können den Tohn auf der vierdten / und noch weiter vom Ende fetzen...» (BÖDIKER 1709).

В этом же значении лексему Топ можно обнаружить в *Deutsche Sprachkunst* у Иоганна Готшеда, который соотносит ударение в слове с длительностью произнесения ударного слога:

«Man stoße sich hier nicht daran, daß gleichwohl die ersten Syllben dieser letzten sechs Wörter den längsten Ton in der Aussprache haben» (GOTTSCHED 1762: 81).

Смешение количественных параметров звуков с ударением как интонационно-просодическим средством не является чем-то необычным или однозначно ошибочным, поскольку ударение в языках с динамическим (силовым) ударением со временем может проявлять себя как квантитативно-динамическое. Иначе говоря, произнесение ударного слога может характеризоваться не только большей силой или интенсивностью, но и некоторым увеличением длительности этого слога; см., к примеру, ниже в (ZESEN 1640).

С учетом этого обстоятельства общим местом в лингвистических штудиях того времени следует назвать стремление язы-

коведов увязать длительность произнесения ударного гласного с тем или иным типом ударения. Появилась целая группа составных терминологических номинаций, описывающих такие типы с включением в свой состав слова Тон в качестве опорного термина: 1) *kurzer Ton*, *scharfer Ton*, *geschärfter Ton*, 2) *langer Ton*, *dehnender Ton*, *gedehnter Ton*. Первый тип ударения можно определить как произнесение краткой ударной гласной с меньшей длительностью и силой по сравнению с произнесением долгой ударной гласной при том же темпе речи, второй — как выделение долгой ударной гласной посредством увеличения длительности и силы по сравнению с произнесением краткой ударной гласной при том же темпе речи.

Так, к примеру, в 1724/1729 гг. у Готшеда читаем:

«Es [E e] hat aber gleichwohl vielerley Klang; <...> 3) einen scharfen, oder kurzen Ton, wie in *denn*, *weg*, *brechen*, *nennen*, *zerren*» (MITCHELL 1978: 70);

«...in den Zeilen aber eine Abwechslung langer und kurzer Töne, damit nicht alles in einerley Langsamkeit und Geschwindigkeit ausgesprochen würde <...> und da war nichts natürlicher, als daß in der Aussprache die Hauptsyllbe, oder das Stamm- und Wurzelwort, einen längern Ton bekam; das ist, mit größerm Nachdrucke ausgesprochen werden mußte <...> Dichter und Sänger nun, die ein musikalisches Gehör hatten, merketen bald darauf, daß ein langer Ton, zu einer kurzen Syllbe sich eben so schlecht schickete, als ein kurzer Laut zu einer langen Syllbe <...> Nichts ist natürlicher, als daß ein Hauptwort, oder ein Beywort, oder ein Zeitwort in seiner Stamm- oder Wurzelsyllbe einen langen Ton habe» (Ibid.: 635–636);

«Männliche Reime müssen einen langen Ton auf der letzten Syllbe haben, nicht aber einen kurzen» (Ibid.: 699).

Сходные высказывания находим в *Die Kayserliche deutsche Grammatik* у Антеспера: «der Accent (der kurze oder lange Ton einer Sylbe» (ANTESPERG 1747: 319); в *Versuch einer critischen englischen Sprachlehre* у Генриха Альбрехта:

«Wie ein kurzes *i* wird *ey* gelesen in allen Endfilben, auf welche kein ftärkerer oder dehnender Ton gelegt wird» (ALBRECHT 1784: 55);

«fo endigt das *i* diese Sylben, und hat den gedehnten Ton...» (Ibid.: 63); «Z. B. in den Worten *Odour*, *Oker*, *Omer*, *Omen*, *Over* <...> hat das *O* den längften Ton...» (Ibid.: 77);

«fo wird dieser Confonant bey Bildung des Particip verdoppelt, um den

härten, scharfen Ton auf derselben Silbe zu erhalten» (Ibid.: 387).

Точности ради, отметим, что составная терминология, включавшая Тон в качестве определяемого слова, обнаруживается еще у Шоттеля (SCHOTTEL 1663).

В 1764 г. Август Шлёцер в своей грамматике *Rufzische Sprachlehre* при описании русского ударения сетует на его разноместный и свободный характер, сравнивая его с ударением в немецком и французском языках и утверждая, что «хотя оно и не такое отчетливое как в немецком, но все же несравнимо более отчетливое, чем во французском»:

«Dieser Ton macht eine von den Haupt-Schwierigkeiten für einen Ausländer aus, der die Rufzische Sprache sprechen lernen will...» (SCHLÖZER 1904: 19).

У него же находим высказывание, позволяющее разграничить значения терминов Accent (знак ударения) и Тон (собственно ударение): «Die Accente bezeichnen den Ton» (Ibid.: 20). У Якоба Гримма, к примеру, такое разграничение между терминами не выявляется, поскольку термину Тон в своей *Deutsche Grammatik* он сопоставляет два латинских эквивалента *tonus* и *accentus*:

«Der *ton* (*tonus*, *accentus*) aber ist die den laut begleitende hebung oder fenkung der stimme» (GRIMM 1822: 20).

В 1836 г. в искомом значении термин Тон в *Verfuch einer Phsyiologie der Sprache* употребляет Карл Рапп, рассуждающий о повышении тона при произнесении ударного слога в речевом потоке:

«Für den Frageton ist noch zu merken, daß die Rede vor dem Hochton in der vorgehenden Sylbe unter den Ton der mittleren Rede heruntersteigt, wodurch das Steigen noch gehoben wird; der Hochton muß auf die Tonfylbe fallen <...> Die tonlofe Sylbe schleppt nach» (RAPP 1836: I, 172).

3.4. Интонация, мелодия, изменение тембра и высоты голоса (тона)

Четвертое значение, характеризующее Тон как номинацию, описывающую модификации интонационной кривой при произнесении частей высказывания либо всего высказывания в целом, фиксируется реже, чем третье значение. Так, термин Тон в форме «toon» обнаруживается в *Deütlicher Helicon* у Филиппа Цезена при описании трохеических, т. е. двусложных, слов с ударением на начальном слоге, произносимых с определенной ин-

тонацией:

«Die zweyfylbigen wörter nun haben einen gewiffen toon, vnd feyn die meiffen Trochæi oder weibliche wörter, das ift, die den accent auff der erften fylben haben, welche lang ausgeprochen wird, als *lieben, leben, Jéfus, púrpur*» (ZESEN 1640).

В этом же значении Топ встречается в *Unterricht* у Морхофа:

«Ift alfo auß dem fo offt wiederholten Gebrauch dieses Wortes faft zu fchlieffen, daß daffelbige vor alters fchon von folchen Liedern gebräuchlich gewefen, und fey davon derfelbe Ton bey dem Tacito *Barritus* genennet worden» (MORHOF 1682: 378–379).

В 1764 г. уже упоминавшийся выше архивариус и переводчик Российской академии наук Иоганн Ставенхаген опубликовал немецкий перевод *Россійской Грамматики* Ломоносова, в которой автор сформулировал интонационно-просодические и иные характеристики высказывания, описал модуляции голосового тона как совокупность так называемых «отмънь», т. е. изменений. К такого рода изменениям он отнес в числе прочего семантически аморфный термин *образование* («Bildung des Lauts»), состоящий

«въ отмънахъ гóлоса, которыя отъ повышенія, напряженія и протяженія не зависяютъ. Такія измъненія примъчаемъ въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ» (ЛОМОНОСОВ 1755: 13).

У Ставенхагена этот пассаж переведен следующим образом:

«Die Bildung des Lauts bestehet in der Verschiedenheit der Stimme, welche jedoch weder von der Erhöhung, noch der Spannung des Tons, noch auch von der Ausdehnung derselben abhanget. Eine solche Verschiedenheit bemercken wir in der heiferen, hellklingenden, dumpfigen und verschiedenen andern Arten von Stimmen» (LOMONOV 1764: 5).

Оставляя в стороне возможные неточности перевода, заметим, что слово Топ употребляется Ставенхагеном как синоним слова *Stimme* применительно как к тембру голоса, так и к голосовым модуляциям, поскольку ранее в том же контексте он приводит такой вариант перевода²:

«Wie viel Veränderungen die Erhöhung durch die Höhe und Tiefe der Stimme, die Spannung oder der Druck des Tons durch die Stärke und Schwäche, und die Ausdehnung durch ihre Länge oder Kürze zu Wege

² О переводе Ставенхагеном фонетических терминов, встречающихся в *Россійской Грамматике* Ломоносова, см. (ИВАНОВ 2022).

bringen kan, ist hinlänglich aus der Mufic bekannt» (Ibid.: 4).

В 1795 г. в описываемом значении термин Тон обнаруживается у И. В. Гёте, который обособляет понятия ударения (Accent) и тона, определяющего мелодический рисунок высказывания и в известной степени определяемого ударением вне зависимости от долготы и краткости ударного гласного:

«Aber der Accent giebt auch eine gewisse Erhöhung des Tons, der ganz verschieden von der Länge und Kürze der Syllbe ist» (BIEDERMANN 1890: VIII, 260).

Об этом же говорится в *Versuch eines Leitfadens...* у Иоганна Зиде:

«und daß man sich <...> durch einen richtigen, ausdrucksvollen Ton und Accent <...> Reiz geben könne...» (SIEDE 1797: 51).

Иоганн Фосс, со своей стороны, в *Zeitmessung der deutschen Sprache* тем не менее определяет Тон как свойство речи, находящееся в зависимости от долготы и краткости ударного гласного:

«Bei der Kürze ist ein gelaffener Ton, den wir im Gegenfaz des hoch oder tief gehaltenen Tonlofigkeit nennen...» (VOSS 1802: 39–40).

Позднее термин Тон в исследуемом значении встречается в *Verfuch einer Physiologie der Sprache* у Раппа:

«Man merke nämlich: Geht man von jener Stelle füdlich..., so wird man alsbald jene eigenthümliche Modulation, jenes lebhafte heitere Auf- und Abpringen der Töne vernehmen, das lebhafter und kecker wird, je mehr man sich der Schweiz nähert...» (RAPP 1836: I, 173).

Иоганн Хейзе в *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik* связывает Тон с изменением высоты голоса при произнесении звуков в речевом потоке, не отделяя голосовые модуляции от силы (напряжения), с которой в речи реализуется ударный звук:

«Ton hingegen ist ein Schall oder Laut, abgefehen von feinem körperlichen Stoffe, fofern er nach Graden der Höhe und Tiefe (wie in der Mufik), der Kraft und Schwäche, also überhaupt der inneren Stärke (Intenfion) bestimmt ist; und in der Sprache insbefondere verstehen wir unter Ton den Grad der Stärke, mit welchem der Sprachlaut hervorgebracht wird oder die denfelben begleitende Hebung und Senkung der Stimme» (HEYSE 1838: I, 176).

3.5. Звуковые колебания, производимые с определенной скоростью и частотой

Пятое значение встречается уже в первой половине XIX в. в естественно-научных трудах, посвященных акустике, в том

числе в исследованиях, связанных с физиологией и акустической стороной речи. В частности, у Генриха Биндзайля в *Physiologie der Stimm- und Sprachlaute* лексема Топ получает определение с учетом искомого значения:

«Die dritte Art der Quantität des Schalles ist die Höhe oder Tiefe desselben, in Bezug auf welche man den Klang Ton nennt» (BINDSEIL 1838: 29);

далее у него же читаем:

«Denn einen Klang, bloss von Seiten der Geschwindigkeit der schwingenden Bewegung des klingenden Körpers betrachtet, nennen wir Ton» (Ibid.: 30–31).

4. Лексикографическое описание лексемы Топ

Попытки лексикографического описания слова Топ предпринимаются уже в первой половине XVI в. с учетом значений слова, установленных выше.

Значение 1. В первом значении слово Топ включают в свои словари многие лексикографы XVI–XIX вв. В частности, в XVI в. оно обнаруживается в *Dictionarium Latinogermanicum* у Иоганна Серрануса: «Tonus, Ein don/lautung» (SERRANUS 1539: 386); как синоним немецкого Klang и эквивалент латинских слов *fonus*, *tonus* в *Dictionarium Latino-Germanicum* у Иоганна Фризиуса (FRISIUS 1556: 245); в качестве синонима к словам Gethön, Klang и эквивалента латинских слов *sonus*, *sonitus*, *tonus* в *Die Teütsch spraach* у Иошуа Малера (MAALER 1561: 404).

В дальнейшем это значение раскрывается в *Dictionarium quatuor linguarum* Иеронима Мегизера: «Thon = sonus» (MEGISER 1592); в *Dictionarium quinque nobilissimarum Europæ linguarum* Фаусто Веранцио: «ton = sonitus» (VERANZIO 1595: 99); в *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum* Левина Хульсиуса: «Tonus. Ein Thon/lautung. Son, ton, accent Suono, tuono, accento» (HULSIUS 1640: 372); в *Thesaurus quinque Germanicæ, Latinæ, Hispanicæ, Gallicæ et Italicæ Linguarum Fundamentalis* у Иоганнеса Сумарана:

«Die Spaniger aber sprechen das m nitgeren auß, fonderen geben jhm den thon als n, vnd fchreibens auch alfo» (SUMARAN 1665: 63);

в *Lexicon Proso-Metricum* Иоганна Вильгельми: «Thon / Klang» (WILHELM 1673: 269); в *Lexicon Latino-Germanicum* Андреаса Рейхера: «Tonus i, m. fonus, ein Laut / Klang / Tohn. Musica» (REYHER 1686: Sp. 2497); в *Dictionarium Quadrilingve Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*

Альберта Молнара и Иоганна Беера: «tonus, i, g. m. <...> Ein Thon / Schall» (MOLNÁR & BEER 1708: 1304).

В первой половине XVIII в. слово Тон в первом значении вошло в *Neues aufführliches Dictionarium* как синоним немецкого Laut и латинского sonus (NAD 1718: 363); в словаре *Нѣмецко-латинскій и рускій лекѣиконъ* как синоним немецкого Schall, а также как эквивалент русских слов «голос», «звук» и латинского sonus (TLRL 1731: 632); в *Vollständiges Deutsches Wörter-Buch* Кристофа Штейнбаха: «Thon (der, plur. Thone) tonus, sonus, clangor» (STEINBACH 1734: II, 822); в *Universal-Lexicon* Иоганна Цедлера:

«Eine Stimme ist unterschieden sowohl von dem Schalle, wodurch man einen jeden Thon <...> versteht..., als auch von dem Worte...» (ZEDLER 1744: XXXX, Sp. 112).

В 1793 г. вышел в свет первый том *Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache* Карла Морица, который, как отмечает Хартмут Шмидт, представлял собой первую в немецкой лексикографии попытку дать в систематизированном виде грамматические сведения о немецком языке (SCHMIDT 1993: 103). Подробно описав существовавшие на тот период времени воззрения лингвистов на природу ударения (Accent), Мориц счел необходимым обозначить различия между понятиями Accent и Ton, связав последнее с тоновыми модуляциями звучащей речи:

«Der fremde Ausdruck Accent muß im Deutschen wohl beibehalten werden, weil die Uebersetzung desselben durch Ton vier zu allgemein und unbestimmt ist. Mit dem Ausdruck Accent verbinden wir einmal unzertrennlich den Begriff von Wort und Rede; bei dem Worte Ton hingegen, kann man unmöglich ausschließend an Wort und Rede denken, weil es den Laut musikalischer Instrumente, den Gefang der Vögel, u. f. w. eben so gut wie Wort und Rede, in Anfehung der hervortönenden Silben, bezeichnet» (MORITZ 1793: I, 13).

В 1799 г. первое значение слова Тон фиксируется в *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages* у Иоганнеса Эбера:

«Ton, der (the o pronounced long) der Laut, the Sound, the Noife, the Object of the Hearing...» (EBERS 1799: III, 460);

позднее оно обнаруживается в *Sprachvergleichendes Wörterbuch der deutschen Sprache* у Якоба Кальтшмидта:

«Der Ton, des -es, pl. Töne <...> der Klang; der Schall; der Laut <...> [ton]los (lautlos, nicht klingend, stumm...)» (KALTSCHMIDT 1839: 754);

у Хейзе:

«Ton, m., -es, M. Töne <...> 1) überh. ein Klang od. Laut (der Ton der Stimme...)» (HEYSE 1849: II/2, 1244).

Во второй половине XIX в. слово встречается у Маттиаса Лексера: «dôn, tôn <...> laut, ton, stimme» (LEXER 1876: I, Sp. 446–447; LEXER 1891: 35). Здесь, однако, следует иметь в виду, что словарь Лексера содержит лексику средневерхненемецкого языка, поэтому зафиксированные в нем словоупотребления носят рефлексивный характер и, по сути, должны быть отнесены к соответствующему хронологическому периоду.

Значение 2. В этом значении ('Sprache') слово Топ не было лексикографировано в связи с тем, что словоупотребление, зафиксированное в рыцарском романе Шарфенберга, носило окказиональный характер и более нигде не встречалось.

Значение 3. В первой половине XVI в. интересующее нас слово в третьем значении встречается в *Dasypodius Catholicus* у Петра Хазенфратца: «die stimm oder don der sylben» (DASYPODIUS 1537: 2). В конце XVI в. оно обнаруживается у Фризиуса со ссылкой на Диомеда Грамматика: «der rechte Thon eines Worts, da eine fylbe lang oder kurtz ausgeprochen wird» (FRISIUS 1556: 8). С учетом того, что в этот период не проводилось четкого различия между интенсивностью (силой), с одной стороны, и долготой звука, с другой, сложно сделать вывод однозначный вывод о том, имеет ли в виду Фризиус словесное ударение или звучание слова вообще, определяемое наличием в последнем долгих или кратких слогов.

В XVII–XVIII вв. слово Топ часто употреблялось немецкими грамматистами как онемеченный вариант латинского слова *accentus*, который мог функционировать как отдельно, так и в качестве определяемой части в сложных словах типа *Satzton*, *Wortton*, *Hauptton*, *Nebenton* и т. п. (PAUL 2002: 54). К примеру, в *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum* Левинус Хульсиус к слову Топ приводит французский и итальянский эквиваленты *accent* и *accento*, однозначно свидетельствующие об употреблении его в первом, хотя и не единственном, значении: «Tonus. Ein Thon/lautung. Son, ton, accent *Suono, tuono, accento*» (HULSIUS 1640: 372). В качестве определяемой части сложного слова Топ встречается в *Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch* Иоганна Фриша:

«Ton, tonus, der Sylben-Tohn...» (FRISCH 1741: 376).

Позднее искомое слово обнаруживается в третьем значении в *A Compleat English Pocket Dictionary, English and German* у Шульца (с некорректной постановкой ударения в английском существительном): «Accént, der Ton, Silbenlaut... To accént, den Ton auf etwas, über etwas setzen» (SCHULZ(E) 1796: 5); в *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages* Эберса: «Ton, signifies also, the Accent of a Word, the Elevation of the Voice on certain Syllables» (EBERS 1799: III, 460); в *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart* у Иоганна Аделунга:

«in der Sprachkunst die Erhebung der Stimme auf einer Sylbe der Ton und mit einem Lateinischen Worte der Accent genannt. <...> Der Ton ist von dem Zeitmaße oder der Länge und Kürze der Sylben sehr weit unterschieden, obgleich beyde, selbst von Sprachlehrern, häufig mit einander verwechselt werden» (ADELUNG 1801: IV, 624);

в *Wörterbuch der Deutschen Sprache* у Йоахима Кампе:

«So hat in dem Worte Mädchen die erste Silbe den Ton, oder es liegt auf derselben der Ton, und die letzte Silbe hat gar keinen. <...> Vom Zeitmaße oder Länge und der Kürze der Silben ist der Ton sehr verschieden» (КАМПЕ 1810: IV, 846);

у Кальтшмидта: «Der Ton, des -es, pl. Töne <...> Betonung, der Accent... <...> [ton]los (...unbetont)» (KALTSCHMIDT 1839: 754); в четырехязычном *Новом карманном словаре* Рейфа: «**Акцэнтъ**, *sm.* accent *m*; accentuation *f*; **der Ton, Accent; die Betonung**; accent, accentuation» (РЕЙФ 1845: 4); в *Handwörterbuch der deutschen Sprache* Хейзе:

«Ton, m., -es, M. Töne <...> in der Sprache der Nachdruck der Stimme, mit welchem einzelne Theile der Rede vor den andern hervorgehoben werden, versch. Laut (fr. Accent; der Silben-, Wort-, Redeton, f. d.; Z. B. in dem Worte Garten hat die erste —, in dem Worte genug die letzte Silbe den Ton, ist betont od. hochtonig; auch: der Ton ruht od. liegt auf dieser Silbe, diesem Worte etc.) (HEYSE 1849: II/2, 1244);

в *Herders Conversations-Lexikon*: «Accent die größere Höhe oder Stärke eines Tones in der Aussprache und in der Musik...» (HCL 1854: I, 24); в *Wörterbuch der Deutschen Sprache* у Даниэля Зандерса:

«Tön, m., -(e)s; Töne... <...> 5) der Silben oder Wörter etc. ausdrucksvoll oder nachdrücklich hervorhebende Accent: in „Buchstabe“ hat die erste Silbe den Haupt- oder Hoch-T.[on], die zweite einen Neben- oder Tief-T.[on] und die dritte ist ohne T.[on] (oder tonlos)...

<...> eine feinere Accentuation aber ift, wenn der Ton auf „fonft“ und „jetzt“ gelegt wird...; Rede-, Silben-, Vers-, Wort-T.[on] etc; f. betonen, tonig» (SANDERS 1863: 1334).

Значение 4. В четвертом значении термин Тон упоминается в лексикографических источниках на стыке XVIII — XIX вв. и позднее. Случаи более раннего включения этого значения в семантическую структуру слова Тон в словарях не отмечены.

В 1799 г. значение фиксируется в *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages* у Эберса:

«Ton, der (the o pronounced long) <...> Ton, signifies particularly, the Tune or Tone, Strain, Melody» (EBERS 1799: III, 460);

в 1839 г. у Кальтшмидта:

«Der Ton, des -es, pl. Töne <...> die Weise, die Melodie; die Stimmung, die Art zu reden...» (KALTSCHMIDT 1839: 754);

в 1863 г. у Зандерса:

«Tön, m., -(e)s; Töne... <...> 2) Ruf... : a) ein nach feiner Höhe durchs Gehör beft. zu unterfcheidender, einer beft. Note... <...> d) zuw. = Klangfarbe... <...> (SANDERS 1863: 1334).

В заключение отметим, что слово Тон в первых четырех значениях было описано в *Deutsches Wörterbuch* у братьев Гримм (GRIMM J. & GRIMM W. 1935: XXI, Sp. 681–748).

Значение 5. В 1863 г. семантическая структура лексемы Тон обогащается этим значением у Зандерса:

«Tön, m., -(e)s; Töne... <...> 6) entsprechender Laut, Klang: wenn die Schwingungen eines schallenden Körpers in lauter gleichen Zeiträumen auf einander folgen, fo erregen fie in unferm Gehör die Empfindung eines T[one]s...» (SANDERS 1863: 1334).

5. Выводы

1. В период с XI по XX вв. происходило постепенное усложнение семантической структуры лексемы Тон. В результате сопоставительного анализа установлено, что современная многокомпонентная дефиниция лексемы отличается от дефиниций более ранних периодов как в структурном (количество значений и порядок их следования), так и в содержательном (исчерпывающий характер формулировок) аспекте.

2. В семантической структуре лексемы Тон в период с начала XI и до середины XIX в. в разное время могло насчитываться от одного до пяти основных значений, количество которых колеба-

лось как в зависимости от уровня развития лингвистической науки, так и в зависимости от времени появления того или иного источника исследования, в котором зафиксировано соответствующее словоупотребление.

3. В период с XI по XV вв. сформировались значения 1 ('звук', 'звучание') и 2 ('язык'). Значение 2 имело окказиональный характер и, как правило, не учитывалось лексикографами в качестве отдельного элемента семантической структуры. Оно выступает объектом лексикографической фиксации в этимологических словарях. Оба значения не являются терминологическими в строгом смысле слова.

4. Значения 3 ('ударение словесное или слоговое'), 4 ('интонация, мелодия, изменение тембра и высоты голоса (тона) в потоке речи'), 5 ('звуковые колебания, производимые с определенной скоростью и частотой') начали формироваться, начиная с XVI в.

5. Первые попытки лексикографической фиксации лексемы *Топ* в значениях 1 и 3 относятся к первой половине XVI в. В значении 4 *Топ* упоминается в лексикографических источниках на стыке XVIII — XIX вв. и позднее. Значение 5 включается в структуру дефиниции лексемы *Топ*, начиная с первой половины XIX в.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. II М-Ω. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. [Dvoretzkiy, Iosif Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* (Old Greek-Russian Dictionary). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. (In Old Greek and Russian)].

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. [Dvoretzkiy, Iosif Kh. (2002) *Latinsko-russkiy slovar'* (Latin-Russian Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Latin and Russian)].

(« ») // . 2022. . 20, 2. . 5—18. [Ivanov, Andrey V. (2022) Foneticheskaya terminologiya M. V. Lomonosova v nemetskiikh perevodakh (na materiale "Rossiyskoy grammatiki" i yeyo nemetskogo perevoda) (M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and its German Translation)). *Vestnik NSU*. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, 2, 5—18. (In Russian)].

- Ломоносов М. В. Российская Грамматика. Въ Санктпетербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1755. [Lomonosov, Mikhail V. *Russkaya Grammatika* (Russian Grammar). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Рейф К. Ф. Новый карманный словарь русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Санктпетербургъ: Въ книжномъ магазинѣ Ю. А. Юнгмейстера, 1845. [Reif, K. F. (1845) *Novyy karmannyy slovar' russkago, frantsuskago, nemetskago i angliyskago yazykov* (A New Pocket Russian, French, German and English Dictionary). Saint Petersburg: Ju. A. Jungmeister. (In Russian)].
- Adelung, Johann Christoph. (1801) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart*. In 4 Theilen. Th. 4 S-Z. Leipzig: bey Johann Gottlob Immanuel Breitkopf und Compagnie. [2., verm. u. verbes. Ausg.]
- Albrecht, Heinrich Christoph. (1784) *Versuch einer kritischen englischen Sprachlehre*. Halle: bey Johann Jacob Gebauer.
- Antesperg, Johann Balthasar. (1747) *Die Kayserliche Deutſche Grammatick, oder Kunst, die deutſche Sprache recht zu reden, Und ohne Fehler zu schreiben*. In 4 Theilen. Wien: gedruckt und zu finden bey Johann Ignatz Heyinger.
- Bechstein, Ludwig. (1845) *Geschichte und Gedichte des Minnesängers Otto von Botenlauben, Grafen von Henneberg. Mit einem Urkundenbuch und Abbildungen*. Leipzig: Georg Wigand's Verlag.
- Biedermann, Woldemar. (ed.) (1890) *Goethes Gespräche*. In 10 Bd. Bd. VIII 1831–1832 und Nachträge. Leipzig: F.W. v. Biedermann.
- Bindseil, Heinrich Ernst. (1838) *Physiologie der Stimm- und Sprachlaute*. Hamburg: Friedrich Perthes.
- Bödiker, Johann. (1709) *Neu-vermehrte Grund-Sätze Der Deutſchen Sprachen im Reden und Schreiben*. Berlin: Bey Johann Wilhelm Meyern, und Gottfried Zimmermann.
- Bohusch, Otmar. (1972) *Lexikon der grammatischen Terminologie. Zusammenstellung und Erklärung des deutschen, englischen, französischen und lateinischen Vokabulars zur Sprachlehre und Sprachkunde*. Donauwörth: Verlag Ludwig Auer.
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. [3., aktual. und erw. Aufl.].
- Campe, Joachim Heinrich. (1810) *Wörterbuch der Deutschen Sprache*. In 5 Theilen. Th. 4 S-T. Braunschweig: In der Schulbuchhandlung.
- Comenius, Johann Amos. (1669) *Janua lingvarum referata aurea*. Pragæ: Typis Archi-Episcopatus in Collegio S. Norberti excudebat.
- Conrad, Rudi. (ed.) (1975) *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Die wichtigsten Termini aus den verschiedenen Bereichen der Sprachwis-*

- senschaft mit Erläuterungen und Beispielen*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. [1. Aufl.]
- Dasypodius, Petrus (Hasenfratz, Peter). (1537) *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum, ex optimis Latinae linguae scriptoribus concinnatum*. Strassburg (Argentorati).
- DBW — Eickhoff, Birgit, & al. (eds) (2002) *Duden. Das Bedeutungswörterbuch*. Mannheim: Dudenverlag. [3., neu bearb. und erw. Aufl.] (Der Duden, 10)
- DHW — Auberle, Anette, & al. (eds) (2001) *Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. Mannheim: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. und erw. Aufl.] (Der Duden, 7)
- Dunckelberg, Conrad. (1703) *Zur teuffchen Profodi vieruffichte Lehr-Bahn*. Nordhausen: Verlegts Carl Christian Neuenhahn.
- Ebers, Johannes. (1799) *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages, Compofed chiefly after the German Dictionaries of Mr. Adelung and of Mr. Schwan*. In 3 vols. Vol. III S-Z. Leipzig: Printed for Breitkopf and Haertel.
- Frisch, Johann Leonhard. (1741) *Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch, darinnen nicht nur die ursprünglichen, nebst denen davon hergeleiteten und zusammengesetzten allgemeyn gebräuchlichen Wörter; sondern auch die bey den meisten Künsten und Handwerken, bey Berg und Saltzwerken, Fischereyen ... teutsche Benennungen befindlich*. In 2 Theilen. Th. I A-M. Berlin: Verlegts Christoph Gottlieb Nicolai.
- Frisius, Johannes. (1556) *Dictionarium Latinogermanicum*. Tigvri: Apvd Christophorum Froschouerum
- Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler. [2., überarb. und erw. Aufl.]
- Gottsched, Johann Christoph. (1762) *Vollständigere und Neuerläuterte Deutsche Sprachkunst*. Leipzig: Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn.
- Grimm, Jacob, & Grimm, Wilhelm. *Deutsches Wörterbuch*. In 33 Bd. Bd. XXI T-Treftig. Leipzig: S. Hirzel Verlag.
- Grimm, Jacob. (1822) *Deutsche Grammatik*. Erster Theil. Zweite Ausgabe. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung.
- Gueintz, Johann Christian. (1666) *Die Deutfche Rechtfschreibung*. Hall in Sachsen: bey Matthaues Henckelii.
- Hagen, Friedrich Heinrich. (1838) *Minnesinger. Deutsche liederdichter des zwölften, dreizehnten und vierzehnten jahrhunderts, aus allen bekannten handschriften und früheren drucken, gesammelt und berichtigt ... von Friedrich Heinrich von der Hagen*. Theil 3. Leipzig: Verlag von J. A. Barth.
- Hattemer, Heinrich. (1846) *Notker's des teutschen Werke*. In 2 Bd. Bd. II. St. Gallen: Scheitlin und Zollkofer. (Denkmahle des Mittelalters)

- HCL — Herders Conversations-Lexikon. In 5 Bd. Bd. I A-Car. (1854). Freiburg im Breisgau: Herder'sche Verlagsbuchhandlung. [1. Aufl.]
- Heupel, Carl. (1978) *Linguistisches Wörterbuch*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. [3., völlig neu bearb. Aufl.]
- Heyse, Johann Christian August. (1838) *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik oder Lehrbuch der deutschen Sprache zum reinen und richtigen Sprechen, Lesen und Schreiben*. In 2 Bd. Bd. I. Hannover: Im Verlage der der Hahn'schen Hofbuchhandlung.
- Heyse, Karl Wilhelm Ludwig. (1849) *Handwörterbuch der deutschen Sprache*. In 2 Theilen. Th. II (Abt. 2) Stehen-Z. Magdeburg: bei Wilhelm Heinrichshofen.
- Hirt, Herman. (1921) *Etymologie der neuhochdeutschen Sprache. Darstellung des deutschen Wortschatzes in seiner geschichtlichen Entwicklung*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. [2., verbes. u. verm. Aufl.]
- Homburger, Dietrich. (2000) *Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co.
- Hulsius, Levinus. (1640) *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum*. Francofurti: Typis Wolfgangi Hofmanni.
- Ickelsamer, Valentin. (1534) *Ain Teütsche Grammatica Darauß ainer von jm felbs mag lesen lernen, mit allem dem, so zum Teutschē lesen vñ deffelben Orthographia mangel vnd überfluß, auch anderm vil mehr zū wissen gehört*. Augsburg: Ulhart.
- Kaltschmidt, Jacob Heinrich. (1839) *Sprachvergleichendes Wörterbuch der deutschen Sprache*. Leipzig: Verlag J. G. Hinrichs'schen Buchhandlung.
- Klappenbach, Ruth, & Steinitz, Wolfgang. (eds) (1980) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6 Bd. Bd. V Schinken-Vater-. Berlin: Akademie-Verlag. [10., bearb. Aufl.]
- Kluge, Friedrich. (2011) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin-Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. [25., durchges. und erw. Aufl.]
- Leser, Ernst. (1912) *Gefchichte der grammatischen Terminologie im 17. Jahrhundert*. Lahr in Baden: Moritz Schauenburg.
- Lexer, Matthias. (1876) *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. In 3 Bd. Bd. II N-U. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Lexer, Matthias. (1891) *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. [4. Aufl.]
- Lomonoſow, Michael. (1764) *Rußische Grammatick*. Aus dem Rußischen überſetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayſerlichen Academie der Wißensſchafften.
- Maaler, Jofua. (1561) *Die Teütsch ſpraach*. Tigvri: excudebat Criftophorus Frofchouerus.
- Männling, Johann Christoph. (1704) *Der Europäische Helicon, Oder Musen-*

- Berg*. Alten Stettin: Gedruckt bey G. Dahlen. Königl. Reg. Buchdr. Megiser, Hieronymus. (1592) *Dictionarivum quatuor linguarum*. Impressum Graecii Styriae, à Iohanne Fabro.
- Meyfart, Johann Matthäus. (1634) *Teutfche Rhetorica, Oder Redekunst*. Coburg: Gedruckt in der Fürftl. Druckerey.
- Mitchell, Phillip Marshall. (ed.) (1978) Gottsched, Johann Christoph. *Ausgewählte Werke*. In 12 Bd. Bd 8. Deutsche Sprachkunst. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Molnár, Albert Szenczi, & Beer, Johann Christoph. (1708) *Dictionarium Quadrilingve Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*. Noriberga: Martinus Endter.
- Morhof, Daniel Georg. (1682) *Unterricht Von Der Teutfchen Sprache und Poefie, deren Uhrfprung, Fortgang und Lehrfätzen*. Kiel: Gedruckt und verlegt durch Joachim Reumann. Acad. Buchdr.
- Morhof, Daniel Georg. (1700) *Unterricht von der teutfchen Sprache und Poefie, deren Urffprung, Fortgang und Lehr-Sätzen*. Lübeck und Franckfurt: In Verlegung Johann Wiedemeyers. [verb. und verm. Aufl.]
- Moritz, Karl Philipp. (1793) *Grammatisches Wörterbuch der deutſchen Sprache*. In 4 Bd. Bd. I A-C. Berlin: bei Ernſt Felifch.
- NAD — Neues außführliches Dictionarium oder Wörter-Buch in dreyen Sprachen: Teutsch, Frantzösisch und Latein. (1718). Genf: In Verlegung Cramer und Perachon.
- Omeis, Magnus Daniel. (1704) *Gründliche Anleitung zur Teutfchen accuraten Reim- und Dicht-Kunst: durch richtige Lehr-Art, deutliche Regeln und reine Exempel vorgeſtellet: worinnen erſtlich von den Zeiten der Alten und Neuen Teutfchen Poëſie geredet*. Nürnberg: in Verlegung Wolfgang Michahelles und Johann Adolph.
- Opitz₁, Martin. (1624) *Buch von der Deutfchen Poeterey*. Breßlaw: bey Auguftino Gründern. Jn Verlegung David Müllers Buchhändlers.
- Opitz₂, Martin. (1624) *Teutfche Pöemata und: Aristarchus Wieder die verachtung Teutfcher Sprach...* Straßburg: In verlegung Eberhard Zetzners.
- Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. [10., überarb. und erw. Aufl.]
- Pfeifer, Wolfgang. (2014) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Koblenz: Edition Kramer im Rhenania Buchversand GmbH & Co. KG.
- Rapp, Karl Moritz. (1836) *Verſuch einer Phyfiologie der Sprache nebst hiſtoriſcher Entwicklung der abendländiſchen Idiome nach phyſiologiſchen Grundſätzen*. Bd. 1. Stuttgart und Tübingen: In der J. G. Gotta'schen Buchhandlung.
- Reyher, Andreas. (1686) *Lexicon Latino-Germanicum: Sive Theatrum Romano-Teutonicum*. Lipsiæ & Francofurti: Reyher & Weidmann.
- Sanders, Daniel. (1863) *Wörterbuch der Deutfchen Sprache. Mit Belegen von*

- Luther bis auf die Gegenwart*. Zweiter Band. 12. Lieferung. Leipzig: Verlag von Otto Wiegand.
- Sattler, Johann Rudolph. (1610) *Teutfche Orthographe Und Phrafeologen*. Basel: getruckt in verlegung Ludwig Königs.
- Scharfenberg, Albrecht. (1842) *Der jüngere Titurel*. Quedlinburg und Leipzig: Druck und Verlag von Gottfr. Basse.
- Schlözer, August Ludwig. (1904) *Rufzische Sprachlehre*. Sankt-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Schmidt, Hartmut. (1993) Karl Philipp Moritz, der Linguist. In Hollmer, Heide. (ed.) *Karl Philipp Moritz. Gastrede Heide Hollmer*. München: Ed. Text + Kritik, 118/119, 100—106.
- Schottel, Justus Georg. (1663) *Aufführliche Arbeit Von der Teutfchen Haupt-Sprache*. Braunschweig: Gedruckt durch Christoff Friedrich Zilligern.
- Schulz(e) (Dr.). (1796) *A Compleat English Pocket Dictionary, English and German, for Travellers, Merchants and Lovers of both languages etc.* Augsburg: Printed for C. Henry Stage.
- Serranus, Johannes. (1539) *Dictionarium Latinogermanicum*. Norimberga: Johannes Petreius.
- Siede, Johann Christian. (1797) *Versuch eines Leitfadens für Anstand, Solidität, Würde und männliche Schönheit*. Dessau: Heinrich Tänzer. [1. Aufl.]
- Steinbach, Christoph Ernst. (1734) *Vollständiges Deutsches Wörter-Buch vel Lexicon Germanico-Latinum*. In 2. Bd. Bd. II M-Z. Breßlau: Verlegts Johann Jacob Korn.
- Sumaran, Juan Angel (Johannes Angelus). (1665) *Thesaurus quinque Germanicae, Latinae, Hispanicae, Gallicae et Italicae linguarum fundamentalis, ex primis*. Viennæ (Austriæ): Typis Svsannæ Rickesin, Viduæ.
- TLRL — Teutfch-Lateinifch- und Rufzifches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Rufzifchen Sprache. (1731). St. Petersburg: Gedruckt in der Kayferlichen Academie der Wiffenfchafften Buchdruckerey.
- Veranzio, Fausto. (1595) *Dictionarium quinque nobilissimarum Europæ linguarum*. Venetii: Apud Nicolaum Morettum.
- Voss, Johann Heinrich. (1802) *Zeitmessung der deutschen Sprache. Beilage zu den Oden und Elegieen*. Königsberg: Bei Friedrich Nicolovius.
- Wahrig, Gerhard. (ed.) (1989) *Deutsches Wörterbuch. Mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“*. München: Mosaik Verlag GmbH.
- Wilhelmi, Johannes Gerlacus. (1673) *Lexicon Proso-Metricum Latino-Græco-Germanicum et Germanico-Latinum*. Francofurti: Sumptibus Johannis Petri Zubrodt.
- Zedler, Johann Heinrich. (1744) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Welche bißhero durch menschlichen Verstand und Witz erfunden und verbessert worden*. In 64 Bd. Suppl. I-IV. Bd. XXXX Sti-Suim. Halle und Leipzig: Verlegts Johann Heinrich Zedler.

Zesen, Philipp. (1640) *Deütscher Helicon oder Kurtze verfassung aller Arten der Deütschen jetzt üblichen Verfe, wie dieselben ohne Fehler recht zierlich zu schreiben*. Wittenberg: Gedruckt bey Johann Röhner.

Andrey V. Ivanov
Nizhny Novgorod State Linguistics University
Olga V. Baykova
Vyatka State University

Ton: Etymology and History of the Linguistic Term

The article is devoted to the etymological, historico-linguistic and semantic study of the term *Ton*, which is part of the terminological system of German linguistics. Ways and methods of its lexicographic description in dictionaries of general and special type are considered as a separate subject of the research. The author aims to compare the etymologists' points of view on the problem of the origin of the word *Ton*, to describe the development of the system of its meanings in the German language and, on this basis, to clarify the semantic structure of the word. If necessary, the language material of Latin and Greek is involved. The research uses methods of historico-linguistic, comparative, etymological, definitional and semantic analysis. The research material is about 300 sources in German. These include both textual and lexicographic sources, including monolingual, bilingual and multilingual dictionaries and glossaries, etymological dictionaries, nomenclators, reference books and grammars.

Keywords: *Ton*; lexicography; phonetics; linguistic term; etymological analysis; historico-linguistic analysis; semantic structure

Для цитирования:

Иванов А. В., Байкова О. А. *Ton*: этимология и история лингвистического термина // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 160—183.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-160-183.

To cite this Article:

Ivanov, Andrey V., & Baykova, Olga V. (2022) *Ton*: etimologiya i istoriya lingvisticheskogo termina (*Ton*: Etymology and History of the Linguistic Term). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 160—183. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-160-183.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; принята к публикации 20.01.2022
The article was submitted 27.12.2021; accepted for publication 20.01.2022

С. Г. Катаева

Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

«ПЛАСТИКОВЫЕ СЛОВА» — ВОКАБУЛЯР УНИВЕРСАЛЬНОГО КОДА

Современный общественно-политический немецкий язык и язык бюрократии постоянно подвергается острой критике. Это критика языка так называемых абстрактных и универсальных в своем значении «пластиковых слов» в «управляемом мире»: в мире бюрократии и технического прогресса, в языке современной элиты. Это словарь универсального кода, способный «инфицировать» целые сферы действительности. Современные пластиковые слова в немецком и русском языках, такие как *Abwicklung* / оптимизация, часто встречаются в языке СМИ, они особенно «удобны» в политическом языке, где могут хорошо скрывать недостатки общественной жизни.

Ключевые слова: пластиковые слова; научность и технизация языка; универсализация языка; семантика

«...die imaginative und prognostische Kraft der Sprache kann und muss Anlass sein, immer wieder zu reflektieren, was mit bestimmten Wörtern und Wendungen „angerichtet“ werden soll oder kann» (SCHLOSSER 1996: 107).

1. Введение

Общественно-политический немецкий язык и язык бюрократии всегда подвергались острой критике. Это была критика языка в так называемом «управляемом мире» (in der «verwalteten Welt»), в мире бюрократии и технического прогресса («Bürokratie und Technik»), «ведомственного языка» («Behördendeutsch») в ФРГ и партийного жаргона («Parteijargon») в бывшей ГДР. Эти явления встречаются также в языке рекламы, разговорной речи, но особенно «полезными» они являются в политическом языке, где они могут успешно скрывать недостатки общественной жизни и затушевывать истинный смысл происходящего.

Следует отметить, что ведущие немецкие лингвисты Гюнтер Дроздовски и Хельмут Хенне в свое время, характеризуя современные тенденции развития лексического состава немецкого язы-

ка, указывали на его «научность и технизацию» (Verwissenschaftlichung und Technisierung) наряду с другими, одновременно происходящими в языке, процессами, такими как «стандартизация и дифференциация» (Standardisierung / Differenzierung), «интернационализация и индивидуализация» (Internationalisierung / Individualisierung), «упрощение и популяризация» (Vereinfachung / Popularisierung) (DROSDOWSKI & HENNE 1980: 628–631).

Продолжение этой темы на современном этапе нашло свое отражение в исследованиях современного политического языка, языка бюрократии и правого экстремизма, а также языка технократического развития (BURKHARDT 1992; 1998; EPPLER 1992; KINNE 1989; KLEIN 1998a; 1998b; КАЕНЛБРАНДТ 2001; JÄGER 1989; JUNG 1994; VON POLENZ 1996; PÖRKSEN 1988; SAUER 1995; WEISGERBER 1963; WENGELER 1995; ZIMMER 1990; и др.). Анализ отдельных слов и выражений современных политиков ФРГ четко показывает, что эти слова как «лошади кавалеристов», при первом же «сигнале готовы стать в строй»¹. Е. Эплер видит именно в бюрократическом, «неживом политическом языке» причину возрастающей «усталости» людей от политики и ухода из нее (EPPLER 1992: 9). О неприятии этого явления свидетельствует также отмечаемый повсеместно в Германии феномен «политического раздражения», обозначенного новой номинацией Politikverdrossenheit, которая, как «слово 1992 года», вошла в список «100 слов столетия» (KUNTSCH 2000: 13).

Бюрократизация современного немецкого языка охватила все сферы общественного развития. Так называемый «бюрократический немецкий» («Behördendeutsch») подвергается резкой критике в период гражданского движения против атомной энергетики и известных «антиатомных дебатов» 70-х — 80-х гг.² Появившиеся из недр «административно-управленческого языка и языка экспертов», из естественнонаучной терминологии, новые слова из области атомной энергетики как, например, Kern- (energie), Störfall, GAU, Entsorgung, часто «служат языковой мани-

¹ Это образное сравнение вынесено Е. Эплером в название его книги *Kavalierpferde beim Hornsignal. Die Kritik der Politik im Spiegel der Sprache* (EPPLER 1992).

² См. Jung, Matthias. (1994) *Öffentlichkeit und Sprachwandel. Zur Geschichte des Diskurses über die Atomenergie*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

пуляции, как и «слово-фантом» Entsorgungspark, могут быть использованы как антидемократический инструмент господства власти» (JUNG 1994: 93).

2. Теория «пластиковых слов» Уве Пёрксена

Важное место в исследованиях современных тенденций немецкого языка занимает теория Уве Пёрксена о так называемых «пластиковых словах» («Plastikwörter»). Его исследование «пластиковых слов», проведенное в 80-е гг., заслуживает особого пристального внимания и требует отдельного рассмотрения в наши дни как актуальное, имеющее непреходящую ценность исследование.

В своей известной книге *Plastikwörter. Die Sprache einer internationalen Diktatur* («Пластиковые слова. Язык интернациональной диктатуры») он подробно рассматривает современные процессы развития немецкого языка. В ней идет речь об одной из современных тенденций его развития, обусловленного процессами научно-технической революции, — тенденции «научности и технизации языка», проявляющейся не в последнюю очередь в использовании «пластиковых слов», которые являются как бы «мостом в мир экспертов» (PÖRKSEN 1989: 121). Пёрксен характеризует «пластиковые слова» как «отряд новоявленных слов, которые новы не по своей форме, а по способу их употребления» (Ibid.: 13). Эти слова «сводят огромную область знаний и все многообразие действительности к одному знаменателю и претендуют на диффузный и малосодержательный вокабуляр универсального кода» (Ibid.: 119).

С их помощью, отмечает Пёрксен, «хотят привести и все языковое многообразие к одному знаменателю». Эта небольшая группа слов проникает в немецкий разговорный язык, и в силу диффузной и малосодержательной семантики этих слов, претендует на универсальность их использования. Пёрксен называет их «новоявленными племянниками науки» и пишет об этом языковом явлении следующее:

«Die Veränderung der Umgangssprache wird fassbar in einer kleinen Gruppe von Wörtern und in einer für unsere Jahrzehnte typischen Art, diese Wörter zu verwenden. Ich nenne sie hier *Plastikwörter*. [...]. Es geht um den Alltagsgebrauch von Wörtern wie „Kommunikation“: sozusagen um einige neuerliche Neffen der Wissenschaft in der Umgangssprache» (Ibid.: 11).

Далее он уточняет, что пластиковые слова как «реэмигранты из науки», являясь «общезыковыми племянниками терминов, становятся стереотипами» (Ibid.: 118). Но как раз эти «слова-амебы» («Amöbenwörter»), «аморфные», «не имеющие четких контуров» пластиковые слова, «беспредметные и бессодержательные» применяют, по словам Пёрксена, как «универсальные знаки, шифры», которые представляют собой «своеобразный строительный набор, языковой комплект промышленных держав» (Ibid.: 19) и выступают «крайне подвижными строительными элементами заранее смоделированной действительности» (Ibid.: 24).

Более того, «несомненная склонность пластиковых слов к комбинированию и мультипликации делает их в руках экспертов удобным инструментом для быстрого создания спланированных моделей действительности» (Ibid.: 12).

Часто они вытесняют и заменяют «правильно сидящее» слово на слово с общим, не специальным значением. Например, слово «коммуникация» заменяет другие существующие слова «разговор, беседа, болтовня» (личное общение), которые вдруг оказываются устаревшими (Ibid.: 119, 121).

Хорст Шлоссер также останавливается на частом употреблении слова «коммуникация» в современном немецком языке и объясняет использование подобных пластиковых слов «на все случаи жизни — от технической передачи данных до рекламы — постоянным интересом и стремлением языка к семантической неточности»:

«Wo das Plastikwort *Kommunikation* für alles und jedes — von technischer Datenübertragung bis zur Reklame — eingesetzt wird, gibt es ein wie auch immer zu bewertendes Interesse an semantischer Unschärfe» (SCHLOSSER 1996: 107).

Интенсивное проникновение подобных «пластиковых слов» в немецкий разговорный язык Пёрксен называет «математизацией разговорного языка», которая происходит из «опасного смешения разных сфер, сбивает с толку и приводит к языковой путанице» (PÖRKSEN 1989: 11–12). На основании отмеченных им явлений в современном немецком языке он приходит к выводу о «новейших явлениях его дегуманизации» в форме «математизации».

В результате широкого и быстрого распространения «пластиковые слова образуют «словарь универсального кода»: они абстрактны и универсальны в своем значении, имеют диффуз-

ную семантику, «встречаются в бесчисленных контекстах, и в своем употреблении не имеют четких границ во времени и в пространстве» (Ibid.: 118). По этой причине

«вокабуляр пластиковых слов интернационален, даже если он проявляется не одновременно в разных странах» (Ibid.: 121).

Причину интернациональной распространенности «пластиковых слов» автор видит в их универсальности — они «удобны в употреблении», способны «инфицировать целые области действительности», — а также в том, что они, являясь «пунктами кристаллизации общественного сознания, способны подчинить себе саму действительность — они являются ключом ко многому» (Ibid.: 17).

К таким «словам-амебам» Пёрксен относит следующие номинации: *Entwicklung, Beziehung, Faktor, Fortschritt, Funktion, Information, Kommunikation, Kontakt, Problem, Modell, Planung, Prozess, Projekt, Struktur, System, Strategie, Zentrum* и др. (Ibid.: 41). Так как «пластиковые слова» как «предвестники псевдонаучности» могут быстро распространяться в современном языке и «инфицировать целые сферы действительности», это явление вызывает у автора обоснованные опасения,

«не выхолащивается ли человеческий язык, как это с ним происходит в сферах математики и физики, и не уподобляется ли он употреблению фишек в игровых автоматах» (Ibid.: 119).

Похожая тенденция выхолащивания и дегуманизация языка была отмечена еще в 50-е гг., когда Карл Корн писал о «пустых словах» в «управляемом мире», таких как «окончательное решение [еврейского вопроса]» («*Endlösung*»), которое звучит как решение с логарифмами, а [этническая] чистка («*Säuberung*») может быть взята из словоупотребления химической борьбы с насекомыми (KORN 1958: 162). Таким образом, в этих примерах просматриваются определенные параллели словоупотреблений «негуманного языка», слов из вокабуляра нацистского прошлого, с современными «пластиковыми словами». Герберт Колб спустя три года пишет в связи с этим о «языке в непонятом мире» («*Sprache in der unverstandenen Welt*»).

3. Пластиковые слова в немецком и русском языках на современном этапе их развития

Современный феномен наличия и распространения пластиковых слов, ведущих к отмеченному «опустошению языка»,

можно, с одной стороны, отнести на счет «распространенного в международном масштабе псевдонаучного стремления к суете, направленной на попытку произвести хорошее впечатление» (SCHLOSSER 1996: 107), с другой стороны, это происходит за счет возрастающего стремления к внедрению если и не «огосударственного» («verstaatlicht»), то явно технократического и враждебного для индивидуума вокабуляра.

Примером этому могут послужить некоторые понятия из вокабуляра новой немецкой элиты, приведенные в книге Роланда Кельбрандта *Немецкий для элит. Языковой гид* («Deutsch für Eliten. Ein Sprachführer»). Он пополняет на современном уровне развития немецкого языка список 30 «пластиковых слов», приведенных в 80-х гг. Пёрксом, и исследует 177 современных пластиковых слов, называя их новым «жаргоном элиты». К ним он относит такие слова как Alternative, interdependentes Beziehungsgeflecht, zentraler Eckpfeiler, wachsendes Desinteresse, Globalisierung, Innovation, Information, deutsche Leitkultur, Kompetenz, Optimierung, Paket (Steuerpaket, Sparpaket), Problematik, Rahmenbedingungen, Standort, Stau (Reformstau, Rentenstau), Struktur, Synergie, Umbruch, Vision, Wandel и др. Все это — «понятия нового национального жаргона элиты, которые можно употреблять, при этом ни о чем не говоря». Такую характеристику этим новым жаргонизмам дает издательство «Econ». Немецкоязычный новостной журнал «Focus» в свою очередь подчеркивает значение книги Кельбрандта для критики состояния современного немецкого языка: «(Er) enttarnt deutschen Sprachmüll und Strategien der Sprecher».³

Сам Кельбрандт в послесловии к книге пишет о том, что в ней он «высмеивает языковой мусор немецкой элиты», который состоит из «раздутых языковых нагромождений», таких как Kultur der Anstrengung, из тавтологий kooperative Zusammenarbeit, из слов с «иным переосмысленным значением» Systemveränderer, из «украшательства» Einleitung (von Giftmüll in Gewässer), из «пустых абстракций», таких как Struktur и т. п. При этом Кельбрандт признает, что

«языковой мусор всегда существовал с его аурой престижности и значимости, и всегда будет существовать как словотворчество раз-

³ Мнения издательства «Econ» и журнала «Focus» о книге Кельбрандта *Deutsch für Eliten* (2001) размещены на обложке книги.

личных элит, приводя в действие рычаг подражания и массового распространения этих слов» (KAENLBRANDT 2001: 179).

По мнению автора, по ним можно «считывать» общественные групповые интересы и определенный образ мыслей», они способны «вскрывать политическую беспомощность». Накопленный языковой мусор сигнализирует также о «нерешенных общественных задачах». И чем выше гора языкового мусора, тем с большим количеством нерешенных общественных проблем он коррелирует, по крайней мере, в той части, которая касается общественно-политического употребления языка. Далее, останавливаясь на истоках и причинах происхождения такого «языкового мусора», Кельбрандт отмечает, что корнями он уходит в 70-е гг., когда была провозглашена так называемая «борьба за слова» («Kampf um die Worte»), «пусть даже и в менее идеологически выраженной форме» (Ibid.: 180). Вслед за Пёрксом он называет новоявленные жаргонизмы немецкой элиты «пластиковыми словами» (Ibid.: 182).

К причинам возникновения и функционирования «пластиковых слов» в современном общественно-политическом языке Кельбрандт относит:

— мнимую деполитизацию языкового употребления после так называемого «поворота 1989 г.» в Германии и исчезновения идеологического противника;

— неопределенность, которая выражается в большом количестве «ключевых понятий, представляющих пустые абстракции, которые хотят заявить о своей значимости, не передавая значения слова». Склонность к неопределенности происходит от «затруднений, вызываемых незнанием предмета обсуждения, и из неперемного желания высказать свое мнение, не говоря ничего конкретного»;

— создание видимости собственной значимости из-за «безграничного тщеславия», за счет «бездумного, бессмысленного повторения» таких слов как Kultur, Kreativität, Philosophie, что в свою очередь ведет к распространению этих «обесцененных понятий»;

— склонность к преувеличению в «управляемом и чрезмерно заорганизованном мире». Такие слова как unheimlich, spannend, Erlebnis, Katastrophe, Herausforderung, Risiko ведут к театрализации повседневности в современном «обществе развлечений» (Ibid.: 181–184).

Эти и другие качества языка немецкой элиты, по мнению Кельбрандта, универсальны и распространены повсеместно. Кельбрандт, так же как и Пёрксен, отмечает интернациональный характер этих слов, он пишет о них как о своего рода «всеохватывающем элитном жаргоне немецкого языка», который в силу своего распространения достигает мирового уровня» (Ibid.: 7). Он дает пояснения выделенным 177 жаргонизмам немецкой элиты, которые часто представляют собой «языковые барьеры» для непосвященных и являются «выражением и катализатором социально-языковой дифференциации в массовом обществе» (Ibid.: 8).

Борьба с этими негативными явлениями современного (в том числе политического) немецкого языка нашла свое отражение в акции немецких лингвистов под названием «Неудачные слова года» («Unwörter des Jahres»), а также «Неудачные слова столетия» («Unwörter des Jahrhunderts»), проводимой с 1991 г. «Обществом немецкого языка» (Висбаден). Это регулярно возникающие слова и выражения, которые по большей части противоречат моральным представлениям и ценностным установкам языкового сообщества. К таковым, к примеру, относятся недостойные для человека обозначения типа Wohlstandsmüll, Rentnerschwemme или sozial verträgliches Frühableben (KUNTSCH 2000: 5). В 2000 г. вышел целый лексикон подобных слов («Lexikon der Unwörter»), которые «всегда будут существовать в языке политики для сокрытия подлинных намерений, для манипулирования сознанием людей» (SCHLOSSER 2000: 10).

В такого рода исследованиях речь также идет об одной из тенденций развития современного немецкого языка, подверженного процессам научно-технической революции, отмечаемой во многих современных языках (HENNE & DROSDOWSKI 1980).

Употребление «пластиковых слов», как было отмечено раньше, интернационально; они не знают ни временных, ни географических границ. Примером этому могут служить слова Abwicklung и «оптимизация».

В немецком языке abwickeln имеет в так называемом «объединенном немецком» («Vereinigungsdeutsch») следующее значение:

abwickeln: (Wirtsch.) *liquidieren*: eine Firma, ein Unternehmen; *Aufgelöst — oder, wie es im Vereinigungsdeutsch heißt „abgewickelt“* (Spiegel 5, 1991, 50); *Bis zum 2. Januar dürfen jene akademischen Einrichtungen in der Ex-DDR „abgewickelt“ werden, die eine „deutlich veränderte Aufgabestel-*

lung“ erhalten sollen (Spiegel 1, 1991, 24) (DUDEN 1993: 106).

Ставшее после объединения Германии актуальным слово *abwickeln*, как и существительное *Abwicklung* в значении ‘оканчивать, ликвидировать’, приобретает в начале 90-х гг. новые социально значимые коннотации в условиях первых лет объединительных экономических преобразований на территории бывшей ГДР и становится синонимом уничтожения почти всей промышленной инфраструктуры восточной части Германии: закрытие предприятий, роспуск учреждений бывшей ГДР, массовые увольнения людей, занятых на этих предприятиях. Об этом свидетельствуют приведенные в Duden (1993) примеры из журнала «Spiegel».

О важности явления, обозначенного словом *abwickeln*, свидетельствует факт его номинации как «слова 1991 года», вошедшего в список значимых «100 слов столетия» (KUNTSCHE 2000). Со дня своего появления это слово приобрело такую однозначно негативную окраску, что со временем было заменено словом *Rekonstruktion*, также получившим негативную оценочность, которая сопровождает и другие подобные значения ранее нейтральных единиц общегерманского словаря типа *Umstrukturierung*, *Treuhand* и др. При этом оценки явлений, названных данными словами, расходятся в восприятии немцев в восточной и западной частях Германии: по мнению западных немцев, это необходимые мероприятия, способствующие оздоровлению экономики восточной части Германии. Для восточных немцев эти слова приобретают в контексте большого количества экономических и социальных проблем, вызванных кардинальной сменой общественного строя и не всегда разумно проведенной реструктуризацией экономики бывшей ГДР, чаще всего ярко выраженную негативную оценку. Немецкий историк Фриц Штерн также пишет об этом явлении в своей книге *Der Traum vom Frieden und die Versuchung der Macht. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert*. В ней слово *Abwicklung* он сравнивает с лексикой языка национал-социализма и называет его «бюрократическим термином, скрывающим катастрофические последствия «для людей, промышленности и учреждений в старой ГДР, с трудом выживающих, сводящих концы с концами, после объединения Германии» (STERN 1999: 12–13).

Об этом, ставшем бюрократическим термине, и о «травматическом опыте объединительных процессов восточных немцев»

пишет также политолог Дитер Зегерт в своей статье *Verpasste Chancen im 41. Jahr*. Он перечисляет наступившие после объединения конкретные негативные явления в экономической и социальной действительности Восточной Германии («ликвидацию предприятий и длительную безработицу» и т. п.):

«Die Erfahrungen, dass Betriebe zugunsten der westdeutschen Konkurrenz abgewickelt wurden, die entstehende große Gruppe der Langzeitarbeitslosen, der umfassende Elitenwechsel [...]. All das führte in Ostdeutschland ungeachtet der positiven Wirkungen des bundesdeutschen Sozialstaates zu traumatischen Wendeerlebnissen» (SEGERT 2019: 16–17).

В начале нулевых годов параллельно с немецкими словами *abwickeln* и *Abwicklung* в русском языке появляются их двойники — близкие по значению «пластиковые слова» «оптимизировать» и «оптимизация», что свидетельствует о схожести общественно-политических событий в обоих бывших посткоммунистических государствах:

«**оптимизация**»: *Спец.* Выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности (БТС 1998: 721).

«Пластиковое слово» *Optimierung* существует и в немецком языке. Кельбранд в своей книге дает ему остроумное определение, саркастически замечая, что «оптимизация» в отличие от своего донаучного значения «улучшение» вовсе не преследует эту цель — улучшать отношения и продукты. И даже если это не удается, то результат не плохой, он просто не оптимальный»:

Optimierung (f): Im Unterschied zum vorwissenschaftlichen „Verbesserung“ verfolgt die *Optimierung* nicht einfach das Ziel, Verhältnisse und Produkte zu verbessern [...]. Wird der Zustand verfehlt, ist das Ergebnis nicht etwa schlecht, sondern suboptimal (КАЕНЛБРАНД 2001: 96).

Сходное определение он дает и глаголу *optimieren*, полагая, что тот, кто верит, что «оптимизировать» означает «улучшать», ошибается» (*Ibid.*: 138).

Русское слово «оптимизация» с заложенным в нем на первый взгляд позитивным значением на практике, так же как и *Abwicklung*, соотносится с негативными явлениями в социальной сфере, в первую очередь, в российском образовании и здравоохранении.

Оптимизация в сфере образования означает резкое сокращение из соображений экономии большого количества так назы-

ваемых «нерентабельных» малокомплектных школ, учителей, особенно в сельской местности. Популярная русская еженедельная газета «Аргументы и факты» информирует в своем локальном приложении о проблемах этой так называемой оптимизации в Липецкой области. В статье *Школ становится все меньше* на вопрос читательницы «Будет ли продолжена оптимизация малокомплектных школ?» начальник областного управления образования отвечает: «В канун нового учебного года в регионе планируется закрыть еще 5 школ» («Аргументы и факты», 11-17.08.2010). «Оптимизация» в ее худшем значении коснулась и высшей школы, где она также привела к негативным последствиям: слиянию университетов, факультетов, кафедр, сокращению количества ставок, увеличению нагрузки и т. п.

Оптимизировалась и сфера российского здравоохранения, в результате чего сократилось большое количество больниц, поликлиник, врачей: «Количество коек в больницах «оптимизируют». За оптимизацией стоит стремление сократить рост расходов на здравоохранение» («Аргументы и факты», 12.08.2009).

Номинации типа «оптимизация», равно как и *Abwicklung*, *Rekonstruktion*, *Umstrukturieren* и им подобные, являются политически «выгодными» затушевывающими истинный смысл словами, «абстрагирующими эвфемизмами»⁴, лексико-семантической основой которых является высокая степень обобщенности содержания и диффузность значения. Их применение в общественно-политическом языке весьма распространено.

4. Заключение

Актуализация «пластиковых слов» на современном этапе развития языков в глобализирующемся «управляемом мире», когда они все больше влияют на язык и определяют образ мышления людей, идет полным ходом. Они появляются в повседневном общении, в общественно-политическом языковом пространстве и способны в силу своей диффузной семантики к многократным номинациям различных феноменов в разных сферах общественно-политической жизни. Будучи широко употребляемы в разных языках, они нередко выступают в качестве элемента языковой манипуляции, ведущей в конечном итоге к манипу-

⁴ См. Burkhardt, Armin. (1992) Können Wörter lügen? *Universitas*, 9, 831—840.

ляции общественным сознанием.

Сложившаяся ситуация мотивирует лингвистов к интеркультурным исследованиям этого актуального языкового явления.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [Kuznetsov, S. A. (ed.) (1998) *A Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint-Petersburg: Norint. (In Russian)].
- Burkhardt, Armin. (1992) Können Wörter lügen? *Universitas*, 9, 831—840.
- Burkhardt, Armin. (1998) Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte. In Besch, Werner; Betten, Anne; Reichmann, Oskar, & Sonderegger, Stefan. (eds) *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Forschung*. Teilband 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 98—122. [2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl.]
- Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In 8 Bd. Bd. 1. (1993). Mannheim: Dudenverlag. [2., völlig neu bearb. und stark erw. Aufl.]
- Eppler, Erhard. (1992) *Kavalleriepferde beim Hornsignal. Die Kritik der Politik im Spiegel der Sprache*. Frankfurt a/M: Suhrkamp.
- Henne, Helmut, & Drosdowski, Günther. (1980) Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. In Althaus, Hans; Henne, Peter; Wiegand, Helmut, & Ernst, Herbert. (eds) *Lexikon der Germanistischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, 619—632. [2. Aufl.]
- Jäger, Siegfried. (1989) Rechtsextreme Propaganda heute. In Ehlich, Konrad. (ed.) *Sprache im Faschismus*. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 289—322.
- Jung, Matthias. (1994) *Öffentlichkeit und Sprachwandel. Zur Geschichte des Diskurses über die Atomenergie*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Kaehlbrandt, Roland. (2001) *Deutsch für Eliten. Ein Sprachführer*. München: Econ Taschenbuch.
- Kinne, Michael. (1989) NS-Wörter oder Braundeutsch von heute? *Der Sprachdienst*, Jg. 33, 1—5.
- Klein, Josef. (1998a) Politische Kommunikation — Sprachwissenschaftliche Perspektiven. In Jarren, Otfried; Sarcinelli, Ulrich, & Saxer, Ulrich. (eds) *Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 186—210.
- Klein, Josef. (1998b) Politische Meinungssprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung. In Reiher, Ruth, & Kramer, Undine. (eds) *Sprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung*. Frankfurt a/M: Peter Lang, 187—194.
- Kolb, Herbert. (1961) Sprache in der unverstandenen Welt. *Zeitschrift für*

- deutsche Wortforschung*, 5, 365—372.
- Korn, Karl. (1958) *Sprache in der verwalteten Welt*. Frankfurt a/M: Scheffler.
- Kuntzsch, Lutz. (2000) *100 Wörter des Jahrhunderts*. Wiesbaden; Moskau: Gotika.
- Polenz, Peter. (1964) Sprachkritik und Sprachwissenschaft. In Handt, Friedrich. (ed.) *Deutsch — gefrorene Sprache in einem gefrorenen Land? Polemik, Analysen, Aufsätze. Literarisches Colloquium*. Berlin: Literarisches Colloquium, 102—113.
- Pörksen, Uwe. (1989) *Plastikwörter. Die Sprache einer internationalen Diktatur*. Stuttgart: Klett-Cotta. [3. Aufl.]
- Sauer, Christoph. (1995) Sprachwissenschaft und NS-Faschismus. Lehren aus der sprachwissenschaftlichen Erforschung des Sprachgebrauchs deutscher Nationalsozialisten und Propagandisten für den mittel- und osteuropäischen Umbruch? In Steinke, Klaus. (ed.) *Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 9—75.
- Schlosser, Horst Dieter. (1996) Sprachkritik als Problemgeschichte der Gegenwart. In Böke, Katrin; Jung, Matthias, & Wengeler, Martin. (eds) *Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 99—109.
- Schlosser, Horst Dieter. (2000) *Lexikon der Unwörter*. Gütersloh: Bertelsmann Verlag.
- Segert, Dieter. (2019) Verpasste Chancen im 41. Jahr. *Aus der Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“*, 69. Jg., 35/37, 12—17.
- Stern, Fritz. (1999) *Der Traum vom Frieden und die Versuchung der Macht. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert*. Berlin: Siedler Verlag. [Erw. Neuausg.]
- Stötzel, Georg, & Wengeler, Martin. (1995) *Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Weisgerber, Leo. (1963) Die deutsche Sprache im Kalten Krieg. Sprachliche Entfremdung zwischen Ost und West? *Deutsche Rundschau*, Jg. 89, 6, 42—49.
- Zimmer, Dieter Eduard. (1990) *Die Elektrifizierung der Sprache: über Sprechen, Schreiben, Computer, Gehirne und Geist*. Zürich: Haffmans Verlag.

Stalina G. Katayeva
Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

“Plastic Words” — the Vocabulary of the Universal Code

The modern social and political German language and the language of bureaucracy are constantly subjected to sharp criticism. This is a criticism of the language of the so-called abstract and universal in its meaning “plastic words” in the “managed world”: in the world of bureaucracy and technological progress, in the language of the modern elite. This is the vocabulary of the universal code that can “infect” entire spheres of reality. Modern plastic words in German and Russian, such as *Abwicklung* / *optimization*, are often found in the language of the media, where they can conceal the shortcomings of public life well.

Key words: plastic words; scientific and technical nature of the language; language universalization; semantics

Для цитирования:

Катаева С. Г. «Пластиковые слова» — вокабуляр универсального кода // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 184—197.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-184-197.

To cite this Article:

Katayeva, Stalina G. (2022) “Plastikovyye slova” — vokabulyar universal’nogo koda (“Plastic Words” — the Vocabulary of the Universal Code). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 184—197. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-184-197.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; принята к публикации 20.03.2022

The article was submitted 22.02.2022; accepted for publication 20.03.2022

Ю. В. Кобенко, П. И. Костомаров
Национальный исследовательский Томский
политехнический университет

ЭНДОГЛОСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В МЕЖКОН- ТИНЕНТАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (XVII — XXI ВЕКА)

В статье приводятся результаты анализа состояния диалектов немецких переселенцев на исторических маршрутах их межконтинентальной миграции с учетом экстра- и интралингвистических факторов языковой эволюции. Исследуются причины и симптомы эндогlossной динамики функционирования немецких переселенческих диалектов в местах компактного поселения представителей немецкого этноса в США, Австралии, Бразилии, Намибии, России и Советском Союзе. Используются данные переписей населения указанных стран различных исторических периодов (1897, 1959, 1979, 1996 и 2002 гг.), а также корпус обще- и частнонаучных (лингвистических) методов. В качестве общей методологической рамки имплементируется средовой подход, позволяющий изучать язык в тесной связи с коммуникативной средой. Делается вывод о неизбежности приближающейся инволюции островных диалектов представителей немецкого этноса в иноязычном и инокультурном окружении, симптомом которой выступает продолжительное эндогlossное функционирование указанных языковых форм.

Ключевые слова: эндогlossия; экзогlossия; инволюция; немецкие диалекты переселенцев; престижный метале́кт; коммуникативная мощ- ность

1. Введение

Эволюция языков подчинена двум противоположным векторам развития: экзогlossии и эндогlossии. Экзогlossия предполагает ориентацию на более престижный идиом, имеющий статус языка вертикали, который гарантирует носителям достойное образование, социальное благополучие, карьерный рост и т. п. и ассоциируется буквально с движением вверх. Экзогlossными идиомами (метале́ктами), как правило, являются языки с высокой коммуникативной мощностью (числом говорящих), обеспечивающей им статус языков-макропосредников надрегионального, межгосударственного и глобального характера. Ориентация на

престижный металект автоматически влечет гибридизацию ресурсов языка-реципиента и образование в его составе адстратов (заимствованных пластов лексики), которые количественно могут превосходить лексические системы малых языков. Все литературные идиомы характеризуются высокой гибриднойностью, поскольку вобрала в себя материал престижных языков, помогающий им поддерживать коммуникативную пригодность. Так, немецкий литературный язык традиционно пополняет свой словарный состав через заимствование, а высокая степень гибридности вследствие избрания им экзогlossenного вектора развития позволяет ему выдерживать суровую конкуренцию с языками европейского ареала за умы говорящих, ведь язык есть основа мышления. Следовательно, чтобы выиграть данное состязание и не понизить свой социальный статус, что в густонаселенных ареалах равносильно языковой смерти, языки вынуждены выбирать экзогlossenный вектор развития.

Эндогlossия связана с так называемой языковой автаркией (замкнутостью) в пределах определенной (как правило, исторической) территории проживания этноса и предполагает функционирование идиома в качестве языка горизонтали, обеспечивающего общение исключительно внутри собственного этнического коллектива. Эндогlossию следует понимать как своего рода защитную реакцию пользователей на внешнее экзогlossenное влияние престижных языков-макропосредников, итогом которой становится консервация языковых норм и неизбежная архаизация ресурсов, характерная для всех диалектов. Попытки отгородиться от энтропии импортированных металеКТов зачастую с миллионным словарным составом стоят малым языкам развития и замыкают их коммуникативный радиус на нескольких предметно-понятийных группах этно-бытовой специализации. Весьма точную характеристику эндогlossenным идиомам дал бывший министр экономики Баварии Г. Эттингер, обозначивший немецкий язык эпохи интенсивной американизации (1945 — 2010 гг.) «диалектом конца рабочего дня» («Feierabenddialekt»).

Действительно, судьба всех диалектов неразрывно связана с эндогlossenным вектором эволюции, ограничивающим их социальное функционирование до стратегии сохранить число оставшихся говорящих. Постепенное снижение социального статуса диалектов до индигенных форм, подверженных вымиранию,

является платой за отказ от дальнейшего развития за счет подражания более престижным языкам и смешению с ними. Однако эндогlossия не всегда есть следствие осознанного выбора этнического коллектива. В большинстве случаев защитная реакция объясняется как раз отсутствием всяческой альтернативы. Оказавшись в «тисках» коммуникативно более мощного идиома диалектный «остров» старается сохранить свой исторический уклад и средство общения предков. Такое сопротивление заведомо обречено, так как социология языков работает по общему принципу «большее подчиняет меньшее», и за падением статуса, как правило, следует асимметричный билингвизм с престижным металектом как языком вертикали, а затем диалект вступает в финальную стадию инволюции, когда его носители массово практикуют отказ от языка предков или же полностью прекращают на нем говорить по причине невостребованности (КОБЕНКО & КОСТОМАРОВ 2018: 80).

История немецких переселенческих диалектов изобилует примерами локальной эндогlossии в местах поселения эмигрантов. В отличие от англосаксов, насаждавших английский язык не с мирного согласия народов, немцы экспортировали свой язык заведомо на паритетных началах, делая ставку на сбалансированное двуязычие. Тем не менее практика показала, что такой подход почти наверняка является проигрышным: немецкие переселенцы на протяжении всей колониальной истории вынуждены были колебаться между Сциллой автаркии и Харибдой ассимиляции, в итоге принося в жертву свою этническую идентичность. В межконтинентальном срезе повсеместно прослеживается один и тот же результат: эндогlossное функционирование экспортированных идиомов, их креолизация и верное приближение инволюции. Высокая степень дисперсии немецкой языковой материи, берущая начало в исторической разобщенности германских племен и их внутриэтнических средств общения передалась целиком дочернему диалектному континууму.

2. Цель, объект, предмет и методология исследования

Целью статьи является анализ динамики функционирования диалектов немецких переселенцев в межконтинентальной перспективе. Объект исследования — немецкие переселенческие диалекты в условиях эмиграции на территории США, Австралии, Бразилии, Намибии, России и Советского Союза;

предмет — эндогlossный характер функционирования диалектов немецких переселенцев в иноязычном окружении. Общая гипотеза исследования: неизбежность инволюции указанных диалектов в местах эмиграции их носителей в силу следующих факторов: потери социального статуса, «сворачивания» коммуникативного радиуса, креолизации потомков эмигрантов вследствие культурной ассимиляции и отмирания диалектов вместе с носителями старшего поколения.

Эмпирическим основанием работы выступает укрупненный подход, предполагающий совмещение интра- и экстралингвистических фактур описываемых языков в привязке к определенной языковой ситуации. С одной стороны, функционирование диалектов немецкоязычных переселенцев изучается в констелляции с другими идиомами, оказывающими непосредственное влияние на их статусную и корпусную составляющие; с другой стороны, анизотропия языковой ситуации всегда ограничена рамками определенной коммуникативной среды, которая может превосходить границы отдельной административно-территориальной формации. Первый аспект коррелирует с теорией экзогlossии, подготовленной зарубежными социолингвистами Э. Кошеруи, И. Скаттум, Б. Хайне и др. Сутью данной теории является валоративно-функциональное разделение взаимодействующих идиомов на престижные (импортированные языки экзогlossной вертикали) и местные (языки эндогlossной горизонтали). Второй аспект восходит к средовой теории, заложенной американским этнологом Э. Сепиром и получившей дальнейшую разработку в трудах отечественных языковедов В. А. Виноградова, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовского и др. Сегодня отправным постулатом средовой теории является тезис о невозможности существования языка вне среды его распространения: как стиль зависит от сферы общения, так и язык зависит от своей коммуникативной мощности (числа говорящих).

В исследовании использованы данные переписей населения Австралии 1996 г., Российской Империи 1897 г., Советского Союза 1959 и 1979 гг., Российской Федерации 2002 г. а также корпус обще- и частнонаучных методов. К общенаучным относятся методы логики и статистики (анализ, синтез, обобщение, группировки и т. д.), к частнонаучным (лингвистическим) — оппозитивный, описательный, сравнительно-исторический и пр.

3. Результаты исследования

3.1. Соединенные Штаты Америки

XVII в. считается отправной точкой межконтинентального перемещения крупных групп представителей немецкого этноса, до этого периода времени совершавших миграции преимущественно в пределах евразийского континента. Одним из первых мест паломничества немецких переселенцев является территория североамериканского штата Пенсильвания, принявшая в 1683 г. 13 немецких семей из области Крефельд, которые получили от основателя современной колонии Пенсильвании У. Пена разрешение на поселение в районах, примыкающих к окраине Филадельфии и впоследствии ставших городом Джермантаун (ТНІЕЛ 2012: 1–2). Анализ динамики распространения немецкоговорящих переселенцев во второй половине XVII в. и на протяжении большей части XVIII в. позволяет констатировать, что Пенсильвания занимала лидирующее положение среди других американских колоний Британской империи по общему числу прибывших немцев в течение трех основных волн эмиграции: 1) 1683 — 1710 гг.; 2) 1710 — 1727 гг.; 3) 1727 — 1775 гг. (STRASSBURGER 1934: 42–44). Увеличение немецкого присутствия в Пенсильвании в XVIII в. способствовало образованию унифицированного пенсильванско-немецкого диалекта (*Pennsylvania Dutch*), сложившегося под влиянием нескольких диалектов и имеющего значительное сходство с пфальцским диалектом (*Pfälzisch*), на котором говорило большинство немецкоязычных поселенцев (НОУТ 2004: 12). Чем стремительнее распространялся пенсильванско-немецкий диалект на территории Пенсильвании, тем сильнее он подвергался влиянию со стороны титульного идиома — английского языка. Одним из основных факторов, повлиявших на усиление позиций последнего в среде переселенцев, является переориентация представителей немецкого этноса с сельского на городской стиль жизни, обусловившая, с одной стороны, более тесный контакт с соседствующими этносами, а с другой стороны, обеспечившая преобладание английского в качестве основного средства межэтнической коммуникации. Немецкоязычные иммигранты избегали интеграции с общиной, которая использовала только пенсильванский немецкий язык в качестве средства общения, и селились главным образом в крупных и мелких городах, где английский язык играл лидирующую роль.

Интеграция немецких переселенцев в англоязычную среду не прошла бесследно и для самого пенсильванско-немецкого диалекта, который подвергся значительному влиянию со стороны автохтонного (английского) идиома; ср. английские вкрапления в речи немецкоязычных иммигрантов того периода: *purchase* — *purtschasen*, *bargain* — *der Barghen*, *expect* — *ехреkten* (LOUDEN, 2003: 77). В XIX в. сохраняется тенденция к снижению распространения пенсильванско-немецкого диалекта в эмигрантской среде, вызванная рядом причин, среди которых: укрепление позиций английского языка в сфере торговли, управления, школьного образования и средств массовой информации; креолизация потомков переселенцев более поздних волн иммиграции; постепенная утрата пенсильванско-немецким диалектом статуса языка образования и его усиленное смешение с фактурой английского языка (LEARNED 1889: 111–114). Массивная индустриализация в США XX в., обусловившая лавинообразную внутреннюю миграцию населения из сельской местности в крупные промышленные центры Филадельфию и Харрисбург, лишь упрочила тенденцию постепенного исчезновения пенсильванско-немецкого диалекта из речи потомков немецких переселенцев в штате Пенсильвания. Утрата этнического средства коммуникации была вызвана высокой энтропией со стороны английского языка (PAGE 1937: 205), повлекшей снижение престижа пенсильванско-немецкого диалекта в среде самих пенсильванских немцев (KLOSS 1966: 241; КОРР 1993: 273) и, как следствие, «сворачивание» его коммуникативного радиуса до формата эндогlossного (внутрисемейного) средства общения, используемого исключительно представителями старшего поколения (HUFFINES 1980: 49).

3.2. Австралия

В истории немецкой колонизации Австралии 30-е гг. XIX в. стали вехой, ознаменовавшей начало интенсивных волн иммиграции представителей немецкого этноса. Освоение территорий Австралии с 1838 г. осуществлялось преимущественно немецкими крестьянами, а также мелкими фермерами из Бранденбурга, Уккермарка, Померании, Силезии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена, численность которых к 1891 г. в крупнейших районах северо-восточной и юго-восточной частей Австралии составляла более 40.000 человек (Квинсленд — 14.924, Виктория — 10.772, Новый Южный Уэльс — 9.565, другие части Австралии — 10.000).

Таким образом, немецкая община стала одной из самых крупных небританских этнических групп Австралии. Немецкий язык распространялся, в первую очередь, в таких городах как Мельбурн и Аделаида, где имелись золотые прииски, а также в поселениях, располагавшихся в сельской местности с большой численностью немецкоязычного населения. В данных анклавах немецкий язык функционировал в качестве основного средства коммуникации, обслуживая сферу церкви (обычно лютеранской, но в некоторых частях Квинсленда также апостольской), фермерства и виноградарства. Начиная с 1870-х гг. XIX в. и вплоть до периода между двумя мировыми войнами постепенное увеличение коммуникативной мощности немецкого на колониальных территориях Австралии переросло в настоятельную потребность автохтонного населения, а позже и в закон о запрете двуязычного образования, прекращении выпуска печатной продукции на немецком языке и переименование немецких топонимов, в результате чего немецкий идиом «свернулся» до упомянутой выше эндогlossной рамки и превратился в язык главным образом старшего поколения. Как и в штате Пенсильвания, язык потомков немецких переселенцев в Австралии второй половины XX в. подвергся значительному смешению с английским языком, симптомами которого стали: присвоение женского рода заимствованным австрализмам, например: *die car, fence, paddock, yard*; образование глагольных неологизмов на английской основе при помощи заимствованного галльского суффикса *-ier*, ср.: *farmerieren, gärtnerieren*; синтаксическое калькирование, к примеру: *Wenn ich war vierzehn, dann sind wir gegangen zu Hamilton* (по аналогии с *When I was 14, then we went to Hamilton*) (CLYNE 2001: 385). Усиливающаяся англизация усугублялась отсутствием единого центра консолидации немецких диалектов, характеризовавшихся и без того высокой гетерогенностью в силу различных отправных пунктов эмиграции. Пресловутая дисперсия немецкой языковой материи, доставшаяся австралийским диалектам немецких переселенцев от материнского континента, усилилась появлением изрядного числа территориальных дублетов, распространенных на различных и порой разрозненных территориях Южной Австралии; ср.: *gumbaum* (Гаррингтон и Виктория) vs. *gummibaum* (Гандорф и долина Баросса); *grosskind* (Гаррингтон) vs. *enkel* (долина Баросса); *'ne car fahren* (долина Баросса) vs. *'ne car treiben* (Гаррингтон). Присущие всем диа-

лектам немецкого языка колебание грамматического рода (*der krick, die kricke* для английского слова *creek*) и тенденция к консерватизму (ср. использование архаизма *luftschiff* вместо *aeroplane*) еще больше расширили амплитуду вариативности. Следует подчеркнуть, что решающую роль в изучении и понимании процессов, влияющих на распространение и использование немецкого языка, играют переписи населения. Согласно данным переписи 1996 г., немецкий язык в Австралии конца XX в. использовали 98.210 жителей, 80% из которых родились за пределами континента. Наибольшее количество австралийских немцев в тот период проживало в Мельбурне (21.772 человека) и Сиднее (19.663 человека), а в качестве одного из распространенных сфер использования немецкого языка респондентами указывалась внутрисемейная коммуникация, что подтверждает тезис о его преимущественно эндогlossном функционировании.

3.3. Бразилия

В начале XIX в. центром немецкой эмиграции в Латинской Америке становится Бразилия. Король Жоао VI наделил в 1818 г. немецких католических крестьян из Рейнской области и Швейцарии территорией в районе Байя, а также санкционировал основание поселения Новый Фрайбург недалеко от Рио-де-Жанейро в 1820 г. (ТОСК 1994: 3). Менее чем за полвека немецкой колонизации Бразилии, протекавшей в две волны с 1824 по 1847 гг. и с 1872 по 1879 гг. численность переселенцев увеличилась более чем в пять раз (с 8.176 до 42.024 человек) (MAUCH 1994: 165), а к 1888 г. — еще до 92.000 человек (INSEL 2011: 46). Районы проживания первых немецких колонистов отличались пестрым диалектным разнообразием. В то время как носители западносреднегерманских диалектов селились в юго-восточной части Бразилии, носители нижнегерманского диалекта (померанцы) осваивали ее северо-западные территории. Остальная часть заселялась эмигрантами из разных регионов Богемии (позднее Австрийской империи) и примыкающей к ней Силезии (AUER 2005: 64). Такой диалектный синкретизм постепенно преодолевается путем консолидации общего регионалекта, объединившего в себе особенности рейнско-франкского и мозельско-франкского диалектов и первоначально распространенного в западногерманской области Хунсрюк (*Hunsrück-Gebiet*) (MEYER 2014: 44). Тем не менее, оставаясь языком переселенческого

меньшинства, Хунсрюкский регионолект (Hunsrückisch) подвергся значительному влиянию со стороны португальского, пользующегося статусом государственного языка Бразилии. В результате тесного языкового контакта с экспонентом языковой ситуации образуется целый лузо-германский адстрат, состоящий преимущественно из онемеченных португализмов, ср.: *bodega* → *die Putega*, *caneleira* → *der Kanelepaum*, *carroça* → *die Karose*, *churrasco* → *die Schuraske*, *gato* → *der Kato*, *sabonete* → *der Saboned* (SPINASSÉ 2008: 122; WILLEMS 1980: 198–214). 30-е гг. XX в. характеризуются резким изменением языковой ситуации в Бразилии после вступления в должность президента Ж. Варгаса, избравшего курс планомерной национализации внутренней политики, результатом которой стало масштабное притеснение немецкоязычного меньшинства, в целом, и немецкого языка, в частности; эскалация насилия и политические репрессии в отношении немецких переселенцев; ликвидация всех бразильских газет, выпускавшихся на немецком языке; закрытие школ, занятия в которых велись на немецком языке, и их переориентация исключительно на лузофонию (INSEL 2011: 52–56). Таким образом, ко второй половине XX в. в немецких поселениях Бразилии сложилась и упрочилась эндогlossная динамика функционирования Хунсрюкского регионолекта, во многом схожая с пенсильванским и австралийским сценариями эволюции немецких переселенческих диалектов. Признаками его эндогlossного функционирования являются: повсеместный лузо-германский билингвизм в семьях потомков немецких эмигрантов, использование немецкого языка преимущественно представителями старшего поколения и процессы креолизации подрастающего поколения, практикующего постепенный отказ от своего исторического идиома (CYBULLA 1993: 242).

3.4. Намибия

Немецкий «след» на территории Юго-Западной Африки берет свое начало в первой половине XIX в. и связан с именем представителя Рейнского миссионерского общества Г. К. Кнудсена, основавшего в 1842 г. первую миссионерскую станцию в Бетании (RANDÁKOVÁ 2009: 17). С. В. Буталий дает географическую сводку расселения данных представителей рейнского миссионерского общества с указанием мест основания ими миссионерских станций в различных районах: Г. Шепшман — Герреро, Ройбанк, Уолфиш-

Бей; И. Рат — Отжимбингве на реке Свакоп; Г. Хан и Г. Кляйншмидт — Отжиканго (БУТАЛИЙ 2008: 80). Одним из важнейших факторов распространения немецкого языка на территории Юго-Западной Африки можно считать политику Германской колониальной империи в сфере образования, результатом которой стало повсеместное насаждение немецкого языка в африканских школах (ВАКЕР 2011: 13). Позиции немецкого языка в Намибии во время немецкого протектората, действие которого продолжалось с 1884 по 1915 гг., заметно укрепились не только в области образования, но также и в производственной сфере. В поселениях и районах миссионерских станций с доминирующим числом немецкого населения немецкий язык использовался в цехах и мастерских зачастую как единственное средство общения. Стремясь расширить коммуникативный радиус немецкого языка среди коренного населения Намибии в различных сферах общественной деятельности, немецкие колонизаторы препятствовали распространению капско-голландского языка (африкаанса) в качестве *lingua franca* на исконных территориях племен Орлам, Нама и Бастер (ONLY 1987: 15).

Однако в начале XX в. распространение немецкого языка в Намибии существенно замедлилось в силу начавшейся в 1915 г. по приказу Британской империи вторжения войск Южной Африки в Намибию. Утверждение африкаанса (языка буров) и английского языка в статусе основных средств коммуникации заметно ослабило позиции немецкого языка и вытеснило его из большинства государственных школ, в которых немецкоязычные ученики составляли большинство белого населения, в частные и приходские школы (ELLIS 1984: 20). Упадок немецкого языка продолжился и после установления окончательного протектората Южной Африкой над Намибией. Одной из причин этого процесса является обретение в 1925 г. африкаансом и английским языками статуса официальных языков Намибии (ONLY 1987: 20). Потеря немецким статуса официального языка Намибии на фоне событий Второй мировой войны сказалась на коммуникативной мощности немецкого языка в Африке в первой трети XX в., однако уже в 50–60-х гг. ушедшего столетия можно наблюдать интенсивный языковой контакт намибийского варианта немецкого языка с окружающими его идиомами. Так, его словарный репертуар пополнился заимствованиями из аф-

рикаанса (klip — die Klippe, pad — die Pad, rivier — das Rivier), английского языка (die Lorry — lorry, donkey — der Donky, petrol — das Petrol), а также из коренных языков племен Герепо и Нама (Mariva — Geld, Muhonge — Missionar, Omeva — Wasser) (Nöckler 1963: 36–78). Однако главной причиной ослабления позиций немецкого языка в Намибии второй половины XX в. является провозглашение независимости данной африканской страны. Несмотря на то, что в принятой конституции регламентируется использование в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти языков, имеющих официальный статус (африкаанс и немецкий язык), в подразделе 3.1 английский язык провозглашен единственным официальным языком Намибии (NAMIBIAN CONSTITUTION 1990: 3). Таким образом, эндогlossный характер функционирования немецкого идиома в Намибии заложен фактически на законодательном уровне. Сопутствующим обстоятельством потери немецким языком прежнего статуса выступает усиление влияния африкаанса, ставшего ключом к социально-экономическому росту Намибии благодаря его широкому использованию в сферах государственного управления, торговли, промышленности, начального и среднего образования (PÜTZ 1992: 296).

3.5. Россия и Советский Союз

Вторая половина XVIII в. характеризуется смещением вектора переселения многочисленных групп носителей немецкого языка и культуры в сторону евроазиатского направления. Причиной этого можно считать целый ряд привилегий, которые даровались первым немецким колонистам императрицей Екатериной II в Пригласительном манифесте от 22.07.1763. Значительная часть немцев, переселившихся на Волгу в 1764/1767 гг. общей численностью 23.000 человека, являлись выходцами из Рейнской области, Вюртемберга, Гессена, Пфальца и в меньшей степени из других немецкоязычных регионов, как Эльзас, Лотарингия и Швейцария, а также из Нидерландов и Швеции (STUMPP 1974: 23). В 1764 г. первая партия немецких переселенцев прибыла в Поволжье и основала первые колонии, собирательно обозначаемые луговыми и горными. К луговым относились Подстепная (Розенхайм), Вольская и Привальная (Варенбург); в горные колонии входили Сосновка (Шиллинг), Усть-Кулалинка (Галка) и Лесной Карамыш (Гримм) (BAUER 1908: 21).

Спустя всего 10 лет после издания манифеста в Поволжье было основано более ста колоний немцев с населением более 32.000 человек (ЖИРМУНСКИЙ 1933: 89), а в конце XVIII в., согласно ревизии 1796 г., их численность составляла уже 237.000 человек (13-е место в Российской империи и 0,3% всего населения) (ДИЗЕНДОРФ 1999: 683). Большинство немецкоязычных ремесленников и крестьян в первых волжских колониях второй половины XVIII в. были носителями восточно-средненемецкого диалекта (*Ostmitteldeutsch*) — одного из четырех вариантов немецкого литературного языка (MOSER 1969: 151). Ведущая роль в его распространении принадлежит виттенбергскому теологу и реформатору М. Лютеру, осуществлявшему свою переводческую и миссионерскую деятельность с опорой на данный диалект. К концу XIX в. численность поволжских немцев, по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г., увеличилась почти в 10 раз (до 407.500 человек), а к моменту упразднения Республики Немцев Поволжья (АССРНП) 28.08.1941 — до 606.000 человек (ШПАК 2005). Расформирование АССРНП и последовавшая за этим депортация немцев в тыловую часть СССР внесли значительные изменения в географию их расселения: средоточиями колоний немецких переселенцев стали Западная Сибирь (Омская, Томская, Новосибирская области, Алтайский край) и Казахская ССР (Целиноградская, Павлодарская, Карагандинская, Кустанайская и др. области). Однако если депортация немцев в Сибирь способствовала укреплению роли общего наддиалектного средства общения на восточно-средненемецкой основе (например, алыт-урбахского диалекта), то насильственное перемещение поволжских немцев в Казахскую ССР обернулось разрушением их единого этноязыкового ядра в результате размежевания исторически сложившейся общности говорящих. Безусловно, положение депортированных не способствовало созданию привилегий для их диалектов на законодательном уровне. Ситуация усугублялась высокой гибридностью переселенческих говоров, образовавшихся путем скрещивания нижне- и верхненемецких, среднефранкских и рейнско-франкских диалектов (ДУЛЬЗОН 1941: 82). В русле политики укрупнения коллективных хозяйств и ликвидации малых деревень средством междиалектного взаимодействия немцев в новых колониях стал русский язык. Тенденциозно усиливающийся русско-немецкий

билингвизм и постепенное обрусение потомков немецких переселенцев закрепили за немецким языком статус неофициального, внутрисемейного, т. е. эндогlossного средства общения, а продолжительные волны эмиграции на историческую родину в эпоху Перестройки стали предпосылкой для массового перехода к русскому языку как преобладающему идиому государственного уровня (МОСКАЛЮК 2012: 276). Сами диалекты в русскоязычном окружении вобрали в себя изрядное количество русизмов, зачастую подменяющих исконно немецкие обозначения, ср.: [vysof] 'вызов', [dɛjarkə] 'доярка' [kəznɛts] 'кузнец' (БАЙКОВА 2012: 18).

4. Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие наиболее существенные выводы.

1. Синхронное состояние немецких переселенческих диалектов в местах компактного проживания потомков немецкоязычных эмигрантов характеризуется высокой степенью эрозии, предваряющей языковую инволюцию, главным признаком которой следует признать непреодолимый этнокультурный разрыв между укладом жизни потомков-креолов, говорящих главным образом на автохтонном металекте (местном языке) в качестве L1 (основного средства общения), и представителей старшего поколения, у которых еще диагностируется билингвизм. Однако и этот билингвизм носит выраженный асимметричный характер: экзогlossный компонент постепенно вытесняет эндогlossный из всех сфер коммуникации.

2. Социолингвистический контраст престижного молодого и консервативного старого обусловлен рядом экстралингвистических факторов, важнейшим из которых является миграция и растущая урбанизация, подвигающая представителей молодого поколения немецкого этноса покинуть сельские районы и искать работу в крупных городах. Значительным катализатором диссоциации языка и культуры представителей немецкого этнического меньшинства, находящегося в условиях иноязычного окружения на различных континентах, является увеличение численности межнациональных браков среди этнических немцев и представителей других национальностей. Негативные тенденции типичны также для набирающего обороты языкового сдвига, отражающего переход от распространенного на исследуемых

территориях вариантов немецкого языка в сторону идиомов, имеющих государственный статус и используемых большинством населения (Казахстан — казахский и русский, Россия — русский, Соединенные Штаты Америки, Австралия, Намибия — английский, Бразилия — португальский).

3. Подавляющее большинство экспортированных немецких диалектов относятся к началу нововерхненемецкого периода (XVII в.) и несут отпечаток давно отживших языковых норм. Их использование в эмигрантских колониях по всему миру обеспечило им достаточно продолжительную консервацию, однако навсегда отрезало от основного (материнского) германского континуума. Метафорически их можно изобразить в виде оборванных ветвей, полностью лишенных «подпитки соками» самого языкового дерева. Единственная перспектива их сохранения, — исключаящая, к сожалению, всякую ревитализацию, — видится в последовательном смешении и переходе в более престижные и коммуникативно мощные идиомы в форме заимствованных адстратов. В этой связи эндоглоссия представляется не столько губительным горнилом языковой эволюции, сколько шансом естественной трансформации, свободной от тягостных идей этно-национального консерватизма, противоречащих самой сути эволюции.

Таким образом, можно констатировать подтверждение общей гипотезы исследования о неизбежности исчезновения описанных диалектов в рассмотренных местах эмиграции их носителей. Эндоглоссия выступила предвестником грядущей инволюции во всех островных зонах распространения немецких диалектов, история которых не только обогатила социолингвистический атлас мира, но и позволила по-новому взглянуть на процессы распространения и эволюции языков.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Ауман В. А., Чеботарева В. Г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. [Auman, Vladimir A., & Chebotareva, Valentina G. (1993) *Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.)* (History of Russian Germans in Documents (1763–1992)). Moscow: International Institute of Humanitarian Programs. (In Russian)].
- Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового

- острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): автореф. дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2012. [Baykova, Olga V. (2012) *Funktsionirovaniye nemetskikh dialektov v usloviyakh mezh- i vnutriyazykovogo vzaimodeystviya v ramkakh yazykovogo ostrova (teoreticheskiye problemy i polevyye issledovaniya v Kirovskoy oblasti)* (Functioning of German Dialects in the Conditions of inter- and intra-linguistic Interaction within the Language Island (Theoretical Problems and Field Research in the Kirov Region)). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University. (In Russian)].
- Буталий С. В. Деятельность немецких христианских миссий в Юго-Западной Африке и трансформация местных обществ (1842–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82/1. С. 78–84. [Butaliy, Sergey V. (2008) The Activities of German Christian Missions in South-West Africa and Transformation of Local Societies (1842–1914). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* (Izvestiya of Herzen Russian State Pedagogical University), 82/1, 78–84. (In Russian)].
- Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1994. [German, Arkadiy A. (1994) *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941. Chast' 2. Avtonomnaya respublika* (German Autonomy on the Volga. 1918–1941. Part 2. Autonomous Republic). Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Дизендорф В. Ф. Демографические процессы // Немцы России: энциклопедия. Т. 1. А-И / ред. В. Карев. М.: ЭРН, 1999. С. 682–690. [Diesendorf, Viktor F. (1999) Demograficheskiye protsessy (Demographic Processes). In Karev, V. (ed.) *Nemtsy Rossii: entsiklopediya* (Germans of Russia: an Encyclopedia). Vol. 1. Moscow: ERN, 682–690. (In Russian)].
- Дульзон А. П. Проблема скрещения диалектов на материале языка немцев Поволжья // Изв. Акад. Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 3. С. 82–96. [Dulzon, Andrey P. (1941) Problema skreshcheniya dialektov na materiale yazyka nemtsev Povolzhya (The Problem of Crossing Dialects based on the Volga Germans' Language). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Branch of Literature and Language], 3, 82–96. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // СЭ. 1933. № 2.

С. 84—112. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1933) Itogi i zadachi dialektologicheskogo i etnograficheskogo izucheniya nemetskikh poseleniy SSSR (Results and Tasks of Dialectological and Ethnographic Study of German Settlements in the USSR). *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 2, 84—112. (In Russian)].

Кобенко Ю. В., Костомаров П. И. К вопросу инволюции немецкоязычных страт российских немцев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1. С. 76—83. [Kobenko, Yuriy V., & Kostomarov, Pyotr I. (2018) K voprosu involutsii nemetskoazychnyh strat rossiyskikh nemtsev (To the question of the Involution of the German spoken Forms of Russian Germans). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 1, 76—83. (In Russian)]. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-1-76-83.

Кубицкая О. А. Немцы России: энциклопедия: в 3 т. Т. 3: П-Я. М.: ЭНР, 2006. [Kubitskaya, Olga A. (ed.) (2006) *Nemtsy Rossii: entsiklopediya* (Germans of Russia: an Encyclopedia). Vol. 3. Moscow: ERN. (In Russian)].

Москалюк Л. И. Процессы сохранения/утраты родного языка российских немцев // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 275—277. [Moskalyuk, Larisa I. (2012) Protssesy sokhraneniya/utratty rodnogo yazyka rossiyskikh nemtsev (Processes of Preservation/Loss of Russian Germans' Native Language). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* (World of Science, Culture, Education), 5 (36), 275—277. (In Russian)].

Шпак А. Переписи населения в России и СССР. URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/240>. [Shpak, Aleksandr. *Perepisi naseleniya v Rossii i SSSR* (Population Censuses in Russia and the USSR). Retrieved from <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/240>.

Auer, Peter. (2005) A(nother) scenario for new dialect formation: The German koiné in Rio Grande do Sul. In Melander, Björn. (ed.) *Språk i tid. Studier tillägnade Mats Thelander på 60-årsdagen*. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 57—70.

Baker, Jonathan. (2011) *The Immediate and Long-Term Effects of Namibia's Colonization Process*. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1961/9852>.

Bauer, Gottlieb. (1908) *Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihrer Einwanderung nach Russland bis zur Einführung der allgemeinen Wehrpflicht (1766-1874)*. Saratov: Buchdruckerei "Energie". [2. Aufl.]
Cybulla, Elke. (1993) *Ethnographie des Sprachverhaltens in Alto Bela Vista, Santa Catarina, Brasilien*. Berlin: Freie Universität Berlin.

Die Deutschen in Australien. Retrieved from https://germany.embassy.gov.au/belngerman/Ger_Aus.html.

Ellis, Justin. (1984) *Education, Repression and Liberation: Namibia*. London:

- The Catholic Institute for International Relations.
- Hoyt, Margaret. (2004) *Substratum Language Interference: the Effects of Pennsylvania German on the Syntax of the American English Spoken within Southeastern Pennsylvania*. Swarthmore: Swarthmore College.
- Huffines, Marion Lois. (1980) *Pennsylvania German: Maintenance and Shift*. *International Journal of the Sociology of Language*, 25, 43—57. DOI: 10.1515/ijsl.1980.25.43.
- Insel, Claire Elizabeth. (2011) *Shifting Publics and Shifting Alignments in a Sprachinsel of Southern Brazil*. Tese (Doutorado). Michigan: University of Michigan.
- Jupp, James. (2001) *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins*. Melbourne: Cambridge University Press.
- Kloss, Heinz. (1966) German-American Language Maintenance Efforts. In Fishman, Joshua A., & al. (eds) *Language Loyalty in the United States: The Maintenance and Perpetuation of Non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups*. The Hague: Mouton, 206—252.
- Kopp, Achim. (1993). The matched-guise Technique in Practice: Measuring Language Attitudes within the Pennsylvania German Speech Community. In Salmons, Joseph C. (ed.). *The German language in America, 1683–1991*. Madison (WI): Max Kade Institute for German-American Studies, 264—283.
- Learned, Marion Dexter. (1889) The Pennsylvania German Dialect. *American Journal of Philology*, 10 (3), 288—315.
- Louden, Mark. (2003) An Eighteenth-Century View of Pennsylvania German and its Speakers. In Keel, William D., & Mattheier, Klaus J. (eds) *German Language Varieties worldwide: Internal and External Perspectives*. Frankfurt/M.: Peter Lang, 69—85.
- Mauch, Cláudia, & Vasconcellos, Naira. (1994) *Os Alemães no Sul do Brasil: Cultura, etnicidade e história*. Canoas: Editora da Ulbra.
- Meyer, Martina. (2014) *Phonetisches Training auf Sprachinseln: Möglichkeiten der Lernintegration und -kooperation in bilingualen deutschbrasilianischen Schulgemeinden in Südbrasilien*. Curitiba: Universidade Federal do Paraná; Universität Leipzig.
- Moser, Hugo. (1969) *Deutsche Sprachgeschichte. Mit einer Einführung in die Fragen der Sprachbetrachtung*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. [6. Aufl.]
- Nöckler, Herbert Carl. (1963) *Sprachmischung in Südwestafrika*. München: Hueber.
- Ohly, Rajmund. (1987) The Destabilization of the Herero Language. In *African Studies of the Academy*. Vol. 2. Windhoek: The Academy.
- Page, Eugene R. (1937) English in the Pennsylvania German Area. *American speech*, 12, 203—206.

- Pütz, Martin. (1992) The Present and Future Maintenance of German in the Context of Namibia's Official Language Policy. *Multilingua: A Journal of Cross Cultural and Interlanguage Communication*, 11/3, 293—323. DOI: 10.1515/mult.1992.11.3.293.
- Randáková, Lucie. (2009) *Ehemalige deutsche Kolonien*. Pardubice: Univerzita Pardubice.
- Spinassé, Karen Pupp. (2008) Hunsrückisch no Brasil: a língua como fator histórico da relação entre Brasil e Alemanha. *Espaço Plural*, Ano IX, n. 19, 117—126.
- Strassburger, Ralph Beaver. (1934) *Pennsylvania German Pioneers: a Publication of the Original Lists of Arrivals in the Port of Philadelphia from 1727 to 1808*. Norristown: Pennsylvania German Society.
- Stumpp, Karl. (2004) *Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862*. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. [8. Aufl.]
- The Constitution of the Republic of Namibia. (1990) Windhoek: Ministry of Information and Broadcasting, Directorate Production and Publicity.
- Thiel, Jens. (2012) *Infoblatt: Deutsche Auswanderung nach Amerika im 19. Jahrhundert*. Stuttgart: Ernst Klett Verlag GmbH.
- Tock, David. (1994) *German Immigration and Adaption to Latin America*. Lynchburg: College of Arts and Sciences Spring.
- Willems, Emilio. (1980) *A aculturação dos alemães no Brasil: estudo antropológico dos imigrantes alemães e seus descendentes no Brasil*. 2. Brasília: Cia. Ed. Nacional.

Yuriy V. Kobenko, Pyotr I. Kostomarov
National Research Tomsk Polytechnic University

Endoglossic Tendencies in the Functioning of German Settlers' Dialects in the Intercontinental Perspective (17th — 21st Centuries)

The article deals with a historical and linguistic examination of the language islands as part of compact settlements of German settlers' descendants on the territory of various continents (North and South America, Australia, Africa and Eurasia). The temporal perspective of covering the linguistic and cultural assimilation of German immigrants outside the main linguistic continuum makes it possible to trace the change in linguistic situations in the places of their dispersed residence, which are characterized by a high degree of erosion, anticipating linguistic involution, the main feature of which should be recognized as an insurmountable ethnocultural gap between the way of life of the Creole descendants using mainly the autochthonous metalect (local language) as L1 (the main means of communication), and representatives of the older generation, who are still di-

agnosed with a pronounced asymmetric character of bilingualism. The sociolinguistic contrast between the prestigious young and the conservative old is due to a number of extralinguistic factors, the most important of which are migration and urbanization, an increase in interethnic marriages between ethnic Germans and representatives of other nationalities, as well as a linguistic shift, reflected in the transition from the variants of the German language widespread in the studied territories towards idioms that have state status and are used by the majority of the population. Thus, we can conclude that endoglossic dynamics appeared in German dialects of emigrants, which influenced their weakening and gradual disappearance in the studied countries.

Keywords: endoglossia; exoglossia; involution; dialects of German immigrants; prestigious metalect; communicative power

Для цитирования:

Кобенко Ю. В., Костомаров П. И. Эндогlossные тенденции функционирования диалектов немецких переселенцев в межконтинентальной перспективе (17 — 21 вв.) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 198—216.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-198-216.

To cite this Article:

Kobenko, Yuriy V., & Kostomarov, Pyotr I. (2022) Endoglossnyye tendentsii funktsionirovaniya dialektov nemetskikh pereselentsev v mezhkontinental'noy perspektive (17 — 21 vv.) (Endoglossic Tendencies in the Functioning of German Settlers' Dialects in the Intercontinental Perspective (17th — 21st Centuries)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 198—216. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-198-216.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 28.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

O. A. Kostrowa
Staatliche sozial-pädagogische Universität Samara

THEORETISCHE PROBLEME DER FUNKTIONALEN DIVERSITÄT DER SPRACHE BEI ELISE RIESEL UND IHRE ENTWICKLUNG IN ZEITGENÖSSISCHER GERMANISTIK*

Die stilistische Forschungstradition ist in der russischen Germanistik mit dem Namen Elise Riesels verbunden, deren Ideen mehrfach mit sprachlicher Diversität zusammenhängen. Mit Vergleichsmethode wird gezeigt, dass Begriffe aus Riesels Nachlass in den Arbeiten zeitgenössischer Sprachforscher umformuliert, homogenisiert, erweitert, differenziert bzw. verdeutlicht werden. Sie werden in neuen Textmustern, diversem Sprachgebrauch in verschiedenen kommunikativen Registern, durch neue Analyseprinzipien des künstlerischen Textes entwickelt sowie als Sprachnormen übernommen.

Schlüsselwörter: Kontinuität; Wissenstransfer; Makrostilistik; soziolinguistischer Aspekt; Textinterpretation; Alltagsrede

1. Problemstellung und Forschungsstand

Das heuristische Potential stilistischer Ideen von Elise Riesel ist unerschöpflich. Ihre zahlreichen unmittelbaren Schüler und Nachfolger, aber auch nicht nur sie, wenden sich immer wieder an ihren schöpferischen Nachlass, um ihre eigenen Forschungen zu fundieren. Riesels Verdienste im Bereich der Stilforschung waren mehrmals Gegenstand wissenschaftlicher Symposien und Publikationen. So wurden sie in vielen Zügen während der Jubiläumskonferenz erschlossen, die im Jahre 2006 an der Moskauer linguistischen Universität stattgefunden hat. Die Ergebnisse der Besprechung wurden dann in einem Artikel subsummiert (НОЗДРИНА & ФАДЕЕВА 2007: 242). Riesel wurde ein spezieller Artikel im Sammelband über einheimische Linguisten des 20. Jahrhunderts gewidmet, wo ihr Name in einer Reihe mit anderen hervorragenden Gelehrten steht (ФАДЕЕВА 2017). Riesel gehört ein würdiger Platz als Leiterin von mehreren wissenschaftlichen Schulen an der Moskauer linguistischen Universität. Bloß die Aufzählung

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на заседании Круглого стола «Das heuristische Potenzial der Stilistik von Elise Riesel: zum 115. Geburtstag der hervorragenden Wissenschaftlerin» в рамках Программы XIX съезда РСГ.

von diesen Schulen ist beeindruckend. Das sind: Funktionale Stilistik, Theorie und Praxis linguostilistischer Textinterpretation, Forschung stilistischer Bedeutung und nationaler Varianten deutscher Literatursprache (ФАДЕЕВА 2019a). Jede dieser Schulen hat zahlreiche Nachfolger sowohl in Russland, als auch im Ausland. Es wäre unmöglich, hier alle zu nennen; ich berufe mich lediglich auf eine Äußerung von N. N. Troschina, die mit Recht meint, dass die Ideen von Riesel zu einer Voraussetzung zur Schaffung eines gesamtdeutschen Stilforschungsraums geworden sind (TROSHINA 2013).

Inwieweit die genannten Prinzipien als Grundlage für gegenwärtige stilistische Forschungen gelten, kann man an vielen Stilistiken sehen, die nach Riesels Ableben erschienen sind. So enthalten die Stilbücher von einheimischen Autoren Abschnitte, die der funktionalen Differenzierung der deutschen Sprache gewidmet sind und dabei fünf funktionale Stile beschreiben, die Riesel zum ersten Mal auf die deutsche Sprache angewandt hat. Das sind beispielsweise in den Stilistiken von M. P. Brandes und N. M. Naer offizieller, wissenschaftlicher Stil, Stil der Presse und Publizistik, Stil der Alltagsrede und Stil der schönen Literatur (BRANDES 1990; NAER 2006). Dieses Inventar von funktionalen Stilen ist heute praktisch allgemein anerkannt. Mit dem Erscheinen des Internets entstand das Bedürfnis, seine stilistischen Besonderheiten zu beschreiben, die zwischen Schriftlichkeit und Mündlichkeit stehen und intensiv erforscht werden. In einer der letzten Arbeiten (КАРАСИК 2022: 270–315) werden diese Beziehungen systematisiert.

Die Veränderung von soziokulturellen Bedingungen der neuesten Zeit beeinflusst den Sprachgebrauch, und die Sprachwissenschaftler erweisen sich neuen Herausforderungen ausgeliefert. Diese Veränderung erklärt Barbara Sandig folgenderweise:

„Wir leben in einer Zeit,

— in der sich durch Veränderungen in der Gesellschaft und mithin in unserer Kultur die Textmuster ändern und teilweise an Festlichkeit verlieren [...],

— in der sich die durch Medien vermittelten Texte und Gesprächsmuster unter ständigem Modernisierungs- und Wettbewerbsdruck befinden,

— in der sich immer neue gesellschaftliche Subgruppierungen und damit sozial relevante Stile herausbilden“ (SANDIG 2006: V).

Neue Veränderungen, von denen Sandig schreibt, haben oft eine starke Anziehungskraft, wecken den Wunsch, sie zu erforschen.

Das Problem besteht dabei in einem *Abbruch der linguistischen Tradition*, der einerseits zwischen Generationen der Forscher, andererseits aber zwischen Forschern verschiedener Länder entsteht. Jedes neue Phänomen wurzelt in einem oder in mehreren alten. Wenn die Entwicklungsgeschichte von Begriffen, die diese Phänomene beschreiben, übersehen wird, so entsteht ein Vakuum zwischen den Generationen der Forscher, dessen Überwindung einen Wissenstransfer erfordert (ДЕМЬЯНКОВ 2016: 65). Dieses Vakuum entsteht auch zwischen linguistischen Schulen, die in verschiedenen Ländern entwickelt werden. In der zu besprechenden Situation vertieft sich das Problem dadurch, dass viele Arbeiten von Riesel, insbesondere ihre Artikel, heute unzugänglich sind. Das ist übrigens eine fast allgemeine Situation, die an der Grenze der Internetzeit entstanden ist und sich seit Corona-Pandemie verschärft hat, denn die meist benutzten und zitierten wissenschaftlichen Arbeiten werden aus dem globalen Netz geholt. Wenn die im Internet nicht vorhanden sind, werden sie oft gar nicht beachtet. Daher entsteht, so (ПОСТОВАЛОВА 2016: 58), das Bedürfnis nach einem neuen wissenschaftlichen Bereich — der „Ideografie“, dessen Gegenstand das Leben von Ideen sein kann.

Diesem Bedürfnis entgegenkommend, sehe ich das *Ziel* meines Artikels darin, die Kontinuität der wissenschaftlichen Tradition, die von Riesel geprägt wurde, zu verfolgen bzw. herzustellen. Diese Erbllichkeit kann durch neue Entwicklungen von Riesels Ideen bestätigt werden, die ihrerseits mit Hilfe von speziellen Verfahren nachgewiesen werden können. Das sind Transferverfahren, zu denen in (ПОСТОВАЛОВА 2016: 43–51) *Sinneserweiterung*, *Homogenisierung*, *Umformulierung* und manche anderen Methoden gezählt werden. Diese Verfahren werden im Weiteren anhand von Problemen angewandt, die nicht unbedingt mit Riesels Namen explizit verbunden sind, doch zweifellos diese Verbindung implizieren. Es wird die Veränderung und Neuentstehung von Textmustern, die Entwicklung stilistischer bzw. grammatischer Variierung im Rahmen der kommunikativen Register sowie die Bedeutung der Sprachpersönlichkeit des Autors in einem künstlerischen Werk diskutiert. Darüber hinaus wird kognitiven Ansätzen bei der Textinterpretation und der Überwindung der Kluft zwischen Literaturwissenschaft und Linguistik Aufmerksamkeit geschenkt. Abschließend wird auf die Entwicklung der Sprachnormen hingewiesen, die sich unter dem Einfluss der mündlichen Rede in die Schriftsprache eindringen und auf die Riesel als Merkmale der All-

tagsrede hingewiesen hat.

2. Material und Methodologie der Forschung

Das Material meiner Forschung gründet auf den Büchern von Riesel (1959, 1964, 1974; RIESEL & SCHENDELS 1975). Ihr Schaffen steht deutlich im Zeichen der sprachlichen Diversität, die nicht nur nationale Varietäten des Deutschen voraussetzt (ТРОШИНА 2020), sondern auch für verschiedene Kommunikationsbedingungen relevant ist. So habe ich aus ihren Büchern Probleme ausgewählt, die mit der Syntax, dem Text und der Textinterpretation zusammenhängen. Als erster Schritt gehe ich von den Prinzipien aus, die Riesel selbst folgenderweise formuliert hat.

Das erste Prinzip ist die *Funktionalität von sprachlichen Zeichen*, ohne die die heutige Linguistik nicht zu denken ist. Ein weiteres Prinzip ist die *Komplexität des Ansatzes* (RIESEL & SCHENDELS 1975: 3), welche die Wechselwirkung von verschiedenen sprachlichen Einheiten im Rahmen des Mikro- bzw. Makrotexes voraussetzt. Dieses Prinzip liegt heute nicht nur stilistischen, sondern auch vielen grammatischen Forschungen zugrunde. Noch ein wichtiges Prinzip, das bei Riesel eine führende Rolle spielt, ist die *Berücksichtigung von soziolinguistischen und pragmatischen Aspekten* der Funktionalität (Ibid.: 5–7), was heute als Linguopragmatik entwickelt wird. Um diese Entwicklung zu erklären, kann man zum Begriff der *Homogenisierung* greifen, die in (ПОСТОВАЛОВА 2016: 48) als Konzeptualisierung von ontologischen Phänomenen und theoretischen Ansätzen zu einer Einheit definiert ist. Riesel spricht von ontologischen Phänomenen wie Gesprächssituation bzw. Sprecherabsicht vom theoretischen Standpunkt der Funktionalität aus, was in der inferentiellen Pragmatik zur Theorie der Sprecher-Bedeutung homogenisiert wurde (ROLF 2013). Es werden ein paar Zwischenstationen auf dem Weg zur inferentiellen Pragmatik analysiert (ŽEREBKOV 1988; КОСТРОВА 2004).

Darüber hinaus war Riesel die erste, die der *Alltagsrede* den Status eines besonderen Stils zugewiesen hatte, der eigene Gesetzmäßigkeiten aufweist (RIESEL 1964). Heute sind Forschungen auf diesem Bereich außerordentlich aktuell, sie basieren auf statistischen Daten von speziellen Korpora. Hier geht es um eine *inhaltliche Erweiterung* von Riesels Idee, indem beispielsweise phonetische Transkriptionen der mündlichen Rede, Pausierung usw. gegeben werden.

Im zweiten Schritt wähle ich exemplarisch wissenschaftliche Arbeiten im Bereich der Syntax, der Text- und Diskurslinguistik, die

m. E. auf Riesels Gedankengut basieren, und versuche, die Genesis zu verfolgen. Ich beginne mit Textmustern.

3. Neue und veränderte Textmuster

Das Problem des Textes als Ganzes gehört zu der Makrostilistik, deren Aufgabe Riesel und Schendels in der „Erforschung des Stils als *Komplexerscheinung* und *Organisationsprinzip* von *Ganzheitsstrukturen*“¹ (RIESEL & SCHENDELS 1975: 12) sehen. Die Komplexerscheinung wird als eine Einheit von lexikalischer, grammatischer und phonetischer Ebenen verstanden, wobei die kommunikativen Bereiche des Gesellschaftsverkehrs inbegriffen sind (Ibid.). Bei der praktischen Textinterpretation bleibt Riesel im Großen und Ganzen im kommunikativen Bereich der literarischen Texte, als Komplexerscheinungen werden da ihre Genres wie politische und soziale Lyrik und epische Kurzprosa charakterisiert (RIESEL 1974). Doch ist für Riesel und Schendels die gesellschaftswissenschaftliche Grundlage der Kommunikationsakte in sämtlichen Kommunikationsbereichen wichtig, was die „Beziehungen zwischen Mitteilungsabsicht des Senders und deren Wirkung auf den Empfänger“ voraussetzt (RIESEL & SCHENDELS 1975: 8). Dieser Ansatz wurde als „tätigkeitsbezogene Stilistik“ in die Theorie der Textsorten / Textmuster umformuliert, beispielsweise in (SANDIG 2006: 5).

Die Berücksichtigung der kommunikativen Bereiche des Gesellschaftsverkehrs führt auch zur Herausbildung von neuen Textmustern im Zeichen gesellschaftlicher Subgruppierungen bzw. zu veränderten Funktionen von alten Textmustern. Diese Veränderungen zeigt beispielsweise U. Fix, indem sie die Kommunikationskultur im institutionellen Sprachgebrauch der DDR analysiert. Technologisch gesehen, erlebt hier Riesels Begriff der territorialen Verschiedenheiten zwischen der deutschen Sprache der DDR und der Bundesrepublik Deutschland eine *Sinneserweiterung*, indem der Sprachgebrauch des Deutschen nicht nur auf die lexikalische und intonatorische Ebene wie in (RIESEL 1964: 7–11), sondern auch auf die konzeptuelle Kommunikationssphäre bezogen wird. In der DDR wurde auf moralisierende Sprüche Wert gelegt, die auch für den praktischen Gebrauch im Alltagsleben in gereimter Form verwendet wurden. So wurde die alte Form von gereimten Sprichwörtern für konkrete Ziele benutzt. Man konnte zum Beispiel in den sechziger Jahren in Leipziger Straßenbahnen lesen:

¹ halbfett im Original — O. K.

„Ich bin ein schaffnerloser Wagen,
Betrittst du mich, so präg Dir ein:
Willst du nicht 5. — extra zahlen,
dein Fahrausweis muss gültig sein“ (FIX 2011: 218).

Ein anderes Beispiel der sprachlichen Begleitung eines gesellschaftlichen Umbruchs stellen politische Textsorten dar. So wird die Textsorte *objektivierender Bericht* politisch funktionalisiert, was deutlich in den Leitartikeln der Zeitung „Neues Deutschland“ zu beobachten ist. Wenn auch diese Artikel der Form nach der Textsorte *Bericht* entsprechen, ist dieser Bericht doch ideologisch geprägt, was zu einem Sprachhandlungswandel und somit zu Musterwandel führt. Diese Abart des Berichts nennt G. Hoffmann „einen ideologischhaltigen journalistischen Bericht“ (HOFFMANN 2010: 228).

Der Musterwandel von Textsorten findet also bei ihrer Anpassung an die gesellschaftlichen Bedingungen statt. Die Grundtextsorte wird für Invariant gehalten und ihre Abarten gelten dann als Subgenres. Beispiele dafür wären neue sozial relevante Subgenres „Mitteilung über das Verbrechen“ oder „Privatbrief eines Intellektuellen“, die in (ГРИШАЕВА 2020) beschrieben sind. Die Autorin setzt sich mit dem Problem des Texttypus auseinander und zeigt, dass dieser Typus von den Kommunikationsbedingungen abhängt. L. A. Nefedova bemerkt mit Recht, dass hier zum ersten Mal der Text als Invariante betrachtet wird, die variiert werden kann (НЕФЕДОВА 2020: 504). Hier geht es also um eine *Differenzierung* des Begriffs Text als einer relativ geschlossenen strukturierten Aussage, „die den vom Sender geplanten Kommunikationsinhalt im Bewusstsein des Empfängers komplex widerspiegelt“ (RIESEL 1974: 5).

Wenn wir das bekannte Prinzip *Funktionalität von sprachlichen Zeichen*, das für Riesel grundlegend war, in Betracht ziehen, so gilt dieses Prinzip in der Gegenwartsgermanistik fast durchgehend auch als Forschungsgrundlage. Dabei gibt es bis jetzt viele ungelöste Fragen, die mit Typologisierung von Texten verbunden sind. Es geht nicht nur um die immer neu entstehenden Textsorten bzw. ihre Abarten, sondern auch um die Verhältnisse zwischen Text — Stil — Diskurs bzw. Text — Teiltex — Textsortennetz; vgl.: (ADAMZIK 2011).

Neue Textmuster entstehen auch dank dem neuen Informationskanal — dem Internet, das Websites, Blogs u. a. m. ins Leben gerufen hat.

4. Sprachgebrauch in kommunikativen Registern

Wenn der soziale Aspekt im Funktionieren der Sprachzeichen berücksichtigt wird, kommt man auf die Sprechakte. Riesel hat diesen Begriff als eine der ersten für die praktische Analyse der Mitteilungen in der Alltagsrede verwendet (RIESEL 1964). V. A. Žerebkov geht einen Schritt weiter, indem er den Begriff des Sprechaktes im Rahmen des funktionalen Stils betrachtet und auf solche Weise mit dem operativen Register verbindet. Hier gilt die *Umformulierung* als Transfermethode, denn Riesels Konzeption wird in ein anderes weiteres Begriffssystem übergeführt und in einer neuen Terminologie dargeboten. Žerebkov unterscheidet zwei operative Register: Das konsituative und das dissituative. Das konsituative Register umfasst die Sprechakte, die in der face-to-face Kommunikation stattfinden. Die textuelle Darstellung entsteht im dissituativen Register, wenn der Autor keinen unmittelbaren Kontakt mit den Rezipienten seines Textes hat, die er sich nur als potentielle Leser bzw. Hörer vorstellen kann (ŽEREBKOV 1988: 70–76). In der Alltagsrede kommuniziert man konsituativ, die Kommunizierenden befinden sich in einer realen Situation, wo sie oft von deiktischen Mitteln Gebrauch machen. Es entsteht ein spezifischer Raum — der Raum der unmittelbaren Kommunikation, der auf eine spezifische Art in der Autorenrede beschrieben wird (АДОЕВСКАЯ 2009).

Die Berücksichtigung von kommunikativen Registern erlaubt es, expressive syntaktische Mittel in verschiedenen diskursiven Formen zu systematisieren. So wurden prototypische syntaktische Strukturen (Wortgruppen, einfache und komplexe Sätze und transphrastische Einheiten) für konsituatives und dissituatives Register festgehalten (Кострова 2004). Es erfolgt eine neue *Differenzierung* von Riesels komplexem Ansatz, die auf die syntaktische Sphäre beschränkt ist. Die Differenzierung wird operativ definiert und in diesem Sinne wird dabei Riesels Kontextbegriff bis zum Kommunikationsregister *erweitert*. Im dissituativen Register operierend, kann der Autor auch konsituative Einschübe verwenden, wenn er beispielsweise den Dialog der handelnden Personen modelliert bzw. ihre Gedanken wiedergibt. Der Autorentext ist also in modaler Hinsicht nicht einheitlich. Es gibt objektivierte Textstellen, wo der Autor dissituativ verfährt, und es gibt personal gefärbte Textstellen, wo sich der Autor in die face-to-face Situation versetzt und konsituative Kommunikation modelliert. Hier werden verschiedene von Riesel und Schendels beschriebene Übergangsformen der Rededarstellung (RIESEL & SCHENDELS 1975: 282–

287) verallgemeinert *umformuliert*.

5. Kognitive und kulturwissenschaftliche Aspekte des Textes

Riesel hat viel Aufmerksamkeit dem Stil der schönen Literatur geschenkt. Bei der Interpretation künstlerischer Texte kritisiert sie das Verfahren, bei dem das „Nebeneinanderstellen literarischer und literaturwissenschaftlicher Fakten“ bloß registriert wird, da „dazwischen eine Kluft“ entsteht (RIESEL 1974: 19). Bei diesem Ansatz erweisen sich sprachliche Mittel „losgerissen von ihrer funktionalen Verwendung“ (Ibid.). Die Überwindung dieser Kluft sehen wir darin, dass die Textinterpretation als kognitive Aktivität verstanden wird. Die kognitive Aktivität betrachtet N. N. Boldyrev allgemein im Zusammenhang mit der anthropologischen Funktion der Sprache, welche mit Struktur der Persönlichkeit koordiniert, sich auf kollektive Wissensframes stützt und an dem konzeptuellen System der Persönlichkeit orientiert (БОЛДЫРЕВ 2015: 8). Wir entwickeln diese These in Bezug auf den Text anhand des Begriffs der Sprachpersönlichkeit des Autors (КОСТРОВА и др. 2021). Der Autor eines künstlerischen Textes vertritt in seinem Text die Epoche, die Kultur und die Mentalität, in der er aufgewachsen ist. So bringt er in den Text unwillkürlich (oder auch bewusst) Konzepte mit, die er sich seit seiner Kindheit angeeignet hat. Diese Konzepte sind aber nicht auf der Oberfläche des Textes vertreten, sondern sind da als Präsuppositionen impliziert. G. M. Fadejeva bemerkt mit Recht, dass für Riesel die Herausfindung von Präsuppositionen ein unentbehrlicher Bestandteil der komplexen Textinterpretation war (ФАДЕЕВА 2019b: 109, 115). Bei der Erschließung der im Text implizierten Präsuppositionen gehen wir einen Schritt weiter, indem wir diese auf die Schlüsselkonzepten der deutschen Kultur zurückführen. Der Autor interpretiert in seinem Werk die Welt abhängig davon, wie seine soziokulturellen Erfahrungen sind (БОЛДЫРЕВ 2015: 9). Der Autor als Individuum bearbeitet sie im Text künstlerisch. Es entstehen künstlerische Konzepte. Hier geht es um eine Verdeutlichung der soziolinguistischen und soziokulturellen Aspekte, die bei Riesels Textinterpretation eine große Rolle spielen.

Darüber hinaus bringt der Autor in seinen Text Themen mit, die für seine Zeit und für ihn persönlich aktuell waren und sind. In diesem Sinne ist er nicht nur eine „zentrale literar- und stiltheoretische Kategorie des Dichtwerkes“ (RIESEL 1974: 140–141), sondern auch u. E. (hier im Unterschied zu Riesel) eine historische Persönlichkeit, die

implizite Präsuppositionen der Weltkenntnis seiner Zeit in den Text miteinschließt (КОСТРОВА и др. 2021). Dadurch entsteht eine tiefe Ebene der Textinterpretation — der Untertext. Somit untermauert die Kategorie der Sprachpersönlichkeit des Autors linguistisch die literaturwissenschaftliche Kategorie *Gestalt des Dichters*. Auf solche Weise wird, wie wir hoffen, Riesels Desiderat von Überwindung der Kluft zwischen literaturwissenschaftlichen und linguistischen Kategorien Rechnung getragen.

Als Beispiel eines solchen impliziten Konzepts kann man PÜNKTlichkeit anführen, die vom Schlüsselkonzept der deutschen Kultur ORDNUNG abgeleitet ist (МЕДВЕДЕВА и др. 2011). Dieses Konzept ist konsequent in Heinrich Bölls Roman *Gruppenbild mit Dame* präsent. Die Anwesenheit dieses Konzepts fühlt der Leser (insbesondere, wenn er kein Muttersprachler des Deutschen ist), wenn Böll ihn mit Romanfiguren bekannt macht. Da gibt er sehr genau ihre Charakteristiken an — wie hoch sie sind, was ihr Gewicht, ihre Haar- und Augenfarbe ist, wie sie sich zu kleiden pflegen, wie ihre Wohnung ist, usw. Das ist vielleicht ein spezielles stilistisches Mittel, das Böll möglicherweise absichtlich satirisch verwendet, doch ist dieses Mittel in der deutschen Kultur verankert. Vgl. Sie, wie der Autor die Hauptfigur des Romans Leni Pfeifer einführt:

- (1) „Weibliche Trägerin der Handlung in der ersten Abteilung ist eine Frau von achtundvierzig Jahren, Deutsche; sie ist 1,71 groß, wiegt 68,8 kg (in Hauskleidung), liegt also nur etwa 300-400 Gramm unter dem Idealgewicht; sie hat zwischen Dunkelblau und Schwarz changierende Augen, leicht ergrautes, sehr dichtes blondes Haar, das lose herabhängt; glatt, helmartig umgibt es ihren Kopf.“ (BÖLL 1971).

Die Darbietungsform der Beschreibung, die Böll verwendet, ist durch die konzeptuelle Präsupposition PÜNKTlichkeit durchdrungen (КОСТРОВА и др. 2021: 112). Zu der historischen Präsupposition, die den Autor als Sprachpersönlichkeit einer bestimmten Zeit charakterisiert, zählen wir die Themenwahl des Romans, die zur Erörterung des Leitmotivs der deutschen Literatur der Nachkriegszeit — der Überwindung des Schuldgefühls — einen Beitrag leistet. Dieser Untertext entsteht nicht zuletzt dadurch, dass die Romanfiguren so ausführlich menschlich dargestellt werden.

6. Normenvereinfachung im Sprachgebrauch

Die funktionale Diversität des Deutschen zeigt Riesel anhand der Alltagsrede, wo sie einige Tendenzen festhält, die heute beinahe

zu Sprachnormen werden. Eine Tendenz besteht darin, dass die Genitivendung der Substantive der starken Deklination weggelassen wird (RIESEL 1964: 153). Heute finden wir im neuen Wörterbuch der Dudenredaktion eine neue Sprachnorm: es wird empfohlen das Wort *Deutsch* im Genitiv ohne Endung zu gebrauchen, also die Form *des Deutsch* für eine Sprachnorm zu halten. Eine andere Tendenz besteht darin, dass in der mündlichen Rede Adverbien als Adjektive in deklinierter Form gebraucht werden nach dem Typus *ein weher Finger* (Ibid.: 152). Heute finden wir solche Formen schriftlich in der Presse, aber auch in der Belletristik. Vgl.:

- (2) *Kaltwasser ist <...> der Einzige, der einen okayen Unterricht macht* (HERRNDORF 2012).
- (3) *Eigentlich eine ganz okaye Lüge...* (Ibid.).

L. Weitkamp leitet für solche Fälle eine Hypothese ab:

„Neue Adjektive entstehen im Deutschen (immer) in der prädikativen Position (durch Entlehnung aus anderen Sprachen oder durch Konversion aus einer anderen Wortart) und können nach und nach auch in weiteren adjektivtypischen Umgebungen auftreten“ (WEITKAMP 2021: 5).

Als Beispiel führt sie Substandardformen an: *die zue Tür, die groß genuge Gruppe* (Ibid.). Dass dieser Gebrauch in schriftlichen Texten erscheint, zeugt wohl davon, dass hier eine Entwicklung vorliegt.

7. Fazit

Die oben skizzierten Überlegungen können folgenderweise zusammengefasst werden. Das konzeptuelle System von Riesel umfasst allgemein stilistische, grammatische, soziolinguistische und textinterpretierende Aspekte, die als Fundament der gegenwärtigen Stilistik, der expressiven Grammatikforschung und der Forschung der Sprachvarietät gelten und darüber hinaus in der kognitiven und kulturwissenschaftlichen Linguistik weiterentwickelt werden. Die Forschung der Alltagsrede, die für Riesel ein eigenartiger funktionaler Stil war, wird heute anhand der Korpora durchgeführt, was ihre Objektivität erhöht. Linguistische Pragmatik, die Riesel als pragmatische Funktion der Sprache erwähnt hat, hat sich als selbständiger Zweig der Sprachkunde etabliert.

Hier sind sicher nicht alle Seiten des wissenschaftlichen Nachlasses von Riesel umfasst. Wir konnten hier nicht über sie Kategorie der stilistischen Bedeutung, über den stilistischen Wert der Lexik, Phonetik und Metaphorik sprechen, die einen würdigen Platz in

Riesels Büchern einnehmen. Außer Acht sind auch nationale Varianten des Deutschen geblieben. Doch auch das Gesagte genügt, den unumgänglichen Wert ihrer schöpferischen Ideen zu schätzen.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Адоевская О. В.* Пространство непосредственной коммуникации и его глагольная организация в современном немецком языке. Самара: Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, 2009. [Adoevskaya, Olga V. (2009) *Prostranstvo neposredstvennoy kommunikatsii i ego glagol'naya organizatsiya v sovremennom nemetskom yazyke* (The Space of face-to-face Communication and its Verbal Organization). Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5—12. [Boldyrev, Nikolay N. (2015) *Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitсах i kategori-yakh* (Anthropocentric Entity of the Language in its Functions, Units and Categories). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 5—12. (In Russian)].
- Брандес М. П.* Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004. [Brandes, Margarita P. (2004) *Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs* (Text Stylistics. Theoretical Course). Moscow: Progress-Tradicija; Infra-M. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука; Юнипресс, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Var'irovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka; Unipress. (In Russian)].
- Демьянков В. З.* Языковые техники трансфера знаний // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 61—85. [Dem'yankov, Valeriy Z. (2016) *Yazykovye tekhniki transfera znaniy* (Language Techniques of Knowledge Transfer). In Feshchenko, Vladimir V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* (Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 61—85. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Языковая лестница познания. М.: Институт русского языка, 2022. [Karasik, Vladimir I. (2022) *Yazykovaya lestnitsa poznaniya* (Language Stairs of Cognition). Moscow: Institute of the Russian Language. (In Russian)].
- Кострова О. А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта; Московский психолого-социальный ин-т, 2004. [Kostrova, Olga A. (2004) *Ekspressivnyy sintaksis sovremennogo ne-*

- metskogo yazyka* (Expressive Syntax of Contemporary German). Moscow: Flinta; Moscow Psychological and Social Institute. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: Когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bespalova, Ekaterina V.; Blinova, Yulia A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: Kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Maksim V., & Medvedeva, Daria I. (2011) *Klyuchevyye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury* (Basic Concepts of German Culture). Izhevsk: Udmurt University. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Вариантно-инвариантный подход к тексту — новый взгляд на явление вариативности в лингвистике. Рец. на кн.: Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации: монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020 // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. № 18. С. 504—507. [Nefedova, Lyubov' A. (2021) *VARIANTNO-INVARIANTNYY PODKHOD K TEKSTU — NOVYY VZGLYAD NA YAVLENIYE VARIATIVNOSTI V LINGVISTIKE*. Ret-senziya na kn.: Grishayeva, L. I. Var'irovaniye teksta v kommunikatsii: monografiya. Voronezh: Nauka-Unipress, 2020 (Variant-invariant Approach to the Text — a New Look at the Phenomenon of Variability in Linguistics). Book Review: Grishayeva, L. I. Variation of the Text in Communication: Monograph. Voronezh: Nauka-Unipress, 2020). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 18, 504—507. (In Russian)].
- Ноздрина Л. А., Фадеева Г. М. К 100-летию Э. Г. Ризель и 90-летию Е. И. Шендельс (юбилейная научная конференция в МГЛУ) // Вестник Воронежского гос. ун-та, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 241—242. [Nozdrina, Lyudmila A., & Fadeyeva, Galina M. (2007) *K 100-letiyu E. G. Rizel' i 90-letiyu Ye. I. Shendel's* (To the 100th Anniversary of E. G. Riesel and the 90th Anniversary of Ye. I. Shendels). *Proceedings of Voronezh State University*, No. 1, 241—242. (In Russian)].
- Постовалова В. И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 36—60. [Postovalova, Valentina I. (2016) *Puti i printsipy transferizatsii znaniya v gumanitarnykh*

- naukakh (Ways and Principles of Transformation of Knowledge in the Humanities). In Feshchenko, Vladimir V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* (Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 36—60. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Теория национальной вариативности немецкого языка в научном наследии Э. Г. Ризель и современный научный дискурс // Вестник МГЛУ, гуманитарные науки. 2020. Вып. 12 (841). С. 158—169. [Troshina, Nataliya N. (2020) Teoriya natsional'noy variativnosti nemetskogo yazyka v nauchnom nasledii E. G. Rizel' i sovremennyy nauchnyy diskurs (The Theory of National Variability of the German Language in the Scientific Heritage of E. G. Riesel and Modern Scientific Discourse). In *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12 (841), 158—169. (In Russian)].
- Фадеева Г. М. Элиза Генриховна Ризель // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. М.: Языки Славянских Культур, 2017. С. 453—472. [Fadeyeva, Galina M. (2017) Eliza Genrikhovna Rizel'. In Potapov, Vsevolod V. (ed.) *Otechestvennye lingvisty XX veka* (Russian Linguists of the 20th Century). Moscow: LRC Publishing House, 453—472. (In Russian)].
- Фадеева Г. М. Школы профессора Элизы Генриховны Ризель // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка: коллективная монография в 2 частях. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019а. С. 53—58. [Fadeyeva, Galina M. (2019a) Shkoly professora Elizy Genrikhovny Rizel' (Schools of Professor Elise Riesel). In *Nauchnye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Fakul'tet nemetskogo yazyka: kollektivnaya monografiya v 2 chastyakh* (Scientific Schools of the Moscow State Linguistic University. Faculty of German: Collective Monography in 2 parts). Moscow: Moscow State Linguistic University, 53—58. (In Russian)].
- Фадеева Г. М. О месте стилистики в системе лингвистических наук. Функциональная стилистика и дискурсология // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка: коллективная монография в 2 частях. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019b. С. 107—115. [Fadeyeva, Galina M. (2019b) O meste stilistiki v sisteme lingvisticheskikh nauk. Funkcional'naya stilistika i diskursologiya (About the Place of Stylistics in the System of Linguistic Sciences. Functional Stylistics and Discoursology). In *Nauchnye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Fakul'tet nemetskogo yazyka: kollektivnaya monografiya v 2 chastyakh* (Scientific

- Schools of the Moscow State Linguistic University. Faculty of German: Collective Monography in 2 parts). Moscow: Moscow State Linguistic University, 107—115. (In Russian)].
- Adamzik, Kirsten. (2011) Textsortennetze. In Habscheid, Stephan. (ed.) *Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen: Linguistische Typologien der Kommunikation*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 367—387.
- Böll, Heinrich. (1971) *Gruppenbild mit Dame*. Köln: Kiepenberg & Witsch.
- Brandes, Margarita P. (1990) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow: Vyshchaya shkola.
- Fix, Ulla. (2011) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Herrndorf, Wolfgang. (2012) *Tschick*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Hoffmann, Gregor. (2010) *Sprachliche Deritualisierung und kommunikativer Wandel durch den gesellschaftlichen Umbruch in der DDR*. Frankfurt/M: Peter Lang.
- Naer, Nina M. (2006) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow: Vyshchaya shkola.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Riesel, Elise. (1964) *Der Stil der deutschen Alltagsrede*. Moscow: Vyshchaya shkola.
- Riesel, Elise. (1974) *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. Moskau: Verlag „Hochschule“.
- Riesel, Elise, & Schendels, Evgenia. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moscow: Vyshchaya shkola.
- Rolf, Eckhard. (2013) *Inferentielle Pragmatik. Zur Theorie der Sprecher-Bedeutung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Sandig, Barbara. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. [2., völlig neu bearb. und erw. Aufl.]
- Troshina, Natalja N. (2013) Funktionalstilistik von Elise Riesel als Voraussetzung zur Entstehung des gesamtdeutschen Stilforschungsraums: Blick aus Moskau. In Cölln, Jan, & Holznagel, Franz-Josef. (eds) *Positionen der Germanistik in der DDR*. Berlin; Boston: De Gruyter, 416—426.
- Weitkamp, Linnéa. (2021) Die Prädikativposition als Sprungbrett zum (attributiven) Adjektiv? Überlegungen zu Entstehungspfaden von Adjektiven im Deutschen. In *Norddeutsches linguistisches Kolloquium 2021*. Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. Retrieved from https://uol.de/fileadmin/user_upload/proj/nlk/GesammelteAbstracts.pdf.
- Žerebkov, Vadim A. (1988) *Deutsche Stilgrammatik*. Moscow: Vyshchaya shkola.

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

Theoretical Problems of Functional Language Diversity by Elise Riesel and their Development in Modern German Studies

The stylistic tradition of German studies in Russia is associated with the name of Elise Riesel, in whose works the idea of linguistic variation is repeatedly carried out. The sociocultural conditions that have changed since Riesel's time require a new understanding of her creative heritage. The article solves the problem of maintaining linguistic tradition between generations of researchers and between scientists of different countries. The method of comparison shows the development of concepts introduced by Riesel in the works of modern domestic and foreign Germanists. The ways of transferring concepts from Riesel's heritage into the works of modern authors are revealed: their expansion, reformulation, homogenization, differentiation and refinement. The principle of functionality introduced by Riesel is used as the basis of linguistic research in identifying new and developing traditional text types, including their transformation in the media discourse. Riesel's postulate about the need to study the style of everyday communication was developed. The concept of speech acts in Riesel's theory is translated into a broader system of communicative registers, accounting for which allows us to systematize expressive language means in different discursive forms. Attempts are made to bridge the gap between linguistics and literary studies in the interpretation of literary texts, first implemented by Riesel. The concept of linguistic personality and its connection with the corresponding linguistic culture is being developed. The language changes first mentioned in Riesel's writings are codified.

Keywords: continuity; knowledge transfer; macrostylistics; sociolinguistic aspect; text interpretation; everyday speech

Ольга А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

Теоретические проблемы функционального варьирования языка в трудах Элизы Ризель и их развитие в современной германистике
Стилистическая традиция отечественной германистики связана с именем Элизы Ризель, в трудах которой многократно проводится идея языкового варьирования. Изменившиеся со времени Ризель социокультурные условия требуют нового осмысления ее творческого наследия. В статье решается проблема поддержания лингвистической традиции между поколениями исследователей и между учеными разных стран. Методом сопоставления показано развитие понятий, введенных

Ризель, в трудах отечественных и зарубежных германистов. Выявлены способы трансфера понятий из наследия Ризель в труды современных авторов: их расширение, переформулирование, гомогенизация, дифференциация и уточнение. Введенный Ризель принцип функциональности используется как основа лингвистического исследования при определении новых и развитии традиционных типов текста, в том числе их преобразования в медийном дискурсе. Развитие получил постулат Ризель о необходимости исследования стиля повседневного общения. Концепция речевых актов в теории Ризель переводится в более широкую систему коммуникативных регистров, учет которых позволяет систематизировать экспрессивные языковые средства в разных дискурсивных формах. Делаются попытки преодоления разрыва между лингвистикой и литературоведением при интерпретации художественных текстов, впервые реализованные Ризель. Разрабатывается концепт языковой личности и его связь с соответствующей лингвокультурой. Кодифицируются языковые изменения, впервые упомянутые в трудах Ризель.

Ключевые слова: континуальность; трансфер знаний; макростилистика; социолингвистический аспект; интерпретация текста; повседневная речь

Для цитирования:

Kostrova O. A. Theoretische Probleme der funktionalen Diversität der Sprache bei Elise Riesel und ihre Entwicklung in zeitgenössischer Germanistik // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 217—232.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-217-232.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. (2022) Theoretische Probleme der funktionalen Diversität der Sprache bei Elise Riesel und ihre Entwicklung in zeitgenössischer Germanistik (Theoretical Problems of Functional Language Diversity by Elise Riesel and their Development in Modern German Studies). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 217—232.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-217-232.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; принята к публикации 29.01.2022

The article was submitted 11.01.2022; accepted for publication 29.01.2022

B. Lachhein
Universität Duisburg-Essen

L. A. Awerkina, Sh. V. Nikonowa
Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

SPRACHGEBRAUCHSWEISEN IN ZEITEN TIEFGREIFENDER GESELLSCHAFTLICHER UMBRÜCHE IN DEUTSCHLAND

Zunehmende, weltweite Migrationsprozesse scheinen eine Dynamik der Individualisierung und damit die Pluralisierung der Gesellschaft zu verstärken. Immer deutlicher treten ein Wandel von Lebensformen und Strukturen sowie das Verlangen nach selbstgewählten kollektiven Zugehörigkeiten hervor. Aus der Perspektive der Zukunftsforschung ist in den nächsten zehn Jahren davon auszugehen, dass Menschen sich eigene multikulturelle Identitäten, Weltansichten und Biografien aus verschiedenen ethnischen Ressourcen zusammenstellen und neue kulturelle Kombinationen sowie Wirklichkeiten erzeugen. Diese Art der Individualisierung macht es möglich, sich von Verhaltensregeln der traditionellen Gemeinschaften zu lösen und einen Wertewandel in Richtung globaler Empathie zu vollziehen. Artikuliert wird der gesellschaftliche Umbruch von den Diskursbeteiligten, vorrangig vertreten durch politische, wissenschaftliche oder kulturelle Institutionen, konzeptionell gestützt auf Megatrends, letztere verstanden als komplexe gesellschaftliche Transformationsprozesse. Die Sprache widerspiegelt ausdrucksvoll die gesellschaftlichen Umbrüche. Zunehmend sind für „Sprachvermittler“ Kenntnisse der Begriffe und impliziter Konzepte relevant.

Schlüsselwörter: Individualisierung; Pluralisierung; Identität; Wertewandel; Megatrend; Transformation

Gesellschaftliche Umbrüche in Deutschland sind durch die Corona-Pandemie 2020/21 stark in das Bewusstsein der Öffentlichkeit gerückt. Politische Institutionen, Parteien und Medien gebrauchen einen Wortschatz, der neue, bis dahin kaum bekannte Formulierungen enthält. Zukunftsforscher und Wissenschaftler unterschiedlicher Fachrichtungen präsentieren ihre Visionen über Veränderungsprozesse in Form der Megatrends. Schlüsselbegriffe wie beispielsweise *Transformation*, *Pluralisierung* oder *Demografischer Wandel* treten medial gehäuft auf.

1. Veränderungsprozesse im Spannungsbogen zwischen Wissenschaft und Wissenschaftssimulation

Grundlegende und langandauernde Veränderungsprozesse einer Gesellschaft, über einen Zeitraum von mindestens fünf bis zehn Jahren gesehen, werden erstmals 1982 von dem US-Zukunftsforscher John Naisbitt mit dem Begriff *Megatrend* umrissen (NAISBITT 1982).

Neben anderen greift der deutsche Zukunftsforscher Mattias Horx den Begriff auf und fügt hinzu, dass ein Megatrend individuell und auf allen Ebenen der Gesellschaft wirke — in Wirtschaft, Politik, Wissenschaft, Technik und Kultur (HORX 2011).

Solche Veränderungen werden gegenwärtig oft auch als *Transformation* ins Rennen geschickt. Sie impliziert die Erfahrung, „dass die Wirklichkeit als Ganzes in einer anderen, neuen Weise gesehen, erlebt und gedeutet wird“ (BURKHARDT 2021: 1). Ihre Projektionsflächen bilden die Medien, Sprache und Kultur, Denk- und Lebensformen, Ordnungsstrukturen und Orientierungen, die durchaus selbst einem Wandel unterliegen (Ibid.).

Zu einer definitiven Transformation kommt es, wenn sich Veränderungen in Teilbereichen gegenseitig verstärken und sich eine gesellschaftliche Richtung abzeichnet (z. B. Gender Shift). Festzuhalten ist, dass während einer Übergangszeit Altes und Neues im Wettstreit miteinander stehen, wie soziale Normen, wirtschaftliche und politische Systeme oder Energiegewinnungstechnologien. Erst im Umwandlungsprozess selbst, beim Verlassen herkömmlicher Pfade und Überwinden von Hindernissen kristallisiert sich eine Richtung der gesellschaftlichen Transformation heraus. Ob, z. B. Geschlechtergerechtigkeit über das Gendern erreicht wird, bleibt abzuwarten.

Warum wecken Megatrends großes Interesse? Sie führen in die *Zukunft* — ein weiterer Begriff, der in die Betrachtung einfließen soll. Ossip K. Flechtheim gilt als der Begründer der Zukunftsforschung, der auch die Bezeichnung *Futurologie* einführte (FLECHTHEIM 1972). Die Forschung verortete er in den USA und die Gestaltung in der ehemaligen Sowjetunion. Das Interesse an einer dritten Dimension, der Zukunftsphilosophie, projiziert der Philosoph Dr. Bruno Gransche besonders auf Deutschland; vgl.: (GRANSCHKE 2015: 49–50). Der Physiker, Soziologe und Zukunftsforscher Prof. Dr. Rolf Kreibich fasst die aktuelle Sichtweise zusammen:

„Man kann die *Zukunft* nicht vorhersagen. Man kann allerdings solides wissenschaftliches Zukunftswissen erarbeiten und nutzen, um

Zukünfte besser zu erfassen (wahrscheinliche, mögliche, wünschbare) um Katastrophen zu vermeiden und die besten zukunftsfähigen Zukünfte zu realisieren“ (KREIBICH 2013: 356).

Allerdings führe die Informationstechnologie zu einem hohen Erkenntnistempo in Forschung und Entwicklung, sodass sich Erkenntnisse in immer kürzeren Abständen erneuern. Folglich nehme mit „fortschreitender Entwicklung der modernen Gesellschaft <...> die Prognostizierbarkeit ihrer Entwicklung ständig ab“ (JISCHA 2009: 46). Dies offenbart den Zwiespalt zwischen dem menschlichen Bedürfnis nach Lenkung und Gestaltung und der Unmöglichkeit einer wissenschaftlich fundierten Vorhersage, um gesellschaftspolitisches Handeln zu untermauern; vgl.: (JUNGK 1952).¹ Zorn und Schweiger ordnen Angebote aus Trend- und Zukunftsvorhersagen zwischen Wissenschaft² und Feuilleton³ ein und konstatieren:

„Je wissenschaftlicher, desto nutzloser erscheint die Erforschung der Zukunft; je nützlicher sie aber erscheint, desto unwissenschaftlicher ist ihre Herangehensweise. <...> hier wissenschaftliche Methode, dort Wissenschaftssimulation“ (ZORN & SCHWEIGER 2020: 25, 27).

2. Sprachgebrauchsweisen der Diskursbeteiligten

Aus der Perspektive der Linguistik fußen, gemäß dem Leibniz-Institut für Deutsche Sprache in Mannheim, Megatrends auf Deutungen und Erklärungen von Sprachgebrauchsweisen einer spezifischen Sprachgemeinschaft zu einer bestimmten Zeit.⁴ Dabei wird ein gesellschaftlicher und sprachlicher Umbruch von einer bestimmten Gruppierung einer Gemeinschaft, den Diskursbeteiligten, artikuliert, nicht jedoch von einem einzelnen Individuum bzw. einer ganzen Gemeinschaft initiiert oder vertreten.

Die Diskursbeteiligten sind Personengruppen, die den spezifischen, zeitgemäßen Diskursen ein Thema, Dichte und Dynamik geben und damit die Diskurshoheit innehaben. Ihre Repräsentanten kommen aus Politik und Parteien, Gewerkschaften und Verbände,

¹ „Die Zukunft ist eine (unterschätzte) Ressource, die durch den Menschen gestaltet werden kann“ (JUNGK 1952: 290).

² Beispielhaft der inter- und transdisziplinäre Masterstudiengang Zukunftsforschung an der FU Berlin seit 2010.

³ Beispielhaft das Institut für Trend- und Zukunftsforschung von Matthias Horx, Frankfurt am Main und Wien.

⁴ <https://www.ids-mannheim.de/lexik/sprachlicherumbruch/modell>.

intellektuelle Kreise, das Rechtswesen, die Kirche, Kunst, Kultur usw.

Wenn also der Wortschatz die sprachliche Ebene ist, auf der gesellschaftlicher Wandel deutlich hervortritt, fließen in die Beschreibung des Benennungs- und Bezeichnungswandels die den Diskurs verdichtenden Leit- und Schlüsselwörter, die sogenannten politischen Schlagwörter, sowie neue Deutungsmuster ein.

3. Megatrends — Beschreibung ausgewählter gesellschaftlicher Transformationsprozesse

Einerseits die Kritik der Wissenschaftssimulation und andererseits die praktische Verbreitung berücksichtigend sollen vier der zwölf Megatrends und die ihnen inne liegenden Sprachgebrauchsweisen aus dem Institut für Trend- und Zukunftsforschung von Matthias Horx beispielhaft analysiert werden (ZUKUNFTSINSTITUT 2021a).

Silver Society, Gesundheit, Wissenskultur, Gender Shift, Individualisierung, New Work, Neo-Ökologie, Konnektivität, Globalisierung, Urbanisierung, Mobilität, Sicherheit⁵ — so oder ähnlich sind die Trends in verschiedenen Quellen zu identifizieren, z. B. bei der Unternehmensberatung Roland Berger,⁶ Investmentgesellschaft Blackrock⁷ oder der Akademischen Gesellschaft für Unternehmensführung und Kommunikation.⁸

1. Megatrend Silver Society.

Diskursbeteiligte: Politiker, Sozialversicherungsträger, Arbeitgeber- und Arbeitnehmervertreter, Sozialverbände.⁹

Beschreibung: Weltweit werden Menschen älter, bleiben länger körperlich und geistig leistungsfähig. Dieser Megatrend greift die vielfältigen Auswirkungen des demografischen Wandels, verbunden mit enormen Herausforderungen und Chancen für eine neue *soziokulturelle Vitalität* auf. Die *demografische Transformation* erfordert neue soziale und

⁵ Siehe: <https://www.zukunftsinstitut.de/dossier/megatrends>.

⁶ Siehe: <https://www.rolandberger.com/de/Insights/Global-Topics/Trend-Compendium>.

⁷ Siehe: <https://www.blackrock.com/ch/privatanleger/de/markte/the-future-of-rapid-urbanisation>.

⁸ Siehe: <https://www.akademische-gesellschaft.com/forschung/themen-ergebnisse/megatrends-change/megatrends>.

⁹ Interessenverbände, die die politischen und sozialen Interessen von Rentnern, Arbeitslosen, Sozialhilfeempfängern, Versicherten der gesetzlichen Krankenversicherung, Behinderten, Unfallopfern, Pflegefällen oder von Handwerkern vertreten.

ökonomische Bedingungen und einen *mental neuen Zugang* zum Altern.

Wortanalyse: Aus dem Englischen kommend, bedeuten *Silver* — *Silber* und *Society* — *Gesellschaft*. *Silver* ruft die Assoziation „Silberlocke“ als Bezeichnung älterer Menschen wach, sodass es sich bei *Silver Society* um die *Gesellschaft der Grauhaarigen*, also die Gruppe der Älteren handelt.

Bedeutung: Für Matthias Horx ist die Entwicklung der *Silver Society* einer der interessantesten Megatrends. Er bedeute eine *Umkodierung der Wirtschaft*. Menschen in der zweiten Lebenshälfte, je nach Fokus die über 40- bzw. 50-Jährigen, haben eine andere Sicht auf Leistung, Wachstum und Innovation als die Jüngeren. Die *Alterung der Gesellschaft* wird zwar oft als Problem betrachtet, sie kann aber auch zur *Vitalisierung der Unternehmen* beitragen.

Der dem Arbeitsleben folgende Lebensabschnitt „Rente“ bietet aufgrund der Fitness der Senioren Raum für Selbstentfaltung in neuen Lebensstilen, z. B. ein Leben in *Mehrgenerationenhäusern*. Ein neues *Mindset* bereitet den Weg für eine Gesellschaft, die sich durch die veränderte Altersstruktur *vom Jugendwahn verabschiedet*. *Alter und Altern* werden neu gedeutet. Der Gerontologe Andreas Kruse vertritt die Auffassung: „*Altern ist ein lebenslanger Prozess*, der mit der Geburt beginnt und mit dem Tod endet“, während der Begriff „*Alter*“ *eine Lebensphase* umfasst (KRUSE 2006).

Für die Erziehungswissenschaftlerin Carola Iller ergibt sich das Erreichen einer Lebensphase nicht unmittelbar aus dem Verlauf des Alternsprozesses, sondern aus gesellschaftlicher Konvention und ist demnach ein Konstrukt. Gilt das Erreichen des Rentenalters als Kriterium, einen Menschen als „alt“ einzustufen, sind je nach Rentenregelung in verschiedenen Ländern 60-Jährige, 65- oder wie in Deutschland die 67-Jährigen gemeint (ILLER 2006).

2. Megatrend Gesundheit.

Diskursbeteiligte: Weltgesundheitsorganisation / WHO, Europäische Union, Politik, Sozialversicherungsträger, Arbeitgeber- und Arbeitnehmervertreter, moderne Gesundheits-, Sozial- und Personalwissenschaften, Sozialverbände.

Beschreibung: Gesundheit ist ein Grundwert und zum *Synonym für hohe Lebensqualität* geworden. Als zentrales Lebensziel prägt der Megatrend sämtliche Lebensbereiche.

Bedeutung: Gesundheit ist zum Synonym für ein gutes Leben avanciert und hat sich tief in das Bewusstsein, die Kultur und das

Selbstverständnis wohlhabender Gesellschaften eingeprägt. *Gesundheit und Wohlbefinden* sind dabei kaum noch voneinander zu trennen, sie werden mit steigender *Eigenverantwortung* und selbstständig „gegoo-geltem“ Wissen vom Gesundheitssystem eingefordert. *Gesundheitsbewusste* Menschen wollen in *gesundheitsfördernden Lebenswelten*, sogenannten *Settings* (z. B. *Gesunde Schulen und Hochschulen, Gesunde Krankenhäuser, Gesunde Unternehmen, Städte und Gemeinden*) leben und erwarten dies als *neuen Normalzustand*.

Maßgebend beeinflussen diesen Trend die weltweit agierenden Unternehmen, indem Gesundheit als Ressource aktive „gemanagt“ wird.

3. Megatrend Wissenskultur.

Diskursbeteiligte: Politiker, Wissenschaftler, Bildungsträger, Kulturschaffende.

Beschreibung: Der *globale Bildungsstand* ist heute so hoch wie nie. Die Schul- und Ausbildungszeiten steigen weltweit. Die technischen Möglichkeiten beeinflussen unser Wissen über die Welt und die Art und Weise, wie wir mit Informationen umgehen — unsere Wissenskultur. In *dezentralen Strukturen* werden enorme Mengen an Wissen erworben. Es verliert seinen *elitären Charakter* und wird zunehmend zum *Gemeingut*.

Bedeutung: Die Pandemie hat *Bildung* endgültig *digitalisiert*, kooperative und dezentrale Strukturen zur *Wissensgenerierung* vorangetrieben und *innovatives Denken* angekurbelt. *Lebenslanges Lernen* und *frei zugängliches Wissen* von jedem Ort der Welt aus, zählen zu den Vorzügen einer neuen *Wissenskultur* (ZUKUNFTSINSTITUT 2021b).

Kritik: Gleichzeitig nehmen die Diskursbeteiligten deutlich Einfluss auf die Gestaltung von Bildung und Wissen, mit unterschiedlicher Resonanz, wie folgendes Beispiel zeigt.

Rassistisch und diskriminierend — sind laut Angaben der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden viele Bezeichnungen von Gemälden und Skulpturen. Die Kunstsammlungen haben 120 Werke zum Teil komplett umbenannt und bei 23 weiteren kleinere Veränderungen vorgenommen. Tizians „Zigeunermadonna“ heißt jetzt „Madonna mit stehendem Kind“. Aus dem „Kopf eines Negerknaben“ wurde „Studienkopf eines jungen Mannes“.

Eines der bekanntesten Ausstellungsstücke im Dresdner Grünen Gewölbe, der „Mohr mit der Smaragdstufe“, wird in der Online-Datenbank der Staatlichen Kunstsammlungen ohne das Wort „Mohr“

geführt, an dessen Stelle stehen nun vier Sterne (MDR-NACHRICHTEN 2021).

Kritisiert wird das Vorgehen unter anderem vom Vorstandsmitglied des Deutschen Museumsbundes, Reinhard Spieler. Er hält eine *Tabuisierung* bestimmter Wörter nicht für angebracht.

„Ich finde, wir sind als Museen historische Institutionen, und wir wollen eigentlich sichtbar machen, dass man in anderen Kulturen und zu anderen Zeiten andere Werte vertreten hat.“

Das sei der Sinn von Museen (LEIPZIGER VOLKSZEITUNG 2021).

4. Megatrend Gender.

Diskursbeteiligte: Politik, staatliche und halbstaatliche Einrichtungen, Medien, Lehrstühle für Genderwissenschaften, Europäische Union.

Beschreibung: Das Geschlecht und die damit verbundenen tradierten sozialen Rollen von Männern und Frauen verlieren im Zeichen des *Gender-Shift* (umschalten, verschieben), an gesellschaftlicher Verbindlichkeit und ist nicht mehr das die Biografie bestimmende Element. Dieses *Aufbrechen der Geschlechterstereotype* sorgt für einen radikalen Wandel in der Gesellschaft und schafft eine *neue Kultur des Pluralismus*.

Bedeutung: Der Trend geht weg vom *Geschlecht als Identitätszwang* und hin zu *Gender als individuellem Freiheitsraum*. Er wird, lt. Zukunftsinstitut, von vier Thesen begleitet:

a) Geschlechterrollen verlieren ihre soziale Relevanz;

b) Diversität wird Normalität;

c) *Gender Awareness* (in der Übersetzung *Gender — soziales Geschlecht im Unterscheid zu Sex — biologisches Geschlecht, Awareness — Bewusstsein*) wird zum obersten Gebot, Vorurteile werden ab- und eine *Gendersensibilität* zur Gestaltung *geschlechtergerechter und -übergreifender Ansätze* aufgebaut;

d) *Identitäten* definieren sich jenseits von Geschlecht. Das Fließende zwischen den Geschlechtern erfährt in der jüngeren Generation immer mehr Akzeptanz.

Beispiel: Die Diversifizierung im Sprachgebrauch lässt sich besonders am Begriff *Familie*, für den es inzwischen zirka zehn Variationen gibt, demonstrieren; vgl.: (BMFSFJ 2017).

1. *Kernfamilie:* verheiratetes Paar mit leiblichen Kindern (Mutter, Vater, leibliche Kinder).

2. *Kleinfamilie:* Paar und seine Kinder, auch Adoptiv- oder Stiefkinder, auch Regenbogenfamilie.

3. *Großfamilie*: Kleinfamilie und Familienmitglieder anderer Generationen (z. B. Großeltern).

4. *nichteheliche Lebensgemeinschaft*: unverheiratetes Paar mit Kindern.

5. *Ein-Elter-Familie*: Vater oder Mutter als alleinerziehende Elternteile mit eigenen Kindern.

6. *Patchworkfamilie* / *Fortsetzungsfamilie*: ein Elternteil lebt mit neuem Partner (und den leiblichen Kindern) zusammen, oft kommt noch ein gemeinsames, leibliches Kind hinzu.

7. *Adoptivfamilie*: ein Paar nimmt ein nichtleibliches Kind mit allen Rechten eines leiblichen Kindes an.

8. *Pflegefamilie*: zeitweise Unterbringung eines Kindes in einer Familie.

9. *Regenbogenfamilie*: gleichgeschlechtliches Paar mit Kindern.

10. *Co-Parenting-Familie*: unverheiratete Menschen, die sich ohne Absicht auf eine partnerschaftliche Beziehung (Liebe und Sex), aber mit Zuneigung, Respekt und Verbindlichkeit sowie der gemeinsamen Liebe für das Kind zusammenschließen.

Kritik: Im öffentlich-rechtlichen Rundfunk, an Hochschulen, in staatlichen Einrichtungen wird inzwischen *gendert*. In Deutschland wächst jedoch der Widerstand gegen neue Regeln, die zu einer stärkeren Berücksichtigung unterschiedlicher Geschlechter in der deutschen Sprache führen sollen. Eine aktuelle Umfrage des Marktforschungsinstitutes Infratest Dimap offenbarte, dass 65% der Bevölkerung Formulierungen wie *Zuhörende* statt *Zuhörer*, das große Binnen-I (*WählerInnen*) in der Schriftsprache, eine Kunstpause vor der zweiten Worthälfte (*Pendler_innen*) in der gesprochenen Sprache ablehnen. Im vergangenen Jahr waren es noch 56% (GASCHKE & SCHUSTER 2021).

Auf ministerieller Ebene wurde empfohlen, anstatt Sonderzeichen als Wortbestandteile in der offiziellen Kommunikation geschlechtsneutrale Bezeichnungen (z. B. Konferenzteilnehmende / Menschen) zu verwenden, andernfalls *Beidnennungen* (Kollegen und Kolleginnen). Die Nennung von weiblicher und männlicher Form sei „grundsätzlich annehmbar“, weil der Anteil *diversgeschlechtlicher Personen* „sehr gering ist“ (nt-v.de 2021).

Zusammenfassend ist auf der Webseite des Zukunftsinstituts zu lesen:

„Das *starke Ich* schlägt das *alte Frau-/Mann-Schema* und schafft eine neue *Kultur des Pluralismus*.“ Sichtbare Zeichen seien der Modetrend zum

Vollbart und zur Regenbogenfamilie (ZUKUNFTSINSTITUT 2021c).

Ob der Trend eine Top-Down-Veranstaltung bleibt oder tatsächlich zu weniger Diskriminierung und mehr Gleichberechtigung beiträgt, bleibt abzuwarten.

Position Russlands: An dieser Stelle soll eine Einordnung der Thematik in den Kontext der Wertediskussion zwischen dem Westen und Russland erfolgen. Der Präsident der Russischen Föderation, Vladimir V. Putin, positionierte sich auf der 18. Jahrestagung im Valdai International Discussion Club in Sotschi im Oktober 2021 deutlich: Der westlichen Überzeugung von „umgekehrter Diskriminierung“, also dem Vorrang von Minderheiten oder eine Abkehr vom üblichen Verständnis von Grundbegriffen wie Mutter, Vater, Familie oder der Unterscheidung der Geschlechter, als Meilensteine auf dem Weg zur sozialen Erneuerung lehnt er ab und setzt vielmehr auf die geistigen Werte, auf die historische Tradition, auf die Kultur des multiethnischen Volkes (MOSKAUER DEUTSCHE ZEITUNG 2021).

4. Megatrends in der Auseinandersetzung zwischen Neu und Alt

Obgleich die Megatrends in den Auseinandersetzungen der Diskursbeteiligten zwischen Neu und Alt pendeln, festigt sich der Eindruck, dass die Akteure „von oben“ kommen und ihre Deutungshoheit mit medialer Unterstützung dominant ausüben. Kritiker und Mahner führen deshalb oft Visionen aus dem Roman *1984* von George Orwell an. Im Beitrag des Journalisten Andreas Schneitter in der Schweizer Zeitung „Tageswoche“ vom 5.6.2014 ist zu lesen:

„Die totale Kontrolle <...> greift tief in das Denk- und Wahrnehmungsvermögen der Bevölkerung ein: Die Sprache wird als „New-speak“ umgeformt, um ihr Bedeutungsspektrum zu verringern und somit die Kommunikation der Bevölkerung besser zu lenken“ (SCHNEITTER 2014).

Auch sieben Jahre später ist das Buch in aller Munde. In der „Neuen Züricher Zeitung“ vom 8.4.2021 ist zu lesen, dass die Orwell'schen Begriffe „Big Brother“, „Unperson“, „Gedankenpolizei“ oder „Neusprech“ in den allgemeinen Wortschatz eingegangen seien (AMMANN 2021).

5. Fazit

Dolmetscher und Übersetzer beobachten als Mittler und Zeitzeugen die Veränderungsprozesse. Sie sind in besonderer Weise gefordert, die Sprachgewohnheiten zu analysieren, die hinter den Begriffen liegenden Konzepte zu erschließen und abzugleichen sowie äqui-

valente Begriffe in der Muttersprache zu finden, unabhängig davon, welche grundlegenden Ereignisse und Ergebnisse die gesellschaftlichen Umbrüche in Deutschland und der Welt bestimmen werden.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ammann, Daniel. (2021) Orwells Zukunft ist längst Gegenwart geworden. *Neue Züricher Zeitung*, 08.4.2021 Retrieved from <https://www.nzz.ch/feuilleton/george-orwells-klassiker-1984-als-jugendroman-und-graphic-novel-ld.1606278>.
- BMFSFJ — Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. (2017) *Familienreport 2017 — Leistungen, Wirkungen, Trends*. Berlin: Jinitz — Aktiengesellschaft für digitale Kommunikation.
- Burkhardt, Nadin. (2021) *Dieselbe Welt — und doch alles anders? Transformationen in Zeiten religiöser und gesellschaftlicher Umbrüche*. Tagung des KU-Zentrums für Religion, Kirche, Gesellschaft im Wandel. H-Soz-Kult. Retrieved from <https://www.hsozkult.de/event/id/event-97438>.
- Flechtheim, Ossip Kurt. (1972) *Futurologie. Der Kampf um die Zukunft*. Frankfurt/M.: Fischer Verlag.
- Gaschke, Susanne, & Schuster, Jacques. (2021) *Die Gender-Sprache ist eine Top-Down-Veranstaltung*. Retrieved from <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus231304851/Gendern-Die-Gender-Sprache-ist-eine-Top-down-Veranstaltung.html>.
- Gransche, Bruno. (2015) *Vorausschauendes Denken. Philosophie und Zukunftsforschung jenseits von Statistik und Kalkül*. Bielefeld: transcript Verlag.
- Horx, Matthias. (2011) *Das Megatrend-Prinzip. Wie die Welt von Morgen entsteht*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Iller, Carola. (2006) *Altern gestalten — berufliche Entwicklungsprozesse und Weiterbildung im Lebenslauf*. Retrieved from http://www.die-bonn.de/esprid/dokumente/doc-2005/iller05_12.pdf.
- Jischa, Michael F. (2009) Gedanken zur Wahrnehmung der Zukunft. In Popp, Reinhold, & Schüll, Elmar. (eds) *Zukunftsforschung und Zukunftsgestaltung. Beiträge aus Wissenschaft und Praxis*. Berlin: Springer, 37—50.
- Jungk, Robert. (1952) *Die Zukunft hat schon begonnen*. Hamburg: Rowohlt Verlag.
- Kreibich, Rolf. (2013) Zukunftsforschung für Gesellschaft und Wirtschaft. In Popp, Reinhold, & Zweck, Axel. (eds) *Zukunftsforschung im Praxistest*. Wiesbaden: Springer, 353—384.
- Kruse, Andreas. (2006) Altern, Kultur und gesellschaftliche Entwicklung. *Report, Zeitschrift für Weiterbildungsforschung, Alter und Bildung*, 3, 9—18.
- Leipziger Volkszeitung. (15.9.2021) Retrieved from <https://www.lvz.de/Nachrichten/Kultur/Kultur-Regional/Rassistisch-und-diskriminie>

- rend-Debatte-um-Umbenennung-von-Kunstwerken-in-Dresden.
MDR-Nachrichten. (15.9.2021) Retrieved from <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/dresden/dresden-radebeul/dresden-kunstsammlungen-umbenennung-kunstwerke-100.html>.
- Moskauer Deutsche Zeitung. (30.10.2021) Vorteil Russland: Putins Manifest der Abgrenzung. Retrieved from <https://mdz-moskau.eu/vorteil-russland-putins-manifest-der-abgrenzung>.
- Naisbitt, John. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Verlag Grand Central Pub.
- Neuhaus, Ch., & Steinmüller, K. (2015) Grundlagen der Standards Gruppe 1. In Gerhold, Lars; Holtmannspötter, Dirk; Neuhaus, Christian; Schüll, Elmar; Schulz-Montag, Beate; Steinmüller, Karlheinz, & Zweck, Axel. (eds) *Standards und Gütekriterien der Zukunftsforschung. Ein Handbuch für Wissenschaft und Praxis*. Wiesbaden: Springer, 17—81.
- n-tv.de. (06.10.2021) *Sprache im Frauenministerium: Lambrecht erteilt Gendersternchen Absage*. Retrieved from <https://www.n-tv.de/politik/Lambrecht-erteilt-Gendersternchen-Absage-article22849732.html>.
- Schneitter, Andreas. (2014) George Orwells „1984“. Eine Zukunftsvision wird 65 Jahre alt. In *Tageswoche.ch.*, 05.6.2014. Retrieved from <https://tageswoche.ch/kultur/george-orwells-1984-eine-zukunftsvision-wird-65-jahre-alt>.
- Zorn, Jenny, & Schweiger, Stefan. (2020) Kontext bitte. In Engler, Steven; Janik, Julia, & Wolf, Matthias. (eds) *Energiewende und Megatrends Wechselwirkungen von globaler Gesellschaftsentwicklung und Nachhaltigkeit*. Bielefeld: transcript Verlag. (Edition Politik Band 93)
- Zukunftsinstitut. (2021a) Retrieved from <https://www.zukunftsinstitut.de/dossier/megatrends>.
- Zukunftsinstitut. (2021b) Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=1pKU5EKO-E>.
- Zukunftsinstitut. (2021c) Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=P23vWYfgPoM>.

Barbara Lachhein
University Duisburg-Essen

Larisa A. Averkina, Zhanna V. Nikonova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Linguistic Usage in Times of Profound Social Upheaval in Germany

Increasing worldwide migration processes seem to reinforce the dynamic of the society's individualization and pluralization. A change in lifestyles and structures is becoming more apparent, as well as the desire for self-

chosen collective affiliations. From the perspective of futurology, it is expected in the next ten years that people will assemble their own multicultural identities, perspectives of the world and biographies from different ethnic backgrounds and create their own cultural combinations and realities. This kind of individualization makes it possible to get free from the rules of behaviour in traditional societies and to shift their value orientation towards global empathy. The social upheaval is articulated by those involved in the discourse, primarily represented by political, scientific or cultural institutions, conceptually based on megatrends, interpreted as complex social transformation processes. Language expressively reflects social transformations. More and more, knowledge of the terms and implicit concepts is relevant for “language mediators”.

Keywords: individualization; pluralization; identity; value change; megatrend; transformation

Барбара Лаххайн
Университет Дуйсбург-Эссен

Лариса А. Аверкина, Жанна В. Никонова
Нижегородский государственный лингвистический университет

Языковое употребление в эпоху глубоких социальных перемен в Германии

Усиливающиеся миграционные процессы во всем мире, по-видимому, усиливают динамику индивидуализации и плюрализации общества. Изменения в структуре общества и образе жизни становятся все более очевидными, так же как и стремление к самостоятельному выбору коллективных связей. С точки зрения футурологии, ожидается, что в ближайшие десять лет люди сформируют свою собственную мультикультурную идентичность, взгляды на мир, определят свою этническую принадлежность и создадут собственные культурные комбинации и реалии. Такого рода индивидуализация позволяет освободиться от правил поведения в традиционных обществах и сместить свою ценностную ориентацию в сторону глобальной эмпатии. В дискурс о глубоких социальных переменных прежде всего вовлечены политические, научные или культурные институты, концептуально опирающиеся на мегатенденции, интерпретируемые как комплексные процессы социальной трансформации. Язык выступает эффективным средством отражения социальных преобразований. Умение оперировать понятиями и имплицитными концепциями становится все более актуальным для «языковых посредников».

Ключевые слова: индивидуализация; плюрализация; идентичность; изменение ценностей; мегатенденция; трансформация

Для цитирования:

Lachhein B., Awerkina L. A., Nikonova Sh. V. Sprachgebrauchsweisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher Umbrüche in Deutschland // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 233—245. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-233-245.

To cite this Article:

Lachhein, Barbara; Averkina, Larisa A., & Nikonova, Zhanna V. (2022) Sprachgebrauchsweisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher Umbrüche in Deutschland (Linguistic Usage in Times of Profound Social Upheaval in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 233—245.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-233-245.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

S. Meier-Vieracker
Technische Universität Dresden

ZWISCHEN GAY PRIDE UND ARCHAISCHER MÄNNLICHKEIT: LINGUISTISCHE PERSPEKTIVEN AUF DIVERSITÄT UNTER FUSSBALLFANS*

Thema des Beitrags sind Diskurse über geschlechts- und sexualitätsbezogene Diversität in aktuellen Fußballfanszenen. Diese sind einerseits durch archaische Männlichkeitsnormen geprägt, die sich etwa in sexistischen und homophoben Beschimpfungspraktiken in den Stadien ebenso wie in den Sozialen Medien niederschlagen. Andererseits sind gerade in der digitalen Begleit- und Anschlusskommunikation auch gezielt antidiskriminatorische Positionierungen und Diskursinterventionen zu beobachten. Der Beitrag diskutiert aus diskurslinguistischer Perspektive den diversitätsbezogenen Fandiskurs in seiner Verschränkung von analoger und digitaler Kommunikation und zeigt, dass Diversität im Fußball diskursiv umkämpft ist und dabei auch politisch aufgeladen wird.

Keywords: Fußball; Fankommunikation; Diversität; Männlichkeit; Homophobie

1. Einleitung

Thema des vorliegenden Beitrags sind Diskurse über Diversität in aktuellen Fußballfanszenen mit einem besonderen Fokus auf geschlechts- und sexualitätsbezogene Diversität. Dass der Fußball im Allgemeinen und Fußballfans im Besonderen ein lohnenswerter Gegenstand der Gender Studies sind, ist in der Forschung schon oft gezeigt worden (KREISKY & SPITALER 2006; MEUSER 2008; DEGELE 2013). Linguistisch anschlussfähig sind diese Forschungsarbeiten, da sie den kommunikativen Performanzen und diskursiven Aushandlungen etwa von Geschlechternormen im Fußball besondere Aufmerksamkeit widmen, die auf ihre sprachlichen und multimodalen Charakteristika befragt werden können.

Wie sehr gerade in jüngster Zeit das Thema Diversität den Fußballdiskurs prägt, konnte man im Sommer 2021 beobachten. Am Christopher Street Day am 10. Juli 2021 erstrahlte die Allianz Arena, Heimstadion des international erfolgreichen Clubs FC Bayern Mün-

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XIX съезда РСГ.

chen, für einige Stunden in Regenbogenfarben, dem internationalen Erkennungszeichen der Queer Community. Damit, so hieß es in einer Pressemitteilung des Vereins, wolle man „ein weltweit sichtbares Zeichen für Toleranz sowie gegen Homophobie und Diskriminierung jeder Art“ setzen und zeigen, dass man „für Weltoffenheit und Vielfalt“ stehe.¹ Solche spektakulären, auf Visibilität und Symbolpolitik beruhenden Aktionen führt der Verein zwar seit vielen Jahren durch, doch in diesem Jahr waren die Voraussetzungen andere. Denn nur wenige Tage zuvor hätte das Stadion auf Antrag des Münchner Stadtrates auch beim Europameisterschaftsspiel Deutschland gegen Ungarn so beleuchtet werden sollen, doch der europäische Fußballverband UEFA hatte dies untersagt. Hintergrund war ein wenige Tage zuvor in Ungarn verabschiedetes, als LGBTQ-feindlich eingestuftes Zensurgesetz. Mit dem Argument, dass die Regenbogenfarbenbeleuchtung als politische Protestaktion gegen Ungarn hätte wahrgenommen werden können, die UEFA aber „aufgrund ihrer Statuten eine politisch und religiös neutrale Organisation“² sei, wurde die Aktion abgesagt. Während die ungarische Regierung dies wohlwollend zur Kenntnis nahm, zeigten sich viele öffentliche Akteur:innen und Institutionen in Deutschland solidarisch, so dass deutschlandweit andere Fußballstadien und weitere öffentliche Gebäude in Regenbogenfarben angestrahlt wurden. Auch verschiedene Wirtschaftsunternehmen präsentierten ihre Logos in den Sozialen Netzwerken in Regenbogenfarben.

Diese Verquickung wirtschaftlicher Interessen mit politischer Symbolik, also eine öffentlichkeitswirksame Solidarisierung mit der LGBTQ-Bewegung zu PR-Zwecken, war insgesamt ein prägendes Merkmal der Bildpolitiken rund um die Europameisterschaft. Zahlreiche Sponsoren hatten ihre Bandenwerbungen in den Stadien in Regenbogenfarben präsentiert und im Finale wurde sogar der Ball von einem ferngesteuerten Regenbogenspielzeugauto ins Stadion gefahren.

Dass ausgerechnet der Fußball im öffentlichen Diskurs um Ho-

¹ <https://allianz-arena.com/de/news/2021/07/regenbogen-sonderbeleuchtung-zum-christopher-street-day-2021>.

² <https://de.uefa.com/insideuefa/mediaservices/mediareleases/news/026a-129473252275-5e34333f5153-1000-uefa-schlagt-ausweichtermine-fur-regenbogen-illumination-im-mun>.

mosexualität, Vielfalt und Toleranz eine Art Leuchtturmposition einnahm und entsprechende Positionierungen so selbstverständlich waren, dass sie sich sogar für Werbezwecke nutzbar machen ließen, ist erwartbar und überraschend zugleich. Im Fußball schmücken sich die Verbände und Sponsoren seit langem mit Toleranzbotschaften, und zwar besonders dann, wenn es wirtschaftlich lukrativ ist. Es wundert darum nicht, dass der Fußball das sogenannte Rainbow Washing betreibt (PAEFGEN-LAB 2021). Auf der anderen Seite ist der Fußball stärker noch als andere Bereiche der Populärkultur durch eine tief verankerte Heteronormativität geprägt, aus der oftmals Sexismus und Homophobie erwachsen (SCHWEER 2018). Bis heute hat sich in Deutschland kein aktiver Fußballballprofi als homosexuell geoutet, und noch immer sind homophobe Beschimpfungen in den Stadien allgegenwärtig.

Tatsächlich zeigt sich gerade bei Fußballfans die ganze Paradoxie des Themas Diversität. Weithin geteilte, wenigstens geduldete und oft sogar gezielt geäußerte sexistische und homofeindliche Grundhaltungen treffen auf explizites antidiskriminatorisches Engagement (DEMBOWSKI & SCHEIDLE 2002; ENDEMANN & al. 2015). Das lässt sich in den Stadien ebenso beobachten wie in der digitalen Anschluss- und Begleitkommunikation. Beides zusammen möchte ich im Folgenden als den Diversitätsdiskurs unter Fußballfans fassen und aus einer diskurslinguistischen Perspektive diskutieren. Dazu werde ich zunächst im Anschluss an soziologische Forschungen zeigen, wie Männlichkeitsnormen den Fußballdiskurs prägen. Daran anschließend werde ich die Beschimpfungskultur in den Fußballstadien in dem Blick nehmen und sodann die Rolle der digitalen und Sozialen Medien als Resonanzraum diskutieren. In einem Fazit werde ich die Fäden zusammenführen und zeigen, dass Diversität im Fußball diskursiv umkämpft ist und politisch aufgeladen wird.

Vorab ist noch eine Einschränkung notwendig: Die folgenden Ausführungen beziehen sich ausschließlich auf den professionellen Männerfußball.

2. Männlichkeit als Norm

Wie vor allem die soziologische Forschung zum Thema Fußball immer wieder gezeigt hat, ist der Fußball — zumindest in Europa — ein „Männlichkeitsspiel par excellence“ (MEUSER 2008). Dabei ist es nicht allein das Spiel, sondern auch die gesamte gesellschaftliche Praxis rund um den Fußball, die mit Männlichkeit assoziiert wird (KÜP-

PERS 2018: 87). Bezogen auf die Sportler selbst gelten etwa körperliche Härte und Disziplin als besonders männliche und zugleich geforderte Spielweisen. So kann die eigentlich tautologische Äußerung „Heute haben wir Männerfußball gespielt“ als (Selbst-)Lob dienen (MEIER-VIERACKER 2018). Aber auch das Begleitgeschehen ist auf Männlichkeitsnormen hin orientiert. Besonders deutlich zeigt sich das bei den Fußballfans auf den Rängen, wo „die Männlichkeit des Fußballs in einer gesteigerten Form geradezu zelebriert“ (MEUSER 2017: 180) wird.

Schon in demographischer Hinsicht ist zu konstatieren, dass Fußballfanszenen überwiegend männlich und im Übrigen auch weiß sind (DEGELE & JANZ 2011). Doch auch die performativen Selbstinszenierungen der Fans, die im semiotischen Raum des Stadions (BURKHARDT 2009) als Zeichen gesetzt werden, reproduzieren und verstärken die männliche Dominanz. Sichtbar wird dies etwa in der körpersemiotischen Praxis, sich als Zeichen von Support mit freiem Oberkörper zu zeigen. Exzessiver Alkoholenuss und nicht selten eine Tendenz zu physischer Gewalt sind weitere Symptome einer im Fußball üblichen und gezielt ausgelebten archaischen Hypermaskulinität, die außerhalb des Stadions kaum mehr geduldet wird (SÜLZLE 2005) und in ihrer Abweichung von üblichen Umgangsnormen bewusst zur Provokation eingesetzt wird.

Aus linguistischer Sicht ist interessant, dass auch die — sprachliche und multimodale — Fankommunikation von Männlichkeitsnormen geprägt ist und die Fußballfansprache einer „männlichen Grammatik“ (SÜLZLE 2005: 347) folgt, welche laufend „die männliche Dominanz reproduziert und somit männliche Deutungsmacht erhält“ (CLAUS & GABLER 2017: 381). Neben der typischen Betonung männlich gedachter Werte wie Stärke und Ehre etwa in den Selbstbeschreibungen von Ultra-Gruppierungen (Duttler & Haigis 2016) zeigt sich dies besonders deutlich am breiten Phänomenbereich der Beschimpfungen des Gegners, der gegnerischen Fans, aber auch der Schiedsrichter:innen, der Verbände oder der Polizei. Ähnlich wie in der ebenfalls männlich dominierten HipHop-Kultur haben sich die Beschimpfungspraktiken zu einem breiten Repertoire an ritualisierten Beleidigungen (MEUSER 2008: 123; WINANDS 2015: 226) verfestigt und formieren eine regelrechte „Beschimpfungs- und Provokationskultur“ (PILZ & al. 2009: 85), die sich, wie ich im Folgenden zeigen möchte, in besonderem Maße aus Männlichkeitsnormen speist.

3. Zur Beschimpfungskultur von Fußballfans

Wie bereits Labov (1997) in seiner wegweisenden Arbeit zu rituellen Beleidigungen zeigt, erfüllen ritualisierte Beleidigungen eine wichtige gruppenidentitätsstiftende Funktion. Dies gilt einerseits für die Fußballfanszenen insgesamt, welche die Beschimpfungskultur in ihrer Devianz von bürgerlichen Umgangsnormen als Tradition pflegen, andererseits aber auch für die einzelnen Fanggruppierungen in ihrer Konkurrenz zu anderen. Wie Dembowski und Gabler (2015: 15) in ihrer Analyse von Aus- und Abgrenzungshandlungen von Fußballfans formulieren: „Die Konstruktion der eigenen Gruppe erfolgt damit über die Abgrenzung vom Gegner und geht mit einer Aufwertung der Eigen- und einer Abgrenzung einer Fremdgruppe einher.“ Insbesondere in den Fußballstadien, wo sich die Fans in Fanblöcken zusammenfinden und gemeinsam das eigene Team unterstützen, lässt sich das beobachten, und hier hat die fantypische Beschimpfungskultur ihren eigentlichen Ort.

Dabei gibt es verschiedene Gattungen im fankulturellen Repertoire, die für Beleidigungen genutzt werden können. Neben den Fangesängen und Sprechchören (BELJUTIN 2015; BRUNNER 2007) sind hier auch Fanbanner (BURKHARDT 2009) und Choreographien (HAUSER 2019) zu nennen, unter denen solche mit gezielt beleidigender und provokativer Funktion häufig anzutreffen sind. Insbesondere sexistische und homophobe Beschimpfungen sind hier regelmäßig zu beobachten. Als Beispiel kann der regelmäßig von Fans von Bayer Leverkusen angestimmte Fangesang (auf die Melodie von Guantanamo) gegen den rivalisierenden und lokal unmittelbar benachbarten Club 1. FC Köln genannt werden:

Hauptstadt der Schwulen, ihr seid die Hauptstadt der Schwulen.

Die Kölner Fans revanchieren sich mit folgendem Gesang:

Ihr steht auf Schwänze, und nicht auf Busen, ihr seid die Fans von Bayer Leverkusen.

Bei dem eingangs erwähnten Europameisterschaftsspiel Deutschland gegen Ungarn war aus dem Fanblock der ungarischen Fans folgender Gesang (auf die Melodie von Yellow Submarine) zu hören:

Deutschland, Deutschland, homosexuell!

Solche Fangesänge zielen offenbar darauf, dem Gegner — und hier vor allem den männlichen Fans — durch die Unterstellung von Homosexualität Männlichkeit abzuspochen und dadurch herabzusetzen.

zen (MEUSER 2017: 183), wodurch wiederum heteronormative Männlichkeitsvorstellungen reproduziert werden (WAGENKNECHT 2007).

Neben solche Fangesänge, die gewiss aus einer kollektiven Emotionalität heraus gesungen werden, treten Spruchbänder und Fanbanner. Diese gehen auf enger begrenzte Produzentengruppen zurück und stellen im Gegensatz zu den Gesängen sorgsam geplante und koordiniert vollzogene Äußerungsakte dar. Außerdem sind sie als visuelle Zeichen zeitlich persistenter (auch wenn sie kaum je über die gesamten 90 Minuten gezeigt werden) und vor allem bildlich dokumentierbar. Dies verschafft ihnen eine potenziell größere Öffentlichkeit, und anders als über homophobe und sexistische Gesänge wird über entsprechende Spruchbänder und Banner auch eher im Anschlussdiskurs in redaktionellen und Sozialen Medien gesprochen. Einige aufsehenerregende Fälle seien hier angeführt.

Fans von Dynamo Dresden präsentierten im Jahr 2018 beim Heimspiel gegen den FC St. Pauli ein Banner mit der Aufschrift:

Ihr müsst heute Abend hungern, weil eure Fotzen mit euch im Block rumlungern.

Hintergrund des Banners sind die zahlenstarken weiblichen Ultragruppierungen des Kontrahenten St. Pauli. Es wird also indirekt zu verstehen gegeben, dass Frauen, die hier kollektiv durch das Schimpfwort *Fotze* herabgesetzt werden, im Stadion fehl am Platz seien und stattdessen ihrer eigentlichen Aufgabe, die Männer mit Essen zu versorgen, nachkommen sollen. Meuser (2017: 184) beschreibt diese Form von Sexismus treffend als „Platzanweisung“. Den Männern soll es in dieser sozialen Ordnung vorbehalten sein zu bestimmen, wer legitimerweise Zugang den Stadien haben soll und wer nicht. Ein anderer Fall war ein Banner, das Fans des VfB Stuttgart beim Auswärtsspiel gegen den FC St. Pauli zeigten:

Geizige Schwaben ficken eure Mütter zu fairen Preisen.

Das Banner zielt zum einen auf das Stereotyp des geizigen Schwaben. Zum anderen bemüht es den — in vielen europäischen Kulturen verbreiteten — Mutterfluch, der die Mütter und auch die Söhne in ihrer Ehre angreift. Letztere werden nicht nur als Abkömmlinge sexuell ehrenloser Frauen, sondern auch als Schwächlinge attackiert, welche die sexuelle Unversehrtheit der eigenen Familie nicht zu schützen vermögen; eine Beleidigung also, die einen männlichen Ehrenkodex voraussetzt.

Auch homophobe Plakate finden sich regelmäßig. Hier seien zwei Fälle von Fans von Borussia Dortmund berichtet. Während eines Lokalderbys gegen den verfeindeten Club FC Schalke 04 im Jahr 2019 wurde folgendes Banner gezeigt:

Rock'n'roll Schalke? Ihr Schwuchteln singt zu Kay One!

Der zugeschriebene Selbstanspruch auf Rock'n'Roll, offenbar eine Chiffre für eine gewisse Härte und Nonkonformität, wird zurückgewiesen durch eine Assoziierung mit dem populären Rapper Kay One und eine kollektive Adressierung als Schwuchtel. Bereits einige Jahre zuvor waren in einem Spiel gegen Werder Bremen, das für seine aktive antidiskriminatorische Fanszene bekannt ist, gleich zwei homophobe Banner gezeigt worden:

Lieber 'ne Gruppe in der Kritik als Lutschertum und Homofick

Hier finden wir eine — inzwischen auch in rechtsextremen Kreisen beobachtbare (MEIER-VIERACKER 2021a: 74f.) — metadiskursive Figur, dass die eigenen Tabubrüche, die auf öffentliche Kritik stoßen, verteidigt und der Verzicht auf Provokationen als Verweichlichung dargestellt werden (KRØVEL 2016); und zwar eine Verweichlichung, die hier direkt mit Homosexualität, codiert durch homosexuelle Praktiken, assoziiert wird. Das zweite homophobe Banner, das während desselben Spiels gezeigt wurde, trug die folgende Aufschrift:

Gutmensch, Schwuchtel, Alerta-Aktivist, wir haben dir mit 20 vs. 100 gezeigt, was Fußball ist!

Der Buchstabe *w* im Wort *Schwuchtel* wurde mit dem Wappen des Clubs Werder Bremen dargestellt. Das Banner spielte auf einen gewalttätigen Angriff von 20 Dortmund-Fans gegen überzählige Bremen-Fans auf einer Autobahnraststätte an. Die Schmach der Niederlage in der Auseinandersetzung soll also mit einer „symbolischen bzw. sprachlichen Entmännlichung“ (CLAUS & GABLER 2017: 382) noch gesteigert werden. Die homophobe Beschimpfung verbindet sich hier zudem ganz offen mit rechten Positionierungen. Der Ausdruck *Alerta-Aktivist* spielt auf die Antifa-Parole *Alerta. Alerta. Antifascista!* an, und in Übernahme des bekannten rechten Stigmawortes *Gutmensch* wird die antidiskriminatorische Haltung nicht nur zurückgewiesen, sondern auch als unmännlich gerahmt. Die Phrase *zeigen, was Fußball ist* verweist zudem deutlich auf die Aus- und Abgrenzungshandlungen der für das Banner verantwortlichen Fans, die die Zugänglichkeit der sozialen Domäne Fußball limitieren und

an rigide Geschlechternormen, und zwar vor allem an archaische, mit Gewalt und Härte assoziierte Männlichkeitsnormen, zu koppeln versuchen.

Fußballstadien, das zeigen diese Beispiele, sind zum einen Sonderorte (SÜLZLE 2011), an denen gewissermaßen eigene Gesetze und eigene Angemessenheitsvorstellungen herrschen und mithin Kommunikationsweisen geduldet sind, die im öffentlichen Leben normalerweise sanktioniert würden (BRUNNER 2007: 43). Zugleich partizipieren jedoch die Formensprachen und Motive der dort üblichen Beschimpfungen an den Pejorisierungsressourcen der die Stadien umgebenden Gesellschaft (SCHWENZER 2002), die hier gleichsam zugespitzt wirksam werden. Als Pejorisierungen sollen dabei mit Lann Hornscheidt (2011) Abwertungshandlungen verstanden werden, die auf gesellschaftliche Normalvorstellungen und Machtpositionen verweisen und alles von der vermeintlichen Normalität Abweichende als weniger achtungswürdig erscheinen lassen. Für die Domäne des Fußballs ist das Konzept der Pejorisierung auch deshalb so einschlägig, weil es eine wichtige Unterscheidung zwischen Beleidigungen und Diskriminierungen erlaubt. Die direkten und intendierten Adressat:innen der Banner und Gesänge, die gegnerischen Fans, sind mehrheitlich heterosexuelle Männer, die mit der Unterstellung der Homosexualität provoziert werden sollen. Zugleich werden damit aber Homosexuelle als Gruppe pauschal herabgesetzt und diskriminiert, auch wenn sie nicht direkt adressiert werden (STEFANOWITSCH 2015).

Gerade die sexistischen und homophoben Beschimpfungen sitzen also auf archaischen Männlichkeitsnormen auf, die sie damit auch reproduzieren. Sexismus und Homophobie sind mithin funktionale Äquivalente (DEGELE & JANZ 2011: 23). Indem das Absprechen von Männlichkeit als Abwertungsressource fungiert, wird diese Form dominanter Männlichkeit als hegemonialer Maßstab für Zugehörigkeit zur Fankultur etabliert, was all diejenigen ausgrenzt, die dieser Norm nicht genügen.

4. Soziale Medien als Resonanzraum

In den bisherigen Ausführungen stand die Präsenzkommunikation in den Stadien im Fokus. In Zeiten digitaler Medien greift die Fankommunikation allerdings viel weiter aus und wird auch in den sozialen Netzwerken ausgetragen (MEIER-VIERACKER 2021b). Ein interessantes Format sind etwa Livetweets (MEIER 2019; MICHEL 2018), also Tweets, die typischerweise im Sinne des Social TV bzw. des Se-

cond Screen während der Liveübertragung der Spiele und als Begleitkommunikation zum Medienkonsum verfasst werden. In den Livetweets, die meist hochemotional ausfallen, sind Beschimpfungen häufig zu beobachten, die ähnlich wie in den Stadien oft sexistisch und homophob grundiert sind. Typisch ist die Beschimpfung des Schiedsrichters als „Schwuchtel“, und aus diesem Topos lässt sich, wie im folgenden Beispiel, eine ganze fiktive Szenerie ableiten, die spieelerklärend sein soll.

Habt ihr die kleine Schiri-Schwuchtel da mit der gesamten Mannschaft durchgefickt vor dem Spiel oder wieso pfeift der so einen einseitigen Scheiß zusammen? (TWITTER, 2019-02-18, 21:23).

Der bekannte Vorwurf der Parteilichkeit seitens des Schiedsrichters und der Schiedsrichterbeeinflussung wird hier an angebliche homosexuelle Praktiken gekoppelt, die den Schiedsrichter seines Urteilsvermögens beraubt haben sollen. Auch rassistische Beschimpfungen, die auf Bannern oder in Gesängen in Stadien nur noch selten vorkommen, sind in Livetweets regelmäßig zu beobachten:

Was ein rüddiger Affe dieser Amiri...niemals eine zweite gelbe Karte gegen Reus, führt diesen bekloppten Videobeweis ein-bin es leid! #TSGBVB (TWITTER, 2016-12-16, 21:13).

Im folgenden Beleg wird schließlich in Zuspitzung der Rede von Männerfußball die mangelnde Leistungsbereitschaft kurzerhand als Unmännlichkeit gerahmt:

Was für eine schwanzlose und eierlose Truppe ihr seid @FCBayern ... Stolz, Ehre und Malochen kennt ihr nicht. #BVBFCB (TWITTER, 2016-11-16, 23:13).

Die auch sonst virulente Vorstellung einer spezifisch männlichen Ehre greift auch hier und präsupponiert damit, dass Frauen prinzipiell des Fußballspiels nicht mächtig sein können.

So sehr jedoch die Sozialen Medien für diskriminierende Beschimpfungen genutzt werden, so darf darüber nicht aus dem Blick geraten, dass eben hier auch kritische Diskurse über den Alltagssexismus in Fanszenen zu beobachten sind. Soziale Medien sind, metaphorisch gesprochen, nicht nur Tatort, sondern auch Dokumentationszentren und forensische Labore verbaler Gewalt. So werden etwa Fälle von Homophobie auf Twitter dokumentiert und angeprangert:

Meldet euren Verein ab @ FSV Pivitsheide. Sprüche wie Schiri du Schwuchtel Steh auf du Hurensohn brauch man nicht und sind auf's

schärfste zu verurteilen. Unterirdischer Verein. (TWITTER, 2019-11-22, 22:18).

Auch die oben thematisierten sexistischen und homophoben Banner, die über bildliche Dokumentierungen den Weg in die sozialen Netzwerke finden, stießen hier auf Kritik, und in zahlreichen Fanblogs wie etwa schwatzgelb.de waren empörte Stellungnahmen zu lesen, in denen die Banner z. B. als Ausdruck „[m]issverständene[r] Männlichkeit“³ kritisiert wurden.

Solche Belege zeigen, dass in den digitalen Medien das eigentlich flüchtige Geschehen in den Stadien dokumentiert und konserviert wird und so reflexive Bezugspunkte für kritische Anschlusskommunikation bereitstellt (GRESCHKE 2020). Waren im vordigitalen Zeitalter die Stadien tatsächlich Sonderorte, sind die Grenzen der Fankommunikation im Stadion hin zum öffentlichen Diskurs längst durchlässiger geworden. Die Zugänglichkeiten und damit die Möglichkeiten kritischer Observation haben sich erhöht, so wie sich umgekehrt die Publikula der Fankommunikation entgrenzt haben. Und gerade diversitätsbezogene Diskriminierungshandlungen stoßen in der digitalen Anschlusskommunikation oft auf vehementen Widerspruch (WINANDS 2015).

Die Sozialen Medien haben ihrer nicht zu leugnenden Begünstigung von Hasskommunikation zum Trotz also auch eine wichtige diskurskritische Funktion, durch die begünstigt sich in den vergangenen Jahren vermehrt diversere Positionen und Akteursgruppen im Fußball Gehör verschaffen konnten. Tatsächlich hat etwa die Zahl der schwul-lesbischen Fanclubs in den letzten Jahren stetig zugenommen (DEGELE & JANZ 2011). Aber auch andere wichtige Akteursgruppen wie etwa die einflussreiche Ultra-Gruppierung des FC Bayern München, die Schickeria, positionieren sich ausdrücklich antixistisch und antihomophob. Auf ihrer Homepage begründen sie dies ausführlich und mit reflektierten metasprachlichen Ausführungen, die sich unmittelbar an die sprachwissenschaftlichen Argumente etwa von Lann Hornscheidt (2011) anschließen lassen:

Die umgangssprachliche Bezeichnung für Homosexuelle als Schimpfwort zu benutzen, wenn man jemanden niedermachen mag, ist aber gerade für diejenigen, die homosexuell sind (was ihr gutes

³ <https://www.schwatzgelb.de/artikel/2019/uns-senf-falsch-verstandene-maennlichkeit-homofeindliches-spruchband-auf-der-suedtribuene>.

Recht ist!), schlichtweg äußerst verletzend. Und damit werden diese Beleidigungen, die sich zwar nicht direkt gegen sie richten, ihre sexuelle Orientierung aber zu etwas Negativem machen, mit dem man jemanden beleidigen kann, zu einem Baustein eines Klimas, das feindselig gegenüber homosexuellen Menschen ist.⁴

Auch hat sich in der Schickeria mit den sogenannten Chicas eine ausdrücklich als solche benannte weibliche Subgruppierung institutionalisiert, die den eigentlich abwertenden Ausdruck *Chicas* in einer Art Reclaiming (GALINSKY & al. 2003) positiv umdeutet. Solche im Netz dokumentierten diskursiven Positionierungen werden dann auch wieder in die Stadien zurückgetragen, wo gerade die Ultras häufig mit antidiskriminatorischen Aktionen in Erscheinung treten. So zeigte etwa die Münchner Ultra-Gruppierung Colegio im Januar 2019 während des Spiels gegen den VfB Stuttgart folgendes Banner:

Jeder liebt wen er will und der Rest bleibt still. Fight Homophobia!

Damit, so ließ die Gruppe im begleitenden Instagram-Post verlauten, sollte ein Zeichen gegen den „im Fußball vorherrschende[n] Drang zur ‚Männlichkeit‘ und Heteronormativität“⁵ gesetzt werden.

5. Fazit und Ausblick: Der diskursive Kampf um Diversität

In gegenwärtigen Fanszenen, so lassen sich die Ausführungen in den vorangegangenen Abschnitten zusammenfassen, ist eine auf die Dimensionen Geschlecht und Sexualität bezogene Diversität ein diskursiv umkämpftes Feld. Während auf der einen Seite homophobe und sexistische Beschimpfungen als Teil des Spiels geduldet und legitimiert werden, sind auf der anderen Seite vermehrt kritische Stimmen zu hören, die sich gegen eben diese Diskriminierungsformen in der eigenen Fankultur wehren und dadurch auch die eigene fankulturelle Praxis gezielt politisch aufladen.

Vor diesem Hintergrund seien abschließend noch einmal die (immer auch marketinggetriebenen) Solidarisierungen mit der LGBTQ-Bewegung während der Europameisterschaft im Jahr 2021 und vor allem die Fanreaktionen in den Blick genommen. Denn gerade im digitalen Diskurs ließen sich hier ambivalente Haltungen und einander widerstreitende Positionierungen beobachten. Auf Twitter wurde scherzhaft darauf hingewiesen, dass mit der Türkei, Russland,

⁴ https://schickeria-muenchen.org/pico/fanpolitik/ultras_gegen_rassismus/gegen_sexismus_und_homophobie.

⁵ <https://www.instagram.com/p/BtLeoXFgjQ8>.

Ungarn und Polen ausgerechnet jene Mannschaften, deren Länder durch eine homosexuellenfeindliche Politik aufgefallen waren, als Gruppenletzte nach der Vorrunde ausgeschieden waren. Dazu wurde eine entsprechend markierte Übersicht der Tabellenstände wie folgt kommentiert:

Manchmal kriegen Leute das, was sie verdienen 🏳️🌈🏴 #EM2021 #EM2020 #pride #football #fussball (TWITTER, 2021-06-24, 10:19).

Erst der Hashtag *#pride* stellt hier also die Verbindung zum Thema Homosexualität her, verleiht dem multimodalen Kommunikat seine Kohärenz und lässt sich mithin als antihomophobe Positionierung lesen.

Auch die starke Präsenz von Regenbogenflaggen, welche die sonst für internationale Turniere üblichen Landesflaggen nahezu verdrängte und den Fußball insgesamt in den Hintergrund rückte, wurde auf Twitter durchaus begrüßt:

Regenbogen-Flaggen wurden vor dem Stadion in München verteilt. Von dem EM Fieber ist in DE nicht viel zu spüren. Vereinzelt sehe ich DE Fahnen an Autos und Häuser. Die EM gleicht hier eher einer Gay Pride! Fussball war GESTERN! (TWITTER, 2021-06-26, 23:26).

Ein anderer User hingegen twitterte:

Wenn ich mich an der Hand meines Mannes in einer S-Bahn mit einer Herde grölender Fußballfans mal genau so sicher und akzeptiert fühlen kann, wie mir Fußball-Deutschland jetzt durch demonstrative Regenbogen-Beflaggung gegen Orban suggeriert, wäre echt was gewonnen. #Pride (TWITTER 2021-06-22, 17:56).

Hier kommt also eine deutliche Skepsis gegenüber der Nachhaltigkeit und Aufrichtigkeit der symbolischen Bildpolitiken rund um das Turnier zum Ausdruck, die letztlich nicht darüber hinwegtäuschen können, dass unter gewöhnlichen Fußballfans Homosexuelle nach wie vor um Akzeptanz kämpfen müssen. Die „Beflaggung *gegen* Orban“ (Hervorhebung SMV), so könnte man dies explizieren, ist eben noch kein hinreichender Einsatz *für* die Sicherheit und Akzeptanz von Homosexuellen in einem heteronormativ geprägten Feld.

Schließlich waren auch ausdrücklich kritisch-delegitimierende Stimmen gegenüber den antidiskriminatorischen Aktionen zu vernehmen. Johann Martel, ein Politiker der rechtspopulistischen Partei AfD, twitterte:

Wenn du nach einem 2:2-Unentschieden Gewinner wegen der Achtelfinalteilnahme, gleichzeitig aber wegen der Prioritätsverlagerung von Fußball auf #pride ein Verlierer bist, dann bist du die deutsche Schaft (ohne "National" und ohne "Mann"). #GERHUN #HUNGER #EURO2020 #Pride2021 (TWITTER, @martel_afd, 2021-06-23, 23:58).

Die symbolischen Solidaritätsbekundungen mit der LGBTQ-Bewegung werden hier als ‚Prioritätsverlagerung‘ delegitimiert, welche den Fußball sowohl der Männlichkeit als auch der nationalen Dimension beraube. Nationalistische Selbstaufwertung und homophobe Fremdadwertung fallen hier ineinander.

Solche Vereinnahmungsversuche führen deutlich vor Augen, wie sehr der Fußball und der Fußballdiskurs als Projektionsfläche für politische Positionierungen dienen. Gerade im Diskurs um Diversität, der in Zeiten digitaler Medien in der analogen wie auch digitalen Kommunikation in potenziell entgrenzten Öffentlichkeiten ausgegtragen wird, lässt sich detailliert beobachten, wie Geschlechternormen nicht nur reproduziert, sondern auch in ihrer politischen Dimension verhandelt werden.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Beljutin, Roman. (2015) Fankommunikation in Russland und in Deutschland: Gemeinsamkeiten und Unterschiede. In Born, Joachim, & Gloning, Thomas. (eds) *Sport, Sprache, Kommunikation, Medien. Interdisziplinäre Perspektiven*. Gießen: Gießener Elektronische Bibliothek, 1—18. (Linguistische Untersuchungen; 8).
- Brunner, Georg. (2007) Ruhrpottkanaken — Fangesänge im Fußballstadion. *Der Deutschunterricht*, 5, 32—43.
- Burkhardt, Armin. (2009) Der zwölfte Mann: Fankommunikation im Fußballstadion. In Burkhardt, Armin, & Schlobinski, Peter. (eds) *Flickflack, Foul und Tsukahara: der Sport und seine Sprache*. Mannheim: Duendenverlag, 175—193.
- Claus, Robert, & Gabler, Jonas. (2017) Sprache und Kommunikation in Fußballfangruppen. In Neuland, Eva, & Schlobinski, Peter. (eds) *Handbuch Sprache in sozialen Gruppen*. Berlin; Boston: De Gruyter, 370—384. DOI: 10.1515/9783110296136-019.
- Degele, Nina. (2013) *Fußball verbindet — durch Ausgrenzung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Degele, Nina, & Janz, Caroline. (2011) *Hetero, weiß, männlich? Fußball ist viel mehr! Eine Studie der Friedrich-Ebert-Stiftung zur Homophobie, Rassismus und Sexismus im Fußball*. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Dembowski, Gerd, & Gabler, Jonas. (2015) Wir sind besser als die ande-

- ren: Stichworte zur Ab- und Ausgrenzung im Fußball. In Endemann, Martin; Claus, Robert; Dembowski, Gerd, & Gabler, Jonas. (eds) *Zurück am Tatort Stadion: Diskriminierung und Antidiskriminierung in Fußball-Fankulturen*. Göttingen: Die Werkstatt, 14—26.
- Dembowski, Gerd, & Scheidle, Jürgen. (eds.) (2002) *Tatort Stadion: Rassismus, Antisemitismus und Sexismus im Fussball*. Köln: PapyRossa. (Neue kleine Bibliothek; 76).
- Duttler, Gabriel, & Haigis, Boris. (eds) (2016) *Ultras: eine Fankultur im Spannungsfeld unterschiedlicher Subkulturen*. Bielefeld: Transcript. (Kulturen der Gesellschaft; 17).
- Endemann, Martin; Claus, Robert; Dembowski, Gerd, & Gabler, Jonas. (eds) (2015) *Zurück am Tatort Stadion: Diskriminierung und Antidiskriminierung in Fußball-Fankulturen*. Göttingen: Die Werkstatt.
- Galinsky, Adam D.; Hugenberg, Kurt; Groom, Carla, & Bodenhausen, Galen V. (2003) The reappropriation of stigmatizing labels: implications for social identity. In Polzer, Jeffrey. (ed.) *Identity Issues in Groups*. Bingley: Emerald, 221—256. (Research on Managing Groups and Teams; 5). DOI: 10.1016/S1534-0856(02)05009-0.
- Greschke, Heike. (2020) Kommunikationsanalyse. In Friese, Heidrun; Nolden, Marcus; Rebane, Gala, & Schreiter, Miriam. (eds) *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 411—421. DOI: 10.1007/978-3-658-08357-1_51.
- Hauser, Stefan. (2019) Fanchoreografien als koordinierte Formen kommunikativen Kollektivhandelns. Beobachtungen aus semiotischer Perspektive. *Zeitschrift für Semiotik*, 41 (1–2), 117—140.
- Hornscheidt, Lann; Acke, Hanna, & Jana, Ines. (2011) Pejorisierung — ein konstruktivistisches Konzept zur Analyse von Beschimpfungspraktiken. In Hornscheidt, Lann. (ed.) *Schimpfwörter — Beschimpfungen — Pejorisierungen. Wie in Sprache Macht und Identitäten verhandelt werden*. Frankfurt a. M: Brandes & Apsel, 15—45.
- Kreisky, Eva, & Spitaler, Georg. (eds) (2006) *Arena der Männlichkeit: über das Verhältnis von Fussball und Geschlecht*. Frankfurt; New York: Campus. (Politik der Geschlechterverhältnisse; 30).
- Krøvel, Roy. (2016) Fighting strategic homophobia in football. *Soccer & Society*, 17 (5), 744—758. DOI: 10.1080/14660970.2015.1100437.
- Küppers, Carolin. (2018) Die mediale Konstruktion von Männlichkeit und Heteronormativität zur Fußballweltmeisterschaft in Südafrika. In Schweer, Martin K. W. (ed.) *Sexismus und Homophobie im Sport*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 85—104. DOI: 10.1007/978-3-658-19538-0_6.
- Labov, William. (1997) Rules for Ritual Insults. In Coupland, Nikolas, & Jaworski, Adam. (eds) *Sociolinguistics: A Reader*. London: Macmillan

- Education UK, 472—486. (Modern Linguistics Series).
DOI: 10.1007/978-1-349-25582-5_37.
- Meier, Simon. (2019) mitfiebern — Mediatisierte emotionale Kommunikationspraktiken in Fußball-Livetickern und Livetweets. In Hauser, Stefan; Luginbühl, Martin, & Tienken, Susanne. (eds) *Mediale Emotionskulturen*. Bern: Lang, 155—178. (Sprache — Kommunikation — Medien).
- Meier-Vieracker, Simon. (2018) „Männerfußball“. In *Fußballlinguistik*. Retrieved from <https://fussballlinguistik.de/2018/06/maennerfussball/> [18.01.2022].
- Meier-Vieracker, Simon. (2021a) Wutreden und andere invektive Gattungen zwischen Rekonstruktion und Aneignung. *Kulturwissenschaftliche Zeitschrift*, 6 (1), 63—78. DOI: 10.2478/kwg-2021-0012.
- Meier-Vieracker, Simon. (2021b) Im Fadenkreuz. Metapragmatik und semiotic ideologies im Fußballfandiskurs. *Kodikas/CODE*, 2018 (3–4), 245—259.
- Meuser, Michael. (2008) It's a Men's World: Ernste Spiele männlicher Vergemeinschaftung. In Klein, Gabriele, & Meuser, Michael. (eds) *Ernste Spiele: Zur politischen Soziologie des Fußballs*. Bielefeld: transcript, 113—134. DOI: 10.14361/9783839409770-007.
- Meuser, Michael. (2017) Fußballfans: Inszenierungen außeralltäglicher Männlichkeit. In Sobiech, Gabriele, & Günter, Sandra. (eds) *Sport & Gender — (inter)nationale sportsoziologische Geschlechterforschung: Theoretische Ansätze, Praktiken und Perspektiven*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 179—192. (Geschlecht und Gesellschaft). DOI: 10.1007/978-3-658-13098-5_13.
- Michel, Sascha. (2018) Fußball und mediatisierte Aneignung: Die Echtzeitkommentierung von Fußballspielen im Social TV. *Aptum*, 2018 (2), 119—137.
- Paefgen-Laß, Michaela. (2021) *Wenn Rainbow Washing Hochkonjunktur hat*. Retrieved from <https://www.springerprofessional.de/diversitaetsmanagement/unternehmenskultur/wenn-rainbow-washing-hochkonjunktur-hat/19313886> [20.11.2021].
- Pilz, Gunter; Behn, Sabine; Harzer, Erika; von Berg, Heinz Lynen, & Selmer, Nicole. (2009) *Rechtsextremismus im Sport: in Deutschland und im internationalen Vergleich*. Köln: Sportverlag Strauss.
- Schweer, Martin K. W. (ed.) (2018) *Sexismus und Homophobie im Sport: interdisziplinäre Perspektiven auf ein vernachlässigtes Forschungsfeld*. Wiesbaden: Springer VS.
- Schwenzer, Victoria. (2002) Fußball als kulturelles Ereignis: Eine ethnologische Untersuchung am Beispiel des 1. FC Union Berlin. In Lösche, Peter; Ruge, Undine, & Stolz, Klaus. (eds) *Fußballwelten: Zum Verhältnis von Sport, Politik, Ökonomie und Gesellschaft*. Wiesbaden: VS Verlag

- für Sozialwissenschaften, 87—115. (Jahrbuch für Europa- und Nordamerika-Studien). DOI: 10.1007/978-3-663-10117-8_5.
- Stefanowitsch, Anatol. (2015) Was ist überhaupt Hate Speech? In Amadeu Antonio Stiftung. (ed.) „Geh sterben!“ *Umgang mit Hate Speech und Kommentaren im Internet*. Berlin: Antonio Amadeu Stiftung, 11—14.
- Sülzle, Almut. (2005) Männerbund Fußball — Spielraum für Geschlechter im Stadion. Ethnographische Anmerkungen in sieben Thesen. In Dinges, Martin. (ed.) *Männer — Macht — Körper: Hegemoniale Männlichkeiten vom Mittelalter bis heute*. Frankfurt; New York: Campus, 173—191.
- Sülzle, Almut. (2011) *Fußball, Frauen, Männlichkeiten: Eine ethnographische Studie im Fanblock*. Frankfurt; New York: Campus.
- Wagenknecht, Peter. (2007) Was ist Heteronormativität? Zu Geschichte und Gehalt des Begriffs. In Hartmann, Jutta; Klesse, Christian; Wagenknecht, Peter; Fritzsche, Bettina, & Hackmann, Kristina. (eds) *Heteronormativität: Empirische Studien zu Geschlecht, Sexualität und Macht*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 17—34. DOI: 10.1007/978-3-531-90274-6_2.
- Winands, Martin. (2015) *Interaktionen von Fußballfans*. Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Simon Meier-Vieracker
Technische Universität Dresden

**Between Gay Pride and Archaic Masculinity:
Linguistic Perspectives on Diversity among Football Fans**

This paper deals with discourses on gender and diversity in current football fan scenes. On the one hand, these are shaped by archaic norms of masculinity, which are reflected in sexist and homophobic insulting practices in the stadiums as well as on social media. On the other hand, anti-discriminatory positioning and discourse interventions can be observed especially in the digital follow-up communication. From a discourse-linguistic perspective, the paper discusses the diversity-related fan discourse in its interconnection of analogue and digital communication and shows that diversity in football is discursively contested and thereby also politically charged.

Keywords: Football; fan communication; diversity; masculinity; homophobia

Симон Майер-Фиракер
Технический университет г. Дрездена

Между гей-прайдом и архаичной мужественностью: лингвистические перспективы разнообразия в дискурсе футбольных фанатов

В статье рассматриваются дискурсы о гендерном и сексуальном разнообразии в сценах с участием современных футбольных фанатов. С одной стороны, они отражают архаичные нормы маскулинности, которые реализуются в публичных сексистских и гомофобных оскорблениях на стадионах, а также в социальных сетях. С другой стороны, именно в последующей Интернет-коммуникации фиксируются случаи реализации осознанных антидискриминационных дискурсивных практик. Фанатский дискурс, использующий аналоговые и цифровые средства коммуникации, обсуждается в статье в аспекте его связи с феноменом Diversity с дискурсивно-лингвистической точки зрения. Показано, что тема Diversity в футболе оказывается в фокусе дискурсивных разногласий и при этом является политически маркированной.

Ключевые слова: футбол; фанатская коммуникация; разнообразие; маскулинность; гомофобия

Для цитирования:

Meier-Vieracker S. Zwischen Gay Pride und archaischer Männlichkeit: Linguistische Perspektiven auf Diversität unter Fussballfans // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 246—262. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-246-262.

To cite this Article:

Meier-Vieracker, Simon. (2022) Zwischen Gay Pride und archaischer Männlichkeit: Linguistische Perspektiven auf Diversität unter Fussballfans (Between Gay Pride and Archaic Masculinity: Linguistic Perspectives on Diversity among Football Fans). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 246—262.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-246-262.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 06.02.2022; accepted for publication 28.02.2022

N. I. Maslakova-Clauberg
Institut der Weltzivilisationen

R. Clauberg
RUDN Universität

SCHWEIZERDEUTSCH IN EINER WELT IM WANDEL

Dieser Artikel untersucht die besondere Bedeutung der Deutschschweizer Mundart-Dialekte für die Schweiz und insbesondere für die Deutschschweizer. Nach einer kurzen Betrachtung der Bevölkerungsstruktur der Schweiz und der damit verbundenen nationalen Sprachen, konzentrieren wir uns auf die Deutschschweiz als grössten Teil der Schweiz und der Rolle der deutschen bzw. schweizerdeutschen Sprache. Zuerst werden die Schriftsprachen, dann die gesprochenen Sprachen verglichen. Obwohl die Schriftsprachen deutliche Unterschiede erkennen lassen, sind sie immer noch so nahe beieinander, dass die Kommunikation von Deutschschweizern mit Deutschen oder Österreichern damit problemlos ist. Ganz anders sieht es bei der Kommunikation mit den Mundarten aus. Hier ist eine Kommunikation innerhalb der Schweizerdeutschen Dialekte möglich, aber äusserst schwierig zwischen Deutschschweizern und Deutschen. Die Schweizerdeutschen Dialekte spielen eine sehr wichtige Rolle im nationalen Selbstverständnis der Schweizer, speziell als Abgrenzung gegen Deutschland und Definition des Deutschschweizers und sogar des Schweizer Nationalverständnis.

Schlüsselwörter: Schweizerdeutsch; Schriftsprache; Mundart; nationales Selbstverständnis

1. Einleitung

Die Schweiz ist ein einzigartiges Land nicht nur in Bezug auf „Schweizerische Neutralität“, „Schweizer Form der direkten Demokratie“ und „Schweizer Föderalismus“, sondern auch in Bezug auf die ethno-nationale und ethno-sprachliche Zusammensetzung des Staates. Heute ist die Schweizerische Eidgenossenschaft eine einzigartige multinationale Gemeinschaft, die sich historisch aus dem Zusammenleben verschiedener sprachlicher, kultureller und religiöser Gruppen entwickelt hat. Zudem war die Schweiz seit jeher ein Schnittpunkt des germanischen und romanischen Europas, was die Entwicklung ihrer kulturellen und religiösen Vielfalt historisch bestimmt hat.

Heute leben in den 26 Kantonen der Eidgenossenschaft 8,5 Millionen Menschen, die verschiedene ethnisch-nationale Gruppen und Religionen repräsentieren, aber durch ein einziges Konzept vereint sind — die Schweizer Bevölkerung oder die Schweizer. Man muss hier aber sagen, dass 2,1 Millionen dieser Einwohner keine Schweizer Staatsbürger sind (SCHWEIZERISCHE EIDGENOSSENSCHAFT (DER BUNDESRAT) 2022). Es gibt also einen grossen Anteil (fast 25%) an Ausländern. In der heutigen Schweiz werden vier Sprachgebiete unterschieden: Deutschschweiz (Schweizerdeutsch, 65%), Romandie (Französisch, 18%), Italienische Schweiz (Italienisch, 10%) und Romanische Schweiz (Rätoromanisch, 1%, in den Gebirgstälern des Kanton Graubünden). In diesem Sinne sind in der Schweiz die offiziellen Landessprachen Deutsch, Französisch, Italienisch und Rätoromanisch. In diesem Zusammenhang ist festzuhalten, dass Mehrsprachigkeit ein integraler Bestandteil der nationalen Identität ist. Zudem werden in der Schweiz aufgrund von Migrationsströmen auch andere Fremdsprachen gesprochen — Englisch, Portugiesisch und weitere Sprachen.

Um den 4 offiziellen Sprachgruppen in der Schweiz genügend Respekt zu verschaffen, ist die Mehrsprachigkeit offiziell im Schweizer Recht verankert. So erkennt Artikel 70 der Verfassung Deutsch, Französisch und Italienisch als Amtssprachen an und weist Rätoromanisch einen Sonderstatus zu. Gleichzeitig legt jeder Kanton selbstständig die Sprache als Amtssprache fest, die er auf seinem Gebiet als die gebräuchlichste ansieht. Während man selbst natürlich jede Sprache sprechen darf, hat man im Amtsverkehr mit kantonalen oder Gemeindebehörden kein Recht in einer anderen als einer offiziellen Amtssprache des jeweiligen Kantons oder der Gemeinde zu verkehren (Territorialprinzip). Alle amtlichen Dokumente des Bundes (Gesetze, Berichte, Webseiten, Gebäudetafeln etc.) werden in deutscher, französischer und italienischer Sprache publiziert.

In den Schulen lernen Schweizer Kinder eine bis 2 Fremdsprachen. In den deutschsprachigen Kantonen ist normalerweise Französisch die erste Fremdsprache, in den französischsprachigen Kantonen ist meist Deutsch die erste Fremdsprache. In den letzten Jahren gab es aber Forderungen Englisch als erste Fremdsprache einzuführen, da es in internationalen Geschäften am gebräuchlichsten ist.

Deutsch ist eine der meistgesprochenen Sprachen in der Schweiz, da 5 Millionen Menschen es als ihre Muttersprache betrach-

ten. Die Schweiz ist in 23 Kantone unterteilt, von denen 3 Kantone jeweils in 2 Halbkantone zerfallen (Appenzell Innerrodten/Ausserrodten, Nidwalden/Obwalden, und Basel-Stadt/Basel-Land). Deshalb spricht man oft einfach von 26 Kantonen. In 17 dieser 26 Schweizer Kantone ist Deutsch die Amtssprache. In weiteren 3 Kantonen sind Deutsch und Französisch gemeinsame Amtssprachen (Bern, Freiburg und Wallis). Der Tessin hat Italienisch als einzige Amtssprache und der Kanton Jura Französisch.

Trotz der anderen Sprachen neben Deutsch in der Schweiz kommt Deutsch eine besondere Bedeutung für die ganze Schweiz zu. Dies ist zum Teil natürlich darauf zurückzuführen, dass es die meistgesprochene Sprache ist. Aber es gibt noch andere Aspekte, die auf andere Gründe hinweisen. Im Folgenden werden wir die Unterschiede der geschriebenen und gesprochenen Deutschen Sprache in der Schweiz und in Deutschland betrachten und diese mit dem Selbstverständnis der Deutschschweizer in Verbindung bringen.

2. Die deutsche Sprache in der Schweiz

Bemerkenswert ist, dass das Verbreitungsgebiet der deutschen Sprache in der Schweiz meist als „Deutsche Schweiz“ oder „Deutschschweiz“ bezeichnet wird. Darüber hinaus wird Deutsch auch in anderen Schweizer Kantonen gesprochen, wo Französisch und Italienisch die dominierenden Sprachen sind.

Trotzdem unterscheidet sich die deutsche Sprache in der Schweiz deutlich von der klassischen (literarischen) deutschen Sprache, die in Deutschland, Österreich, Liechtenstein, Luxemburg usw. gesprochen wird. Natürlich gibt es in diesen deutschsprachigen Ländern auch verschiedene Sprachdialekte, aber als literarischer Standard gilt die klassische deutsche Sprache (sog. Hochdeutsch) (AMMON, BICKEL & LENZ 2016). Im Werk des berühmten deutschen Dichters und Begründers des Renaissance-Dichtungsstils in Deutschland Martin Opitz — *Das Buch der deutschen Poetik (Buch von der Deutschen Poesie, 1624)* — heisst es, dass die „hochdeutsche Sprache“ (das sogenannte „Hochdeutsch“) als einzig richtige, von Dialekten befreite Sprachvariante hervorsteicht (KELLER 1995).

Die Schweizer Version der deutschen Sprache weist eine Reihe von Unterschieden zur Standardform auf — phonetisch, orthographisch, syntaktisch und lexikalisch. Diese Merkmale werden als Helvetismen bezeichnet. Schweizerdeutsch gilt als geschriebene Sprache. Ein Unterschied zwischen der deutschen und schweizerdeutschen

Schriftsprache wird beim Blick auf eine Schweizerdeutsche Computertastatur deutlich. Es fehlt das „ß“. Im Schweizerdeutsch wird anstatt „ß“ immer „ss“ geschrieben. Also anstatt *Straße* wird *Strasse* geschrieben. Andere Auffälligkeiten sind Worte oder Formulierungen, die im Hochdeutschen gar nicht oder nur sehr selten benutzt werden. Ein Beispiel ist „der Autofahrer ist verunfallt“. Im Hochdeutschen ist „verunfallen“ als Verb bekannt, aber benutzt wird fast immer „der Autofahrer hatte einen Unfall“ (DUDEN 2022). Oder eine Warnung in einem Schweizer Wildpark „Achtung — die Wisente sind sehr angriffig“. Im Hochdeutschen heißt das normalerweise „angriffslustig“ oder „greifen oft an“. In der Online-Version des Dudens sind die Schweizer Ausdrücke vorhanden, aber mit dem Zusatz „Gebrauch hauptsächlich in der Schweiz“.

Tabelle. Lokale Variationen der Schriftsprache

Präposition, Verb, Artikel, Plural	Schweiz	Deutschland
wegen, trotz, während	dem Regen (Dativ)	des Regens (Genitiv)
Sind / haben	Wir <i>sind</i> auf einer Bank gesessen Ich <i>bin</i> an der Bar gestanden	Wir <i>haben</i> auf einer Bank gesessen Ich <i>habe</i> an der Bar gestanden
Es hat / gibt / sein	Es <i>hat</i> noch Bier im Keller Ich <i>habe</i> kalt	Es <i>gibt</i> noch Bier im Keller Mir <i>ist</i> kalt
sehen	Ich sehe <i>zu</i> meinem Kind. Ich muss jetzt <i>zu</i> meinem Kind sehen	Ich sehe <i>nach</i> meinem Kind. Ich muss jetzt <i>nach</i> meinem Kind sehen
Der, die, das	<i>das</i> E-Mail das SMS das Tram der Drittel, Viertel, ... der Radio die Spargel die Foto	<i>die</i> E-Mail die SMS die Tram das Drittel, Viertel, ... das Radio der Spargel das Foto
Plural	die Pärke die Krägen die Departemente	die Parks die Kragen die Departments
Redewendungen	wie der Esel am Berg weder Fisch noch Vogel	wie der Ochs vorm Berg weder Fisch noch Fleisch

	das Fuder überladen es hat solangs hat jetzt ist genug Heu unten! Neben den Schuhen stehen Keinen Wank tun	des Guten zu viel tun es gibt etwas, solange der Vorrat reicht jetzt reicht es! Falsch liegen Keinen Mucks machen
--	---	--

Es ist klar, dass der moderne Duden lokale Schreibweisen (nicht nur auf Landesebene) kennt und akzeptiert. Auf der Webseite von Mosalingua (2022) finden sich viele Beispiele für Unterschiede zwischen dem geschriebenen Schweizerdeutsch und dem Hochdeutsch. Die Tabelle zeigt ein paar der wichtigsten Unterschiede. Es ist klar, dass selbst die deutsche Schriftsprache der Schweiz deutliche Unterschiede zum klassischen Hochdeutschen aufweist. Diese standardisierte Form des Schweizerdeutschen ist eine eigene nationale Variante — Schweizer Hochdeutsch, das im amtlichen Schriftverkehr, in den Medien (Zeitungen, Zeitschriften etc.), im Internet und im amtlichen Schriftverkehr verwendet wird. Es wird auch in Schulen unterrichtet. In einem amtlichen Rahmen, in dem Einwohner verschiedener Kantone und Ausländer anwesend sein können, verwenden sie meist dieses Schweizer Hochdeutsch. Es ist nahe genug an dem deutschen Hochdeutsch, um ein einwandfreies Verstehen zwischen Deutschen und Schweizern zu ermöglichen. Ausserdem haben wir bereits gesehen, dass der moderne Online-Duden auch Worte enthält, bei denen angemerkt ist, dass sie hauptsächlich nur in der Schweiz angewendet werden. Anders gesagt, der moderne Duden ist nicht mehr die klassische hochdeutsche Variante, sondern eine Version, die auch das geschriebene Deutsch in der Schweiz und Österreich berücksichtigt.

Daneben gibt es eine umgangssprachliche Form des Schweizerdeutschen, die gemeinhin als „Schwiitzer Dütsch“, „Schwizerdütsch“, „Schwizertüütsch“ usw. bezeichnet wird. Allgemein ist diese Variante des Schweizerdeutschen eine Sammelbezeichnung für mehrere alemannische Dialekte der Schweiz. Diese gesprochene Sprache variiert stark lokal und unterscheidet sich sehr stark von der standardisierten geschriebenen Sprache der Schweiz.

Schweizer Dialekte sind im Gebiet der modernen Eidgenossenschaft weit verbreitet — von Freiburg bis zum Bodensee und von Basel bis Zermatt. Sie unterscheiden sich deutlich in lexikalischer und phonetischer Bedeutung und bilden in der Schweiz verschiedene Ar-

ten von Dialekten, wie z. B. Zürcher, Berner, Basler, Walisisch und andere (SIEBENHAAR & WYLER 1997). Es gibt auch phonetische Besonderheiten des Schweizerdeutschen, die mit einer stimmlosen Aussprache einiger Buchstaben und Buchstabenkombinationen verbunden sind. Die Schweizer sind durch ihre stimmlosen und langen Zischlaute („h“, „ch“, „sch“) leicht von den Deutschen und Österreichern zu unterscheiden.

Auch in Deutschland variiert die Mundart-Sprache sehr deutlich. Aber dort hat sich für die meisten Situationen die gesprochene Schriftsprache, also Hochdeutsch auch als Kommunikationssprache durchgesetzt. Ein Grund ist, dass die Distanzen sehr viel grösser sind als in der Schweiz und dass im Gegensatz zur Deutschschweiz nicht nur eine Grossgruppe von Dialekten, die der alemannischen Dialekte, vertreten sind, sondern mehrere Gruppen von Dialekten. Deshalb kommt es sehr viel häufiger vor, dass sich z. B. ein Süddeutscher und ein Norddeutscher nicht verstehen, wenn jeder seine Mundart redet, da sie zu verschiedenen Dialektgruppen gehören. Im Deutschen Fernsehen gibt es spezielle Mundartserien, aber die generelle Sprache im Deutschen Fernsehen ist Hochdeutsch, das alle verstehen und das in den Schulen gelehrt wird. Auch beim Militär in Deutschland ist Hochdeutsch als Sprache vorgeschrieben. Verständigungsprobleme im Militär wären katastrophal.

In informellen Situationen in der Schweiz wird „Schwitzer Dütsch“ gesprochen, also normalerweise der lokale oder kantonale Dialekt, was die regionale Zugehörigkeit des Sprechers betont. Dies gilt auch für viele Fernsehsendungen. Tatsächlich erlaubt der Dialekt, zwischen „eigenem“ und „fremdem“ zu unterscheiden und festzustellen, in welchem Schweizer Kanton oder sogar welcher Gemeinde der Sprecher lebt. Personen, die nicht in der Schweiz aufgewachsen sind und erst später zugezogen sind, haben oft das Problem, dass sie den lokalen Dialekt ihrer Wohngemeinde gut verstehen, nicht aber stark abweichende Dialekte. So hat z. B. einer der Autoren dieses Artikels, nachdem er zwei Jahre in der Schweiz lebte, eine Diskussion zwischen einem Zürcher und einem Basler im Fernsehen verfolgt, konnte aber nur den Zürcher verstehen, den Basler nicht. Personen, die in der Schweiz aufgewachsen sind, haben dieses Problem normalerweise nicht. Die Schweiz ist räumlich sehr klein und im Fernsehen sind meist alle Dialekte zu hören. Generell wird die Schweizer Literatursprache sehr viel seltener gesprochen als der

Schweizer Dialekt. Gleichzeitig ist allgemein anerkannt, dass die Schweizer Literatursprache in der Regel von hochgebildeten und intelligenten Menschen gesprochen wird, da sie als Variante der internationalen Kommunikation gilt. In weiten sozialen Kreisen ist es üblich, lokale Dialekte zu sprechen. In kleinen Städten und Siedlungen findet man häufig Schilder in Geschäften und Restaurants, die in lokalen Dialekten geschrieben sind. Aktuelle Studien der Universität Zürich zeigen, dass ein grosser Teil der Deutschschweizer das Deutsch in Deutschland nicht als ihre Muttersprache betrachtet (RUOSS 2019). Sie sehen stattdessen die Entwicklung des „Schwiitzer Dütsch“ aus den alemannischen Dialekten als Grundlage des Selbstverständnisses der Deutschschweizer. Nach der Dissertation von Emanuel Ruoss entwickelten sich die Dialekte im Laufe des 19. Jahrhunderts zum Ausdruck und konstitutivem Element eines schweizerischen Nationalcharakters. Spätestens in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts wurde das Schweizerdeutsch zu einem sprachlichen Nationalsymbol der Deutschschweiz und zu deren Symbol der Abgrenzung gegen das sich politisch konsolidierende Deutschland. Diese Abgrenzung gegen Deutschland scheint für viele Schweizer nach dem Abschluss der bilateralen Verträge zwischen der Europäischen Union und der Schweiz noch wichtiger geworden zu sein, da Deutsche, als Bürger der EU, sich seitdem problemlos um Arbeitsplätze in der Schweiz bewerben können. Deutsche sind damit potentielle Konkurrenten auf dem Schweizer Arbeitsmarkt.

Ein weiteres Indiz der hohen Bedeutung der Dialekte für das Deutschschweizer Selbstverständnis ist die Existenz des „Schweizer Idiotikons“, eines dialektologischen Wörterbuches (SCHWEIZERISCHES IDIOTIKON 2022) mit Beschreibungen des Wortschatzes der Schweizer Mundart. Dieses Wörterbuch wurde erstmals 1862 in Zürich unter Beteiligung der Antiquariatsgesellschaft herausgegeben. Es umfasst den Wortschatz der Dialekte vom 13. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Das Schweizer Idiotikon gilt als einzigartiges Archiv, das 1,5 Millionen verschiedene Druckschriften aus dem Mittelalter und der Neuzeit enthält. Seit 1881 sind 16 Bände erschienen. Band 17 soll 2022 erscheinen. Der Zeitpunkt des Erscheinens des ersten Bandes im Jahr 1862 passt gut zu dem Beginn des Betrachtens der Deutschschweizer Dialekte als Nationalsymbol der Schweiz in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Der grosse Umfang des Projektes mit z. Zt. 16 Bänden, die 1,5 Millionen verschiedene Druckschrif-

ten vom Mittelalter bis heute umfassen unterstreicht ebenfalls die Bedeutung dieser Dialekte für die Schweizer.

Das Moderne Idiotikon ist neben dem Wörterbuch der Romanie, dem Wörterbuch der Italienisch-Schweizerischen Dialekte und dem Rätoromanischen Wörterbuch eines der vier nationalen Schweizer Wörterbücher. Hier ist noch zu sagen, dass Dialekte in der französischen und italienischen Schweiz kaum eine Rolle spielen. In der französischen Schweiz gab es am Anfang auch provenzalisches Französisch, dies ist aber im Laufe der Zeit vom offiziellen Französisch verdrängt worden. Eine Abgrenzung gegen Frankreich oder Italien durch Dialekte, wie sie gegen Deutschland existiert, gibt es nicht.

Die moderne Schweizerdeutsche Sprache befindet sich in ständiger Entwicklung, was durch neue Begriffe, sprachliche Einheiten und Anleihen aus anderen Sprachen belegt wird. Dies ist auf die Entwicklung der Weltinformationsgesellschaft und die Prozesse der Globalisierung zurückzuführen. Dennoch bleibt das Schweizerdeutsch ein Symbol der nationalen kulturellen und sprachlichen Identität der Schweiz.

3. Fazit und Ausblick

Sektion 2 hat klar gezeigt, dass die Deutschschweizer Dialekte eine wichtige Rolle im Selbstverständnis der Deutschschweizer spielen. Sie dienen dabei auch als Abgrenzung der Schweiz gegen Deutschland. Interessant ist, dass es eine solche sprachliche Abgrenzung der französischen Schweiz (Romandie) gegen Frankreich oder der italienischen Schweiz gegen Italien nicht gibt. Diese Gebiete waren bis 1798 Untertanengebiete der deutschsprachigen Kantone und hatten nur eingeschränkte Rechte (FURRER 2007). Generell wird auch heute noch die Mittelschweiz, speziell die drei sogenannten Urkantone Schwyz, Uri und Unterwalden, als Gründungsgebiet der Schweiz betrachtet. D. h., die Deutschschweiz spielte in der Schweiz schon immer eine besondere Rolle. Deshalb ist auch das sprachliche Abgrenzen gegen andere deutschsprachige Länder für das Selbstverständnis aller Schweizer bedeutsam. Als Ausgleich für diese Dominanz der Deutschschweizer wird aber im politischen System der Schweiz auf die Repräsentation der französisch und italienisch sprechenden Landesteile in der Schweizer Bundesregierung, dem Bundesrat, besonderer Wert gelegt. Dies ist sehr wichtig, da eine einzige, das ganze Land einigende Landessprache nicht existiert.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ammon, Ulrich; Bickel, Hans, & Lenz, Alexandra N. (2016) *Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz, Deutschland, Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen*. Berlin; Boston: Walter de Gruiter. DOI: 10.1515/9783110245448.
- Duden. (17. März 2022). Retrieved from <https://www.duden.de/woerterbuch>.
- Furrer, Norbert. (2007) Deutsche Obrigkeiten, welsche Untertanen. Sprache als Politikum in der alten Eidgenossenschaft. In Nicklas, Thomas, & Schnettger, Matthias. (eds) *Politik und Sprache im frühneuzeitlichen Europa*. Mainz: v. Zabern, 101—112.
- Keller, Rudolf E. (1995) *Die Deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung*. Hamburg: Buske Helmut Verlag GmbH.
- MOSALingua.com. (17. März 2022). Schweizerdeutsch und Hochdeutsch: die Unterschiede. Retrieved from <https://www.mosalingua.com/de/schweizerdeutsch-die-unterschiede>.
- Ruoss, Emanuel. (2019). *Schweizerdeutsch und Sprachbewusstsein*. Berlin: Walter De Gruiter GmbH. DOI: 10.1515/9783110610314.
- Schweizerdeutsch und Hochdeutsch. Die Unterschiede. (17. März 2022). Retrieved from <https://www.mosalingua.com/de/schweizerdeutsch-die-unterschiede>.
- Schweizerische Eidgenossenschaft (der Bundesrat). (17. 03 2022). Die Schweiz entdecken. Retrieved from <https://www.eda.admin.ch/about-switzerland/de/home/gesellschaft/bevoelkerung/die-bevoelkerung-fakten-und-zahlen.html>.
- Schweizerisches Idiotikon. (17. 03 2022). Retrieved from <https://www.idiotikon.ch>.
- Siebenhaar, Beat, & Vögeli, Walter. (2010) Mundart und Hochdeutsch im Vergleich. Frankfurt/M.: Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg.
- Siebenhaar, Beat, & Wyler, Alfred. (1997) *Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz*. Zürich: Pro Helvetia.

Nataliya I. Maslakova-Clauberg
Institute of World Civilizations

Rolf Clauberg
RUDN University

Swiss German in a Changing World

This article examines the particular importance of the German-Swiss vernacular dialects for Switzerland and in particular for the German-speaking Swiss. After a brief look at the population structure of Switzerland and the

associated national languages, we focus on German-speaking Switzerland as the largest part of Switzerland and the role of the German and Swiss-German language. First the written languages are compared, then the spoken languages. Although there are clear differences in the written languages, they are still so close together that German-speaking Swiss can easily communicate with Germans or Austrians. It is completely different when communicating with the dialects. Communication within the Swiss-German dialects is possible here, but extremely difficult between German-speaking Swiss and Germans. The Swiss-German dialects play a very important role in the national self-image of the Swiss, especially as a demarcation from Germany and definition of the German-speaking part of Switzerland and even the Swiss national understanding.

Keywords: Swiss German; written language; dialect; national identity

Наталья И. Маслакова-Клауберг
Институт мировых цивилизаций

Рольф Клауберг
Российский университет дружбы народов

Швейцарский немецкий в меняющемся мире

В статье раскрывается особое значение немецко-швейцарских вернакулярных диалектов для Швейцарии и, в частности, для немецкоязычных швейцарцев. После краткого обзора структуры населения Швейцарии и соответствующих национальных языков авторы уделяют особое внимание немецкоязычной Швейцарии как самой большей части страны и роли немецкого и швейцарско-немецкого языка. Сначала сравниваются письменные языки, затем разговорные. Несмотря на явные различия письменные языки все же настолько близки друг к другу, что немецкоязычные швейцарцы могут легко общаться с немцами или австрийцами. Совсем иначе обстоит дело при общении в диалектном регистре. Общение на швейцарско-немецких диалектах здесь возможно, но крайне затруднено, в особенности, если оно происходит между немецкоговорящими швейцарцами и немцами. Швейцарско-немецкие диалекты играют очень важную роль в национальном самовосприятии швейцарцев, прежде всего в качестве инструмента демаркации от Германии и формирования национального самосознания немецкоязычной части населения Швейцарии.

Ключевые слова: швейцарский немецкий язык; письменный язык; диалект; национальное самосознание

Для цитирования:

Maslakova-Clauberg N. I., Clauberg R. Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 263—273.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273.

To cite this Article:

Maslakova-Clauberg, Nataliya I., & Clauberg, Rolf. (2022) Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel (Swiss German in a Changing World). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 263—273.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022; принята к публикации 28.03.2022
The article was submitted 18.03.2022; accepted for publication 28.03.2022

Т. Н. Москвина

Алтайский государственный педагогический университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье освещаются методологические подходы к исследованию лексики островных немецких говоров в Алтайском крае. Изучение языковых островов является основным направлением исследований языковых миноритарных групп в единстве их языкового и культурного своеобразия. Изучение региональных вариантов немецких диалектов имеет особое значение для понимания динамики языкового развития и позволяет восстановить направление происходивших в прошлом языковых движений. В результате анализа текстового корпуса доказывается обусловленность развития лексико-семантической системы островных немецких говоров внутренними закономерностями развития и влиянием русского языка.

Ключевые слова: немецкая диалектология; островной немецкий говор; семантика; историческая семантика; языковая вариативность; изменение значения; языковые контакты

1. Введение

Исследования островных немецких говоров компактных поселений российских немцев занимают особое место в классической и островной диалектологии, контактной лингвистике и семантике. Это обусловлено особыми условиями бытования этих говоров в России и спецификой их развития в иноязычном окружении. Первые переселенцы приезжали в Россию из различных диалектных областей Германии, создав таким образом изначально некоторое языковое (диалектное) разнообразие в местах новых поселений. Миграционные процессы, междиалектное языковое взаимодействие, влияние мажоритарного языка окружения неизбежно приводили к изменению диалектных языковых систем.

Отдельные языковые аспекты достаточно хорошо изучены и описаны в лингвистической литературе. В первую очередь следует отметить всесторонние и многолетние исследования В. М. Жирмунского, А. П. Дульзона, Г. Г. Едига и их научных школ. Социолингвистическая характеристика и лингвистическое описание языковой ситуации в немецких селах Алтайского края

представлены в научных трудах Л. И. Москалюк, отдельным языковым явлениям и уровням языка посвящены исследования и других ученых (О. А. Александрова, О. В. Байковой, Н. Беренд, И. Г. Гамалей, В. А. Дятловой, А. Я. Минора, Т. Н. Москвиной, Ю. В. Серых, Ж. А. Сержановой, М. С. Смоля, Н. Н. Степановой, Н. В. Трубавиной и др.). Интересными и перспективными являются комплексные исследования процессов взаимодействия языков, феноменов междиалектных контактов и интерференции на примере различных групп островных немецких диалектов: немецких говоров Вятского региона России (БУХАРОВ & БАЙКОВА 2021), языковых и культурных контактов в Саратовской области (МИНОР 2018), островных немецких диалектов России и Бразилии (ROSENBERG 2003), немецких языковых островов в Венгрии (KNIPF-KOMLÓSI 2011) и др.

Лексическая система представляет собой, с одной стороны, многоаспектно исследованный объект, с другой стороны, она требует постоянных дополнений и дальнейших исследований, поскольку является наиболее динамичной и изменчивой подсистемой языка. Результаты изучения диалектной лексики представлены в различных лексикографических работах, среди которых следует отметить словарь Г. Г. Едига и его коллег (ВАЛЛ, ВЕДЕЛЬ & ЕДИГ 1978), *Mennonitisches Wörterbuch* Дж. Тиссена (THIESSEN 1977), *Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte und Rätsel* под редакцией Х. Зименса (SIEMENS 2007), *Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта* (МИНОР 2016), *Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае* (МОСКАЛЮК 2010) и *Russlanddeutsches Dialektbuch* Н. Беренд (BEREND 2011).

Дальнейшая разработка и изучение диалектной лексики, описание и систематизация процессов лексического и семантического варьирования в различных группах островных немецких диалектов, выявление общезыковых и частных закономерностей является важным и перспективным направлением исследований в островной немецкой диалектологии.

2. Характеристика материала и методов исследования

В Алтайском крае представлены все основные диалектные группы: нижненемецкая, средненемецкая и южнонемецкая. Уже по языковым данным без обращения к истории носителей диалекта можно судить о смешанной демографической характеристике немецких поселений. Современное состояние островных

немецких говоров Алтайского края во всех проявлениях (фонетические особенности, грамматическая структура, лексико-семантическая система, явления интерференции и переключения кода) подробно исследовано и описано в работах Л. И. Москалюк (2014; 2018) и др., а также в работах сотрудников научно-исследовательской лаборатории по изучению немецких диалектов в Сибири (ТЕКСТОВЫЙ КОРПУС 2014). Немецкие говоры на территории Алтайского края характеризуются значительным разнообразием лексико-семантической системы, которая является составной частью единой языковой системы немецкого языка, но содержит множество лексических единиц, отличающихся от стандарта и локально ограниченных в своем употреблении.

Изменения в лексической системе наиболее очевидны. История языка и исследование системных процессов в языке свидетельствуют о том, что изменения в лексике происходят быстрее, чем в других языковых системах; они в большей степени осознаются самими говорящими и могут закрепляться в лексической системе еще при жизни одного поколения, в то время как грамматические процессы варьирования носят более низкочастотный характер. Лексика языка наиболее чувствительна к происходящим процессам и способна гибко подстраиваться под языковую и коммуникативную ситуацию. В первую очередь культурные и языковые контакты затрагивают словарный состав языка.

Исследования словарного состава включают инвентарь лексических единиц (статика) и их использование в определенных коммуникативных ситуациях (динамика). Методологические принципы, применяемые в исследовании, основываются на трудах отечественных и зарубежных ученых по следующим проблемам: исследования диалектов и языковых островов (В. М. Жирмунский, А. И. Домашнев, Л. И. Москалюк, N. Berend, H. Jedig, K. Mattheier, P. Rosenberg, P. Wiesinger), взаимодействие языков в условиях контактирования (Е. М. Верещагин, У. Вайнрайх, S. Földes), диалектная семантика, диалектная морфология, диалектный и разговорный синтаксис (Е. Knipf-Komlósi, P. Rosenberg).

Для иллюстрации описываемых процессов использованы материалы диалектологических экспедиций автора и коллектива научной школы «Островная немецкая диалектология» Алтайского государственного педагогического университета в села Немецкого национального района Алтайского края, материалы

Текстового корпуса немецких диалектов на Алтае (ТЕКСТОВЫЙ КОРПУС 2014), а также примеры из шванков российских немцев (GÜNTER 2015).

3. Лексическое и семантическое варьирование в диалектной лексике

Важным исходным пунктом является тот факт, что языковые острова образованы выходцами из различных регионов Германии и в дальнейшем России, миграционные процессы протекали в разные периоды истории немцев в России, компактные поселения российских немцев изначально сохраняли относительно гомогенный характер, но в дальнейшем происходило неизбежное смешение.

Спектр языковых контактов расширяется, и усиливаются процессы конвергенции, процессы междиалектного взаимодействия и контактные явления в плоскости «говор — русский язык». Эти процессы требуют постановки новых задач и новых ракурсов рассмотрения.

П. Розенберг в своих исследованиях немецких островных диалектов в России, Бразилии и США отмечает, что во многом акценты смещаются с изучения исключительно межъязыковой конвергенции на изучение также и внутриязыковой конвергенции (*interlinguale und intralinguale Konvergenz*). Они выступают в процессах «внутреннего» языкового варьирования как «векторы» во взаимообратные отношения, могут иметь различное направление развития, нейтрализовать друг друга или образовывать так называемый «резонансный случай» («*Resonanzfall*») (ROSENBERG 2003). Изучение островных диалектов вносит, таким образом, значительный вклад в изучение процессов конвергенции, поскольку языковые острова представлены несколькими диалектными вариантами, в которых наблюдаются процессы выравнивания («*Ausgleich*»).

Другими определяющими факторами является отсутствие нормирующего влияния литературного немецкого языка, таким образом, процессы смешения и изменения протекают более свободно. Самый важный аспект — это интенсивные языковые контакты, поэтому сравнение языковых процессов, протекающих в островных диалектах при контактировании с другими языками, в перспективе позволяет сделать некоторые выводы о том, насколько эти процессы изменения обусловлены внешни-

ми, внутренними или и теми и другими факторами (Ibid.).

Изучение диалектной лексики на синхронном срезе подразумевает статическое констатирующее описание и инвентаризацию лексических единиц того или иного говора. В рамках проекта «Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае» было проведено комплексное синхронное исследование всех «немецких» сел Алтайского края с целью картографирования наиболее ярких признаков диалектов на лексическом и морфологическом уровне. Поскольку сфера употребления диалекта ограничена семейным и повседневно-бытовым общением, то для исследования выбирается наиболее характерная для этого дискурса лексика.

Так, для описания диалектной лексики в Венгрии Э. Книпф-Комлози выделяет 11 базовых тематических групп, которые составляют основной инвентарь используемой диалектной лексики: (1) семья, родство; (2) дом, хозяйство; (3) питание, кухня; (4) погода и времена года; (5) человек, характер, внешность, одежда; (6) праздники, традиции, обряды; (7) животные и растения; (8) самочувствие, здоровье и др. (KNIPF-KOMLÓSI 2011: 130).

В *Лингвистическом атласе* представлены 165 лексических единиц из различных тематических групп: человек, дом, животные и растения, праздники, работа и хозяйство, одежда, посуда и кухня, время и др. (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС 2010).

Результаты позволяют оценить весь спектр вариативности и варьирования в островных немецких говорах Алтайского края (см. Табл.). Слова написаны с использованием принципов так называемой «полуорфографической записи» — популярной практической транскрипции, приближенной к орфографии современного немецкого языка с целью показать фонетические особенности говоров.

Таблица. Лексические особенности немецких диалектов на Алтае

Лит. немецкий язык	Константинówka	Подсосново	Самсоновка	Ямбург	Кусак
Großmutter	mota	moder	krosma	mota	euma
Tante	poas	wees	tande	pasl	momtje
Pferd	koal	kaul	feert	ros	pieđ
Fußboden	bode	poule	diele	bodm	flouwe
Kartoffel	katofl	kartofl	kartofl	eadäpfl	itschoke
Bluse	jupkala	plusle	plus	jandkedl	bluus

kahl	plut	platt	kahl	plut	kuhl
weinen	heila	kroine	haile	haile	rohre
nach Hause	houm	zu haus	zu haus	ham	ne hüs

Источник: (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС 2010)

Системные исследования всех основных групп островных немецких говоров Алтайского края, проведенные научным коллективом АлтГПУ под руководством Л. И. Москалюк, показывают, что в словарный состав говора входят лексические единицы различного статуса и происхождения. Все эти группы лексики характеризуются гетерогенностью. Помимо исконной немецкой и диалектной лексики, которая достаточно стабильна по форме и значению, наблюдаются процессы варьирования на уровне формы и содержания, а также вхождение иноязычных лексических единиц.

Это позволяет представить систему диалектной лексики следующим образом: (1) общенемецкая лексика (изменения затрагивают лишь фонетические и морфологические характеристики лексем, которые не влияют на их содержание): Houm / Hous 'Haus', Sunntag 'Sonntag', kfalla 'gefallen', Elder 'Eltern', Kfiehl 'Gefühl'; (2) общенемецкая лексика, претерпевшая семантические и морфологические изменения различного типа (семантические: Waip 'Weib', Lebtag 'Leben', стилистические: heele 'heulen' в значении 'weinen', Gaul 'Gaul statt Pferd', морфологические: alloinig 'allein, einsam', sich oke 'angehen'); (3) собственно диалектные лексические единицы, которым нет соответствия в литературном немецком языке, а также лексемы, характерные только для верхне- или нижненемецкого ареала, и слова, которые употребляются только в одном конкретном говоре: Faoldrach 'ein fauler Mensch', Halpkschupta 'ein sonderbarer Mensch', Tummlack 'ein dummer Mensch', navahulisch 'frech, unverschämt'; (4) заимствования из русского языка: Sie tut immer nervnitschaje 'нервничать'.

В лексике островных диалектов в основном можно отметить две тенденции. С одной стороны, мы наблюдаем прогрессирующие эрозивные процессы в лексике, связанные со снижением уровня владения диалектом у среднего и младшего поколения и с интерферирующим влиянием русского языка, с другой стороны, — постоянные процессы варьирования внутри диалектов, вызванные внешними языковыми и социокультурными факторами.

Сопоставление лексики различных диалектных групп (верх-

ненемецких и нижненемецких говоров) показывает, что даже при наличии общенемецкой корневой базы в верхне- и нижненемецких говорах в качестве нейтрального базового обозначения того или иного явления / действия / предмета и т. д. используются традиционно разные слова: Bode / Diele / Floure 'Boden / Diele / Flur (= Fußboden)', Houm / Hus 'Haus', sachtich / langsam 'langsam', sich phalda / sich fiire 'sich benehmen', Kikla / Huun 'Hahn', pes / dol 'böse' и др. (МОСКАЛЮК 2010: карты 33, 43, 51, 139).

Семантическая вариативность всех групп немецких говоров характеризуется также различиями в семантике общенемецких лексических единиц в сопоставлении с литературным немецким языком на разных этапах его развития. В разных группах говоров наблюдается стилистическая нейтрализация, когда стилистически маркированные в литературном немецком языке лексемы имеют в говорах статус нейтрального слова. Так, в рамках одной тематической группы, например, в группе глаголов с общим значением 'weinen' имеется большой синонимический ряд глаголов с различной стилистической маркированностью: hiele, goage, jule (нижненем.) и heele, plarre, pliere, kreische, julja (верхненем.) с общим нейтральным глаголом hiele вместо отсутствующего глагола weinen:

Junges hiele nich. — Jungen weinen nicht.

Woscht noch bettaaje Trohne hiele. — Du wirst noch bittere Tränen weinen.

Синонимический ряд с общим значением 'Pferd' представлен рядом лексем: Pfart / Koal / Ross. При этом в говорах утрачена стилистическая окраска, и все лексемы являются нейтральными наименованиями, их употребление в качестве базового обозначения варьирует только от диалекта к диалекту. Это подтверждается и их словообразовательной продуктивностью именно как стилистически нейтрального слова: Gailwätr 'Gaulwärter / Pferdewärter', Goulsdokter 'Pferdearzt'.

Для полного комплексного и глубокого исследования развития лексико-семантической системы языка необходим и исторический ракурс изучения. Это возможно только при сопоставлении данных языка двух-трех поколений носителей говора и данных более ранних исследований, проведенных диалектологами в начале XX в. (В. М. Жирмунский, Г. Дингес, А. П. Дульзон и др.). Характер многих изменений возможно выявить только при сопо-

ставлении современного значения с более ранними.

«Соотношение языковой структуры и языкового развития играет здесь особо важную роль, поскольку синхронные отношения есть принципиально лишь промежуточные стадии в общественном развитии. Языковая динамика — это не частный случай, а элементарный базовый признак языка» (KNIPF-KOMLÓSI 2011: 123).

Т. И. Вендина отмечает, что

«фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляют исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической динамики и проследить общее направление развития» (ВЕНДИНА 2018: 98).

Для изучения динамики языковых процессов необходимо сопоставление значения со значением аналогичной лексики исходной диалектной области и/или с более ранними вариантами развития немецкого языка. Это возможно с помощью Интернет-портала диалектных и исторических словарей Wörterbuchnetz (<http://woerterbuchnetz.de>). Такого рода данные необходимы для толкования специфической диалектной лексики, когда перечень значений и контексты употребления не дают удовлетворительного объяснения произошедшим семантическим изменениям. Анализ предыдущих стадий развития, которые оказывают долговременное влияние и определяют зачастую направление семантического развития, позволяет делать выводы о современном состоянии лексико-семантической системы островных немецких говоров. Это является одним из базовых принципов диалектологии.

В немецких диалектах в России наблюдается «консервация» или архаизация исходного значения, в то время как в немецком языке Германии данная лексема претерпела другое развитие или перестала употребляться вообще. Так, например, *arig / arich* употребляется в говорах как интенсификатор, в значении 'sehr'. Зафиксированное в древне- и средневерхненемецком языке прилагательное *arg* (*arg*) в значении 'böse, schlimm, heftig, stark' сохранилось в диалектах как усилитель значения и используется повсеместно вместо *sehr*.

Ea is a arma Tropf, ea hat arig viel Elend. — Er ist ein unglücklicher Mensch. Er hat sehr viel Leiden.

Mir is arig wichtig, neiserig, was da voageht. — Ich war sehr neugierig, was dort vorgeht.

Im Nochbrstädtje wär sou a aarich scheenes Mädje zu seine Freinde komme un hätt' sich uf 'n erschte Blick in den Matz vrkracht. — In der Nachbarstadt ist so ein sehr schönes Mädchen zu seinem Freund gekommen und hat sich vom ersten Blick in den Kerl verliebt.

Возможно, здесь мы имеем дело с внутренней закономерностью развития языка, когда слова с отрицательным значением (schrecklich, wahnsinnig) в ходе десемантизации становятся усилителями значениями в сочетании с другими прилагательными (schrecklich schön).

В говоре активно используются в старых значениях, считающихся в современном немецком языке устаревшими, такие лексемы как Base, Knecht, Magd / Mädje, Buwe 'Bube' и др.

Процессы семантического варьирования и их причины многообразны. Это могут быть внутренние процессы развития говоров в условиях отрыва от языковой среды и в иноязычном окружении, а также процессы, обусловленные утратой диалектами функции языка повседневного общения и снижением уровня диалектной компетенции носителей диалекта. Возникает большое количество лакун, вызванных новыми реалиями, которые невозможно заполнить имеющимися в диалекте лексическими средствами, в некоторых случаях носители диалекта используют заимствования из русского языка, в том числе кальки, чтобы элиминировать возникшие лакуны: Blitzblatt (газетамолния), Gum (кум), Kumradschaftsgericht (товарищеский суд) и др. О. В. Байкова и В. М. Бухаров отмечают, что

«их появление не является, однако, следствием интерференции. Они заполняют семантические пустоты в первом языке и начинают выполнять посредническую функцию в межъязыковой коммуникации, становясь паттернами немецкой диалектной нормы» (БАЙКОВА & БУХАРОВ 2021: 9).

Носители говоров в силу своей диалектной компетенции в определенной мере осознают эти процессы и комментируют их в беседах с исследователями. В языковом сознании носителей диалекта есть определенные представления, какими словами и выражениями располагает их язык для обозначения и выражения того или иного явления и предмета, какие из них употребляются чаще/реже, какое поколение использует их и как в таких

ситуациях говорят в других диалектах.

Анализируя современное состояние лексики островных немецких говоров, мы наблюдаем три процесса.

1. Лексическое и семантическое варьирование, обусловленное внутренними закономерностями развития немецкого языка и его вариантов (intra-linguale Konvergenz) и влиянием русского языка (inter-linguale Konvergenz).

2. Словообразование как способ номинации, расширения словарного состава и элиминирования лакун. При этом используются средства как немецкого языка / диалекта, так и русского языка. Во многих случаях словообразование подвергается также интерферирующему влиянию русского языка.

3. Заимствования из русского языка — как прямые заимствования, так и кальки, т. е. случаи замещения русскоязычных элементов средствами родного языка; при этом очевидна модель или соответствующая структура русского языка.

Заимствованиям лексических единиц посвящено большое количество работ, поэтому в данной статье отметим лишь некоторые тенденции. Заимствования путем калькирования наиболее характерны для фразеологизмов.

die Ärmel hoch un mit 'm ganze Kopp ans Werk. — die Ärmel hoch krempeln und mit dem ganzen Kopf an die Arbeit (от рус. «засучить рукава», «уйти с головой в работу»).

Ihn tät' pure Wolfshunger quäle. — Ihn quält der pure Wolfshunger (рус. «голодный как волк» vs. нем. Bärenhunger).

Dr Reiche hot sich dr Kopp immr ärchr vrbroche, wie 'r den Mitesser vom Gnick krieje kennt. — Der Reiche hat sich den Kopf zerbrochen, wie man den Mitesser vom Genick kriegen kann. (рус. «скинуть с шеи» — vom Gnick krje / vom Hals schittle).

Отметим несколько моментов в области словообразования для иллюстрации процессов взаимовлияния языков в ходе языковых и культурных контактов. Деривационные процессы характеризуются теми же процессами, что и процессы, которые протекают на уровне семантического варьирования. В островных диалектах сохраняются базовые модели немецкого словообразования, при этом наблюдаются процессы интерференции и гибридное словообразование. Данная статья не претендует на всесторонний охват, таксономию и систематизацию словообразователь-

ных процессов и моделей. Это представляет собой отдельное поле исследования, поскольку требует специфических методик по сбору и обработке диалектного материала (КНИРФ-КОМЛОСИ 2011: 186б). Диалектные единицы, которые претерпели различные изменения и модификации, связанные в том числе и с семантическим варьированием компонентов, важны для иллюстрации общих закономерностей варьирования на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом). Изучение регулярных словообразовательных процессов и особенно исключений или новообразований позволяет оценить «жизнеспособность» и продуктивность лексем и морфем в плане деривации.

Анализируя словообразовательные модели, используемые в немецких говорах, можно сделать вывод об их регулярности. Все продуктивные модели (словосложение, деривация) представлены достаточно частотно. Встречаются устаревшие сложные слова или морфемы, которые были характерны для немецких диалектов еще в средневерхненемецкий период и сохранились до сих пор в немецких говорах в России, например, *Weibslente*, *Mannskerl*, *Mannsleute*. Базовым глаголом с общей семантикой ‘говорить’ выступает в верхненемецких говорах глагол *vuzähle*. Он объединяет в себе значения обоих глаголов ‘*sprechen*’ и ‘*erzählen*’. Возможно, эта глагольная форма является специфической именно для говоров российских немцев, а варианты префикса *er-/ver-* можно объяснить их конкуренцией еще в древне- и средневерхненемецкий периоды: именно в этот период исследователями отмечается также конкуренция схожих по значению *verba dicendi*: *sagen*, *sprehhan*, *quedan*, *jehen*, *sagen*, *reden* (FRITZ 1998). Таким образом, *vuzähle* является нейтральным в стилистическом плане глаголом с контаминированной семантикой двух глаголов говорения. Интересен случай употребления разных глаголов говорения в одной ситуации:

In sellen Dorf, dart warn Russ gwohnt mit uns, da hat d Frau schnell Teitsch glernt, so praktisch schnell mit uns *vazählt*... — Im selben Dorf haben Russen mit uns gewohnt, da hat die Frau schnell Deutsch gelernt, praktisch schnell hat sie mit und *gesprochen*.

(Und die Deutschen, die in Schumanowka wohnen, die Mennoniten...?) Mit ihne han mia Teitsch *veazählt*. Ich hab sie schwach verstanen. Sie han so kak-to wie Gollandskij *ksprocha*. — Mit ihnen haben wir Deutsch *gesprochen*. Ich habe sie schlecht verstanden. Sie haben so wie

Holländisch *gesprochen*.

В свете процессов варьирования, контактирования говоров и интерферирующего влияния русского языка интересны модели гибридного словообразования, которое предполагает сочетание в одной лексической единице исконно немецкой и русской морфемы или основы. В большинстве случаев в одной лексической единице сочетаются немецкая и русская заимствованная лексема, которая вошла в лексический состав островного немецкого говора. Так, существительное *Banjabeesen* является сочетанием немецкой лексики *Besen* и определяющего слова из русского языка «баня». Это можно объяснить тем, что банный веник — реалия русского быта, мотивировано русским словосочетанием «банный веник». Такие конструкции наиболее частотны: ср. *Dorfsowjet* — сельсовет, *Aurbuseernte* — урожай арбузов, *Alimentezahle* — уплата алиментов и др. В структуре многих гибридных сложных слов в качестве мотивирующей основы часто выступает русское словосочетание с определительным компонентом. К гибридным моделям словообразования можно отнести и конструкции с полуаффиксами, например, *Milizmann* — милиционер, *Ufräumefraa* — уборщица. В последнем случае вместо основы *putz-* (*Putzfrau*) используется основа глагола *aufräumen*, слово мотивировано русским словом «уборщица», однако русский суффикс *-ца* заменен на продуктивный немецкий полуаффикс *-frau*.

Выявление подобных архаичных и/или модифицированных морфологических элементов требует дальнейшего детального изучения. Они позволят в другом ракурсе посмотреть на способы расширения словарного состава островных немецких говоров, на процессы номинации в условиях недостаточной диалектной компетенции и отсутствия лексем для обозначения новых предметов и явлений.

4. Заключение и выводы

Исследования процессов лексического и семантического варьирования в островных немецких диалектах показывают, что изменения в ходе языковых контактов разного типа (диалект — диалект, диалект — русский язык) и внутриязыковых процессов варьирования, характерных для островных говоров, таких как вариативность и выравнивание (*Sprachwandel, Ausgleich*), очень тесно переплетаются и обуславливают друг друга. Внешнее влияние (русского языка) становится более мощным фактором влияния на раз-

витие диалектных систем. На данном этапе чрезвычайно важно провести системное синхронное исследование лексики немецких говоров в Алтайском крае, чтобы определить имеющийся в активном употреблении словарный состав, определить, насколько велика или мала сохранность старых лексем и их значений в каждой группе говоров и какое место занимает уникальный собственно диалектный словарь. Описание семантических процессов требует дальнейшей систематизации и теоретического осмысления.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бухаров В. М., Байкова О. В. Взаимодействие языков и интерференция в речи немцев-билингвов Вятского региона России // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 5—18. [Bukharov, Valeriy M., Baykova, Olga V. (2021) Vzaimodeystviye yazykov i interferentsiya v rechi nemtsev-bilingvov Vyatskogo regiona Rossii (Interaction and Interference of Languages in Bilingual Germans of the Vyatka Region in Russia). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 19, 2, 5—18. (In Russian)]. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-5-18.
- Валл Х. И., Ведель С. К., Эдиг Г. Г. Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров. Ч. 1. // Вопросы структуры германских языков. Вып. 3. Омск: гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1978. С. 37—44. [Vall, H. I.; Vedel', S. K., & Edig, G. G. (1978) Iz opyta raboty po sboru slovarnogo materiala nizhnenemetskikh govorov (From the Experience of Collecting Vocabulary Material of Low German Dialects). In Edig, G. G. (ed.) Voprosy struktury germanskikh yazykov (Issues of the Structure of the Germanic Languages). Part 3. Omsk: A. M. Gorky State Pedagogical Institute, 37—44. (In Russian)].
- Вендина Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров»: о динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 96—113. [Vendina, Tatyana I. (2018). Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: o dinamike russkoy dialektnoy leksiki (A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: about the Dynamics of Russian Dialect Vocabulary). In Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) (Lexical atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)). Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 96—113. (In Russian)]. DOI: 10.30842/26586150201809.

- Минор А. Я. Эволюция диалектов поволжских немцев в условиях иноязычного окружения // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов X Международной конференции / ред. Р. З. Назарова, Т. А. Спиридонова. Саратов: Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2018. С. 81—86. [Minor, Alexander Ya. (2018) *Evolyutsiya dialektov povolzhskikh nemtsev v usloviyakh inoyazychnogo okruzheniya* (Evolution of Dialects of the Volga German in a Foreign Language Environment). In Nazarova, Raisa Z., & Spiridonova, Tamara A. (eds) *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication. Saratov: Saratov State National Research University, 81—86. (In Russian)].
- Москалюк Л. И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Барнаул: АлтГПА, 2010. [Moskalyuk, Larissa I. (2010). *Lingvisticheskiy atlas nemetskikh dialektov na Altaye* (Linguistic Atlas of German Dialects in Altai). Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. (In Russian)].
- Москалюк Л. И. Особенности развития лексико-семантической системы немецких говоров на Алтае // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 196—207. [Moskalyuk, Larissa I. (2018) *Osobennosti razvitiya leksiko-semanticheskoy sistemy nemetskikh govorov na Altaye* (Features of Development of Lexical-semantic System of German Dialects in Altai). *Siberian Journal of Philology*, 2. 196—207. (In Russian)]. DOI: 10.17223/18137083/63/17.
- Словарь немецко-поволжского маркштадского диалекта / ред. А. Я. Минор. В 2 т. Саратов: Саратовский источник, 2016. [Minor, Alexander Ya. (ed.) (2016). *Slovar' nemetsko-povolzhskogo marksshtadskogo dialekta* (Dictionary of the German-Volga Marksstadt Dialect). In 2 vols. Saratov: Saratovskiy istochnik. (In Russian)].
- Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований / Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвина, Н. В. Трубавина. Барнаул: АлтГПА, 2014. [Moskalyuk, Larissa I.; Moskvina, Tatyana N., & Trubavina, Nina V. (2014) *Tekstovyy korpus ostrovnykh nemetskikh govorov Altayskogo kraya: osnovnyye napravleniya i rezul'taty issledovaniy* (Text Corpus of Insular German Dialects of the Altai Territory: Main Directions and Results of Research). Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. (In Russian)].
- Berend, Nina. (2011) *Russlanddeutsches Dialektbuch*. Halle: Projekte-Verlag Cornelius.
- Fritz, Gerd. (1998) *Historische Semantik*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Günther, Edmund. (2015) *Mr sin doch Landsleit.... Schwänke, Humoresken und Fabeln*. Slawgorod.
- Knipf-Komlósi, Elisabeth. (2011) *Wandel im Wortschatz der Minderheitensprache*.

- Stuttgart: Franz Steiner.
- Rosenberg, Peter. (2003). Vergleichende Sprachinselforschung: Sprachwandel in deutschen Sprachinseln in Russland und Brasilien. In Hentschel, Elke. (ed.) *Particulae collectae. Festschrift für Harald Weydt zum 65. Geburtstag*. Frankfurt/O. (= *Linguistik Online*, 13, 1/03). DOI: 10.13092/lo.13.881.
- Siemens, Heinrich. (2007) *Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieder*. Bonn: Tweeback.
- Thiessen, Jack. (1977) *Mennonite Low-German Dictionary. Mennonitisches Wörterbuch*. Marburg: Elwert.

Tatyana N. Moskvina
Altai State Pedagogical University

Semantic Processes in Dialect Vocabulary: Aspects of Study

The article is devoted to the research of methodological approaches to the study of insular German dialects vocabulary in Altai. The study of language islands is the main direction in the research of language minorities integrating their language and culture peculiarities. Study of insular German dialects has a special significance for understanding the dynamics of the language development and allows us to reconstruct the direction of the movements that took place in the language in the past. In reliance on the results of text corpus analysis, the conditionality of the development of insular German dialectal lexical-semantic system is proved by the internal laws of the development of German and its variants, as well as linguistic and cultural contacts.

Keywords: German dialectology; insular German dialects; semantics; historical linguistics; language variations; meaning change; language contacts

Для цитирования:

Москвина Т. Н. Семантические процессы в диалектной лексике: аспекты изучения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 274—288.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-274-288.

To cite this Article:

Moskvina, Tatyana N. (2022) Semanticheskiye protsessy v dialektnoy leksike: aspekty izucheniya (Semantic Processes in Dialect Vocabulary: Aspects of Study). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 274—288. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-274-288.

Статья поступила в редакцию 05.02.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 05.02.2022; accepted for publication 28.02.2022

L. A. Nefedowa
Pädagogische Staatliche Universität Moskau

**LEXIKALISCHE DIVERSITÄT DER SPRACHE:
REICHTUM ODER ÜBERFLÜSSIGKEIT?
(Am Beispiel der deutschen Lexik 2020/2021)***

Der vorliegende Beitrag gibt einen Einblick in das Thema lexikalische Diversität. Im ersten Teil des Beitrags werden Fragen der sprachlichen Vielfalt und der Varietätenvielfalt des deutschen Wortschatzes thematisiert. Der zweite Teil widmet sich dem Thema der diversitätssensiblen / diversitygerechten Sprache, angesprochen wird das moderne gesellschaftspolitische DIVERSITY-Konzept im Kontext der Geschlechteridentität. Es steht einerseits zur Diskussion, dass die lexikalische Diversität vom Reichtum des sprachlichen Ausdrucks zeugt; andererseits werden synonyme Ausdrucksweisen als überflüssig betrachtet. Um diese Frage eindeutig beantworten zu können, bedarf es weiterer Untersuchungen.

Schlüsselwörter: Lexikalische Diversität; Diversity; diversitätssensible Sprache; diversitygerechte Sprache; deutsche Lexik

1. Einführung

Das Themengebiet, das im Mittelpunkt der Betrachtung steht, ist die lexikalische Diversität. Der Beitrag ist in zwei Teile gegliedert. Im ersten Teil wird die Frage der sprachlichen Vielfalt thematisiert, im Fokus des zweiten Teils steht die Auseinandersetzung mit dem Thema „Diversity als gesellschaftspolitisches Konzept und Sprache“. Zum Schluss wird ein Fazit gezogen.

Im Deutschen werden 3 Wörter nebeneinander benutzt:

— *Vielfalt* — Fülle von verschiedenen Arten, Formen o. Ä., in denen etwas Bestimmtes vorhanden ist, vorkommt, sich manifestiert¹;

— *Diversität* (lat. *diversitas*: Vielfalt, Vielfältigkeit);

— *Diversity* (engl.) (kein Eintrag im Duden).

Der Begriff „Diversität“ bezeichnet Verschiedenheit bzw. Vielfalt. Diversität wird in der Regel als Gegenbegriff zu Einheitlichkeit bzw. Einheit gebraucht.²

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XIX съезда РСГ.

¹ <https://www.duden.de>.

² <https://www.socialnet.de/lexikon/Diversitaet>.

Diversity wird meist mit dem Begriff der „Vielfalt“ übersetzt, dahinter steckt jedoch mehr: Diversity meint den bewussten Umgang mit Vielfalt in der Gesellschaft. Es ist ein organisatorisches sowie gesellschaftspolitisches Konzept, das einen wertschätzenden, bewussten und respektvollen Umgang mit Verschiedenheit und Individualität propagiert. Bei Diversity geht es darum, die vielfältigen Leistungen und Erfahrungen von Menschen zu erkennen und sie als Potential zu begreifen und zu nutzen.

Übliche Kollokationen mit den Wörtern Vielfalt, Diversität sind:

— sprachliche, sprachlich-kulturelle, kulturelle, gesellschaftliche Vielfalt, Diversität;

— sprachliche Vielfalt — gesellschaftliche Diversität (EICHINGER 2013).

Eine gebräuchliche Kollokation mit dem Anglizismus *Diversity* ist *Diversity Studies*:

„Vielfalt sexueller Orientierungen; Gedächtnistraining für Menschen mit Demenz die Themen der Ringvorlesung in den *Disability and Diversity Studies* (DDS) sind reichhaltig wie vielfältig. Koordiniert wird diese Veranstaltung vom DDS-Studiengang der FH Kärnten“ (Kleine Zeitung, 08.09.2018, S. 25; Aktuelle Themen der Gesellschaft).

„Und das zeigt offenbar Wirkung: Seit 2008 habe es erhebliche Fortschritte gegeben, sagt Barbara Schwarze, *Professorin für Gender und Diversity Studies* an der Hochschule Osnabrück und Vorsitzende des Kompetenzzentrums Technik — Diversity — Chancengleichheit. Sie führt das durchaus auf die verschiedenen Initiativen zurück“ (Spiegel-Online, 29.08.2019; Warum es immer noch so wenige Frauen im MINT-Bereich gibt).

„Der Workshop heißt " Braunäugig/Blauäugig" und ist ein Klassiker in Psychologie und *Diversity Studies* (siehe Kasten)“ (Falter, 21.10.2020, S. 24; Der stille Rassist in uns).³

Deutsche Hochschulen bieten folgende Masterstudiengänge in Deutsch an:

— Biodiversität und Naturschutz (Biodiversity and Conservation) (Philipps-Universität Marburg);

— Erziehungswissenschaft mit den Schwerpunkten Pädagogik der Kindheit / Diversity Education (Universität Hildesheim);

— Gesundheit und Diversity in der Arbeit (University of Ap-

³ <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.

plied Sciences Bochum);

— Organismal Biology, Biodiversity and Evolution (Humboldt-Universität zu Berlin);

— Soziale Arbeit — Kritische Diversity und Community Studies (KriDiCo) (Alice Salomon Hochschule Berlin).

Eine wichtige Aufgabe der Sprachwissenschaft ist es darum zu erforschen, ob die Sprache diversitygerecht sein kann, was man im Deutschen tut, damit die Sprache diversitygerecht ist.

Ziel des Beitrags ist es, lexikalische Diversität als Vielfalt der einzelsprachlichen Ausdrucksmittel und als Verbalisierung des gesellschaftspolitischen DIVERSITY-Konzeptes zu erfassen.

2. Untersuchungsmaterial und -methoden

Als Materialquelle für die Untersuchung dienten Texte des Deutschen Referenzkorpus (DeReKo) und Belege aus dem Neologismenwörterbuch des IDS in Mannheim *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*.

Die wichtigste Methode der Materialauswahl ist die Salienz (Aufälligkeit), also die Eigenschaft eines Gegenstandes/Objekts, sich vom Hintergrund einer Gruppe anderer Gegenstände/Objekte abzuheben.

3. Sprachliche Vielfalt

Zuerst werden im Beitrag theoretische Fragestellungen kurz behandelt.

Der Begriff *Sprachenvielfalt* bedeutet ‘Vorhandensein mehrerer/vieler Sprachen im gleichen Raum’. Es gilt die Vielfalt der Sprachen, weltweit existieren 6000 bis 7000 Sprachen, zu bewahren. In Europa herrscht eine große *sprachliche Vielfalt*, die sich als unschätzbare kultureller Wert darstellt. Die sprachliche Vielfalt ist eines der charakteristischen Merkmale der Europäischen Union. Die Bedeutung der sprachlichen Vielfalt in der Europäischen Union ist ein Zeichen ihres kulturellen Reichtums.

Die sprachliche Vielfalt kann aus der Perspektive einer Sprache betrachtet werden. So gibt es viele sprachwissenschaftliche Abhandlungen über das Thema „Die Vielfalt des Deutschen“.

3.1. Vielfalt des Deutschen

Die Sprachwissenschaftler stellten eine Frage in den Mittelpunkt, die sowohl international als auch im Bereich des Deutschen intensiv diskutiert wurde: die räumliche, gesellschaftliche und geschichtliche Vielschichtigkeit der Sprache. An die Stelle der abschließlichen Orientierung an einer einheitlichen Standardsprache

trat die Ausweitung des Blicks auf Dialekte, auf verschiedene Sprachstile und die historische Vielfalt sich nebeneinander entwickelnder Ausdrucksformen des Deutschen (MATTHEIER, WEGERA & al. 1993).

Die Varietäten des Deutschen in Österreich, Deutschland und der Deutschschweiz sind linguistisch bereits gut erforscht. In ihrem Buch *Die Vielfalt des Deutschen: Standard und Variation: Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache* geht Schmidlin auf die Bekanntheit, Verwendung und Einschätzung von nationalen und regionalen Varianten des Standarddeutschen ein (SCHMIDLIN 2011).

2017 erschien der Zweite Bericht zur Lage der deutschen Sprache unter dem Titel *Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache*. Wie alle Sprachen verändert sich das Deutsche permanent. Der Sprachwandel zeigt sich auch in einer zunehmenden Differenzierung in einzelne Spielarten, je nachdem, wer wann und wo mit wem mithilfe welchen Mediums über welches Thema kommuniziert. Die heutige deutsche Sprache in ihrer Gesamtheit ist daher ein überaus komplexes Bündel sich vielfach überschneidender Varietäten, von denen einer, der „Standardsprache“ (oder „Hochsprache“), eine besondere Bedeutung zukommt: Sie ist die Sprachform, die eine übergreifende Verständigung sicherstellen soll. Der Zweite Bericht zur Lage der deutschen Sprache ist dieser Vielfalt und der dahinter stehenden Einheit gewidmet. Der einleitende Beitrag von Wolfgang Klein gibt einen systematischen Überblick über die Vielfalt des heutigen Deutsch. Die weiteren Beiträge sind verschiedenen Spielarten des Deutschen gewidmet, die häufig in der öffentlichen Diskussion stehen: Dialekten und Regionalsprachen (Jürgen Erich Schmidt), der Sprache von Jugendlichen (Nils Bahlo und Wolfgang Klein), der Sprache von Migranten (Norbert Dittmar und Yazgül Simsek), der internetbasierten Kommunikation (Angelika Storrer) und der gesprochenen Alltagssprache (Ludwig M. Eichinger) (DEUTSCHE AKADEMIE 2017).

3.2. Theorie zur Lexikalischen Diversität. Vielfalt des deutschen Wortschatzes

Da im Mittelpunkt des Beitrags der Begriff der lexikalischen Diversität, d. h. der Vielfalt des Wortschatzes steht, möchte ich noch einen Überblick darüber geben, inwieweit das Thema „Lexikalische Diversität“ bearbeitet ist und welche Ergebnisse auf diesem Forschungsgebiet bereits vorliegen.

Unter lexikalischer Diversität (oder auch lexikalischer Vielfalt)

versteht man die Reichhaltigkeit des in einem Korpus verwendeten Wortschatzes. In angewandten Disziplinen wie der Spracherwerbsforschung, der Sprachpathologie und der Stilometrie ist das Messen dieser Reichhaltigkeit eine wichtige Methode. Man kann dadurch beispielsweise den wachsenden Wortschatz eines Kindes oder den verminderten Wortschatz von Personen mit Sprachstörungen messen (vgl.: [PERKUHN & al. 2012]).

Read (2000: 200) unterscheidet zwischen diesen vier Eigenschaften von lexikalischer Vielfalt, die ausschlaggebend für einen in lexikalischer Hinsicht gelungenen Text sind:

— lexical variation: Darunter versteht man die Verwendung von vielen verschiedenen Wörtern, anstatt einer begrenzten Anzahl von sich immer wieder wiederholenden Wörtern;

— lexical sophistication: Dies bezeichnet die Auswahl von weniger häufigen Wörtern, die mehr für das Thema und den Stil geeignet sind als der alltägliche Wortschatz. Den Wert der *Lexical sophistication* kann man berechnen, indem man die Zahl dieser „sophisticated words“ durch die absolute Anzahl der Wörter im Text dividiert;

— lexical density: Hier geht es darum, einen höheren Prozentsatz von lexikalischen oder Inhaltswörtern im Gegensatz zu grammatischen oder Funktionswörtern zu verwenden;

— number of errors: Bezeichnet die Anzahl der grammatikalisch oder sinngemäß falsch verwendeten Wörter.

Nach Jarvis basiert die lexikalische Diversität auf unserer Wahrnehmung und ist daher subjektiv. Das bedeutet jedoch nicht, dass sie nur durch subjektive Methoden gemessen werden kann. Jarvis unterscheidet zwischen diesen sechs Komponenten, die beeinflussen, wie wir lexikalische Diversität wahrnehmen:

— Variability: Varianz;

— Volume: Textlänge;

— Evenness: Bezeichnet die Gleichmäßigkeit, mit der die Token in einem Text auf die Types verteilt sind;

— Rarity: Bedeutet übersetzt Seltenheit; es geht um die Verwendung von weniger gebräuchlichen Wörtern;

— Dispersion: Bezeichnet die Streuung der Token eines Type (Sind sie auf engem Raum zusammen oder über den gesamten Text verteilt?);

— Disparity: Bezeichnet die Verschiedenheit und somit den Unterschied zwischen den Wörtern im Text. Redundanz sollte auf

formaler und semantischer Ebene vermieden werden.

Man vermutet, dass die Diversität der Wörter in der Sprachverwendung Auskunft darüber gibt, wie komplex das Wortschatzwissen und wie hoch das Level des Sprachniveaus der Person ist. Die Methoden, mit der man die lexikalische Diversität misst, bewähren sich im Hinblick darauf, wie man die Effekte der Aufgabenschwierigkeit überwinden kann und wie man das Sprachwissen und -verhalten vorhersagen kann; weniger jedoch im Zusammenhang damit, die tatsächliche lexikalische Diversität zu messen (vgl.: [JARVIS 2013: 87; 2017]).

Ein weiterer Aspekt ist Vielfalt des deutschen Wortschatzes, die mit Sprachvarietäten zusammen hängt (BOREK & RAPP 2016; MELISS 2016).

Der Wortschatz des deutschsprachigen Kulturraums weist stark ausgeprägte diatopische (regionale) Variation auf. Die Termini *diatopische* (die Verschiedenheit im Raum), *diastatische* (Unterschiede zwischen verschiedenen soziokulturellen Sprachschichten und -niveaus einer Sprachgemeinschaft) und *diaphasische* (bezieht sich auf unterschiedliche Sprachstile, die in verschiedenen Kommunikationssituationen verwendet werden) Variation gehen auf die 1956 erschienene Arbeit *La geografía lingüística* („Die Sprachgeographie“) von Coseriu zurück (COSERIU 1956/1975), wobei der Sprachwissenschaftler den Terminus *diatopische* Variation (geographischer Bezug, Varietäten im Raume) von dem norwegischen Linguisten Leiv Flydal übernommen hat. So befasst sich die Varietätenlinguistik im Rahmen der soziolinguistisch ausgerichteten Untersuchungen mit drei verschiedenen Arten der Sprachvarietäten.

Im kulturmarkierten Wortschatz des Deutschen kommt Plurikulturalität und -regionalität zum Ausdruck und ruft lexikalische Polyonymie hervor. Polyonymie ist Benennungsvielfalt, Mehrnamigkeit, d. h. mehrere Bezeichnungen für etwas (s. z. B.: [FRIEBERTS-HÄUSER & DINGELDEIN 1988: 630–631]). Dies kann im Rahmen einer kulturlinguistischen Forschung anhand ausgewählter Realienbezeichnungen im Deutschen innerhalb des deutschsprachigen Kulturraums (DACH-Region) analysiert und beschrieben werden. Die lexikalische Polyonymie im kulturmarkierten Wortschatz des Deutschen ist im großen Maße eine spezifische Ausprägung des sprachlichen diatopischen/regionalen Varietätengenüges (NEFEDOVA 2019), z. B.:

— Bezeichnungen für die Bräuche, mit denen die Zeit vor der Fastenzeit gefeiert wird: *Karneval*, *Fastnacht*, *Fassenacht*, *Fasnacht*, *Fas-*

net, Fasching, Fastabend, Fastelovend, Fasteleer, Faslaomt, Faslam oder *fünfte Jahreszeit*;

— Bezeichnungen für den *Schmotzigen Donnerstag*. Der Tag wird je nach Region auch genannt: *Gausaliger* oder *Ausaliger Donschdig*, *Schmotziger Dunschtich*, *Schmotziga Dorschdich*, *Schmotziger Dauschtich*, *Schmotziga Dauschteg*, *Dicker Donnerstag*, *Unsinniger Donnerstag*, *Gombiger Doschdig*, *Gombadonnerschdag*, *Gumpiger Dunschtig*, *Glombiger Doschdig*, *Lumpiger Donnerstag* oder einfach nur *Schmotziga*, in Südbaden und der Schweiz *Schmutzige Donschtig*, *Schmutzige Dunschtig* bzw. schriftdeutsch *Schmutziger Donnerstag*, an einigen Badener und Schweizer Orten auch *Feischte Dunschtig* bzw. *Feiße Donschtig*.⁴

Mit diaphasischer Varietät ist die funktionale und situative Dimension der Sprache gemeint, d. h. die Varietät, die von der jeweiligen stilistischen Variation abhängt. Der Wortschatz weist Markierungen auf: entweder oberhalb der normalsprachlichen Ebene „gehoben“, „bildungssprachlich“, „dichterisch“ oder unterhalb dieser „umgangssprachlich“, „salopp“, „derb“ oder „vulgär“.

Wörter für *Auto* im Deutschen:

— *Cabrio[let]*, *Caravan*, *Fahrzeug*, *Kfz*, *Kombi[wagen]*, *Limousine*, *Personenwagen*, *Pkw*, *Van*, *Wagen*;

— gehoben, auch scherzhaft: *Gefährt*;

— umgangssprachlich: *Benzinkutsche*, *Klapperkasten*, *Klapperkiste*, *Renner*, *Straßenkreuzer*;

— umgangssprachlich scherzhaft: *fahrbarer Untersatz*, *Hämorrhoidenschaukel*, *Roslaube*;

— umgangssprachlich abwertend: *Blechkiste*, *Eimer*, *Rostschüssel*, *Schrotthaufen*, [*Schrott*]*mühle*, *Spritifresser*, *Spritschlucker*;

— umgangssprachlich abwertend oder umgangssprachlich scherzhaft: *Eierkiste*;

— salopp: *heißer Ofen*, *Kiste*, *Nuckelpinne*, *Schlitten*;

— salopp abwertend oder salopp scherzhaft: *Kutsche*, *Leukoplastbomber*, *Schüssel*;

— scherzhaft: *Familienkutsche*;

— Jargon: *Ofen*;

— Kfz-Wesen-Jargon: *Selbstzünder*;

— abwertend: *Karre*;

— oft abwertend: *Vehikel*;

⁴ https://de.wikipedia.org/wiki/Schmotziger_Donnerstag.

- gehoben oder scherzhaft, sonst veraltend: *Automobil*;
- Amtssprache: *Kombinationskraftwagen, Kraftwagen*;
- besonders Amtssprache: *Kraftfahrzeug, Personenkraftwagen*;
- Kindersprache: *Töff*.⁵

So zeugt einerseits die Vielfalt von verschiedenen Formen vom lexikalischen Reichtum der Sprache. Andererseits kann die Vielfalt der Ausdrucksformen des gleichen Abschnittes der realen Welt in einer Sprache von Sprechern einer anderen Sprache als Überflüssigkeit wahrgenommen werden. Beim Sprachvergleich wird die scheinbare „Unzulänglichkeit“ von Ausdrucksformen desselben Begriffs in der einen oder anderen Sprache deutlich, die beim Vergleich des deutschen Wortschatzes mit dem ähnlichen Wortschatz des Russischen zu beobachten ist (z. B. viele Synonyme im Deutschen zum Wort *Maske* in der Corona-Pandemie: *Mund-Nasen-Schutz-Maske, Mund-Nasen-Bedeckung, Mund-Nasen-Schutz, Mundschmutz, Munaschu, Munaske, MNB, MNS, Kinnwärmer, Gesichtskondom, Communitymaske, Regenbogenmaske, Coronalappen, Maulkorb, Maultäschle, Mask-have, Schmutzpulli*).

Sowinski bemerkt:

„Wirkliche Synonyme sind also überaus selten, zumal in jeder Sprache Tendenzen einer sprachlichen Ökonomie vorherrschen, die Synonyme als überflüssig verdrängen oder Bedeutungswandlungen begünstigen“ (SOWINSKI 1978: 24).

Der Wortschatz der Corona-Pandemie enthält viele Bezeichnungen für verschiedene Regeln: *Abstandsregel / Distanzregel, 15-km-Regel / 15-km-Regelung / Radiusregel, 15-Minuten-Regel, 30-Sekunden-Regel, AHA-Regel, AHA+L-Regel, AHA+C+L-Regel, Ein-Freund-Regel, 3G-Regel / 3G-Regelung, 3G-Regel plus, 2G-Regel / 2G-Regelung, 2G-Regel plus*.

Person, die nachweislich als erste mit einem bestimmten Virus infiziert wurde und weitere Personen angesteckt hat, heißt *Patient Eins, Patient Null, Patient Zero, Erstpatient, Nullpatient*.

Die lexikalische Diversität wird auch durch das nachfolgend diskutierte geschlechtsspezifische Vokabular deutlich (eine Vielzahl von Bezeichnungen im Deutschen erscheint aus Sicht der russischen Sprecher als überflüssig).

4. Diversity als gesellschaftspolitisches Konzept und Sprache

Das Thema „Diversity&Inclusion“, kurz D&I (Diversität und Inklusion) erhält in der letzten Zeit in der Arbeitswelt eine immer

⁵ https://www.duden.de/synonyme/Auto_Automobil.

höhere Bedeutung und birgt für Unternehmen zahlreiche soziale und strategische Chancen.

Der Begriff D&I tauchte erstmals Mitte der 1980er Jahre in den USA auf. Ursprünglich umfasste das Konzept der Vielfalt nur Fragen der Rassen-, ethnischen und nationalen Gleichheit. In großen Unternehmen begannen sogenannte "race specialists" zu arbeiten. In den 90er Jahren wurde die Position des Director of Diversity eingeführt, um Diskriminierung bei der Einstellung zu vermeiden.

Seitdem hat sich das D&I-Konzept weiterentwickelt und neue Bedeutungen bekommen; jetzt ist es breiter und tiefer. Der moderne Begriff D&I ist ein komplexer Begriff, der zwei Konzepte enthält: DIVERSITY und INCLUSION.

2006 wurde in Deutschland die Charta der Vielfalt ins Leben gerufen. Diversity — oder auch Vielfalt — war damals in vielen Unternehmen Deutschlands kaum ein Thema. „Wir müssen sie (die Vielfalt) als Chance begreifen, um ihre Potenziale zu nutzen“, so Dr. Angela Merkel. Das Prinzip Vielfalt rückte ins Zentrum unternehmerischer Betrachtung.

Der Abbau von Diskriminierung und die Förderung von Chancengleichheit sind dabei die zentralen Ziele. Der Begriff „Diversity“ manifestiert sich in jeder sozialen Identität und ist als Anerkennung, Verständnis, Akzeptanz und Respekt für alle Formen von Unterschieden zwischen Menschen definiert. Als Kerndimensionen von Diversity, die die Vielfalt der Menschen darstellen, gelten meist: Alter, sozialer Status, Geschlecht, Ethnizität, Kultur, politische und religiöse Überzeugungen (Religion), Gender, sexuelle Orientierung und physische Verfassung, geistige Fähigkeiten.

„Chancengleichheit“ bedeutet, dass Unterschiede zwischen Menschen berücksichtigt werden, ein Umfeld geschaffen wird, in dem eine Vielzahl von Menschen mit unterschiedlichen kulturellen Hintergründen komfortabel arbeitet und so weiter. „Chancengleichheit“ bezieht sich auf den Prozess der Einbeziehung, Akzeptanz und Anerkennung aller Menschen, ungeachtet ihrer nationalen, kulturellen, geschlechtsspezifischen und sonstigen Unterschiede; unabhängig von ihrer sozialen Identität.

Der Begriff Diversity/Diversität bedeutet konzeptionell „Diskriminierungsfreies Zusammenleben“, sein deutsches Äquivalent ist das Wort Vielfalt. Das Gleichbehandlungsgesetz reduziert sowohl Rassismus als auch Diskriminierung aufgrund von Herkunft, Geschlecht,

Religion oder Weltanschauung, Behinderung, Alter oder Geschlecht.

Viele russische Unternehmen wollen das Konzept der „D&I-Kultur“ in ihre Unternehmenskultur einführen. Da es relativ neu ist, hat es im Russischen viele Ausdrucksvarianten: «культура разнообразия и инклюзии / инклюзивности», «культура разнообразия и вовлеченности», «культура многообразия и включенности». *Diversity&Inclusion* wird ins Russische übersetzt als «разнообразие и вовлечение», «разнообразие и равные возможности», «многообразие и равные возможности», «культурное многообразие и равные возможности».

Moderne *Diversity Studies* sind interdisziplinär angelegt. Diversity Studies befassen sich mit Fragen der kulturellen Diversität; Bereiche wie Pädagogik der Vielfalt, Diversity Politics, Diversity Management und Personalforschung werden berücksichtigt.

In der Linguistik (Psycholinguistik, Soziolinguistik und Angewandte Linguistik) wird der Einfluss sprachlicher, kultureller und individueller Vielfalt auf kognitive Prozesse in verschiedenen Bereichen empirisch untersucht; dennoch wird der Zusammenhang mit kulturwissenschaftlichen Problemen als unzureichend erforscht erkannt.

Wenn sprachliche, insbesondere grammatische Strukturen das individuelle Denken maßgeblich prägen und dadurch soziokulturelle Vielfalt entsteht, stellt sich die Frage nach dem Einfluss dieser vielfältigen und sich gegenseitig beeinflussenden Faktoren auf die Kognition sowie auf die literarische, mediale und sprachliche Produktivität moderner Gesellschaften.

Aktuelle gesellschaftspolitische Themen spiegeln sich bekanntlich in modernen Sprachen. Im Rahmen eines kulturwissenschaftlichen Ansatzes der modernen Sprachforschung besteht eine wichtige Aufgabe darin, die lexikalischen Ressourcen der Sprache zu beschreiben, die das gesellschaftspolitische DIVERSITY-Konzept widerspiegeln.

Am häufigsten wird das DIVERSITY-Konzept im Zusammenhang mit der Frage der Geschlechteridentität verwendet. In vielen Kulturen begannen sich Konzepte des dritten Geschlechts (nicht-binäre Menschen und Transgender-Menschen) und die Variabilität der Geschlechteridentität zu verbreiten. Derzeit hat das „dritte Geschlecht“ in Deutschland einen offiziellen Status, es kann in amtlichen Dokumenten ausgewählt werden.

Zunächst werde ich kurz auf das moderne DIVERSITY-

Konzept im Kontext der Geschlechteridentität eingehen.

4.1. Gender- und diversitygerechte deutsche Sprache

In jüngster Zeit ist der Begriff „Gender“, der vor allem die jeweiligen sozialen Rollen der Geschlechter betrifft, wieder Gegenstand aktiver sprachlicher Diskussionen. Das wichtigste umstrittene Thema bleibt das Problem der Gleichstellung der Geschlechter in der Sprache. Sinn und Zweck der sogenannten „geschlechtergerechten“ Sprache ist der Wunsch, die Gleichstellung der Geschlechter in der Sprache zu reflektieren.

Nach der Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts vom 10.10.2017 und der Änderung des Personenstandsgesetzes vom 18.12.2018 sind 4 Ausprägungen als Angaben zum Merkmal „Geschlecht“ erlaubt: männlich — weiblich — divers — keine Angabe.

Deutsche Unternehmen, die sich für Gleichberechtigung in der Kommunikation einsetzen, führen die sogenannte „geschlechtersensible“ Sprache ein, um die Bedeutung der Geschlechtervielfalt zu erhöhen. Gendersensibilität bezeichnet einen Ansatz, der die spezifischen sozialen, kulturellen, politischen und sonstigen Kontexte von Frauen und Männern berücksichtigt.

Im Deutschen verbreiten sich die Begriffe wie „geschlechterinklusive und diversitätssensible Sprache“, „geschlechter- und diversitätssensible Sprache“ — „eine Sprache, die die Geschlechtervielfalt berücksichtigt“ sowie „diversitätssensible Sprache“ — eine Sprache, die alle Formen von Unterschieden zwischen Menschen berücksichtigt (Alter, soziale Herkunft, Kultur, Geschlecht usw.), „diversitätssensible Kommunikation“ — Kommunikation, die Unterschiede berücksichtigt.⁶

Der Begriff „diversitätssensible Sprache“ bedeutet „diskriminierungskritische Sprache“, „inklusive und diskriminierungsarme Sprache“ — „eine Sprache, die (rassische, ethnische, geschlechtsspezifische usw.) Diskriminierung ausschließt“.

Eine solche Sprache wird durch Neuerungen in der Gesetzgebung zum Schutz der Geschlechterselbstbestimmung unterstützt, richtet sich an alle Sprecherinnen und Sprecher in ihrer Vielfalt und soll Diskriminierung reduzieren. Der Sprachgebrauch, der das dritte Geschlecht berücksichtigt, stellt die bisexuelle Grundstruktur der deutschen Sprache in Frage und ist ein notwendiger Schritt.

⁶ https://www.uni-leipzig.de/fileadmin/ul/Dokumente/200922_GSB_Glossar_diversit%C3%A4tssensible_Sprache_barrarm.pdf.

4.2. Gender -und diversitygerechter Wortschatz des Deutschen

Das Thema ist facettenreich: Da es dabei um Menschen in ihrer Vielfalt/die Vielfalt der Menschen geht, liegt der Fokus der Studie auf *Personenbezeichnungen*, ihrer Bedeutung und Wirkung, und innovativen *Anredeformen*, die dem modernen DIVERSITY-Konzept gerecht werden sollen.

4.2.1. Gender- und diversitygerechte Personenbezeichnungen

Während früher angenommen wurde, dass das männliche Geschlecht als allgemeines Geschlecht (generisches Maskulinum) dienen kann, d. h. auch Frauen einschließen (z. B. Teilnehmer — Männer und Frauen), werden heute (zumindest in der Schriftsprache) andere Formen bevorzugt, um sprachliche Gleichberechtigung zu erreichen. Zunächst wollte man die Frauen in der Sprache sichtbar machen, was bereits mit Hilfe verschiedener movierter Sprachformen realisiert wird.

Zum einen sind verschiedene männliche und weibliche Formen üblich: binäre Formen *Teilnehmerinnen und Teilnehmer*, *Teilnehmer / Teilnehmerinnen*, sowie die Abkürzungen *Teilnehmer/innen*, *Teilnehmer/-innen*, *Teilnehmer(innen)*, *TeilnehmerInnen* (es wird nicht empfohlen, die Majuskel-Form zu verwenden). In der deutschen Sprache treten also zwei Tendenzen auf, die „die globale Forderung nach Geschlechtergerechtigkeit widerspiegeln und sich paradoxerweise gegenseitig ausgleichen: einerseits das Geschlechtermerkmal zu neutralisieren und andererseits zu akzentuieren“ (CEPOBA 2018: 207).

Wie Schuppener anmerkt:

„In jedem Fall gibt es nun eine große Auswahl an verschiedenen Möglichkeiten, die man positiv als Vielfalt und Wahlfreiheit werten kann, negativ als fehlende Einheitlichkeit oder Unübersichtlichkeit. Hierbei sind sicher auch subjektive Präferenzen und Meinungen für eine Bewertung ausschlaggebend“ (SCHUPPENER 2020: 10).

Auf der anderen Seite werden geschlechtsneutrale substantivierete Partizipien I (Teilnehmende) verwendet: *Während der Tagung können Teilnehmende und Vortragende die Inhalte dann diskutieren.*

Die Partizipien *Teilnehmende* und *Vortragende* sind geschlechtsneutral, es gibt keine Geschlechtsangabe in ihrer Semantik. Diese Formen wurden jedoch von vielen Wissenschaftlern kritisiert und abgelehnt, da sie sich nur auf Personen beziehen, die zu einem bestimmten Zeitpunkt die entsprechende Tätigkeit ausüben.

Eine solche Vielfalt an Formen ist auf den Wunsch nach Genauigkeit des Ausdrucks zurückzuführen (d. h. Männer und Frauen zu

bezeichnen), was das Lesen von Texten erschwert. Die entgegengesetzte Tendenz zur Ökonomie sprachlicher Mittel trägt zur Suche nach optimalen Formen eines kurzen, lakonischen Ausdrucks bei. Varianten unterschiedlicher Schreibweisen mit Schrägstrich, Großbuchstaben I und Klammern weisen auf die Möglichkeit hin, eine der Formen zu wählen. Die Vielfalt des geschlechtsspezifischen Vokabulars ist somit auf die Manifestation zweier gegensätzlicher Tendenzen in der Sprache zu Genauigkeit und Sparsamkeit zurückzuführen.

Zunächst ging es also um die Gleichbehandlung von Frauen und Männern in der Sprache. Aber bereits 2014 bot Facebook USA seinen Abonnenten die Möglichkeit, 58 Gender-Optionen in der Spalte „Gender“ auszuwählen. Im selben Jahr wandten sich in Österreich rund 800 Personen, darunter Professoren, Lehrer und Journalisten, in einem offenen Brief an Bildungsministerin Gabriele Heinisch-Hosek und Wissenschaftsminister Reinhold Mitterlehner mit der Kritik der „sprachlichen Gleichstellung“. Die Unterzeichner, darunter der deutsche Publizist Bastian Sick, forderten eine „Rückkehr zur sprachlichen Normalität“ und schriftliche „Verunstaltungen“ wie beispielsweise das Binnen-I (wie in *KollegInnen*) oder Schrägstriche im Wortinneren (*Journalist/innen*) „wieder aus dem Schreibgebrauch zu eliminieren“.

Seit 2017 haben sich jedoch nach der Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts zur Gleichstellung aller Menschen unabhängig von ihrer Geschlechtsidentität neue Schreibweisen verbreitet, die die Ablehnung des binären Verständnisses von Geschlechtsidentität widerspiegeln: Genderstern (*Teilnehmer*innen*), Gender Gap (*Teilnehmer_innen*), Doppelpunkt (*Teilnehmer:innen*).

So begannen die Bezeichnungen, die gesamte Vielfalt moderner Geschlechter widerzuspiegeln, einschließlich Genderqueer oder nicht-binäres Geschlecht. Bei verschiedenen Formen wird das Gendersternchen häufiger angegeben. Allerdings bin ich eher auf die Formen mit Doppelpunkt gestoßen: *Informationen zum Coronavirus für Referent:innen und Teilnehmer:innen*.

Offensichtlich wird die „geschlechtergerechte“ Sprache in der schriftlichen Sprache realisiert: Das Gendersternchen und andere Formen der Kennzeichnung beziehen sich auf grafische Schreibmittel. In der mündlichen Rede wird die Vielfalt neutralisiert: Beim Aussprechen von Wörtern wird empfohlen, an der Stelle, an der sich ein Sternchen oder ein anderes Zeichen befindet, eine Pause zu machen.

4.2.2. *Gender -und diversitygerechte Anreden*

In der schriftlichen Kommunikation begannen sich die sogenannten „geschlechterinklusive Schreibweisen“ zu verbreiten. Dies ist zunächst der Einsatz neuer, gendersensibler *Anreden*, in denen die Haltung zu Gender-Fragen am deutlichsten zum Ausdruck kommt, die die Grenzen der binären Opposition „männlich — weiblich“ überschritten haben.

Geschlechtsneutrale Anreden

So lehnten Lufthansa, Austrian Airlines, Swiss Air und Eurowings seit dem 31. Juli 2021 die Anrede „Meine Damen und Herren“ ab, da sie nicht alle Passagiere umfasst. Um die Sprache geschlechtsneutral zu gestalten, werden die die Anreden „Guten Morgen / Tag / Abend!“ und „Liebe Gäste!“.

Die Anrede „Sehr geehrte Damen und Herren“ wird auch in anderen Firmen und Institutionen mittlerweile als veraltet und nicht mehr dem Zeitgeist entsprechend angesehen.

Es wird sogar vorgeschlagen, die Anrede zu erweitern: „Sehr geehrte Damen, Herren und Diverse“.

Anrede als Widerspiegelung der Geschlechtervielfalt

Innovativ sind Anredeformen, die Gender Diversity in der schriftlichen Kommunikation berücksichtigen. Bis vor kurzem war es im Deutschen üblich, parallele Anredeformen zu verwenden, z. B.: „Liebe Leserinnen und Leser“.

Entsprechend den Anforderungen einer „geschlechtergerechten“ Sprache, um nicht-binäre Personen einzuschließen, wird ein Sternchen benutzt (grafische Bezeichnung „*“). Bei der Ansprache an eine bestimmte uns noch nicht bekannte Person empfiehlt sich die Form „Liebe*r Professor*in Müller“.

Empfehlenswert ist auch die Angabe des Vor- und Nachnamens anstelle der Anrede Frau / Herr: „Sehr geehrt* Sascha Müller“ (informelle Kommunikation). Sofern es der Kontakt zulässt, kann man auch eine neutrale Anrede verwenden, zum Beispiel „Hallo Sascha Müller“ oder „Guten Tag Sascha Müller“. Bei einer Anrede an eine Personengruppe „Sehr geehrte...“ sollte man diese Gruppe angeben, zum Beispiel: „Sehr geehrte Studierende“.

Die Anrede an alle, auch an nicht-binäre Personen, wird neben einem Sternchen („Liebe Leser*innen“, „Sehr geehrte Professor*innen, Kolleg*innen“) auch mit Hilfe eines Gender Gap, deutsch Geschlechterlücke, grafisch durch einen Unterstrich „_“ gekenn-

zeichnet, z. B.: „Liebe Leser_innen, Kolleg_innen“.

Für eine allgemeine Anrede nicht definierter Personen in der Korrespondenz gibt es seit kurzem eine geschlechtsneutrale Form *Guten Tag K. A. K. A.* (K. A. — keine Angabe). In der mündlichen Kommunikation werden auch geschlechtsneutrale Anreden „Liebes Publikum“ oder „Sehr verehrte Anwesende“ verwendet.

Wenn im Englischen die Anrede an alle Geschlechter Mx — Mixer — Mixer populär geworden ist, was sich auch in Bedeutungswörterbüchern widerspiegelt, wird sie im Deutschen noch nicht verwendet.

5. Schlussfolgerung

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass DIVERSITY als gesellschaftspolitisches Konzept zu einem zentralen Thema sprachwissenschaftlicher Auseinandersetzung werden sollte. Es ist ein breites sprachwissenschaftliches Forschungsfeld.

Die lexikalische Vielfalt im Deutschen aufgrund der Anerkennung und Achtung der Geschlechtervielfalt spiegelt die Geschlechterpolitik der modernen deutschsprachigen Länder wider. Es bedeutet, dass Sprache von der gesellschaftlichen Realität geprägt oder zumindest beeinflusst wird; gleichzeitig prägt Sprache soziale Beziehungen.

Betrachtet man den Wortschatz, der die Geschlechterdiversität als einen Teil von Diversität insgesamt und andere Formen der Diversität in der modernen Gesellschaft zeigt, kann man die Dynamik der Sprachentwicklung in den letzten Jahrzehnten erkennen.

So zeigt die Untersuchung der gender- und diversitygerechten *Personenbezeichnungen* und *Anreden* im Deutschen unter Berücksichtigung der Geschlechterdiversität Perspektiven für die Erforschung innovativer lexikalischer Mittel auf, die verschiedene Aspekte der Vielfalt in modernen Sprachen widerspiegeln.

Die Untersuchung der linguistischen Aspekte der *Diversity Studies* kann fortgesetzt werden.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Серова И. Г.* Гендерное равенство в языке: глобальный тренд или ненужная инновация? // XXII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции / ред. Т. В. Мальцева и др. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2018. С. 205—209. [Serova, Irina G. (2018) Gender Equality in Language: a Global Trend or an Unnecessary Innovation? In Mal'tseva, Tatyana V., & al. (eds) 22th Tsarskoye Selo Readings. Saint Petersburg: Push-

- kin Leningrad State University, 205—209.
- Borek, Luise, & Rapp, Andrea. (2016) Einleitung: Varianz und Vielfalt interdisziplinär: Wörter und Strukturen. In Borek, Luise, & Rapp, Andrea. (eds) *Varianz und Vielfalt interdisziplinär: Wörter und Strukturen*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2—6. (OPAL — Online publizierte Arbeiten zur Linguistik, 2)
- Coseriu, Eugenio. (1975) *Die Sprachgeographie* (übersetzt und herausgegeben von Uwe Petersen). Tübingen: Narr.
- Deutsche Akademie — Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung / Union der deutschen Akademien der Wissenschaften. (eds) (2017) *Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Deutsches Referenzkorpus. Retrieved from <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>. (Stand: 31.01.2022).
- Duden online. Retrieved from <https://www.duden.de>. (Stand: 31.01.2022).
- Eichinger, Ludwig M. (2013) Sprachliche Vielfalt und gesellschaftliche Diversität: Das Deutsch der Migranten. In Deppermann, Arnulf. (ed.) *Das Deutsch der Migranten*. Berlin; Boston: De Gruyter, VII—XV.
- Friebertshäuser, Hans, & Dingeldein, Heinrich J. (1988) Zur Struktur und Arealtypologie alltagssprachlicher Worträume in Hessen. In Munske, Horst Haider; Polenz, Peter; Reichmann, Oskar, & Hildebrandt, Reiner. (eds) *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 628—646.
- Glossar für diversitätssensible Sprache. Retrieved from https://www.uni-leipzig.de/fileadmin/ul/Dokumente/200922_GSB_Glossar_diversit%C3%A4tssensible_Sprache_barrarm.pdf (Stand: 31.01.2022).
- Jarvis, Scott. (2013) Capturing the diversity in lexical diversity. *Language Learning*, 63 (1), 87—106.
- Mattheier, Klaus J.; Wegera, Klaus-Peter; Hoffmann, Walter, & Macha, Jürgen. (eds) (1993) *Vielfalt des Deutschen. Festschrift für Werner Besch*. Frankfurt/M.: Peter Lang.
- Meliss, Meike. (2016) Lexikalische Vielfalt und Varianz aus kontrastiver Perspektive. Überlegungen zu einem Produktionswörterbuch aus der Sicht des Deutschen und Spanischen. In Borek, Luise, & Rapp, Andrea. (eds) *Varianz und Vielfalt interdisziplinär: Wörter und Strukturen*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 28—50. (OPAL — Online publizierte Arbeiten zur Linguistik, 2)
- Nefedowa, Lyubov A. (2019) Kulturmarkierter Wortschatz des Deutschen: Plurikulturalität und -regionalität. In Bartoszewicz, Iwona; Szczyk, Joanna, & Tworek, Artur. (eds) *Linguistische Treffen in Wrocław*. Vol. 16, (II). Wrocław; Dresden: Neisse Verlag, 119—131. DOI: 10.23817/lingtreff.16-9.

- Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. Retrieved from <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp>. (Stand: 31.01.2022).
- Perkuhn, Rainer; Keibel, Holger, & Kupietz, Marc. (2012) *Korpuslinguistik* (= UTB 3433). Paderborn: Fink.
- Read, John. (2000) *Assessing Vocabulary*. Cambridge: CUP.
- Schmidlin, Regula. (2011). *Die Vielfalt des Deutschen: Standard und Variation: Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache*. Berlin; Boston: De Gruyter. (Studia Linguistica Germanica 106). DOI: 10.1515/9783110251258.
- Schmotziger Donnerstag. Retrieved from https://de.wikipedia.org/wiki/Schmotziger_Donnerstag. (Stand: 31.01.2022).
- Schuppener, Georg. (2020) Sprache als Spiegel der Gesellschaft. Bemerkungen zu vier aktuellen Themen der deutschen Gegenwartssprache. In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta, 8—23.
- Socialnet Lexikon. Retrieved from <https://www.socialnet.de/lexikon/Diversitaet>. (Stand: 31.01.2022).
- Sowinski, Bernhard. (1978) *Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen*. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag.

Lyubov' A. Nefedova
Moscow Pedagogical State University

**Lexical Diversity of Language: Richness or Surplusness?
(Exemplified by the German Vocabulary 2020/2021)**

This article provides an insight into the topic of lexical diversity. The first part of the article addresses questions of linguistic diversity and variety of German vocabulary. The second part is devoted to the topic of diversity-sensitive / diversity-friendly language, the modern socio-political concept of diversity is addressed in the context of gender identity. On the one hand, it is up for debate that lexical diversity testifies to the richness of linguistic expression; on the other hand, synonymous expressions are considered superfluous. Further research is needed to be able to answer this question unequivocally.

Keywords: lexical diversity; diversity-sensitive language; diversity-friendly language; German vocabulary

**Лексическое разнообразие в языке: богатство или избыточность?
(на примере немецкой лексики 2020/2021)**

В центре внимания данной статьи находится явление лексического многообразия современных языков. В первом разделе статьи показывается многообразие лексики немецкого языка, обусловленное различными видами языковой вариативности. Второй раздел освещает актуальные вопросы изучения языка, репрезентирующего социально-политический концепт Diversity, т. е. языка, который учитывает все формы социального разнообразия. Особый акцент делается при этом на описании лексического многообразия как результате отражения гендерного разнообразия. Лексическое многообразие интерпретируется, с одной стороны, как лексическое богатство языка, с другой стороны, — как избыточность форм выражения одного и того же понятия в языке. Представленные в статье результаты исследования показывают дискуссионность и научную значимость этой проблемы.

Ключевые слова: лексическое многообразие; социальное разнообразие; концепт Diversity; язык, учитывающий все формы социального разнообразия

Для цитирования:

Nefedova L. A. Lexikalische Diversität der Sprache: Reichtum oder Überflüssigkeit? (Am Beispiel der deutschen Lexik 2020/2021) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 289—306. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-289-306.

To cite this Article:

Nefedova, Lyubov' A. (2022) Lexikalische Diversität der Sprache: Reichtum oder Überflüssigkeit? (Am Beispiel der deutschen Lexik 2020/2021) (Lexical Diversity of Language: Richness or Surplusness? (Exemplified by the German Vocabulary 2020/2021)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 289—306.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-289-306.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

R. Parr
Universität Duisburg-Essen

**SPRACHLICHE DIVERSITÄT IM DEUTSCHEN FERNSEHEN,
ODER: WIE MAN MONOLINGUALEN DEUTSCHSPRACHIGEN
ZUSCHAUERINNEN UND ZUSCHAUERN
FREMDSPRACHLICHKEIT VERMITTELT***

Eine Grundproblematik der Präsentation von Mehrsprachigkeit in Fernsehfilmen besteht darin, einerseits deutlich machen zu müssen, dass in Filmen und Serien nicht nur deutsch, sondern auch in fremden Sprachen gesprochen wird, andererseits aber auch berücksichtigen zu müssen, dass man es zu einem nicht geringen Teil mit nicht-polyglotten Zuschauern zu tun hat, die nur eine oder vielleicht gar keine der benutzten Sprachen verstehen. Aufgezeigt und analysiert wird eine Reihe von Verfahren, mit denen Fernsehfilme arbeiten, um dieser Situation gerecht zu werden.

Schlüsselwörter: Diversität; Multilingualität; Fernsehen; Sprachmischung; Sprachwechsel

1. Einleitung: Die Grundproblematik

Ausgangspunkt der nachfolgenden Überlegungen (zurückgegriffen wird auf Parr [2014; 2017]) ist die Beobachtung, dass Fernsehserien — insbesondere solche aus der Sparte Krimi — häufig dann positive Resonanz finden und Auszeichnungen verliehen bekommen,¹ wenn sie sich über die eigentliche Krimihandlung hinaus auch mit Fragen von Diversität — was vielfach heißt mit Multikulturalität und Mehrsprachigkeit — beschäftigen. Das wiederum ist kaum möglich, ohne Mehrsprachigkeit hörbar, sichtbar und verstehbar zu machen, und zwar auch für diejenigen Zuschauer, die die jeweils verwendeten Sprachen nicht beherrschen. Damit stellt sich als Grundproblematik von Multilingualität in Fernsehserien die Frage: Wie realisiert man Mehrsprachigkeit in allen ihren Formen wie

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XIX съезда РСГ.

¹ Vgl. beispielsweise die im Zweiten Deutschen Fernsehen ausgestrahlte Serie *KDD — Kriminaldauerdienst* (TV-Serie. BRD 2007—2009. 28 Folgen. Wechselnde Regisseure), die unter anderem mit dem Bayerischen Fernsehpreis, dem Deutschen Fernsehpreis und dem Adolf-Grimme-Preis ausgezeichnet wurde.

Sprachmischung, Sprachwechsel (vgl. zur Unterscheidung von Sprachwechsel und Sprachmischung sowie von manifester und latenter Mehrsprachigkeit: [RADAELLI 2009: 53]), Code-Switching usw. so, dass auch diejenigen Zuschauer, die nur eine oder vielleicht gar keine der benutzten Sprachen verstehen, dem gezeigten Geschehen aber dennoch problemlos folgen können? Wie macht man das im Idealfall sogar so, dass die nicht-polyglotten Zuschauer:innen darüber hinaus in der Lage sind, die über die verschiedenen Sprachen erfolgenden Semantisierungen von Einzelfiguren (vgl.: [BLEICHENBACHER 2008]), Gruppen und Ethnien nachzuvollziehen? Und wie wird dies wiederum mit der Semantisierung der filmisch inszenierten Räume (Räume hier verstanden im weiten semiologischen Sinne (vgl.: [LOTMAN 1972: 311–329]) verknüpft? Denn gerade die Abbildung von sprachlicher Diversität auf räumliche und dann auch auf räumlich-kulturelle Differenzen (sieh dazu: [KRAH 1999]) ist immens wichtig, da darüber Identitäten ebenso wie positive und negative stereotypische Zuschreibungen hergestellt werden.

2. Die Fernsehserie *Inspector Barnaby*

Einige noch sehr einfache, aber vielfach praktizierte, wenn auch nicht unbedingt überzeugende Lösungen dieser Grundproblematik lassen sich schnell an der in Deutschland beliebten Fernsehserie *Inspector Barnaby* herausarbeiten. In der Folge *Der Würger von Raven's Wood* ist die Schlüsselfigur für die anstehende Aufklärung eines Mordes das portugiesische Aupair-Mädchen einer gutsituierten englischen Familie, das allerdings kaum ein Wort Englisch versteht und noch weniger spricht. Ließe man Anna Santarosa — so ihr in sprachlicher Hinsicht durchaus signifikanter Name — nur Portugiesisch reden, wäre das für große Teile der Zuschauer der deutsch synchronisierten Fassung nicht zu verstehen; ließe man sie Deutsch sprechen, müsste dieses Deutsch zumindest in so spezifischer Form gebrochen sein, dass klar wird, hier spricht eine Portugiesin Deutsch. Genau das leistet gleich eine der ersten Szenen dieser Folge, die damit beginnt, dass Anna den Milchmann an der Tür mit einem besonders hart ausgesprochenen „Djaah“ empfängt.

Bereits dieses eine Wort macht einen Akzent deutlich, der gegenüber dem deutschen „Ja“ in Richtung Spanisch oder auch Portugiesisch verweist. Zurück in der Küche, in der die Gastfamilie gerade frühstückt, verkündet Anna im gleichen, hart intonierten Deutsch: „Derr Milch gekommen.“ Mrs. Meryll verbessert Anna daraufhin,

indem sie auf den falschen männlichen Artikel hinweist: „Das heißt nicht ‚der‘ Anna.“ Dass solche Versuche, Annas Sprachkenntnisse zu verbessern, wenig aussichtsreich sind, macht wenige Augenblicke später die Frage „Woll e ne Spiegelei, Missis Mär?“ deutlich.

Das Deutsch von Anna ist in dieser wie auch allen anderen Sequenzen, in denen sie auftritt, so deutlich fremdsprachlich akzentuiert, dass es zu dem wird, was die kanadische Linguistin Gaëlle Planchenaault als eine Form von Ethnosymbolismus bezeichnet hat ([PLANCHENAULT 2008: 425], mit Bezug auf [HAARMANN 1986]). Ihre These, die sich auch an dem im Folgenden analysierten Material verifizieren lässt, ist dabei die, dass man es bei diesen spezifisch verfremdeten Einsprengseln in eine ansonsten sprachlich weitgehend homogene Textur, nicht mit Nachbildungen realen sprachlichen Verhaltens zu tun hat, sondern mit der Erfüllung von Erwartungshaltungen eines monolingualen Publikums an den Akzent fremdsprachlicher Sprecher:innen (vgl.: [PLANCHENAULT 2008: 426]). In unserem Beispiel wird das schnell deutlich, wenn man sich klar macht, dass man im Englischen kaum um den richtigen Artikel streiten kann.

Nun verlangt es die Dramaturgie des Geschehens im Falle der *Würger von Raven's Wood*-Folge aber, dass Anna Santarosa gerade kein Deutsch (respektive kein Englisch) spricht und somit auch kaum etwas von dem versteht, was die anderen Figuren sagen. Daher muss es noch eine andere Form geben, um Multilingualität zu signifizieren, ohne dabei größere Sprachkenntnisse der Zuschauer vorauszusetzen. Eine Lösung, auf die gerade in Fernsehserien immer wieder zurückgegriffen wird, ist die eines Positionstauschs zwischen den je kompetenten und genuinen Sprechern der in einer Folge relevanten Sprachen, wobei meist eine Figur als eine Art Übersetzer/in fungiert. Dieses Verfahren wird verwendet, als Anna auf Inspector Barnaby und seinen Assistenten Sergeant Troy trifft (auf eine korrekte, aber aufwendige linguistische Transkription und auch eine lautschriftliche Wiedergabe der einschlägigen Redepassagen wird zu Gunsten der Lesbarkeit verzichtet):

Barnaby: Oh, Anna! Ich freu' mich sehr, Sie zu sehn.

Anna: [*Schüttelt fragend den Kopf*] Woo?

Mrs. Merry: Ehhe, ihr Englisch lässt zu wünschen übrig.

Barnaby: Letzten Mittwoch...

Anna: [*versteht offensichtlich nicht*]

Troy: ... Miércoles.

Barnaby: Anna, der Anrufbeantworter, war darauf eine Nachricht?

Troy: Estaba uma mensagem de uma Carla Constanza?

Anna: Mittwoch? Mittwoch, ehh, nein, da war nirgendwo Nachricht. Nirgendwo Nachricht.

Mrs. Merry: Wollen Sie ausgehen, Anna?

Anna: Nein, Misses Märr, ich will gehen aus.

Dass Troy statt des Portugiesischen punktuell auch mal das Spanische benutzt („Mittwoch“ müsste im Portugiesischen eigentlich ‚quarta-feira‘ heißen) spielt dabei kaum eine Rolle.

Von ihrem trivialen Inhalt und den komödienhaften Effekten des Aneinander-vorbei-Redens einmal abgesehen, ist diese Szene insofern bemerkenswert, als es Sergeant Troy ist, der die Frage von Inspector Barnaby ins Portugiesische übersetzt, während Anna Santarosa, die portugiesische Muttersprachlerin, paradoxerweise auf Deutsch bzw. in der britischen Originalfassung auf Englisch antwortet. Auch von der Verteilung der Sprachkompetenzen her gedacht, ist das völlig dysfunktional, hätten sich Anna und Troy doch untereinander halbwegs gut auf Portugiesisch verständigen können. Doch das hätte den nicht unbedingt mehrsprachigen, nicht Portugiesisch *und* Englisch sprechenden Teil des Fernsehpublikums ausgeschlossen und innerhalb der filmischen Diegese zudem auch die Hauptfigur Inspector Barnaby.

Mehrsprachigkeit wird in diesem Beispiel also nicht analog zur Verteilung der Sprachkompetenzen der Figuren realisiert, sondern es werden paradoxe Formen von Positionstausch in Kauf genommen, um auch einem nicht polyglotten Publikum das Verstehen zu ermöglichen, dabei aber trotzdem nicht auf Effekte von Mehrsprachigkeit zu verzichten. Das fällt in der Regel kaum auf, wenn der Rahmen der Mehrsprachigkeit bereits zu Beginn einer Folge hinreichend deutlich gemacht wird, nicht zuletzt eben durch die Simulation eines portugiesisch gebrochenen Deutschs.

Von daher ist es auch durchaus möglich, in einer nachfolgenden Sequenz wieder zu einer anderen Verteilung der Sprachen und Sprechenden überzugehen. Als Inspector Barnaby und Sergeant Troy das Aupair-Mädchen Anna zufällig beim Einkauf treffen, wird die Situation dramaturgisch noch einmal genutzt, um endgültig deutlich zu machen, dass Anna kein Wort Englisch versteht. Daher führt diesmal nicht der eigentlich sprachkompetentere Troy das Gespräch, sondern der nicht Portugiesisch sprechende Barnaby:

Troy: Das ist doch Anna.

Barnaby: Das Aupair der Merryls.

Barnaby: Hallo Anna.

Troy: Buenos dias.²

Anna: Ehhhe [*Pause*], djahh.

Barnaby: Sie war'n einkaufen?

Anna: Einkaufen? Djaah. [*Pause*] Ich sollen für Misses Mär [i] [*Pause*] sie schickt mich in sie [the] einkaufen, in sie [the] einkaufen! [*Pause*] Für Misses Mär.

Barnaby: Also Sie bleiben dann wohl noch eine Weile bei den Merryls?

Anna: Ehh [*Pause*], djaah?

Barnaby: Und gefällt's Ihnen da?

Anna: Djaah, danke tsön.

Barnaby: Sie hat nicht ein Wort verstanden, fürchte ich.

Troy: Die sind vielleicht billiger ohne Sprachkenntnisse.

Auch dass den Zuschauern am Ende noch einmal auf recht plumpe Weise signalisiert wird, wie wenig Fremdsprachenkenntnisse Anna besitzt, hat rein dramaturgische Gründe, denn diese Tatsache führt die Ermittler letztlich zum richtigen Täter. Dennoch gibt es einige Verwerfungen und Inkonsequenzen. So ist es kaum zu erklären, warum Anna das „Buenos Dias“ von Sergeant Troy nicht in ihrer Muttersprache erwidert. Und mit ihrem fast schon englisch als „the“ ausgesprochenen „die“ bei „in die [the] Einkaufen“³ ist eine doppelte Ebene der Simulation von Fremdsprachlichkeit erreicht: Anna spricht hier portugiesisches Englisch auf Deutsch; eine recht krude Form der Simulation von nicht nur sprachlicher Diversität.

Generell liegt eine Lösung der Ausgangsproblematik, einerseits Multilingualität im Film realisieren zu wollen, andererseits aber Verstehbarkeit auch für ein nicht-mehrsprachiges Publikum sicherstellen zu müssen, also darin, zwar punktuell mit Sprachwechseln und auch mit verschiedenen Formen der Sprachmischung zu arbeiten, dominant jedoch Multilingualität innerhalb der Basissprache zu simulieren, und zwar in Form von als jeweils typisch für andere Sprachen erachteten Eigenheiten in Prosodie, Grammatik und Lexik. Auf diese

² Auch hier wird das spanische ‚buenos dias‘ statt des portugiesischen ‚bom dia‘ verwendet.

³ In der englischen Originalfassung sagt Anna „in the shopping“, was dann in der deutschen Synchronisation zu „in sie [the] einkaufen“ wird.

Weise werden Effekte von Mehrsprachigkeit innerhalb der Basissprache erzielt. In freier Anlehnung an Jacques Derridas Überlegungen in „Die Einsprachigkeit des Anderen“ könnte man sagen: ‚Das Fernsehen spricht vielfach nicht in einer einzigen Sprache, wenn es nur in einer Sprache spricht.‘ (DERIDA 2011: 154). Punktuell erlaubt es das Verfahren der in der eigenen Sprache simulierten Mehrsprachigkeit sogar, genuin fremdsprachliche Elemente einzubeziehen, etwa einzelne fremdsprachliche Wörter oder feststehende Redewendungen. Dadurch wird die simulierte Mehrsprachigkeit⁴ im Sinne einer „zusammenführenden und vermittelnden Tätigkeit“ (RADAELLI 2009: 15) fast schon zu einer Form von Übersetzung, die Mehrsprachigkeit realisiert und zugleich tendenziell aufhebt. Der damit latent gegebene Widerspruch kann unter anderem dadurch aufgefangen werden, dass eine Figur im Film die Funktion eines Übersetzers wahrnimmt, so wie ansatzweise Sergeant Troy in unserem Beispiel.

3. Die Krimiserie *Im Angesicht des Verbrechens*

Ein besonders komplexes zweites Beispiel für ein sehr dichtes Geflecht von für ein tendenziell monolinguales Publikum verständlich gemachter Mehrsprachigkeit bietet Dominik Grafs vielfach ausgezeichnete TV-Serie *Im Angesicht des Verbrechens*.⁵ Sie spielt in Berlin, also auf relativ begrenztem aber in sich noch einmal sehr subtil nach Polizei, Mafia sowie nach verschiedenen Ethnien unterschiedenen Teil-Räumen, in denen russische, ukrainische, jüdische-ukrainische, jüdisch-lettische, jüdisch-russische, türkische und vietnamesische Sprach(en) und Kultur(en) aufeinandertreffen. Dabei überlagern sich sprachliche, kulturelle und räumliche Grenzen in immer wieder neuen Konstellationen, wobei die Mehrsprachigkeit mal Vehikel ist, um bestehende Grenzziehungen zu überwinden, Grenzen also tendenziell aufzuheben, mal aber auch, um sie besonders wirkungsvoll zu etablieren, was nicht zuletzt auch durch sprachliche Formen der

⁴ Lennon (2012) geht in eine ganz andere Richtung als die hier angestellten Überlegungen, denn seine Frage ist die nach den Möglichkeiten maschinell, das heißt durch Computer und entsprechende Software, erzeugter Mehrsprachigkeit.

⁵ Die insgesamt zehn Folgen zeichnen sich durch ständig wechselnde, „ganz verschiedene Milieus“ und bei insgesamt rund „150 Sprecherrollen“ durch eine überdurchschnittlich breite Vielfalt an Sprachen aus (GRAF 2010: 16).

Exklusion geschehen kann. Wenn sich eine mehrsprachige Fernsehserie damit aber als steter Wechsel zwischen Grenzüberschreitung und Grenzziehung durch Mehrsprachigkeit darstellt, dann resultieren daraus auch immer neue Sprachenkonstellationen, sodass auch immer wieder neu auf immer wieder andere Verfahren der diese Form der Multilingualität für ein breites Fernsehpublikum verständlich machenden filmischen Realisierung (und oftmals Simulation) von Mehrsprachigkeit zurückgegriffen werden muss.

Lukas Bleichenbacher hat in seiner Untersuchung zur Multilingualität in Kinofilmen, die sich speziell für die Sprachwahl der Charaktere interessiert (siehe Tabelle), für drei Dimensionen, nämlich erstens die Behandlung anderer Sprachen im Film, zweitens das Publikumsbewusstsein anderer Sprachen und drittens das Publikumsverständnis der über andere Sprachen vermittelten Inhalte, vier Formen des Umgangs mit Fremdsprachlichkeit unterschieden: a) die „Elimination“, das heißt die Ersetzung der Fremdsprache durch eine unmarkierte Standardvarietät der Basissprache (was für Filme nichts anderes heißt als Vollsynchronisation in der Basissprache des Publikums), b) die „Signalization“ durch die Figuren, durch eine Erzählerfigur oder durch metalinguistische Kommentare, c) die „Evocation“, beispielsweise das Sprechen mit Akzent, also das, was hier als simulierte Fremdsprachigkeit in der Basissprache bezeichnet wird und d) die „Presence“, das heißt, die Fremdsprache wird nicht mehr ersetzt, sondern ist im Film selbst vorhanden (BLEICHENBLACHER 2008: 24).

Tabelle. A taxonomy of multilingualism in fictional texts (BLEICHENBACHER 2008: 24).

	Most distant from depicted reality			Closest to depicted reality
Strategy	Elimination	Signalization	Evocation	Presence
Treatment of other languages	Neither used nor mentioned	Named by the narrator or by characters	Evoked by means of L2 interference phenomena	Used
Audience awareness of other language(s)	Depends on ability to process extralinguistic hints	Through metalinguistic comments	Depends on correct interpretation of interference phenomena	Full

Audience comprehension of content	Full	Full	Full, unless the audience is unwilling to listen to nonstandard speech	None, unless the other language is somehow translated
-----------------------------------	------	------	--	---

Die sich daraus ergebende zweidimensionale Matrix macht zwar deutlich, dass man es bei der Frage der Mehrsprachigkeit filmischer Texturen mit Abstufungen in einem Kontinuum zwischen den Polen von ‚Elimination‘ und ‚Präsenz‘ zu tun hat, doch muss man diese Matrix für Mehrsprachigkeit in TV-Serien hinsichtlich der Vielzahl und der Bandbreite an eingesetzten Verfahren deutlich erweitern und ausdifferenzieren. Zudem geht es gerade in den hier untersuchten TV-Serien nicht um ‚Elimination‘, sondern um die doppelte Zielsetzung, Mehrsprachigkeit durchaus sichtbar und hörbar zu machen, aber zugleich eben auch verständlich.

Daher soll im Folgenden eine kleine für TV-Serien spezifische Typologie von Verfahren der Realisierung von Mehrsprachigkeit entwickelt werden, die sich — bezogen auf die Matrix von Bleichenbacher — zwischen den Polen von „Signalization“ und „Presence“ bewegt. Das geschieht am Beispiel von Dominik Grafs ständig zwischen Multi- und Transkulturalität⁶ changierender Mafia-Serie *Im Angesicht des Verbrechens*, wobei es durchaus mein Ziel ist, ein auch auf andere TV-Serien übertragbares analytisches Instrumentarium bereit zu stellen.

3.1. Verfahren des Umgangs mit Mehrsprachigkeit im Fernsehen

Ein *erstes* Verfahren, um Mehrsprachigkeit so in eine TV-Serie einzubringen, dass sie für ein Mainstream-Publikum verständlich bleibt, ist das bereits bei *Inspector Barnaby* beobachtete, nämlich, die Figuren deutsch sprechen zu lassen, aber mit russischem, ukrainischem, jiddischem (hebräischem), türkischem oder vietnamesischem Akzent. Damit beginnt gleich die erste Folge von *Im Angesicht des Verbrechens*, die den inneren Monolog einer jungen ukrainischen Frau beim Tauchen in einem ländlich gelegenen See ihrer Heimat zeigt:

⁶ Zur definitorischen Unterscheidung von Multikulturalität (als Nebeneinander kultureller ‚Monaden‘) und Transkulturalität (als deren Hybridisierung zu etwas Neuem) vgl.: (WELSCH 2012: 25–40). — Vgl. für ‚transnationale‘ Fernsehserien auch: (EICHNER 2012).

Großmutter hat gesagt, Jelena, Kindchen, unterr Wasser siehst Du den Mann, den Du liebst. Bei ihrr war das so, und bei Mama und bei mirr wird es auch so sein. Aber das Einzige was ich immer sah, war ein deutscher Panzer aus dem grroßen vaterländischen Krieg, aber keinen Mann, der mich von hier fortbringt (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 1, 00:00:25–00:01:30).

Man mag ein solches Sprechen in leicht russisch-ukrainisch gebrochenem Deutsch auf den ersten Blick für ein triviales Verfahren des Einbringens von Mehrsprachigkeit halten. Doch macht man sich klar, dass — linguistisch betrachtet — mit der Spezifik von Syntax, Prosodie und Lexik stets Subsysteme der Grammatik und Pragmatik einer Fremdsprache in die Basissprache eines Films integriert werden, dann stellt sich gerade dieses Verfahren als eines der wenigen dar, das Mehrsprachigkeit *integral* realisiert (was wiederum erklärt, warum so gern und oft darauf zurückgegriffen wird). Denn Basis-sprache und darin weiterverarbeitete Fremdsprache sind hier nicht mehr so ohne weiteres voneinander zu trennen.

Will man — *zweites* Verfahren — die Tatsache der Mehrsprachigkeit deutlicher herausstellen, so lässt man diejenigen Figuren, die fremde Sprachen repräsentieren, zusätzlich zum gebrochenen Deutsch gelegentlich Wörter oder feststehende Ausdrücke ihrer Muttersprache benutzen. Die fremdsprachlichen Wörter rahmen dabei die gesamte Redepassage so, dass sie insgesamt als fremdsprachlich oder doch zumindest als Äußerung eines fremdsprachlichen Sprechers wahrgenommen wird. Auch hier hat man es immer noch mit einer fremdsprachlichen Rahmung zu tun, die jedoch so minimal ist, dass sie nicht zu Verständnisschwierigkeiten für ein überwiegend deutschsprachiges Publikum führen kann.⁷ Die Fremdsprache ist als kulturell verfestigte Vorstellung, als Stereotyp und Rahmen (frame) durchgängig präsent, zugleich aber doch auch nahezu absent. Peter R. Petrucci hat in seiner Untersuchung zur „representation of Spanish and English in <...> American films“ davon gesprochen, dass oftmals „language diversity is portrayed through“ (PETRUCCI 2008: 406) „Hollywood’s monolingual lens“ (PETRUCCI 2008: 407). Dieses Verfahren kann von einzelnen Wörtern bis hin zu ganzen fremdsprachlichen Passagen expandiert

⁷ Vgl. dazu (PLANCHENAULT 2008: 431, 438): „<...> film viewers are dealing with representations of bilingualism constructed for a monolingual audience“.

werden, wobei allerdings meist weitere unterstützende Verfahren des Verständlichmachens von Mehrsprachigkeit zusätzlich herangezogen werden, etwa eine zweite, nicht explizit dolmetschende Figur. Dass dieses Verfahren sehr bewusst eingesetzt wird, hat der an der Produktion von *Im Angesicht des Verbrechens* beteiligte WDR-Redakteur Frank Tönsmann in einem Interview deutlich gemacht:

Wir haben z. B. bei einer Figur die Nationalität geändert, so daß sie das, was da auf russisch gesprochen wird, einem anderen übersetzen muß. Denn an bestimmten Stellen fanden wir die Untertitelung für die Dynamik der Erzählung nicht gut, weil die Untertitel ja auch ablenken und es obendrein schlicht anstrengend ist, sie zu lesen (GRAF 2010: 236).

Zu dieser monolingualen Perspektivierung von Fremdsprachlichkeit gehört als *drittes* Verfahren auch die Technik des sprachlichen *foregrounding*, die darin besteht, Figuren mit hohen Dialoganteilen im Vordergrund des filmischen Geschehens deutsch bzw. fremdsprachlich akzentuiertes Deutsch sprechen zu lassen, während im Hintergrund ein sprachlich und häufig auch kulturell anderer, meist sehr vielfältiger Bild- und Tonteppich anzutreffen ist. Diese im Vordergrund agierenden Figuren werden dabei — unabhängig von der gesprochenen Sprache (im deutschen Fernsehen in der Regel deutsch) — als repräsentativ für den (in der Regel fremdsprachlichen) Hintergrund gesetzt, sodass paradoxerweise das im Vordergrund gesprochene Deutsch tendenziell die Fremdsprache(n) im Hintergrund repräsentiert (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 1, 00:08:45–00:10:15).

Der *background* kann aber — *viertes* Verfahren — auch gleichsam pur inszeniert werden, nämlich als vielfältige Sprachenüberlagerung, die bis hin zu massendynamischem Sprachgewimmel reichen kann. Das geschieht in der Regel an dafür prädestinierten Orten wie übervollen Restaurants, Clubs, Diskotheken oder bei größeren Familienfeiern. Für die Zuschauer ist das ein durchaus entlastendes Verfahren, denn das Sprachengewimmel ist kaum mehr aufzulösen.

Lässt man die Figuren — *fünftes* Verfahren — in ihren jeweiligen Muttersprachen reden und bietet dabei durch begleitende Informationen auf der Bildebene und/oder auf der Ebene der nicht sprachlichen Soundelemente genügend Kontextualisierungen an, dann sichern diese ein Verständnis auch ohne Kenntnisse der je aktuell verwendeten Fremdsprache(n), was die an der Produktion von

Im Angesicht des Verbrechens beteiligten WDR-Redakteure Frank Tönsmann und Wolf-Dietrich Brücker in einem Interview deutlich hervorgehoben haben:

Brücker: Man ahnt ja, was die sagen.

Tönsmann: Und man weiß, worum es geht.

Brücker: Keine philosophischen Texte, die sie elaborieren. Man kriegt durch den Zusammenhang die Gefühlsregungen mit und auch, was die miteinander zu bereden haben (GRAF 2010: 237).

Als *sechstes* Verfahren können zu den fremdsprachlichen Passagen Untertitel in der Basissprache des jeweiligen Publikums angeboten werden. Im Gegensatz zu Untertiteln als eines der Verfahren von Synchronisation sind diese hier aber genuiner Teil der so intendierten filmischen Textur, nämlich fortlaufend lesbarer Text in der Basissprache. Verwendung findet dieses Verfahren vor allem für Szenen, die nicht allzu viele Schnitte aufweisen, in denen nicht allzu viel gesprochen wird und in denen die Figuren auf begrenztem Raum agieren, sodass dem Zuschauer die Zeit bleibt, Bild und Untertitel aufzunehmen (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 2, 00:20:51–00:21:27; siehe Abb. 1–3).

Abb. 1

Abb. 2

Abb. 3

Ein weiteres, *siebtes* Verfahren besteht darin, dass man die Figuren sich in Dialogen selbst übersetzen lässt. Eine Figur sagt zunächst etwas auf beispielsweise Russisch und übersetzt dies dann, explizit adressiert an andere Figuren innerhalb des Films, implizit aber auch an die Zuschauer, ins beispielsweise Deutsche. Dramaturgischer Nachteil ist die dazu nötige Verdoppelung der Textmenge und die damit einhergehende Verlangsamung des filmischen Erzählens.

Eine Abwandlung davon stellen — *achtes* Verfahren — zweisprachig geführte Dialoge dar, die so angelegt sind, dass alle für das Verstehen nötigen Informationen auch durch die jeweils eine Hälfte eines solchen Dialogs sichergestellt sind.

Sehr wichtig für das Einbringen von Mehrsprachigkeit und zu-

gleich das Sicherstellen des Verstehens sind — *neuntes* Verfahren — im Film dargestellte Rollenspiele und Als-Ob-Szenarien mit Sprachwechseln. Dabei spielt eine Figur einer anderen vor, wie sie sich in dieser oder jener Situation verhalten hat oder verhalten wird. Das wiederum schafft die Möglichkeit, dass die beiden Figuren beispielsweise auf Deutsch über dieses Rollenspiel sprechen, in der jeweils eingenommenen (gespielten) Rolle selbst aber eine andere Sprache ins Spiel gebracht wird. Zu der kann dann durch die beiden Figuren sogar eine Art Metaebene eingenommen werden, auf der das im Rollenspiel fremdsprachlich Dargestellte noch einmal in deutscher Sprache repetiert, reflektiert und kommentiert wird. Das ist etwa in der Szene der Fall, in der Stella, die Chefin des russisch-jüdischen Restaurants „Odessa“ ihrem Bruder zeigt, wie sie in der Rolle der Chefin agiert (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 1, 00:25:40–00:28:38).

Eine Variante des Rollenspiels, nämlich die Rollen- und zugleich Sprachenverteilung, stellen — *zehntens* — solche Szenarien dar, die auf zwei Handlungsorte verteilt sind. Das ist in unserem Filmbeispiel etwa der Fall, wenn an einem Ort X eine illegale Übergabe von Diebesgut zwischen Russen und Vietnamesen stattfindet, die beide jeweils nur in ihrer Herkunftssprache reden, und in einem Restaurant zugleich die beiden Bandenchefs per Telefon die Übergabe verfolgen und auf Deutsch kommentieren.

Eine weitere Variante von Rollenspiel und mehrsprachigem Dialog ist — *elftens* — das Auftreten von Dolmetschern als Figuren innerhalb der filmischen Handlung, wobei die Dolmetscher nicht nur ihr Gegenüber im Film adressieren, sondern stets auch über die filmische Diegese hinaus die Fernsehzuschauer.

Nur ganz gelegentlich wird — *zwöftens* — Multilingualität im Film selbst zum Gegenstand metasprachlicher Kommunikation, so etwa dann, wenn eine Figur zur anderen sagt, sie möge doch nicht ukrainisches, sondern richtiges Russisch sprechen, oder wenn sprachliches Nichtverstehen direkt artikuliert und inszeniert wird:

M a n n: [*kommt aufgeregt und verärgert in die Wohnung, spricht dabei Russisch*]

F r a u: [*vor dem Fernseher*] Was ist passiert?

M a n n: [*antwortet auf Russisch*]

F r a u: Sprich nicht Russisch mit mir; ich verstehe nicht, ich kann nicht, ich will nicht! (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 3, 00:34:00–00:34:20).

Solche metasprachlichen Thematisierungen von Multilingualität entlasten auch die Zuschauer davon, alle fremdsprachlichen Elemente in einem Fernsehfilm verstehen zu müssen, geht es den Figuren in der filmischen Handlung doch anscheinend nicht anders.

Gegenläufig dazu angelegt ist als *dreizehntens* Verfahren dasjenige, einzelne Figuren mit sprachlichen Kompetenzen auszustatten, die man von ihnen eigentlich nicht erwartet hätte und die sie zunächst auch selbst nicht gezeigt haben. Beispiel: Ein verhafteter Zigaretenschmuggler lässt den Dolmetscher auf dem Polizeirevier zunächst alle seine Äußerungen übersetzen, um dann am Ende dem ihn verhörenden Beamten in gut überlegtem Hochdeutsch zu entgegenen, dass diese oder jene Formulierung im Protokoll nicht genau genug sei, um das wiederzugeben, was er gesagt habe:

Ermittler: Sie haben aber mehrfach Überfälle auf LKWs der Firma Lentz und der Firma Sonnemann durchgeführt und haben andere dazu angestiftet.

Beschuldigter: [*antwortet auf Russisch*]

Dolmetscher: Ich hab' damit wirklich nichts zu tun.

Beschuldigter: [*spricht weiter auf Russisch*]

Dolmetscher: Welche Beweise haben Sie? Und wenn Sie keine Beweise haben, dann möchte ich die Vernehmung abbrechen und nach Hause gehen. Und wenn Sie mich nicht nach Hause gehen lassen, dann möchte ich einem Richter vorgeführt werden.

Ermittlerin: Wir wissen aber, Sie waren es.

Beschuldigter: Aber ich bitte Sie, Sie wissen gar nichts.

Ermittler: Sie wollen also nichts mehr zur Sache aussagen.

Beschuldigter: Dazu kann ich nichts aussagen.

Ermittler: [*zur Protokollantin*] Schreiben Sie mal: ‚Ich will nichts dazu aussagen.‘

Beschuldigter: Ich habe gesagt, ich *kann* nichts aussagen. Ich habe nie gesagt, ich *will* nicht aussagen.

Ermittler: Das ist doch dasselbe.

Beschuldigter: Das ist nicht dasselbe. [*wechselt danach ins Russische*]

Dolmetscher: Ich sage nichts, weil ich nichts weiß.

Ermittler: Au, das ist gut, dann werden wir Ihrem Gedächtnis mal ein bisschen auf die Sprünge helfen. (IM ANGESICHT DES VERBRECHENS 2010, Folge 2, 00:29:00–00:29:50).

Hingewiesen sei — *vierzehntens* — schließlich noch auf das als eine Form der Synchronisation verwendete Voice-Over-Verfahren, bei

dem die Tonstärke der Fremdsprache fast ausgeblendet und dann durch die deutlich lauter vernehmbare Basissprache überlagert wird. Dabei endet die Übersetzung meist „wenige Augenblicke vor dem Original, damit der Zuschauer erneut die Möglichkeit hat, die Ausgangssprache in voller Lautstärke zu hören“ (ALBRECHT 2010: 17f.).

4. Fazit

Alle diese Verfahren, um Multilingualität in TV-Serien einzubringen, ohne dabei das Publikum sprachlich zu überfordern, kommen kaum einmal in Reinform vor, sondern in allen nur denkbaren Kombinationen, die sich ablösen, ineinander übergehen, sich überlagern, und bisweilen auch gegenläufig zueinander angelegt sind.

Bei einem Film über Menschen, die fast ausnahmslos aus dem Ausland kommen, die dort geboren sind oder auch hier, aber Deutsch noch nicht als Muttersprache akzeptiert haben und ihr Leben zweisprachig führen, ist es klar, dass sich diese babylonischen Verhältnisse im Originalton des Films niederschlagen sollten. Auf der anderen Seite ist aber auch klar, dass man eine ganze Folge nicht komplett mit Untertiteln versehen kann. Wenn zwei Russen im Film zusammen sind, dann war das im Buch von Rolf Basedow auf deutsch geschrieben, darunter stand aber in Klammern ‚russ. mit UT‘. Jetzt muss man sehen, ob man für das Drehen einen ganzen Dialog ins Russische übersetzt. Es war auch sehr gut möglich, dass bestimmte Teile des Dialogs in Deutsch kommen: Je älter die Rollen sind, um so mehr wird russisch gesprochen, je jünger die Figuren sind, um so mehr glaubwürdigen Mischmasch deutsch-russisch gibt es. Z. B. die Wörter: Business, Geld, Scheiße — übrigens ein sehr beliebtes Wort bei diesen Gangster-Russen, das deutsche ‚Scheiße‘. Und auf die Initialzündung eines deutschen Wortes hin kann dann plötzlich ein Russe drei, vier Sätze auf deutsch sagen. Und der Partner auch. Und dann fallen sie zurück ins Russische. Also, ich habe versucht, die Plotdialoge — wenn z. B. die Gangster um Mischa am Ende von Folge 2 im Odessa miteinander reden — in solch einer Mischform zu bauen. Ein bisschen wie ein Musikstück (GRAF 2010: 77f.).

Im Falle von *Im Angesicht des Verbrechens* hat man es also mit einem wohlkalkulierten und keineswegs naiven Umgang mit den aufgezeigten Verfahren des Einbringens von Mehrsprachigkeit in TV-Serien zu tun. Solche Fernsehserien können daher entlang der in ihnen praktizierten Formen des Einbringens von Mehrsprachigkeit von einer Basissprache aus als mediale Reaktionen auf die kaum

mehr zu ignorierende Diversität moderner Gesellschaften und vor allem ihrer Metropolen angesehen werden.

Gedankt sei an dieser Stelle dem Verlag Narr Francke Attempto für die Genehmigung zum teilweisen Wiederabdruck von PARR (2017).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Albrecht, Christina. (2010) *Die Problematik der Synchronisation englischsprachiger Filme ins Deutsche anhand der Beispiele Singin' in the Rain (1952) und Inglorious Basterds (2009)*. Diplomarbeit: Universität Wien.
- Bleichenbacher, Lukas. (2008) *Multilingualism in the Movies. Hollywood Characters and Their Language Choices*. Tübingen: Francke. (Schweizer Anglistische Arbeiten; 135).
- Derrida, Jacques. (2011) Die Einsprachigkeit des Anderen oder die ursprüngliche Prothese. *Zeitschrift für interkulturelle Germanistik*, 2 (2), 152—168.
- Eichner, Susanne. (2012) *Transnationale Serienkultur. Theorie, Ästhetik, Narration und Rezeption neuer Fernsehserien*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Graf, Dominik. (2010) *Im Angesicht des Verbrechens. Fernseharbeit am Beispiel einer Serie* / Hrsg. Johannes F. Sievert. Berlin: Alexander Verlag. (arte EDITION)
- Haarmann, Harold. (1986) Verbal Strategies in Japanese Fashion Magazines — A Study in Impersonal Bilingualism and Ethnosymbolism. *International Journal of the Sociology of Language*, 58, 542—556.
- Krah, Hans. (1999) Räume, Grenzen, Grenzüberschreitungen. Einführende Überlegungen. In *Kodikas/Code. Ars Semeiotica. An International Journal of Semiotics*, 22 (1–2), 3—12.
- Lennon, Brian. (2012) Can Multilingualism Be Simulated? *Critical Multilingualism Studies*, 1 (1) 94—106.
- Lotman, Jurij M. (1972) *Die Struktur literarischer Texte*. München: Fink, bes. 311—329.
- Parr, Rolf. (2014) Die fremde Sprache in der eigenen. Wie Fernsehfilme und -serien Multilingualität inszenieren und simulieren. In Dembeck, Till, & Mein, Georg. (eds) *Philologie und Mehrsprachigkeit*. Heidelberg: Winter, 401—418.
- Parr, Rolf. (2017) Fernsehen. In Till, Dembeck, & Parr, Rolf unter Mitarbeit von Küpper, Thomas. (eds) *Literatur und Mehrsprachigkeit. Ein Handbuch*. Tübingen: Narr, 229—337.
- Petrucci, Peter R. (2008) Portraying Language Diversity Through a Monolingual Lens: On the Unbalanced Representation of Spanish and English in a Corpus of American Films. *Sociolinguistic Studies*, 2 (3),

405—423.

- Planchenault, Gaëlle. (2008) 'Who can tell, mon ami?' Representations of Bilingualism for a Majority Monolingual Audience. *Sociolinguistic Studies*, 2 (3), 425—440.
- Radaelli, Giulia. (2009) *Literarische Mehrsprachigkeit. Sprachwechsel bei Elias Canetti und Ingeborg Bachmann*. Berlin: Akademie Verlag. (Deutsche Literatur. Studien und Quellen; 3).
- Welsch, Wolfgang. (2012) Was ist eigentlich Transkulturalität? In Kimmich, Dorothee, & Schahdat, Schamma. (eds) *Kulturen in Bewegung. Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität*. Bielefeld: Transcript, 25—40.

TV-Serien und Kinofilme

- Im Angesicht des Verbrechens. (2010) TV-Mafia-Serie. BRD. 10 Folgen.
Regie: Dominik Graf.
- Inspector Barnaby. (3.2.1999) TV-Serie. Folge: Der Würger von Raven's Wood. Erstausstrahlung UK 3.2.1999, deutschsprachige Erstausstrahlung im ZDF 3.7.2005.
- KDD — Kriminaldauerdienst. (2007–2009) TV-Serie. BRD. 28 Folgen.

Rolf Parr

University of Duisburg-Essen

Linguistic Diversity on German Television, or How to Communicate Foreign Languages to Monolingual German Viewers

One of the basic problems of presenting multilingualism in television films is to make it clear that not only German but also foreign languages are spoken in films and series, but also consider that one has to deal with a significant part of non-polyglot viewers who understand only one or perhaps none of the languages used. A number of methods used by television films to cope with this situation will be presented and analyzed.

Keywords: diversity; multilingualism; television; language mixing; language switching

Рольф Парр

Университет Дуйсбург-Эссен

Языковое разнообразие на немецком телевидении, или Как общаться на иностранном языке с немецкоязычными зрителями

Одна из основных проблем репрезентации многоязычия в телевизионных фильмах заключается в том, что, с одной стороны, необходимо

четко понимать, что в фильмах и сериалах говорят не только на немецком языке, но и на иностранных языках, а с другой стороны, необходимо учитывать, что мы имеем дело с достаточно большим количеством зрителей, не владеющих иностранными языками, которые понимают только один или, возможно, ни один из используемых языков. Представлен и проанализирован ряд методов, используемых создателями телевизионных фильмов, чтобы справиться с этой ситуацией.

Ключевые слова: разнообразие; многоязычие; телевидение; смешение языков; переключение языков

Для цитирования:

Parr R. Sprachliche Diversität im deutschen Fernsehen, oder: Wie man monolingualen deutschsprachigen Zuschauerinnen und Zuschauern Fremdsprachlichkeit vermittelt // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 307—324.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-307-324.

To cite this Article:

Parr, Rolf. (2022) Sprachliche Diversität im deutschen Fernsehen, oder: Wie man monolingualen deutschsprachigen Zuschauerinnen und Zuschauern Fremdsprachlichkeit vermittelt (Linguistic Diversity on German Television, or How to Communicate Foreign Languages to Monolingual German Viewers). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 307—324.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-307-324.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 30.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

Н. Н. Трошина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ И ЯЗЫКОВАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Обосновывается взаимосвязь процессов интернационализации науки и языковой диверсификации научного дискурса, т. е. стимулирования его многоязычия. Интернационализация науки состоит не в переходе на английское моноязычие, а в активном взаимодействии национальных научных школ и культур, в контексте которых разработаны гносеологически разнообразные подходы в научных исследованиях. Связь между использованием национального языка в научной деятельности и ее эффективностью показана на основе публикаций по методологии научного познания. Успех интернационализации науки и высшего образования в значительной степени зависит от качества языковой подготовки будущих специалистов, которая должна быть ориентирована на дифференцированное многоязычие, и от включения в международные компьютерные базы данных научного цитирования информации о публикациях на различных национальных языках, а не только на английском.

Ключевые слова: англофикация научного дискурса; Nischensprache; гносеологическое разнообразие научного дискурса; английское моноязычие; импакт-фактор; дезинтеграция общества

1. Введение

Интернационализация науки понимается в настоящей статье как ее интеграция, т. е. как процесс интенсивного взаимодействия национальных научных школ и направлений, разрабатываемых в университетах и научных центрах разных стран. Это предполагает, как минимум, адекватную представленность этих исследований в письменном и устном научном дискурсе, в том числе и в языковом отношении. Вербализация результатов научных исследований на родных языках авторов этих изысканий, т. е. языковая диверсификация научного дискурса, позволяет показать гносеологическое разнообразие подходов при решении научных задач (ТРОШИНА 2021А: 73–74; МОСІКАТ & DIETER 2011: 28; GENRMANN 2015: 127). Это значит, что процессы интернационализации и языковой диверсификации науки должны взаимодействовать и поддержи-

вать друг друга, однако реальное состояние научного дискурса заставляет усомниться в этом, что очень тревожит не только ученых, но и ученых самых различных специальностей — носителей разных языков. Эта обеспокоенность вызвана уже почти состоявшейся англофикацией научного дискурса.

2. Характеристика материалов и методов исследования

2.1. Позиции немецкого языка в современном научном дискурсе

Оговорка «почти» вызвана тем, что различные области научного знания охвачены англофикацией все же в различной степени: самая высокая степень (100%) характеризует медицинский научный дискурс. Гуманитарные науки, в которых прежде был столь востребован немецкий язык, пока еще сохраняют свои позиции в так называемых научных «нишах» (*Nischensprache*, термин Харальда Вайнриха): в истории, философии, антиковедении, языкознании, классической филологии, археологии, искусствоведении, литературоведении, социологии, герменевтике, индологии, иранистике, исламоведении, культурологии, востоковедении, политологии, театроведении, терминоведении (AMMON 2015: 605). Опрос, проведенный Ульрихом Аммоном среди немецких ученых-гуманитариев на тему «на каких иностранных языках они чаще всего читают свою специальную литературу», показал, что все они читают на немецком языке, 97% — на английском языке, 65 % — на французском, 32% — на итальянском. 17% — на испанском и 14% — на нидерландском. Однако немецкий как естественный язык для публикаций по германистике не гарантирован от ослабления своих позиций даже в этой области, так как постоянно растет число публикаций по германистике на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х гг. XX в.: процент публикаций по германистике на английском языке составлял уже тогда 12,8%, т. е. больше, чем публикаций на всех остальных (кроме немецкого) языках вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3%, на итальянском — 1%, на русском — 1%, т. е. всего 7,2% (COLLINS & RUTLEDGE 1996; цит. по: [AMMON 2015: 605]).

Англофикация научного дискурса в немецкоязычных странах приводит к архаизации немецкой научной лексики, так как вместо новых немецкоязычных терминов появляются псевдоанглицизмы типа *soziale Distanz* < англ. *social Distancing*, «хотя ‘социальная дистанция’ и ‘пространственная дистанция’ являются в немецком понятиями из разных сфер (*unterschiedliche Sachver-*

halte)» (RÖSCH 2020: 20).

Снижение коммуникативного статуса немецкого языка в научной сфере с ведущего языка до «нишевого» болезненно переживается немецким научным сообществом, поскольку до середины XX в. немецкий язык был общепризнанным международным языком науки. Английский язык был языком международной торговли, французский — языком дипломатии. Языком же науки был язык Гейдельберга и Гёттингена (SAVORY 1952: 153).

С середины 90-х гг. XX в. неуклонно растет число англоязычных публикаций во всех областях, причем эта проблема касается не только немецкого языка, но и всех коммуникативно мощных европейских языков: французского, итальянского, русского, испанского.

Если весь научный процесс переходит на английский язык, т. е. унифицируется в языковом плане по принципу *English only!*, то в чем же состоит диверсификация? Как языковое разнообразие связано с разнообразием эвристическим? Почему вербальная унификация происходит в контексте интернационализации, которая трактуется как важнейший признак глобализации? (ТРОШИНА 2021б). Этому огромному комплексу проблем посвящены многие международные конференции, но для германистов особенно важны две, которые состоялись в Академии политического образования в баварском городе Тутцинг: конференция «Язык науки и обучения: Контакт науки с культурой и обществом» («Forschung und Lehre: Bindeglied der Wissenschaft zu Kultur und Gesellschaft», 2014)¹ и «Язык науки и образования: Под эгидой экономики?» («Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?», 2018).² Эти конференции были организованы «Обществом немецкого научного языка» («Arbeitskreis Deutsch als Wissenschaftssprache» — ADAWiS),³ которое существует с 2007 г. и в которое входят далеко не только одни специалисты в области немецкого языка, но и химики, философы, физики, биологи, медики, специалисты в области технических наук и т. д. Президентом этого общества является

¹ https://adawis.de/fileadmin/user_upload/Seiten/Aktuelles/GI-ADAWIS-Veranstaltung_2014_Programm.pdf.

² <https://adawis.de/initiativen/oeffentliche-veranstaltungen-des-adawis>.

³ <https://adawis.de/start>.

профессор медицинского факультета Мюнхенского ун-та Ральф Моцикат. Отправной тезис этой организации: нация, осознающая себя как носительница великой культуры, в контексте которой были сделаны величайшие научные открытия, не должна допустить, чтобы ее научная сфера отделялась от ее национального языка, так как в результате этого снижается научный и культурный престиж нации и страдает внешняя культурная политика страны (VOSLAMBER 2011: 3; LENMANN 2012: 349).

Результаты этих двух конференций вызвали живой интерес широкой аудитории и активно обсуждались в немецкой прессе, например, в газетах «Die Welt» и «Zeit Online», а также на Баварском радио. Были опубликованы интервью участников этих конференций. Так, профессор института философии в университете г. Кемница Винфрид Тильманн подчеркнул, что при языковом многообразии в науке реализуются различные модели мышления и аргументации, так как они опираются на когнитивные модели, свойственные родным языкам исследователей, что идет на пользу гносеологическому и, соответственно, эвристическому разнообразию научного поиска. Профессор философии Юлиан Найда-Рюмелин (Мюнхенский университет) продолжил эту мысль, сказав, что английские переводы специальной литературы не заменяют оригиналов, так как в переводе всегда присутствует интерпретация переводчика:

«Bei Texten von Heidegger und Fichte kann man nicht einfach übersetzen. Da steht nicht dasselbe in den Übersetzungen» (JERABEK 2018: URL).

Проблема моноязычия и ее соотношения с диверсификацией в немецком научном дискурсе вызвала ожесточенные споры, так как не все ученые готовы проявить лояльность своему родному языку и родной культуре в ущерб интересам своей научной карьеры. Газета «Die Welt» приводит мнение профессора аналитической философии Ханса Ротта (университет г. Регенсбург), согласно которому важнее попасть «в другую лигу», публикуясь на английском языке, к чему надлежит готовить также и студентов. Роль виртуозных языковых формулировок в немецких философских текстах Ротт считает преувеличенной: гораздо нужнее четкие формулировки: «Man muss möglichst klar formulieren. Dem kann eine elaborierte Sprache sogar im Wege stehen» (VITZTHUM 2013: URL). Таким образом, Ротт, занимая позицию,

противоположную позиции Найды-Рюмелина, на самом деле его поддерживает: четкие формулировки в переводе «спрямляют» текст оригинала, искажая его.

В гуманитарных науках сложилась некая парадоксальная ситуация, которая обсуждалась на этих конференциях: эти науки часто упрекают в том, что они могут существовать без особой материальной поддержки. Но, как отметил профессор Венского университета Конрад Пауль Лиссманн,

«если выбивание спонсорских денег становится критерием качества науки, то неудачником становится тот, кому эти средства не нужны, потому что ему достаточно головы, чтобы думать. Высочайшее научное качество немецких гуманитарных наук («*wissenschaftliche Exzellenz*») неоспоримо во многих областях при скромных финансовых затратах, и тем не менее их часто обвиняют в экономической бесполезности. А ведь ничто так не сомнительно и не преходяще, как так называемая польза» (LISSMANN 2006: URL).

Единственную перспективу выживания для гуманитарных наук Лиссманн видит в оказании ими идеологических услуг. Печальный, но небезосновательный вывод.

Существуют следующие болевые точки в дискуссии о языковой диверсификации научного дискурса в его пересечении с интернационализацией науки.

1. Престижные журналы принимают статьи на английском языке, причем издательства требуют указывать в библиографии только англоязычные источники. В результате отсекается большой пласт знания, вербализованного на других языках.

2. Монографии и тематические сборники публикуются, в основном, на английском языке: в крупнейшем международном издательстве de Gruyter соотношение английских и немецких книг составляет 5:1. Как с полным основанием констатирует Г.-У. Толкин, английский язык практически вытеснил немецкий из области научных публикаций, потому что такая политика издательств рассматривается ими как вклад в интернационализацию науки (TOLKIEN 2020: 43, 46). Автор напоминает также о рекомендации Немецкого совета по науке (Wissenschaftsrat) обратить внимание на возможные негативные последствия использования английского языка в сфере высшего образования (Ibid.: 4).

3. Заявки на получение грантов должны подаваться на английском языке — исключение составляет Швейцарский науч-

ный фонд (der Schweizerische Nationalfonds, SNF), разрешающий это делать на всех четырех официальных языках Швейцарии: немецком, французском, итальянском, ретороманском.

4. Все больше учебных курсов и программ в немецких вузах преподаются на английском языке, хотя уровень владения этим языком у студентов и даже у преподавателей далеко не всегда обеспечивает должный качественный уровень обучения.

2.2. Англофикация научного дискурса и когнитивная функция языка

Нельзя не учитывать проблемы, обусловленные влиянием англоязычной монокультуры на когнитивные процессы носителей других языков, в том числе и немецкого, что вызывает определенную озабоченность специалистов. В дискуссии об интернационализации науки обращено основное внимание на коммуникативную функцию языка, в то время как другая функция — когнитивная — часто выпадает из рассмотрения, хотя именно она является главной в образовательном процессе. Именно это свойство языка подчеркивал Г. В. Лейбниц, указывая, что языки отражают удивительное многообразие операций нашего духа («die Sprachen enthalten die wunderbare Vielfalt der Operationen unseres Geistes») (LEIBNITZ 1966; цит. по: [RÖSCH 2020: 18]).

Как подчеркивает Ральф Моцикат, только родной язык обладает необходимым потенциалом, чтобы убедительно и наглядно представить новое знание, потому что «каждый язык обуславливает свой угол зрения на внеязыковую действительность («einen anderen Blickwinkel auf die Wirklichkeit zulässt») и индивидуальные модели аргументации» (ZICKGRAF 2017; ТРОШИНА 2021a: 74). Модели мышления, выстраивания гипотез в любой науке основаны на первичном (родном) языковом сознании. Будучи не просто инструментом передачи знаний, а носителем коллективной культурной памяти, язык определяет традиции восприятия, а также креативность его вербализации. Вербализация научных концепций требует большого лексического запаса, владения метафорическими и образными языковыми средствами, которые могут быть эффективно использованы только при обращении к родному языку. Это ярко проявляется в немецких университетах на семинарах, проводимых не на родном языке (не на немецком), а на английском: готовность студентов к дискуссии резко падает, даже если они хорошо владеют английским языком. Языковая

точность, достижимая на родном языке, обостряет мышление. Доминирование какой-то одной языковой монокультуры чревато стандартизацией мышления, считает культуролог Рафаэла Хенце, так как «то, что мы считаем нормой (в родной культуре — *H. T.*), неизвестно в других культурных контекстах» (HENZE 2020: 30).

Большинство авторов статей, не являясь носителями английского языка, вынуждены писать на сильно упрощенном языке, т. е. на Basic English. В *Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft* Юрген Миттельштраб, Юрген Трабант и Франк Фрёллихер этот вариант английского языка характеризуют как «карикатуру на английский» (MITTELSTRAß, TRABANT & FRÖNLICHER 2016: 32). По наблюдениям биологов — специалистов по когнитивным процессам, примитивизация языкового выражения приводит к схематизации мыслительных процессов и к выбору частных, поддающихся этой схематизации, научных тем как не требующих широкого теоретического обоснования и, следовательно, хорошего знания языка. Более того, это является возможной причиной неосознанного плагиата, по мнению медика Р. Моциката: такие авторы вынуждены использовать английские схемы аргументации и обороты речи, которые они неоднократно встречали в специальной литературе, усвоили их настолько прочно, что стали считать их своими. Вместе с оборотами и схемами доказательств усваиваются и чужие идеи, т. е. имеет место криптомнезия, при которой источник забывается, а чужие идеи воспринимаются человеком как свои собственные (МОЦИКАТ 2018). Такая ситуация явно противоречит *Рекомендациям по научной интеграции*, разработанным Немецким советом по науке (Wissenschaftsrat), в которых научная интеграция понимается, в первую очередь, как преобладание

«всеобъемлющего этического сознания, т. е. как соответствие культуре достоверности и сознание ответственности за качество научной деятельности» («umfassendes ethisches Bewusstsein im Sinne einer Kultur der Redlichkeit und der Verantwortung für Qualität in der Wissenschaft») (DIE SPRACHE VON EMPFEHLUNGEN... 2015: 7).

Из вышесказанного следует необходимость сохранения языкового многообразия в научном общении, так как оно не только не противоречит идее интернационализации науки, понимаемой как взаимодействие различных национальных научных школ, но и обогащает его в эвристическом отношении. Не случайно юрист, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Алекс

Флесснер подчеркивает, что преимущества всеобщего англоязычия проявляются преимущественно на этапе распространения полученных результатов в научной среде; все остальные этапы научного творчества (постановка проблемы, проведение исследований, фиксирование их результатов, их оценка) с моноязычием непосредственно не связаны (FLESSNER 2010: 888).

2.3. Англофикация немецкого высшего образования

На этой «болевой точке» в дискуссии по интернационализации науки и языковой диверсификации научного дискурса следует остановиться подробнее, так как с изменений в сфере высшего образования реально начинаются два названных процесса в научной сфере.

Многие университетские преподаватели отмечают трудности, связанные с англоязычными программами, в связи с чем различные немецкие СМИ провели в вузах опросы на эту тему. Один из них состоялся в Мюнхенском техническом университете (Technische Universität München), где преподавание всех предметов и программ на уровне магистратуры проходит на английском языке. Результаты опубликованы в статье Петера Кветона *Технический университет в Мюнхене хочет быть абсолютно современным* (КВЕТОН 2017: URL), из которой следует, что мнения респондентов по этому вопросу расходятся.

С одной стороны, все признают беспрецедентно сильные позиции английского языка в науке. В связи с этим Президент этого университета Вольфганг Херрманн подчеркивает, что студенты сами проявляют заинтересованность в курсах английского языка и в последующем обучении на нем. Идя им навстречу, руководство университета увеличило количество англоязычных программ с 20% до 40%. Специального решения по этому вопросу нет, но его и не требуется, считает Херрманн, потому что сама жизнь заставляет предпринимать такие шаги. Эту позицию разделяет доктор медицинских наук, директор института медицинской микробиологии профессор Александер Кекуле, интервью с которым провел корреспондент издания «Zeit Online» А. Цикграф (ZICKGRAF 2010: URL). В распространении английского языка Кекуле видит возможности концептуально полноценного общения специалистов из разных стран, поскольку ученые используют общий терминологический аппарат, отражающий общий объем понятий. Кроме того, специалисты из развивающихся стран и стран третьего мира по-

лучают возможность участия в глобальном научном дискурсе. Кекеле не видит смысла в стремлении обеспечить немецкому языку статус второго языка науки в немецкоязычном регионе (за что активно выступает «Общество немецкого научного языка», ADAWiS) еще и потому, что адресатами научных публикаций по микробиологии на 90% являются зарубежные коллеги. Научно-популярные издания, телевизионные передачи, издания для определенных профессиональных сообществ и социальных групп должны выходить на немецком языке, считает ученый.

Необходимо учитывать также реальные запросы рынка труда, в том числе и не всегда связанного с научными изысканиями: более 30% профессий требуют сегодня знания английского языка как самого распространенного. Именно это делает таким актуальным вопрос о языковой подготовке будущих специалистов, пока они еще находятся в стенах вузов: именно в организации языкового образования студентов заложены основы успеха или, наоборот, неудачи интернационализации науки.

Германия как участница Болонской декларации «О создании общеевропейского пространства высшего образования» (БОЛОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1999: URL) заинтересована в привлечении студентов-иностранцев, поскольку это положительно влияет на финансирование университетов из федерального бюджета и из различных фондов. По данным Федерального статистического ведомства (Statistisches Bundesamt), в зимнем семестре 2020/2021 уч. г. иностранные студенты составляли 14,1% от общего числа студентов в немецких вузах (ANZANL... 2021: URL). Большинство иностранных студентов — граждане Китая (43.525 чел.), Турции (37.030 чел.) и Индии (28.905 чел.). Общее число студентов-европейцев, приехавших на обучение в немецкие вузы составило только 80.488 чел. (Австрия, Россия, Италия, Украина, Франция, Польша, Испания, Болгария).

Уровень владения английским языком у многих студентов, как иностранных, так и немецких далеко не всегда соответствует требованиям, позволяющим успешно обучаться на этом языке, участвуя в семинарах и присутствуя на лекциях на английском языке, что сразу же выявило острую проблему с языковой подготовкой, потому что и те, и другие не являются носителями англий-

ского языка.⁴ Далеко не вся информация, сообщаемая на англоязычных лекциях и семинарах, адекватно воспринимается и усваивается студентами: непонимание / неполное понимание составляет 10-20%, считает профессор Гамбургского университета когнитолог Франк Рёсслер, мнение которого приводит А. Хиртштейн (HIRTSTEIN 2018). В результате складывается ситуация, определяемая выражением «In der Fremdsprache lernt man weniger».

Не менее остро стоит эта проблема и перед немецкими преподавателями, так как им теперь вменяется в обязанность проводить занятия на английском языке, которым они владеют недостаточно (см. данные цитированного выше опроса, проведенного Кветоном [KVETON 2017: URL]). Однако во многих университетах умение вести занятия на английском языке является условием для зачисления в преподавательский штат и в таком случае поощряется финансово, пишет профессор Технического университета Вильдау (Германия) Ольга Рёш (RÖSCH 2020: 22).

В связи с этим возникает вопрос: в каких же случаях правомерен переход на английский язык в высшем образовании? На него отвечают профессора Технического университета Вильдау Ольга Рёш, Гюнтер-Ульрих Толкин и Ральф Ленерт: 1) при обучении иностранных студентов, приехавших по краткосрочному обмену, например, по программе Erasmus; 2) при проведении занятий с иностранными студентами для их ознакомления с правилами обучения в немецком университете; 3) при подготовке немецких студентов к стажировке в зарубежных университетах (в этом случае выбор иностранного языка не должен ограничиваться английским) (RÖSCH 2015; RÖSCH, TOLKIEN & LEHNERT 2019).

Варианты решения проблемы языковой подготовки студентов активно обсуждаются в специальной литературе. Профессор Клаус Р. Кунцманн, специалист в области пространственных наук (Raumwissenschaften) видит реальный шанс на сохранение многоязычия в сфере высшего образования в развитии программ машинного перевода. Это позволит лектору читать лекции на своем родном языке, а сидящей перед ним в наушниках многонациональной студенческой аудитории — слушать и понимать его на

⁴ О проблемах, с которыми сталкиваются иностранные студенты, получившие в Германии высшее образование на английском языке, см. в (ТРОШИНА 2021б: 41–42; TOLKIEN 2020: 4).

своих родных языках, настроив на них свои смартфоны (KUNZMANN 2020: 40).

В решении этой проблемы заинтересованы не только академические круги, но и немецкое общество в целом, поскольку оно финансирует деятельность университетов. Как сообщается в статье Г.-У. Толкина *Трансфер между наукой и обществом*, в 2018 г. в Германии в высшее образование был вложен 31,2 млрд. евро (20% из федерального бюджета и 80% из бюджетов земель). За это общество рассчитывает получить специалистов, отвечающих требованиям современного рынка труда, специалистов мирового уровня и достойную научную смену (TOLKIENN 2020: 42).

В немецкой высшей школе есть защитники идеи англофикации учебного процесса. К ним, безусловно, относятся два технических университета в Баварии — Мюнхенский и Нюрнбергский. Герхард Мюллер, вице-президент по вопросам бизнес-руководства (*geschäftsführender Vizepräsident für Studium und Lehre*) первого университета характеризует свой вуз как «*unternehmerische Universität*», проявляющий «предпринимательскую заботу о талантливых членах общества» (MÜLLER 2020: 26).

Если в этом университете обучение на английском языке проводится только на магистерском уровне, то Нюрнбергский университет, открытый 1 января 2021 г., пошел еще дальше, перейдя на английский язык полностью.

Следует, однако, отметить, что в европейской сфере высшего образования есть и несогласные с идеей англофикации учебного процесса. К ним относится, например, Миланский технический университет, студенты и преподаватели которого обратились в Высший административный суд итальянской Ломбардии с жалобой на засилье английского языка. Суд принял в 2013 г. решение запретить этому университету преподавание на английском языке всех учебных курсов и прием аспирантских экзаменов на этом языке как иностранном для большинства студентов. В 2017 г. это решение подтвердил Конституционный суд в Риме. Полностью англоязычные курсы признаны возможными только как параллельные с италяязычными, что подчеркивает приоритет итальянского языка, а также соответствует принципу академической свободы.

3. Интернационализация науки, языковая диверсификация научного дискурса и Болонская декларация

Трактуя англофикацию высшего образования как путь к интернационализации науки, сторонники этой концепции ссылаются на Болонскую декларацию 1999 г. «О создании общеевропейского пространства высшего образования» (БОЛОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1999: URL). Такая позиция совершенно неправомерна, так как в этом документе не только нет речи об интернационализации и не используется само это слово, но, напротив, подчеркивается полное уважение к разнообразным культурам, языкам, системам образования и автономии университетов. К сожалению, в Декларации нет положения о языковом аспекте реализации этого проекта, в связи с чем его стали интенсивно претворять в жизнь чиновники, поставившие во главу угла перспективы финансирования и получения грантов. При этом не были приняты во внимание главные параметры: объем вклада университетов в развитие современной науки, направления исследований и своеобразие национальных школ и научных культур. За ориентир была принята американская модель высшего образования. В результате в Германии на фоне стремления «хорошо подготовить Германию к глобализации» («Deutschland fit für die Globalisierung machen») появилось понятие «Amerikaner mit deutschem Pass» (MEYER 2009).⁵

Эффективным инструментом реализации этой установки является так называемый импакт-фактор научных журналов, т. е. числовой показатель цитируемости опубликованных в них статей, вычисляемый ежегодно американским Институтом Томсона Ройтерса. Импакт-факторы отражаются в журнале «Journal Citation Reports». Исследователи вынужденно стремятся публиковать свои статьи только на английском языке в журналах с высоким импакт-фактором, чтобы набрать кумулятивный импакт-фактор, с учетом которого они получают финансирование (МОСКАТ 2009). Такая ситуация в письменном научном общении ведет к вытеснению из науки всех языков, кроме английского. Если же из научного оборота изымаются языки, на кото-

⁵ О правовом аспекте англофикации высшего образования и нарушении прав носителей немецкого языка подробнее см. в (FLESSNER 2020).

рых вербализованы огромные пласты научной информации, то нет оснований говорить об интернационализации науки и диверсификации научного дискурса. Сознавая эту опасность для развития национального научного дискурса, многие ученые критикуют чисто квантитативный метод оценки значимости научных публикаций, квалифицируя его как «диктатуру индексов цитирования» (см., например, статью Р. Моциката (Ibid.)). Эта позиция поддержана и в *Рекомендациях по научной интеграции* (см. выше).

4. Заключение

Современная языковая ситуация в сфере немецкой науки и образования может быть квалифицирована как быстро развивающаяся в сторону английского моноязычия, которое распространяется не только на естественно-научную, но также и на гуманитарную сферу. Этот процесс интенсивно поддерживается многими учеными и институциями, а также частными фондами. В результате формируется высокообразованная элита, коммуникативно изолирующая себя от общества, что приводит к дезинтеграции общества и противоречит его демократическим основам.

Подлинная интернационализация науки не исчерпывается упрощением международного научного общения с помощью одного языка. Она состоит во взаимообогащающем обмене в постановке научных проблем, совместных исследованиях и обмене их результатами, т. е. в том исследовательском разнообразии, которое обеспечивается гносеологическим разнообразием национальных научных культур, национальных языков и расширением межкультурной компетенции участников научного дискурса в его устном и письменном вариантах. Поэтому реальная научная интеграция и диверсификация научного дискурса может пойти только по пути дифференцированного многоязычия как в устном, так и в письменном общении, т. е. разные языки должны использоваться в разной степени в зависимости от специфики области исследований, а также накопленного и вербализованного знания, что должно учитываться в вузовских программах языковой подготовки студентов по различным специальностям. Ситуативно-обусловленное использование языков в научном общении не исключает переход на пассивное многоязычие, при котором участники общения говорят на разных языках, но понимают друг друга.

Кроме того, необходимо преодолеть зависимость от импакт-факторов ведущих американских журналов, для чего предложена программа создания общеевропейской базы научного цитирования (GAIA-X), в которой будут отражены публикации на всех коммуникативно значимых европейских языках, а статьи для публикации будут отбираться не «эффективными менеджерами», а специалистами по конкретным научным проблемам. Авторы цитированного выше *Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft* (MITTELSTRAß, TRABANT & FRÖNLICHER 2016: 32) справедливо полагают, что для гуманитарных наук в этой базе должен быть предусмотрен более продолжительный период учета цитирования, чем для естественных, где он составляет два года. При оценке качества опубликованных статей необходимо учитывать их восприятие коллегами и за пределами англоязычных регионов. Целесообразен перевод наиболее значимых англоязычных публикаций на другие традиционные языки науки, чтобы эти публикации становились известны всему научному сообществу независимо от языка их автора. Наука

«слишком многогранна, многослойна и плюралистична, что обусловлено и ее оязыковленностью, чтобы она могла обойтись одним-единственным языком» (Ibid.: 16).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Болонская декларация «О создании общеевропейского пространства высшего образования». (1999) [Joint Declaration of the European Ministers of Education (Bologna, 19.VI.1999)]. Retrieved from https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17664.
- Трошина Н.Н. Интернационализация науки и проблема научной культуры в эпоху глобализации // Общество. Коммуникация. Образование. 2021а. Т. 12. № 3. С. 70—80. [Troshina, Nataliya N. (2021a) Internatsionalizatsiya nauki i problema nauchnoy kul'tury v epokhu globalizatsii (Internationalization of Science and the Problem of Scientific Culture in the Age of Globalization). *Society. Communication. Education*, 12, 3.70—80. (In Russian)]. DOI: 10.18721/JHSS.12306.
- Трошина Н.Н. Немецкий язык в науке эпохи глобализации. М.: РАН. ИНИОН, 2021б. [Troshina, Nataliya N. (2021b) *Nemetskiy yazyk v nauke epokhi globalizatsii* (The German Language in the Science at the Age of Globalization). Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Ammon, Ulrich. (2015) *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*. Berlin: de Gruyter.

- Anzahl der ausländischen Studierenden an Hochschulen in Deutschland im Wintersemester 2020/2021 nach Herkunftsländern. (2021). Retrieved from <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/301225/umfrage/auslaendische-studierende-in-deutschland-nach-herkunftslaendern>.
- Collins, Joseph W., & Rutledge, John B. (1996) Köttelwesch on the Cutting Board: Analyzing the Literature of Germanistik. *Collection Management*, 20 (3/4), 73—84.
- Die Sprache von Empfehlungen zu wissenschaftlicher Integrität. (2015). Retrieved from https://www.charite.de/fileadmin/user_upload/portal/forschung/gute-wiss-praxis/Wissenschaftsrat-Wissenschaftliche_Integrit%C3%A4t.pdf.
- Flessner, Alex. (2010) Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft. In Grundmann, Stefan; Kloepfer, Manfred, & Paulus, Christoph G. (eds) *Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft*. Berlin: de Gruyter, 874—898.
- Flessner, Alex. (2020) Alles, was recht ist. *DUZ: Wissenschaft & Management*, 10, 24—29.
- Gehrmann, Siegfried. (2015) Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung. In Gehrmann, Siegfried; Helmchen, Jürgen; Krüger-Potratz, Marianne, & Ragutt, Frank. (eds) *Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive*. München; New York: Waxmann, 117—156.
- Henze, Raphaela. (2020) Sprache ist mehr als ein Tool für die globale Arbeitswelt. *DUZ: Wissenschaft & Management*, 10, 30—35.
- Hirnstein, Andreas. (2018) Deutschsprachige Forscher sind benachteiligt, weil das Englische alles verdrängt — total disaster, so sad. *Neue Züricher Zeitung am Sonntag*, 12.02, 53.
- Jerabek, Petr. (2018) *Wie die englische Sprache die Wissenschaft beherrscht*. Retrieved from www.br.de/nachrichten/bayern/wie-die-englische-sprache-die-wissenschaft-beherrscht,QIJ4Y3Q.
- Kunzmann, Klaus R. (2020) Mehrsprachigkeit begünstigen. *DUZ: Wissenschaft & Management*, 10, 36—41.
- Kveton, Peter. (2017) *TU München will ganz modern sein*. Retrieved from <https://www.br.de/nachricht/tu-muenchen-englisch-unsinn-zukunft-100.html>.
- Lehmann, Klaus-Dieter. (2012) Welche Sprachen spricht die Wissenschaft? *Forschung & Lehre*, 5, 349.
- Leibnitz, Gottfried-Wilhelm. (1966) *Nouveaux essais sur l'entendement human*. Paris: Brunshwieg.
- Liessmann, Konrad Paul. (2006) *Platz für die Elite!* Retrieved from <https://>

- www.freitag.de/autoren/der-freitag/platz-fur-die-elite.
- Meyer, Hans Joachim. (2009) Nur Mut zu einer Reform der Reform: Anmerkungen zum Bologna-Prozess. *Forschung & Lehre*, 8, 574—577.
- Mittelstraß, Jürgen; Trabant, Jürgen, & Fröhlicher, Frank. (2016) *Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft*. Stuttgart: Metzler.
- Mocikat, Ralph. (2018) Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften. In Giessen, Hans W.; Krause, Arno; Oster-Stierle, Patricia, & Raasch, Albert. (eds) *Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs: Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten*. Baden-Baden: Nomos, 269—282.
- Mocikat, Ralph. (2009) Die Diktatur der Zitatendizes: Folgen für die Wissenskultur. *GAI*A, 18/2, 101—103.
- Mocikat, Ralph, & Dieter, Hermann H. (2011) Eine Universalsprache für die Naturwissenschaften? Ein kritischer Zwischenruf. *Aviso*, 2, 26—31.
- Müller, Gerhard. (2020) Die Universität zwischen unternehmerischer Lenkung und Bildungsauftrag? Anmerkungen aus dem Blickwinkel einer unternehmerischen Universität In Münch, Ursula; Mocikat, Ralph, & Gehrman, Siegfried. (eds) *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 23—28.
- Rösch, Olga. (2015) Internationalisierung der Hochschule — was sind unsere Ziele? *Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen*, 5, 18—24.
- Rösch, Olga. (2020) Vom Wert der Sprache überzeugt sein. *DUZ: Wissenschaft & Management*, 10, 18—23.
- Rösch, Olga; Tolkiehn, Günter-Ulrich, & Lehnert, Ralph. (2019) Die Landessprache in der Lehre. — Welche Bedeutung kommt ihr bei der Internationalisierung zu? *Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen*, 6, 12—15.
- Savory, Theodore H. (1953) *The Language of Science. Its Growth, Character and Usage*. London: Andre Deutsch Limited.
- Tolkiehn, Günter-Ulrich. (2020) Transfer zwischen Wissenschaft und Gesellschaft. *DUZ: Wissenschaft & Management*, 10, 43—47.
- Vitzthum, Thomas. (2013) *Deutsch als Forschungssprache verschwindet*. Retrieved from <https://www.welt.de/politik/deutschland/article113150770/Warum-Deutsch-als-Forschungssprache-verschwindet.html>.
- Voslamber, Dietrich. (2011) *Wissenschaft auf Deutsch — wie lange noch?* Retrieved from <https://www.pro-physik.de/restricted-files/101301>.
- Zickgraf, Arnd. (2010) *Soll Deutsch als Wissenschaftssprache überleben?* Retrieved from <https://www.zeit.de/wissen/2010-04/deutsch-forschungs-sprache>.

Nataliya N. Troshina
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Internationalization of Science and Linguistic Diversification of Scientific Discourse

The interrelation of processes of science internalization and language diversification of scientific discourse, i. e. of stimulation of its multilingualism is being substantiated. The internalization of science does not mean the shift to the English monolingualism, but an active interaction of national scientific schools and cultures, in the context of which various gnoseological approaches in scientific researches are worked out. The relationship between the use of the national language in scientific activity and its efficiency is exemplified by publications on the methodology of scientific knowledge. The success of internalization of science and higher education in a great extent depends on the quality of future specialists' language proficiency, which should be aimed at differential polylingualism, and on the inclusion of information about publications in different national languages, and not only in English, into international computer database of scientific citation.

Keywords: anglization of a scientific discourse; Nischensprache; gnoseological diversification of scientific discourse; English monolingualism; impact factor; disintegration of society

Для цитирования:

Трошина Н. Н. Интернационализация науки и языковая диверсификация научного дискурса // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 325—341.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-325-341.

To cite this Article:

Troshina, Nataliya N. (2022) Internatsionalizatsiya nauki i yazykovaya diversifikatsiya nauchnogo diskursa (Internalization of Science and Language Diversification of Scientific Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 325—341. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-325-341.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022; принята к публикации 18.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; accepted for publication 18.02.2022*

U. Fix
Institut für Germanistik, Universität Leipzig

**RADIKALES UMDENKEN IN DER STILISTIK.
ELISE RIESELS FUNKTIONALER, SOZIALER,
PRAGMATISCHER STILBEGRIFF***

Mein Beitrag zum Rundtischgespräch soll das wissenschaftliche Verdienst von Elise Riesel aufzeigen. Sie hat der Stilistik ein neues Profil gegeben und auf diese Weise auch anregend auf andere Disziplinen gewirkt. Stil ist nach Riesels Verständnis ein funktional bedingtes, pragmatisch angewandtes und gesellschaftlich wirksames Phänomen. Ich werde in zwei Schritten vorgehen. Zuerst werde ich den bedeutenden Einfluss von Riesel in Deutschland (und damit meine ich die DDR, die alte Bundesrepublik und das vereinte Deutschland) darstellen. Danach möchte ich zeigen, was ich unter dem Innovativen ihres Stilbegriffs verstehe. Es wird deutlich, dass Riesels Gedanken noch heute lebendig und einflussreich sind.

Schlüsselwörter: Stilistik; Stil; Funktionalstil; funktional bedingtes Phänomen; pragmatisch angewandtes Phänomen; sozial wirksames Phänomen; Alltagssprache; literarischer Text; Prager Schule; Text; Textsorte; Standard; Soziolinguistik

1. Einleitung

Wahrscheinlich ist es immer so — im Rückblick wird einem manches im Leben besonders klar. So geht es mir, wenn ich mir heute Elise Riesels Veröffentlichungen und deren Wirkung auf die Wissenschaftlergemeinschaft gezielt vor Augen führe. Zunehmend mehr habe ich im Laufe meines wissenschaftlichen Lebens verstanden, welch radikales Umdenken Riesels Stilbegriff im Bereich der Stilforschung und darüber hinaus in Gang gesetzt hat. Auf den Punkt gebracht — sie vertrat ein „umstürzlerisches“ Prinzip. Das bedeutete: ihr Weg führte weg vom Idealistischen, Subjektiven, weg vom Sich-Einfühlen in Texte, vom Sich-Versetzen in den seelischen Zustand des Künstlers, wie man es von Spitzers (SPITZER 1961) hermeneutischem Vorgehen z. B. kannte, hin zum Blick auf Stil als funktional

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на заседании Круглого стола «Das heuristische Potenzial der Stilistik von Elise Riesel: zum 115. Geburtstag der hervorragenden Wissenschaftlerin» в рамках Программы XIX съезда PCГ.

bestimmtes, pragmatisch eingesetztes und sozial wirksames Phänomen. Das war und ist eine wirklich großartige Leistung. Die Stilistik hat durch Riesel ein neues Gesicht bekommen und konnte so auf andere Disziplinen anregend wirken.

In meinem Beitrag gehe ich in zwei Schritten vor. Zuerst sage ich etwas zur früheren und zur aktuellen Wirksamkeit von Riesel. Danach will ich zeigen, was ich mit dem Innovativen ihrer Auffassung von Stil meine.

2. Zur Wirksamkeit von Elise Riesels Gedanken

Es ist sehr aufschlussreich zu sehen, wie Riesel gewirkt hat. Man entdeckt sowohl beim Blick zurück wie auch beim Blick auf die Gegenwart eine überraschend vielfältige Wirkung. Riesel hatte ganz sicher in der Sowjetunion, wo sie gearbeitet und gelehrt hat, den größten Einfluss. Ich spreche hier aber über die Wirkung in Deutschland und meine damit die DDR, die alte Bundesrepublik und das vereinte Deutschland. In der Vorbereitung auf den Runden Tisch habe ich wichtige Arbeiten zur Stilistik im weitesten Sinne, die in diesen drei deutschen Staaten erschienen sind, darauf angesehen, ob und wie sie auf Riesel Bezug nehmen. Es ist beeindruckend: Nahezu alle Arbeiten zu Stilfragen haben sich auf sie bezogen.

Riesels große Wirkung in der DDR kannte ich natürlich aus eigener Anschauung. Ihre Funktionalstilistik war die Basis für die Stilistik von Wolfgang Fleischer und Georg Michel (FLEISCHER & MICHEL 1975) und für viele spätere Arbeiten zum Thema Stil. Sie spielte im akademischen Unterricht und in der Praxis der Stilanalyse eine große Rolle. Und sie war die Anregung für weitere theoretische Überlegungen. Die Funktionalstile waren bekannte Kategorien, mit denen man gut arbeiten konnte. Das hieß nicht, dass man nicht auch über Erweiterungen nachgedacht hätte. Es bot sich an, ihre Kategorien weiterzudenken.¹

¹ Sie hat sich aber auch selbst dazu in der Publikation *К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц* (РИЗЕЛЬ 1975) geäußert (übersetzt ins Deutsche unter dem Titel *Zur Hierarchie von Stilsystemen und zu grundlegenden textologischen Größen* von Inga Bomm, Katharina Keterling, Kateryna Mundryr im Rahmen einer von Dr. Stephan Walter am Fachbereich Translations-, Sprach- und Kulturwissenschaft der Universität Mainz im Sommersemester 2013 geleiteten Übersetzungsübung Russisch-Deutsch für Master-Studierende angefertigt.

In welch erstaunlichem Maße Riesel in der Bundesrepublik rezipiert worden ist, habe ich erst jetzt bei meinen Recherchen erfahren. Das betrifft sowohl Veröffentlichungen als auch die Lehrpraxis. Es hat mich überrascht, wie viele ältere Kolleginnen und Kollegen in Gesprächen versichert haben, dass Riesel für sie ein fester Begriff sei und dass viele sich in ihren Seminaren und Arbeiten auf sie bezogen haben. Als eine Zeitzeugin nenne ich die Germanistin Anne Betten, emeritierte Professorin in Salzburg, die u. a. Sprachgeschichte und Stilistik zu ihren Arbeitsgebieten zählt. Sie schreibt mir in einer Mail:

„Elise Riesel ist mir natürlich mehr als ein Begriff: ich habe früher so viel mit ihr (im Vgl. zu anderen Stilistiken) gearbeitet: und dazu habe ich ja viele Seminare gegeben und gelegentlich auch publiziert...“.

Eine zweite Zeitzeugin ist die Finnougristin Ingrid Schellbach-Kopra, emeritierte Professorin in München. Sie hat in ihren Übungen und Vorlesungen zum Übersetzen Bezug auf Riesels Kategorien genommen, wahrscheinlich vor allem auf die Funktionalstile. Viele Jahre war sie in Finnland tätig, auch als Lektorin für Deutsch an den finnischen Universitäten Jyväskylä, Tampere und Helsinki. Zum Programm gehörten Stilübungen, die ebenfalls auf Riesels Stilistik aufbauten. Auch ich habe in Finnland unterrichtet. Auch ich habe Seminare zu Stilübungen gehalten, in denen — genau wie bei Schellbach-Kopra — Riesels Funktionalstil-Einteilung eine Rolle spielte.

Zur Gegenwart: Eine meiner früheren Schülerinnen — sie ist Lehrerin — hat mir in einem anderen Zusammenhang geschrieben, sie müsse drei Abituraufgaben erstellen und einreichen. Es ginge um das Finden und Analysieren geeigneter Texte. Und dann heißt es:

„ich dachte gestern... dass ich Textanalyse nach wie vor gern mache und dass, was wir damals zu diesem Bereich gelernt haben, mir in der Schule mit am meisten genützt hat“.

Was sie damals gelernt hat, war zu einem großen Teil Riesels Gedankengut.

In einem ganz anderen Kontext bin ich auf den Vortrag *Sprachpurismus und Nationalsozialismus* von Peter von Polenz gestoßen, um dann zu meiner Überraschung zu entdecken, dass es auch in ihm um Riesel geht. Ich meine seinen Vortrag auf dem berühmten Germanistentag von 1966 in München: „Germanistik — eine deutsche Wissenschaft“. Berühmt geworden ist diese Tagung, weil alle Redner sich dem Zusammenhang zwischen der Germanistik und

dem Nationalsozialismus gewidmet haben. Bis dahin hatte eine solche Auseinandersetzung nicht stattgefunden. Nun aber wurde deutlich, dass es eine enge Verstrickung gegeben hat, sei es durch völkisches Gedankengut, sei es auch durch den sich wissenschaftlich gebenden Sprachpurismus, der alles Fremde ablehnte. Hier setzt Polenz an. Er beleuchtet den ideologiegebundenen Purismus vor allem der ersten Jahre der Herrschaft des Nationalsozialismus. Und er entwickelt eine Vorstellung vom unideologischen, sachlichen Umgang mit dem Wortgebrauch. Anstatt Vorurteile gegen das „Fremde“ zu pflegen, solle man der semantischen, stilistischen und sprachsoziologischen Orientierung der Wörter Aufmerksamkeit widmen. Am Schluss seines Vortrags wird er programmatisch. Da heißt es:

„Man kann nicht <...> mit den alten Methoden weiterarbeiten. Was wir heute dringend nötig haben, um gegen derartige Gefahren gewappnet zu sein, ist im Bereich der Wissenschaft eine strukturelle Lexikologie und *eine linguistisch fundierte Stilistik der nichtliterarischen Sprachschichten...*“ (Hervorh. — U. F.) (POLENZ 1967: 160).

Er empfiehlt für diese grundsätzlich neue Vorgehensweise, speziell „für den Studiengebrauch“ (Ibid.: 64f.) Arbeiten von Riesel, nämlich die *Stilistik der deutschen Sprache* (RIESEL 1959) und die Arbeit *Der Stil der deutschen Alltagsrede* (RIESEL 1964). Alles, was er fordert, findet man ja tatsächlich schon damals bei ihr. Es ist aus meiner Sicht bemerkenswert: Riesel wird, wenn es um den Gebrauch und die Einordnung sprachlicher Mittel geht, als DIE verlässliche Wegweiserin für die deutsche Germanistik angesehen, für das Fach, das gerade dabei ist, sich in seinem Wissenschaftsverständnis neu zu orientieren. Dass das gewirkt hat, sieht man daran, dass sie eingeladen worden ist, 1973 auf der Jahrestagung des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim einen Vortrag mit dem Titel *Grundsatzfragen der Funktionalstilistik* zu halten. Das Thema der Tagung war „Linguistische Probleme der Textanalyse“. Neben Wladimir Admoni, Hans Glinz, Elisabeth Gülich, Siegfried J. Schmidt u. a. hat man also Elise Riesel zu einem Hauptvortrag eingeladen. Da die Jahrestagungen des Instituts für deutsche Sprache das größte internationale Treffen der Vertreter der germanistischen Sprachwissenschaft sind, kann man davon ausgehen, dass ihre Funktionalstilistik damit auch in der internationalen Sprachwissenschaft noch weiter bekannt geworden ist. Das heißt, jeder sprachwissenschaftlich Interessierte konnte ihre Auffassungen kennen.

Die Stellung Riesels ist in der einschlägigen Forschung des vereinten Deutschlands unverändert geblieben. Die Literaturliste zeigt, dass sie in wichtigen Publikationen nach wie vor eine feste Bezugsgröße darstellt. Es kommt hinzu, dass mit der Entwicklung der Textlinguistik das Phänomen der Funktionalstile zunehmend in Beziehung zum Phänomen der Textsorten gebracht wird (FLEISCHER, MICHEL & STARKE 1993). Das legt die Zusammenarbeit von Stilistik und Textlinguistik nahe. Kirsten Adamzik geht in ihrem 2004 erschienenen Buch *Textlinguistik. Eine einführende Darstellung* (ADAMZIK 2004) darauf ein, wenn sie den Zusammenhang von Kommunikationsbereichen und diesen entsprechenden sprachlichen Gebrauchsweisen erörtert. Sie betrachtet Riesels funktionalstilistische Gliederung unter textlinguistischem Aspekt als Bezugspunkt für eine Diskussion über praktikable Typisierungen, mit denen man der Textwirklichkeit gerecht werden kann. Hier wird deutlich, dass die Textlinguistik den Bezug auf die Stilistik, speziell auf eine funktional orientierte, nicht umgehen kann. Die Funktionalstilistik wird auch in der aktuellen Soziolinguistik mit Aufmerksamkeit zur Kenntnis genommen. Sie erscheint in der *Germanistischen Soziolinguistik* von Heinrich Löffler (LÖFFLER 2005) als eine Einheit des dort vorgestellten Varietätenmodells, nämlich als Funktiolekt, und wird mit Bezug auf Riesel sowie Fleischer und Michel ausführlich dargestellt sowie unter dem Varietätengesichtspunkt erörtert.

3. Das Innovative in Riesels Werk. Was bedeutet ihr radikales Umdenken?

In praktischer Hinsicht: Im Gegensatz zu den eher programmatisch und thesenhaft gehaltenen Äußerungen der Prager Strukturalisten geht Riesel von umfangreichem empirischen Material aus. Sie hat sich der Mühe unterzogen, alles das, was sie theoretisch erörtert hat, an einer Fülle von Sprachbeispielen aus dem Deutschen, teilweise an geschlossenen Texten, systematisch nachzuvollziehen und auf diese Weise zu verifizieren.

In theoretischer Hinsicht: Wie schon angesprochen bedeutete die Etablierung der funktionalstilistischen Betrachtung eine völlige Erneuerung der damaligen Stilistik — weg von der idealistischen Vorgehensweise, hin zur funktionsbezogenen Stilbetrachtung, die Texte aller Art betrifft. Wir können feststellen, dass Riesel Erkenntnisse der Prager Schule aufgenommen hat, wie sie z. B. in den *Thesen des Prager Linguistenkreises* zum I. Internationalen Slawistenkongress 1929 in Prag, veröf-

fentlicht wurden (THESEN... 1976). Das betrifft vor allem die Betonung des funktionalen Gesichtspunktes. Und sie hat sich natürlich auf die russische Sprachwissenschaft bezogen, die ebenfalls vom Funktionsbegriff geprägt war. Vinogradovs berühmt gewordene Stildefinition, die davon ausgeht, dass Stil immer eine Funktion hat (VINOGRADOV 1963), brachte den schon aus Prag bekannten Funktionsgedanken in die russische Stildiskussion ein. Riesel sagt programmatisch:

„Es ist ein Gebot der Zeit, die stilkundliche Forschung auf alle Bereiche der Sprache auszudehnen, zu untersuchen, inwieweit außerlinguistische Faktoren (Kommunikationsbereich der Aussage, Mitteilungsfunktion; soziale, berufliche, nationale und territoriale Zugehörigkeit) <...> die Redeweise beeinflussen“ (RIESEL & SCHENDELS 1975: 6).

Wie wird Riesel dem Anspruch einer funktionsbezogenen Stilistik gerecht? Ich nenne ihre wichtigsten Erkenntnisse:

— *Stil ist Anwendung.* Der erste Fortschritt der Rieselschen Stilauffassung besteht darin, dass sie Stil nicht primär als Erscheinung des Sprachsystems, als „Erscheinungsform der Sprache“ selbst (Ibid.: 15) betrachtet, sondern als eine Folge der *Anwendung*, der *Verwendungsweise* bestimmter Mittel, gelenkt durch die jeweils dominierende *Funktion*. Das ist eine Erkenntnis, der die Stilistik in durchaus verschiedenen Spielarten bis heute gefolgt ist. Die Zeiten einer Stilgrammatik sind damit vorbei. Riesel macht schon in ihrer ersten grundsätzlichen Arbeit zum Stil, der *Stilistik der deutschen Sprache* von 1959, darauf aufmerksam, dass Wörter in Kontexten ganz andere Stilfärbungen bekommen können, als sie sie außerhalb des Kontextes, also im Wörterbuch, haben.

— *Stil ist ein Textphänomen.* Für die Herausbildung von Stil hat die Umgebung des einzelnen Stilelements, also der Text, „das letzte Wort“, Mit einer solchen Auffassung erst wird man der Tatsache gerecht, dass Texte stilistische Einheiten darstellen, in denen sich alle Elemente gegenseitig bedingen und bestimmen. Stil muss also grundsätzlich aus der Textperspektive betrachtet werden. Das hat Riesel tatsächlich von Anfang an getan: Sie hat Texte als stilistische Einheiten vorausgesetzt. Wenn der stilistische Wert eines Elements sich erst im Kontext ergibt, bezieht sich das auf den Zusammenhang innerhalb eines Textes. Also ist der Text die Folie für die Betrachtung von Stil.

— *Stil ist ein Phänomen von Makro- und Mikrostilistik.* Mit Makrostilistik sind alle über den Einzelsatz hinausgehenden, also den Gesamttext betreffenden Stilmittel und -verfahren gemeint. Architektur und

Komposition eines Textes werden als Analysegesichtspunkte eingebracht. Sie sind ohnehin nur als Texteigenschaften denkbar. Die 1974 erschienene Publikation *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation* (RIESEL 1974) krönt Riesels textbezogene Bemühungen. In diesem Buch werden sowohl Erzählungen und Gedichte wie auch Texte der Sachprosa — immer mit Bezug auf das Textganze — analysiert. Ein in Stilistiken bisher selten geübter Zugang.

— *Stil ist auch eine Eigenschaft nichtliterarischer Texte.* Völlig neu ist, dass Riesel nichtliterarische Texte in ihre Betrachtungen einbezieht und ihnen den gleichen Platz einräumt wie den literarischen. Damit hat sie den Stilbegriff entscheidend erweitert. Eine solche Ausdehnung entspricht ihrer Auffassung, dass Stil nicht mehr einseitig als ästhetische Erscheinung gesehen werden kann, sondern als eine von außersprachlichen, gesellschaftlichen, soziologischen Belangen gesteuerte Sprachverwendung. So hat sie, modern ausgedrückt, eine Spielart pragmatischer Stilistik entwickelt, die dem Zusammenhang von Funktion und Form eines Textes gerecht wird.

— *Riesel beschreibt Normhaftes.* Sie geht davon aus, dass für bestimmte Verwendungsbereiche bestimmte Mittel bevorzugt verwendet werden, und beschreibt die sprachliche Wirklichkeit nach Verwendungsbereichen, denen sie die fünf bekannten Funktionalstile zuordnet. Diesen entsprechen erfahrungsgemäß bestimmte Stilzüge und Stilmittel:

- 1) Stil der öffentlichen Rede;
- 2) Stil der Wissenschaft;
- 3) Stil der Presse und Publizistik;
- 4) Stil der Alltagsrede;
- 5) Stil der schönen Literatur.

Mit dieser Einteilung und der Beschreibung der Stilzüge und Stilelemente macht Riesel ihr Anliegen deutlich. Sie ist scharfsichtig genug, schon damals auf die Weiterentwicklung dieses Ansatzes in Richtung Textsorten/Gattungen hinzuweisen, die den einzelnen Funktionalstilen zugeordnet werden können und die jeweils noch ihre spezifischen Stilbedingungen einbringen. Daran kann heute noch angeknüpft werden. Es ist allerdings zu überlegen, ob nicht das Rieselsche System der Funktionalstile ergänzt werden sollte. Man könnte hier an den Bereich der Wirtschaft, der Politik, der Religion, besser noch der Ritualität insgesamt, denken und an das große Gebiet des Spiels, alles Gebiete mit ihren jeweiligen Textsorten.

— *Die Arbeiten Elise Riesels sind von soziolinguistischer Bedeutung.* Das gilt besonders für das 1964 erschienene bemerkenswerte Buch *Der Stil der deutschen Alltagsrede*, das in einer bearbeiteten Auflage 1970 in Leipzig erschienen ist (RIESEL 1970). Nach meinem Überblick wird hier zum ersten Mal der Alltagsrede, also dem Mündlichen, grundsätzlich Stilwert zugesprochen und die Alltagsrede in einem ausführlichen Aufriss beschrieben. Das Buch stellt eine bis heute anerkannte Pionierleistung dar. Dass Stil systematisch auf das Nichtliterarische bezogen wurde, also auf (schriftliche) Sachtexte, war bereits eine Neuerung, die durch Riesel in die Stildiskussion gebracht worden ist, dass Stil aber auch für *mündliche Darstellungen* in Anspruch genommen wurde, also für die Äußerungen des Alltags, war die zweite und vielleicht besonders überraschende Neuerung, die wir Riesel verdanken. Heute gehören Analysen von Gesprächsstilen zum unbestrittenen Kernbereich der Stilistik. Das erste Kapitel, das sich mit den Erscheinungsformen der deutschen Gegenwartssprache beschäftigt, geht dezidiert auf das ein, was die Soziolinguistik als Varietäten bezeichnet. Außerdem finden wir Beziehungen zur Soziolinguistik immer dort, wo es um die systemgegebenen Stilmarkierungen und deren Verwendung geht, die sozial oder funktional bedingt sein kann, so z. B. der Gebrauch umgangssprachlich markierten Wortguts. Die Funktionalstilistik wird in der aktuellen Soziolinguistik offensichtlich mit Aufmerksamkeit zur Kenntnis genommen.

4. Fazit

Die Vorstellung Riesels von der Stilistik als einer eigenständigen Disziplin neben Sprach- und Literaturwissenschaft ist nicht wirksam geworden. Sie wollte damit der Existenz der Stilistik im Grenzgebiet zwischen den beiden Disziplinen ein Ende setzen, hat sich mit dem Vorschlag aber nicht durchgesetzt. Heute gilt die Stilistik wohl überwiegend als ein Teil der Textlinguistik, was die Betrachtung literarischer Texte durchaus nicht ausschließt. Wie man bei einer solchen Auffassung mit der Kategorie der obligatorisch-primären Stilzüge umgehen soll, ist bis heute ungeklärt, wenn man Riesel darin folgt — und das bietet sich an, — dass

„die linguistische Spezifik des Stils der schönen Literatur eben darin [besteht], dass sämtliche Quellen — literarische und nichtliterarische — verwendet, sämtliche Elemente verschiedenster funktionaler Stile herangezogen werden können, um durch eine hohe Stufe künstlerischer Eindringlichkeit die angestrebte gesellschaftliche Funktion zu

erfüllen“ (RIESEL & SCHENDELS 1975: 21).

Sieht man sich die Seminarprogramme und Semesterapparate gegenwärtig laufender Seminare an, wie sie sich aus dem Internet erschließen lassen, so wird deutlich, dass Riesels Arbeiten an vielen Orten — von Potsdam, Leipzig, Chemnitz, Jena über München, Freiburg, Göttingen und Prag bis hin zu Miami und Washington D. C. — zur obligatorischen Seminarlektüre gehören. Wir haben es also mit einem Lebenswerk zu tun, das sich nicht überlebt hat, sondern auch heute noch in Russland, wie diese Tagung zeigt, und weit darüber hinaus Beachtung findet.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963. [Vinogradov, Viktor V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Ризель Э. Г.* К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 8—14. [Riesel, Elise G. (1975) К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц (On the Hierarchy of Stylistic Systems and Basic Textual Units). *Foreign Languages at School*, 6, 8—14. (In Russian)].
- Adamzik, Kirsten. (2004) *Textlinguistik. Eine einführende Darstellung*. Tübingen: Max Niemeyer.
- Fleischer, Wolfgang, & Michel, Georg. (1975) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Fleischer, Wolfgang; Michel, Georg, & Starke, Günter. (1993) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Peter Lang.
- Löffler, Heinrich. (2005) *Germanistische Soziolinguistik*. Berlin: Erich Schmidt. [3., überarb. Aufl.]
- Polenz, Peter v. (1967) Sprachpurismus und Nationalsozialismus. Die ‚Fremdwort-Frage‘ gestern und heute. *Germanistik — eine deutsche Wissenschaft. Beitr. von Eberhard Lämmert, Walter Killy, Karl Otto Conrady und Peter von Polenz*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 111—165.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Inostrannaja literatura.
- Riesel, Elise G. (1964) *Der Stil der deutschen Alltagsrede*. Moskau: Vysšaya škola.
- Riesel, Elise G. (1970) *Der Stil der deutschen Alltagsrede*. Leipzig: Reclam.
- Riesel, Elise G. (1974) *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. Moskau: Vysšaya škola.
- Riesel, Elise G., & Schendels, Eugenie I. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moskau:

Vysšaya škola.

Spitzer, Leo. (1961) *Stilstudien. Zweiter Teil. Stilsprachen*. München: Max Hueber.

Thesen des Prager Linguistenkreises zum I. Internationalen Slawistenkongreß 1929 in Prag. (1976) In Scharnhorst, Jürgen, & Ining, Erika. (eds) *Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege*. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 43—73.

Ulla Fix

Institute for German Studies, University of Leipzig

Radical Rethinking in Style.

Elise Riesels Functional, Social, Pragmatic Term of Style

My contribution to the round table discussion is intended to show the scientific achievement of Elise Riesel. She has given stylistics a new profile. In this way she also had a stimulating effect on other disciplines. In Riesel's understanding, style is a functionally determined, pragmatically applied and socially effective phenomenon. I will proceed in two steps. First, I will show Riesel's significant impact in Germany (and by that I mean the GDR, the old Federal Republic and the united Germany). After that, I want to show what I mean by innovative performance in her approach to style. It appears that Riesel's thoughts are still alive and influential today.

Keywords: stylistics; style; functionally determined phenomenon; pragmatically applied phenomenon; socially effective phenomenon; everyday speech; literary text; Prague School; text; text type; standard; functional style; sociolinguistics

Улла Фикс

Институт германистики, Лейпцигский университет

Новаторский подход в стилистике. Функциональная, социально обусловленная, прагматико-ориентированная трактовка понятия стиля в работах Элизы Ризель

Предметом исследования в статье выступают академические заслуги Элизы Ризель, которая выступила разработчиком новых подходов в стилистике, оказав, таким образом, стимулирующее влияние и на другие лингвистические дисциплины. В понимании Ризель, стиль — это функционально обусловленное, прагматически реализуемое и социально значимое явление. В статье, с одной стороны, анализируется значительное влияние Ризель в целом на развитие стилистики в Германии (ГДР, ФРГ и объединенная Германия), с другой стороны, раскрываются инновационные аспекты разработанной ею концепции

стиля. Идеи Ризель, как показывает автор, являются актуальными и сегодня.

Ключевые слова: стилистика; стиль; функциональный стиль; функционально и социально обусловленное явление; прагматически-ориентированное явление; разговорный язык; литературный текст; Пражская школа; текст; тип текста; стандарт; социолингвистика

Для цитирования:

Fix U. Radikales Umdenken in der Stilistik. Elise Riesels funktionaler, sozialer, pragmatischer Stilbegriff // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 342—352.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-342-352.

To cite this Article:

Fix, Ulla. (2022) Radikales Umdenken in der Stilistik. Elise Riesels funktionaler, sozialer, pragmatischer Stilbegriff (Radical Rethinking in Style. Elise Riesels Functional, Social, Pragmatic Term of Style). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 342—352.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-342-352.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; принята к публикации 28.03.2022

The article was submitted 09.03.2022; accepted for publication 28.03.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

П. В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств

АУТОПОЭЗИС И РЕКУРСИЯ В ПОЭЗИИ И ПРАВДЕ И. В. ГЁТЕ

В статье рассматривается теоретическая возможность выявления свойств аутопоэзиса и рекурсии в каноническом тексте автобиографии И. В. Гёте *Поэзия и правда*, определяется формообразующая роль аутопоэзиса в становлении автобиографической наррации и взаимодействие с жанровым каноном автобиографии. Указывается на трансформацию канона и определяется потенциальная возможность генерирования новых смыслов.

Ключевые слова: аутопоэзис; Гёте; Матурана; автобиография; канон; *Поэзия и правда*; рекурсия

1. Введение

Поэзия и правда И. В. Гёте — текст в автобиографическом дискурсе канонический и детально исследованный как отечественными, так и зарубежными литературоведами. Однако учитывая тот факт, что создавался он одним из последних «универсальных гениев» и впитал в себя множество контекстов и сюжетов, став во многом полиморфным и многожанровым, целесообразно применить к его анализу концепцию *аутопоэзиса* У. Матураны и Ф. Варелы и обнаружить элементы рекурсии, свойственной в основном текстам второй половины XX в.

2. Характеристика материала и методов исследования

Важно отметить, что предложенная в 1970-е гг. концепция аутопоэзиса исходила от биологов и антропологов, что весьма продуктивно соотносится с идеей самораскрытия личности в автобиографии Гёте в русле его естественнонаучных штудий и мыслей о прарастении. Предположение, что аутопоэзис — составная часть автобиографической наррации подтверждается не только известной каноничностью текста автобиографии (а канон нередко замкнут на самом себе), но и тем, что текст Гёте подвержен рекурсии как в сюжетном, так и в структурном смысле. Дело здесь не только в том, что поэт, описывая свою жизнь, смотрит на нее с высоты прожитых лет и воссоздает в автобиографии повторно, а в некоем раздвоении Субъекта и Объекта:

автор наблюдает сам себя и сам же себя описывает. В случае с Гёте это также хорошо соотносится с его концепцией метаморфоза растений. В статье, помимо осмысления новых терминов, предпринят и междисциплинарный подход: взгляд на знакомые, канонические тексты сквозь призму новейшей терминологии смежных дисциплин позволит, как думается, открыть новые грани в постижении как внутренней структуры текста, так и его жанрового своеобразия. Особое внимание уделено и эволюции понятия *канон* в перспективе эстетического знания XX в. (эстетико-философское осмысление которого принадлежит А. Ф. Лосеву), поскольку канон является формообразующим для выявления свойств аутопоэзиса и рекурсии в тексте И. В. Гёте.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Возникновение первых идей о написании автобиографии по времени совпадает у Гёте с его открытием прафеномена и образа прарастения в Ботаническом саду Падуи. В жанровом смысле именно автобиография помогла ему выразить идею самостановления, саморазвития личности. В случае с Гёте его текст можно считать восходящим к древнейшей протожанровой модели, поскольку в нем содержатся элементы сказки, новеллы, притчи, анекдота и автокомментария. В жанровом, стилистическом, сюжетном смысле его текст — модель, где мы наблюдаем за произрастанием-развитием идеального облика поэта.

Переход человеческой личности от одной сферы деятельности к другой, от созерцания к действию есть повторение вечного круговорота Природы, где, согласно идеям Гёте, происходит вечное возрождение / умирание субъекта. «Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранить такую же подвижность и пластичность» (ГЁТЕ 1964: 70). Подобная топика применима и к тексту *Поэзии и правды*, в котором можно наблюдать не только «превращение пережитого в образ» (одна из любимых метафор Гёте), но и метаморфозы жанра: сказка неожиданно становится реальностью, а реальные факты, напротив, оборачиваются мифологическими конструктами; все в тексте автобиографии подвижно и полиморфно: новелла, притча, сказка и автокомментарий смешиваются вплоть до того, что возникает иллюзия самоописывающегося текста.

Достигается этот эффект прежде всего благодаря включению поэтом достоверных фактов из своей биографии в контекст литературной жизни современной ему Германии. Так, автор неожиданно превращается в историка литературы, повествующего нам о первом успехе *Вертера*, о собственных стихотворных опытах, но все это описывается с элементами отстранения. Пространство повествования становится подчеркнуто референтным. Под референцией мы понимаем соотношение текстового и внетекстового миров. Таким образом очевидно, что текст фактически создает новое пространство, в котором герои подчиняются как законам жанра, канона, так и критериям повторяемости, репрезентации. В связи с этим автобиография несет в себе черты аутопоэтического текста: автор-повествователь (создатель) и сам текст (создаваемое) находятся в неразрывной субъектно-объектной связи. Автор оценивает сам себя, порою предельно субъективно, но когда он использует свидетельства современников, пользуется «чужой» памятью (концепт «POST-MEMORY» по М. Хирш), тогда он превращается в объект повествования (HIRSH 2012). Похожее происходит и с текстом как с подвижной семиотической структурой: текст автобиографии выстраивается по канонам жанра с использованием знаковых, нередко повторяющихся *биографем*, узнаваемых топосов и даже мифов. В случае с автобиографией, в которой присутствуют элементы аутопоэзиса, текст выстраивается автором, но и авторское сознание находится под воздействием этого текста. Автор и текст как бы «моделируют» друг друга.

Несмотря на заявленную выше архетипичность художественных категорий автобиографии, следует отметить, что сам термин сравнительно нов. В XVIII и в XIX вв. в Германии чаще и охотнее употребляли его немецкую кальку с древнегреческого «*Selbstbiographie*», а то и вовсе «*Selbstzeugnisse*». В 1836 г. Академический толковый словарь Франции понятие «автобиография» фиксирует только как текст «написанный своей рукой, собственноручно», а в Англо-немецком королевском словаре 1844 г. слово это было помечено как неологизм.

Одно из классических определений автобиографии находим в *Краткой литературной энциклопедии*:

«Автобиография — жанр документально-художественного произведения, преимущественно в прозе. В широком смысле — произ-

ведение, основное содержание которого составляет изображение процесса духовно-нравственного развития личности автора, основываясь на осмыслении прошлого с точки зрения опытного, зрелого человека, умудренного жизнью. Жизнь писателя — протосюжет (sic! — П. А.). Личность автора (его внутренний мир, особенности поведения) — прототип главного героя» (КЛЭ 1962: 70–71).

В случае с текстом Гёте есть смысл усматривать в повествовательной модели его автобиографии движение от протосюжета к метажанру. Здесь сказываются особенности человеческой памяти: писатель «дописывает и переписывает» свою жизнь — в связи с этим жанровая структура автобиографии полиморфна и это дает возможность В. Е. Хализеву утверждать что внутри текста повествования «жанры с трудом поддаются систематизации и классификации (...) упорно сопротивляются им» (ХАЛИЗЕВ 1999: 206). Автобиографический нарратив сближается с экзистенциальным, где самопознание бытия сообщает тексту аналитическое, рефлексивное начало, добавляя тексту, по терминологии Хализева, «автопсихологичность» (Ibid.).

В структурном смысле ткань текста автобиографии сплетается из внешней и внутренней реальности бытия, исходного события — его переживания и осмысления. Это соответствует упомянутой максиме Гёте о превращении / преобразовании «пережитого в образ». В поздней философской лирике Гёте находим немало отсылок к объединению внешнего и внутреннего: «Одно и все», «Бог и мир», «Завет», «Что внутри — во внешнем сыщешь» — эта глубокая идея единения с природой и раскрытия единой творческой энтелехии, сообразно законам природы, вписывается в ту жанровую парадигму автобиографии, о которой говорил Г. О. Винокур:

«В биографии, если только не отождествлять ее с психологией, все внешнее есть непременно и внутреннее, потому что здесь внешнее только знак внутреннего и вся биография вообще — только внешнее выражение внутреннего» (ВИНОКУР 2007: 26).

Создание жизни «из материала окружающей действительности», переосмысленного творческим сознанием поэта — еще одна важная установка Гёте.

Вышеуказанные факторы постепенно приближали текст автобиографии Гёте к некоему каноническому образцу отражения личности в литературном произведении, а попав на благодат-

ную почву представителей «философии жизни» — прежде всего Вильгельма Дильтея и его учеников (Георга Миша — автора многотомной и единственной в Европе *Истории автобиографии*, Эдуарда Шпрангера — психолога и философа, и отчасти Георга Зиммеля), *Поэзия и правда* в философском осмыслении обрела многие черты канона. Об этом свидетельствует М. Йегер в монографии *Autobiographie und Geschichte*:

«Дильтей интерпретирует «Поэзию и правду» почти как идеально-типическую модель (idealtypisches Modell) саморефлективного рассмотрения истории и имманентной жизни» (JAEGER 1995: 59).

По этой же причине именно Дильтей возведет жанр автобиографии в некий абсолют, необходимый и желательный для немецкой нации в ту пору как в контексте самопознания, так и духовного развития.

«Автобиография — это высшая и наиболее содержательная (или «поучительная» («instruktive») — П. А.) форма, в которой нам открывается понимание жизни. Здесь жизненный путь дан как нечто внешнее, чувственное, отчего понимание должно проникнуть к тому, что обусловило этот путь в определенной среде. Поэтому человек, понимающий этот жизненный путь, идентичен тому, кто создал этот путь (снова идея «со-творца» — П. А.)» (DILTHEY 1927: 199).

Человек, согласно Дильтею, вглядывается в прошлое, интерпретирует развитие себя, заглядывая в будущее, формирует свою жизнь и оценочные суждения о своей личности. Так возникает целостная картина мироздания, где архитектором-творцом выступает сам человек. «Автобиография — это осмысление человеком своего собственного пути, получившее литературную форму выражения» (Ibid.), — говорит Дильтей, но это самоосмысление было и у философов-стоиков и в медитациях святых: Дильтей же вновь подчеркивает архетипический характер автобиографического переживания и роль памяти индивида. Рассматривая с точки зрения философии жизни эволюцию жанра автобиографии, Дильтей объективно выделяет три фигуры европейского литературного процесса, определившие вектор развития жанра: Августин — Руссо — Гёте (называя их «наиболее типическими историческими формами»).

Августин для Дильтея предельно трансцендентен, ибо смысл жизни тот видел в постижении связи своего существова-

ния с Богом. «Его сочинение — одновременно и религиозное размышление, и молитва, и рассказ» (Ibid.).

Борьба за самостоятельность и цельность благородного духовного состояния своей личности — основа автобиографии Руссо, «...что бы он ни делал, какие бы страдания и лишения не приносил, он считал себя аристократом и благородным человеком, душа которого слита со всем человечеством, а в этом и заключались идеалы его времени. Именно это он и хотел показать миру — показать правомерность своего духовного существования, раскрыть его целиком таким, каким оно было... Руссо стремился добиться права своего индивидуального существования. В этом представлен совершенно новый взгляд на безграничные возможности реализации жизненных ценностей. Из этого взгляда вытекает соотношение категорий, в которых Руссо осуществляет интерпретации собственной жизни» (Ibid.).

Используя весь предыдущий опыт автобиографического повествования как жанра, Гёте достигает идеальной гармонии в изложении, рассмотрении и осмыслении своей жизни. «Универсально-историческое» отношение поэта к жизни выражается, согласно Дильтею, в том, что

«он чувствует каждый этап своей жизни — в Лейпциге, Страсбурге, Франкфурте — как наполненное жизнью *настоящее*, определяемое *прошлым*, как устремленное вперед, к формированию *будущего* (курсив наш — П. А.)» (Дильтей 2004: 312).

Развитие этих мыслей возникнет впоследствии у Дильтея в его программной работе *Das Erlebnis und die Dichtung* («Переживание и поэзия», 1906), но обратим внимание на важную триаду, подмеченную им, которая сообщает тексту *Поэзии и правды* удивительную полифоничность: прошлое, настоящее и будущее.

Все это соотносится с теми эстетическими критериями канона, которые возникли еще в древности, на заре возникновение этого термина, восходящего к шумеро-аккадской культуре; в эпоху античности за каноном закрепились как «архитектурная», так и литературная составляющие, что позволило видеть позднейшим философам и эстетикам доминирование формы над изменчивым содержанием (Лукиан из Самосаты, Поликлет, Эпикур — авторы несохранившихся трактатов о каноне, информацию о которых мы получаем из позднейших источников). Обобщая все предшествующие источники, иногда по круппам

собирая информацию, А. Ф. Лосев приходит в начале 1973 г. в работе *О понятии художественного канона* к итоговому на тот момент осмыслению его места и роли в искусстве и литературе, что отразилось в емком определении.

«Канон — воспроизведение некоего оригинала и образца, являясь в то же время оригиналом и образцом для всевозможных воспроизведений и даже принципом эстетической оценки» (ЛОСЕВ 1973: 13).

Натан Тамарченко, комментируя это определение, подчеркивал, что речь идет о некоей структурной модели, *инвариантной* как для исходного произведения-образца, так и для последующих произведений, которые, будучи созданы по этому образцу, являются таковыми и сами (ТАМАРЧЕНКО 2012: 44). Подобное понимание структуры канона дало повод авторам справочного издания *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* провести вполне очевидные параллели между каноном и архетипическими универсалиями, первообразами, заложенными в коллективном сознании человечества. В этом издании читаем:

«Жанровый канон — это первообраз, сохраненный и одновременно трансформированный в каждом произведении данного жанра» (ПОЭТИКА 2008: 40).

Указанное приближение канона к первообразу, его архетипическая интенция дает возможность на примере *Поэзии и правды* связать воедино три категории: канон — аутопоэзис — рекурсию, показать это не только как родственные явления одного порядка, но и выявить несомненно продуктивное воздействие аутопоэзиса на трансформацию канона.

Сама идея применения термина аутопоэзис к литературным текстам относится к 70-м гг. XX в., когда Умберто Матурана (1928 — 2021) познакомился с докторской диссертацией своего коллеги доктора Хосе-Мария Бульнеса о Дон Кихоте. Герой романа Сервантеса, как известно, решает дилемму — каким путем следовать в познании мира: путем поэзиса или праксиса. Напомним: Рыцарь Печального образа воссоздает новый, фантастический мир, где все подчиняется законам его фантазии и воображения, но одновременно этот мир порождает все новые фантазии героя, мотивирует его поступки и устремления. Матурана утверждал, что для любой живой системы также характер-

но явление аутопоэзиса.

«Речь шла о системах, которые своими собственными операциями сами создают себя как нечто единое и в этом процессе создают себя сами. Результатом аутопоэзисных операций системы является сама система» (MATURANA 2002).

Пример с Дон Кихотом чрезвычайно удачен, поскольку в тексте романа он предстает и как Субъект и как Сам-себе-Объект, не говоря уже о том, что действует он по канонам старых рыцарских романов и кодексов, прочитанных им однажды и отпечатавшихся в его памяти, как некий образец. Текст в свою очередь создает новое знаковое пространство, в котором герои подчиняются как законам канонического жанра (будь то рыцарский роман или автобиография), критериям повторяемости, репрезентации и прочее. Канон в известном смысле (как это следует из определения А. Ф. Лосева) равен самому себе. Текст с элементами аутопоэзиса также не просто каноничен, он обнаруживает неизбежную тенденцию к новому смыслопорождению, автор, создающий его, вступает с этим текстом в неразрывную субъектно-объектную связь, именно поэтому в автобиографиях так сложно порою определить роль и место автора в тексте (здесь и использование масок, «присвоение» чужих воспоминаний, речь о себе в третьем лице, что часто использовал Гёте). Диалог с читателем, диалог с собственной памятью, диалог с «фиктивным другом» («написавшем» письмо к Гёте с просьбой опубликовать свою автобиографию, что писатель и поместил на первых страницах *Поэзии и правды*) — все это явления аутопоэзиса, как, собственно, и название, данное Гёте в такой последовательности: «*Dichtung und Wahrheit*», где поэзия (*poiēsis*) порождает, правду, саму жизнь, иначе говоря: является неисчерпаемым источником бытия.

В семиотическом смысле подобные явления сопровождает и рекурсия, как любой вид знаковой коммуникации. В одной из недавних монографий *Фрактальная семиотика*, написанной на стыке философии языка и математики, В. В. Тарасенко утверждает, что «коммуникация — естественный рекурсивный процесс» (ТАРАСЕНКО 2020: 82). Именно в случае с автобиографией явление это просматривается в тексте особенно отчетливо: действительно, любое общение основывается на восстановлении / припоминании смыслов. Писатель, создавая автобиографический текст, вступает не только в пространство «автобиографического

договора» или «пакта» с читателем (по Ф. Лежену), но и в бесконечный диалог со своей памятью: припоминая прошлое из своего настоящего, интерпретируя прожитую им картину мира. Напомним, повторяемость, суггестивность — важные категории канона, они неизбежны при автобиографировании, при взгляде на себя «со стороны». Эпизодов рекурсии в *Поэзии и правде* Гёте довольно много: от хрестоматийно известной встречи с двойником, до описания первого успеха *Вертера*, наконец, до постоянных приемов отстранения, когда поэт говорит о себе в третьем лице.

Разумеется, рекурсивное описание, когда писатель смотрит на себя со стороны, широко использовал не только Гёте, но также Петрарка, Сервантес, Руссо, многие романтики. Прием рекурсии бытовал и в народных немецких книгах, и в средневековых алхимических трактатах, хорошо знакомых Гёте (один из ярких визуальных примеров — изображение Уробороса).

Аутопоэзису присуща рекурсия как неотъемлемая часть автонаррации субъекта — этот фактор нередко находит свое подтверждение в автобиографических текстах. Использование указанных категорий при анализе автобиографии отнюдь не осложняет картину рецепции текста, но позволяет выявить глубинные взаимосвязи между образами, метафорами и художественными приемами, которые автор зашифровывал и использовал в своем произведении.

Осмысление литературной рекурсии восходит, вероятно, к эпохе Возрождения, когда человек обратил взор на самого себя, осознав собственную индивидуальность в роли со-творца окружающего мира. И если элементы словесной рекурсии присутствуют уже в Священном Писании: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», как риторическая конструкция, допускающая множество толкований, то в сюжетном смысле рекурсивное мышления стало развиваться именно благодаря героям Возрождения: Гамлету, Дон Кихоту, отчасти Дон Жуану. А. В. Анисимов отмечал:

«Одно из первых проявлений рекурсии в литературе связано с введением в текст повествования книги самой этой книги. Главный процесс как элемент *использует сам себя* (курсив мой — П. А.). Если при этом используется текст этой книги, то она не может быть никогда закончена. <...> Мышление человека рекурсивно» (Анисимов 1991: 156).

Добавим, что хрестоматийным примером рекурсии является и все тот же роман Сервантеса, где Дон Кихот во второй части встречает тех, кто читал о его подвигах, а Сервантес упоминает сам себя, о чем писал Х. Л. Борхес.

Можно заключить, что аутопоэзис и рекурсия — тесно взаимосвязанные явления канонического текста, как в жанровом, так и в сюжетном смысле. Использование этих приемов в жанре автобиографии весьма очевидно, как и то, что Гёте был здесь одним из первопроходцев, поскольку ему удалось удачно воплотить идею прарастения и свои естественнонаучные штудии при написании собственной автобиографии. В завершение приведем несколько примеров, которые призваны наглядно обосновать вышеизложенные теоретические соображения.

Аутопоэтические знаковые структуры автобиографического, да и любого канонического текста имеют тенденцию к самопорождению новых смыслов. У. Матурана и Ф. Варела описывали это так:

«Поскольку любая аутопоэзисная система представляет собой единство многочисленных взаимозависимостей, при изменении одного параметра системы весь организм одновременно претерпевает коррелятивные изменения по многим параметрам» (МАТУРАНА & ВАРЕЛА 2020: 47).

Сегодня довольно отчетливо обосновано в новейших немецких монографиях, что идея прарастения имплицитно зашифрована у Гёте в *Поэзии и правде* как на примере описания его самораскрытия личности, так и в описании сопутствующих факторов. Созданный поэтом канонический текст в известном смысле самоописывающийся, одновременно дающий импульс для новых интерпретаций. Образно это выражается не только в известной гравюре М. Эшера «Руки», но и в высказывании Гёте, зафиксированном в одном из набросков к его *Морфологии*:

«У меня был дар, если я закрывал глаза и с опущенной головой представлял в центре моих органов зрения цветок, то он ни мгновения не пребывал в своем первичном облике, а разделялся, и из его сердцевины развертывались все новые цветы, из цветистых и довольно зеленых листьев; это были не цветы, которые мы наблюдаем в природе, но фантастические и столь соразмерные, словно скульптурные орнаменты» (ГОЕТНЕ 2006: 353).

Подобное зримое воплощение аутопоэзиса в сознании автора —

яркое доказательство возможности применения оптики современной науки к каноническому тексту.

4. Заключение

Автобиографический космос, показанный Гёте в *Поэзии и правде*, давно стал той художественной универсалией, которой стремились подражать потомки, создавая свои автобиографии. Как в XIX, так и в XX в. автобиография развивалась в русле традиционных приемов, заложенных Гёте. Порою авторы вступали в спор с каноном (как это делали Жан Поль или романтики), порою охотно копировали приемы (Т. Манн, Г. Гауптман). В начале XXI в. активизировалось контрканоническое начало в автобиографической наррации, что блестяще показал в *Луковице памяти* и последующих романах Г. Грасс. Однако в основе бытования автобиографического канона лежат, как представляется, две важные категории, равно соотносимые как с художественным методом писателя, так и с приемами познания мира и человека — это аутопоэзис и рекурсия.

Анализ канонического текста с применением категорий аутопоэзиса и рекурсии расширяет его семиотическое поле, выводя на поверхность такие качества автобиографического канона как мифогенность, суггестивность, мнемоническая и миметическая функции, поскольку, как показывает практика многолетнего эстетического осмысления канона в жанровом поле автобиографии, его изменчивость и тяготение к образованию новых мыслеобразов далеко не исчерпаны и требуют дальнейшего пристального рассмотрения.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Анисимов А. В. Компьютерная лингвистика для всех. Мифы — алгоритмы — язык. Киев: Наукова думка, 1991. [Anisimov, Aleksandr V. (1991) *Kompyuternaya lingvistika dlya vsehkh. Mify — algoritmy — yazyk* (Computational Linguistics for Everyone. Myths — Algorithms — Language). Kiev: Naukova dumka. (In Russian)].
- Винокур Г. О. Биография и культура. М.: УРСС, 2007. [Vinokur, Grigory O. (2007) *Biografiya i kul'tura* (Biography and Culture). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Гёте И. В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. [Goethe, Johann Wolfgang. (1964) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* (Selected Philosophical Works). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Диль-

- тей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. [Dilthey, Wilhelm. (2004) *Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* (Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit). In Dilthey, Wilhelm. *Sobraniye sochineniy* (Collected works). In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. [Losev, Aleksey F. (1973) *O ponyatii khudozhestvennogo kanona* (On the Concept of Artistic Canon). In *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* (The Problem of the Canon in the Ancient and Medieval Art of Asia and Africa). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Матурана У. Р., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: УРСС, 2019. [Maturana, Humberto R., & Varela, Francisco. (2019) *Drevo poznaniya: Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya* (The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика. М.: УРСС. 2020. [Tarasenko, Vladislav V. (2019) *Fraktal'naya semiotika* (Fractal Semiotics). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Тамарченко Н. Д. Переход от канонических жанров к неканоническим // Теория литературных жанров / ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2012. [Tamarchenko, Nathan D. (2012) *Perekhod ot kanonicheskikh zhanrov k nekanonicheskim* (Transition from Canonical to Non-canonical Genres). In Tamarchenko, Nathan D. (ed.) *Teoriya literaturnykh zhanrov* (Theory of Literary Genres). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. [Halizev, Valentin Ye. (1999) *Teoriya literatury* (Theory of Literature). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Goethe, Johann Wolfgang. (2006) *Das Sehen in subjektiver Hinsicht*. In Goethe, Johann Wolfgang. *Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens* (Münchener Ausgabe). Bd. 12. *Zur Naturwissenschaft überhaupt, besonders zur Morphologie*. München; Wien: Carl Hanser Verlag.
- Dilthey, Wilhelm. (1927) *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. In Groethuysen, Bernhard; Misch, Georg, & al. *Gesammelte Schriften*. In 12 Bd. Bd. 7. Leipzig; Berlin: Teubner.
- Jaeger, Michael. (1995) *Autobiographie und Geschichte*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Hirsh, Marianne. (2012) *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press.

Maturana, Humberto R. (2002) Autopoietische Maschinen und die Organisation des Lebendigen. In Maturana, Humberto R., & Pörksen, Bernhardt. *Vom Sein zum Tun. Die Ursprünge der Biologie des Erkennens*. Heidelberg: Carl-Auer Verlag.

Pyotr V. Abramov
High School of Performing Arts

Autopoiesis and Recursion in *Dichtung und Wahrheit* by J. W. Goethe

The article discusses the theoretical possibility of revealing the properties of autopoiesis and recursion in the canonical text of J. W. Goethe's autobiography *Dichtung und Wahrheit* ("Poetry and Truth"), determines the formative role of autopoiesis in the development of autobiographical narration and interaction with the genre canon of autobiography.

Keywords: autopoiesis; Goethe; Maturana; autobiography; canon; "Dichtung und Wahrheit"; recursion

Для цитирования:

Абрамов П. В. Аутопоэзис и рекурсия в *Поэзии и правде* И. В. Гёте // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 354—366.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-354-366.

To cite this Article:

Abramov, Pyotr V. (2022) Autopoezis i rekursiya v *Poezii i pravde* I. V. Gyote (Autopoiesis and Recursion in *Dichtung und Wahrheit* by J. W. Goethe). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 354—366. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-354-366.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 01.02.2022; accepted for publication 28.02.2022

А. И. Васкиневич

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В ИТАЛЬЯНСКИХ СКАЗКАХ КЛЕМЕНСА БРЕНТАНО

Итальянско-немецкий культурный трансфер стал одной из важных тенденций межкультурного взаимодействия в XIX в. Случай Клеменса Брентано интересен тем, что сам писатель происходил из межнациональной семьи. В процессе культурного трансфера сюжетная основа, заимствованная из сборника сказок Джамбаттисты Базиле *Пентамерон*, подверглась значительным изменениям, наращиванию смыслов, пересаживанию на немецкую почву. Для этого Клеменс Брентано вводит в *Итальянские сказки* систему аллюзивных отсылок к современной Базиле немецкой культуре XVII в., к барочной духовной лирике, к более ранней культуре — житиям святой Урсулы и святой Геновевы для укоренения сюжетов в немецкой католической традиции, к немецким народным сказкам из собрания братьев Гримм, к современной Брентано литературе, культуре и многочисленным реалиям XIX в., а также биографическому контексту.

Ключевые слова: Клеменс Брентано; немецкий романтизм; литературная сказка; аллюзия; культурный трансфер

1. Введение

В немецком литературоведении сказкам Клеменса Брентано (1778 — 1842) посвящен ряд работ, отраженных в библиографических и биографически-справочных изданиях (MALLON 1926; GAJEK 1971; RILEY 1985; SCHULTZ 1993; BRENTANO 2009). С 1975 г. выходит полное собрание сочинений Брентано, включающее редакции текстов и научный комментарий (BRENTANO 1975 и след.). В ближайшее время готовится выход 1-й и 2-й частей XVIII тома этого издания, включающих тексты *Итальянских сказок* и комментарии к ним. По этой причине *Итальянские сказки* оказываются в центре научного внимания, в первую очередь, благодаря работам Вольфганга Бунцеля (BUNZEL 2013; 2015; 2018). Спорным остается вопрос идентификации изданий *Пентамерона* Базиле из библиотеки Клеменса и Кристиана Брентано, в уточнении и корректировке нуждается ряд комментариев к тексту *Итальянских сказок* в Мюнхенском издании (BRENTANO 2002). В русскоязычных работах эти вопросы не рассматриваются.

В российском литературоведении сказки Брентано, оцениваемого в качестве центральной фигуры гейдельбергского романтизма (ЖИРМУНСКИЙ 1919), рассматриваются в ряде статей и диссертаций (СКОПЕНКО 1977; КАРАБЕГОВА 1984; ГРОНСКАЯ 1987; СТАДНИК 2019; МУСТАФАЕВА 2020). В известных монографиях о немецком романтизме сказкам Брентано дается краткая характеристика (БЕРКОВСКИЙ 2001: 347–354; БОТНИКОВА 2004: 103–106). Имеются переводы некоторых сказок Брентано на русский язык. В издательстве «Ладомир» готовится научное издание *Рейнских и итальянских сказок* в серии «Литературные памятники». Новое издание сказок требует переосмысления их концепции, уточнения ряда представлений, укоренившихся в литературоведении. В первую очередь, это — представления о том, что «о творчестве Брентано можно говорить лишь применительно к 17 годам — от 1801 до 1817 г.» (КАРЕЛЬСКИЙ 2007: 246), перечеркивающие работу Брентано над поздними редакциями сказок, и утверждения о том, что он «сильно испортил» их «религиозной тенденцией» (БЕРКОВСКИЙ 2001: 347), не считающиеся с авторским замыслом, во-вторых, не вполне точные представления о взаимодействии Брентано и братьев Гримм в процессе работы над сказками (БЕРКОВСКИЙ 2001: 347; КАРЕЛЬСКИЙ 2007: 247).

Ряд обозначенных выше проблем связан с вопросом культурного трансфера в *Итальянских сказках* Брентано, чему и посвящена статья.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основной материал исследования — *Итальянские сказки* («Italienische Märchen») Брентано. Название цикла связано с ориентацией ряда сказок на итальянскую сюжетную основу. Создание *Итальянских сказок* изначально, в соответствии с авторским замыслом представляло собой культурный трансфер, целью писателя было «обработать *итальянские* детские сказки для *немецких* детей», о чем он пишет в письме другу Ахиму фон Арниму в 1805 г. (ARNIM 2011: 112). Цель статьи — рассмотреть, как именно происходил этот трансфер.

Первоначальная переработка сказок, вероятно, предполагалась незначительной, поскольку Брентано хотел закончить их к осенней книжной ярмарке 1806 г. (Ibid.). История создания сказок Брентано (как рейнского, так отчасти и итальянского цикла) изложена в комментированных изданиях (BRENTANO 2002: 1068–

1079; BRENTANO 1975ff/17: 344–394; BRENTANO 1975ff/18.4: 17–86). При жизни Брентано без его ведома анонимно во франкфуртском журнале «Ирис» вышла *Сказка о Мирточке* (BRENTANO 1827), поздняя редакция *Сказки о Гокеле, Хинкель и Гакелее* вышла отдельным изданием в 1837 г., датированная 1838 г. (BRENTANO 1838), в двухтомном издании сказок 1846 г. (второй том вышел с датировкой 1847 г.) деления на *Рейнские сказки* и *Итальянские сказки* не производилось (BRENTANO 1846–1847), большая часть *Итальянских сказок* вошла во второй том, в том числе поздняя редакция *Сказки о Фанферлизхен Прекрасноножке*. Ранняя редакция этой сказки была обнаружена позже и опубликована в 1911 г. (BRENTANO 1911). *Сказка о Командитхен* одновременно с изданием 1846–1847 гг. была также опубликована в журнале «Утренний листок для образованных читателей» («Morgenblatt für gebildete Leser»), в №№ 276–280 (с 18 по 23 ноября 1846 г.), выходившем в издательстве Иоганна Фридриха Котты (там же был выпущен и двухтомник, подготовленный Гвидо Гёрресом).

Всего к *Итальянским сказкам* принято относить 11 сказок Брентано: *Сказка сказок, или Милая душечка* («Das Märchen von den Märchen oder Liebseelchen»), *Сказка о Мирточке* («Das Märchen von dem Myrtenfräulein»), *Сказка про Остроума* («Das Märchen von dem Witzenspitzel»), *Сказка о Лепесточке розы* («Das Märchen von Rosenblättchen»), *Сказка о бароне фон Кусопрыге* («Das Märchen von dem Baron von Hüpfenstich»), *Сказка про Остолопа, или Дураки и дети счастливей всех на свете* («Das Märchen von dem Dilldapp oder Kinder und Toren haben das Glück bei den Ohren»), *Сказка о Фанферлизхен Прекрасноножке* («Das Märchen von Fanferlieschen Schönefüßchen»), *Сказка об учителе Клопштоке и пятерых его сыновьях* («Das Märchen von dem Schulmeister Klopstock und seinen fünf Söhnen»), *Сказка о Гокеле и Хинкель* («Das Märchen von Gockel und Hinkel»), *Сказка о Командитхен* («Das Märchen von Komanditchen»), *Сказка о Шнурлизхен* («Das Märchen von Schnürlieschen»). Последние две сказки остались фрагментами. В основе каждой из них лежит сюжет одной из сказок Базиле (BRENTANO 2002: 1104–1107).

Когда Брентано впервые познакомился с *Пентамероном* Базиле, точно не известно. Есть неподтвержденное предположение, что книга была в библиотеке его отца (BRENTANO 2002: 1069). В *Сердечном посвящении* («Herzliche Zueignung») поздней

редакции сказки *Гокель, Хинкель и Гакелея*, Brentano пишет о том, что историю о петухе и кольце, составляющую основу сказки, он мальчиком слышал от итальянского шоколадье. Интерес к *Пентамерону* мог возникнуть и через знакомство с обработкой некоторых сюжетов сборника Шарлем Перро, Карло Гоцци, Иоганном Карлом Августом Музеусом, Кристофом Мартином Виландом и др. (MESSERLI 2013: 21–23).

29 апреля 1804 г. Brentano пишет книготорговцу Иоганнесу Вуррингену в Кёльн:

«Вместе с тем я прошу Вас посмотреть, есть ли ещё у книготорговца Меттерниха итальянская книжица, которую я отыскал в его большом печатном каталоге (Il conto de conti, trattenimento a fanciulli trasportato della napolitana all italiana favella. con fig. gr. 12. Napoli 1754. 40 Stüb. 6)» (BRENTANO 1975ff/31: 315).

Речь идет о *Пентамероне* Базиле (первые издания которого выходили под псевдонимом Джан Алесио Аббаттутис), который он просит ему прислать. Приобрел ли он это издание, точно не известно. В каталоге выставленных на аукцион книг из библиотеки Клеменса и Кристиана Brentano 1853 г. зафиксировано три издания книги Базиле (GAJEK 1974: 289). Считается, что одно из них, под номером 2691, без титульного листа и без указания года: *Trattenimento de' Giovanni. Mit Holzschn. (ohne Titel)*, Brentano и приобрел в 1804 г. (RICHTER 1986; FORMICA 1988: 83, BUNZEL 2015: 51–52). Однако название, цитируемое в письме к Вуррингеру, соответствует второму изданию сказок Базиле в переводе на итальянский язык, а название, указываемое в каталоге библиотеки Brentano, соответствует первому изданию сказок Базиле в переводе на итальянский язык: *Il conto de conti, trattenimento a' Giovanni*. Naples: Nicolò Migliaccie, 1747 (BASILE 2007: 448). Римское издание 1679 г. в каталоге библиотеки Brentano значится под номером 2582: *G. V. Basile, Il Pentamerone ovvero lo cunto de li cunti trattenemiento de li Pecesville etc.* Roma 679. По поводу этого издания высказывалось предположение, что этот экземпляр хранился еще в библиотеке его отца (BRENTANO 2002: 1069), однако другие исследователи опровергают это мнение (FORMICA 1988: 82). Издание на неаполитанском диалекте, (Неаполь, 1749; в каталоге библиотеки Brentano под номером 2583), Клеменс приобрел в Праге, где он был в 1811 — 1813 гг.; считается, что в основном Brentano опирался в своей работе над

сказками именно на него, поскольку в этом неаполитанском издании Брентано приписал к названиям итальянских сказок немецкие переводы (BRENTANO 2002: 1069).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Объем заимствований и переработки сюжетов Базиле в разных сказках «итальянского» цикла Брентано заметно отличается. Некоторые сказки Базиле подверглись незначительной обработке Клеменсом Брентано, например, в сюжете *Мирточки* Брентано почти полностью воспроизводит сюжетную основу сказки *Миртовая ветка* Базиле. Изменения носят стилистический характер. Брентано заменяет низовой юмор сказки Базиле высокой поэзией, включая в сказку ряд собственных стихотворных текстов. Действие Брентано переносит из Италии не в Германию, но в условную Англию (имя принца Вечвута отсылает к названию английской фирмы «Веджвуд» по изготовлению фарфоровой посуды). Авторская переработка этой сказки не носит того характера культурного трансфера, который будет свойственен большинству *Итальянских сказок* Брентано.

Напротив, *Сказка о Гокеле и Хинкель* оказалась настолько «онемечена» Брентано, что раннюю редакцию этой сказки сам автор хотел переместить в *Рейнские сказки*, сказки немецкого цикла, о чем писал в 1837 г. в письме Иоганну Фридриху Бёмеру (BRENTANO 1975ff/37.1: 57). Топонимы, выбираемые для этой сказки, одновременно обыгрывают семантику «куриных» и «петушиных» мест, и являются реальными городами, и не просто немецкими, а связанными с авторами, аллюзии к текстам которых есть в сказках Брентано. В Гельнхаузене родился Гриммельсгаузен, в Ганау — братья Вильгельм и Якоб Гримм.

Особенно поздние редакции сказок разрослись и изменились почти до неузнаваемости. Это касается *Сказки о Фанферлихен Прекрасноножке* и *Сказки о Гокеле, Хинкель и Гакелее*, при жизни поэта изданной как отдельная большая книга с вступлением («Сердечное посвящение») и приложением («Из дневника Прародительницы») к основной истории.

Работа над сказками проходила в несколько этапов, неравномерно, что объясняет ряд подобных отличий. Однако в статье мы сконцентрируемся не на историческом аспекте, а рассмотрим многоуровневую структуру культурного трансфера.

Для понимания особенностей этого трансфера нужно при-

нимать во внимание культурный и биографический контекст, в котором возникают сказки Брентано и который в них не просто отразился, а стал их неотъемлемой частью. Не только немецкие, но и российские исследователи указывают на итальянские сюжеты и мотивы в творчестве Брентано, уже в романе *Годви*, при разработке системы персонажей (КАШАФУТДИНОВА 2012), в особенности же в его *Романсах о Розарии* и сказках (АВЕРИНЦЕВ 1996: 282–283). Однако культурный трансфер заключался не просто в переносе в сказки Брентано ряда мотивов из сказок Базиле.

В эпоху Гёте и романтизма складывается представление об Италии как «стране искусств», утопической Аркадии, где человек может гармонично жить и творить на лоне прекрасной природы. Тоской по Италии пронизана песнь Миньоны из романа И. В. Гёте *Годы учения Вильгельма Мейстера* (1795/1796), эпиграфом «И я в Аркадии!» предваряет он свое *Итальянское путешествие* (1816/1817). Название *Тоска по Италии* носит одна из частей *Сердечных излияний отшельника, любителя искусств* и включенное в эту часть стихотворение Людвига Тика (1797). Популярными становятся путешествия в Италию и пребывание там немецких живописцев. По данным Кристины Флорак-Крёлль, с 1800 по 1830 гг. в Риме и его окрестностях проживало 550 немецких художников (FLORAK-KRÖLL 1996: 12). Идиллическим выражением гармонии итальянского и немецкого искусств становится знаменитая картина Овербека «Италия и Германия», написанная с 1811 по 1828 гг.

Во вступительной сказке к итальянскому циклу Брентано сказочная страна Валле Пелоса (= «Мохнатая долина») из *Пентамерона* (БАЗИЛЕ 2018: 33) превращается у Брентано, убирающего эротические намеки, в «Тениталию» («Schattenthalien»), а дочь короля Зоза, задумчивая словно Зороастр или Гераклит, становится «Милой душечкой» («Liebseelchen»), постоянно тоскующей, так что ее даже прозвали «Мрачной душечкой» («Trübseelchen»). Эта героиня цикла, которой и рассказываются *Итальянские сказки*, коррелирует с понятием «прекрасной души» («schöne Seele»), широко распространенным в немецкой литературе XVIII в. (SCHMEER 1926), тоскующей здесь то ли под сенью муз в Италии (Schatten + Thalia + Italien), то ли в долине мертвых (Schatten + T(h)al), куда уже отправились мать (1793) и отец (1797) Брентано, а в период возникновения замысла сказок и

начала работы над ними — сын Ахим Ариель (1804), дочь Йоахима (1805), первая жена Софи Мери с мертворожденным ребенком (1806) и бабушка Софи ля Рош (1807).

Брентано (1778 — 1842) никогда не был в Италии, несмотря на то, что был наполовину немцем, а наполовину итальянцем по происхождению. Его бабушкой по материнской линии была Софи ля Рош (1730 — 1807), писательница, автор романа *История девицы фон Штернгейм*, хозяйка литературного салона, упоминаемого Гёте в *Поэзии и правде*. Одно время она была помолвлена со своим кузеном писателем Кристофом Мартином Виландом. Матерью Брентано была Максимилиана ля Рош (1756 — 1793), ставшая, наряду с Шарлоттой Буфф, одним из прототипов Лотты в *Страданиях юного Вертера* Гёте. Таким образом, уже биографически, по материнской линии Брентано был укоренен в немецкой литературе и культуре. Вся эта биографически-литературная часть отразилась в *Итальянских сказках*. Например, это отсылки к разным произведениям Гёте, к стихотворному эпосу Гёте *Рейнке-лис* в *Сказке об Остроуме* и *Сказке об учителе Клопштоке и пяти его сыновьях*, к роману Гёте *Годы учения Вильгельма Мейстера* в *Сказке о Гокеле и Хинкель*. В поздней редакции *Сказки о Гокеле, Хинкель и Гакелее*, посвященной Марианне Виллемер, упомянута и бабушка, Софи ля Рош.

Отец Клеменса, Петер Антон Брентано (1735 — 1797), был итальянцем, его итальянское имя — Пьетро Антонио Брентано, родился он в Тремеццо и принадлежал к купеческому роду, с XVII в. торговавшему с Германией. По свидетельствам современников, он играл на скрипке и писал стихотворения на итальянском языке, а на немецком говорил с акцентом (NIEBERGALL 2016: 65, 77). В его доме («Zum Goldenen Korb»), приобретенном в 1776 г., была картинная галерея и библиотека, о содержании которой нам неизвестно (Ibid.: 77). Семейные связи с Италией после смерти Петера Антона Брентано прервались. Однако итальянские корни также определили идентичность Клеменса Брентано. Он знал итальянский язык, увлекался итальянской литературой, которую мог читать в оригинале, и был, как и отец, католиком в протестантском Франкфурте, религиозная идентичность стала для него особо значимой после религиозного обращения в 1817 г.

В *Сказке о Командитхен* биографически-литературный кон-

гломерат аллюзий включает и деловую сферу, отсылающую к отцовской линии. Интерьер жилища Командитхен, наполненного пряностями, цукатами, какао и т. п., напоминает ассортимент торгового дома Brentano (Ibid.: 68) и одновременно вызывает ассоциации с садом Гиппия в пятой главе романа Виланда *Агатон* (1766/67), называющейся *Сладкие грезы Агатона* («Schwärmerei des Agathon») и сценой из пятой главы первой книги романа И. В. Гёте *Годы учения Вильгельма Мейстера*, где герой проникает в кладовку, в которой хранятся сушеные сливы и яблоки, цукаты и т. п. Надписи на стене убежища Командитхен отсылают к произведениям целого ряда немецких поэтов, включая всё те же *Сладкие грезы Агатона* К. М. Виланда, а одна из них — *Любимое местечко для тоски* («Lieblingsörtchen der Sehnsucht») — напоминает о стихотворении *Любимое местечко* («Lieblingsörtchen») Софи Мери, первой жены Brentano. Эти аллюзии, к сожалению, пока не учтены в комментариях к его сказкам (BRENTANO 2002: 1117).

Так же, как итальянские предки Клеменса Brentano обустроиваются во Франкфурте, там же обустроиваются и некоторые его сказки итальянского цикла. Как ни странно, этот аспект тоже недостаточно освещен даже в немецких исследованиях и комментариях к тексту. Указывается лишь на то, что в *Сказке о Фанферлизхен Прекрасножке* возникает отсылка к франкфуртской традиции кормить детей-сирот рисовой кашей на Троицком лугу (BRENTANO 2002: 1110). Однако отсылки к франкфуртской культуре есть и в других сказках. Например, в первой, вводной сказке о Милой Душечке имя маркизы де Пимпернель (Pimpernelle) восходит к названию растения кровохлёбка (Pimpernelle и т. п.). Это растение входит в состав традиционного для Франкфурта зеленого соуса, включающего еще шесть трав (RÜNRIG 2010: 140), так что Пимпернель с ее шестью дарами-пожеланиями, свалившаяся в масло — это, возможно, отсылка к национальной кухне. При этом важна и возможность других трактовок, например, имя Бимпернель встречается в *Кабинете фей*, 41-томном сборнике сказок Шарля-Жозефа де Майера (1751/1825), которым также пользовался Brentano. В *Сказке о Командитхен* тесто, из которого Командитхен решает испечь себе принца, по составу напоминает тесто, из которого готовятся традиционные франкфуртские бренты, или брэнды (Ibid.: 256).

Ингредиенты для него во многом повторяют товары торгового дома Брентано, о которых говорилось выше, некоторые из которых вызывают курьезные ошибки немецких комментаторов, например, значение выражения «indianische Vogelneest» объясняется как «гнездо индейки» («Truthahnneest») (BRENTANO 2002: 1117), хотя имеются в виду «ласточкины гнезда», использовавшиеся как лакомство (NORRMANN 1805: 870–872, PIERER 1859: 853) и входившие в ассортимент товаров, поставляемых торговым домом Брентано (BANKEN 2016: 43).

В культурном трансфере, осуществляемом Брентано, исходной культурой явилась итальянская (а точнее — неаполитанская) культура XVII в., а целевой культурой — *современная* автору *Итальянских сказок* немецкая культура XIX в.

При трансфере в немецкую культуру сюжета, разработанного в итальянской литературе сначала в сказке Джованни Франческо Страпаролы *Три брата-бедняка, странствуя по свету, стали несметно богатыми* из сборника новелл *Приятные ночи*, а затем и в сказке Базиле *Пять сыновей*, Брентано переносит его в современный контекст конкурирующих литературных тенденций, обыграв в названии сказки *Das Märchen von dem Schulmeister Klopstock und seinen fünf Söhnen* имя писателя Фридриха Готлиба Клопштока, автора *Мессиады*. Немецкий исследователь Хайнц Рёллеке даже трактует сказку как аллгорию романтизма, покидающего «отца Клопштока», который ничему не способен научить (RÖLLEKE 1977). В этой сказке появляется и Король Ночных Стражей, прототипом которого был литературный противник гейдельбергских романтиков Иоганн Генрих Фосс.

Помимо литературных аллюзий в текстах сказок есть и отсылки к историко-политическим событиям и другим реалиям современности. Например, в *Сказке о Гокеле и Хинкель* отставка Гокеля вызывает ассоциации с отставкой министра Генриха Фридриха Карла барона фом унд цум Штейна (1757 — 1831) в 1807 г., его возвращение в правительство, а затем вынужденное бегство из страны (BRENTANO 1975ff/18.4: 124–126). В *Сказке об Остолопе* отражается увлечение французской модой, уступающее место предпочтению национальной одежды как символа национального единства в борьбе с Наполеоном.

Как это все соотнобруется с Базиле и сказочным жанром? Целевая аудитория *Итальянских сказок* заявлена как детская,

однако сказки Брентано не являются адаптациями для детей сюжетов *Пентамерона*, хотя он значительно очищает заимствованные сцены от эротических намеков и вульгаризмов, заменяя низовой юмор романтической иронией, и постепенно усиливая их христианскую основу. Христианская концепция «детскости» (Мф. 18: 3) выражена наиболее отчетливо в *Сказке о Гокеле и Хинкель*, в финале которой все участники превращаются в прекрасных радостных детей.

Один из уровней культурного трансфера связан с «онемечиванием» отсылки к *народному* творчеству, в том числе, *сказочного* жанра. Обращение к народному творчеству, широко представленное в сказках Базиле, сохраняется и у Брентано, при этом в его сказки вводятся отсылки к *немецким* народным произведениям. Например, песня «Willwischen! liebstes Willwischen mein!» в *Сказке о бароне фон Кусопфрыге* — переименованная народная песня «Laurentia, liebe Laurentia mein». Ряд отсылок *опосредован* включением этих текстов ранее в *Волшебный рог мальчика*. Например, в стихотворении *Ульфрх и Анхен* («Ulfrich und Aennchen»), вошедшем сначала в сборник народных песен Гердера, а затем и в *Волшебный рог мальчика* (BRENTANO 1975ff/6: 266–268) содержится ряд мотивов, перенесенных в *Сказку о Фанфферлихзен Прекрасноножке*. В сказках Брентано обращается к своей целевой аудитории — читателям *Волшебного рога мальчика*.

Сказки (вообще, а не конкретно итальянского цикла Брентано) изначально мыслились как продолжение сборника *Волшебный рог мальчика* (Brentano 1975ff/8: 347–348). По заказу Арнима и Брентано братья Гримм и начинают собирать сказки (RÖLLEKE 2001: 139–142; BUNZEL 2013: 277–281), издавшие затем свое собрание как *Детские и домашние сказки* (1812/1815). В октябре 1810 г. братья Гримм переслали Брентано по его просьбе около 50-ти собранных ими сказок, составивших так называемую *Эленбергскую рукопись* (ГРИММ 1988).

Исследователи неоднократно отмечали, что

«Брентано решительно расходился с Гриммами во вкусах и принципах» и у Брентано «сказка стала предметом артистической игры» (БЕРКОВСКИЙ 2001: 347),

однако утверждать, что «игра Брентано в том, что вас ожидают нули и нули» (Ibid.: 351) или сводить все к тому, что Брентано «брал какой-нибудь известный сказочный сюжет и украшал его

цветами собственной фантазии» (КАРЕЛЬСКИЙ 2007: 247) представляется не вполне корректным, поскольку сказки Брентано не просто «продукт фантазии», и у Базиле он заимствует не просто сюжетные основы, но и сам принцип организации текста. В этом смысле его сказки несомненно отличались от сказок братьев Гримм, несмотря на то, что сегодня их фольклорная, а не литературная форма ставится под сомнение (EWERS 2013).

В письме Арниму в 1813 г. Брентано противопоставляет концепцию сказок Базиле недавно вышедшим сказкам братьев Гримм, которые он критикует. «Базиле в своем «Пентамероне, или сказке сказок», — пишет Брентано, — не просто объединяет сказки повествовательной рамой, но и украшает их разными элегантными реминисценциями и даже петраркистскими стихами» (BRENTANO 1975ff/33: 11). Брентано сохранил и усилил то, за что он ценил *Пентамерон* (литературность, интертекстуальность), насытив свои сказки самыми разнообразными аллюзиями, образующими целую сеть, многоуровневую систему.

При этом Брентано заменяет аллюзивную систему сказок Базиле новой аллюзивной системой. У Базиле наиболее часто встречаются отсылки к античной культуре: к персонажам античной мифологии, сочинениям древнегреческих (Геродот, Гесиод, Эзоп) и древнеримских авторов (Овидий, Вергилий, Плавт, Плиний Старший) и итальянской литературе (Петрарка, Тассо, Боярдо, Ариосто, Дж. Ч. Кортесе, Я. Саннадзаро, Н. Франко, Д. Буркьелло, Дж. Б. Гварини, сказки Страпаролы).

Встречаются у Базиле и отсылки к библейским текстам; существует даже мнение, что в его сказках есть религиозный подтекст. Однако в сказках Брентано он становится более явным, возникают множественные отсылки к Библии и духовной литературе. Тенденция к христианизации сказок особенно усиливается после религиозного обращения Брентано, в поздних редакциях сказок.

Аллюзивная система Брентано включает отсылки к средневековым сюжетам (например, древнегерманским эпосам *Песнь о Хильдебранде* и *Песнь о Нибелунгах* в *Сказке об Остолопе*, житиям святой Урсулы и святой Геновевы в *Сказке о Фанферлизхен Прекрасноножке*); немецкой литературе XVII в. (например, отсылки к Симплициссимусу Гриммельсгаузена в *Сказке о бароне фон Кусофрыге*, *Сказке об Остолопе* и особенно в *Сказке об учителе Клопштоке и пятерых его сыновьях*, там же — отсылки к духовной лирике

лютеранского теолога Пауля Герхардта, стихотворениям Кристиана Вейзе и другим текстам).

В это аллюзивное пространство встраиваются и немецкие сказки из коллекции братьев Гримм. Не только те, которые Brentano стали известны до публикации *Детских и домашних сказок* из *Эленбергской рукописи* — *Терновая роза* («Dornröschen»), *Славный пластырь* («Das gute Pflaster») — или независимо от нее, как *Принцесса с вошкой* («Prinzessin mit der Laus»), краткие записи которой Brentano делал еще до 1810 г. (GRIMM 2010: 515). В *Итальянских сказках* есть и сюжетные пересечения с *Детскими и домашними сказками*: *Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка* («Von dem Tischgendeckdich, dem Goldesel und den Knüppelinden Sack», публ. 1812), *Ференанд Верный и Ференанд Неверный* («Ferenand getrü un Ferenand ungetrü») и *Верные звери* («Die treuen Tiere») (публ. 1815), *Четверо умелых братьев* («Die vier kunstreichen Brüder»), из второго издания сказок 1819 г. Если изначально коллекция братьев Гримм могла быть дополнительным сюжетным источником сказок Brentano, то после публикации *Детских и домашних сказок*, она занимает свою аллюзивную нишу в сказках Brentano, способствуя культурному трансферу, отчасти опосредуя его. Благодаря Brentano и Карлу Людвигу Фернову (1763 — 1808), братья Гримм заинтересовались и сказками Базиле. В *Детских и домашних сказках* они указывают на сюжеты, заимствованные ими у Базиле, и во втором томе второго издания пересказывают его *Пентамерон* (MESSERLI 2013: 27–36).

В 1846 г. почти одновременно были опубликованы и сказки Brentano, и *Пентамерон* Базиле в переводе на немецкий язык Феликса Либрехта с предисловием Якоба Гримма (BASILE 1846), поэтому немецкий читатель имел возможность сравнить сказки Brentano с их сюжетным источником.

4. Заключение

Итальянские сказки Brentano, изначально ориентированные на основной источник — *Пентамерон* Джамбаттисты Базиле — все больше удаляются от него и вырастают в немецкую культурную почву. Достигается это за счет изменения аллюзивного пространства сказок. В процессе культурного трансфера сюжетная основа, заимствованная из сборника сказок Джамбаттисты Базиле *Пентамерон*, подверглась значительным изменениям, наращиванию смыслов. Для этого Brentano вводит в *Итальянские сказки* систе-

му аллюзивных отсылок 1) к средневековой и народной культуре, составляющей фундамент, основу немецкой национальной культуры; при этом обрабатываются сюжеты сказок Базиле, пересекающиеся с мотивами сказок из собрания братьев Гримм; 2) к немецкой культуре XVII в., современной Базиле; 3) к современной Брентано истории, культуре, литературе; 4) к местным реалиям — топонимике, франкфуртской кухне; 5) к биографии самого Брентано. Обращение к немецкой средневековой и барочной культуре способствует не только трансферу сказочных сюжетов из итальянской культуры в культуру немецкую, но и усилению христианского элемента как «духовного кода» сказок для католических детей, что стало особенно значимым для Брентано после его религиозного обращения в 1817 г.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

- Аверинцев С. С.* Поэзия Клеменса Брентано // Аверинцев С. С. Поэты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 277—307. [Averintsev, Sergey S. (1996) *Poeziya Klemensa Brentano* (The Poetry of Clemens Brentano). In Averintsev, Sergey S. *Poety* (Poets). Moscow: LRC Publishing House, 277—307. (In Russian)].
- Базиле Д.* Сказка сказок, или Забава для малых ребят / пер. П. Епифанова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. [Basile, Giambattista. (2018) *Skazka skazok, ili Zabava dlya malykh rebyat* (The Tale of Tales, or Entertainment for Little Ones). Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. (In Russian)].
- Ботникова А. Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. [Botnikova, Alla B. (2003) *Nemetskiy romantizm: dialog khudozhestvennykh form* (German Romanticism: Dialogue of Art Forms). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гримм Я., Гримм В.* Сказки. Эленбергская рукопись 1810 с комментариями / пер. А. Наumenко. М.: Книга, 1988. [Grimm, Jakob, & Grimm, Wilhelm. (1988) *Skazki. Elenbergskaya rukopis' 1810 s kommentariyami* (Fairy Tales. The Ellenberg Manuscript of 1810 with Commentaries). Moscow: Book. (In Russian)].
- Гронская О. Н.* Лингвистические средства реализации образа автора в текстах немецких романтических литературных сказок (В. Гауфф, Э. Т. А. Гофман, К. Брентано): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Л.: Ленинградский пед. ин-т, 1987. [Gronskaya, Olga N. (1987) *Lingvisticheskiye sredstva realizatsii obraza avtora v tekstakh nemetskikh romanticheskikh literaturnykh skazok* (Linguistic Means of Realization of the Author's Image in the Texts of German Romantic Fairy Tales). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].

- sation of the Author's Image in the Texts of German Romantic Literary Fairy Tales (W. Hauff, E. T. A. Hoffmann, C. Brentano)). PhD thesis in Philology. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. (In Russian)].
- Жирмунский В. М.* Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М.: С. И. Сахаров, 1919. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1919) *Religioznoye otrecheniye v istorii romantizma. Materialy dlya kharakteristiki Clemensa Brentano i heidel'bergskikh romantikov.* (Religious Renunciation in the History of Romanticism. Materials for the Characteristics of Clemens Brentano and the Heidelberg Romanticism). Moscow: S. I. Sakharov Publishers. (In Russian)].
- Карабегова Е. В.* Немецкая романтическая волшебнo-фантастическая повесть и ее развитие от йенских романтиков к Э. Т. А. Гофману: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: Московский гос. ун-т, 1984. [Karabegova, Yelena V. (1984) *Nemetskaya romanticheskaya vol'shebno-fantasticheskaya povest' i eyo razvitiye ot ienskikh romantikov k E. T. A. Hoffmannu* (German Romantic fairy tale and its development from the Jena Romanticism to E. T. A. Hoffmann). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Карельский А. В.* Гейдельбергский романтизм // Карельский А. В. Немецкий Орфей. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. С. 231—252. [Karel'skiy, Albert V. (2007) *Heidel'bergskiy romantizm* (Heidelberg Romanticism). In Karel'skiy, Albert V. *German Orpheus.* Moscow: Russian State University for the Humanities, 231—252. (In Russian)].
- Кашафутдинова З. М.* Образы итальянцев в романе «Годви» Клеменса Брентано // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 293. [Kashafutdinova, Zoya M. (2012) *Obrazy ital'yantsev v romane «Godvi» Klemensa Brentano* (Images of Italians in the Novel “Godwi” by Clemens Brentano). *Modern Problems of Science and Education*, 4, 293. (In Russian)].
- Мустафаева А. Х.* Проблема перевода имен собственных в сказках Клеменса Брентано // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического ун-та. Серия: Филология. История. 2020. № 2. С. 49—55. [Mustafaeva, Anastasiya Kh. (2020) *Problema perevoda imyon sobstvennykh v skazkakh Klemensa Brentano* (The Problem of Translation of Proper Names in Clemens Brentano's Fairy Tales). *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University*, 2, 49—55. (In Russian)].
- Скопенко А. Г.* Романтическая сказка Клеменса Брентано: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ле-

нина, 1977. [Skopenko, Lyudmila G. (1977) *Romanticheskaya skazka Clemensa Brentano* (Romantic Fairy Tale of Clemens Brentano). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State V. I. Lenin Pedagogical Institute. (In Russian)].

- Стадник Е. А. Языковые интерпретации авторских характеристик В. Гауффа, Э. Т. А. Гофмана и К. Брентано в немецких литературных сказках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. [Stadnik, Yelena A. (2004) *Yazykovye interpretatsii avtorskikh kharakteristik V. Gauffa, E. T. A. Gofmana i K. Brentano v nemetskikh literaturnykh skazkakh* (Linguistic Interpretations of the Author's Characteristics of W. Hauff, E. T. A. Hoffmann and C. Brentano in German Literary Fairy Tales). PhD thesis in Philology. Krasnodar: Kuban State University. (In Russian)].
- Arnim, Ludwig Achim von. (2011) Werke und Briefwechsel. In *Historisch-kritische Ausgabe* (Weimarer Arnim-Ausgabe). In 40 Bd. Bd. 32. Briefwechsel III (1805—1806) Teil 1. Berlin; Boston: Gruyter.
- Banken, Ralf. (2016) Viel mehr als Pomeranzen und Zitronen. Italienische Handelshäuser im Rhein-Main-Gebiet des 19. Jahrhunderts. In *Die Brentanos. Eine romantische Familie?* Frankfurt/M.: Heinrich Druck + Medien GmbH, 33—57.
- Basile, Giambattista. (1846) *Der Pentamerone*. Aus dem neapolitanischen übertragen von Felix Liebrecht. Nebst einer Vorrede von Jacob Grimm. In 2 Bd. Breslau: Josef Max und Komp.
- Basile, Giambattista. (2007) *The tale of tales, or, Entertainment for little ones*. Includes bibliographical references and index. Trans. by Nancy L. Canepa. Michigan: Wayne State University Press.
- Brentano, Clemens. (1827) Mitteilungen aus einer ungedruckten Märchensammlung. Mirtenfräulein. *Iris. Unterhaltungsblatt für Freunde des Schönen und Nützlichen*, I, 46—47, 49—51, 53—55.
- Brentano, Clemens. (1838) *Gockel, Hinkel, Gakeleja. Märchen, wieder erzählt von Clemens Brentano*. Frankfurt/M.: Schmerber.
- Brentano, Clemens. (1846/1847) *Die Märchen des Clemens Brentano. Zum Bes- ten der Armen nach dem letzten Willen des Verfassers herausgegeben von Guido Görres*. In 2 Bd. Stuttgart und Tübingen: Cottaischer Verlag.
- Brentano, Clemens. (1911) Das Märchen vom “Fanferlieschen” in seiner ursprünglichen Fassung. Mitgeteilt von Alphons M. von Steinle. *Der Gral*, 6. Jahrgang.
- Brentano, Clemens. (1975ff) *Sämtliche Werke und Briefe* (Frankfurter Brentano-Ausgabe). In Frühwald, Wolfgang, & al. (eds) *Historisch-kritische Ausgabe, veranstaltet vom Freien Deutschen Hochstift*. Stuttgart: Reclam.
- Brentano, Clemens. (2002) Rheinmärchen. Italienische Märchen. Spätfas-

- sungen. In Frühwald, Wolfgang, & Kemp, Friedhelm. (eds) *Clemens Brentano. Werke*. In 4 Bd. Bd. 3. München. [3. Aufl.]
- Brentano, Clemens. (2009) *Brentano-Bibliographie*. Retrieved from: <https://freies-deutsches-hochstift.de/assets/downloads/brentano-bibliographie-update-februar-09.pdf>.
- Bunzel, Wolfgang. (2013) „Erzählung, (aus Treue)“ vs. „freies Auffassen“. Divergierende Konzeptionen des „romantischen“ Märchens bei Clemens Brentano. In Pecher, Claudia Maria. (ed.) *Märchen — (k)ein romantischer Mythos? Zur Poetologie und Komparatistik von Märchen*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 277—293.
- Bunzel, Wolfgang. (2015) Kooperation und Konkurrenz — oder: Das Ende einer Freundschaft. Clemens Brentano und die Brüder Grimm im auktorialen Wettstreit um das ‚romantische‘ Märchen. In Ehrhardt, Holger, & Ewers, Hans-Heino. (eds) *Märchen, Mythen und Moderne. 200 Jahre Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*. Frankfurt/M.; Bern; Wien: Peter Lang, 51—64.
- Bunzel, Wolfgang. (2018) Die unendliche Geschichte. Clemens Brentanos Märchenzyklen. In Kleinschmidt, Christoph, & Japp, Uwe. (eds) *Der Rahmenzyklus in den europäischen Literaturen. Von Boccaccio bis Goethe, von Chaucer bis Gernhardt*. Heidelberg: Carl Winter, 127—153.
- Ewers, Hans-Heino. (2013) Grimms Märchen — ein romantischer Mythos. Die Kinder- und Hausmärchen im Kontext der europäischen Märchenovellistik. In *Märchen — (k)ein romantischer Mythos? Zur Poetologie und Komparatistik von Märchen*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 5—20.
- Florak-Kröll, Christina. (1996) „Als ob wir zum Ideal Zögen“. Deutsche Künstler in Italien. In *Italien — Künstlertraum der Goethezeit*. Gelsenkirchen: Arachne, 8—34.
- Formica, Maura. (1988) Das Märchen im Märchen. Zur Rezeption von Gian Battista Basiles Pentamerone in Clemens Brentanos Italienischen Märchen. *Colloquium Helveticum*. 7, 81—94.
- Gajek, Bernhard. (1971) *Homo poeta. Zur Kontinuität der Problematik bei Clemens Brentano*. Frankfurt/M.: Athenäum.
- Gajek, Bernhard. (1974) *Clemens und Christian Brentanos Bibliotheken. Die Versteigerungskataloge von 1819 und 1853. Mit einem unveröffentlichten Brief Clemens Brentanos*. Heidelberg: Carl Winter.
- Grimm, Jakob, & Grimm, Wilhelm. (2010) *Kinder- und Hausmärchen*. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. In 3 Bd. Bd. 3. Stuttgart: Reclam.
- Mallon, Otto. (1926) *Brentano-Bibliographie (Clemens Brentano, 1778 bis 1842)*. Berlin: S. Martin Fraenkel.
- Messerli, Alfred. (2013) Die frühe Rezeption Giambattista Basiles *cunto de li*

- cunti oder des Pentamerone im deutschen Sprachgebiet. In *Märchen — (k)ein romantischer Mythos? Zur Poetologie und Komparatistik von Märchen*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 21—36.
- Niebergall, Rainer. (2016) Peter Anton Brentano (1735 — 1797). Vom Nürnberger Hof zum Goldenen Kopf. In Heidenreich, Bernd; Brockhoff, Evelyn; Bohnenkamp-Renken, Anne, & Bunzel, Wolfgang. (eds) *Die Brentanos. Eine romantische Familie?* Frankfurt/M.: Heinrich Druck + Medien GmbH, 61—92.
- Norrmann, Gerhard Phillipp Heinrich. (1805) *Waarenlager, oder Wörterbuch der Produkten- und Waarenkunde*. Bd.1. Hamburg: Bohn.
- Pierer, Heinrich August. (1859) *Pierer's Universal-Lexikon*. Bd 8. Altenburg: Verlagsbuchhandlung von H. A. Pierer.
- Richter, Dieter. (1986) Brentano als Leser Basiles und die italienische Übersetzung des „Cunto de li cunti“. *Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts*, 234—241.
- Riley, Helene M. Kastinger. (1985) *Clemens Brentano*. Stuttgart: Metzler.
- Rölleke, Heinz. (1977) Brentanos „Märchen von dem Schulmeister Klopstock“ als literarhistorische Allegorie. *Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts*, 292—308.
- Rölleke, Heinz. (2001) Die Märchen der Brüder Grimm und C. Brentanos — Zusammenhänge, Gemeinsamkeiten und Unterschiede. *Formes du Récit dans la première moitié du XIXe siècle*, 136—148.
- Rührig, Wilhelmine. (2010) *Praktisches Frankfurter Kochbuch, enthaltend 1093 auserlesene Kochrecepte, für vornehme und bürgerliche Küchen*. Frankfurt/M: Edition Museum für Tafelkultur. [Reprint. Erstaufll. 1856]
- Schmeer, Hans. (1926) *Der Begriff der „schönen Seele“, besonders bei Wieland und in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts*. Berlin: Emil Ebering.
- Schultz, Hartwig. (ed.) (1993) *Clemens Brentano (1778 — 1942). Zum 150. Todestag*. Bern: Peter Lang.

Anzhelika I. Vaskinevich
Immanuel Kant Baltic Federal University

Cultural Transfer in Clemens Brentano's *Italian Fairy Tales*

The Italian-German cultural transfer became one of the important trends in intercultural interaction in the 19th century. The case of Clemens Brentano is interesting because the writer himself came from an interethnic family. In the process of cultural transfer, the plot basis, borrowed from the collection of fairy tales by Giambattista Basile *Il Pentamerone*, underwent significant changes, increased meanings, and transplanted onto German culture. For this purpose, Clemens Brentano creates in his *Italian Fairy Tales* a system of allusive references to German culture of the 17th

century, to baroque spiritual lyrics, to earlier culture — the legends of St. Ursula and St. Genoveva, to root the plots in the German Catholic tradition, to German folk tales from the collection of the Brothers Grimm, to literature contemporary with Brentano, culture and numerous realities of the 19th century, as well as to the biographical context.

Keywords: Clemens Brentano; German Romanticism; literary fairy tale; allusion; cultural transfer

Для цитирования:

Васкиневич А. И. Культурный трансфер в *Итальянских сказках* Клеменса Брентано // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 367—384.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-367-384.

To cite this Article:

Vaskinevich, Anzhelika I. (2022) Kul'turnyy transfer v *Ital'yanskikh skazkakh* Klemensa Brentano (Cultural Transfer in Clemens Brentano's *Italian Fairy Tales*). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 367—384. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-367-384.

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 29.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

А. Л. Вольский
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

МНОГОЛИКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

В основе созданного модернизмом немецкого национального мифа лежит представление о дуализме немецкой души и дуализме самой Германии, раздвоенной между реальностью и идеалом, или, по Томасу Манну, между политикой и музыкой. В статье рассматриваются некоторые яркие примеры интерпретации немецкого национального мифа, анализируется проблема его генезиса, становления и кризиса, проводится сопоставление с понятийной парой «культура и цивилизация». Заключительная часть статьи посвящена интерпретации немецкого национального мифа в докладе Манна *Германия и немцы* (1945), содержащей критику идеи двух Германий.

Ключевые слова: национальный миф; Германия; культура; цивилизация; самоуглубленность; искусство

1. Структура немецкого национального мифа, его генезис и становление

Лейтмотивом рассуждений немцев о своей национальной идентичности является тезис о ее неопределимости, что побуждает их к постоянному самоанализу. Ф. Ницше говорит: «Характеристичен для немцев тот факт, что их вечно занимает вопрос: «что такое немецкое?» (Ницше 1990: 363). Спустя почти полвека, в годы Веймарской республики, Г. Бар записывает в дневнике:

«Немец, похоже, окончательно свихнулся на свой собственной сущности, которая якобы должна исцелить весь мир,¹ он больше не доверяет своей интуиции и всех донимает вопросом, что такое немецкое» (ВАНР 1925: 78).

Уже в силу срединного географического положения и происхождения, будучи продуктом «чудовищного смешения и скрещивания рас», немцы, полагает Ницше, являются

«по натуре более непостижимыми, более широкими, более проти-

¹ Фраза из стихотворения Э. Гейбеля *Немецкое призвание* (1861) «Am deutschen Wesen mag die Welt genesen» стала политическим лозунгом немецких националистов.

воречивыми, менее известными, труднее поддающимися оценке, более поражающими, даже более ужасными, нежели другие народы в своих собственных глазах, — они ускользают от определения и уже одним этим приводят в отчаяние французов» (НИЦШЕ 1990: 363).

Корень этой неопределимости в романтической бесконечности и универсализме немецкой души, которая, если рассматривать ее логически, предстает как парадокс и антиномия, проявляющиеся в вечном колебании между высоким и низким, плотским и духовным, сознательным и бессознательным, природой и культурой, добром и злом, национализмом и космополитизмом, гуманизмом и варварством.

Одним из самых известных исследований на эту тему в XX в. стала вышедшая в 1937 г. в Швейцарии книга немецкого культуролога Эриха Калера *Немецкий характер в истории Европы*, высоко оцененная современниками, в частности Т. Манном. В ней Калер так говорит об амбивалентности немцев:

«Они замкнуты и общительны, покорны и мятежны, миролюбивы и задиристы, педантичны и восторженны, простосердечны и вероломны, легковёрны и недоверчивы» (КАЛЕР 1937: 29f.).

Немецкая душа никогда не стоит на месте, она всегда в движении от одного полюса к другому и оттого не поддается четкой фиксации. Вот почему вопрос «что такое немецкое?» Ницше предлагает заменить вопросом «что такое *сейчас* немецкое?» (НИЦШЕ 1990: 364), потому что определение немецкой идентичности всегда обусловлено временем и изменчиво.

Дуализм воспринимался немцами и как проблема, и как стимул к развитию. Развитие, изменение, становление, продолжает Ницше, в том же фрагменте, суть идеи, которыми немцы обогатили человечество (Ibid.). Если далее под развитием понимать синтез противоположностей, то самые великие достижения немцев в области культуры — диалектику Гегеля, контрапункт Баха, светотень Рембрандта, музыкальные драмы Вагнера — можно считать не просто духовными прозрениями, а синтетическими формами осознания немцами собственной противоречивой сущности, иными словами, самопознанием.

Мифологеме раздвоенной немецкой души соответствует и немецкий национальный миф, в основании которого лежит противопоставление двух Германий — реальной и идеальной, дей-

ствительной и духовной, или, по выражению историка идей Ф. Мейнеке, двуединства немецких наций — политической и культурной («Staatsnation und Kulturnation») (MEINECKE 1908) Мейнеке сформулировал данную оппозицию в XX в., но осознала она была еще на заре модернизма, маркируя его начало. Так, Шиллер в *Ксениях* противопоставляет «ученую», т. е. духовную Германию политической и подчеркивает их несовместимость:

Deutschland, aber wo liegt es? Ich weiß das Land nicht zu finden.
Wo das Gelehrte beginnt, hört das Politische auf. (SCHILLER 1962: 267).

Идея немецкого дуализма была воспринята и развита романтиками. И хотя Генрих Гейне на излете романтической эпохи уже подсмеивается над ней, тем не менее даже он ее не отвергает:

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем.
Зато в воздушном царстве грез
Мы с кем угодно поспорим.
Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.
Как жалко ползают по земле
Все нации другие! (ГЕЙНЕ 1971: 439).

В 1915 г. немецкий филолог Норберт фон Хеллинграт произнес в Мюнхене речь под названием *Гёльдерлин и немцы*, ставшую одним из самых ярких манифестов немецкой национальной идентичности XX в.

Центральное значение для Хеллинграта имеет идея двух Германий. Первая Германия — это Германия Гёте. Немцы известны всему миру как «народ Гёте». Но Гёте олицетворяет лишь «внешнюю», «экзотерическую» Германию. Внутри Германии — Гёте, в ее внутреннем ядре, живет и другая Германия, неизвестная не только остальному миру, но и большинству самих немцев — это Германия Гёльдерлина. Внутренней формой этой Германии является не бытие, а становление, не настоящее, а будущее. Эту Германию Хеллинграт называет «*geheimen Deutschland*» («тайной Германией»), а ее народ — «народом Гёльдерлина» (HELLINGRATH 1922: 10–42).

Происхождению идеи двух Германий давались разнообразные толкования. Социологи объясняли ее внешними причинами: политической раздробленностью и экономической отсталостью Германии, вызванной, в первую очередь, последствиями

Тридцатилетней войны XVII века, который Г. Плеснер называет «упущенным столетием» («das versäumte Jahrhundert»).

Согласно Плеснеру, эта война затормозила политическое развитие страны, сделав немцев «опоздавшей нацией» («die verspätete Nation») (PLESSNER 1959). Те демократические реформы, которые в эпоху Просвещения были подготовлены и проведены в передовых странах Европы, так и не были осуществлены в Германии. Вот почему созданная Бисмарком в 1871 г. Германская империя представляла собой причудливое и опасное сочетание архаических форм государственности, полуфеодального общественного устройства с передовыми достижениями научно-технического прогресса (Ibid.: 94).

Поражение в Первой мировой войне, полагает Норберт Элиас, отбросило Германию к истокам ее государственности, по сути, в XVII век, когда на ее территории хозяйничали иностранцы, заставив немцев заново пережить чувство глубочайшего национального унижения. Веймарская республика не смогла залечить психологическую травму войны, что дискредитировало демократическую идею и подтолкнуло немцев искать выход из политической и экономической депрессии в архаической, нецивилизованной форме социальной жизни, коей и стал немецкий фашизм (ELIAS 2005).

Но ведь можно рассуждать и иначе: экономическое и политическое запаздывание Германии есть обратная сторона ее специфической духовности. «Все быстротечное — символ, сравнение», говорит Гёте. Для немца весь внешний миропорядок — политическая система, общественный строй, социальные учреждения и т. п. — изначально представлял собой нечто вторичное, несовершенное, подобие мира внутреннего.

Сущность этой духовности описывается специфическим и многозначным понятием «самоуглубленность» («Innerlichkeit»), обозначающим всю совокупность феноменов внутренней жизни человека. Это понятие, введенное Ф. Г. Клопштоком в язык немецкой культуры, стало в XVIII — XX вв. обобщенной характеристикой национальной немецкой ментальности, получив название «немецкая самоуглубленность» («deutsche Innerlichkeit») (CHRISTOFFEL 1940).

Истоки этого понятия следует искать в средневековой немецкой мистике, в частности, у Майстера Экхарта, который ввел в

немецкое богословие и философию такие, характеризующие бытие Бога и религиозную жизнь человека понятия, как «отрешенность» («Abgeschiedenheit»), «смирennemудрие» («Gelassenheit»), «внутренний человек» («innerer Mensch»), «дно души» («Seelengrund»), «искра» («Funken») и др., которые предопределили вектор развития немецкой культуры как культуры по преимуществу внутренней и индивидуальной. От Экхарта через богословие Лютера, мистику барокко и пиетизм эти идеи перешли в философию и литературу, обретя свое высшее воплощение в немецкой философии, романтизме, немецкой музыке (Гучинская 2001: 24–27).

Поэтому вопреки всем политическим катастрофам, которыми была так богата история Германии, немцы не переставали верить в гуманистическую миссию национальной культуры. Достаточно вспомнить такие ключевые тексты немецкой культуры, как *Немецкое величие* Ф. Шиллера, *Речи о немецкой нации* И. Г. Фихте, *Песнь немца* Ф. Гёльдерлина, чтобы оценить то значение, которое в Германии уделялось идее внутреннего мира и специфически немецкого «пути внутрь» (BOLLNOW 1953):

«Мы грезим о путешествиях во Вселенной, не в нас ли Вселенная? Богатства нашего духа нам неведомы. — Внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами, прошлое и будущее» (НОВАЛИС 2014: 88).

Природа самоуглубленности — эстетическая по преимуществу. Не будучи удовлетворен миром объективным, не находя в нем для себя места, немец, как Гётевский Вертер, уходит в себя и открывает, а точнее созидает свой собственный мир — художественный, для которого внешний мир — это только подсобный материал, исходная точка для создания мира эстетического.

2. Немецкий национальный миф в контексте оппозиции культуры и цивилизации

Одной из ближайших вариаций антитезы двух Германий является типично немецкое противопоставление культуры и цивилизации, которое, начиная с Канта, красной нитью проходит через всю историю немецкого модернизма. Эта антитеза возникла в среде бюргерской интеллигенции и стала основой ее социально-культурной легитимации (ELIAS 2005: 34–56).

Все внутреннее, животворное, творческое, возвышенное, истинно духовное и религиозное принадлежит культуре, все внешнее, механическое, поверхностное, профанное, подража-

тельное, техническое, омертвелое — цивилизации. Человек культуры — это внутренний человек, формирование которого должно стать главной целью образования. На воспитание такого человека была направлена реформа немецкого университета, у истоков которой стояли И. Кант и В. фон Гумбольдт (BORCHMEYER 2019: 678–726).

«Образование и развитие личности — это элементы культуры, в то время как чисто практические и технические вещи относятся к области цивилизации» (HUMBOLDT 1994: 30).

Для обретения смысла жизни стремиться нужно к культуре, в то время как цивилизацией при всей ее полезности и практичности можно пренебречь. Культура естественна, она — дитя природы, цивилизация — порождение (порочного) общества. Кант говорит, что «наука и искусство — это культура, а всякого рода вежливость и учтивость, внешняя пристойность относятся к цивилизации», и сетует на то, что современное общество плохо отличает одно от другого (КАНТ 1966: 18).

Искони Германия считала себя страной культуры, а воплощением цивилизации — романский мир, прежде всего Францию. Антитезой немецкой культуры и французской цивилизации открывается программное эссе Рихарда Вагнера *Немецкое искусство и немецкая политика*, написанное незадолго до франко-прусской войны (1868). Франция для Вагнера — страна цивилизации, т. е. бездуховного материализма, выборной демократии, финансовой олигархии, ставших симптомами европейского декаданса, преодолеть который призвана немецкая культура (WAGNER 1868).

Антитеза немецкой культуры и французской цивилизации особенно подчеркивалась во время Первой мировой войны. Так, в *Размышлениях аполитичного* Манн пишет:

«Немецкое, это культура, душа, свобода, искусство, а не цивилизация, общество, выборное право, литература» (МАНН 2015: 30).

Своего брата Генриха, который сочувствует Франции, он насмешливо называет «литератором цивилизации» (Ibid.: 49).

Если антитезу культуры и цивилизации спроецировать на сословные отношения, то ей будет соответствовать противопоставление бюргерства и дворянства. В отличие от Франции, где дворянство долгое время играло прогрессивную роль интеграционной общественной силы, дворянство в Германии всегда (ис-

ключение, возможно, составляет период 1870 — 1918 гг.) буржуазной интеллигенцией всегда воспринималось как политически реакционное и антинациональное.

В сфере культуры немецкая аристократия ориентировалась на Францию и подражала французским вкусам. К примеру, Фридрих Второй мог сколько угодно воевать с Францией, но одновременно, не видя в том никакого противоречия, насаждать в культуре вкусы французского классицизма, приглашать в Берлин французских ученых, писать письма и сочинения на французском языке. Таковую галломанию высшего общества немецкое бюргерство презирало и отрицало.

В отличие от блестящей французской или английской знати, из чьей среды вышло немало выдающихся ученых и поэтов, немецкая знать была за редким исключением малообразованной. Бездуховность высших слоев немецкого общества — одна из важных тем гётевского романа *Годы учения Вильгельма Мейстера*. Характерное высказывание на эту тему Гёте делает в разговоре с Эккерманом 23 октября 1828 г., когда речь заходит о великом герцоге Карле Августе: «Такая разносторонняя образованность, по-видимому, редко присуща августейшим особам», — предполагает Эккерман. «Крайне редко!» — подтверждает Гёте. — «Многие из них, правда, умеют искусно поддерживать беседу о чем угодно; но это не изнутри, они лишь скользят по поверхности, что, впрочем не удивительно, если принять во внимание, какая ужасная рассредоточенность и суэта свойственна придворной жизни...» (ECKERMAN 1999: 697–698).

Сословному (внешнему) аристократизму дворян бюргерское сознание противопоставляло внутренний аристократизм нравственности и творческой продуктивности. Этот социальный мотив становится лейтмотивом литературного творчества второй половины XVIII в. Мы встречаем его в *Эмили Галотти* Лессинга, в *Вертере* и *Торквато Тассо* Гёте, в *Коварстве и любви* Шиллера.

В шиллеровской драме *Разбойники* истинно германский герой и носитель бюргерской морали Карл Моор противостоит ловкому и галантному злодею, поборнику сословных привилегий Францу, само имя которого содержит недвусмысленный намек. У Гёте рыцарь-демократ Гец фон Берлихинген сражается против цивилизованного политика, епископа бамбергского, при дворе которого плетутся интриги на французский манер.

Противопоставление лицемерно-женственной цивилизации и простодушно-мужественной культуры — центральная тема шиллеровской *Перчатки* — подобные примеры можно множить.

Княжескому двору как антинациональному политическому центру власти среднее сословие противопоставило свой национальный центр — культурный. Им стал немецкий университет. В образованности бюргерство усматривало достойную альтернативу знатности, ибо в процессе образования человек, заново создавая свою личность, создает себе и новую (духовную) родословную и биографию.

Бюргерская культура самоуглубленности, таким образом, является той тайной, внутренней, духовной Германией, о которой говорилось выше. Напротив, «внешняя» Германия, сначала дворянская, а потом империалистическая и фашистская реализовывает себя в сфере политики и внешних сторон жизни.

«Истоки легитимации буржуазной интеллигенции XVIII века, — пишет Элиас, — основания ее самосознания и гордости находятся вне сферы политики. Они заключаются в том, что именно в Германии получило имя «чистого духа», — в книгах, в науке, религии, искусстве, философии, в обогащении внутреннего мира, в «воспитании» индивида...» (ELIAS 2005: 75).

3. Размышления о немецкой идентичности в докладе Томаса Манна *Германия и немцы*

Одним из самых ярких сюжетов на тему двух Германий является полемика между двумя политическими эмигрантами — Т. Манном и Б. Брехтом.

Концепция двух Германий получила свое развитие в годы фашизма, когда Германия как бы вновь разделилась. Одной ее частью стали немецкие эмигранты-антифашисты, считавшие себя представителями демократической и гуманистической, «доброй» Германии. Другой частью был так называемый Третий рейх, воплощавший политическое насилие и антигуманизм. Одна из главных интенций антифашистского сообщества состояла в том, что добрая Германия ничего общего не имеет с преступной Германией Гитлера. Так, в 1943 г. в Советском Союзе был создан Национальный комитет с характерным названием «Новая Германия» во главе с Эрихом Вайнертом. Вскоре подобный комитет возникает и в США, одним из активных участников которого был Брехт. Живя в Америке, Брехт активно участвовал в

работе «Свободного комитета», который должен был убедить союзников в существовании антифашистской, «другой Германии», которая сможет позаботиться о послевоенном устройстве страны. Будучи коммунистом и сторонником идеи классовой борьбы, Брехт искренно верил в невиновность большинства немцев, особенно рабочих и крестьян, которые, по его мнению, были просто обмануты Гитлером. Он и его единомышленники предлагали Манну, как наиболее авторитетному из всех немецких эмигрантов, вступить в эмигрантское движение и даже возглавить его. Это предложение Манн после некоторых колебаний и к большой досаде Брехта отклонил (BORCHMEYER 2019: 871–896).

Свою позицию Манн наиболее четко сформулировал в докладе *Германия и немцы* (1945), где он отвергает идею двух Германий. Его главный тезис звучит так:

«Нет двух Германий, доброй и злой, есть одна-единственная Германия, лучшие свойства которой под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла. Злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях и теперь стоящая перед катастрофой» (МАНН 1960: 324–325).

Несмотря на то, что у Манна имелись не только все формальные основания, но и полное моральное право выступать от имени «доброй» Германии и заклеить «злую» Германию, которая в свое время лишила его родины, дома и гражданства, он избрал иной ракурс рассмотрения. Он смотрит на Германию и немцев не глазами политического эмигранта, а глазами немецкого писателя.

Его знаменитые слова «Германия — там, где я», сказанные по прибытии в Нью-Йорк, были не громкой фразой вроде «Государство — это я», а реальностью трагического самоощущения великого художника, который даже при желании не может отделить свою личность от своего народа. Поэтому немецкий писатель, волею судьбы оказавшийся в стане торжествующих победителей, просто-напросто не имеет экзистенциальной возможности отречься от своей родины и заявить: «Я — добрая, благородная, справедливая Германия; смотрите, на мне белые одежды. А злую я отдаю вам на растерзание» (МАНН 1960: 325). Его размышления о судьбе Германии являются не критикой, но, говоря словами Ницше, самокритикой, иначе говоря, опытом самопознания.

Что же является тем лучшим немецким свойством, которое «под влиянием дьявольской хитрости превратилось в олицетворение зла»? Им является то, что для немцев было, как говорится, «дороже всех святых», та пресловутая немецкая самоуглубленность, породившая не только великую гуманистическую культуру Гёте, но и антигуманное варварство Гитлера.

Для доказательства своей мысли Манн предпринимает экскурс в историю немецкой самоуглубленности с целью ее ревизии и анализирует ее центральные духовные феномены: Реформацию — романтизм — музыку, внутреннюю проблематичность которых раскрывает.²

Главную антитезу немецкой идентичности он представляет как антитезу музыки и политики:

«В чем же состоит эта глубина, как не в музыкальности немецкой души, в том, что называют ее самоуглубленностью, иначе говоря, в раздвоении человеческой энергии на абстрактно-спекулятивный и общественно-политический элемент при полнейшем преобладании первого над вторым?» (Ibid.: 309).

У истоков немецкой самоуглубленности стоял великий религиозный реформатор Мартин Лютер, провозгласивший веру основой религиозной жизни, утвердивший принцип свободы совести и тем самым заложивший основы индивидуалистической, «фаустианской» культуры Германии и всего Запада.

Парадокс, однако, заключается в том, что Лютер понимал свободу исключительно как свободу религиозную, т. е. *внутреннюю*. Рассуждая о свободе *христианина*, он ничего не хотел знать о свободе *гражданина*. Равнодушие Лютера к политической свободе обнажила Великая крестьянская война, в которой он, открыто приняв сторону князей и требуя убивать восставших крестьян «как бешенных псов», дискредитировал идею политической демократии.

Создав немецкую культуру самоуглубленности, Лютер привил немецким интеллектуалам презрение ко всей сфере политической жизни, которая воспринималась как нечто мертвое,

² Здесь у Манна, безусловно, ощутимо влияние Достоевского. Доклад подготовлен в контексте работы над XXV главой романа *Доктор Фаустус*, темой которого является написанный под влиянием Достоевского разговор Адриана Леверкюна с чертом.

пошрое, недостойное порядочного человека, получив пренебрежительное прозвище «цивилизация».

Лютеровское понимание свободы как исключительно внутреннего феномена предопределило немецкое понимание свободы на века вперед. Принцип трансцендентализма, который впоследствии утвердил в этике Кант, был, по сути своей, лютеранским, ибо Кант, отстаивая принцип автономной воли, свободу политическую высоко не ставил.

Немец был лишен политических прав, как до объединения Германии, так и после него. Бисмарк, объединив Германию в мощную империю, был весьма далек от того, чтобы дать ее гражданам политические права. Немцы, превратившие Германию в грозивший всему миру бронированный кулак, внутри собственной страны продолжали оставаться бесправными:

«Закоренелый индивидуализм немцев по отношению к миру, к Европе, к цивилизации прекрасно уживался с удивительной внутренней несвободой, незрелостью, тупым верноподданничеством» (Ibid.: 314).

Все попытки цивилизовать немцев, в частности, привить им основы демократического государственного устройства терпели в Германии поражение — Крестьянская война 1525 года, освободительная война 1813 года, буржуазная революция 1848 года и, наконец, революция 1918 года, которая после хрупкой и кратковременной Веймарской республики завершилась фашистской диктатурой.

Другой высокой формой самоуглубленности был немецкий романтизм, посредством которого немецкий дух выступил против плоского материализма, самодовольного здравого смысла Просвещения, и который представлял собой, по выражению Манна, «бунт музыки против литературы» (Ibid.: 321), если понимать под литературой исключительно рационально-риторическое отражение реальности.

В эпоху торжества материализма и рационализма именно романтизм обратился к метафизической, демонической, стихийной стороне бытия, грезил о неорелигиозном синтезе и всеединстве мировой жизни, возвел творчество в ранг религиозной теургии, оправдал спонтанную страсть, раскрыл трансцендентную функцию болезни, привлек внимание ко всему запретному, что рационализм либо вовсе отрицал, либо трусливо игнорировал.

Однако, с другой стороны, романтизм, «обуянный гордыней жизни и смерти, пренебрег возможностью взять от Европы, от духа европейской веры в человека, европейского демократизма какие-нибудь полезные для себя истины» (Ibid.: 324).

Поэтому закономерно, что его политическим следствием, так сказать, «техническим» продолжением его идей, стала бронированная империя Бисмарка, ничего общего не имевшая ни с демократией, ни со свободомыслием, ни с республиканизмом и ввергшая Германию в Первую мировую войну.

Высшей формой самоуглубленности была немецкая музыка — самое прекрасное и высокое из того, что было создано немцами. Но характер немецкой музыки специфический. В Германии развивалась, в первую очередь, гармоническая, а не мелодическая музыка, инструментальная музыка всегда преобладала над музыкой вокальной, т. е. музыка абстрактная, чуждая внешнему миру, индивидуалистическая.

Но наряду с национальными особенностями немецкой музыки в самой музыке, в музыке как таковой, имеется двусмысленность: «Она точнее расчисленный порядок — и хаос первоизданности в одно и то же время» (МАНН 2015: 308–309).

В отличие от классическо-романтической эпохи, видевшей в музыке исключительно светлое и гуманистическое искусство, Манн, следуя за Ницше и Кьеркегором, настаивает:

«Музыка — область демонического. <...> Она есть христианское искусство с отрицательным знаком» (Ibid.: 309).³

Названные формы самоуглубленности характеризуют протест немецкой безмерности против всего конечного, ложного, плоского и пошлого, что было в жизни и культуре. Еще в *Размышлениях аполитичного* Манн со ссылкой на Достоевского говорит об извечном протестантизме немцев, которые еще задолго до Лютера, с победы в Тевтобургском лесу, были протестантами (Ibid.: 45).

В Средние века и Новое время именно немцы выступили против универсализма римского мира как универсализма ис-

³ Подробно эта тема развивается в романе *Доктор Фаустус*, в частности, в его XXV главе (разговор с чертом), которая образует художественный контекст доклада *Германия и немцы*, но и здесь речь идет об обольщении интеллекта демоническим хаосом музыки.

ключительно политического, в котором небесное было подчинено мирскому. С этим политическим универсализмом Рима немец никогда не мог и не желал примириться и всегда нападал на него. Следовательно, не только историческое лютеранство, но романтизм, немецкая философия, психоанализ и музыка стали формами немецкого протеста и выступления за более глубокое и правдивое понимание Бога и человека.

Однако в этом отрицании всего существующего, налично-данного, в том числе политически-общественного таилась и великая гордыня немца: под знаменем борьбы за высшую правду немецкий дух надменно бунтовал против мира Божьего, покарамазовски «возвращал билет».

А из этого следует, что, если свойственное немцу сверхчеловеческое отрицание конечного, т. е. слишком человеческого, иными словами, если его исконный протестантизм не примет форму преобразующего наличный мир искусства, а, отбросив высокие формы, наоборот, вступит в союз с архаическими силами, то он вырождается в дикое варварство, квинтэссенцией которого и стал немецкий фашизм. «Где высокомерие интеллекта соединяется с архаикой, там появляется черт» (МАНН 1960: 312).

Таков в общих чертах сценарий, приведший немецкую самоуглубленность от Лютера к Гитлеру. Но всегда ли Германия отвергала мир внешний, мир демократии, политического мужества и гражданской свободы?

Нет, не всегда. В ее истории, — напоминает Манн, — были и великие примеры гражданской солидарности и высокого сотрудничества. К их числу он причисляет Тильмана Рименшнейдера и говорит о нем: Рименшнейдер — набожный и искусный ваятель и резчик, создававший чудесные по красоте и изяществу деревянные фигуры, алтарные изображения, жил как и Лютер в XVI в. Не будучи вождем масс и демагогом, но идя на встречу настойчивым просьбам своих сограждан, он согласился стать членом городского магистрата. И когда крестьянское восстание 1525 года приблизилось к стенам его родного города Вюрцбург, он отказался выполнить приказ епископа о его подавлении. Ясно сознавая последствия этого решения, он тем не менее

«пожертвовал собственной свободой, безмятежностью своего существования во имя того дела, которое для него было выше искусства и душевного покоя» (Ibid.: 313).

После разгрома восстания власть имущие с лихвой с ним расквитались: Рименшнейдера бросили в тюрьму, истязали, ему изуродовали руки, и он не мог больше создавать свои прекрасные фигуры. «Рименшнейдеру, — говорит Манн, — «принадлежит вся моя любовь» (Ibid.: 313).

Другим немцем, примирившим «внешнюю» Германию с внутренней, музыку с политикой был И. В. Гёте, олицетворяющий собой

«цивилизованную мощь, народную силу, урбанистический демонизм, дух и плоть в одно и то же время, иначе говоря — искусство...» (Ibid.: 310).

Вся поэзия и правда его жизни, его «гештальт» (Ф. Гундольф) преодолевает извечный дуализм немецкой души, ибо в них сочетаются принципы аристократизма и демократизма, культуры и цивилизации, а холодная духовность индивидуального творчества вступает в союз с душевным теплом человеческого содружества. В этом союзе, который именуется гуманизмом и выходит за рамки буржуазной демократии, Манн видит надежду на возрождение Германии и ее народа.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Художественная литература. М.: Художественная литература, 1979. [Heine, Heinrich. (1979) *Stikhotvoreniya. Poemy. Proza.* (Heine H. Poetry. Poems. Prose.) Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гёте И. В. Ксении. (пер. В. Топорова) // Гёте И. В. Собрание сочинений в 10 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1975. С. 240—244. [Goethe, Johann Wolfgang. (1975) *Ksenii (Xenien)*. In Goethe, J. W. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гучинская Н. О. Мистическое богословие Мастера Экхарта. // Мастер Экхарт. Проповеди и трактаты / пер. со средневерхненемецкого, вступительная статья и комментарии Н. О. Гучинской. СПб.: Церковь и культура, 2001. С. 6—39. [Guchinskaya, Nina O. (2001) *Misticheskoye bogosloviye Mastera Ekkharta* (The Mystical Theology of Master Eckhart). In Guchinskaya, Nina O. (trans., ed.) *Master Ekkhart Propovedi i traktaty* (Master Eckhart Sermons and Treatises). Saint Petersburg: Tserkov' i kul'tura (Church and Culture), 6—39. (In Russian)].
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. //

- Кант Иммануил. Сочинения в 6 т. Т. VI. М.: Мысль, 1966. С. 5—23. [Kant, Immanuel. (1966) *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* (Idea of the Universal History from the Cosmopolitan Viewpoint). In Kant, Immanuel. *Sochineniya* (Works). In 6 vols. Vol. 6. Moscow: Mysl', 5—23. (In Russian)].
- Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. X. М.: Художественная литература, 1960. С. 303—326. [Mann, Thomas. (1960) *Germaniya i nemtsy* (Germany and the Germans). In Mann, Thomas. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 303—326. (In Russian)].
- Манн Т. Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. [Mann, Thomas. (2015) *Razmyshleniya apolitichnogo* (Reflections of a Non-political Man). Moscow: AST. (In Russian)].
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1990. С. 238—406. [Nietzsche, Friedrich. (1990) *Po tu storonu dobra i zla* (Beyond Good and Evil). In Nietzsche, Friedrich. *Sochineniya* (Works). In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 238—406. (In Russian)].
- Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. [Novalis. (2014) *Fragmenty* (Fragments). Trans. by Aleksey V. Volskiy. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)].
- Bahr, Hermann. (1925) *Liebe der Lebenden. Tagebücher 1921 — 1923*. In 3 Bd. Bd. 1. Hildesheim: Franz Borgmeyer.
- Bollnow, Otto Friedrich. (1953) *Unruhe und Geborgenheit im Weltbild neuerer Dichter*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
- Borchmeyer, Dieter. (2019) *Was ist deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst*. Berlin: Rowohlt.
- Christoffel, Ulrich. (1940) *Deutsche Innerlichkeit*. München: Piper Verlag.
- Eckermann, Johann Peter. (1999) *Gespräche mit Goethe*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Elias, Norbert. (2005) *Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert*. Hrsg. v. Michael Schröter. In Elias, Norbert. *Gesammelte Aufsätze*. Bd. 11. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Hellingrath, Norbert. (1922) *Hölderlin und die Deutschen*. In Hellingrath, Norbert. *Zwei Vorträge*. München: Hugo Bruckmann Verlag, 10—48.
- Humboldt, Wilhelm. (1994) *Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. In Humboldt, Wilhelm. *Werke*. In 5 Bänden. Stuttgart: Cotta, 368—757.
- Kahler, Erich. (1937) *Der deutsche Charakter in der Geschichte Europas*. Zürich:

- Europa-Verlag.
Meinecke, Friedrich. (1908) *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München: R. Oldenbourg.
Plessner, Helmuth. (1959) *Die verspätete Nation. Über die Verfährbarkeit bürgerlichen Geistes*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
Schiller, Friedrich. (1962) *Sämtliche Werke*. In 5 Bd. Bd. 1. München: Hanser.
Wagner, Richard. (1868) *Deutsche Kunst und deutsche Politik*. Leipzig: J. J. Weber.

Aleksey L. Volskiy
Herzen Russian State Pedagogical University

Diverse Identity: the Motives of the German National Myth

The German national myth created by modernism is based on the idea of the dualism of the German soul and the dualism of Germany itself, bifurcated between reality and the ideal, or, according to Thomas Mann, between politics and music. The article examines some vivid examples of the interpretation of the German national myth, analyzes the problem of its genesis, formation and crisis, compares it with the conceptual pair of culture and civilization. The final part of the article is devoted to the interpretation of the German national myth in Mann's report "Germany and the Germans" (1945), containing a criticism of the idea of two Germanies.

Keywords: national myth; Germany; culture; civilization; inwardness; art

Для цитирования:

Вольский А. Л. Многоликая идентичность: размышления на тему немецкого национального мифа // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 385—400.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-385-400.

To cite this Article:

Volskiy, Aleksey L. (2022) *Mnogolikaya identichnost': razmyshleniya na temu nemetskogo natsional'nogo mifa (Diverse Identity: the Motives of the German National Myth)*. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 385—400. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-385-400.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2021; принята к публикации 28.01.2022
The article was submitted 29.12.2021; accepted for publication 28.01.2022*

С. И. Горбачевская, Т. А. Меркиш

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ВОЛЬФГАНГ БОРХЕРТ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье представлены модель и стратегия перевода избранных тридцати семи рассказов и одного стихотворения Вольфганга Борхерта (1921 — 1947), опубликованных авторами в виде параллельных текстов в 2021 г. (*Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык*). Борхерт — уникальное явление в немецкоязычной литературе 20 века: талантливый поэт, подававший надежды артист, попавший в мясорубку национал-социализма и умерший в 26 лет от последствий ранения на фронте, тяжелых заболеваний и тюремного заключения за критику режима. Кроме того, обосновываются переводческие решения некоторых проблем, связанных с содержанием рассказов, их подтекстом, сохранением поэтических образных средств автора, его интенций и оформлением прямой речи.

Ключевые слова: художественный перевод; переводческий анализ текста; модель перевода; стратегия перевода

1. Введение

Цель данной статьи — представить перевод избранных тридцати семи рассказов и одного стихотворения Борхерта (1921 — 1947) — уникального явления в немецкоязычной литературе XX в.: молодого талантливого поэта, подававшего надежды артиста, попавшего в мясорубку национал-социализма и умершего в 26 лет от последствий ранения на фронте, тяжелых заболеваний, тюремного заключения за критику режима, нахождения в лагере для военнопленных и других потрясений, выдержать которые нормальному человеку было невозможно. В течение двух послевоенных лет, прикованный к постели, он напишет более сорока пронзительных рассказов и потрясающую пьесу-притчу о своем потерянном поколении, словно торопясь передать людям те откровения о цене и смысле жизни, которые открылись ему как послание быть бдительными и не забывать о человеческом достоинстве и истинных ценностях.

Генрих Бёль писал, что главной заслугой Борхерта является тот факт, что он не позволяет забывать о том, о чем так часто забывает история, а именно о жизни каждого отдельного че-

ловека, который создает историю. Сама же история зачастую фиксирует жизни и события только в форме чисел (6 лошадей или 40 солдат). Он также называл его мастером короткого рассказа, который не повествует, используя всеми любимые приемы — острые повороты в сюжете и толкование всем известных моральных принципов, а показывает жизнь и «героев» рассказов такими, какие они есть, грандиозными и пугающими. Он повествует без прикрас, его тексты скорее похожи на рентгеновские снимки, которые фиксируют момент появления надлома, разрыва или смерти (BÖLL 1968: 328–322).

Жизнь обычного человека, ее значимость и недооцененность в истории — доминанта каждого произведения писателя, ведь человек творит историю, а не история — человека.

В идеале, полный литературный перевод должен создать равноценную ситуацию коммуникации между писателем и читателями оригинала и перевода, и, в конечном итоге, должно появиться такое произведение, которое не искажало бы картину мира и стиль данного автора и в полной мере передавало бы адекватное содержание, языковую структуру и символику текста оригинала. И такая возможность дать адекватную «‘новую жизнь’ уже существующему произведению» (ТОПЕР 2001: 30) зависит, естественно, от способности переводчика понять смысл содержания этого текста и прочувствовать авторский стиль изложения. Известный современный переводчик М. Л. Рудницкий, сравнивая в одном из интервью переводчика с актером, потому что тот так же «вживается» в свой текст, как актер в свою роль, сказал:

«жизнь, которую ты проживаешь с определенным автором, наверно, порой влияет на тебя так же, как тесная дружба или любовь» (РУССКИЙ ЖУРНАЛ: URL).

Рудницкий скромно называет переводчика всего лишь идеальным читателем.

Индивидуальность каждого переводчика обосновывает объективную вариативность и потенциальную множественность переводов, так что в отдельных случаях художественный перевод не только встраивается в систему национальной литературы языка перевода и поддерживает ее, но и может даже с ней конкурировать (PRUNČ 2002: 218).

Несмотря на то, что художественный текст с давних времен привлекает внимание исследователей самых разных сфер гума-

нитарного знания, он до сих пор считается недостаточно изученным, поскольку художественный стиль постоянно развивается, отражая в своей динамике характерные черты своей эпохи и «буквально не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному» (ТЮЛЕНЕВ 2004: 252). В свою очередь, художественный перевод является своего рода «литературным» средством межкультурной коммуникации, способствующим взаимопониманию культурной идентичности субъектов коммуникации переводного произведения — автора оригинала и читателя перевода (NORD 2002: 80–81).

2. Роль моделирования в художественном переводе

В связи с ограниченным объемом статьи мы попытаемся только представить модель и стратегию нашего перевода, а также переводческие решения некоторых проблем, связанных с содержанием рассказов.

Как определяет Ю. Н. Марчук,

«моделирование есть способ изучения предмета в тех случаях, когда непосредственное наблюдение его устройства невозможно или крайне затруднительно» (МАРЧУК 2010: 14).

Моделирование помогает «осмыслить переводческий процесс» (ШАДРИН 2017: 251), и разработка комплексной модели переводческой деятельности является актуальной задачей как для машинного, так и для человеческого перевода. Поскольку наиболее существенный этап процесса перевода, т. е. умственные действия, «протекает в голове переводчика и практически недоступен наблюдению», то

«при рассмотрении процесса перевода приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями. Однако даже сделанные на этой ограниченной основе заключения имеют определенную ценность как для теории перевода, так и методики его преподавания» (ЛАТЫШЕВ & СЕМЕНОВ 2005: 152).

«Целью моделирования перевода признается функционально-семантическое представление оригинала как целостной изотопической структуры, а текста перевода — изо- и гомоморфных отражений структур, параметров, единиц и смыслов, заложенных в исходной информационной модели» (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД 2014: 101).

Моделирование художественного перевода — это передача основных линий связи событий и действующих лиц внутри текста оригинала и связи текста с внешним миром: эпохой, культурной средой, в которой живет автор текста и которая определяет его идиостиль.

К универсальным характеристикам короткого рассказа в настоящее время принято относить следующие:

- небольшой размер произведения;
- непосредственное введение в происходящее;
- «открытый» конец, который характеризуется неожиданным поворотом;
- описанный временной промежуток хронологичен и линейен, временные скачки не характерны, зачастую действие происходит в течение нескольких часов или дней;
- место действия не описано детально;
- главные действующие лица — простые люди, знакомые каждому, они описаны схематично, выделяются только характеристики, имеющие непосредственное значение для рассказа;
- тематика произведений связана с повседневной жизнью;
- ядром каждого рассказа является одно событие в жизни главного героя, которое имеет для него особое значение;
- автор занимает позицию наблюдателя, который описывает происходящее дистанцированно;
- рассказчик в тексте чаще всего персонален;
- язык — повседневный, простой, доступный читателю (DURZAK 2002).

3. Модель перевода текста короткого рассказа

Мы разработали модель перевода текста короткого рассказа, которую можно назвать концептуально-интерпретативной. Она строится в соответствии с четко сформулированной прагматической целью / концепцией перевода и состоит из последовательного ряда этапов, каждый из которых решает конкретные задачи, связанные с достижением поставленной цели на всех уровнях репрезентации текста оригинала в тексте перевода. Наша модель предполагает следующие этапы действий:

- *анализ исходного текста* (основная стратегия — от общего к частному и обратно, т. е. необходимость всегда держать в голове текст в целом), поиск изоморфизма между системами двух языков и уровнями внутри одного языка, подбор соответствующих

щих элементов в системах языка и конкретного текста;

— *определение и поиск решения проблем перевода*: прагматических (культурная специфика, пресуппозиции, подтекст и т. п.), конвенциональных (социокультурные и этические нормы, конвенции речевой коммуникации и т. п.), языковых (языковые особенности авторского стиля и степень переводимости образных средств и т. п.);

— *определение стратегии перевода* (как целенаправленного когнитивного поведения переводчика, разработка более или менее осознанного плана решения конкретных переводческих проблем);

— *создание структурно-смыслового инварианта* текста;

— *анализ текстообразующих прагматических связей текста* (пресуппозиций или необходимых фоновых знаний);

— *оформление текста перевода*;

— *апробация текста перевода* (проверка степени соответствия оригиналу);

— *редактирование и шлифовка текста перевода* (ГОРБАЧЕВСКАЯ & МЕРКИШ 2021).

Переводческий анализ художественного текста понимается как определенный алгоритм, последовательность шагов в действиях переводчика, необходимых для правильного понимания содержания текста оригинала, его прагматической задачи, и выработки переводческой стратегии, направленной на создание адекватного текста перевода.

Мы рассматриваем стратегию перевода как некую сквозную линию когнитивного поведения переводчика, составляющего алгоритм своих действий, которая предполагает гибкое варьирование методов и техник перевода в пределах этого выбранного ориентира. Наша стратегия состояла в выборе максимально адекватных способов выражения авторских интенций, которые были бы не только понятны, но и эмоционально и эстетически интересны современному русскоязычному читателю и приняты им.

Каждый рассказ имел свою стратегию, но все тексты объединяла одна сквозная линия: для нас важно было адекватно передать архитектонику, или языковое наполнение, трех, с нашей точки зрения, доминантных категорий — хронотопа, динамики и автора, стараясь при этом сохранить эмоционально-поэтический смысл, ритмику и созвучие всех уровней текста. Иначе говоря, каждый раз мы сначала ориентировались в ситуации, описывае-

мой в каждом конкретном рассказе, определяли цель, проблемы и старались следовать разработанной нами модели.

С этих позиций назвать рассказами манифесты и эссе, которые писатель публикует как рассказы, очень сложно, и по этой причине мы не включили их в этот сборник.

4. Некоторые проблемы перевода рассказов В. Борхерта на русский язык

Основные проблемы были связаны с ассоциативной составляющей содержания рассказов, их подтекстом, сохранением поэтических образных средств автора, его интенций и оформлением прямой речи.

В качестве релевантных для перевода были выбраны категории хронотопа, динамики и рассказчика. Хронотоп воспроизводит пространственно-временную картину мира и организует композицию произведения; динамика связана как с порождением, так и с восприятием содержания текста. Были рассмотрены такие составляющие динамики текста, как сюжетное движение и статика, нейтральность и экспрессия стиля речи, экономия и избыточность языковых средств, прагматика прямой и косвенной речи. Рассказчик — это посредник между автором и читателем, условный создатель фиктивного мира художественного произведения. Как показало исследование, выделенные нами категории художественного текста в полной мере отражают основные параметры короткого рассказа (ГОРБАЧЕВСКАЯ & МЕРКИШ 2020: 97).

Представляется необходимым привести несколько примеров из текстов, в которых наиболее полно продемонстрировано соотношение степени раскрытости данных категорий, что в незначительной мере отличается от универсальных характеристик короткого рассказа. В рассказе *В этот вторник* все действие происходит в течение одного дня, однако четко обозначены и наиболее полно описаны места действий в Германии и в России, появляется значительное количество действующих лиц, не характерное для короткого рассказа. В рассказе *Кегельбан*, напротив, пространство сжато до одной ямы, главные герои — два солдата, однако время — бесконечно, его нескончаемость можно ощутить почти физически, один день сменяется другим, за ночью последует ночь, что причиняет невероятную боль главным героям. В рассказе *Три Волхва* одним из действующих лиц становится город, с которым взаимодействуют герои произведения, а

он отвечает неприятием, он искалечен и разбит, как и люди.

Более подробно хотелось бы остановиться на категории *хронотопа* в рассказах Борхерта. В большинстве его произведений описываемый временной промежуток сжат до нескольких часов или одного дня.

Nachts. Um halb drei. (<i>Das Brot</i>)	Ночью. В половине третьего. (<i>Хлеб</i>)
Als er am nächsten Abend nach Hause kam...	Когда он на следующий вечер пришел домой...
Heute ist ja auch Weihnachten... (<i>Die drei dunklen Könige</i>)	Сегодня же Рождество... (<i>Три темных волхва</i>)

Однако встречаются рассказы, в которых время бесконечно.

Die ganzen Wochen schon. (<i>Der viele viele Schnee</i>)	Все недели напролет. (<i>Много-много снега</i>)
Die beiden Männer waren viele Monate in dem Loch. (<i>Die Kegelbahn</i>)	Двое мужчин провели много месяцев в яме. (<i>Кегельбан</i>)
Jeden Tag. Tag und Nacht. Ta- gelang. Nächte durch. (<i>An diesem Dienstag</i>)	Каждый день. Днем и ночью. Днями и ночами. (<i>В этот вторник</i>)

В большинстве рассказов пространство можно разделить на два подпространства, противопоставленных друг другу — дом и внешний мир, характерные черты которых в различных текстах схожи. Подпространство «дом» чаще ассоциируется с душевным теплом и чувством защищенности, наиболее часто используемым символом становится кухня.

In der Küche trafen sie sich. <...> Sie machte Licht. (<i>Das Brot</i>)	В кухне они встретились. <...> Включила свет. (<i>Хлеб</i>)
Und wenn ich in der dunklen Küche etwas zu essen suchte, ging plötzlich das Licht an. Dann stand sie da in ihrer Wolljacke und mit einem roten Schal um. (<i>Die Küchenuhr</i>)	И когда я искал что бы поесть в темной кухне, резко вклю- чался свет. И она стояла там в своей шерстяной кофточке, укутанная в красный шарф. (<i>Кухонные часы</i>)
Da glomm es auf und warf eine Handvoll warmes Licht durch das Zimmer. (<i>Die drei dunklen Könige</i>)	Дерево вспыхнуло и выбросило в комнату горсть теплого света. (<i>Три темных волхва</i>)

В то время как «внешний мир» чаще холоден и враждебен, часто «внешний мир» — Россия, чужая страна, связанная со

смертью и страданием.

Seuchenlazarett Smolensk stand
da drauf. Und darunter: Vier-
zeshnhundert Betten.

(An diesem Dienstag)

Er stand in einem russischen
Wald auf weit vorgeschobenem
Posten. (Der viele viele Schnee)

Es war ganz geräumig und bei-
nahe gemütlich. Wie ein Grab.

(Die Kegelbahn)

Эпидемиологический лазарет
Смоленск. И под ним: 1400
кроватей.

(В этот вторник)

Он стоял на посту далеко
в глубине русского леса.

(Много-много снега)

Она была достаточно простор-
ная и почти уютная. Как могила.

(Кегельбан)

В рассказе *Три темных волхва* город становится действующим лицом, с которым взаимодействуют, а он отвечает неприятием, он искалечен и разбит, как и люди.

Die Häuser standen abgebro-
chen gegen den Himmel. Der
Mond fehlte und das Pflaster war
erschrocken über den späten
Schritt.

Ломаная линия домов упира-
лась в самое небо. Луны не
было, и поздние шаги звонким
эхом отражал испуганный ас-
фальт.

Языковых проблем было много. Стиль Борхерта поэтически интенсивный, для него характерна парцелляция — короткие предложения-обрубки, со своей оригинальной пунктуацией, эллипсисами, инверсией, повторами, ступенчатой кульминацией в описании ситуации и характеристике персонажей. Удивительно при этом сочетается ужас описываемой реальности военного времени и самоирония, юмор и легкая насмешка автора. Мы попытались это, по возможности, передать.

Аллитерация и *повторы* используются автором для описания внутреннего состояния героев, потерявших на войне не только дом, Родину и веру, но и себя самих. Так, в рассказе *Прошлое прошло* главный герой как будто состоит из множества крошечных частей — зверей, которые связаны с его чувствами. Он не целостен, а надломлен и разорван.

Und dann sagte er zu sich
selbst: Warum schreist du
manchmal?

Das ist das Tier.

Das Tier?

Das Tier Hunger.

И потом говорил самому се-
бе: «Почему ты кричишь
иногда?»

— Это зверь.

— Зверь?

— Зверь по имени Голод.

Und dann fragte er sich: Warum weinst du oft?
Das Tier! Das Tier!
Das Tier?
Das Tier Heimweh. Das weint. Das Tier Hunger, das schreit. Und das Tier Ich — das türmt.
Wohin?
Ins Nichts. Es gibt kein Tal für eine Flucht. Überall treffe ich mich.

И тогда он спрашивал себя: «Почему ты часто плачешь?»
— Зверь! Зверь!
— Зверь?
— Зверь по имени Ностальгия. Он плачет. Зверь Голод кричит. А зверь Я — удирает.
— Куда?
— В никуда. Бежать некуда. Я всюду встречаю себя.

То же происходит и с героем рассказа *Вдоль длинной, длинной улицы*, который не может и не хочет смириться с потерей товарищей на поле боя. Используемые Борхертом средства художественной выразительности показывают его растерянность и потерянную в этом огромном и несправедливом мире, в котором так мало смысла и так много бессмысленных, почти машинных повторений определенных действий. Аллитерация используется и в самом названии рассказа; так, entlang автор заменил на lang.

Wand Wand Tür Fenster
Glas Glas Glas Laterne alte
Frau rote rote Augen Brat-
kartoffelgeruch Haus Haus
Klavierunterricht pink pank
die ganze Straße lang die Nä-
gel sind so blank Kanonen
sind so lang pink pank die
ganze Straße lang Kind Kind
Hund Ball Auto Pflasterstein
Pflasterstein Kopfsteinköpfe
Köpfe pink pank Stein Stein
grau grau violett Benzinleck
grau grau die lange lange
Straße lang Stein Stein grau
blau flau flau so grau Wand
Wand grüne Emaille.

Стена, стена, окно, стекло, стекло, стекло, фонарь, старуха, красные-красные глаза, запах жареной картошки, дом, дом, урок игры на фортепьяно, туби-туби-ду, я по улице иду, гвозди блестят, пушки гремят, туби-туби-ду, я по улице иду. Ребенок, ребенок, пес, мяч, машина, бульжник, бульжник, бульжник, лыжник — голова-бульжник, головы-оловы, туби-туби-ду, я по улице иду, цок, цок, серый камень, серо-фиолетово бензиновое пламя, серая, серая, длинная, длинная улица, камень, камень, серый, синий, вялый, залежалый, как грязный иней, стена, стена, зеленая эмаль.

Schlechte Augen schnell
behaben

Исцелит больные глазки
поработает на славу

Optiker Terboben
Im 2. Stockwerk oben

окулист Йоханнес Ласкин
третья дверь направо

Окказионализмы автора мы передавали расширенным переводом. Борхерт стремился к краткости, старался вложить в текст максимальный смысл, используя минимальное количество слов, что и стало одной из отличительных черт его рассказов. В рассказе *Город* это продемонстрировано наиболее ярко; собака, охрипшая и обессилившая от лая становится неотъемлемой частью города, в котором находится ночной путник.

Ein Nächtlicher ging auf den
Schienen. Die lagen im Mond und
waren schön blank wie Silber. Nur
kalt, dachte der Nächtliche, kalt
sind sie. Links weit ab ein verein-
samtes Geglüh, ein Gehöft. Und
dabei ein rauhebellter Hund.
Das Geglüh und der Hund mach-
ten die Nacht zur Nacht.

Ночной путник шел по рельсам.
Они замечательно блестели в
лунном свете будто серебро.
«Только холодные, — думал
путник, — холодные они». Сле-
ва вдалеке одинокий огонек —
хутор. А там — охрипшая от
лая собака. Свет огонька и лай
собаки делали ночь ночью.

Персонификация чаще связана с описанием города. В некоторых рассказах он становится одним из действующих лиц, взаимодействует с другими героями рассказа и имеет весьма четкие характеристики: он холоден, неприветлив, уставший и измученный. Город страдает как живой человек, его тоже не щадила война, он тоже нуждается в помощи и восстановлении.

Draußen steht die Stadt. Draußen
steht die Nacht in den Straßen mit
ihrem Mädchen- und Mülleimer-
geruch. Und das Haus steht in
den Straßen der Stadt, das Haus
mit dem Zimmer und den Män-
nern.

За окном раскинулся город.
За окном стоит на улицах
ночь с ее запахом девушек и
мусорных баков. И на улицах
города стоит этот дом, дом с
комнатой и двумя мужчина-
ми.

(Gespräch über den Dächern)

(Разговор над крышами)

Das hohle Fenster in der verein-
samten Mauer gähnte blaurot
voll früher Abendsonne. Staub-
gewölke flimmerte zwischen den
steilgereckten Schornsteinresten.
Die Schuttwüste döste.

Высокое окно на одинокой
стене зевало красно-голубыми
отсветами заходящего солнца.
Между прямолинейными
остатками кирпичных труб
висело пестрое облако пыли.

(Nachts schlafen die Ratten doch)

Руины дома дремали.
(Ночью ведь крысы спят)

Интересной представляется *цветовая символика*. Некоторым цветам присущи определенные характеристики, с ними связаны четкие ассоциации: Зеленый — символ жизни и надежды: зеленая трава для кроликов символизирует надежду на то, что у маленького мальчика еще есть шанс на счастливое детство. Белый снег — болезнь и смерть, он таит в себе всю опасность мира, прикрывает ее и делает человека совершенно незащищенным. Синий — холод, который так непривычен немцам, их губы становятся сине-красными от холода, с которым они столкнулись в чужой стране. Серый символизирует грусть, безнадежность и пепел, который оставила за собой война, уничтожившая все на своем пути. Черный — цвет угрозы и мрака, который поджидает героев за каждым углом, от которой невозможно спрятаться нигде. Красный часто связан с волнением и надеждой: как только господин Эллерс снял красный шарф, исчезла надежда, и он был убит. А госпожа Гессе, напротив, приобрела надежду, получив письмо от мужа, и еще не зная о том, что с ним случилось, накрашила губы красным. Красный и ржаво-красный цвет вагонов указывает на войну, на бездумно и беспощадно пролитую кровь невинных людей.

Grün	Kaninchenfutter war da drin. Grünes Kaninchenfutter, das war etwas grau vom Schutt. <i>(Nachts schlafen die Ratten doch)</i>	С кормом для кроликов. Зеленым и чуть сероватым от мусорной пыли. <i>(Ночью ведь крысы спят)</i>
Weiß	Und der Schnee, in dem er stand, machte die Gefahr so leise. So weit ab. Und sie konnte schon hinter einem stehen. Er verschwieg sie. <i>(Der viele viele Schnee)</i>	И снег, в котором он стоял, делал опасность такой тихой. Такой далекой. А она могла стоять прямо за ним. Он утаивал это. <i>(Много-много снега)</i>
Blau	Die blauroten Lippen krümmten sich... <i>(Vier Soldaten)</i>	Сине-красные губы искривились... <i>(Четыре солдата)</i>
Grau	Gras auf Gräbern. Ruinengras. Grausames grässliches gnädiges graues Gras. Friedhofsgras, unvergessliches, vergangenheitsvolles, erinnerungssattes, ewiges Gras auf Gräbern. <i>(Billbrook)</i>	Трава на могилах. На руинах. Жуткая отвратительная милостивая серая трава. Кладбищенская трава, забываемая, полная прошлого, сытая воспоминаниями, вечная трава на могилах. <i>(Билльброк)</i>

Schwarz	<p>Jeder Schatten ist ein schwarzer Mann. Nie wird man die Angst vor den schwarzen Männern los. ...Und in den blaudunklen Ecken warten die schwarzen Männer. Mutter Mutter! In allen Ecken stehn die schwarzen Männer. <i>(Die lange lange Straße lang)</i></p>	<p>Каждая тень — черный человек. Никогда не избавиться от страха перед черными людьми. ...А в темно-синих углах поджидают черные люди. Мама-мамочка! Во всех углах стоят черные люди. <i>(Вдоль длинной, длинной улицы)</i></p>
Rot	<p>Sie müssen den roten Schal abnehmen, Herr Ehlers... Auf dem Wege zur zweiten Kompanie nahm Leutnant Ehlers den roten Schal ab. Er steckte eine Zigarette an. Kompanieführer Ehlers, sagte er laut. Da schoss es. <i>(An diesem Dienstag)</i></p>	<p>— Вам нужно снять красный шарф, господин Элерс... По дороге во вторую роту лейтенант Элерс снял красный шарф. Он зажег сигарету. «Командир роты Элерс», — громко произнес он. И в этот момент раздался выстрел. <i>(В этот вторник)</i></p>
Rostrot	<p>... welche Druckerei hat ein Zeichen für das Rostrot der Güterwagen, dieses Weltbrandrot, dieses angetrocknete blutigverkrustete Rot auf weißer menschlicher Haut? <i>(Im Mai, im Mai schrie der Kuckuck)</i></p>	<p>В какой типографии есть литера для ржаво-красного цвета товарных вагонов, красного цвета мирового пожара, цвета высушенной корки крови на белой человеческой коже? <i>(В мае, в мае куковала кукушка)</i></p>

Разговорность речи автора оригинала, иногда достаточно утрированная, определяется, в основном, его собственным стилем письма. Даже если в языке перевода есть подобные маркеры «разговорности» (например, частицы, эллипсисы), они могут быть функционально неоднозначными. Так при переводе *заголовков* мы пытались выявить их прагматическую направленность, дискурсивное созвучие их смысла с содержанием рассказа.

Например, название первого рассказа Борхерта *Die Hundebblume* можно было бы перевести, не задумываясь, как «Одуванчик / Цветок одуванчика». Автор передает пережитое им лично душевно-эмоциональное состояние молодого человека, впервые попавшего в тюрьму. Он настолько изможден сидением в одиночной камере, наедине с самим собой, отрезанный от живого мира, что, увидев во время прогулки этот цветок в центре тю-

ремного двора, начинает мечтать о нем, как о живом существе, и придумывает трюки, как бы его сорвать, чтобы другие не заметили. Цветок теперь — смысл всей его жизни, он мечтает о нем как о встрече с любимой девушкой. Поэтому мы выбрали для перевода более «антропоцентричное» просторечное название этого цветка — желтомордик. Мы даже попытались найти такие же «народные» названия другим цветам, которые упоминаются в контексте рядом с ним — анемонам и аквилегиям.

Die ganze Nacht umspannten
seine glücklichen Hände das
vertraute Blech seines Trinkbe-
chers, und er fühlte im Schlaf,
wie sie Erde auf ihn häuften,
dunkle, gute Erde, und wie er
sich der Erde angewöhnte und
wurde wie sie — und wie aus
ihm Blumen brachen: Anemo-
nen, Akelei und Löwenzahn —
winzige, unscheinbare Sonnen.

Всю ночь его счастливые ладо-
ни держали ставшую родной
жестяную кружку, и во сне он
чувствовал, как они забрасыва-
ли его землей, темной, хорошей
землей, и как он привыкал к
этой земле и становился как
она, и как из него вырастали
цветы: ветреница, водосбор и
желтомордик — маленькие
неказистые солнышки.

Одну из множества переводческих трудностей и проблем художественного перевода составляет передача и *оформление разговорной речи* персонажей и автора-рассказчика. Здесь нужно учитывать много факторов.

«К ним относятся литературные традиции и культурно-обусловленные нормы языка оригинала и языка перевода, которые могут отличаться друг от друга..., и существующие письменные нормы передачи аутентичной устной речи» (SCHWITALLA & TIPTULLA 2009: 34).

Другими словами, наряду с целью перевода важны также нормы и ожидания целевой культуры, читателей и издателя. В принципе, переводчик может выбрать между двумя различными стратегиями: стратегией «приближенного» перевода, или приспособления к нормам языка и культуры оригинала, и стратегией «удаленного» перевода, или невнимания к нормам языка и культуры оригинала.

Как уже отмечалось, Борхерт был, в первую очередь, поэтом, и его поэтическое мировосприятие нашло свое отражение как в прозе, так и в драматургии. Он мог себе позволить и игру слов, и особые метафоры и аллюзии, и отсутствие каких бы то ни было знаков пунктуации при передаче прямой речи. Мы пошли тради-

ционным путем, то есть, использовали кавычки там, где прямая речь была вместе со словами автора, и тире, где шел диалог.

Du schläfst hier wohl, was? Fragte der Mann und sah von oben auf das Haargestrüpp herunter. Jürgen blinzelte zwischen den Beinen des Mannes hindurch in die Sonne und sagte: Nein, ich schlafe nicht. Ich muss hier aufpassen. Der Mann nickte: So, dafür hast du wohl den großen Stock da?

Ja, antwortete Jürgen mutig und hielt den Stock fest.

(Nachts schlafen die Ratten doch)

«Ты что, здесь спишь?», — спросил мужчина, глядя вниз на густую копну волос. Юрген, щурясь, посмотрел сквозь его ноги на солнце и сказал: «Нет, я не сплю. Я должен здесь сторожить». Мужчина кивнул: «И поэтому у тебя такая большая палка?»

«Да», — храбро ответил мальчик и крепко сжал свою палку.

(Ночью ведь крысы спят)

Как это принято в русском языке, разговор, в котором реплики идут одна за другой, был передан через тире.

Worauf passt du denn auf?

Das kann ich nicht sagen.

Er hielt die Hände fest um den Stock.

Wohl auf Geld, was?

Der Mann setzte den Korb ab und wischte das Messer an seinem Hosenboden hin und her.

Nein, auf Geld überhaupt nicht, sagte Jürgen verächtlich. Auf ganz etwas anderes.

Na, was denn?

Ich kann es nicht sagen. Was anderes eben.

(Nachts schlafen die Ratten doch)

А что ты здесь сторожишь?

— Я не могу это сказать.

Мальчик крепко ухватился за палку.

— Наверное, деньги?

Мужчина поставил корзину и вытер нож о нижнюю часть своих штанов.

«Нет, вообще это никакие не деньги, — презрительно сказал Юрген. — Кое-что другое»

— И что же?

— Я это не могу сказать. Просто другое.

(Ночью ведь крысы спят)

Встречались диалоги, когда текст шел сплошным потоком, так что невозможно было разобраться, кто что говорит, а где появляется речь автора. В таких случаях эти предложения тоже отделялись при помощи тире.

Du.

Hm?

Sei mal still.

Warum?

Слушай.

— А?

— Тихо!

— Почему?

Sie kommen.	— Они идут в нашу сторону.
Sie kommen? Er stand auf. Die Decken fielen auf die Erde.	— Они идут? — Он встал, и одеяла упали на землю.
Ja, sie kommen. Sie tragen ihn. (<i>Das Känguruh</i>)	— Да, они подходят. Они несут его. (<i>Кенгуру</i>)

В текстах рассказов было достаточно и культурно специфических прагматических проблем. Они, в основном, решались расширенным переводом, но мы также прибегали к комментариям интересных, с нашей точки зрения, понятий и явлений. Например, Борхерт часто упоминает названия или приводит строчки из песен, популярных в 40-е гг. Песню, которая начинается со слов «Muss i denn...», немцы и австрийцы с удовольствием поют до сих пор. Автор превратил эти три слова в своеобразный композит, который мы передали транслитерацией, и сделали ссылку.

Immer funkelte ein Übermaß an Mut aus den tausend bulläugigen Fenstermäulern. Immer zitterte ein Überschuss an Freude aus den Messingmäulern ihrer Mussidenn-Kapellen.	Отвага всегда лилась из тысячи похожих на телячьи глаза иллюминаторов. Захлебываясь от радости, латунные пасти духовых капелл, непрерывно выдавали прощальную песню «Муссиден».*
--	--

*Mussidenn — так начинается немецкая народная «прощальная» песня, впервые опубликованная в начале 19 в.: “Muss i denn, muss i denn zum Städtele hinaus, Städtele hinaus, Und du, mein Schatz, bleibst hier...” («Мне приходится покинуть этот городок, а ты, моя милая, остаешься здесь...»)

Сложно было передать созвучие в чтении названия квартала Гамбурга Billbrook, что по-русски произносится как Биллброк, и имени и фамилии героя рассказа Bill Brook, которые на русский язык переводятся как Билл Брук. А именно на этом случайном созвучии и базируется сюжетная линия рассказа. Поскольку нет унифицированной передачи этого топонима на русский язык (мы нашли дополнительные варианты: Бильбрук и Билльброк), то был выбран тот, который больше всего подходил к ситуации, и снабжен соответствующим комментарием.

Er war in seinem sechszwanzigjährigen Leben zum ersten Male in Hamburg. Er war zum ersten Male in diesem Bahnhof... Und nun stand da, eben hier... sein Name. Schwarzbuchstabig auf einem weißen Schild stand er da, der Name, der sein Name war, so einfach: Billbrook.

В свои двадцать шесть лет он был в первый раз в Гамбурге. В первый раз на этом вокзале... И именно здесь, в этом месте... оказались его имя и фамилия... Они стояли черными буквами на белой табличке, имя и фамилия, такие простые: Билльбрук.*

*нем. Villbrook читается по-английски как Билл(ь)брук, что в русском переводе означает имя и фамилию Билл Брук.

В рассказе *Шивиф или официант моего дяди* мы посчитали нужным объяснить использование в переводе бранного жаргонизма «падлы», потому что именно так дословно будет переводиться нижненемецкое *Öös*.

„Die Öösch haben mir einfach ein Schtück von der Schungen-schpitsche abgeschossen. In Frankreich damals.“ Der Kellner nickte. „Noch bösche?“ fragte mein Onkel.

«Эти падлы* прошто отштрелили мне кушок кончика яшыка. Тогда, во Франшии». Официант кивнул. «Еще шлишьшя?», — спросил мой дядя.

*В нижненемецком диалекте платтдойч *Öös* — мн. ч. от слова «падаль»; лит. нем. Aas.

Следует учесть, что проблемы, связанные с передачей прямой речи, могут быть не только результатом безграмотного, неотрекорректированного текста, но и намеренным стилистическим приемом автора. Если он еще жив, то лучше всего проконсультроваться с ним в трудных и непонятных местах текста, а если нет, то остается только полагаться на собственную интуицию. Как мы поняли, не стоит при этом искать уже имеющиеся переводы, они только мешают, сбивают с толку и уводят в сторону.

Герои Борхерта одинокие, потерянные и несчастные, с одной стороны, и жизнелюбивые оптимисты, с другой. Символом такого состояния души стал уличный фонарь, который часто является героем его рассказов. По этой причине мы решили перевести одно из его известных стихотворений и поставить его в начало сборника. Ниже приводится начало стихотворения.

Laternentraum

Wenn ich tot bin,
möchte ich immerhin
so eine Laterne sein,
und die müsste vor deiner Türe sein
und den fahlen
Abend überstrahlen.
Oder am Hafen,
wo die großen Dampfer schlafen
und wo die Mädchen lachen,
würde ich wachen
an einem schmalen schmutzigen Fleet
und dem zublinzeln, der einsam geht.

Мечта уличного фонаря

Если я умру когда,
то хотел бы я тогда
уличным стать фонарем,
с лампой яркою на нем,
у твоих дверей стоять,
тусклый вечер освещать.
Или в гавани дежурить,
где суда давно уснули,
а девчонки веселятся,
и прохожих не боятся,
потому что у протока
я подмигиваю сбоку.

5. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что предложенная нами модель перевода рассказов Борхерта позволила не только выявить, проанализировать и решить формальные языковые, конвенциональные и прагматические проблемы, но и оставила место для интерпретации содержания. Этот этап является одним из важнейших в работе переводчика, так как способствует глубинному пониманию текста и идей писателя. Мы намеренно опубликовали перевод в виде параллельных текстов для того, чтобы читатели, знающие немецкий язык, могли критически их сравнить. Кроме того, параллельные тексты могут быть использованы как материал на практических занятиях при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что произведения Борхерта предоставляют молодому поколению уникальную возможность познакомиться с миром послевоенной литературы, а зрелого читателя направляют на пути более детального и глубокого познания данной эпохи. Нам было важно, чтобы современный читатель почувствовал связь двух миров — эпохи, культурной среды, в которой жил автор текста, и нашего суматошного цифрового века, где, кажется, уже нет места глубоким чувствам и переживаниям.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык. Параллельные тексты / сост. и пер. с нем. яз. С. И. Горбачевская и Т. А. Меркиш. М.: Наука, 2021. [Gorbachevskaya, Svetlana I., & Merkish, Tatyana A. (2021) *Wolfgang Borchert v perevode na russkiy yazyk. Parallel'nyye teksty*

- (Wolfgang Borchert translated into Russian. Parallel Texts). Moscow: Nauka. (In Russian and German)].
- Горбачевская С. И., Меркиш Т. А. Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык) // Вестник МГУ. 2020. Серия 19. Лингвистика и МКК 3. С. 97—105. [Gorbachevskaya, Svetlana I., & Merkish, Tatyana A. (2020) Urovni perevodcheskogo analiza teksta korotkogo rasskaza (iz opyta perevoda rasskazov W. Borherta na russkiy yazyk) (Levels of Translation Analysis of Short Story Text (from the Experience of Translating W. Borchert's Stories into Russian)). *MSU Vestnik*, 3, 97—105. (In Russian)].
- Горбачевская С. И., Меркиш Т. А. Модель и стратегия перевода короткого рассказа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». Т. 2. № 2. М.: Научные технологии, 2021. С. 134—141. [Gorbachevskaya, Svetlana I., & Merkish, Tatyana A. (2021) Model' i strategiya perevoda korotkogo rasskaza (Short Story Translation Model and Strategy). *Modern Science: actual problems of theory and practice*, 2, 134—141. (In Russian)].
- Латышев Л. К., Семенов А. А. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2005. [Latyshev, Lev K., & Semyonov, Arkadiy L. (2005) *Perevod: teoriya, praktika i metodika преподаvaniya* (Translation: Theory, Practice and Teaching Methods). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. [Marchuk, Yuriy N. (2010) *Modeli perevoda* (Translation Models). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Русский журнал. Ежедневное сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/krug/20010830.html>. [*Russkiy zhurnal* (Russian Journal. Daily online edition). Retrieved from <http://old.russ.ru/krug/20010830.html>. (In Russian)].
- Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. [Toper, Pavel M. (2001) *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* (Translation in the System of Comparative Literature). Moscow: Naslediye. (In Russian)].
- Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. [Tyulenev, Sergey V. (2004) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: Gardariki. (In Russian)].
- Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник / отв. ред. и сост. М. Б. Раренко. М.: РАН ИНИОН, 2014. [Rarenko, Mariya V. (ed.) (2014) *Khudozhestvennyy perevod: Terminologicheskiy slovar'-spravochnik* (Literary Translation: Terminological

- Dictionary-Reference Book). Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Шадрин В.И. Университетское переводоведение. СПб.: ВВМ, 2017. [Shadrin, Valeriy I. (2017) *Universitetskoye perevodovedeniye* (University Translation Studies). Saint Petersburg: VVM. (In Russian)].
- Borchert, Wolfgang. *An diesem Dienstag*. Retrieved from <https://www.projekt-gutenberg.org/borchert/andiedie/andiedie.html>.
- Böll, Heinrich. (1968) *Mein trauriges Gesicht. Erzählungen und Aufsätze*. Moskau: Verlag Progress.
- Durzak, Manfred. (2002) *Die deutsche Kurzgeschichte der Gegenwart. Autorenporträts, Werkstattgespräche, Interpretationen*. Würzburg: Verlag Königshausen u. Neumann. [3., erw. Aufl.]
- Nord, Christiane. (2002) *Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren*. San Vicente: Editorial Club Universitario.
- Prunč, Erich. (2002) *Einführung in die Translationswissenschaft*. Bd. 1. Orientierungsrahmen. Graz: Institut für Translationswissenschaft. [2., erw. u. verb. Aufl.]
- Schwitalla, Johannes, & Tiittula Liisa. (2009) *Mündlichkeit in literarischen Erzählungen. Sprach- und Dialoggestaltung in modernen deutschen und finnischen Romanen und deren Übersetzungen*. Tübingen: Stauffenburg.

Svetlana I. Gorbachevskaya
Tatyana A. Merkish
Lomonosov Moscow State University

Wolfgang Borchert translated into Russian: Problems and Solutions

The article presents a model and a strategy for the translation of thirty-seven selected stories and one poem by Wolfgang Borchert (1921 — 1947), published by the authors in the form of parallel texts in 2021 (*Wolfgang Borchert translated into Russian*). Borchert is a unique phenomenon in the German-language literature of the 20th century: a talented poet, a promising artist who fell into the meat grinder of National Socialism and died at the age of 26 from the consequences of a battle wound, serious illnesses and imprisonment for criticizing the regime. In addition, the translation solutions to some of the problems related to the content of the stories, their subtext, the preservation of the author's poetic figurative means, his intentions and design of the direct speech are substantiated.

Keywords: literary translation; translation analysis of the text; translation model; translation strategy

Для цитирования:

Горбачевская С. И., Меркиш Т. А. Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык: проблемы и решения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 401—420.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-401-420.

To cite this Article:

Gorbachevskaya, Svetlana I., & Merkish, Tatyana A. (2022) Vol'fgang Borkhert v perevode na russkiy yazyk: problemy i resheniya (Wolfgang Borchert translated into Russian: Problems and Solutions). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 401—420. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-401-420.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

О. А. Дронова

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

ТЕКСТ ГОРОДА В БЕРЛИНСКОЙ ТРИЛОГИИ УВЕ ТИММА

Падение берлинской стены и объединение Германии вызвали актуализацию «берлинского текста» в немецкой литературе — в творчестве Г. Грасса, М. Марон, Т. Бруссига и др. К Берлину эпохи «поворота» обращается и Уве Тимм в романах, образующих берлинскую трилогию (*Ночь чудес* (1996), *Красный цвет* (2003) и *Полутени* (2008)). Гипотеза данной работы состоит в том, что берлинский текст в трилогии Тимма предстает как палимпсест, то есть семиотическое пространство, представленное разнородными диахронными «слоями» смыслов, не сводимых к единой интерпретации. Теоретико-методологической основой работы являются исследования семиотики города Ю. М. Лотмана, Р. Барта, В. Н. Топорова, а также концепция палимпсеста в теории культурной памяти (А. Ассман, А. Гюиссена) и мифогеографии (И. И. Митин). В эпоху «поворота», изображенную в романах Тимма, не только герои должны переосмыслить собственную жизненную траекторию; нового «прочтения» требует и городское пространство, представленное в каждом из романов трилогии знаковым объектом Берлина: «завернутым» Рейхстагом в романе *Ночь чудес*, «золотым ангелом» колонны победы в романе *Красный цвет* и кладбищем инвалидов в романе *Полутени*. Эти объекты в романах невозможно интерпретировать однозначно, установка на взаимодействие разнообразных толкований и смыслов — главное свойство пространственного палимпсеста. В романе *Ночь чудес* Берлин эпохи объединения изображен в ироничном ключе, как пространство обмана, игры со смыслами. Во втором романе трилогии попытки рассказчика интерпретировать фигуру «золотого ангела» как милитаристский символ, как «ангела истории», достопримечательность и как собственную совесть неотделимы от «ревизии» собственного прошлого. В романе *Полутени* немецкая история двух столетий предстает как палимпсест воспоминаний, ее воплощением становится кладбище инвалидов — «травматическое место» (Ассман), на котором палачи покоятся вместе с жертвами. В романах Тимма современность предстает как время конструирования немецким обществом отношения к своему прошлому, неотделимое от нового прочтения и переосмысления городского текста как репрезентации культурной памяти нации.

Ключевые слова: Уве Тимм; «берлинский текст»; семиотика; палимпсест; объединение Германии; память

1. Введение

Разрушение берлинской стены и объединение Германии вызвали актуализацию «берлинского текста» в немецкой литературе начиная с середины 1990-х гг. В «берлинских» романах Г. Грасса *Широкое поле* («Ein weites Feld», 1995), М. Марон *Тихая улочка дом шесть* («Stille Zeile Sechs», 1991), И. Либман *В Берлине* («In Berlin», 1994), Т. Бруссига *Солнечная аллея* («Am kürzeren Ende der Sonnenallee», 1999), П. Шнайдера *Возвращение Эдуарда* («Eduards Heimkehr», 1999) и других авторов городское пространство, меняющее свой облик, становится одним из символов новой эпохи. «Волна» берлинских романов в немецкой литературе не иссякла и по сей день (Я. Кара, Ю. Франк, М. Наврат, Т. Нагельшмидт), однако исследователи и критики все еще ждут появления романа о Берлине, сравнимого по своему новаторству со знаменитым *Берлин Александерплац* А. Деблина. В настоящее время существует несколько работ обобщающего характера об образе Берлина в немецкой литературе (LANGER 2002; LEDANFF 2009; PETERS 2012). В конце 1990-х гг. К. Егером была высказана концепция, которая была развита Ф. Ц. Лангером и прочно устоялась в дальнейших публикациях: ракурсы изображения Берлина связываются с поколенческой принадлежностью писателей. В творчестве писателей старшего поколения, родившихся до конца второй мировой войны — Г. Грасса, М. Марон — пространство Берлина осмысляется в контексте рефлексии о событиях немецкой истории. Молодое же поколение авторов обращено лишь к современному состоянию города и отказывается от исторической или политической проблематики (JÄGER 1999; LANGER 2002: 46–58; GERMER 2012: 205–206). В рамках этой концепции творчеству Уве Тимма (род. в 1940 г.), в частности, его роману *Ночь чудес* («Johannisnacht», 1996) исследователями отводилась промежуточная позиция: ироничная повествовательная интонация, сюжет, наполненный разнообразными авантюрами, гротескность в изображении Берлина первых лет после «поворота» давали повод исследователям воспринимать этот роман как своего рода переходное явление, сочетание «исторического сознания с постмодернистской автореференциальностью» (GERMER 2012: 228); см. также (LANGER 2002: 129–131). Стоит отметить, что эта трактовка существенно отличается от тех задач, которые ставил перед собой автор романа. В своей лекции о поэтике *О начале и конце* («Vom Anfang und Ende»,

2009) Тимм пишет об эпохе объединения, как времени, когда «политическое напрямую определяло индивидуальное поведение» (ТИММ 2009: 54).

Как заметил О. Яраус, в творчестве Тимма три города функционируют как устойчивый топос: Гамбург, Мюнхен и Берлин (JANRAUS 2020: 162). Гамбург — родной город писателя — в повестях *Вкус колбасы карри* («Die Entdeckung der Currywurst», 1993) и *На примере брата* («Am Beispiel meines Bruders», 2003) становится пространством, в котором разворачивается история семьи Тимм и события второй мировой войны, Мюнхен ассоциируется с протестами молодежи конца 60-х, а Берлин — с проблемами объединения Германии. Биография автора частично связана с Берлином: Тимм переехал в Берлин в 90-е гг., чтобы, подобно герою романа *Ночь чудес*, работать над эссе о культурной истории картофеля. В лекции *О начале и конце* («Vom Anfang und Ende. Über die Erzählbarkeit der Welt», 2009) Тимм иронично вспоминает об атмосфере «золотой лихорадки» в Берлине первых лет после объединения — город был наводнен авантюристами всех мастей (ТИММ 2009: 50). С другой стороны, Берлин в эпоху объединения представлял собой, как пишет Тимм в эссе *Миф* («Mythos», 2015), «не только срез противоположных идеологий и образов жизни, но и место, в котором Запад сильнее всего был втянут в перемены» (ТИММ 2015: 53). О самом объединении Тимм говорит как о постепенно складывающемся в сознании немцев историческом мифе, вызывающем в памяти такие облетевшие весь мир кадры, как толпы людей, празднующих открытие границ на обломках берлинской стены. Не менее значимым было и то, что слом общественной системы ГДР повлек за собой «резкий поворот» биографий: «жизненные планы должны были корректироваться, нужно было осваивать новые способы поведения» (Ibid.: 53). Эти характеристики атмосферы эпохи объединения наиболее ярко проявляются в романе *Ночь чудес*, в котором рассказчик — западногерманский писатель доктор Блок — с иронией и некоторым отчуждением наблюдает за городом, находящимся на переломе.

Ночь чудес стала первым романом берлинской трилогии Тимма, за ним последовали *Красный цвет* («Rot», 2001) и *Полутени* («Halbschatten», 2008). Трилогия создавалась автором на протяжении долгого времени, в основе романов лежат разные ав-

торские интенции: так, в *Ночи чудес* Тимм ставил своей целью быть своего рода «этнографом» быта современной Германии, а в более поздних романах трилогии, нашел свое отражение интерес Тимма к проблемам индивидуальной и культурной памяти (Тимм 2009: 54, 64–88). От романа к роману действие охватывает все больший промежуток времени: если *Ночь чудес* посвящена современности, то в романе *Красный цвет* подводится своеобразный итог студенческим волнениям конца 1960-х гг., а в последнем романе трилогии перед читателем предстают два века немецкой военной истории. Меняется авторская интонация: ирония первой части трилогии уступает место рефлексии о немецкой истории, наполненной трагическими интонациями.

Своеобразие топографии берлинских романов Тимма состоит в том, что в каждом из них центральным образом становится знаковый объект городской топографии, монумент, концентрирующий в себе разнообразные интерпретации. В романе *Ночь чудес* — это здание рейхстага, в романе *Красный цвет* — колонна победы и украшающая ее фигура богини победы (в наивном восприятии — «золотой ангел»), а в романе *Полутени* — кладбище инвалидов. В отличие от других авторов, изображающих процессы строительства «нового» Берлина (как, например, Петер Шнайдер в *Возвращении Эдуарда*), объединение восточного и западного Берлина после разрушения стены (*Салям, Берлин* Яде Кара, *В Берлине* Ирины Либман), в центре внимания Тимма оказывается именно символика знаковых объектов городского пространства. Эпоха «поворота» — это не время эйфории, а время интенсивного осмысления и переосмысления немецкого прошлого, воплощенного в объектах городского текста. В силу сказанного, исследование образа города в трилогии Тимма с позиции семиотики представляется обоснованным.

2. Методы исследования

Для отражения специфики городского, и в частности «берлинского текста», в современных исторических, культурологических и литературоведческих исследованиях используется термин «город-палимпсест», подчеркивающий гетерогенность и диахронность элементов, составляющих текст города (ASSMANN 2007: 111–135; HUYSSSEN 2003; GONSALVES DA SILVA 2005; BINDER 2015; МИТИН 2005; МИТИН 2014; ДЖУМАЙЛО 2018: 182). По определению А. Ассман, «палимпсест» обозначает:

«дорогостоящую рукопись на пергаменте, с которой средневековыми монахами старательно счищены старые надписи, чтобы дать место новым», при этом «благодаря использованию специальных средств, стертый текст может позднее снова стать доступным к прочтению» (ASSMANN 2007: 111).¹

Основатель «мифогеографии», И. И. Митин, утверждает, что «метафора палимпсеста отражает *видение ландшафта как многослойной структуры*» (МИТИН 2014: 150–152). С. А. Ромашко описывает город как «ось, пронизывающую вращение времен», «на эту ось и наматывается пространственная структура, которую можно читать, словно годовые кольца на распиле древесного ствола» (РОМАШКО 2002). «Слои» городского палимпсеста образованы как коллективными, так и индивидуальными интерпретациями элементов пространства. Палимпсест предполагает специфическую темпоральность: элементы городского текста, возникшие в различные исторические эпохи, способны репрезентировать разнообразные смыслы, изменяющиеся со временем. Иерархия этих интерпретаций — или «слоев» — динамична, каждая из многочисленных интерпретаций пространственного палимпсеста в какой-то момент может стать главной (МИТИН 2005: 4). В городском палимпсесте постоянно происходит смена устаревших смыслов новыми, но старые до конца не утрачиваются — ничто не может быть окончательно забыто, уничтожено или стерто из памяти, как из индивидуальной, так и культурной.

Стоит отметить, что соотношение понятий «городской текст» и «городской палимпсест» по-разному оценивается исследователями. Оба термина восходят к семиотике города, разработанной в исследованиях Ю. М. Лотмана, Р. Барта, В. Н. Топорова. С другой стороны, существует точка зрения, разделяемая, в частности, Ю. Биндер, о том, что понятия «текст» и «палимпсест» стоит противопоставить: структура палимпсеста предполагает установку на разрыв, неодновременность, дисконтинуальность слоев, в то время, как само понятие «текст» означает гомогенность, последовательность составляющих его элементов (BINDER 2015: 57–58). Тем не менее, говоря о городе как «сложном семиотическом механиз-

¹ Перевод научных текстов и текстов эссе Тимма — О. Д. Текст романов Тимма приводится в оригинале. Романы Тимма *Красный цвет* и *Полутени* не переведены на русский язык.

ме, генераторе культуры», Ю. М. Лотман указывает на гетерогенность входящих в его состав текстов и кодов, что делает его пространством «семантических коллизий» (ЛОТМАН 1992: 13). Лотман не использует понятие «палимпсест», но говоря об этих коллизиях, описывает семантическую структуру, имеющую признаки палимпсеста: «синхронное соположение разнородных семиотических образований», наличие диахронных элементов — «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох», генерирующих «тексты исторического прошлого» (ЛОТМАН 1992: 14).

В рамках теории культурной памяти развитие города понимается как постоянное конструирование городского палимпсеста, которое А. Ассман описывает как соединение «гетерогенных следов истории» в «единое послание» (ASSMAN 2007: 114). В основе переустройств городского пространства, по мнению исследовательницы, важное место занимает символическое переосмысление истории, попытка ответить на вопрос: «Какую историю мы хотим рассказать о самих себе и сохранить в нашей памяти?» (Ibid.: 131).

В литературоведческих исследованиях современного города понятие палимпсеста является востребованным, что отмечает О. А. Джумайло. По мнению исследовательницы, в современных работах в отношении Лондона, палимпсест становится «доминирующей структурой мышления о городе», метафорой, которая охватывает все «темпоральные, пространственные, социальные, интертекстуальные и гипертекстовые» составляющие городского текста, а также запечатлевает комбинацию его индивидуальных и коллективных интерпретаций» (ДЖУМАЙЛО 2018: 182).

3. Результаты исследования

В романе Тимма *Ночь чудес* лихорадочная атмосфера Берлина эпохи «поворота» изображается с точки зрения alter ego автора, рассказчика-писателя, называющего себя «доктор Блок». В попытках преодолеть творческий кризис Блок соглашается написать эссе о картофеле по заказу журнала и приезжает в Берлин, чтобы познакомиться с восточногерманским культурологом Роглером, собравшим архив картофельных сортов. Блок выясняет, что Роглер умер незадолго до его приезда, и все его пребывание в Берлине становится погоней за картофельным архивом, который все-таки оказывается безвозвратно утраченным.

Приезд Блока в Берлин приурочен к знаменательному событию, масштабной художественной акции, начало которой пришлось на ночь с 23 на 24 июня 1995 г.: это акция американского художника болгарского происхождения Кристо Явашева и его жены Жан-Клод «Завернутый рейхстаг». Здание рейхстага было «завернуто» в огромное серебристое полотнище и простояло в таком виде две недели. Эта акция привлекла в Берлин толпы туристов и вызвала бурную реакцию медиа. По замыслу художников «упаковка» должна была придать зданию рейхстага новый смысл в контексте новой эпохи — эпохи объединения Германии. Историк Андреас Гюйссен интерпретирует акцию Кристо как палимпсест, поскольку речь шла о преобразовании семантики городского пространства: акция могла восприниматься как временное забвение немцами своей истории, благодаря которому происходило освобождение от ее груза («redemption from history») (HUYSSSEN 2003: 35). Однако из-за ожесточенной дискуссии в медиа, можно говорить о том, что проект Кристо вызвал скорее противоположный эффект — не забвения, а обращения всеобщего внимания к зданию рейхстага, к смыслу этого монумента (Ibid.: 36).

Начало акции Кристо (ночь с 23 на 24 июня) в немецкой культуре — ночь рождения Святого Иоанна,² в русской культуре — ночь Ивана Купалы, которая во многих культурах связана с представлениями о чудесах и превращениях. Как говорит один из случайных знакомых Блока, это «самая эстетическая ночь года», когда повсюду «путаница, переодевания, притворство» («Verwechslungen, Verkleidungen, Vertauschungen») (ТИММ 1996: 221).

Центральным мотивом романа становится иронически осмысленный мотив метаморфозы. В эпоху «поворота» с жителями Берлина и городским пространством происходят разнообразные изменения и метаморфозы. Впрочем, при более пристальном изучении, оказывается, что эти изменения только внешние, а то и вовсе обман. Блок постоянно становится жертвой мошенников и авантюристов: так купленная у итальянского таксиста куртка из мягкой кожи буквально распадается в руках Блока, поскольку ведь при ближайшем рассмотрении оказыва-

² В дословном переводе роман *Johannisnacht* переводится как *Ночь Святого Иоанна*.

ется, что она была из бумаги. Парикмахер из восточной Германии «преображает» Блока с помощью неудачной «стрижечки», которая спереди выглядит вполне благопристойно, а сзади представляет собой три полосы выстриженных волос, вызывающие всеобщее недоумение.

Мотив метаморфозы подкреплён в тексте романа многочисленными реминисценциями из комедии Шекспира *Сон в летнюю ночь*, цитата из которой служит эпиграфом к роману. Так, квартиру берлинского друга рассказчика освещает лампа с силуэтами эльфов и фей, в отношениях Блока и ассистентки Роглера, юной Тины, проявляются мотивы любовного обмана и незнания, а «стрижечку» исправляет парикмахер по имени Пак, добавив к ней три полосы зеленого цвета. Голова Блока превращается в подобие ослиной головы ткача Основы из шекспировской комедии. Но между Блоком и Основой есть существенное отличие: экстравагантная прическа рассказчика заметна не сразу, а лишь при повороте головы. Рассказчик становится подобен двуликому Янусу, то есть сам оказывается вовлеченным в череду превращений и подмен, которые составляют атмосферу города.

Другим источником интертекстуальности в романе становится *Одиссея* Гомера, сюжет которой также наполнен превращениями и авантюрами. «Завернутый рейхстаг» вызывает у Блока ассоциации с кораблем, паруса которого надуты ветром, экзотический принц-туарег дарит ему перстень с изображением спутницы Одиссея — Афины, а Тина, поглощая салат в греческом ресторане, цитирует строфы о Протее из гомеровского эпоса. Мотив волшебного превращения в романе подкреплён и сказочными аллюзиями: тут и птица Рох, и сказочное число: 1001, да и банальная картошка оказывается по некоторым источникам «ночным растением», обладающим рядом магических свойств.

Мотив метаморфозы в романе выступает как один из знаков эпохи объединения. Новое время повлекло за собой столь резкие перемены в биографии восточных немцев, что они могут восприниматься почти как фантастические превращения. Судьбы героев романа-восточных немцев отражают кардинальную смену социального статуса: исследователь языка цыган становится фальсификатором картин русских конструктивистов, культуролог — консультантом по недвижимости, подполковник — предпринимателем. Но при внимательном изучении оказывает-

ся, что резкая смена положения не изменила сути человека; свою новую идентичность герои примеряют как маску, внутренне оставаясь теми же. Эпоха объединения превращается, таким образом, в маскарад, символом которого становится рейхстаг, временно скрытый под «упаковкой» как под маской, но оставшийся прежним. Блок рассуждает о рейхстаге как «ящике», который он всегда не мог терпеть, который лишь временно преобразился ко всеобщему ликованию. В контексте романа наступившая эпоха объединения вызывает сомнения, не является ли новый облик города лишь маскарадом, за которым скрыты старые неразрешенные проблемы между «осси» и «весси»?

По мере удаления от центра, охваченного туристическим бумом, рассказчик углубляется в восточный и западный Берлин, в полной мере сохраняющие в себе приметы бывшего разделения. Важно и то, что городская реальность наполнена образами-знаками более ранних эпох немецкой истории, которые «проступают» сквозь современность, подобно слоям палимпсеста. Так, под осыпавшейся штукатуркой зданий Магдалененштрассе видны отверстия, проделанные пулями во время боев за Берлин. В этом образе метафора «слоев» городской реальности проявляет себя в полной мере. Эпоха объединения — это время, когда бывшие ценности утратили свое значение: на барахолке перед зданием рейхстага продаются реликвии, превратившиеся в театральный реквизит:

«noch immer werden Stücke der Mauer verkauft, fingernagelgroße, handflächengroße, bemalt, blau, rot, auch Uniformmützen der Roten Armee vom Leutnant bis zum Marschall..., Nachtgläser, Panzeruhren, Orden... Daneben lebende Bilder, Mumien, Caesaren, vergoldete Putti, Engel» (Тимм 1996: 174).

Особую роль в романе играют индивидуальные интерпретации городского пространства. Берлина времен войны оживает в воспоминаниях старшего поколения. Довольно большой фрагмент романа посвящен интерпретации городского пространства сквозь призму биографии Розы Люксембург, реквием по которой создал сосед Блока по пансиону. Таким образом, городское пространство моделируется как палимпсест, включающий различные смыслы, в рамках которого происходит игра с устаревшими смыслами, но не их окончательная утрата.

Противоречивое взаимодействие коллективных и индивидуальных интерпретаций определяют трактовку городского пространства в романе *Красный цвет*. Это самый субъективный роман трилогии, в котором «прочтение» элементов городского текста главным героем неотделимо от поисков ответа на экзистенциальные вопросы. Томас Линде, главный герой романа, профессиональный оратор на похоронах, должен произнести речь о друге своей юности, Ашенбергере, согласно завещанию последнего. Много лет назад, в юности Линде и Ашенбергер участвовали в студенческих волнениях и мечтали о преобразовании общества. В отличие от Ашенбергера Линде отказался от юношеских идеалов. Чтобы написать речь, Линде пытается вспомнить своего друга, эти воспоминания заставляют Линде провести своего рода ревизию своей жизни. Процесс воспоминаний становится травматическим и приводит Линде к отчаянию.

Линде и Ашенбергер — двойники-антиподы, с образами которых связано два различных городских текста. Линде живет в западном Берлине, обладает минимумом вещей, его маршруты связаны либо с берлинским зоопарком «Цоо» — местом свиданий с его подругой Ирис, либо с кафе в западной части города. Квартира Ашенбергера на восточной окраине Берлина захлавлена бумагами, записями, книгами, чертежами. Ашенбергер работал экскурсоводом, его экскурсии проходили по историческим местам Берлина, городское пространство в его восприятии репрезентирует немецкую историю. В бумагах своего друга Линде находит подробные планы одной из главных берлинских достопримечательностей — колонны победы, а также взрывчатку для ее разрушения, и понимает, что Ашенбергер завещал ему осуществить этот замысел. Таким образом, в точке колонны победы в центре Берлина соединяются два восприятия городского пространства: аполитичный западный Берлин Линде и наполненный исторической рефлексией восточный Берлин Ашенбергера.

Линде начинает заново изучать Берлин, смотреть на него глазами старого друга. Колонна победы становится постепенно его наваждением. Как и большинство берлинцев, Линде видел колонну победы только издали. При наблюдении вблизи вдруг становится очевидным, что барельефы в основании колонны воплощают милитаристскую символику времен германской империи. Ашенбергер размышляет, в колонне победы сим-

волицески сконцентрированы разные эпохи немецкой истории, прошедшие под знаком войн и диктатур:

«Hier haben Sie die katastrophische deutsche Geschichte versammelt, ikonographisch, Kriege, die Reichsgründung, Weltkriege, Revolution, Weimarer Republik, Nazizeit, Siegesallee, Endkampf... Teilung Berlins, dort die Mauer der DDR, hier die Siegesparaden der Alliierten, der Amis, Engländer, Franzosen, und dann die Vereinigung, Feuerwerk, und wenn das so weiter geht, die Parade der Bundeswehr» (ТИММ 2017b: 280).

Линде не может прийти к однозначной интерпретации памятника. Он сомневается в том, что колонна победы воспринимается современными немцами как милитаристский символ. Так, во время одного из своих посещений он наблюдает, что внутреннее пространство памятника покрыто рисунками, надписями туристов, а это уже новый «слой», слой современности. Кроме того, золотая статуя Виктории в бытовом сознании воспринимается как «золотой ангел». А ангелы, как сказано в романе, не отражают победу: «Engel stehen nicht für den Sieg» (Ibid.: 365). По замыслу Тимма, роман должен был называться *Ангел победы* («Der Siegesengel»), что отражало бы противоречивость трактовки этого образа.

По мнению К. Гермер, в образе ангела в романе *Красный цвет* история сопрягается с трансцендентностью (GERMER 2012: 212). Об этом свидетельствует другая интерпретация «золотого ангела» представителем «поколения шестидесятых» Эдмондом: золотая статуя вызывает ассоциации с «ангелом истории», центральным образом неоконченной работы Вальтера Беньямина *О понятии истории* («Über den Begriff der Geschichte», 1940). Десятый тезис работы Беньямина посвящен ангелу истории, которого «буря» прогресса гонит в будущее, в то время как перед ним вырастает гора руин. Этот тезис процитирован в романе Тимма почти целиком, при этом ангелу истории дается иная трактовка: он не пытается «помедлить» и защитить руины, а выступает лишь как олицетворение разрушения:

«Ja, den Engel muss man sprengen, den Engel der Geschichte, den, der immer voranschreitet, der Fahrtwind wühlt in seinem Haar, in seinen Federn, ja, der fliegt fast, rückwärts, und vor sich läßt er die Ruinen» (ТИММ 2017b: 192).

Фигура ангела становится для Линде в какой-то момент воплощением его совести: в его фантазиях ангел оживает, напевает мотивы джазовых композиций, ведет с Линде диалоги, упрекая его в конформизме и неспособности к действию. Золотой ангел иногда переходит на берлинский диалект, что вызывает ассоциации с образом смерти из романа А. Деблина *Берлин Александерплац*.

Таким образом, в романе *Красный цвет* поставлен вопрос не только о многосоставности, многослойности смыслов, заключенных в колонне победы, и в целом, городском тексте, но и о том, что полузабытые, стертые смыслы (в случае колонны), милитаристская символика барельефов могут однажды вновь стать актуальными. Гибель рассказчика не дает ему осуществить взрыв, к которому он готовится. Роман не дает однозначного ответа на вопрос о том, как следует поступить с подобным памятником: ведь и забвение истории через разрушение памятника невозможно.

Содержание романа *Полутени* связано еще с одним знаковым пространством облика Берлина — кладбищем инвалидов. В этом романе метафора палимпсеста проявляет себя с наибольшей отчетливостью. Кладбище инвалидов — особое место в Берлине. Основанное в конце XVIII в., оно просуществовало как место захоронения выдающихся военных, во время разделения Германии по его территории проходила берлинская стена и кладбище было разрушено. В конце войны гестаповцы расстреляли на территории кладбища бойцов сопротивления, которые впоследствии были похоронены на его территории. Во время войны здесь велись бои и некоторые плиты сохраняют следы разрушений. В годы разделения Германии здесь были расстреляны несколько беженцев из восточной Германии при попытке бегства. Таким образом, это место репрезентирует самые трагичные эпохи немецкой истории: войну, нацистский террор, разделение Германии. Как сказано об этом в романе:

«Alles hat sich hier versammelt, die Schlachtenlenker, die Helden der Lüfte, die Widerstandskämpfer, Reaktionäre und Reformer, Demokraten und Nazis. Dort drüben, keine hundert Meter entfernt von den ermordeten Männern des Widerstands, in dem stark zerstörten Feld A, liegt er, der Erfinder der Gegnerkartei, Reinhard Heydrich. Hier der General Schlieffen, dort Moltke der Jüngere, ganz nah Udet und Mölders, der General Winterfeldt, Freund Friedrich des Großen, ein tapferer Mann, sechsmal verwundet und an seiner letzten

Wunde gestorben. <...> Ein Ort der Gewalt» (ТИММ 2017а: 73).

Среди могил военных-мужчин выделяется надгробный камень женщины, летчицы Маргареты фон Этцдорф (1907 — 1933). В отличие от помпезных надгробий военных, на могиле Марги лежит скромный камень, на котором высечен призыв «Полет стоит жизни». Маргарета — историческая личность, она добилась большого успеха благодаря совершенному ей перелету из Германии в Японию. По сюжету романа, в японской Хиросиме произошло знакомство Маргареты с немецким дипломатом и летчиком Кристаном фон Далемом (вымышленная личность), который предложил ей ночлег в своем доме. Той ночью героини рассказывают друг другу историю своей жизни, будучи отделенными друг от друга тканевыми занавесками, в полутени. Другая линия романного сюжета, разворачивающаяся параллельно ночному разговору — экскурсия рассказчика по кладбищу инвалидов в сопровождении таинственного человека в серой шинели. Во время этой экскурсии рассказчик и экскурсовод слышат голоса мертвых, покоящихся на этом кладбище, которые рассказывают истории своей жизни и делятся воспоминаниями о Марге фон Этцдорф и причинах ее гибели.

Кладбище становится экспериментальным пространством для фрагментарного и мультиперспективного изображения двухсотлетней немецкой истории. Эта история предстает как палимпсест, наложение воспоминаний и биографий представителей различных эпох, объединенных лишь событиями войны и террора.

Если в двух других романах трилогии городской текст представлен туристическими достопримечательностями Берлина, то в романе *Полутени* перед читателем предстает гетеротопия в терминологии Фуко, «другое» пространство, полузабытое, вытесненное на периферию. В то же время, есть определенное родство между памятником и могильным камнем, ведь именно могильные камни исторически выполняли роль первых монументов, закладываемых в основание временной оси города (РОМАШКО 2003). Как заметили критики, рассказчик и его экскурсовод подобны Данте и Вергилию (GERMER 2012: 2018), совершающим путешествие в ад, в то же время эта параллель не может быть в полной мере применена к роману, ведь изображенный в нем мир мертвых нельзя однозначно трактовать как ад или чистилище: палачи здесь покоятся на одном простран-

стве с жертвами. Противоречива и трактовка образа Марги фон Этцдорф: она была вовлечена в нелегальную торговлю оружием нацистов, но делала она это, чтобы финансировать полеты, составлявшие главную страсть ее жизни. Не случайно, Марга вызывает ассоциации с ангелом. Кладбище инвалидов осмысливается в романе, используя терминологию А. Ассман, как «травматическое место», поддерживающее негативную память, сопротивляющееся положительному смыслополаганию (АССМАН 2018: 239).

Важную роль в романе играет мотив вслушивания рассказчика в судьбы обитателей кладбища. Из территории забвения кладбище инвалидов превращается в пространство воспоминаний. Рассказчик, слышащий истории мертвых, не дает им оценки, но ему важно услышать эти голоса, не дать им замолчать. Сопротивление забвению выступает в романе, тем самым, как важнейшая задача литературы.

4. Заключение

Образ города в романах Тимма представлен, в первую очередь, объектами архитектуры, репрезентирующими многозначные смыслы, связанные с различными эпохами немецкой истории. Переходная эпоха, эпоха «поворота» настойчиво требует обращения к городскому тексту, его переосмысления. В отличие от многих авторов «берлинских романов», изображающих обновление внешнего облика Берлина, Тимм сконцентрирован на внутренней динамике городского текста, на отраженной в нем культурной памяти и на его индивидуальных прочтениях. Городской ландшафт репрезентирует разнообразные «слои», текст «прошлого» проступает сквозь пока еще неопределенную современность. В пространстве города, как в памяти индивидуума, никакие смыслы не могут быть полностью утрачены, без возвращения к ним и выработки новых смыслов невозможна преемственность между прошлым, настоящим и будущим.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Assmann, Aleida. (2018) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaya politika* (Long Shadow of the Past. Memorial Culture and History Policy). Moscow: New Literary Review. (In Russian)].

- Джумайло О. А. Новые книги о лондонском тексте // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3 (2). С. 178—195. [Dzhumaylo, Olga A. (2018) *Novyye knigi o londonskom tekste* (New Books of London Text). *Praktiki i interpretatsii* (Practices and Interpretations), 3 (2), 178—195. (In Russian)]. DOI: 10.23683/2415-8852-2018-2-178-195.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллин: Александра, 1992. [Lotman, Yuriy M. (1992) *Stat'i po istorii russkoy literatury XVIII — pervoy poloviny XIX veka* (Articles on the History of Russian Literature of the 18th — first half of the 19th century). In Lotman, Yuriy M. *Izbrannye stat'i* (Selected Articles). In 3 vols. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra. (In Russian)].
- Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. № 2. С. 12—25. [Mitin, Ivan I. (2005) *Mifogeografiya: prostranstvennyye mify i mnozhestvennyye real'nosti* (Mythogeography: Spatial Myths and Multiple Realities), *Communitas*, 2, 12—25. (In Russian)].
- Митин И. И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / ред. А. Г. Дружинин, В. Н. Стрелецкий. Ростов/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 147—156. [Mitin, Ivan I. (2014) *Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskiy podkhod v kul'turnoy geografii* (A Place as a Palimpsest: a Mythogeographic Approach in Cultural Geography). In Druzhinin, Aleksandr G., & Streletskiy Vladimir N. (eds) *Fenomen kul'tury v rossiyskoy obshhestvennoy geografii: ekspertnyye mneniya, analitika, kontsepty* (The Phenomenon of Culture in Russian Public Geography: Expert Opinions, Analytics, Concepts). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 147—156. (In Russian)].
- Ромашко С. А. Монумент — сувенир — улика: временная ось мегаполиса [Электронный ресурс] // *Логос*. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/monument-souvenir-ulika-vremennaya-os-megapolisa.html>. [Romashko, Sergey A. (2003) *Monument — souvenir — ulika: vremennaya os' megapolisa* (Monument — Souvenir — Evidence: the Time Axis of the Metropolis). *Logos*, 2. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/monument-souvenir-ulika-vremennaya-os-megapolisa.html>. (In Russian)].
- Assmann, Aleida. (2007) *Geschichte im Gedächtnis. Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. München: C. H. Beck.
- Binder, Julia. (2015) *Stadt als Palimpsest: zur Wechselwirkung von Materialität und Gedächtnis*. Berlin: Neofelis.
- Germer, Kerstin. (2012) *(Ent-)Mythologisierung deutscher Geschichte. Uwe*

- Timms narrative Ästhetik*. Göttingen: V&R unipress.
- Gonçalves da Silva, Helena. (2005) *Berlin und die historische Wende: Christa Wolfs *Kassandra* und Günter Grass' *Ein weites Feld*. *Gegenwartsliteratur*. Schwerpunkt: *Berlin-Literatur*. Ein germanistisches Jahrbuch, 4. 2005, 71—90.*
- Huyssen, Andreas. (2003) *Present Past. Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Jäger, Christian. (1999) *Der literarische Aufgang des Ostens. Zu Berlin-Romanen der Nachwendzeit*. In Schütz, Erhard, & Döring, Jörg. (eds) *Text der Stadt — Reden von Berlin. Literatur und Metropole seit 1989*. Berlin: Weidler Buchverlag, 16—31.
- Jahraus, Oliver. (2020) *Metropole-Nekropole. Uwe Timms Berlin-Romane *Johannismacht*, *Rot* und *Halbschatten**. In Hielscher, Martin, & Marx, Friedhelm. (eds) *Wunschort und Widerstand. Zum Werk Uwe Timms*. Göttingen: Wallstein Verlag, 161—175.
- Langer, Phil C. (2002) *Kein Ort. Überall. Die Einschreibung von „Berlin“ in die deutsche Literatur der neunziger Jahre*. Berlin: Weidler Buchverlag.
- Ledanff, Susanne. (2009) *Hauptstadtphantasien. Berliner Stadtlektüren in der Gegenwartsliteratur 1989 — 2008*. Bielefeld: Aisthesis Verlag.
- Peters, Laura. (2012) *Stadttext und Selbstbild. Berliner Autoren der Postmigration nach 1989*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Timm, Uwe. (1996) *Johannismacht*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Timm, Uwe. (2015) *Mythos*. In Timm, Uwe. *Montaignes Turm. Essays*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 33—58.
- Timm, Uwe. (2017a) *Halbschatten*. München: dtv.
- Timm, Uwe. (2017b) *Rot*. München: dtv.

Olga A. Dronova
Derzhavin Tambov State University

City Text in the Berlin Trilogy by Uwe Timm

The fall of the Berlin Wall and the unification of Germany caused the actualization of the “Berlin text” in German literature — in the works of G. Grass, M. Maron, T. Brussig, etc. Uwe Timm also refers to the Berlin of the “Wende” in the novels that form the Berlin trilogy (*Johannismacht*, 1996; *Rot*, 2003; *Halbschatten*, 2008). The hypothesis of this work is that the Berlin text in Timm’s trilogy appears as a palimpsest, i. e. a semiotic space represented by heterogeneous diachronic “layers” of meanings that cannot be reduced to a single interpretation. The theoretical and methodological basis of the work is the research of city semiotics by Yu. M. Lotman, R. Barth, V. N. Toporov, as well as the concept of palimpsest in the theory of cultural memory (A. Assman, A. Huyssen) and mythogeography (I. I. Mitin). In the “Wende” era depicted in Timm’s novels, not only the heroes must rethink

their own life trajectory, the urban space, represented in each of the novels of the trilogy by the iconic object of Berlin also requires a new “reading”: the “wrapped” Reichstag in the novel *Johannismacht*, the “golden angel” of the victory column in the novel *Rot* and the invalid’s cemetery in the novel *Halbschatten*. It is impossible to interpret these objects unambiguously in novels, the attitude to the interaction of various interpretations and meanings is the main quality of the spatial palimpsest. In the novel *Johannismacht* Berlin of the unification era is depicted in an ironic way as a space of deception, a game with meanings. In the second novel of the trilogy, the narrator’s attempts to comprehend the figure of the “golden angel” of the victory column (as a militaristic symbol, as an “angel of history”, an attraction and as his own conscience) are inseparable from the “revision” of his own past. In the novel *Halbschatten*, the German history of two centuries appears as a palimpsest of memories, its embodiment is the invalid’s cemetery — a “traumatic place” (Assman), on which the executioners rest together with the victims. In Timm’s novels, modernity appears as a time when German society constructs an attitude to its past, inseparable from a new reading and reinterpretation of the urban text as a representation of the cultural memory of the nation.

Keywords: Uwe Timm; “Berlin text”; semiotics; palimpsest; German reunification; memory

Для цитирования:

Дронова О. А. Текст города в берлинской трилогии Уве Тимма // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 421—437.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-421-437.

To cite this Article:

Dronova, Olga A. (2022) *Tekst goroda v berlinskoy trilogii Uve Timma* (City Text in the Berlin Trilogy by Uwe Timm). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 421—437. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-421-437.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

А. И. Жеребин

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ДВА СТИЛЯ: ШИЛЛЕР И ШЕКСПИР

Статья посвящена освоению и трансформации идейно-образного содержания трагедий Шекспира в творчестве Фридриха Шиллера. Опираясь на теоретические высказывания немецкого поэта (*О наивной и сентиментальной поэзии*, 1795, переписка с И. В. Гёте и с А. В. Шлегелем), автор выявляет принципы и средства идеалистической перекодировки шекспировских мотивов в драматургии Шиллера (*Разбойники*, *Коварство и любовь*, трилогия о Валленштейне, *Мессинская невеста*) и, в особенности, в его переводе *Макбета* (1800), который рассматривается как наиболее выразительный пример перемещения подлинника в эстетическую и драматургическую систему веймарского классицизма. Там, где у Шекспира царят страсть и своеволие, чувствуется динамизм и напряженность драматической интонации, эмоциональная экспрессивность слова и предложения, у Шиллера преобладает моралистическая рефлексия, господство риторического, абстрактно-обобщенного слова, логическая завершенность ритмико-синтаксических конструкций и плавная величавость отточенной, афористической речи — все то, что сглаживает, отчасти и разжижает семантическую насыщенность стиха. В немецкой филологической науке рецепция Шекспира в Германии — традиционный предмет изучения, но в русской литературе интерес к этому вопросу отразился слабо. Между тем, шиллеровская транскрипция Шекспира имеет теоретическое значение, выходящее за рамки XIX столетия.

Ключевые слова: веймарский классицизм; вольный перевод; герменевтика; идеалистическая эстетика; рецепция; стиль; шекспиризация

1. Введение

Шекспир был воспринят молодым Шиллером на фоне культа английского драматурга, распространившегося в Германии благодаря Лессингу и Гердеру, Гёте и поэтам «Бури и натиска». Впервые Шиллер услышал о Шекспире в студенческие годы на лекциях профессора Якоба Фридриха Абеля, иллюстрировавшего положения этической философии примерами из трагедий Шекспира (САФРАНСКИ 2007: 55; STRICH 1912: 28–29). Шиллер перенимает эту практику в своих первых теоретических сочинениях — диссертации *Опыт о связи животной и духовной природы*

человека (1780) и статье *О современном немецком театре* (1782). Уже здесь намечается принцип идеалистической концептуализации шекспировских образов, который Шиллер последовательно проводит затем в своих драмах.

2. Характеристика материалов и метода исследования

В немецкой филологической науке рецепция Шекспира в Германии — традиционный предмет изучения, но в русской литературе вопроса этот интерес отразился слабо. Между тем, шиллеровская транскрипция Шекспира имеет теоретическое значение, выходящее за рамки XIX в. Она во многом определила международную дискуссию о реализме, оживившуюся в середине XX в., и обозначила переход к современной интеллектуальной драме, в которой идея как принцип изображения сливается с формой, и реальность «мира героев» обретает смысл лишь в свете философской рефлексии автора. Хотя предметом влиятельной статьи С. Зонтаг *Против интерпретации* (1964) явилась критика и герменевтика, якобы, подменяющая многозначность чувственно-конкретного образа его абстрактным «смыслом»; косвенно Зонтаг актуализировала и всю проблему размежевания художественных стилей, восходящую к оппозиции «Шекспир — Шиллер».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Увлечение молодого Шиллера Шекспиром, о котором не раз упоминают его учителя и соученики, отразилось, прежде всего, в *Разбойниках* (1781), первой из шиллеровских «драм свободы». Старый граф фон Моор, утративший способность различать добро и зло, напоминает короля Лира, философствующий злодей Франц объединяет в себе черты Яго, Ричарда III и Эдмонда, а в сентиментально-романтическом образе Амалии «встречаются» Джульетта и Офелия. Размышления Карла Моора о самоубийстве (с приставленным к виску пистолетом) воспроизводят знаменитый монолог Гамлета, «песнь Брута», исполняемая им накануне сражения, представляет собой прямую цитату из *Юлия Цезаря*, его отчаянные жалобы в финале драмы обнаруживают текстуальные соответствия с предсмертными словами Макбета. Композиция *Разбойников*, фрагментарная и многофигурная, отражает шекспиризацию немецкой драмы 1770-х гг. (Гёте, Ленц, Клинггер, Вагнер), сознательно противопоставленную ее авторами правилам классицизма. Бунт и возмущение становятся

у Шиллера художественной ценностью, французская тираномания предвосхищается немецкой эстетикой, формирующейся на шекспировской основе.

Аналогичные, хотя и менее явные шекспировские реминисценции выявлены исследователями и применительно к двум другим ранним драмам Шиллера — республиканской трагедии *Заговор Фиеско в Генуе* (1783) и мещанской трагедии *Коварство и любовь* (1784) (VÖNTLINGK 1910: 101–104; GUNDOLF 1920: 290–294). Но, участь у Шекспира, Шиллер уже с первых шагов ему изменяет. С особой отчетливостью это проявляется в шиллеровской трактовке шекспировских злодеев, представляющих так называемую «оборотную сторону» ренессансного гуманизма (ЛОСЕВ 1978: 136–137) — индивидуалистический принцип вседозволенности. Известно, что секретарь Вурм в *Коварстве и любви* представляет собой филиацию образа Яго. Он цинично плетет сложную интригу, которая губит благородных героев — Луизу Миллер и Фердинанда фон Вальтера. Но как художественный образ Вурм очень далек от Яго. В его коварстве нет ни страсти, ни гордости, ни веры в свою правду, ни протеста против обветшалой призрачной морали. Аморализм Вурма не оправдан психологически, не вытекает из логики его характера, из глубины его индивидуального и исторического существования. Шиллера интересует не личность злодея, а его злодеяние, взятое в отношении к всеобщему нравственному закону, — и психология, и история подменяются чистой этикой (БЕРКОВСКИЙ 1936: 82). О том, как трудно давалась Шиллеру его «измена» Шекспиру свидетельствует, в частности, его письмо 1785 г. другу Людвигу Хуберу: «Почему у меня все время так кружится голова, когда я поднимаю глаза на Шекспира?» (BRACKEN 1938: I, 352).

Критика XIX в. нередко упрекала Шиллера в том, что сильные характеры, подсказанные ему Шекспиром, как злодеи, так и герои, предстают у него в этической транскрипции, выступают как моралистические образцы добродетели или порока. Так, Маркс предостерегал Лассаля от идеалистического «шиллеризирования», которое подчиняет образ отвлеченной идее. Эта критика велась на фоне Шекспира, у которого чувственно-конкретный образ человека богаче идеи, им владеющей (LUKÁCS 1952: 27–34). В начале XX в. тот же взгляд на вещи воспроизводит и чрезвычайно далекий от марксистской эстетики Ф. Гундольф:

«Гамлет мыслит от того, что он страдает, Карл Моор страдает от того, что мыслит, а мыслить означает для него соотносить реальность с далеким идеалом» (GUNDOLF 1920: 295).

На протяжении полутора веков, от Гёте до Гундольфа, шекспировский герой вызывал восхищение тем, что он существует во всей полноте человеческой природы, поскольку его характер и судьба коренятся в том универсальном единстве мировой жизни, которая включает и материальное пространство социально-исторической действительности, и духовное пространство метафизической реальности. Герои Шиллера, напротив, всецело определяются их этической функцией, их отношением к трансцендентному нравственному миропорядку, который должен быть воплощен, но еще не воплощен в чувственно-материальном мире. Нравственный же миропорядок реализуется у Шиллера в идее свободы и коррелирующей с нею идее долга. Творческая эволюция Шиллера представляет собой историю перехода от Руссо к Канту, от требования внешней свободы к утверждению свободы внутренней, которая рождается в борьбе между волей и долгом, как мы видим это в его исторических драмах — *Валленштейне*, *Марии Стюарт*, *Орлеанской девице*, *Вильгельме Телле*. Первым свидетельством этого перехода явился как известно *Дон Карлос*.

После *Дон Карлоса* Шекспир продолжает оставаться для Шиллера точкой отсчета при построении его собственной, глубоко отличной от Шекспира эстетической концепции. Ее формирование отражают философско-эстетические сочинения 1790-х гг., среди которых наиболее важен трактат *О наивной и сентиментальной поэзии* (1795).

Шекспир предстает здесь как наивный поэт-реалист, противопоставленный сентиментальному поэту-идеалисту. По мысли Шиллера, полнота и богатство реальной жизни представлены в произведениях английского драматурга «из первых рук», он «бесчувственно» скрывается за своими творениями, не вступая в прямой контакт с читателем и зрителем, отказывая ему в доверительном общении от сердца к сердцу, в удовольствии созерцать «объект в субъекте». С точки зрения Шиллера, это и достоинство, и недостаток. Достоинство Шекспира Шиллер видит в том, что природа не втиснута у него в рамки классического канона, не обеднена заданной формой художественного осмысления. Недо-

статок же в том, что она не просветлена, не облагорожена ни эстетическим, ни нравственным сознанием поэта, который бросает своего читателя в пестрый круговорот жизни, но отказывается служить ему проводником (SCHILLER 1920: IV, 451).

Сохраняя критическое отношение к французскому классицизму, Шиллер противопоставляет ему не наивный реализм, к которому стремились поэты «Бури и натиска», а антикизированный идеал художественного стиля, который формируется у него в сотрудничестве с Гёте в 1790-е гг. и входит затем в историю культуры под именем «веймарской классики». Природа в смысле античной гармонии мироздания исчезла, по Шиллеру, навсегда. Новому времени дано знать природу лишь в качестве чувственно-материального мира естественной необходимости, исключаяющей свободу воли. Современная поэзия, если она хочет сохранить возвышенный характер, обречена и призвана быть не «наивной», а «сентиментальной», т. е. изображать недостижимый идеал или эмпирическую действительность в свете этого идеала. Когда современный поэт ограничивается «подражанием природе», он слишком легко оказывается в плену «пошлого эмпиризма» (SCHILLER 1920: IV, 455).

Позднее, в период работы над *Валленштейном* (1799), Шиллер вновь пересматривает свой взгляд на Шекспира. Об этом свидетельствуют его высказывания в связи с трагедией *Юлий Цезарь*, которую он перечитывает совместно с А. В. Шлегелем, помогая ему в работе над переводом. Подобно романтикам, он приходит к выводу, что Шекспира отличает от французов не отсутствие формы, а особый ее характер — искусство типизации и символического обобщения (BRACKEN 1938: I, 344). Обращаясь к *Ричарду III*, Шиллер подчеркивает его сходство с «греческой трагедией» (Ibid.: 476), а в предисловии к своей *Мессинской невесте* (1803) сожалеет об отсутствии у Шекспира «древнего хора», который «без сомнения выявил бы подлинное значение его творчества» (SCHILLER 1920: XII, 154).

В отличие от Гердера и «бурных гениев», сблизивших Шекспира с традицией народного театра, Шиллер заново прочитывает его на фоне Аристотеля и, возвращаясь к точке зрения Лессинга, уточняет:

«Аристотель — настоящий загробный судья для всех тех, кто-либо рабски придерживается внешних правил, либо вообще не считает-

ся с какой бы то ни было формой. Шекспир, хотя он и сильно грешит против Аристотеля, согласуется с ним все же гораздо лучше, нежели вся французская трагедия» (BRACKEN 1938: I, 354).

Лучшим свидетельством переосмысления Шекспира под знаком веймарской классики является шиллеровский перевод *Макбета* (1799–1800), предназначенный для Веймарского придворного театра. Известно, что вначале Шиллер, слабо владевший английским языком, пользовался несколькими немецкими переводами, прежде всего Виланда и Эшенбурга, но на заключительном этапе работы отбросил переводы и освоил оригинальный текст. Результатом явилось вольное поэтическое переложение Шекспира по коду идеалистической эстетики. Упомянув перевод *Макбета* в статье *Шиллер и Расин*, Н. А. Жирмунская отмечает, что драматургические принципы Шиллера натолкнулись здесь на «весьма ощутимое сопротивление материала», и он обращается с оригиналом «гораздо свободнее», чем в переводе «Федры»: решительно упрощает сюжетную схему, исключает нескольких второстепенных персонажей, вычеркивает ряд политических и локальных аллюзий, переводит прозаические фрагменты в ямбическую форму, выравнивает и облагораживает поэтический стиль (ЖИРМУНСКАЯ 2001: 411–431). Там, где у Шекспира царят страсть и своеволие, чувствуется динамизм и напряженность драматической интонации, эмоциональная экспрессивность слова и предложения, у Шиллера преобладает моралистическая рефлексия, господство риторического, абстрактно-обобщенного слова, логическая завершенность ритмико-синтаксических конструкций и плавная величавость отточенной, афористической речи — все то, что сглаживает, отчасти и разжижает семантическую насыщенность стиха.

Вульгарное шутовство привратника, охраняющего тело злодейски убитого Макбетом короля, создает у Шекспира трагикомический контраст низкого и высокого, быта и преступления. Шиллер этот контраст отменяет, замещая его другим, единственно для него важным — между мрачной действительностью и светлым идеалом, омерзительным ночным убийством и красотой пробуждающейся природы; привратник поет у Шиллера лирическую утреннюю песню, прославляющую божье творение.

Наиболее выразительное отклонение от оригинала касается образов ведьм, предсказывающих судьбу Макбета. В пьесе

Шекспира они — хтонические существа народного мифа, символ другой, темной стороны мироздания, в котором доброе и злое сплетаются, проникают друг в друга и непостижимым образом друг друга обуславливают: «добро во зле, а зло в добре» («fair is foul, and foul is fair»). Так это и в микрокосме души Макбета, человека мистического сознания, подвластного воздействию мирового зла.

В переводе Шиллера образы ведьм переосмыслены этически. Они — не плоть от плоти иррациональной природы, а вестницы неотвратимой Немезиды и блюстительницы нравственного миропорядка, не столько эринии, возбуждающие безумие и злобу, сколько эвмениды, требующие кары за избыток земного счастья. Это влечет за собой новую трактовку образа Макбета. Шиллер интерпретирует его по модели своего Валленштейна. Подобно Валленштейну, Макбет честолюбив, но благороден и стремится к добру. Его ошибка в том, что он слишком уверовал в свою миссию и удачу, забыв о принципиальном несовершенстве чувственно-материального мира, в котором счастье — дьявольское искушение, и тот, кто ему поддастся, должен предстать перед высшим судом. Если над Макбетом Шекспира господствуют темные силы природы, то герой Шиллера подчиняется нравственному закону возмездия.

4. Заключение

Шиллер оказал значительное влияние на позднейшую рецепцию Шекспира в Германии XIX в., и не только в Германии. С одной стороны, Шекспир и Шиллер выступают как знаковые фигуры, репрезентирующие оппозицию эстетики реализма и эстетики идеализма, с другой, самый «реализм» Шекспира нередко подвергается вольной или невольной этической переоценке в духе Шиллера (Лукач 1935: LXXIX).

Не исключено, что в конечном счете Шиллер победил Шекспира. Думая о XX в., много ли мы можем назвать произведений, в которых главным фактором художественного впечатления является чувственная непосредственность образов, чистая и неперевожимая до конца на язык мысли? Стивен Гринблат сделал, кажется, все, чтобы включить произведения Шекспира в дискурсивное поле позднего Возрождения, в том числе в его философский контекст (GREENBLATT: 1989). Но не Шекспир, а Шиллер стал для последующих эпох, по выражению Л. Гинзбург, осново-

положником «поэзии мысли», основанной на синкретизме философского и художественного начал. Одним из поздних свидетельств этой победы Шиллера над Шекспиром явилась статья Сьюзен Зонтаг *Против интерпретации*, написанная в 1964 г. (SONTAG 1966: 9–18). Ни имени Шекспира, ни имени Шиллера Зонтаг не называет — это вообще не ее материал. Но когда она защищает чувственную полноту эстетического переживания от подмены ее призрачным миром «смыслов», а интерпретацию называет мутью интеллекта искусству, это касается не только критики, но и того шиллеровского, анти-шекспировского стиля, в котором художественная форма насквозь проникнута и определена этической мыслью и мысль выступает как принцип изображения эмпирической действительности. После Шиллера чувственная непосредственность образов, чистая и непереводаемая на язык абстрактной мысли, становится исключением. Полная переводимость с языка искусства на язык философии и в обратном направлении — это не злая воля критики, а сознательная установка современного художника, и восходит она именно к Шиллеру.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Берковский Н. Я.* Эволюция и формы раннего реализма на Западе // Н. Я. Берковский (ред.). Ранний буржуазный реализм. М.; Л.: Гослитиздат, 1936. С. 7—104. [Berkovskiy, Naum Ya. (1936) *Evolutsiya i formy rannego realizma na Zapade* (The Evolution and Forms of early Realism on the West). In Berkovskiy, Naum Ya. (ed.) *Ranniy burzhuaznyy realizm* (Early Bourgeois Realism). Moscow; Leningrad: Goslitizdat Publ., 7—104. (In Russian)].
- Жирмунская Н. А.* Шиллер и Расин // Н. А. Жирмунская. От барокко к романтизму. Статьи о французской и немецкой литературах. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 411—431. [Zhirmunskaya, Nina A. (2001) *Shiller i Rasin* (Schiller and Racine). In Zhirmunskaya, Nina A. *Ot barokko k romantizmu. Stat'i o frantsuzskoy i nemetskoj literaturakh* (From Baroque to Romanticism. Articles on French and German literature). Saint Petersburg: Philological faculty of Saint Petersburg State University, 411—431. (In Russian)].
- Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. [Losev, Aleksey F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya* (Aesthetics of the Renaissance). Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)].
- Лукач Г.* Шиллер как эстетик // Ф. Шиллер. Статьи по эстетике. М.; Л.: Academia, 1935. С. VII—LXXXIII. [Lukach, Georg. (1935) *Schiller*

- как estetik (Schiller as an Aesthetician). In *F. Schiller. Stat'i po estetike* (F. Schiller. Articles on Aesthetics). Moscow; Leningrad: Academia, VII—LXXXIII. (In Russian)].
- Сафрански Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма. М.: Текст, 2007. [Safranski, Rüdiger. (2007) *Shiller, ili Otkrytiye nemetskogo idealizma* (Schiller, or The Discovery of German Idealism). Moscow: Tekst. (In Russian)].
- Böhtlingk, Arthur. (1910) *Schiller und Shakespeare*. Leipzig: Eckardt Verlag.
- Bracken, Ernst. (ed.) (1938) *Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe*. In 2 Bd. Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft.
- Greenblatt, Stephen. (1989) *Shakespearean negotiations: The circulation of social energy in Renaissance England*. Berkeley: University of California Press.
- Gundolf, Friedrich. (1920) *Shakespeare und der deutsche Geist*. Berlin: G. Bondi Verlag.
- Lukács, Georg. (1952) *Karl Marx und Friedrich Engels als Literaturhistoriker*. Berlin: Aufbau-Verlag.
- Schiller, Friedrich. (1920) *Sämtliche Werke*. In 12 Bd. Leipzig: Tempel-Verlag.
- Zontag, Susan. (1966) *Against interpretation: And other essays*. New York: Dell Publ.
- Strich, Fritz. (1912) *Schiller. Sein Leben und sein Werk*. Leipzig: Tempel-Verlag.

Aleksey I. Zherebin
Herzen Russian State Pedagogical University

Two Styles: Schiller and Shakespeare

This article focuses on the development and transformation of the ideas and images of Shakespeare's tragedies in Friedrich Schiller's works. Based on the theoretical statements of the German poet (On Naive and Sentimental Poetry, correspondence with Goethe and A. Schlegel), I discuss the principles and means of idealistic recoding of Shakespeare's motifs in Schiller's dramas (The Robbers, Fiesco, Intrigue and Love, Wallenstein trilogy, The Bride of Messins) and, in particular, in his translation of Macbeth (1800). The latter is considered to be the most vivid example of how the original is transformed when it is placed into the aesthetic and dramatic framework of Weimar classicism. Where in Shakespeare's works passion and wilfulness reign, and one feels the dynamism and tension of dramatic intonation, the emotional expressiveness of words and sentences, in Schiller's works his moralistic reflection prevails, with the dominance of the rhetorical, abstract and generalized wording, the logical completeness of

polished rhythm and syntax as well as aphoristic speech. All of it tunes down the semantic richness of the verse. In German philological science, the reception of Shakespeare in Germany is a traditional subject of study, but in Russian literature, interest in this issue has been poorly reflected. Meanwhile, Schiller's transcription of Shakespeare has a theoretical significance that goes beyond the 19th century.

Keywords: Weimar classicism; free translation; hermeneutics; idealistic aesthetics; reception, style; “Shakespeareization”

Для цитирования:

Жеребин А. И. Два стиля: Шиллер и Шекспир // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 438—447.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-438-447.

To cite this Article:

Zherebin, Aleksey I. (2022) Dva stilya: Shiller i Shekspir (Two Styles: Schiller and Shakespeare). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 438—447. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-438-447.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; принята к публикации 14.03.2022

The article was submitted 13.02.2022; accepted for publication 14.03.2022

В. Г. Зусман
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Н. Д. Зусман
Нижегородская государственная
консерватория им. М. И. Глинки

DIVERSITY НА ГРАНИЦЕ СЛОВА И МУЗЫКИ
(на материале новеллы Ф. Грильпарцера *Бедный музыкант*
и рассказа А. П. Чехова *Скрипка Ротшильда*)

В статье анализируется феномен Diversity, определяющий семантические процессы в пограничной зоне между литературой и музыкой. При этом выдвигается гипотеза о том, что русская и австрийская культуры XIX в. имели разные доминанты. Если русская культура XIX в. — «литературоцентрична», то австрийская в большей мере ориентирована на музыку. Тяготеющая к музыке словесность и музыка, связанная с литературой, формируют пограничные зоны. В качестве материала избрана «малая проза» классиков австрийской и русской литературы Ф. Грильпарцера и А. П. Чехова. Сопоставление новеллы *Бедный музыкант* (1848) с рассказом *Скрипка Ротшильда* (1894) приводит к мысли об особой «смещенной семантике» литературного слова, передающего стихию музыки. Герои Грильпарцера и Чехова рассматриваются как вариация образа «юродивого» с естественной поправкой на то, что «юродивый» — специфически русское явление. Душу педантичного музыканта и «фантаста» из новеллы Грильпарцера более всего выражает скрипка. Отказываясь от представлений о материальных выгодах и «убытках», чеховский гробовщик Яков Бронза также находит себя в музыке. На границе слова и музыки происходят встречные процессы: звучание приобретает символическую предметность, семантика слова раскрывается через его звучание. Прочтение Чехова сквозь призму Грильпарцера и Грильпарцера сквозь призму Чехова заставляет задуматься о границе слова и музыки, иллюстрирующей принцип Diversity в культуре.

Ключевые слова: русская литература; австрийская литература; музыка; слово; звучание; «смещенная семантика»; граница; «юродивый»; принцип Diversity в культуре

1. Введение

Переход через границу оставляет исходный объект прежним, делая его отчасти другим. Принцип «разнообразия-многообразия», который укоренился в современном гуманитарном знании под англоязычным обозначением Diversity, возникает тогда, когда явление пересекает смысловую границу. Двойная жизнь пограничных явлений, их одновременная узнаваемость и новизна, сигнализирует о том, что они, утрачивая однозначность, погружаются в стихию Diversity.

На границе — с особой интенсивностью — зарождаются новые неожиданные идеи. Новый смысл возникает из «напряжения между повторяющимся и неповторимым» (ЛОТМАН 2010: 36). Феномен Diversity генерирует «неповторимое». Рутинa, стереотип принадлежат сфере «повторяющегося». Напряжение между Diversity и рутиной порождает новые аналогии, неожиданные связи между удаленными объектами, которые начинают «видеть» друг друга, начинают «общаться» на границах и поверх границ предметных полей (ПРИГОЖИН 1991: 46–47). Оказываясь на границе, «вещи» начинают одновременно принадлежать миру «своего» и «чужого», миру Diversity как целого.

Рассмотрим границу слова и музыки в литературе под углом зрения Diversity. «Разнообразие» / «многообразие» в отношениях музыки и слова возникает благодаря стремлению «...осмыслить музыкальность слова как нечто отличное от музыки, но в то же время подобное ей» (МАХОВ 2008: 131). А. Е. Махов напоминает определение Э. Дешана (XIV в.), согласно которому поэзия — это «другая музыка» («l'autre musique») (Ibid.). Поэзия как «другая музыка» — одна из удачных формул Diversity. В культуре Diversity возникает в пограничной зоне между наличным и возможным, реальным и потенциальным.

Итак, граница между литературой и музыкой — область «повторяющегося» и «неповторимого». На этой границе возникают сближения словесного и музыкального, возникают аналогии между ними. Однако наряду с повторами, вариациями, параллельно развертывающимися голосами, могут появляться «имбрикации», «вкрапления» (ЭСПАНЬ 2018: 282), взаимоналожения слитного, текучего, «алогичного», нерасчлененного музыкального начала и начала словесного, дифференцированного, структурированного, членораздельного.

На границе слова и музыки возникает ситуация, характеризующаяся принципиальной неоднозначностью. Рассказ словами о «внутреннем содержании» музыки неизбежно представляет собой вербализацию невербального, подразумеваемого (ПАВЛОВА 2010: 9). Музыкальная слитность звучания не может быть передана членораздельными словами естественного языка. Предметное значение звучащего слова связано с обозначаемым им объектом. Музыкальный смысл слова отсылает не к обозначаемому объекту, не к его «идейному содержанию», а к ощущениям, вызываемым этим объектом. Музыкальность слова выражается в сопутствующей его содержанию «настроенности» и «взволнованности» его звучания (ГУМБОЛЬДТ 1984: 76; 173).

Так, в романе *Доктор Фаустус* (1947) слитность музыкальной фразы Т. Манн воспроизводит с помощью ритмичного скандирования. Слова естественного языка символически отсылают к внесловесно выраженному смыслу музыкального произведения. Повествователь передает средствами слова смысл последней сонаты Бетховена (ор. 111). У слов естественного языка возникает смещенная семантика. Музыку передают «полуслова», «недослова», «сверхслова»...

На границе с музыкой слово обозначает то, что словесным образом почти невыразимо. Так, размышляя об одной песне из цикла Ф. Шуберта «Зимний путь», повествователь в романе Манна *Волшебная гора* (1924) называет слова песни «полумыслями», «полными предчувствий». Повествователь не желает приближаться с помощью слов к музыке «слишком близко» («...mit Worten nicht zu nahe treten...») (МАНН 1959: 437). Интересно, что Якоб, герой новеллы Ф. Грильпарцера *Бедный музыкант*, также убежден в том, что «...слова только портят музыку» («die Worte verderben die Musik») (GRILLPARZER 2002: 21).

С помощью скандирования, пропевания стремится преодолеть «одномыслие слова» Вендель Кречмар, наставник Адриана Леверкюна из романа Манна *Доктор Фаустус* (МАНН 1960: 642). «Одномыслие слова» — точная метафора, фиксирующая невыразимость музыки. Представляется, что принцип Diversity возникает на границе литературы и музыки.

Размышляя о творческой силе духа как «способности овладеть изнутри всяким заданным материалом», В. фон Гумбольдт писал, что все «единичное», «словно овечьное» той же творческой

силой, «несет на себе признаки связи с целым» (ГУМБОЛЬДТ 1984: 176). Взаимопроникновение слова и музыки при сохранении их неслиянности позволяет уловить «направленность» (смысл) порождения целого в культуре.

2. Характеристика материала

Рассмотрим феномен Diversity в контексте двух знаменитых повествований XIX в. о музыке — новелле Франца Грильпарцера *Бедный музыкант* (1848) и рассказе А. П. Чехова *Скрипка Ротшильда* (1894).

Сопоставляя Австрию и Россию XIX века, можно предположить, что русская культура была по преимуществу «литературоцентричной», а австрийская — тяготела к музыке. Это обстоятельство проливает дополнительный свет на сходства и различия русской и австрийской литературы.

В 1848 г. Грильпарцер (1791 — 1872), поэт, прозаик и драматург, позднее признанный классиком австрийской литературы XIX века, публикует новеллу *Бедный музыкант*. В ней в качестве главного героя выступает влюбленный в скрипку и музыку «чудак» (БАКШИ 2002), стремящийся к порядку, но порождающий хаос педант, социальный неудачник (LORENZ 1986: 170). Если посмотреть на *Бедного музыканта* Грильпарцера сквозь призму *Скрипки Ротшильда* Чехова, то может показаться, что в новелле изображен своеобразный венский «юродивый».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Название новеллы Грильпарцера *Der arme Spielmann* («Бедный музыкант») кажется однозначным, но является символическим. Вероятно, прилагательное агт 'бедный' в названии *Бедный музыкант* заключает в себе не только социальный, но и философский смысл. «Бедный» — это, конечно, такой персонаж, который находится на социальном дне, подобный шарманщику из цикла В. Мюллера (1794 — 1827) «Зимний путь».

Бедный музыкант в новелле Грильпарцера — жалкий, «царапающий» скрипку субъект. Вместе с тем «бедность» — главное свойство подлинного художника, который не ведает прагматики, корысти. Художник не станет заниматься искусством ради материальной «пользы» и «выгоды». Так, Яков Бронза в начале рассказа Чехова *Скрипка Ротшильда* — «бедный» гробовщик, размышляющий об «убытках» и «выгоде». На пороге смерти он открывает для себя иной, противоположный смысл этого слова. В

этот момент он становится «музыкантом». Музыкант — тоже «бедный» человек, но «бедный по-иному. Семантика эпитета «arm» («бедный») в названии новеллы Грильпарцера стоит под знаком Diversity, намекая одновременно на «бедность» и такт, отсутствие грубости, «бескорыстие» («uneigennützig»).

3.1. Отношение к музыке героев Грильпарцера и Чехова

Герой Грильпарцера — музыкант-недочка, обращающий мало внимания на окружающий его материальный мир. Его осмеивает толпа, у которой он не находит отклика («er findet keinen Anklang»). Якоб не играет, а «царапает» («kratzen») скрипку, даже «пилит» ее (GRILLPARZER 2002: 25). Однако душу этого «неудавшегося виртуоза» («verhinderter Virtuose») (BLAIMER 2019: 551) более всего выражает скрипка, символ музыки и смерти одновременно. Фридер фон Аммон в статье *Geige / Violine / Fidel*, входящей в состав *Лексикона литературных символов*, прямо указывает на то, что скрипка символизирует «музыку и смерть» (AMMON 2008: 146–147).

В начале рассказа Чехова гробовщик Яков Бронза чаще держит в руках не скрипку, а «железный аршин» (ТЕПЛИНСКИЙ 2011: 167). Однако настоящие его чувства выражает скрипка. Неслучайно, когда Бронза возвращался пьяный со свадеб, Марфа, его жена, укладывая его спать, «...всякий раз с благоговением» вешала скрипку на стену (ЧЕХОВ 1977: 302).

Тяготеющая к музыке австрийская культура XIX столетия фокусирует внимание на профессионале-виртуозе или аристократе-дилетанте. «Дилетант» в эпоху Грильпарцера — любитель с хорошей выучкой, музицирующий в свое удовольствие (FUCHS 2018: 50). Герой Грильпарцера — недочка, который музыкой пытается зарабатывать на жизнь. Если можно говорить о венском варианте «юродивого», то, вероятно, ближе всего к нему тип «музыканта-неудачника», который, замыкаясь в своем искусстве и не встречая отклика, обречен на «солипсизм» и полное одиночество (HOVERLAND 1978: 66). Однако в решающий миг этот неудачник, лишенный меркантильных интересов и свободный от материального мира, помогает другим людям.

Конечно, об австрийском «юродивом» размышлять можно только метафорически. «Юродивых» в собственном смысле слова в австрийской культуре не было и не могло быть. Здесь возможны только сближения и осторожные аналогии. Вместе с тем ин-

тересна «странная» переключка имен: Якобом зовут героя Грильпарцера, Яковом — скрипача из рассказа Чехова *Скрипка Ротшильда* (1894). Чем больше для Якова Бронзы значат скрипка и музыка, чем глубже он переосмысливает понятие «убытки», тем отчетливее приближается он к образу «юродивого», который ставит правду выше пользы. Чем дальше Яков оказывается от канцелярии, чем ближе подступает бедность, тем больше для него значат скрипка, музыка и любовь (HUNTER-LOUGHEED 1978: 62) Новелла рассказывает о том, как сын надворного советника и чиновник придворной канцелярии превращается в неудачника, «бедного музыканта», почти «юродивого».

В новелле Грильпарцера повествователь отправляется в район Вены Бригиттенау в день празднования св. Бригитты. Очень по-венски, то есть весьма барочно, народ отмечает этот религиозный праздник. На празднике материальное и спиритуальное сливаются воедино, но чувственное начало преобладает.¹

В новелле различимо своеобразное автобиографическое начало. Если в *Автобиографии* автор *Бедного музыканта* вспоминает о том, как в юности он, без нот, импровизировал на скрипке, то Яков, герой новеллы, импровизирует, глядя на ноты. А. В. Михайлов удачно назвал эту новеллу «автобиографией наоборот» (МИХАЙЛОВ: 2009). Своеобразие заключается в том, что факты реальной биографии Грильпарцера включаются в текст в перевернутом виде, являя собой потенциальный, возможный аспект жизни автора-повествователя. То, что произошло с героем новеллы, с ее автором не случилось, но могло случиться.

Повествователь изображает «странного» музыканта. Он играет для увеселения публики, не стремясь покорить ее. Бедно, но опрятно одетый, Яков отличается от других уличных музыкантов. К тому же он играет по нотам, что не приносит ему ни-

¹ Народная толпа на одном дыхании устремлена к музыке и пище, подобно тому, как герой Кафки Грегор Замза из новеллы *Превращение*, услышав, как его сестра Грета играет на скрипке, устремляется навстречу музыке: «...был ли он животным, если музыка так волновала его? Ему казалось, что открывается путь к желанной, неведомой пище...» (пер. С. К. Апта). Никто не мог оценить игру сестры так, как мог оценить он. Кафку сближает с Грильпарцером мысль о завороченности героя музыкой (HOVERLAND 1978: 72; LORENZ 2008: 126–127).

какой пользы, а приносит одни убытки. Знание нотной грамоты, репертуар, неуместный и неподходящий для народного гуляния, и в высшей степени странная манера игры только усиливают музыкальный хаос.

Увлеченный игрой на скрипке и осмеянный окружающими, Яков музицирует для себя, совершенно не обращая внимания на слушателей. Другие уличные музыканты играют популярные немецкие вальсы. Они знают, что нужно публике. Весьма успешно зарабатывают они деньги, и только в шляпе странного скрипача нет никаких монет.

Яков из новеллы Грильпарцера напрочь лишен «такта действительности». Говоря языком Чехова, он все время терпит «потери и убытки». Яков решительно не способен поддерживать с публикой диалог. Диалог, как известно, возникает в результате «встречи» говорящего и слушающего. Якову совершенно не важно, слушают его окружающие или нет. Он ведет беседу не с человеком толпы, а с каким-то другим собеседником. Вслед за М. М. Бахтиным его можно было бы назвать «Третьим». Вот что говорит Яков о музыкантах, умеющих увлечь публику: «Они играют Вольфганга Амадея Моцарта и Себастиана Баха, но Господа Бога не играет никто» («...Sie spielen den Wolfgang Amadeus Mozart und den Sebastian Bach, aber den lieben Gott spielt keener» [GRILLPARZER 2002: 22]).

3.2. Принцип Diversity на границе слова и музыки

Глагол «играть» 'spielen' приобретает здесь дополнительный смысл. Наряду с прямым значением 'играть', то есть исполнять («играть Моцарта и Баха»), возникает символический смысл — «играть» Бога, то есть вслушиваться не только в себя. Точно так же в рассказе Чехова Яков Бронза всю жизнь сожалел о бесконечных «убытках». Но вот после смерти Марфы и накануне собственной смерти в нем происходит переворот (ЭТКИНД 1998: 407). Он вдруг понимает, что главным «убытком» был его собственный страх «терпеть убытки».

Слово «убытки» обнаруживает «многозначность», способность к семантическому переворачиванию. Оно становится словом «наоборот», подобно тому как автобиографические факты из жизни Грильпарцера переворачиваются в новелле *Бедный музыкант*. Это слово не означает больше потерянный капитал. Напротив, теперь Яков Бронза связывает «убытки» с преодолением «ненави-

сти и злобы». Непонятно, зачем люди мешают жить друг другу. Если бы не было агрессии, злобы и безразличия, люди могли бы иметь друг от друга «громадную пользу» (ЧЕХОВ 1977: 304).

Странная у героя Грильпарцера получалась музыка. Сначала тихо и робко, а затем, все более нарастая, звучал единственный звук. Скрипач брал его на определенной высоте, сначала тихо, потом все громче и ярче. Звук тянулся почти бесконечно; казалось, Якоб наслаждался его продолжительностью. Наконец наступал долгожданный интервал, кварта. Если раньше скрипач упивался одиноким бесконечным звучанием, то сейчас он словно купался в гармоническом соотношении звуков. Потом появлялась квинта — как тихий плач, как дрожащее звучание, — а затем, непрерывно повторяясь, вихрем проносились прежние интервалы (GRILLPARZER 2002: 13). Абсолютный «сумбур» вместо музыки. Повествователь с изумлением замечает: «Вот что старик называл своими фантазиями!... Хотя по сути дела это, конечно, были фантазии, но только для исполнителя, не для слушателя» (цит. по: [МИХАЙЛОВ 2009]). Якоб не ищет взаимопонимания с окружающими людьми. Он не хочет наигрывать немецкие вальсы. Безуспешный в диалоге с людьми, Якоб, по-видимому, на каком-то своем языке пытается разговаривать с Богом. Одиноким, осмеянным людьми Якоб, оказывается единственным человеком, который во время страшного наводнения спасает детей, а не свою жизнь. Так он «играет Бога».

Многозначность чеховского слова «убытки» и многозначный глагол «играть» в тексте Грильпарцера предстают вокабулами нового языка, в котором абстрактное и рациональное отступает перед пережитым и интуитивным. «Распредмечивание» слова ведет к преодолению его «одномыслия». Принцип Diversity становится ощутимым благодаря «переворачиванию» семантики ключевых слов.

В конце новеллы *Бедный музыкант* повествователь, в котором легко угадывается автор, просит мужа Барбары, мясника, продать ему скрипку Якоба. Скрипка висит на стене напротив распятия. Мясник, конечно, не против продать скрипку, чтобы заработать пару гульденов. Но Барбара, его жена, всю жизнь скрывавшая от себя самой чувство к «бедному музыканту», говорит, что скрипку «нашего Якоба» продавать нельзя. Она прячет скрипку в ящик. Этот эпизод вызывает в памяти предсмертные

слова Якова Бронзы, обращенные к бабушке: «Скрипку отдайте Ротшильду» (ЧЕХОВ 1977: 305). И Бронза, и Барбара чувствуют, что иначе скрипка останется «сиротой».

4. Заключение

Граница слова и музыки приносит разрыв причинно-следственных связей. На этой границе рождаются недосказанность и молчание. На грани слова и музыки, являющейся еще и границей между жизнью и смертью, материальное отступает на второй план.

Музыка в новелле Грильпарцера граничит с молитвой и растворяется в любви. Ротшильд играет на скрипке Якова, и при этом из-под смычка льются печальные, скорбные и жалобные звуки. Под конец он «закатывает глаза и говорит «Ваххх!..» (Ibid.). Слово это передает ощущения, которые вызывает музыка. В момент, когда звучит это «Ваххх!..», Ротшильд «играет Бога».

Прочтение Чехова сквозь призму Грильпарцера и Грильпарцера сквозь призму Чехова заставляет задуматься о границе слова и музыки. На этой границе звучание музыки приобретает некую символическую предметность, а семантика слова раскрывается через его звучание. Возникает смысловое «целое», «словно овеванное» (ГУМБОЛЬДТ 1984) духом «разнообразия».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бакши Н. А.* Герой-«чудак» в австрийской и русской литературе XIX века (Грильпарцер, Гоголь, Лесков, Розеггер): автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.03. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002.
[Bakshi, Nataliya A. (2002). *Geroy-chudak v avstriyskoy i russkoy literature XIX veka (Grilparzer, Gogol', Leskov, Rozegger)* (The Hero as a "Fool" in Austrian and Russian Literature of the 19th Century (Grillparzer, Gogol, Leskov, Rosegger)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. [Gumbol'dt, Vil'gel'm. (1984) *O razlichii stroeniya yazykov i ego vliyaniyi na dukhovnoye razvitiye chelovechestva* (Humboldt, Wilhelm. On the Difference in the Structure of Human Languages and its Influence on the Spiritual Development of Mankind). In Ramishvili, G. V. (ed.) *Gumbol'dt Vil'gel'm. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* (Humboldt, Wilhelm. Selected Works on Linguistics). Moscow:

- Progress. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. [Lotman, Yuriy M. (2010) *Nepredskazuemyye mekhanizmy kul'tury* (Unpredictable Mechanisms of Culture). Tallinn: NLU Press. (In Russian)].
- Мани Т. Волшебная гора // Мани Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3 / пер. с нем. В. Станевич. М.: Гослитиздат, 1959. [Mann, Thomas. (1959) *Volshebnaaya gora* (The Magic Mountain). In Mann, Thomas. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- Мани Т. Доктор Фаустус // Мани Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5 / пер. с нем. С. Апта и Н. Ман; примеч. А. Габричевского. М.: Гослитиздат, 1960. [Mann, Thomas. (1960) *Doktor Faustus* (Dr. Faustus). In Mann, Thomas. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 5. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- Махов А. Е. Музыкальное в литературе // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 131—134. [Makhov, Aleksandr E. (2008) *Muzykal'noye v literature*. In Tamarchenko, Natan D. (ed.) *Poetika: slovar' aktualnykh terminov i ponyatiy* (Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts). Moscow: Kulagina Publ.; Intrada, 131—134. (In Russian)].
- Михайлов А. В. Избранное: феноменология австрийской культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2009. [Mikhaylov, Aleksandr V. (2009) *Izbrannoye: fenomenologiya avstriyskoy kultury* (Selected Works: the Phenomenology of Austrian Culture). Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; Saint Petersburg: University Book. (In Russian)].
- Павлова Е. В. Музыка в ранней прозе Томаса Манна: феномен интермедальности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2010. [Pavlova, Yekaterina V. (2010) *Musyka v ranney proze Tomasa Manna: fenomen intermedial'nosti* (Music in Thomas Mann's early Prose: the Phenomenon of Intermediality). PhD thesis in Philology. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—57. [Prigozhin, I'ya. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* (Philosophy of Instability). *Voprosy Filosofii* (Issues of Philosophy), 6, 46—57]. (In Russian)].
- Теплинский М. В. Скрипка Ротшильда // А. П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011. С. 167—169. [Teplinskiy, Mark V. (2011) *Skripka Rotshilda* (Rothschild's Violin).

- In Katayev, Vladimir B. (ed.) *A. P. Chekhov. Entsiklopediya* (A. P. Chekhov. Encyclopedia). Moscow: Prosveshcheniye, 167—169. (In Russian)].
- Чехов А. П. Скрипка Ротшильда // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. Рассказы. Повести, 1892—1894. М.: Наука, 1977. С. 297—305. [Chekhov, Anton P. (1977) *Skipka Rotshilda* (Rothschild's Violin). In Chekhov, A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* (Complete Works and Letters). In 30 vols. *Sochineniya* (Works). In 18 vols. Vol. 8. *Rasskazy, povesti, 1892—1894* (Stories, Novels). Moscow: Nauka, 297—305. (In Russian)].
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Мишель Эспань; пер. с франц.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Espagne, Michel. (2018) *Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer* (History of Civilizations as a Cultural Transfer). Moscow: New Literary Review. (In Russian)].
- Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психо-поэтики русской литературы XVIII — XIX вв. М.: Языки славянских культур, 1998. [Etkind, Yefim G. (1998) "*Vnutrenniy chelovek*" i *vneshnyaya rech*. *Ocherki psychopoetiki russkoy literatury XVIII — XIX vv.* ("Inner Man" and Outer Speech. Essays on the Psychopoetics of Russian Literature of the 18th — 19th Centuries). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Ammon, Frieder von. (2008) Geige /Violine / Fidel. In Butzer, Günter, & Jacob, Joachim. (eds) *Metzler Lexikon literarischer Symbole*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 146—147.
- Blaimer, Sibylle. (2019) *Tragische Scham und peinliche Prosa. Werk und Poetik Grillparzer sim Zeichen unsäglicher Affekte. Ein Beitrag zur (literarischen) Affektkultur des 19. Jahrhunderts*. Würzburg: Königshausen & Nemann.
- Fuchs, Ingrid. (2018) Grillparzer und seine ambivalente Beziehung zur Musik. *Jahrbuch der Grillparzer-Gesellschaft*, 3. Folge, Bd. 27, 47—68.
- Grillparzer, Franz. (2002) *Der arme Spielmann*. Anmerkungen und Nachwort von Helmut Bachmaier. Ditzingen: Reclam.
- Hoverland, Lilian. (1978) Speise, Wort und Musik in Grillparzers Novelle „Der arme Spielmann“. Mit einer Betrachtung zu Kafkas Hungerkünstler. *Jahrbuch der Grillparzer-Gesellschaft*, 3. Folge, Bd. 13, 63—83.
- Hunter-Lougheed, Rosemarie. (1978) Das Thema der Liebe im Armen Spielmann. *Jahrbuch der Grillparzer-Gesellschaft*, 3. Folge, Bd. 13, 49—62.
- Lorenz, C. G. Dagmar. (1986) *Grillparzer Dichter des sozialen Konflikts*. Wien; Köln; Graz: Böhlau Verlag.
- Lorenz, C. G. Dagmar. (2008) Familie und Rollenverweigerung in Grillparzers „Der arme Spielmann“ und Kafkas „Die Verwandlung“. *Jahrbuch der Grillparzer-Gesellschaft*, 3. Folge, Bd. 22, 109—128.

Valeriy G. Zusman
National Research University Higher School of Economics
Natal'ya D. Zusman
Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire

**“Diversity” on the Border of Word and Music
(Based on the Story *The Poor Musician* by F. Grillparzer
and the Story *Rothschild's Violin* by A. P. Chekhov)**

The phenomenon *Diversity* which determines the semantic processes in the border zone between literature and music is under consideration in the article. Similarly, a hypothesis about the different dominant features of the Russian and Austrian cultures in the 19th century is put forward. It is stated that Russian culture of the 19th century was literature-oriented while Austrian culture was centered on music more. Due to literature gravitating toward music and music connected with literature border zones are formed. The material for the analysis includes short prose of Russian and Austrian classic literature written by F. Grillparzer and A. Chekhov. The comparison of the short story *The Poor Musician* (1848) with the story *Rothschild's Violin* (1894) leads to the idea of special “shifted semantics” of the literary world conveying music elements. The heroes of Grillparzer and Chekhov are considered as variations of the image of a “holy fool” with a remark that the term “holy fool” is a specifically Russian phenomenon. The soul of the pedantic and imaginative musician from the short story by F. Grillparzer is expressed through the image of the violin. Rejecting material benefits and losses, Chekhov's undertaker Yakov Bronza also realizes himself in music. On the border of literature and music various counter processes take place: the sound acquires symbolic objectivity as well as the semantics of a word is revealed through its sound. Reading Chekhov through the prism of Grillparzer and Grillparzer through the prism of Chekhov makes us speculate about the boundary between words and music that illustrate the phenomenon *Diversity* in culture.

Keywords: Russian literature; Austrian literature; music; word; sound; “shifted semantics”; border; “holy fool”; phenomenon *Diversity* in culture

Для цитирования:

Зусман В. Г., Зусман Н. Д. Diversity на границе слова и музыки (на материале новеллы Ф. Грильпарцера *Бедный Музыкант* и рассказа А. П. Чехова *Скрипка Ротшильда*) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 448—460.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-448-460.

To cite this Article:

Zusman, Valeriy G., & Zusman, Natal'ya D. (2022) “Diversity” on the Border of Word and Music (Based on the Story *The Poor Musician* by F. Grillparzer and the

Story *Rothschild's Violin* by A. P. Chekhov). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 448—460. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-448-460.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; принята к публикации 08.04.2022

The article was submitted 30.03.2022; accepted for publication 08.04.2022

ИНТЕНЦИИ МЮНХЕНСКОГО ТЕКСТА Г. РОЗЕНДОРФЕРА

В статье, методологической основой которой является концепция петербургского текста русской литературы В. Н. Топорова, исследуется мюнхенский текст романов Герберта Розендорфера *Большое соло для Антона*, *Письма в Древний Китай*, *Великие перемены*. Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что воссозданный писателем язык Мюнхена рассматривается как семиотический текст. Доказывается, что его знаки как элементы художественной структуры несут закодированную информацию о современном векторе развития человечества. Авторская концепция деградации мира и краха цивилизации раскрывается в мюнхенском тексте с помощью символических знаков и обуславливает особую жанровую природу романов. Расшифровка смыслов мюнхенского текста происходит в рамках эсхатологического романа, антиутопии и ретропии.

Ключевые слова: Розендорфер; *Большое соло для Антона*; *Письма в Древний Китай*; *Великие перемены*; мюнхенский текст; интенция

1. Введение

Особый способ воссоздания художественного топоса, город как текст активно изучается в XX в. Городской текст, открытая, концептуально и эстетически целостная система, является частью геоурбанистики и предметом осмысления филологии, исследующей его отражения в мировой литературе. Одни ученые (ЩЕГЛОВ 1958; LYNCH 1960; JENCKS 1977) исследуют символику архитектуры и теоретические проблемы урбанизма, другие — семиотику пространства (МОРРИС 1983; ФЕДОРОВ 1988; ЛОТМАН 1992; ЛОТМАН 1996;), третьи (АНЦИФЕРОВ 1922а; АНЦИФЕРОВ 1922б; АНЦИФЕРОВ 1923; ТОПОРОВ 1995а; ТОПОРОВ 1995б; ТОПОРОВ 2003; АБАШЕВ 2000; WOLFREYS 1998; MAGENAU 1999; SCHÜTZ 1999; BIENERT 2004) — локальные и национальные городские тексты. В любом случае город как физическая и метафизическая реальность, как мифопоэтическое пространство и как культурный феномен рассматривается в качестве особого явления, которое нуждается в дешифровке.

Предметом настоящего исследования является мюнхенский текст Герберта Розендорфера, представленный в романе *Большое*

соло для Антона (1976) и диологии о Гао-дае — *Письма в Древний Китай* (1985) и *Великие перемены* (1997). Актуальность и новизна работы обусловлены тем, что воссозданный писателем язык Мюнхена анализируется как семиотический текст, который раскрывается через систему знаков и определяет жанровую специфику произведений.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологическую основу работы составляет концепция В. Н. Топорова, разработавшего и введшего в научный оборот в 1972 г. само понятие «городской текст» (ТОПОРОВ 1995а), основательно изучившего петербургский текст русской литературы и выделившего его многочисленные дискурсивные характеристики — ландшафтные, материально-культурные, климатически-метеорологические и т. д. (ТОПОРОВ 2003).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В основе сюжета романа *Большое соло для Антона* лежит фантастическое допущение: главный герой Антон Л. однажды утром обнаруживает, что в Мюнхене и в его окрестностях исчезли абсолютно все люди. В рамках своеобразного эксперимента над единственным обитателем мегаполиса Розендорфер прежде всего скрупулезно фиксирует то, что его подопытный в течение одного года с небольшим наблюдает в обезлюдевшем городе.

Представляется очень важным, что первый взгляд на мир без людей Антон Л. бросает через окна веранды, «закрашенные и немые» (РОЗЕНДОРФЕР 1996: 8). На протяжении всего повествования образ «немости» смыкается с понятием краха цивилизации, приобретая символическое значение и наполняясь эсхатологическими смыслами. Писатель акцентирует в портрете города глазами героя физическое запустение, грязь, мусор, забившиеся водостоки фонтанов, пробивающуюся сквозь камни мостовой и паркет траву. Мюнхен захвачен мышами, лисами и утками, одичавшими собаками, свиньями и коровами, ставшими истинными полисными хозяевами.

Локации между тем обозначены в романе очень точно, почти как в путеводителе по достопримечательностям, — с названиями улиц, гостиниц и ночных баров, с выделением Резиденции курфюрста, павильона-замочка, дворцового сада, галереи современного искусства, Национальной библиотеки и т. д., с короткими характеристиками всевозможных магазинов (восковых

товаров, мужской одежды, головных уборов, охотничьего, винного) и лавок (придворного свечника, книжной) и т.д. Все эти маркеры городской цивилизации, однако, потеряли свою идентичность, а единственный житель Мюнхена ведет себя как варвар, громя и уничтожая все, что попадает на его пути.

Подобное поведение Антона Л., быстро теряющего связи с цивилизацией и становящегося «естественным человеком», вписывается в ту войну, которая развернулась между городом и природой. Розендорфер использует военную терминологию, изображая эту битву гигантов: «природа пробилась в городе широкие просеки и бреши...» (Ibid.: 91), нанесла ему «направленный удар» (Ibid.: 201). Природа в романе обретает качества антропоморфного существа: «столетиями мучавшаяся под асфальтом», она «за этот год лишь несмело решилась протянуть свою руку в сторону города, построенного из камня» (Ibid.: 201). Ее солдаты — сорняки «выше человеческого роста» и «дремучие заросли» (Ibid.: 133), вышедшая из берегов река («коричневое, иногда зеленое, бурлящее, кипящее и рвущееся месиво, которое время от времени высоко взлетало, наталкиваясь на выступающие части фасадов домов» [Ibid.: 172]) и всевозможные катаклизмы (наводнения и снежные бураны, взрывы и пожары, громы и молнии). Взбунтовавшаяся природа со своим войском одерживает одну победу за другой: город рушится, Антон Л. видит «фасады сгоревших домов», «обрушившиеся здания», «обвалившиеся стены» (Ibid.: 133).

Мюнхенский текст романа включает описания жилищ многих людей, в которые заходит, взламывая двери, Антон Л., и присутственных мест, в которых он трудился до грандиозного происшествия, — будь то издательство, бюро путешествий или финансовое управление. И всякий раз главные смыслы этих визуальных картинок заключаются в том, чтобы показать, как в природе, свободной от воли Бога, происходит деградация человека.

Все субстраты городского текста равнозначны и обуславливают специфику жанровой природы этого робинзонадовского эсхатологического романа, в котором поднимаются вопросы диалогических отношений Я с миром и Богом.

В сатирической философской диалогии о путешествиях китайского мандарина Гао-дая из X века в XX-й — *Письма в Древний Китай и Великие перемены* — Розендорфер представляет но-

вые версии мюнхенского текста, в котором, в отличие от *Большого соло для Антона*, где все составляющие городского текста равноправны и нацелены на раскрытие авторской идеи грядущего окончания истории, выделяются периферийные и ядерные компоненты.

Мюнхенский, или минхэньский текст (герой называет Мюнхен Минхэнь) воссоздан через восприятие Гао-дая, который попал в неведомый мир с его культурой и цивилизацией и в иное время (первый роман дилогии о путешествии из любознательности) и в уже знакомый ему мир будущего (второй роман дилогии о путешествии по необходимости). Минхэньский текст дилогии, этого травелога в квадрате (о перемещении во времени и в пространстве), связан не только и не столько с конкретным городом, сколько с кодированным городом-символом той цивилизации, которую он представляет. Все элементы городского текста дилогии о Гао-дае (объектный состав, природные и культурные явления, душевные состояния) раскрывают его сверхсемантику благодаря особой структуре романов и их лейтмотивам.

Диагностически важными с самого начала первого романа становятся констатации, сделанные чужим, иным, посторонним, оказавшимся в другом пространственно-временном континууме. Поэтому в *Письмах в Древний Китай* сущностными для городского текста оказываются те впечатления адресанта, в которых последовательно раскрывается его неприятие открывшегося перед ним мира. В минхэньском тексте первого романа дилогии преобладают образы мира как ледяной пустыни и бездонной пропасти, где все сделано без любви, где шумно и грязно и где грубые люди-великаны живут только сегодняшним днем и не помнят имен предков.

«Недоброе будущее, не знающее ни тишины, ни величия» (РОЗЕНДОРФЕР 2006а: 8), «неуютный мир» (Ibid.: 29), «серо-черный ад» (Ibid.: 54) — эти первые впечатления детализируются по мере знакомства героя с городом и раскрываются в образной системе мюнхенского текста. Так, например, во время поездки в центр Мюнхена герой отмечает:

«Точно скалы и ущелья, окружают человека со всех сторон <...> гигантские дома со сверкающими окнами из стекла, все улицы заполняет бурлящий поток стремительных повозок <...>. Свист, грохот и завывания невероятной силы парализуют все чувства,

лишая человека возможности воспринимать что-либо. Мне показалось, что я угодил в грозу, в бушующий ураган из железа и камня. Это был настоящий хаос» (Ibid.: 54).

Последнее становится лейтмотивом городского текста романа *Письма в Древний Китай*, в котором наиболее частотным оказывается образ преисподней. В «нечеловеческом городе» (Ibid.: 56) герою кажется, что он «попал в ад», что перед ним «врата ада», что «в этом аду» у него есть проводник, что он хочет выбраться «из этого ада» (Ibid.: 60) и т. д.

И это при том, что пробывший почти год в Мюнхене середины 1980-х гг., Гао-дай начинает отдавать должное отдельным достижениям будущего «странного мира» (Ibid.: 123) и в его мюнхенском тексте появляются пассажи с положительными коннотациями — как, например, описание шампанского Моёт и сигар Davidoff, гостиничного бизнеса, развлекательных программ. Но все они лишены сугубо мюнхенской окраски, оставаясь компонентами городского текста вообще.

Примечательно, что, говоря об «удобствах мира большеñosых» (Ibid.: 303), Гао-дай заключает не панегириком в их честь: «... меня не устраивает цена, которую они платят за свои удобства» (Ibid.: 303). Это, казалось бы, частное наблюдение, есть продолжение размышлений героя о прогрессе, его формах и последствиях. Другими словами, городской текст романа ожидаемо смещается с субстратных характеристик в сторону философских обобщений, которые так или иначе обуславливают жанровые приемы, используемые Розендорфером.

И приемы эти имеют отношение к антиутопии и ретроутопии. Рассказывая Гао-даю о современном противостоянии политических сил (середины 1980-х гг.), его друг-историк Ши-ми почти цитирует 1984 Дж. Оруэлла. Аллюзивное повествование от 3-го лица гармонизируется нарративными впечатлениями: Гао-дай наблюдает на улицах «массу серых <...> людей с безрадостным взглядом» (Ibid.: 152), ужасается механизированному аду огромного машиностроительного завода, жалеет рабочих, этих «рабов кузницы» (Ibid.: 238), ведущих безотрадную жизнь, и заключает: «Жизнь большеñosых и весь их мир неумолимо движутся к своему концу» (Ibid.: 246).

Метафора Гао-дая о «человеке, ступающем по бревну, один конец которого выдается над пропастью» (Ibid.: 286–287), имеет

качества семиотического знака о нежелательных последствиях развития цивилизации. С этим связана и пунктирно обозначенная тема путешествия во времени внутри этого путешествия. Гао-дай поддался на уговоры своего друга и дал ему компас времени, чтобы тот смог отправиться в недалекое будущее — не более чем на 100 лет. Розендорфер не воспроизводит обстоятельств этого путешествия, акцентируя внимание на бессловесных эмоциях, переживаемых господином Ши-ми и расшифровываемых Гао-даем. Первый качает головой, второй понимает: этот жест выражает беспомощность и «то обстоятельство, что все оказалось даже хуже, чем можно было ожидать» (Ibid.: 316). Неудивительно, что Ши-ми захотел вместе с китайским мандарином отправиться в его прошлое.

Идея ретротопии прежде раскрывалась только в письмах Гао-дая, не принимающего мир XX века:

«Да, у нас есть будущее, пусть даже напоминающее бездонную пропасть. Господин Ши-ми опасается, что у его мира не окажется даже такого будущего. Он не рассчитывает и на сотню лет. Временами, признавался он, ему кажется, что его мир не продержится и двадцати» (Ibid.: 118).

К финалу романа невыносимую тягу к прошлому испытывает просвещенный немецкий друг Гао-дая.

В романе *Великие перемены* воссоздан мюнхенский текст образца 2000 г., когда Гао-дай по необходимости вторично отправился из своего времени в далекое будущее. Розендорфер, в этом романе по-прежнему исследующий отрицательные последствия развития цивилизации, не использует, однако, апробированную в *Письмах в Древний Китай* форму мюнхенского текста, автором которого является чужак. Он синтезирует разные городские тексты, созданные Гао-даем в ходе второго путешествия.

Изначальная мысль этого романа продолжает магистральную идею *Писем в Древний Китай*: человечество стоит у порога конца света, и городской текст является тому подтверждением. Однако, если в первом романе диалогии речь шла только об одном городе Мюнхене, куда попал Гао-дай в 1985 г., то во втором — о многих городах, нескольких странах и даже континентах. Второй травелог выстроен как серия авантюрных эпизодов, зача-

стю необязательных,¹ с бесконечными переездами, чье назначение подтвердить худшие опасения героя о крахе цивилизации.

Именно поэтому городской текст *Великих перемен*, рукописи, которой прилежно занимается путешественник во времени и пространстве, включает множество локальных городских текстов. Гао-дай сначала попал в Кельн, а затем последовательно побывал во множестве других городов ФРГ (Мюнхене, Лейпциге, Берлине, Нюрнберге, Байройте и в маленьких неназванных немецких городках), США (Нью-Йорке и Вашингтоне), Италии (Больцано, Флоренции, Риме). Интересующий нас мюнхенский текст дается в череде других городских текстов, высвечивая общее в частном и частное в общем.

Мюнхенский текст воссоздан в трех эпизодах романа, в каждом из которых представлены периферийные и ядерные характеристики.

В первом эпизоде, где Гао-дай добирается из Кельна до Мюнхена в надежде найти своего друга-историка, в качестве периферийных выступают нескончаемый дождь и постоянный двор, где он поселился, в качестве ядерных — увиденная им новостройка на месте снесенных старых домов, что позволяет Гао-даю сделать философское обобщение: «мир большеносых — это архитектурный улей» (РОЗЕНДОРФЕР 2006б: 45).

Во втором эпизоде, в котором речь идет о восприятии Мюнхена после возвращения героя из Нью-Йорка, периферийным компонентом городского текста является образ гостиницы, ядерным — описание мюнхенского стадиона и посещения футбольного матча, за чем последовала очередная сентенция Гао-дая: «... возможно, именно шпо и является причиной широко распространившейся дегградации большеносых» (Ibid.: 192).

На периферии третьего эпизода мюнхенского текста, посвященного приезду Гао-дая из Лейпцига в Мюнхен к смертельно больному Ши-ми, вновь находится гостиница. Ядро мюнхенского текста этого эпизода составляют описания госпиталя, системы здравоохранения, церемонии католического причастия и похорон. Искренне опечаленный кончиной своего друга, герой заме-

¹ Например, один из эпизодов романа в духе нескромных новелл Боккаччо прерывается таким «Примечанием издателя»: «Здесь недостает одной или нескольких страниц рукописи» (РОЗЕНДОРФЕР 2006б: 153).

чает: «...большеносые больны изнутри, душою. Что неудивительно для того безумного мира, в котором они живут» (Ibid.: 197).

Все ядерные компоненты мюнхенского текста лейтмотивно присутствуют в других городских текстах романа, прежде всего в нью-йоркском, самом большом в *Великих переменах*. Наблюдения, сделанные Гао-даем в первой части дилогии и отлитые в его минхеньский текст, получили во второй части дальнейшее развитие, благодаря использованию техники мозаики городских текстов. Общий итог, к которому приходит китайский мандарин, — большеносые «полностью спятили» (Ibid.: 14), люди «превращаются в пожирающих друг друга паразитов» (Ibid.: 21), «мертвые безжизненные номера» обретают самостоятельность и замещают людей (Ibid.: 37), «мир <...> сморщился» (Ibid.: 98) и т. д. Герой убежден в том, что Апокалипсис уже почти наступил.

Эта мысль, как и в первом травелогe дилогии, подтверждается путешествием на 70 лет вперед, предпринятым новым знакомым Гао-дая, программистом Я-коп. Автор рукописи замечает:

«Он был расстроен не менее господина Ши-ми, тоже отважившегося на подобное путешествие. Но, сказал господин Я-коп-цзы, все же мир там еще существует, и шагание вперед (П'ло г'лее-си) достигло такой степени, что описать это не представляется возможным. Положение вещей в те грядущие годы относится к сегодняшнему положению вещей так, как сегодняшнее положение вещей относится к положению вещей в нашем <...> родном времени» (Ibid.: 233).

Так, темы финалов обоих романов дилогии смыкаются, образуя единое семиотическое поле.

4. Заключение

В рассмотренных романах представлены три модификации мюнхенского текста, различающиеся содержательными, но не функциональными характеристиками.

В *Большом соло для Антона*, в котором воссоздано воспринимающее сознание мюнхенца, хорошо знавшего свой город до фантастического происшествия, фигурирует классическая форма городского текста. Канон предполагает конкретизированные описания точно обозначенных локаций — они составляют существо мюнхенского текста романа *Большое соло для Антона* и связаны в первую очередь с жанровой кристаллизацией, обусловленной эсхатологической идеей конца истории.

В диалогии о китайском мандарине писатель модернизирует каноническую форму городского текста, что связано с принципиально другим, по сравнению с Антоном Л., типом героя-повествователя и что детерминирует появление разных субстратов городского текста, среди которых явно выделяются периферийные и ядерные. Если первые имеют нейтральное смысловое содержание, то вторые, с отрицательными коннотациями, раскрывают авторские интенции и оказываются связанными с жанровой природой романов.

Чужой, пришелец из иного пространственно-временного мира, Гао-дай в *Письмах в Древний Китай* создает мюнхенский (минхэньский) текст, лишенный всякой градостроительной составляющей. Для него неведомый город становится неким символом цивилизации будущего, которую он не приемлет и которая, по его мнению, стремительно и неминуемо движется к своему финалу. Эта мысль декодируется на жанровом уровне, связанном с антиутопией и ретротопией.

Роман *Великие перемены* также антиутопичен и ретротопичен, и его жанровая специфика также раскрывается через посредство городского текста. Однако здесь использована коллаборация множества городских текстов мира, среди которых мюнхенский задает определенный набор лейтмотивов. Его ядерные компоненты связаны с раскрытием идеи бесконечной и бессмысленной перестройки и потери духовности, место которой занимают всевозможные эрзацы.

Таким образом, мюнхенский текст Розендорфера откровенно семиотичен. Его знаки как элементы художественной структуры несут закодированную информацию о современном векторе развития человечества. Авторская концепция деградации мира и краха цивилизации раскрывается в мюнхенском тексте с помощью символических знаков и обуславливает особую жанровую природу романов. Расшифровка смыслов мюнхенского текста происходит в рамках эсхатологического романа, антиутопии и ретротопии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000. [Abashev, Vladimir V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* (Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century). Perm': Perm' University. (In Russian)].

- Анциферов Н. П.* Быль и миф Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922а. [Antsiferov, Nikolay P. (1922a) *Byl' i mif Peterburga* (The True Story and Myth of St. Petersburg). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922б. [Antsiferov, Nikolay P. (1922b) *Dusha Peterburga* (The Soul of Petersburg). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1923. [Antsiferov, Nikolay P. (1923) *Peterburg Dostoievskogo* (Petersburg of Dostoevsky). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9—21. [Lotman, Yuriy M. (1992) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* (The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the City's Semiotics). In Lotman, Yuriy M. *Izbrannyye stat'yi* (Selected Articles). In 3 vols. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra, 9—21. (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. [Lotman, Yuriy M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semi-osfera — istoriya* (Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37—89. [Morris, Charles W. (1983) *Osnovaniya teorii znakov* (Foundations of the Theory of Signs). In Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Semiotika* (Semiotics). Moscow: Raduga, 37—89. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Большое соло для Антона // Розендорфер Г. Большое соло для Антона. Латунное сердечко, или У правды короткие ноги / пер. О. Дрожжина. К.: Лабиринт, 1996. С. 5—210. [Rosendorfer, Herbert. (1996) *Bol'shoye solo dlya Antona* (Grand Solo for Anton). In Rosendorfer, Herbert. *Bol'shoye solo dlya Antona. Latunnoye serdechko, ili U pravdy korotkiye nogi* (Grand Solo for Anton. Brass Heart, or The Truth Has Short Legs). Kiev: Labirint, 1996, 5—210. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Письма в Древний Китай / пер. Е. Колесова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006а. [Rosendorfer, Herbert. (2006a) *Pis'ma v Drevniy Kitay* (Letters Back to Ancient China). Moscow: AST; Tranzitkniga. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Великие перемены / пер. В. Позняк. М.: АСТ; Хранитель, 2006б. [Rosendorfer, Herbert. (2006b) *Velikiye peremeny* (Great Changes). Moscow: AST; Khranitel'. (In Russian)].
- Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаически-

- ми схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995а. С. 193—258. [Toporov, Vladimir N. (1995a) O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya («Prestupleniye i nakazaniye») (About the Structure of Dostoevsky's Novel in Connection with Archaic Schemes of Mythological Thinking (“Crime and Punishment”)). In Toporov, Vladimir N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected Works). Moscow: Progress — Kul'tura, 193—258. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995б. С. 259—367. [Toporov, Vladimir N. (1995b) Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury» (Vvedenie v temu) (Petersburg and the “Petersburg Text of Russian literature” (Introduction to the Topic). In Toporov, Vladimir N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected Works). Moscow: Progress — Kul'tura, 259—367. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство — СПб», 2003. [Toporov, Vladimir N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* (Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works). Saint Petersburg: Iskustvo — SPB». (In Russian)].
- Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. [Fedorov, Fyodor P. (1988) *Romanticheskij khudozhestvennyy mir: prostranstvo i vremya* (Romantic Art World: Space and Time). Riga: Zinatne. (In Russian)].
- Щеглов И. В. Формуляр нового урбанизма [Электронный ресурс] // Ситуационистский Интернационал. 1958. № 1. URL: http://debord.ru/Periodika/Sityacionistskii_Internacional.html (дата обращения: 07.01.2022). [Shcheglov, Ivan V. (1958) Formulyar novogo urbanizma (Formula of New Urbanism). *Internationale Situationniste*, 1. Retrieved from http://debord.ru/Periodika/Sityacionistskii_Internacional.html. (In Russian)].
- Bienert, Michael. (2004) *Berlin. Wege durch den Text der Stadt*. Berlin: Klett-Cotta Verlag.
- Jencks, Charles. (1977) *The language of post-modern architecture*. New York: Rizzoli.

- Lynch, Kevin. (1960) *The Image of the City*. Cambridge; Massachusetts; London: M. I. T. Press.
- Magenau, Jörg. (1999) Berlin-Prosa. In *Text der Stadt — Reden von Berlin: Literatur und Metropole seit 1989*. Berlin: Weidler Buchverlag, 59—70.
- Schütz, Erhard. (1999) Text der Stadt — Reden von Berlin. In *Text der Stadt — Reden von Berlin: Literatur und Metropole seit 1989*. Berlin: Weidler Buchverlag, 7—31.
- Wolfreys, Julian. (1998) *Writing London: The trace of the urban text from Blake to Dickens*. London: Palgrave Macmillan.

Galina G. Ishimbayeva
Bashkir State University

Intentions of the Munich Text by H. Rosendorfer

The article, whose methodological basis is the concept of the St. Petersburg text of Russian literature by V. N. Toporov, examines the Munich text of the novels by H. Rosendorfer *Grand Solo for Anton*, *Letters Back to Ancient China*, *Great Changes*. The relevance and novelty of the research is due to the fact that the language of Munich, recreated by the writer, is viewed as a semiotic text. It is proved that its signs as elements of an artistic structure carry coded information about the modern vector of human development, about the degradation of the world, about the collapse of civilization, and determine the special genre nature of the novels. The interpretation of meanings of the Munich text takes place within the framework of the eschatological novel, dystopia and retrotopia.

Keywords: Rosendorfer; *Grand Solo for Anton*; *Letters Back to Ancient China*; *Great Changes*; Munich text; intention

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Интенции мюнхенского текста Г. Розендорфера // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 461—472.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-461-472.

To cite this Article:

Ishimbayeva, Galina G. (2022) Intentsii myunkhenskogo teksta G. Rozendorfera (Intentions of the Munich Text by H. Rosendorfer). *Russkaya germanistika: Ye-zhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 461—472. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-461-472.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; принята к публикации 14.02.2022

The article was submitted 15.01.2022; accepted for publication 14.02.2022

В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ЛИРИКА КЛОПШТОКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX И XX ВЕКОВ

В статье анализируются переводы на русский язык лирики немецкого поэта XVIII в. Фридриха Готлиба Клопштока, выдающегося представителя сентиментализма и иррационализма. Для русских поэтов XIX в. экспериментальные свободные ритмы, которыми написаны оды и гимны Клопштока, стали настоящим вызовом. Новое для русской литературы «чувствительное» содержание нужно было вместить в непривычную форму. Стихи Клопштока нередко предназначались для декламации в инструментальном сопровождении, однако музыкальная составляющая поэзии Клопштока не нашла достойного отклика в России. Немногочисленные переложения немецкого поэта, обнаруженные в журналах начала XIX в., демонстрируют нам поиски «верного тона» в русских переводах. Переводчики предлагают читателям сочинения по мотивам гимнов Клопштока, прозаические переложения его стихов и, наконец, стихотворные переводы со строгой метрикой. Объектом анализа становятся два стихотворения Клопштока, в переводах XIX в. обозначенные как *Будущей супруге* и *Герман и Туснельда*. Русские переводчики избрали разные стратегии: пересказ в прозе и поэтическое переложение, но в итоге смогли донести до читателя лишь авторскую идею и эмоциональный заряд стихотворений немецкого поэта. Ритмическая гибкость и языковое богатство текста оказались утраченными. Потребовалось более ста лет, чтобы лирика Клопштока буквально зазвучала на русском языке во всей своей красе, в переводах текстов песен Шуберта на стихи Клопштока. Переводчики советского времени стремились не только сохранить авторский замысел и своеобразие языка Клопштока. Они поставили перед собой задачу соблюсти музыкальные акценты, предложенные Шубертом и обогащающие лирику Клопштока, и справились с ней блестяще. Эквиритмичные, другими словами, совпадающие по ритму с оригиналом переводы стихотворений Клопштока *Гирлянда роз* и *Созвездия* даже без музыкального сопровождения не теряют своего очарования. В статье приводятся варианты переводов указанных стихотворений Клопштока, выполненные в XX в. и свидетельствующие о высоком уровне профессионального мастерства переводчиков.

Ключевые слова: Клопшток; Шуберт; свободные ритмы; сентиментализм; музыкальность поэзии, перевод

1. Введение

Влияние немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока (1724 — 1803) на русскую литературу столь же бесспорно, сколь и трудноуловимо. В истории развития литературы Клопшток стал автором, способствовавшим формированию патриотических и национальных идей, открывшим новые формы стихосложения. Его творчество пришлось на вторую половину XVIII в., когда традиции Просвещения не хотели сдавать свои позиции; барокко, столь характерное для немецкой культуры XVII в., постоянно ощущалось в литературе и в музыке, а сентиментализм уже готовил почву для появления романтизма. Творческая жизнь в литературе, какой бы долгой она ни была (а прожил поэт почти 79 лет), редко может быть такой многогранной и значимой для потомков, как та, которую прожил Клопшток. Выдающемуся литературоведу Б. И. Пуришеву в краткой, но емкой энциклопедической статье удалось охватить практически все его разносторонние литературные достижения:

«КЛОПШТОК Фридрих Готлиб [Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724-1803] — поэт, который начинает период высшего расцвета немецкой литературы XVIII в. К. — выдающийся лирик, создатель иррационалистического течения <...>, кумир молодых штурмеров (см. «Sturm und Drang»), благоговейно чтивших в лице поэта патриарха немецкой «национальной» литературы» (Пуришев 1931: стб. 784).

Пуришев называет религиозную поэму Клопштока *Мессиада* «крупнейшим литературным памятником германского пиетизма» и обращает внимание на особый интерес Клопштока к сюжетам из Священного Писания и в то же время к древнегерманской мифологии.

Творчество Клопштока оказало прямое или косвенное влияние на многих русских поэтов рубежа XVIII — XIX вв. Самым значительным произведением была эпопея *Мессиада*, при создании которой Клопшток следовал идее и духу *Потерянного рая* Мильтона. «Мессиаду» переводил Г. Р. Державин (сам текст перевода не сохранился, только свидетельства современников [Западов 1986]), ею же вдохновлялся М. М. Херасков (Херасков 1807). В. А. Жуковский также создал свой перевод отрывка из *Мессиады* размером подлинника — гекзаметром (Жуковский 1959). Влияние начальных песен *Мессиады* на умы читателей

было столь велико, что Клопштока нередко ставили выше Гомера и Вергилия, сочинения которых еще только предстояло пристально изучать и бережно переводить на русский язык. Филолог-германист и культуролог А. В. Михайлов в главе «Карамзин в беседе с Гомером и Клопштоком» из книги *Обратный перевод* пишет о соизмеримости создателей великих эпопей в XVIII в.:

«Эпоха заморожена Гомером, но она же заморожена Клопштоком, — да еще как! — и может случиться так, — для нас перспектива немислимая! — что Гомер только приоткрывается через Клопштока, и приоткрывается под сенью Клопштока, уже хорошо усвоенного и принятого очень близко к сердцу!» (МИХАЙЛОВ 2000: 76).

Но Клопшток был не только создателем *Мессиады*. Из всех перечисленных в статье Б. И. Пуришева достижений Клопштока представляется совершенно необходимым остановиться на самых первых строках — выдающийся лирик. Клопшток, в поэзии которого сентиментализм получил яркое развитие, не удостоился должного внимания русских переводчиков конца XVIII — начала XIX вв. Только с середины XX в. оды и гимны Клопштока находят своего читателя, а вернее сказать, слушателя, нередко благодаря переводам песен Шуберта на слова Клопштока.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования послужили ода *Будущей невесте* («Künftige Gelibte»), бардита *Герман и Туснельда* («Hermann und Thusnelda») в русских переводах XIX в., а также оды *Das Rosenband* и *Die Gestirne* в переводах конца XX в. Примеры XIX в. помогут нам понять, почему Клопшток не снискал популярности в России во время, максимально близкое к его прижизненной славе. В свою очередь, примеры переводов XX в. покажут, как музыкальное произведение может «высвечивать» поэтический текст. Выборка материала для анализа ранних переводов производилась на основе журналов начала XIX в. («Цветник», «Друг юношества», «Журнал для сердца и ума, издаваемый И. Шелеховым», «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения»), в которых были найдены переводы произведений Клопштока с указанием авторства. Переводы песен Ф. Шуберта взяты из 6-томного собрания избранных песен, опубликованного в издательстве «Музыка» в 1975/1980 гг. (ШУБЕРТ 1978).

В исследовании применяются сравнительно-сопоставительный метод для анализа произведений и их переводов на русский

язык, а также биографический и историко-литературный подходы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Заметим, что поэтический немецкий язык, создаваемый Клопштоком в его произведениях, изобилует неологизмами и непривычными синтаксическими конструкциями. Этот язык был также исключительно свеж и дерзок для своего времени. Клопшток наиболее последовательно отказывался от рифмы и регулярного ритма. По словам филолога К. Ю. Лаппо-Данилевского, Клопшток «в своей лирике опробовал обширный репертуар оригинальных логэдических строф, сконструированных по образцу античных» (ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ 2018: XLII). Зачастую экспериментальные метры Клопштока описываются одним термином — свободные ритмы (*freie Rhythmen*), объединяющим все стихи со словным ударением и нерегулярным количеством безударных слогов. Позже свободные ритмы использовали в своих ранних произведениях штюрмеры (Гёте, Гердер, Новалис).

Но русских переводчиков начала XIX в. лирика Клопштока вдохновляла скорее своим чувствительным содержанием.

Поэтические эксперименты Клопштока в области метрики (которые нередко не находили понимания и у соотечественников) являлись серьезным вызовом для переводчиков, которые пытались привить произведения немецкого поэта в иной культуре. Советский литературовед Г. А. Гуковский замечает об анакреонтической лирике, что движение к освобождению от ритма и рифмы шло в русской поэзии в XVIII в. параллельно с такими же настроениями в западной поэзии, и ссылается на освобождение от рифмы у А. П. Сумарокова:

«Сознание свободы от счета слогов выразилось в введении Сумароковым разностопных (вольных) ямбов, немедленно привившихся; сознание же того, что стих является стихом сам по себе и не нуждается в условно обозначенных границах, измеряющих его, привело к мысли о том, что рифмы не необходимы, может быть даже не нужны (Гуковский 1927: 118).

Нельзя забывать и о том, что в свое время о необходимости отказа от рифмы писал В. К. Тредиаковский в предисловии к переводу *Аргениды* (1751):

«Привыкшие к рифме да благоволят быть уведомлены, что она есть игрушка, выдуманная в Готические времена и всеконечно постороннее украшение стихам. Простых наших людей песни

все без рифмы, хотя и идут то Хореем, то Ямбом, то Анапестом, то Дактилем, а сие доказывает, что коренная наша Поэзия была без рифмы и что она тоническая» (ГРЕДИАКОВСКИЙ 2009: 556).

Однако поэты младшего поколения, как отмечает Гуковский, «уже потеряли ощущение новизны тонического принципа и были чужды ритмико-метрическим исканиям своих учителей. Они привыкли к легким и единообразным силлабо-тоническим схемам» (ГУКОВСКИЙ 1927: 120).

3.1. Переводы начала XIX века

К тому времени, когда слава Клопштока и его стихи достигли России, свободный слог (и свободный ритм) ушел на периферию в отечественном стихосложении, а традиция переводить стихи на русский язык размером подлинника еще не закрепилась. Нередко стихи пересказывались прозой или перелажались другими размерами.

Переводы лирики Клопштока (с указанием автора оригинала) в публицистике XIX в. фиксируются в очень короткий период: с 1809 по 1822 гг. О выборе произведений для знакомства с творчеством немецкого поэта трудно судить.

Обоснованием публикации того или иного переложения нередко служила общая направленность журнала и соответствие лирического произведения выбранному направлению. Самые значительные оды Клопштока, такие как *Музыка*, *Язык*, *Гирлянда роз*, *Весеннее празднество*, *Цюрихское озеро* остались непереуверенными. Но даже по немногочисленным переводам можно заметить, что предпочтение отдавалось сентиментальным одам, еще не вышедшим из моды.

Так, в «Журнале для сердца и ума» (1810) мы находим анонимный прозаический перевод оды Клопштока *Künftige Geliebte*, озаглавленный *Будущая супруга* и снабженный предуведомлением переводчика (орфография автора сохранена):

«Читатели нашего Журнала, без сомнения прочтут с удовольствием сей перевод, взятый из од Клопштоковых. Какое пламенное воображение! какая живья картины! какая сила чувств видна на каждой строке творца Мессиады» (ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕРДЦА И УМА 1810: 143).

Приведем далее отрывок из оды Клопштока и перевод, предложенный читателям журнала:

Dir nur, liebendes Herz, euch, meine vertraulichsten Thränen,
Sing' ich traurig allein diess wehmüthige Lied.
Nur mein Auge soll's mit schmachtemdem Feuer durchirren,
Und, an Klagen verwöhnt, hör' es mein leiseres Ohr!
Ach warum, o Natur, warum, unzärtliche Mutter,
Gabest du zum Gefühl mir ein zu biegsames Herz?
Und in das biegsame Herz die unbezwingliche Liebe,
Daurend verlangen, und ach keine Geliebte dazu? (KLOPSTOCK 1798).

«Тебе одному, о мое сердце, стелящее, влюбленное, открываю я сию песнь горести! Взоры мои исполненные таинственного огня, одни прочтут сии пламенные строки; слух мой, привыкшей к глазу меланхолии, один познает вздохи и нежные слезы... Ах! для чего о природа! для чего жестокая мать, одарила ты меня сердцем слишком чувствительным, склонным к любви, к удовольствиям — и не наградила меня супругой?» (КЛОПШТОК 1810: 143).

Переложение на русский язык не только не следует стихотворной форме, но и отличается вольностью в передаче смысла. Его еще нельзя назвать интерпретацией (как это случилось, например, со стихотворением *К Юноше* в переводе В. Н. Григорьева, опубликованном в журнале «Благонамеренный» в 1822 г.), но мы видим явное переводческое усиление патетики: обилие восклицательных знаков. Клопшток их также любил, но именно в этой оде больше авторских знаков вопроса. К заметным эмоциональным искажениям приводит также повышение градуса чувствительности («liebendes Herz» превращается в «стелящее влюбленное сердце», «Duft des Lenzes» раскрывается пространством оборотом речи «майской воздух, вместо тихих лобзаний, не оставил гибельных следов на лице твоём»). Перед читателем предстает прозаический отрывок в духе сентиментализма, но не ода Клопштока.

Другой пример перевода XIX в., который рассматривается в рамках настоящей статьи, — бардита Клопштока *Герман и Туснельда*. Автором перевода является С. С. Бобров (1763 — 1810), активный член Вольного общества любителей словесности.

В журнале «Цветник», издаваемом Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств в Петербурге, в 1809 г. публикуется два перевода «из од Клопштока»: *Герман и Туснельда* и *Кладбище*. Бобров хорошо знал творчество Клопштока, его религиозно-философская эпопея *Древняя ночь вселенной* создана под

несомненным влиянием Мильтона и Клопштока и тоже отличается колоссальным объемом. Так же как и Клопшток, Бобров нередко изобретал неологизмы (но, в отличие от немецкого поэта, с архаическим оттенком) и отдавал предпочтение сложному синтаксису. Неслучайно современники отзывались о языке Боброва как о темном, неясном, а лирику его считали мрачной и тяжелой. В частности, архаичный язык Боброва пародировал П. П. Сумароков (СУМАРОКОВ 1971: 186).

Тематически ода *Герман и Туснельда*, полностью отвечает запросам публики. Тема осмысления национальной истории была актуальна и для Германии, и для России конца XVIII — начала XIX в. (стоит вспомнить, например, оды Хераскова *Владимир* и *Россиада*).

Клопшток создает оду по мотивам мифа о битве в Тевтобургском лесу: после кровавой битвы вождь племени херусков Арминий (национальный немецкий герой, освободитель от латинской угрозы, первый объединитель германского народа) разговаривает со своей женой Туснельдой, пылающей к нему страстной любовью.

Немецкий поэт пишет необычайно сдержанно, аффективная речь взволнованных героев подчеркивается только короткими восклицательными предложениями. На все семь строф приходится лишь два причастия (разящий меч, поникшие волосы) и минимум прилагательных, которые обусловлены функционально. Намеренный отказ Клопштока от излюбленных приемов украшения (эпитетов, сравнений и сложного синтаксиса) должен был передать суровость древних героев: сцена под дубом рисуется, в основном, при помощи существительных и императивных глаголов. Стремительность диалога усиливается многочисленными переносами, которые не позволяют сделать традиционную для стихосложения паузу в конце строки и тем самым замедлить повествование.

Kom! ich bebe vor Lust! reich mir den Adler
Und das tiefende Schwert! kom, athm', und ruh hier
Aus in meiner Umarmung,
Von der zu schrecklichen Schlacht! (KLOPSTOCK 1798)

Переводчик Бобров воссоздает диалог героев древнегерманского эпоса, делая его значительно более пышным по сравнению с оригиналом. И здесь примечательно, что Бобров вы-

страивает лексический ряд перевода в русской одической традиции, идущей от Ломоносова, Державина и Хераскова (ср. эпитеты «бранны звуки», «сын победы», «звуки громкой славы», «рана... дымилась», «надменный властелин»). В оригинале ода состоит из семи четырехстиший, в каждом из которых две первые строки содержат больше словных ударений, чем заключительные. В переводе строфу образуют не безрифменные четырехстишия, а рифмованные шести-, восьми- и десятистишия то с парной, то с кольцевой рифмовкой.

Приди, Ирой, приди в объятия Туснельды
Спешి отдать мне свой орлепернатый шлем
И меч точащий кровь! — приди, о сын победы!
Да обниму тебя я в торжестве твоём.
Да после долгой столь разлуки,
В объятиях моих ты дух переведешь,
И на груди моей заснешь,
Забыв ужасны бранны звуки («ЦВЕТНИК» 1809: 149).

Каждая строфа, сурово-восторженная в оригинале, буквально перенасыщается украшениями при переводе.

Ruh hier, dass ich den Schweiss der Stirn abtrockne,
Und der Wange das Blut! Wie glüht die Wange!
Hermann! Hermann! so hat dich
Niemand Thusnelda geliebt! (KLOPSTOCK 1798)

Почий, дабы могла
Я стерти пыль с Иройского чела:
И пыль, и пот, и кровь, которыми покрыты
Твои румяные ланиты. —
Ах, как они горят... что девы красота
Пред красотой того Ироя,
Который в торжестве грядет со славой с боя? —
О, Герман, Герман, никогда
Туснельдин столько взор тобой не восхищался.
Нет, никогда ты ей столь милым не казался (КЛОПШТОК 1809: 150).

Интересно, что в своем переложении Бобров не смог последовать за Клопштоком и отказаться от рифмы, хотя собственная поэма Боброва *Херсонида* (1798), высоко оцененная Радищевым, была написана белым стихом. Переводные стихотворения Клопштока получили рифму, которой не было в оригинале.

Мы видим, что переводы лирики Клопштока неизвестным

автором и С. С. Бобровым являются скорее эмоциональными пересказами, чувствительными в буквальном смысле слова. Переводческие принципы и правила в начале XIX в. находились еще в стадии формирования. Переводчик все еще ставился в один ряд с автором, как в классической эстетике, так пишет Ю. Д. Левин в статье *Об исторической эволюции принципов перевода* (ЛЕВИН 1963). Важным для переводчиков было сохранение идеи или доминантного чувства и даже, как мы видим в приведенных отрывках, усиление пафоса автора.

Своеобразие и прелесть поэзии Клопштока во многом заключались в авторском интонировании стихотворений. Очарование стихов Клопштока в переводах XIX в. на русский язык исчезает, растворяется в традиционных для русской лирики того времени оборотах. Для того, чтобы почувствовать и передать ритмическое движение в одах немецкого поэта, их надо было слышать, а не пробегать строки глазами. Исследователи творчества Клопштока неоднократно подчеркивают, что его стихи создавались для декламации или для исполнения в музыкальном сопровождении.

Оды Клопштока неоднократно были положены на музыку, и хотя в творческом наследии поэта не им отводится ведущая роль, именно песни на слова Клопштока являются наиболее удачными переложениями на русский язык. В XIX в. песни Клопштока в России исполнялись в оригинале, а не в переводе. Мы находим упоминание об этом в русской художественной литературе. Так, героиня повести Карамзина *Евгений и Юлия* поет песню *Wilkommen o silberner Mond* — а это песня *Die Sommernacht* Клопштока (КАРАМЗИН 1979).

Музыка способствует тому, чтобы поэзия Клопштока обрела свое звучание на русском языке, однако происходит это уже в следующем веке.

3.2. Русские переводы Клопштока в XX веке

В конце 1960-х — 1970-х гг. на русском языке появляются журнальные публикации и монографии, посвященные глубокому изучению творчества Франца Шуберта. В том числе, в издательстве «Музыка» публикуется шеститомное собрание избранных песен Шуберта. Для этого издания поэт-переводчик Д. И. Седых создает пять нотных подстрочников стихотворений Клопштока: *Бесконечному*, *Гирлянда роз*, *Летняя ночь*, *Созвездия* и *Эдона*.

В вокальной лирике Шуберта, так же как и в одах Клопштока, исследователи отмечают черты стилистического перелома, философски окрашенные песни Шуберта имеют явные точки соприкосновения с творчеством Клопштока. Поэтому слова музыковеда П. Вульфуса о Шуберте можно в полной мере отнести и к Клопштоку:

«Его гениальное дарование позволяет ему то и дело опережать достижения, которые он стремится перенять у предшественников» (Вульфус 1983: 93).

Кроме того, Шуберта и Клопштока роднит легкость и естественность интонационного рисунка. Значимость песен Шуберта для популяризации лирики Клопштока в немецкой культуре не подлежит сомнению, о новом открытии Клопштока для слушателя и читателя неоднократно писали исследователи-германисты в XX в. (SIEGMUND-SCHULZE 1978; HINRICHSSEN 2005).

Но возможен ли перевод свободных ритмов Клопштока без потери семантических и стилистических оттенков, если переводчик должен постоянно «оглядываться» на предложенную композитором мелодию? Учитывая тот факт, что к началу XX в. не было создано достойных переводов стихотворений Клопштока на русский язык, задача художественно совершенного перевода песен представляется непростой.

Переводы Д. И. Седых для издания избранных песен Шуберта доказывают нам, что он справился с текстами немецкого поэта блестяще. Д. И. Седых известен русскому читателю по переводам восточной поэзии и не относится к числу переводчиков, тесно связанных с немецкой лирикой. Наше внимание привлекли две песни Шуберта на стихи Клопштока: *Гирлянда роз* и *Созвездия*. Переводы Седых относятся к эквиритмическим, т. е. совпадающим по ритму с оригиналом и музыкой.

Хотя единого мнения о ценности и целесообразности эквиритмических переводов для принимающей культуры до настоящего времени не существует, исследователи и музыканты, как правило, недооценивают их значение. По мнению философа и литератора А. Лефевра, в таком переводе акцентируется только один аспект исходного текста, в то время как другие более важные аспекты, такие как контекст, игнорируются. Поэтому эквиритмический перевод не может представлять исходный текст как произведение искусства в переводящем языке (LEFEVRE 1975:

123). В *Музыкальной энциклопедии* (1982) также отмечается, что серьезную проблему составляет соотношение художественной ценности оригинала и перевода. Подчеркивается, что творчество поэта-переводчика является лишь «вторичным», при этом эквиритмический перевод сковывают большие технические ограничения. Однако в переводах Клопштока для песен Шуберта можно констатировать сохранение художественной ценности оригинала. Нельзя не упомянуть слова великой пианистки М. В. Юдиной:

«Пламенно любя русскую поэзию всех веков (включая нетленную красоту текстов церковнославянских песнопений), я считаю необходимым слышать у Шуберта, Брамса, Малера, а также у Баха — русское слово. Ведь читаем и слышим на сцене мы греческую трагедию и Шекспира в переводах, порою гениальных, — например, Лозинского, Пастернака и так далее. А «русский текст» вокальной литературы дает ей ощутимую, слышимую, зримую Всемирность и Вечность, ее Вселенское начало» (ЮДИНА 1977: 267).

Гирлянда роз, одно из самых популярных стихотворений Клопштока в немецкоязычной среде, переводилось на русский язык в XX в. как минимум трижды: А. С. Кочетковым (КОЧЕТКОВ 1974), Д. И. Седых (ШУБЕРТ 1978) и Л. Г. Гинзбургом (СИНИЛО 2002: 128). Интересный и подробный разбор переводов дает нам филолог И. А. Черненко в статье *Перевести Клопштока на русский* (ЧЕРНЕНКО 2014). Все три перевода мастерски воспроизводят сентиментальный сюжет о слиянии родственных душ, сохраняют композиционную зеркальность строф оригинала и передают эмблематичность розовой ленты, связывающей лирического героя с его возлюбленной.

Но стоит обратить особое внимание на перевод Д. И. Седых, который создавался для произведения, уже положенного на музыку. Филолог и германист Г. И. Ганзбург замечает, что в музыкальном произведении смысл

«возникает “на стыке” слова и музыки как их общий элемент. Словесный текст (либретто) и музыка — два смыслообразующих фактора, а смысл целого создается как результат их сложного взаимодействия» (ГАНЗБУРГ 1994: 85).

Переводчик должен сохранить смысл, рожденный на стыке музыки и слова, и донести его до слушателя иного языка и иной культуры. И при этом соблюсти жесткие интонационные рамки композитора (в данном случае — Франца Шуберта, который сво-

ей музыкой расставил дополнительные акценты). Если мы сопоставим переводы Кочеткова, Гинзбурга и Седых безотносительно музыкального сопровождения, то не заметим того, что перевод Седых по своему назначению является нотным подстрочником (а это нередко подразумевает слегка пренебрежительное отношение к самому факту его существования). Но стоит только зазвучать музыке, как становится понятно, что только текст Седых укладывается в предложенные не Клопштоком, а Шубертом интонационные схемы. Свободные ритмы Клопштока не требуют строгого ритмического рисунка. Переводчики интерпретировали свободные ритмы по-разному, но Седых «переводил» (перелагал) на русский язык одновременно и Клопштока, и Шуберта.

Не менее интересна история переводов оды Клопштока *Die Gestirne*. Для собрания песен Шуберта в 1978 г. Д. И. Седых озглавил его *Созвездия*, но еще в 1863 г. в сборнике *26 романсов Ф. Шуберта и Р. Шумана: для голоса с фортепиано* зафиксирован другой перевод — *Созвездие*. Автор переложения *Созвездие* не известен, указан как Р. (ШУБЕРТ 1863). Сопоставление текстов перевода и оригинала в вокальном исполнении указывает на то, что Седых, так же как и Р., руководствовался принципом эквиритмичности и стремлением близко передать видение текста Шубертом.

Существование двух вариантов переложения оды *Die Gestirne* (*Созвездие* Р. и *Созвездия* Д. И. Седых), примечательно еще и потому, что первый вариант создан до революции, а второй уже в советское время, и это отразилось на их содержании. Для перевода на русский язык выбраны разные строфы пространной оды Клопштока. Первая строфа в переводах схожа:

Es tönet sein Lob Feld, und Wald, Thal, und Gebirg,
Das Gestad' hallet, es donnert das Meer dumpfbrausend
Des Unendlichen Lob, siehe des Herlichen,
Unerreichten von dem Danklied der Natur! (KLOPSTOCK 1798)

Поют песнь Ему дол и лес, в шуме дубрав
Гимн Ему слышен, и море шумит немолчно
Бесконечной хвалой. Ты, возвеличенный
Всей природой, благодарность прими! (перевод Р.).

Поля и леса радостно славят его,
берега, рифы, морские валы в шуме прибоя
славят его, великолепного,
благодарным песнопеньем и хвалой! (перевод Д. И. Седых).

В следующих строфах Р. делает акцент на восхвалении божественного начала. В переводе Седых не проясняется, кого радостно славят поля и леса, выбраны строфы с описанием созвездий и в итоге перед читателем предстает поэтическое восхищение универсумом. На примере оды *Die Gestirne* мы видим, как из текста оригинала берутся фрагменты, в наибольшей степени отвечающие запросам разных периодов существования иной культуры.

4. Заключение

Творчество Клопштока незаслуженно осталось на периферии читательского и исследовательского интереса в России. Первые переложения его лирики на русский язык соответствовали духу времени, а потому были далеки от подлинного Клопштока. Перевод размером оригинала не являлся обязательным для России начала XIX в. Нельзя не согласиться с историком литературы Е. Г. Эткиндром, который подчеркивал, что переводчик поэзии, использующий новые формы, может рассчитывать на успех лишь в случае достижения национальной поэзией определенного уровня:

«Новаторство уже может привиться, то есть выйти из стадии эксперимента и стать не только окказиональным (использованным в одном-единственном контексте), но и узуальным (используемым в качестве общего, многими поэтами признанного ритмического приема)» (Эткинд 1968: 14).

Эткинд приводит в пример попытку Жуковского воспроизвести в переводе дольник Гете в стихотворении *Жалобы пастуха* (*Da droben auf jenem Berge...*) когда ни поэзия, ни читатель не были, видимо, достаточно подготовлены к тому, чтобы воспринять художественную цельность и своеобычность этого говорного, прерывистого ритма.

Слова о подготовленности читателя можно в полной мере отнести и к сентиментальной лирике Клопштока.

Традиционное для конца XVIII — начала XIX в. переложение поэтических сочинений языком прозы было важно для знакомства русских читателей с творчеством выдающегося немецкого поэта. Прозаический перевод религиозной эпопеи Клопштока и его сентиментальных лирических стихотворений приблизил идеи немецкого поэта к читателю, но не позволил насладиться изяществом его языка. И в истории литературы для России Клопшток стал значительным именем без должного прочтения. Однако нельзя забывать, что сложившаяся позиция сформировалась, в ос-

новном, по суждениям о *Messiade* — эпическом труде, по словам Гёте, «изначально непосильном для певца чувств» (ГЁТЕ 2018).

Движение поэзии Клопштока к русскому читателю, начатое Алексеем Кутузовым, переводчиком полного текста *Messiady*, и продолженное Семеном Бобровым, Александром Соколовским, Александром Кочетковым, Дмитрием Седых и другими переводчиками Клопштока, еще не завершено.

Читательские ожидания, о которых говорит Е. Г. Эткинд, совпали с возможностями переводчиков лишь в XX в. Поэтические нотные подстрочники песен Шуберта на русском языке оказались равновеликими традиционным переводам лирики. В песнях Шуберта на стихи Клопштока читатели знакомятся с иным Клопштоком. Его оды и гимны торжественны и светлы одновременно, в них мы наблюдаем непосредственное взаимодействие слова и музыки, поэзии и прозы. Благодаря переводчикам XX в. стереотипная точка зрения на творчество немецкого поэта, подчеркивавшая громоздкость и тяжеловесность его языка, перестает быть единственно верной. Надеемся, что еще появятся исследования творчества выдающегося немецкого поэта, которые, в свою очередь, дадут импульс к появлению новых переводов лирики Клопштока на русский язык.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Vulffius П.* Франц Шуберт: Монография. М.: Музыка, 1983. [Vulfius, Peter. (1983) *Franz Schubert* (Franz Schubert). Moscow: Muzyka. (In Russian)].
- Ганзбург Г. И.* Либреттология и специальные аспекты изучения вокальных произведений Ф. Шуберта и Р. Шумана // Шуберт и шубертианство. Харьков: Форт, 1994. С. 83—90. [Gansburg, Grigoriy I. (1994) *Librettologiya i spetsial'nyye aspekty izucheniya vokal'nykh proizvedeniy F. Shuberta i R. Shumana* (Librettology and Special Aspects of the Study of Vocal Works by F. Schubert and R. Schumann). In Gansburg, Grigoriy I. (ed.) *Shubert i shubertianstvo* (Schubert and Schubertianism). Kharkov: Fort, 83—90. (In Russian)].
- Гёте И. В.* Из моей жизни: Поэзия и правда. Ч. 3. Кн. 12. М.: Рипол-Классик, 2018. [Goethe, Johann W. (2018) *Iz moey zhizni: Poeziya i pravda*. (From my Life: Poetry and Truth). Part 3. Book 12. Moscow: Riplol-Klassik. (In Russian)].
- Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. [Gukovsky, Grigoriy A. (1927). *Russkaya poeziya XVIII veka* (Russian

- Poetry of the 18th Century) Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Жуковский В. А.* Аббадона // Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. М.; Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1959. С. 231—236. [Zhukovskiy, Vasilii A. (1959) Abbadona. (Abbadon). In Zhukovskiy, Vasilii A. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 4 vols. Vol. 2. Ballady. Poemy i povesti (Ballads. Poems and Stories). Moscow; Leningrad: Goslitzdat Publ., 1959, 231—236. (In Russian)].
- Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Т. 15 / ред. А. М. Панченко. Л.: АН СССР, 1986. С. 215—229. [Zapadov, Vladimir A. (1986) Rabota G. R. Derzhavina nad «Rassuzhdeniyem o liricheskoy poezii» (G. R. Derzhavin's Work on "Reasoning about Lyrical Poetry"). In Panchenko, A. M. (ed.) *XVIII vek* (18th Century). Vol. 15. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 215—229. (In Russian)].
- Карамзин Н. М.* Евгений и Юлия // Русская сентиментальная повесть / ред. П. А. Орлов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. [Karamzin, Nikolay M. (1979) Evgeniy i Yuliya (Eugene and Yulia) In Orlov, Pavel A. (ed.) *Russkaya sentimental'naya povest'* (Russian Sentimental Tale). Moscow: Moscow University Press. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г.* Герман и Туснельда // Цветник. 1809. Ч. 2. № 5. С. 149—153. [Klopstock, Friedrich G. (1809) German i Tusnel'da (Hermann and Tuseda). *Tsvetnik* (Flower Garden), 2, No. 5 February, 149—153. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г.* Будущей супруге // Журнал для сердца и ума, издаваемый И. Шелеховым. 1810. Ч. 1. № 2. Февраль. С. 143—149. [Klopstock, Friedrich G. (1810) Budushchey supruge (To the Future Wife). *Zhurnal dlya serdtsa i uma, izdavaemy I. Shelekhovym* (Journal for the Heart and Mind, published by I. Shelekhov), 1, No. 2 February, 13—149. (In Russian)].
- Кочетков А. Н.* Цепь роз // Золотое перо. Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах 1812 — 1970. М.: Прогресс, 1974. С. 547. [Kochetkov, Alexander N. (1974) Tsep' roz (A chain of Roses). In Ratgauz, G. I. (ed.) *Zolotoe pero. Nemetskaya, avstriyskaya i shveysarskaya poeziya v russkikh perevodakh* (Golden Pen. German, Austrian and Swiss Poetry in Russian Translations 1812 — 1970). Moscow: Progress, 547. (In Russian)].
- Латто-Данилевский К. Ю.* Переводы Вячеслава Иванова из Алкея и Сапфо // Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2018. [Lappo-Danilevsky, Konstantin Yu. (2018) Perevody Vyacheslava

- Ivanova iz Alkeia i Sapfo (Translations by Vyacheslav Ivanov from Alkey and Sappho). In Ivanov, Vyacheslav. (ed., trans.) *Alkei i Safo: Sobraniye pesen i liricheskikh otrывkov v perevode razmerami podlinnikov Viacheslava Ivanova so vstupitel'nyim ocherkom ego zhe* (Alkey and Sappho: A collection of Songs and Lyrical Passages translated in Original Sizes by Vyacheslav Ivanov with an Introductory Essay by him). Saint Petersburg: N. I. Novikov Publishing House. (In Russian).
- Левин Ю. Д. Статьи. Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы / ред. М. П. Алексеев. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 5—63. [Levin, Yuriy D. (1963) Stat'i. Ob istoricheskoy evoliutsii printsipov perevoda (Articles. On the Historical Evolution of the Translation Principles) In Alekseyev, Mikhail P. (ed.) *Mezhdunarodnyye svyazi russkoy literatury* (International Relations of Russian Literature). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 5—63. (In Russian)].
- Михайлов А. В. Обратный перевод: Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Alexandr V. (2000) *Obratnyy perevod: Russkaya i zapadnoevropeyskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey*. (Reverse Translation: Russian and West-European Culture: Problems of Interconnections). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Музыкальная энциклопедия. В 6 т. Т. 6. М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973 — 1982. [*Muzykal'naya entsiklopediya* (Musical Encyclopedia). In 6 vols. Vol. 6. Moscow: Soviet Encyclopedia; Soviet Composer, 1973 — 1982. (In Russian)].
- Пурисhev Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. Стб. 784. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshtok (Klopstock). In *Literaturnaya entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). Vol. 5. Moscow: Communist Academy Publishers, col. 784. (In Russian)].
- Синило Г. В. Жанровые и стилевые новации в лирике Ф. Г. Клопштока // Другой XVIII век. Сб. научных работ. М.: МГУ, 2002. С. 121—134. [Sinilo, Galina V. (2002) Zhanrovyye i stilevyye novatsii v lirike F. G. Klopshtoka (Genre and Style Innovations in F. G. Klopstock' Lyrics). In *Drugoy XVIII vek* (Another 18th Century). Moscow: Moscow State University, 121—134. (In Russian)].
- Сумароков П. П. Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе // Поэты 1790 — 1810-х годов / ред. Ю. М. Лотман. М.: Советский писатель, 1971. С. 186—188. [Sumarokov, Pankratiy P. (1971) Oda v gromko-nezhno-nelepo-novom vkuse (Ode in a loud-gentle-absurd-new Taste) In Lotman, Yuriy M. (ed.) *Poety 1790 — 1810-kh godov* (Poets of the 1790 — 1810s.) Moscow: Soviet Writer, 186—188. (In Russian)].

- Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб: Наука, 2009. [Trediakovsky, Vasily K. (2009) *Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoju* (Compositions and Translations both in Verse and Prose). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Херасков М. М.* Россияда. М.: тип. Пономарева, 1807. [Kheraskov, Mikhail M. (1807) *Rossiada* (Rossiad). Moscow: Ponomaryov Publ. (In Russian)].
- Черненко И. А.* Перевести Клопштока на русский // Литература в диалоге культур. Межвузовский научный сб. / ред. Н. В. Забабурова. Ростов н/Д.: Южный федеральный ун-т, 2014. С. 269—280. [Chernenko, Irina A. (2014) *Perevesti Klopstocka na russkiy* (Translate Klopstock into Russian). In Zababurova, N. V. (ed.) *Literatura v dialoge kul'tur* (Literature in the Dialogue of Cultures). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 269—280. (In Russian)].
- Шуберт Ф., Клопшток Ф.* Созвездие // 26 романсов Ф. Шуберта и Р. Шумана: для голоса с фортепиано; изд. под ред. Н. Рубинштейна. М.: П. Юргенсон, 1863. [Schubert, Franz, & Klopstock, Friedrich. (1863) *Sozvezdiye* (Constellation) In Rubinshtein, Nikolay. (ed.) *26 romansov F. Shuberta i R. Shumana: dlya golosa s fortepiano* (26 Romances by F. Schubert and R. Schumann: for voice and piano). Moscow: P. Yurgenson. (In Russian)].
- Шуберт Ф.* Избранные песни. В 6 т. Т. 4 / ред. Ю. Н. Хохлов. М.: Музыка, 1978. [Khokhlov, Yuriy N. (ed.) (1978) *Schubert Franz. Izbrannyye pesni* (Schubert Franz. Selected Songs). Vol. 4. Moscow: Muzyka. (In Russian)].
- Эткинд Е. Г.* Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Л.: Советский писатель, 1968. С. 5—75. [Etkind, Yefim G. (1968) *Poeticheskiy perevod v istorii russkoy literatury* (Poetic Translation in the History of Russian Literature). In Etkind, Yefim G. (ed.) *Mastera russkogo stikhotvornogo perevoda* (Masters of Russian Poetic Translation). Leningrad: Soviet Writer, 5—75. (In Russian)].
- Юдина М. В.* Совместная работа над эквиритмическим переводом песен Шуберта // Воспоминания о Заболоцком / сост. Е. В. Заболоцкая и А. В. Македонов. М.: Советский писатель, 1977. С. 267—268. [Yudina, Mariya V. (1977) *Sovmestnaya rabota nad ekviritmicheskim perevodom pesen Shuberta* (Joint Work on the Equirhythmic Translation of Schubert's Songs). In Zabolotskaya, Yekaterina V., & Makedonov, Adrian V. (eds) *Vospominaniya o Zabolotskom* (Memories of Zabolotsky). Moscow: Soviet Writer, 267—268. (In Russian)].
- Hinrichsen, Hans-Joachim. (2005) Klopstocks Lyrik im Werk Franz Schu-

- berts. In *Ständige Konferenz Mitteldeutsche Barockmusik*. Beeskow: Ortusmusikverlag, 155—180.
- Klopstock, Friedrich Gottlieb. (1798) *Oden*. Bd. 2. Leipzig: Göschen.
- Lefevre, André. (1975) *Translating Poetry: Seven Strategies and a Blueprint*. Assen: Van Gorcum.
- Siegmund-Schultze, Walther. (1978) Klopstocks Musik-Beziehungen. In Werner, Hans-Georg. (ed.) *Friedrich Gottlieb Klopstock. Werk und Wirkung. Wissenschaftliche Konferenz der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg im Juli 1974*. Berlin, 143—146.

Vera G. Sibirtseva
National Research University “Higher School of Economics”

Poems by Klopstock in Russian Translations of 19th and 20th Centuries

The article analyzes Russian translations of poems written by Friedrich Gottlieb Klopstock, a famous German poet of the 18th century, an outstanding representative of sentimentalism who was known for criticism of rationalism. The experimental free verse rhythm he used in his hymns and odes presented a real challenge for Russian poets of the 19th century. The “sensitive” content new for Russian literature was to be expressed in unusual forms. Even though many poems by Klopstock were performed in recitation with instrumental accompaniment, Russian translators seemed to undervalue the musicality of his lyrics. The few transcriptions of his poems found in the magazines of the early 1800s illustrate the search for the “correct tone” in Russian translations. The translators offer their own compositions based on Klopstock’s hymns, a prosaic recounting of his poems and, finally, poetic translations with strict metrical rhythms. The object of analysis is two poems by Klopstock entitled in translation *To My Future Wife* and *Hermann and Thusnelda*. The Russian translators chose different strategies: a retelling in prose and a poetic arrangement, but in the end they were able to convey no more than the author’s idea and the emotional charge of the German poet’s creations while Klopstock’s attention to prosody and his rich language got lost in translation. It took more than 100 years for Klopstock’s poetry to sound in the Russian language in all its glory, as his poems as lyrics to the music by Schubert got translated. The translators of the Soviet era sought not only to preserve the author’s intention and the originality of Klopstock’s language: they set the task of complying to the musical accents proposed by Schubert enriching Klopstock’s lyrics, and they coped with it brilliantly. Euphonious translations of Klopstock’s poems *A Garland of Roses* and *Constellations*, matching in rhythm with the original poems, never lose their charm even without musical accompaniment. The article presents Russian translations of these poems done in the 20th century that testify to the high level of

the translators' professional skills.

Keywords: Klopstock; Schubert; free rhythms; sentimentalism; musicality of poetry; translation

Для цитирования:

Сибирцева В. Г. Лирика Клопштока в русских переводах XIX и XX веков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 473—491.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-473-491.

To cite this Article:

Sibirtseva, Vera G. (2022) *Lirika Klopshtoka v russkikh perevodakh XIX i XX vekov* (Poems by Klopstock in Russian Translations of 19th and 20th Centuries). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 473—491. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-473-491.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

Т. П. Смирнова

Нижегородский государственный лингвистический университет

МНОГОЯЗЫЧНЫЕ ЦИТАТЫ В НЕМЕЦКИХ ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫХ НАРРАТИВАХ

Анализируются варианты многоязычных (двуязычных) сегментов в транслингвальной немецкоязычной литературе (немецкоязычной литературе мигрантов) с точки зрения их латентных и эвидентных конфронтаций, связанных с интенсивностью использования указанных структур в немецком транслингвальном нарративе. В терминологии итальянской исследовательницы И. Амодео речь в данном случае может идти о латентном и эвидентном многоязычии (двуязычии), определяемом ею соответственно как латентное (фоновое) присутствие любого другого языка (в случае использования автором не свойственных немецкой лингвокультуре иностранных имен, топографических обозначений) и эвидентное, видимое проявление иноязычных цитат (часто первого (родного) языка литераторов-мигрантов) в немецком транслингвальном литературном повествовании. Перспектива предлагаемого исследования связана с анализом латентно-эвидентных моделей в литературных произведениях немецкой писательницы японского происхождения Й. Тавада, активно использующей указанные форматы в своем творчестве. Принципы включения многоязычных (двуязычных) цитат в литературные произведения писателей-экзофонов индивидуальны и определяются исключительно авторской интенцией литераторов. Актуализация указанных форматов происходит благодаря эмпирическим исследованиям, расширяющим представление о назначении и вариантах многоязычных (двуязычных) структур в транслингвальном немецком литературном тексте. Исследование проведено с опорой на концепции и идеи современных западных исследователей И. Амодео, П. Бурдье, С. Холла, Х. Баба, Ж. Женетт, Г. Кремнитц, А. Климс, Х. -К. Трепте, Л. Форстер, Д. Скиба, М. Гимних о многоязычии, гибридности, интертекстуальных взаимодействиях в литературе; принципиальный научный интерес в изучении современных полилингвальных культур и литератур связан с эвристически значимыми открытиями научной прозы М. Бахтина о (литературном) многоязычии и его основных свойствах (теоретические работы 1930 — 1940-х гг.). Делается вывод о значимости латентных и эвидентных многоязычных (двуязычных) форм для изучения их имагологического потенциала в диалоге языков и культур.

Ключевые слова: латентное и эвидентное многоязычие (двуязычие); транслингвальные (немецкие) нарративы; И. Амодео; Й. Тавада; М. Бахтин

1. Введение

Многоязычие (Mehrsprachigkeit) (и/или двуязычие (Zweitsprachigkeit) как «форма», «вид» (MESSINA 2010: 108, 109) «подчиненное понятие» (Ibid.: 132), «особый случай» многоязычия (ein Sonderfall von Mehrsprachigkeit) (Juliane House) (Ibid.: 108) представляют центральные феномены в изучении современных полилингвальных культур и литератур и исследуются в гуманитаристике междисциплинарно с позиций различных теоретических концепций и их методологических интерпретаций. Литературное многоязычие занимает отдельную, активно обсуждаемую «нишу» обозначенных исследований и анализируется в германистике, в том числе на примере нового литературного жанра, транскультурной немецкоязычной литературы, представленной произведениями немецкоязычных писателей-мигрантов, избравших языком социализации и литературного творчества не родной для большинства из них немецкий язык.

В основу большинства научных изысканий по теме положена критика «одноязычия как нормы» (Ibid.: 108), критика «монолингвального габитуса» (Ibid.: 120, 122), «статичного концепта идентичности» (BAUMANN 2010: 227) как мировоззрений, отражающих представления о гомогенности языка в «гомогенных, стабильных, закрытых (герметичных)» социумах (Ibid.), что вряд ли соответствует фактическим процессам развития современных плюрилингвальных (транскультурных) сообществ в эру «глобальной миграции» (BÜRGER-KOFTIS, SCHWEIGER & VLASTA 2010: 11).

Актуальные формы многоязычия (двуязычия) в системе отдельных западных классификаций характеризуются с точки зрения разной интенсивности их проявления в немецком литературном тексте (BAUMANN 2010; CORNEJO 2010; SKIVA 2010). Соглашаясь с предложенной исследовательской перспективой, И. Амодео (Immacolata Amodeo) подразделяет указанные многоязычные (двуязычные) форматы на латентные и эвидентные. «Латентное» и «эвидентное двуязычие» (многоязычие) определяются исследовательницей соответственно как «латентное (фоновое) присутствие любого другого языка в немецкоязычном тексте» («latente Präsenz einer anderen Sprache im deutschsprachigen Text») (CORNEJO 2010: 351), вступающего в диалог с его (текстовым) доминантным (немецким) языком (например, в случае использования автором не свойственных немецкой лингвокультуре иностранных

имен, топографических обозначений), и «эвидентное», заметное присутствие иноязычных сегментов (часто первого (родного) языка литераторов-мигрантов) в немецком тексте («wenn die Strukturen der Erstsprache im sprachlichen Erscheinungsbild des deutschsprachigen Textes bemerkbar sind») (Ibid.).

В современных исследованиях термину «латентное многоязычие (двуязычие)» часто соответствуют синонимичные обозначения «внутреннее, имплицитное многоязычие (двуязычие)» (interne, implizite Mehrsprachigkeit / Zweisprachigkeit); определение «эвидентное многоязычие (двуязычие)» используется в паре с терминологическими дефинициями «внешнее, эксплицитное многоязычие (двуязычие)» (äußere, explizite Mehrsprachigkeit / Zweisprachigkeit) (BAUMANN 2010: 230, 231).

Каждый автор выбирает собственную стратегию интеграции (гибридных) латентных или эвидентных форм в литературное произведение; говорить о единой творческой эстетике невозможно. Латентные и эвидентные формы многоязычия (двуязычия) значимы с точки зрения изучения их имагологического потенциала в диалоге языков и культур.

2. Характеристика материала и методов исследования

В западной германистике сложился определенный методологический «инструментарий» для понимания алгоритмов функционирования многоязычных сегментов в транслингвальных (немецких) нарративах. В новейших публикациях анализируется как прагматичный выбор автором-мигрантом литературного языка и языка социализации, часто отличающегося от родного, так и типичные «модели» ввода и последующей репрезентации иноязычных «цитат» в немецком литературном тексте (учитываются теоретические представления о транслингвальности и гибридности культур современных западных исследователей И. Амодео (I. Amodéo), Х. Баба (H. Bhabha), Б. Бауманн (B. Baumann), П. Бурдьё (P. Bourdieu), М. Бюргер-Кофтис (M. Bürger-Koftis), С. Власта (S. Vlasta), М. Гимних (M. Gymnich), Ж. Женетт (G. Genette), А. Катоне (A. Catone), А. Клиемс (A. Kliems), Г. Кремнитц (G. Kremnitz), Д. Скиба (D. Skiba), Х. -К. Трепте (H.-Ch. Trepte), Л. Форстер (L. Forster), С. Холла (S. Hall), Х. Швайгер (H. Schweiger). Принципиальный интерес для изучения транслингвальности в литературе и многоязычия («разноязычия» (М. Бахтин)) как ее конститутивного компонента представляют эвристически значимые открытия

научной прозы Бахтина о многоязычии и его основных «проявлениях» (теоретические работы 1930 — 1940 гг.), раскрывающие положительный потенциал «диалога смыслов» «своей» и «чужой» культур (СМИРНОВА 2020).

Опираясь на научные представления Бахтина о диалогичности культур, исследование позволяет определить специфику индивидуальной авторской стратегии немецкой писательницы японского происхождения Й. Тавада (Tawada Yōko, род. 1960) в использовании эвидентных и латентных многоязычных (двуязычных) композиций и их необычных конфигураций, значимых для формирования оригинального художественного языка писательницы и имагологически продуктивного диалогического взаимодействия различных лингвокультурных традиций.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Мысль о продуктивном творческом потенциале взаимодействующих культур подтверждает своей писательской биографией японская эссеистка, прозаик, поэт, драматург Тавада, автор разножанровых произведений на немецком, итальянском и японском языках, обладательница престижных международных литературных премий и наград: National Book Award (2018); The Warwick Prize for Women in Translation (2017); Kleist-Preis (2016); Yomiuri-Literaturpreis (2013); Adelbert-von-Chamisso-Preis (1996) (Tawada n. d. : homepage) и др. Быть признанным литератором в иноязычной культуре означает для Тавада «обогащение»; в этом случае, полагает японская писательница, можно ощутить себя уникальным, а не «глобальным» (принадлежащим всем и никому) литератором (CATONE 2015: 22).

Творческая и языковая биография Тавада тесно связаны с несколькими лингвокультурами: родной японской, русской (писательница имеет степень бакалавра по специальности «русская литература»; художественные образы, связанные с русской культурой и Россией, занимают значимое место в литературных произведениях Тавада), а также немецкой, ставшей для японки «языковой родиной» (Sprachheimat) (VERTLIB: 2007).

Тавада активно использует в творчестве многоязычные (двуязычные) модели, сочетая элементы различных языков (в том числе, родного) и культур. Возможно, именно поэтому западный исследователь Ю. Вертхаймер (Jürgen Wertheimer) называет японскую создательницу необычных произведений

«постмодернистской шаманкой поэтической речи» (postmoderne Schamanin der dichterischen Rede) (CATONE 2015: 191). В оценке многих рецензентов Тавада — одна из самых творческих, «провокационных» и оригинальных писательниц в мире (Ibid.: 192).

Тавада умело использует творческий потенциал многоязычия (двуязычия) и включает в литературные произведения его латентные и эвидентные формы.

Так, автобиографические воспоминания Тавада о первой (совершенной в возрасте 19 лет) поездке в Москву (и далее в Европу, Берлин) по легендарному маршруту Транссибирской магистрали положены в основу рассказа *Wo Europa anfängt* (1991) (включен в одноименный сборник стихов и прозы) и содержат многочисленные упоминания о городах, регионах Японии и других стран, связанных с биографиями персонажей. Топонимы приводятся в кратких диалогах попутчиков героини в ее долгом путешествии в Москву.

(1) «„Kommst du aus Vietnam?“, fragte er mich. „Nein, ich komme aus-Tokyo.“

Sein Enkelkind schaute mich an und fragte ihn leise: „Wo ist Tokyo?“ Der alte Mann streichelte den Kopf des Kindes und antwortete leise aber deutlich: „Im Osten“. <...> Hatte ich nicht als Kind auch immer solche Fragen gestellt? — Wo ist Peking? — Im Westen. — Und was gibt es im Osten hinter dem Meer? + Amerika. —“ (TAWADA 1991: 80–81).

Содержащиеся в диалогах топонимические обозначения не несут видимой смысловой нагрузки, передаются в контексте традиционных будничных бесед и фиксируют, на первый взгляд, лишь географический «локус» универсальных биографических повествований. Вместе с тем, обыденные «жизнеописания» очевидно связаны с «памятью места» и отражаемых им «ландшафтных» метафор и мифологем. Так, необычная с точки зрения европейца ассоциация «Запад» — это «Пекин», «Восток» — это «Токио», продолжается дальнейшими метаморфозами рассказа *Wo Europa anfängt*: наивные представления рассказчицы о Москве как начальной точке Европы развенчиваются в итоге репликой русской соседки по купе, замечающей, что начало Европы «не в Москве, а за Уралом», и откровением попутчика-француза о Москве, которая в его представлении НЕ является Европой («Moskau ist NICHT Europa») (Ibid.: 25). В контексте реальной биографии Тавада столь же иллюзорным окажется позднее миф об «идеализированной Евро-

пе», трактуемой писательницей как повторение, «простой возврат к ориентализму» (CATONE 2015: 194).

Отсылки к родной культуре и ее образам присутствуют во многих произведениях Тавада. «Диалог» с родной культурой создает особую «аутентичную» атмосферу авторских (немецких) транслингвальных литературных повествований и нередко используется писателями как имагологически значимый стилистический компонент в творчестве (SMIRNOVA: 2017). Часто воспоминания связаны с самым дорогим для многих периодом жизни — детством.

Так, в одной из глав сборника *Wo Europa anfängt* Тавада вспоминает о своей матери, которая росла в буддийском храме, где обязательной была ранняя молитва.

(2) «Meine Mutter wuchs in einem buddhistischen Tempel auf, in dem man jeden Morgen um 5 Uhr schon das Gebet hörte, das ihr Vater, der Hauptpriester des Tempels, mit seinen Schülern verrichtete» (TAWADA 1991: 79).

Очевидно, что латентные формы многоязычия, сопряженные, в том числе, с «трансформацией» ожидаемых сюжетных развязок, значимы для художественной стратегии Тавада. Писательница виртуозно использует их для «нескучного», «живого» повествования, интересного читателям.

Тем не менее латентные многоязычные формы из-за малой репрезентативности контактирующих языков и культур не представляют значимого исследовательского интереса для современной германистики. Большую важность обретают видимые, эвидентные формы (гибридного) языкового и культурного контакта, обеспечивающие особый стилистический колорит литературного произведения.

Наиболее частый способ интеграции иноязычных эвидентных моделей у Тавада состоит в их непосредственном противопоставлении (сопоставлении) с немецкоязычным (или любым иноязычным) эквивалентом в литературном произведении: при этом используется традиционный для переводческой и эдиционной практики формат *texte en regard* с параллельным расположением текста-оригинала и его перевода.

В эссе Тавада *Von der Muttersprache zu Sprachmutter* (из сборника литературных эссе *Talisman*, подобная эвидентная многоязычная структура представлена лексической парой на япон-

ском (в латинской транслитерации) и немецком языках.

- (3) «Ein deutscher Bleistift unterschied sich kaum von einem japanischen. Er hieß aber nicht mehr „Enpitsu“, sondern „Bleistift“. Das Wort „Bleistift“ machte mir den Eindruck, als hätte ich es jetzt mit einem neuen Gegenstand zu tun. Ich hatte ein leichtes Schamgefühl, wenn ich ihn mit dem neuen Namen bezeichnen musste. <...> Bis dahin war mir nicht bewußt gewesen, dass die Beziehung zwischen mir und meinem Bleistift eine sprachliche war» (TAWADA 1996).

В книге *Wo Europa anfängt* поясняется этимологическое значение слова «Сибирь» (сопоставляются пары морфем на татарском и немецком языке):

- (4) «Sibirien „das schlafende Land“ (von tatarisch: sib = schlafen, ir = Erde), schlief aber nicht. Deshalb war es auch gar nicht nötig gewesen, dass der Prinz hierher kam und die Erde küsste, um sie zu erwecken» (TAWADA 1991: 74).

Необычный пример «многоступенчатого» использования многоязычных латентно-эвидентных структур приведен в эссе Тавада *Der Apfel und die Nase* из прозаического сборника *Überseetzungen* (2002). Описываются попытки героини перевести на немецкий язык и записать на компьютере иероглифический текст японского языка:

- (5) «Wie kann er (der Computer — T. S.) zum Beispiel das Zeichen für „Nase“ (hana) aussuchen, wenn ich „Blume“ (hana) schreiben will? Die beiden Wörter sehen im Alphabet identisch aus, werden aber in einem unterschiedlichen Tonfall ausgesprochen und natürlich mit verschiedenen Ideogrammen geschrieben. Der Computer interessiert sich nicht dafür, was ich schreibe, sondern er wählt einfach ein Zeichen aus, das ich beim vorigen Mal ausgewählt habe. Kein Wunder, dass der Computer das Wort „Nase“ schreibt, denn ich benutze das Wort „Nase“ viel öfter als das Wort „Blume“» (TAWADA 2002: 16).

Одинаковые в написании лексические единицы hana и hana, произносимые в японском с разной интонацией и отображаемые несходными иероглифами-идеограммами для «носа» и «цветка», воспринимаются компьютером идентичными омонимами, без учета их семантической дифференции. Выбор компьютером немецких соответствий-эквивалентов происходит по «принципу вероятности» (Wahrscheinlichkeitsprinzip) (ZIERAU 2010: 431): машина отбирает наиболее частотный знак, использованный героиней в предыдущем фрагменте. В итоге, вместо

«цветка» в переводе часто появляется «нос», «предпочитаемый» компьютером как частотная лексическая единица текста. Так, для письма героини, желающей поблагодарить подругу за подаренный цветок, компьютер «выбирает» идеограмму «нос» и «ад-ресует» получательнице следующий текст:

- (6) Er wählte das Zeichen für die „Nase“ aus, als ich einer Freundin für die Blume danken wollte. „Vielen Dank für die Nase, die du mir geschenkt hast“» (TAWADA 2002: 16).

Эссе завершается любопытным словесным «каламбуром» во «вкусе» Тавада: акустический эквивалент немецкого «носа» (слово приводится в тексте по-немецки: Nase), произносимый с кратким «а», означает по-японски, в интерпретации рассказчицы, «почему» (слово также написано по-немецки: warum), которое, в свою очередь, совпадает в транскрипционном варианте (не указан в тексте) с немецким словом Nase:

- (7) «Das japanische Wort „Nase“ bedeutet ‘warum’, zwar mit einem kurzen „a“ ausgesprochen, aber im Alphabet genauso geschrieben wie das deutsche Wort „Nase“» (TAWADA 2002: 17).

Эвидентные оппозиции слов по принципу text en regard сочетаются в приведённом примере с подробным описанием противостоящих (японской и немецкой) знаковых систем (Zeichensysteme) (Ibid.: 432) и возникающих в связи с этим взаимных имагологических «разночтений». В эссе многократно противопоставляются немецко-японские лексические единицы: нем. Nase — яп. hana; нем. Blume — яп. hana; нем. Nase — яп. warum — яп. и нем. Nase. Вместе с тем, очевидно, что иноязычный «компонент» (авто)переведенных Тавада на немецкий язык дифференциальных признаков японской и немецкой лингвосистем «скрыт», представлен латентно (так, в эссе описаны, но не отображены графически японские идеограммы для «цветка» и «носа»; упоминается, но не указывается возможно совпадающая транскрипция японского «почему» и немецкого «носа»).

Аналогичный эффект противопоставления метаязыковых эвидентно-латентных грамматических несоответствий японской и немецкой лингвокультур представлен в дебютном поэтическом сборнике Тавада *Abenteuer der deutschen Grammatik* (2010), в ряде эссе, где писательница пытается в увлекательной форме развеять устоявшийся миф о сложностях немецкой грамматики.

Размышляя над особенностями немецких фраз, роли немецких местоимений, графическим отображением немецкого алфавита, Тавада предлагает немецкоязычным читателям посмотреть на родной для них язык по-новому, представляет его в необычном, «нескучном», ракурсе. Одновременно потенциальные читатели книг Тавада имеют возможность познакомиться с особенностями японского языка и культуры.

В упоминавшемся эссе *Von der Muttersprache zu Sprachmutter* находим размышления героини, служащей-иностранки (японки) немецкой компании (образ — возможный двойник Тавада, начинавшей карьеру в книгоиздательской фирме в Гамбурге) о грамматическом роде имен существительных и категориях «одушевленности — неодушевленности» в немецком и японском языках. Для японки, в родном языке которой грамматические категории рода и числа существительных отсутствуют, сложно понять, почему «карандаш» — существительное мужского рода («он», *der Bleistift*) и на «него» можно ругаться. «Персонализация» карандаша в японской лингвокультуре невозможна: карандаш не может быть «глупым», он не может «сходить с ума», на него невозможно «по-человечески» сердиться. С грамматической точки зрения любое существительное в японском языке нейтрально; грамматическая категория рода не связана с биологическим полом, именно поэтому японский «мужчина» «грамматически» не столь «маскулинен» (*männlich*), как его немецкий «коллега» (TAWADA: 1996).

С трудом привыкая и осваивая немецкую грамматику, героиня вынуждена внутренне «перестраиваться», меняться. Вместе с тем, именно иностранный (немецкий) язык помогает ей обнаружить новые свойства родного языка и культуры.

(8) «Außerdem kam er mir männlich vor, weil er der Bleistift hieß. In der japanischen Sprache sind alle Wörter geschlechtslos. Die Substantive lassen sich zwar in Gruppen einteilen, es gibt z. B. eine Gruppe der flachen Gegenstände oder der runden. Es gibt natürlich auch die Gruppe der Menschen. Männer und Frauen gehören zusammen dahin. Grammatikalisch gesehen ist im Japanischen nicht einmal ein Mann männlich» (TAWADA 1996).

Очевидно комический элемент литературных зарисовок Тавада, их «положительный, утверждающий» «полюс» смеха (БАХТИН 2008а: 43), проясняющий «сознание человека» и рас-

крывающий «для него мир по-новому» (БАХТИН 2008с: 991) значим для художественной стратегии японской писательницы. Имагологический потенциал указанного стилистического приема также не вызывает сомнений.

4. Выводы

Многоязычие (двуязычие) определяют специфику немецкоязычной транслингвальной литературы. Многоязычие (двуязычие) литературных произведений Тавада (а также других писателей-экзофонов) обусловлено сочетанием, «скрещением» разнородных «языковых мировоззрений» [БАХТИН 2008b: IV (1), 624] в языковом и творческом сознании литераторов-мигрантов. Ментальная «зона взаимоналожений» («Überlappungsbereich» [VERTLIV 2007]) (ЗУСМАН 2010: 183) дифференциальных признаков конфронтирующих лингвосистем формирует «многофакторную идентичность» («mehrfache Identität» [VERTLIV 2007]) литераторов-мигрантов, генерирует открытые «сдвоенные перспективы» («Doppelperspektiven») (Ibid.) одновременно возникающих многоязычных (двуязычных) образов их литературных произведений. Японская писательница Тавада использует в немецких литературных транслингвальных повествованиях латентные и эвидентные многоязычные (двуязычные) модели, обеспечивающие стабильный интерес читателей к ее творчеству. Латентные структуры фиксируют не только топонимику описываемых сюжетов, но связаны с исторической памятью этих мест, значимы для художественной стратегии писательницы. Эвидентные многоязычные (двуязычные) компоненты проявляются в творчестве Тавада в оппозициональной конфронтации морфем, лексических единиц и метаязыковых форм, усиливающих достоверное понимание лингвокультуры в их диалоге. «Открытые» литературные тексты Тавада и других авторов-мигрантов, интегрирующих в литературные произведения вариативные комбинации латентных и эвидентных многоязычных (двуязычных) композиций, фиксируют ценностный потенциал взаимодействующих культур, способствуют непосредственному пониманию реальности и эффективному вневременному диалогу мультиэтнических сообществ.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

Бахтин М. М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Куль-

- тур, 2008a. С. 11—516. [Bakhtin, Mikhail M. (2008a) *Fransua Rable v istorii realizma*. (François Rabelais in the History of Realism). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 11—517. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Материалы к книге о Рабле (1930 — 1950-е гг.). Комментарии и приложения // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Культур, 2008b. С. 604—673. [Bakhtin, Mikhail M. (2008b) *Materialy k knige o Rable* (1930 — 1950-e gg.). *Kommentarii i prilozheniya* (Working Notes on the Book about Rabelais (1930 — 1950s. Commentary and Appendices). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 604—673. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Материалы к защите диссертации М. М. Бахтина «Франсуа Рабле в истории реализма» (15 ноября 1946 г.) // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Культур, 2008с. С. 985—998. [Bakhtin, Mikhail M. (2008c) *Materialy k zashchite dissertatsii* М. М. Bakhtina «Fransua Rable v istorii realizma» (Materials for the Defense of M. M. Bakhtin’s thesis “François Rabelais in the History of Realism”). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 985—998. (In Russian)].
- Зусман В. Г.* Гибридность в литературе мигрантов. Гетерогенное «письмо» В. Вертлиба // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10 / ред. Бабенко Н. С., Бакши Н. А. М.: Языки Славянских Культур, 2013. С. 180—187. [Zusman, Valeriy G. (2013) *Gibridnost’ v literature migrantov*. Geterogennoe “pis’mo” V. Vertliba (Hybridity in Migrants’ Literature. V. Vertlib’s Heterogeneous “Writing”). In Babenko, Natalya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 10. Moscow: LRC Publishing House, 180—187. (In Russian)].
- Смирнова Т. П.* «Межа языков»: многоязычие в транскультурной немецкоязычной литературе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17 / ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 254—268. [Smirnova, Tat’yana P. (2020) «*Mezha yazykov*»: mnogoyazychiye v transkul’turnoi nemetskoyazychnoy literature (Linguistic Borders: Multilingualism in Transcultural German-language Literature). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17.

- Moscow: Flinta, 254—268. (In Russian)].
- Baumann, Beate. (2010) „Ich drehte meine Zunge ins Deutsche, und plötzlich war ich glücklich“. Sprachbewusstheit und Neuinszenierungen des Themas Sprache in den Texten Emine Sevgi Özdamars. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 225—250.
- Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (2010) Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 11—20.
- Catone, Antonella. (2015) *Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden: Chiamisso-Literatur und ihr didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien*. Doktorarbeit. Salerno. Retrieved from <http://hdl.handle.net/10556/2139>.
- Cornejo, Renata. (2010) Dialogizität und kreativer Umgang mit der (Fremd)Sprache im lyrischen Schaffen von Jiří Gruša. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 349—366.
- Messina, Chiara. (2010) Zweisprachigkeit vs. Mehrsprachigkeit. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 107—133.
- Skiba, Dirk. (2010) Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der Migrationsliteratur. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 323—334.
- Smirnova T. P. Dialog mit der (Sprach)Heimat als produktives schöpferisches Potential fremdspachiger AutorInnen (K. Surdum, V. Vertlib) // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 153—162. [Smirnova, Tatyana P. (2017) Dialog mit der (Sprach)Heimat als produktives schöpferisches Potential fremdspachiger AutorInnen (K. Surdum, V. Vertlib) (Dialogue with the (Language) Homeland as Productive Creative Potential of Foreign Language Authors (K. Surdum, V. Vertlib)). *MSU Bulletin*, series 19, 2, 153—162. (In German)].
- Tawada, Yōko. (1991) *Wo Europa anfängt*. Tübingen: Konkursbuch Verlag.
- Tawada, Yōko. (1996) Von der Muttersprache zu Sprachmutter. In Tawada, Yōko. *Talisman*. Tübingen: Konkursbuch Verlag. Retrieved

from <https://www.konkursbuch-shop.com/tawada/leseprobe-tawada-talisman>.

Tawada, Yōko. (2002) *Der Apfel und die Nase*. In Tawada, Yōko. *Übersetzungen*. Tübingen: Konkursbuch Verlag, 15—17.

Tawada, Yōko. (n. d.). *Homepage*. Retrieved from <http://yokotawada.de>.

Vertlib, Vladimir. (2007) *Spiegel im fremden Wort*. Dresden: Thelem Verlag.

Zierau, C. (2010) Als ob sie mit Fremdsprache sprechenden Menschen an einem Tisch säße. Mehrsprachigkeit und Sprachreflexionen bei Emine Sevgi Özdamar and Yoko Tawada. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 412—434.

Tatyana P. Smirnova

Nizhny Novgorod Linguistics University

Multilingual Quotations in German Translingual Narratives

The article focuses on the variants of multilingual (bilingual) segments in translingual German-language literature (German-language literature of migrants) from the point of view of their latent and evident confrontations associated with the intensity of the use of these structures in the German translingual narrative. In terms of Italian researcher I. Amodeo, it is possible to talk about latent and evident multilingualism (bilingualism), defined by her respectively as latent (background) presence of any other language (if the author uses foreign names and topographic designations that are not typical of the German linguistic culture) and the evident, visible manifestation of foreign quotations (often from the first (native) language of migrant writers) in German translingual literary narration. The perspective of the proposed research is related to the analysis of the latent and evident models in the literary works of Yoko Tawada, the German writer of Japanese origin, who actively uses these formats in her literary work. The principles of including multilingual (bilingual) quotations in the literary works of exophonic writers are individual and determined exclusively by the authors' literary intention. The actualization of these formats takes place due to empirical research that expands the understanding of the purpose and variants of multilingual (bilingual) structures in translingual German literary text. The study is based on the concepts and ideas of contemporary Western researchers I. Amodeo, P. Bourdieu, S. Hall, H. Bhaba, G. Genette, G. Kremnitz, A. Kliems, H.-Ch. Trepte, L. Forster, D. Skiba, M. Gymnich on multiculturalism, hybridity, and intertextual interactions in literature. The fundamental scientific interest in the study of modern multilingual cultures and literatures is associated with the heuristically significant discoveries of M. Bakhtin's scientific prose about literary

multilingualism and its basic properties (his theoretical works of 1930 — 1940s). The conclusion is made about the significance of latent and evident multilingual (bilingual) forms for the study of their imagological potential in the dialogue of cultures.

Keywords: latent and evident multilingualism (bilingualism); translingual (German) narratives; I. Amodeo; Y. Tawada; M. Bakhtin

Для цитирования:

Смирнова Т. П. Многоязычные цитаты в немецких транслингвальных нарративах // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 492—505.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-492-505.

To cite this Article:

Smirnova, Tatyana P. (2022) *Mnogoyazychnyye tsitaty v nemetskiikh translingval'nykh narrativakh* (Multilingual Quotations in German Translingual Narratives). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 492—505. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-492-505.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022; принята к публикации 08.04.2022

The article was submitted 24.03.2022; accepted for publication 08.04.2022

Т. А. Федяева

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ ФЕЛИКСА МИТТЕРЕРА КАК ФЕНОМЕН ТИРОЛЬСКОГО ТЕКСТА В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается феномен тиро́льского текста в австрийской литературе. Теоретической основой исследования является актуальная в современном отечественном литературоведении концепция сверхтекста В. Н. Топорова. Тироль сформировал особое мифопоэтическое, сакральное пространство культуры, во многом отличное от общеавстрийского. Тиро́льский текст австрийской литературы порожден, как и все локальные сверхтексты, региональным менталитетом и представлениями о региональной идентичности. Эта тема не изучена в отечественном литературоведении. В статье рассмотрен генезис тиро́льского текста и охарактеризованы его основные семантические константы, которые ярко проявились в исторических драмах известного австрийского драматурга Феликса Миттерера (род. в 1948 г.). Его пьесы отражают особый тип геопоэтического сознания, в основе которого лежит свойственный Тиролю архаичный склад мышления и консерватизм в восприятии действительности. Историческая драматургия Миттерера актуализирует утраченные смыслы таких понятий как патриотизм, вера, героизм, наделяя эти понятия геопоэтической образностью, свойственной тиро́льскому региональному тексту.

Ключевые слова: тиро́льская литература; региональный текст; историческая драма; антиавстрийский дискурс

1. Введение

Актуальная в современном отечественном литературоведении теория сверхтекста, которую ее создатель В. Н. Топоров характеризовал как

«некое множество текстов с высокой степенью общности..., как некое целостное словесно-концептуальное (сверхсемантическое) образование» (ТОПОРОВ 1995: 281),

стала основой для разработки концепции локальных художественных текстов (петербургский, московский, северный, сибирский текст и др.). Эту фундаментальную отечественную теорию можно успешно применять и по отношению к зарубежной литературе, в частности, к австрийской, рассматривая литературу от-

дельных ее областей как тексты региональные, несущие в себе разные варианты национальной картины мира. Весьма плодотворным примером опоры на концепцию В. Н. Топорова в области австрийской литературы является исследование В. Г. Зусмана *Немецкоязычная Прага как литературная столица: в нем ученый ввел термин «пражский текст», который позволил «понять немецкоязычную литературу Праги как противоречивую целостность»* (ЗУСМАН 2008: 166).

Исключительно самобытным представляется тирольский текст австрийской литературы, порожденный, как и все локальные сверткесты, региональным менталитетом и представлениями о региональной идентичности. Тироль предстает в этом смысле и как геокультурное пространство, и как некий дискурс, то есть исторически протяженная система высказываний разных авторов о своей родине, имеющая сеть определенных семантических констант.

Специальных, целенаправленных исследований специфики тирольского дискурса в австрийской литературе, как сообщил автору этих строк известный специалист по литературе и культуре Тироля, профессор инсбрукского университета И. Хольцер, не проводилось. Кроме монографических работ о творчестве отдельных авторов существуют обзорные литературно-исторические исследования по разным периодам существования тирольской литературы: самые известные сочинения в этом ряду — книга П. Виммера *Путеводитель по литературе Тироля с 1945 года* (WIMMER 1978), книги Е. Турнера *Драма и театр в Тироле* (THURNER 1968), Г. Вальднера *«Германия глядит на нас, тирольцев»: Романы Южного Тироля (1918 — 1945)* (WALDNER 1990), монография И. Хольцнера *Война теней. Литература Восточного Тироля* (HOLZNER 2006), книга Г. Шёнауэра *Молния и кома. Материалы по современной литературе Тироля 2000 — 2014* (SCHÖNAUER 2014). Из монографических исследований, посвященных творчеству тирольских писателей, в аспекте интересующей нас темы нужно отметить обстоятельную монографию И. Хольцнера о тирольском драматурге Ф. Краневиттере *Франц Краневиттер* (HOLZNER 1985).

В отечественной германистике тема Тироля как такового затрагивалась в статье А. А. Стрельниковой *Вена и Тироль: противостояние двух культур на примере драматургии первой половины XX века* (СТРЕЛЬНИКОВА 2007) и статье К. Г. Лазиева *Сравнительное*

изображение культур городов в драматургии Австрии (ЛАЗИЕВ 2012), в которой также шла речь о диалоге идей и художественных практик Вены и Тироля. Некоторые проблемы тирольской литературы были рассмотрены в нашей монографии *Драматургия Феликса Миттерера* (ФЕДЯЕВА 2020).

В нашу задачу в рамках данного исследования не входит анализ взаимодействий регионального тирольского и столичного, венского текстов в рамках общеавстрийской картины мира, цель статьи — представить творчество известного современного австрийского драматурга Феликса Миттерера как одного из главных репрезентантов тирольского текста в австрийской литературе на примере его исторических драм.

2. Тирольский дискурс в творчестве Ф. Миттерера

Ф. Миттерер родился в Северном Тироле в 1948 г., до 1995 г. жил на своей малой родине, затем несколько лет провел в Ирландии, в 2011 г. вернулся в Тироль. Начал печататься в конце 70-х гг. Его творчество получило признание в Европе и в Америке, несмотря на то, что он пишет преимущественно о жизни Тироля в разных ее аспектах.

Действие многих пьес Миттерера происходит в тирольских Альпах — *Дикарка* («Die wilde Frau», 1986), *Жажда драконов* («Drachendurst», 1986), *Мунде* («Munde», 1990), *Игра в горах* («Das Spiel im Berg», 1992), *Вомперлох* («Vomperloch», 2018); его занимает жизнь тирольских хуторов и деревень, история их медленного вымирания, судьбы их жителей — пьесы *Стигматы* («Stigma», 1982), *Некрасивая страна* («Kein schöner Land», 1987), *Время для посещения* («Besuchszeit», 1985), *Три черта* («Die drei Teufel», 1999), *1809 — мой лучший год* («1809 — mein bestes Jahr», 2009), *Глянец* («Glanzstoff», 2015), *Мерценгруд* («Märzengrund», 2016), *Зильберберг* («Silberberg», 2021); киносценарии 80-90-х гг. *Пятое время года* («Die 5. Jahreszeit», 1980/81), *Пифке-сага* («Die Piefke-Saga», 1991). Он пишет об истории христианских движений в Тироле — пьесы *Потерянная родина* («Verlorene Heimat», 1987), *Хуттереровы* («Die Hutterer», 2004), исследует особенности национального менталитета тирольцев. Так, пьеса *Удивительная судьба* («Das wunderbare Schicksal», 1992) рассказывает о жизни придворного тирольца Петера Проша, *Гайервалли* («Die Geierwally», 1993) — о известной художнице родом из Тироля Анне Книттель.

Драмы, посвященные истории Тироля или личностям вы-

ходцев из Тироля, составляют более половины из написанных им пьес. Кроме того, драматург всегда в той или иной мере использует в них тирольские диалекты. Секрет известности и востребованности его драматургии в Австрии и за ее пределами в том, что он делает Тироль маленькой моделью мира, исследует на тирольском материале бытийные, философские проблемы в их взаимодействии с проблемами социальными и общечеловеческими и выходит, таким образом, за рамки национальной тематики, не жертвуя региональной спецификой изображаемого.

Столь значимый в творчестве Миттерера массив тирольских тем, мотивов, образов позволяет считать его драматургию ярким примером тирольского текста в австрийской литературе. Тирольский дискурс в творчестве Миттерера формируется в русле определенных традиций, свойственных этой региональной литературе.

3. Истоки и генезис «тирольского текста»

И. Хольцнер в обширной статье *Литература в Тироле (от 1900 годов до современности)* (1993) пришел к выводу, что литература в Тироле как региональный вариант национальной австрийской литературы начала складываться в XIX в., но до начала XX в. в ней так и не появилось сколько-нибудь значимых имен (HOLZNER 1993: 209–210). Ее, как и любую почвенническую литературу, формировали идеи национальной и этнической самобытности и религиозно-этические представления, прежде всего католические. Тирольские писатели первой половины XIX в. публиковали свои произведения, в основном лирику, в журналах «Echo von den Alpen», «Tiroler Stimmen», «Bote für Tirol und Vorarlberg». Уже тогда ими ставилась проблема национальной идентичности; в частности, обсуждался вопрос о том, может ли считаться миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде тирольским автором.

Спектр тем *Alttiroler Autoren* второй половины XIX в. сводился к отражению жизни крестьян, бытописательному реализму в стиле литературы бидермейер, сосредоточенности на местном колорите и пейзажах (HOLZNER 1993: 210–220). В качестве особенности тирольской литературы, уводящей ее от идиллических умонастроений бидермейера, можно выделить сосредоточенность авторов на вопросах веры и истории, которые они воплощали в своих произведениях с претензией на монументальность. Это относится в первую очередь к достаточно пафосному изображению

борьбы тирольских повстанцев против наполеоновских войск. Заметим здесь, что Тироль никогда до конца не отождествлял себя с австрийской государственностью, он всегда был государством в государстве со своей исторически сложившейся демократической системой самоуправления. У тирольцев до сих пор сохраняется чувство дистанцирования по отношению к австрийской истории, хотя и не доходящее до ее отрицания. История региональная для них определенно важнее, чем история Австрии.

Тирольские авторы не вписывались, по наблюдениям И. Хольцнера, в современные им течения австрийской и немецкой литературы (Ibid.: 21–216). Венец Карл Техет (1877 — 1920) написал сатиру на тирольскую литературу рубежа XIX — XX вв. под выразительным названием *Вдали от Европы* («Fern von Europa», 1909), имея в виду чрезмерную сосредоточенность тирольских авторов на религиозной проблематике и исторических темах, которые были связаны в первую очередь наполеоновским нашествием.

Несколько оживилась литературная жизнь в Тироле в первой трети XX в.: в 1899 г., в год столетия победы Тироля над французами, был основан литературно-художественный журнал «Фён» («Föhn»), целью которого являлось отражение духовной жизни немецкоговорящей части Тироля. В этом же году в Инсбруке возникло объединение молодых авторов под названием «Молодой Тироль» («Jung-Tirol»), в который вошли писатели Адольф Пихлер (1819 — 1900), Гуго Грайнц (1873 — 1946), Генрих фон Шуллерн (1865 — 1955), Рудольф Дженни (1858 — 1917), Антон Ренк (1871 — 1906), Франц Краневиттер (1860 — 1938). Их произведения были собраны в одноименной антологии, вышедшей в 1899 г.

Авторы «Молодого Тироля» хотели, как пишет И. Хольцнер, выйти за пределы почвеннической тематики и засилья католических тем и выступали за литературу, которая должна была «сообщить провинции новое самосознание» (Ibid.: 211). После 30-х гг. XX в. в тирольской литературе наступил период долгого застоя, длившийся до конца 70-х гг. XX в., когда эта региональная литература влилась в общелитературный европейский процесс. Выявляя константы тирольского текста, мы будем иметь в виду тот период его существования, когда процесс активного размывания черт региональной идентичности еще не набрал силу.

4. Семантические константы «тирольского текста»

В качестве инвариантных черт геопоэтической и исторической картины мира в художественных произведениях тирольских авторов можно, как представляется, в согласии с И. Хольцнером, более или менее уверенно выделить следующие.

Активность фольклорно-мифологических образов. В Тироле всегда были очень сильны фольклорные пласты искусства, до сих пор активно развивается народный театр. Богатейшая коллекция народных песен, легенд, сказаний, саг, произведений героического эпоса в XX веке была собрана и снабжена комментариями инсбрукского историка и филолога Августой Лехнер (1905 — 2000). Материалы ее книг активно используются тирольскими авторами при создании произведений, но главным источником популярности фольклорно-мифологической проблематики является, безусловно, тирольский менталитет с его консервативностью и неизжитой архаичностью в восприятии мира.

До 60-х гг. XX в. в структуре художественных произведений активно использовались христианские мотивно-тематические комплексы. Это связано с тем, что Тироль в XX в. долгое время оставался одним из центров религиозной философии (STIEG 1976). Христианская тематика разрабатывалась в инсбрукском литературно-философском журнале «Бреннер» («Brenner», 1910/1954). С журналом сотрудничали и печатали там свои сочинения религиозные философы Теодор Хэкер (1879 — 1945) и Фердинанд Эбнер (1882 — 1931). После войны журнал вновь с удвоенной силой обратился к теологическим темам, публикуя знаковые для этого периода сочинения писателя и педагога Игнаца Цангерле (1905 — 1987) *О назначении поэта* («Die Bestimmung des Dichters», 1946) и *Очерк христианской эстетики* («Entwurf einer christlichen Ästhetik», 1946), в которых писатель провозглашался пророком христианских идей и проводником библейского слова. Тирольские авторы в первой половине XX в. традиционно обращались в своем творчестве к религиозно-мифологическим проблемам: это прежде всего Анна Мария Ахенрайнер (1909 — 1972), Гертруд Фусенеггер (1912 — 2009), Йозеф Ляйтгеб (1897 — 1952).

В 60-е гг. XX в. в русле общеевропейского процесса «вытеснения» христианского дискурса из европейской литературы и с развитием процессов секуляризации общества теологическое начало стало исчезать из произведений тирольских авторов и

замещаться социологическими аспектами. Причины этого процесса обстоятельно проанализированы в монографии *Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии* (БАКШИ 2013).

Полностью диалектный или диалектно окрашенный язык художественных произведений. Язык, на котором до сих пор говорят тирольцы, особенно живущие в высокогорьях, представляет собой совокупность тирольских диалектов, сохраняющих ярко выраженные архаические черты. Именно на этих диалектах преимущественно создавали свои произведения тирольские авторы в XIX и в первой половине XX в. В Тироле существует несколько институтов, которые изучают диалекты и выступают против их дискриминации. Особенно знаменит Международный институт диалектов, созданный Гансом Хайдом в 1976 г. Г. Хайд и А. Краус (1897 — 1986) остаются наиболее известными авторами в области диалектной поэзии. В 1990-е гг., по наблюдениям И. Хольцнера, Mundartdichtung уже занимает «скромное место в литературе» современного Тироля (HOLZNER 1993: 250).

Топосными историческими фигурами тирольской литературы XIX — XX вв. стали такие выдающиеся личности как Михаэль Гайсмайер и Андреас Хофер. Михаэль Гайсмайер (1490 — 1532) был предводителем крестьянского восстания в Тироле в период Крестьянской войны в Германии (1524/1525), автором знаменитого утопического труда *Земское устройство* («Landesordnung», 1526), в котором он изложил принципы республиканского устройства Тироля с глубоко демократическим управлением. Пожалуй, более значимой фигурой, чем М. Гайсмайер, для тирольских авторов является предводитель тирольского антинаполеоновского восстания 1809 г. Андреас Хофер (1767 — 1810). Тироль иногда называют «страной Андреаса Хофера». До войны с Наполеоном он был депутатом Тирольского ландтага. В 1805 г., когда Тироль был оккупирован бонапартистами, А. Хофер с несколькими сподвижниками отправился в Вену, где в сотрудничестве с правительственными кругами был составлен план народного восстания в Тироле. Он был блестяще осуществлен в 1809 г. В Тироле была восстановлена австрийская власть, но ненадолго. Когда между Наполеоном и Австрией было заключено перемирие, Тироль по мирному договору отошел к Баварии. Хофер опять собрал армию, выступил против бавар-

цев и французов, но был разбит и бежал, затем выдан и казнен французами. Предательство Австрии в Тироле помнят до сих пор. Начиная с 1810 г. — года казни А. Хофера, немецкие и австрийские авторы написали о нем немало стихов, драм и романов, где Хофер прославлялся как национальный герой не только Тироля, но и Австрии.

Инвариантными геопозитическими образами Тироля являются зооморфный образ орла и ландшафтный образ гор. На гербе Тироля изображен красный орел. Тирольский символ прославлен в стихотворении поэта Иоганна Зенна (1795 — 1857) *Красный орел* («Der rote Adler», 1838). В нем поэт вопрошает: «Орел! Тирольский орел! / Почему ты так красен?» Орел дает три ответа: он говорит, что таковы цвет зари в горах, цвет игристого вина и кровь врагов.

5. Репрезентация «тирольского текста» в исторической драматургии Ф. Миттерера

5.1. Предшественники

В пору вступления Миттерера в литературу в конце 70-х гг. XX в. Северный и Восточный Тироль, как пишет И. Хольцнер в упомянутой выше статье, были «алитературными, если не антилитературными» (Ibid.: 253). Там не было значимых литературных объединений, не была развита периодика, в которой освещались бы вопросы культуры. Сразу же нужно оговориться, что мы не берем здесь во внимание современную литературу Южного Тироля, которая представляет собой особое явление и имеет в силу исторических причин свою парадигму развития.

Общей тенденцией для всех региональных тирольских литератур в послевоенный период было освобождение от провинциализма и выведение местных литератур на европейский уровень. Установка на разрыв с традицией, активное вытеснение почвеннической ориентации и христианского дискурса привели к тому, что в 80-е гг. проблемы региональной идентичности мало интересовали тирольских авторов.

Возвращение к константным образам и символам, занимающим ключевые места в образно-символическом пространстве культуры Тироля, началось в творчестве Миттерера.

В его драматургии, особенно в исторических драмах, наиболее ярко возродились типологические черты мифопоэтического пространства, свойственного тирольскому тексту. Многие драмы Миттерера напоминают — в духе тирольского консерватизма и

вопреки постмодернистскому изживанию в европейской литературе всех явлений, связанных с метарассказом — об утерянных смыслах традиционных понятий, таких как патриотизм, вера, героизм. Драматург старается актуализировать эти категории в памяти современников, наделяя их геопоэтической образностью, характерной для тирольского регионального текста.

Противоречащим основному вектору развития современной немецкоязычной драматургии было и обращение Миттерера к невостребованному в настоящее время жанру исторической драмы. При создании исторических пьес Миттерер ориентировался, как он сам неоднократно заявлял, на идеи тирольских авторов, входивших в группу «Молодой Тироль», а именно на творчество тирольских драматургов Ф. Краневиттера (1860 — 1938) и К. Шёнгерра (1867 — 1943), которые считаются основателями жанра исторической драмы в Тироле. Именно они сформировали матрицу для новых репрезентаций тирольского текста в литературе Австрии (ФЕДЯЕВА 2020: 99–101).

Оба драматурга изображали жизнь тирольских деревень не в комедийно-сатирическом или идиллическом ключе, свойственном почвеннической литературе, но поднимали серьезные темы, связанные с патриотической — драмы Краневиттера *За дом и двор* («Um Haus und Hof», 1895), *Михель Гайсмайер* («Michel Gaismaier», 1899), *Андре Хофер* («Andreas Hofer», 1902) — и религиозно-нравственной проблематикой — пьесы Краневиттера *Семь смертных грехов* («Die sieben Todsünden», 1925), Шёнгерра *Вера и отечество* («Glaube und Heimat», 1910). Именно эту установку тирольских драматургов в эссе *Открытие провинции* («Entdeckung der Provinz», 1899) поддержал Г. Бар, который видел в их творчестве новую ступень в развитии провинциальной литературы («Provinzliteratur»). Оба драматурга создали в рамках исторической драмы подлинные трагедии из народной жизни.

Миттерер обращался к сюжетам Краневиттера и Шёнгерра в драмах о народных героях Тироля — пьесах *Гайсмайер* («Gaismaier», 2001), *1809 — мой лучший год* («1809 — mein bestes Jahr», 2009), *Шпекбахер* («Speckbacher», 2009), в киносценарии *Андреас Хофер* («Andreas Hofer. Die Freiheit des Adlers», 2001). В них он дублировал основной посыл своих предшественников — отражение жизни провинции, ее небольших городков и местечек, но в рамках крупных социальных тем и из перспективы общечело-

веческой проблематики. Слова, написанные им о пьесе *Гайсмайер*, можно отнести ко всем историческим драмам Миттерера:

«Гайсмайер ни в коем случае не является фигурой локальной истории, его книга *Государственное устройство*, доставшаяся нам в наследие, это обращенная в будущее модель общественного устройства, стоящая в ряду великих государственных утопий мировой истории» (MITTERER 2018: 338).

Миттерер пошел дальше своих предшественников, усилив функцию исторической драматургии как этического проводника. Эта установка роднит его творчество с русской исторической драмой, главной целью которой был показ «нравственной зависимости настоящего от прошлого» (ПРОКОФЬЕВА 2011: 12). Исторические персонажи его пьес действуют по законам логики своего времени, но обязательно являя образцы поведения, из которых тот или иной нравственный урок может извлечь и современный зритель.

В книге автобиографии Миттерер выделил то главное, что заставило его много работать с историческим материалом: он писал, что все его исторические пьесы имеют одну общую тему — это «ошибки, сделанные в прошлом» (MITTERER 2018: 157), и уроки, которые можно извлечь из этих ошибок. Драматург считает, что

«современность можно понять, только исходя из прошлого. Мы обречены всматриваться в нашу историю, так как она многому может нас научить» (Ibid.: 365).

В основе его интереса к отечественной истории, как бы это не пафосно прозвучало, лежит позитивно наполненное патриотическое чувство. Он пишет, что лично его «история всегда завораживала, особенно история Австрии и моего родного Тироля» (Ibid.: 366).

Сюжеты его исторических пьес всегда соотнесены с современностью: к примеру, драмы о Гайсмайере и Андреасе Хофере он пишет в 2001 г., то есть после победы в Австрии в 2000 г. ультраправых националистов. В этих драмах он ставит вопрос, кого можно в наше время считать национальным героем, и находит ответ в истории Тироля.

5.2. Проблема патриотизма и свободы в аспекте «тирольского текста»

В вышеназванных пьесах, а также в пьесе *Шнекбахер и 1809 — мой лучший год* Миттерер до предела проблематизирует пат-

риотическую риторику, свойственную отображению темы антинаполеоновского восстания в Тироле, но не снимает своих героев с пьедестала: потерпев поражение, они остаются национальными героями, этически полноценными личностями, в них нет ненависти, они способны уважать своих врагов, способны жертвовать собой и думать об общественном благе, они искренно любят свою малую родину и дорожат семейными ценностями. Именно таковым в понимании Миттерера является подлинно народный герой. В эпоху расцвета националистических настроений он настаивает на консервативной трактовке понятия «патриотизм», которое остается для него высоконравственной категорией и именно в этом смысле является идеологическим фундаментом образов народных героев его исторических драм.

Такое понимание патриотизма противопоставлено националистическому и, как считает драматург, во многом общеавстрийскому его толкованию. Образ современного «австрийского патриота» (определение Миттерера) выведен в драме *Патриот* («Der Patriot», 2008), написанной к 70-летней годовщине аншлюса Австрии. Ее главный герой — реально существовавший террорист и убийца Франц Фукс, который за четыре года убил четырех и ранил тридцать пять гастарбайтеров, мотивируя свои действия идеей патриотизма ультраправого толка. Пьеса кончается вопросом: «Кем был Франц Фукс?» Автор отвечает: «Будильником, который вас разбудил. Австрийским патриотом. Оружием в ваших руках» (MITTERER 2016: 177). В оценке феномена австрийского лжепатриота Миттерер полностью совпадает с современными австрийскими писателями Т. Бернхардом, П. Хандке, Э. Елинек, которые активно развивали и развивают в своем творчестве идеи антиавстрийского дискурса.

Образ террориста Фукса, однако, никак не отменяет для Миттерера — в отличие от названных авторов — почитания памяти о вершинных событиях в истории Австрии. Для драматурга таковой остается история Тироля периода наполеоновского нашествия.

Миттерер наследует у Краневиттера и Шёнгерра, обращавшихся к этой теме, и характерный для их пьес, специфично тирольский, на наш взгляд, способ подачи материала — воспроизведение исторических событий через призму народного восприятия и семейные сюжеты. В исторических драмах о борьбе против

бонапартистов Миттереру, как и его предшественникам, было важно приблизиться к предводителям крестьянского восстания не только как к героям и борцам за свободу Тироля, но как к людям, раскрыть их внутренний мир, создать их психологический портрет. Так, например, в драме *Шпекбахер*, посвященной другу и соратнику А. Хофера Иосифу Шпекбахеру, битвы вынесены за рамки действия, перед нами история отношений Шпекбахера с семьей и с товарищами по оружию. Описывая исторически точно фактическую канву жизни своего героя, Миттерер делает акцент не на подвигах, а обнажает трагизм его жизни — расставание с семьей, ее обнищание, острое переживание поражений и смерти друзей. В письме к жене, которая оставалась в Тироле, захваченном баварцами, Шпекбахер напишет: «Я не переживу расставания с тобой, без тебя я не человек. Твой муж Сепп Шпекбахер» (Ibid.: 239). На этих словах пьеса заканчивается.

Эпилоговая сцена пьесы *Шпекбахер* — одинокое возвращение Шпека в родной Тироль. Герой сидит на горной тропе и слушает крики орла. Перед нами итог многолетней и жестокой борьбы: оставшись без семьи и без родины, он перестал ощущать себя героем и борцом, но орел, парящий в небе, напоминает ему о том, что Тироль не умер, что его история не закончена после поражения тирольских повстанцев. Орел на этом этапе его жизни является для Шпека символом не внешней исторической свободы, за которую он боролся, а знаком внутренней свободы — важно, что Тироль живет в его сердце, как он жил в сердце его друга Андреаса Хофера: не случайно миттереровский сценарий фильма о Хофере и его гибели так и называется — *Андреас Хофер. Свобода орла*. Образ тирольского орла отражает в исторических пьесах Миттерера отчасти идеи антиавстрийского дискурса, смысл которого традиционен для Тироля: как и Краневитгер, драматург не снимает с Австрии упрек за предательство Тироля во время войны с Наполеоном. Перед казнью краневиттеровский и миттереровский Хофер не упоминают кайзера — только Бога и Отечество. Однако традиционное геральдическое значение изображения орла как символа государственной власти смещено у Миттерера в сторону понимания образа орла как символа свободы личности.

Важно также, что топос борьбы за свободу — центральный для творчества вышеназванных тирольских драматургов — не

связывался ими с чужими пространствами, как это происходит, к примеру, в пьесе Бернхарда *Площадь героев* («Heldenplatz», 1989), главный герой которой стремится покинуть Австрию. Герои Краневиттера, Шенгерра, Миттерера не отрекаются ни от родины, ни от семейных традиционных ценностей, ни от своего «родового начала».

Вектор не внешней, а внутренней свободы, сопровождающийся в исторических драмах Миттерера появлением знакового образа орла, был задан уже в его первой тирольской драме *Некрасивая страна* (1987). Главный ее герой носит фамилию Адлер. За этим образом стоит история конкретного человека — инженера А. Комперца. Он жил в альпийской деревне Санкт-Антон, был уважаемым всеми коммерсантом и многое сделал для благоустройства живописного местечка, чтобы привлечь как можно больше туристов к его красотам. Когда началась война, и выяснилась правда о его не арийском происхождении, Комперц был вынужден отказаться от всех занимаемых им постов и бизнеса. Стараясь спасти карьеру и жизнь своих детей, он попросил свою «арийскую» жену заявить, что их дети — плод ее внебрачных связей. Лишенный семьи, работы, крова над головой, Комперц закончил свои дни в концентрационном лагере.

Драматург изменил имена и территориальные обозначения в тексте пьесы, но событийную основу истории жизни инженера Комперца сохранил. Главный герой пьесы Стефан Адлер осознанно принял крест своего неарийского происхождения и мужественно вынес насильственное лишение его семьи, имущества, издевательства над собой, постоянную угрозу жизни и само существование во враждебном окружении в стране, которая некогда была его родиной. Адлер-Комперц стал жертвой национал-социалистической идеологии, но внутренне остался свободным человеком, что еще раз актуализирует миттереровскую трактовку категории свободы: важна не внешняя, а внутренняя свобода личности.

Важнейшим аспектом тирольского текста в исторических драмах Миттерера является то обстоятельство, что драматург не делает культа из своего тирольства и культа Тироля как такового. Мысль о недостаточности географических красот для любви к малой родине, ставшая основной в драме *Некрасивая страна*, последовательно проводится в дальнейшем творчестве драматурга.

Нередко он весьма критично высказывался о своих земляках. Это относится, к примеру, к драме *1809 — мой лучший год*, посвященной еще одной известной фигуре антинаполеоновского движения в Тироле двадцатипятилетнему Клаусу Метцгеру, который прославился не только бесшабашной удалей и беспримерной храбростью, но и причастностью к разбоям и наживе на войне. Его имя стало легендарным во многом благодаря обаянию зла, которое было основой многих его поступков. 1809 год получает, таким образом, оттенок далеко не героического содержания.

Еще одним примером жесткой критики в адрес тирольцев, героев его пьес, не прошедших испытание на верность нравственным принципам, является пьеса *Удивительная судьба* (1992) о придворном тирольце Петере Проше. Миттерер описывает весьма характерное для XVIII — XIX вв. явление странствующих тирольцев, которые бродили по Европе в национальных одеждах, пели, торговали изделиями народных ремесел, птицами, то есть, как пишет Миттерер в предисловии к пьесе, «продавали свое тирольство за звонкую монету» (MITTERER 2001: 9). Петер Прош был самым известным из них. Он единственный сделал себе карьеру при дворах венской и немецкой знати, стал «придворным тирольцем», а фактически шутом, играющим роль дурачка, чтобы заработать деньги. В предисловии к пьесе Миттерер пишет:

«в конце своей жизни он становится относительно состоятельным человеком, но платит за это утратой своего человеческого достоинства и идентичности» (Ibid.: 9).

5.3. Возвращение к вопросам веры и религии в драмах Ф. Миттерера

Немодная в эпоху глобализма и стирания национальных различий проблема малой родины и патриотизма в ее традиционном понимании связана в исторических драмах Миттерера с еще более нетрендовой религиозной тематикой. Теологическим аспектам истории Тироля посвящены драмы *Потерянная родина* (1987), *Хуттереровицы* (2004). В первой речь шла об изгнании протестантов из альпийской долины Циллерталь в XIX в., во второй — о христианской секте анабаптистов, или «перекрещенцев» (Wiedertäufer). Действие пьесы начинается в 1529 г. и заканчивается в 2004 г.

В центре обеих пьес — проблема религиозной нетерпимо-

сти, государственной и церковной, которую драматург традиционно осмысливает в рамках семейных отношений. Сильные антиклерикальные мотивы этих пьес не затемняют и не отменяют богатство оттенков религиозного чувства, которым в избытке наделен драматург. Он абсолютно честен, когда говорит в одном из интервью, что он «более верующий, чем записной католик» (MITTERER 1995: 38). Это ясно ощущают и зрители, и театроведы, утверждающие, что «Миттерер не современный, он — религиозный автор» (NENNING 1995: 22). Драматург является создателем целого ряда пьес на религиозную тематику — *Стигматы* («Stigma», 1982), *Авраам* («Abraham», 1993), *Крах в доме Господнем* («Krach im Hause Gott», 1994), *Смертные грехи* («Tödliche Sünden», 1999), *Исповедь* («Die Beichte», 2004), *Лютер* («Luther», 2017) и др.

По сути, тирольский драматург возрождает в европейской литературе утраченную в послевоенные десятилетия традицию теологического понимания действительности. Его творчество является уникальным примером активности религиозного мышления в европейской драматургии.

Миттерер пытается вернуть в сознание современника метафизические смыслы, достучаться до сердца зрителя, давно живущего в секуляризованном обществе. Открытость творчества Миттерера религиозной проблематике объясняется, как представляется, главным образом тирольской ментальностью, носителем которой является драматург — тем особым типом геопоэтического сознания, в основе которого лежит свойственный Тиролю архаичный склад мышления и консерватизм в восприятии действительности.

6. Заключение

Возводя в своих исторических драмах локальное до уровня общечеловеческого, драматург парадоксальным образом выводит свою драматургию за рамки провинциальной литературы именно за счет опоры на константы регионального тирольского текста, то есть на константы *Heimatdichtung*. Масштаб поставленных в его пьесах вопросов не отменяет важность региональной специфики, а наоборот, вырастает из нее. Исторические драмы Миттерера являются важнейшим этапом в формировании «тирольского текста» в современной австрийской литературе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бакши Н. А. Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии (1945–1955). М.: Языки Славянских Культур, 2013. [Bakshi, Natalya A. (2013) *Preodoleniye granits. Literatura i teologiya v poslevoyenniy period v Germaniyi, Avstriyi i Shveysariyi (1945–1955)* (Overcoming Boundaries. Literature and Theology in the post-war Period in Germany, Austria and Switzerland (1945–1955)). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Зусман В. Г. Немецкоязычная Прага как литературная столица // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 4 / ред. Н. С. Бабенко, Н. А. Бакши. М.: Языки Славянских Культур, 2008. С. 131—139. [Zusman, Valeriy G. (2008) *Nemetsko-yazychnaya Praga kak literaturnaya stolitsa* (German-speaking Prague as a Literary Capital). In Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 4. Moscow: LRC Publishing House, 131—139. (In Russian)].
- Прокофьева Е. А. Мифопоэтика и динамика жанра русской исторической драматургии XVII — XIX веков. Днепропетровск: Пороги, 2011. [Prokofyeva, Yekaterina A. (2011) *Mifopoetika i dinamika zhanra istoricheskoy dramaturgii XVII-XIX vekov* (Mythopoetics and Dynamics of the Genre of Russian Historical Dramaturgy in 18th — 19th centuries). Dnepropetrovsk: Porogi. (In Russian)].
- Лазиев К. Г. Сравнительное изображение культур городов в драматургии Австрии // Образование. Наука. Творчество. 2012. № 4. С. 70—76. [Lasiev, Konstantin G. (2012) *Sravnitel'noye isobrazheniye kul'tur gorodov v dramaturgii Avstriyi* (Comparative Depiction of Urban Cultures in the Dramaturgy of Austria). *Education. Science. Creation*, 4, 70—76. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. [Toporov, Vladimir N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected Works). Moscow: Progress — Kul'tura. (In Russian)].
- Стрельникова А. А. Вена и Тироль: противостояние двух культур на примере драматургии первой половины XX века // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2007. С. 216—225. [Strel'nikova, Alla A. (2007) *Vena i Tirol: protivostoyaniye dvukh kul'tur na primere dramaturgii pervoy poloviny XX veka*

- (Vienna and Tyrol: Confrontation of two Cultures on the Example of Dramaturgy of the first half of the 20th Century). In Alikayev, Rashid S. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Special Issue. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 216—225. (In Russian)].
- Федяева Т. А. Драматургия Феликса Миттерера. СПб.: Балтийские сезоны, 2020. [Fedyayeva, Tatyana A. (2020) *Dramaturgiya Feliksa Mitterera* (Dramaturgy by Felix Mitterer). Saint Petersburg: Baltiyskiye sezony. (In Russian)].
- Bortenschlager, Wilhelm. (1982) *Tiroler Drama und Dramatiker im 20. Jahrhundert*. St. Michael: J. G. Bläschke Verlag.
- Holzner, Johann. (1985) *Franz Kranewitter (1860 — 1938)*. Innsbruck: Haymon-Verlag.
- Holzner, Johann. (1993) *Literatur in Tirol (von 1900 bis zur Gegenwart)*. In Pelinka, Anton, & Maislinger, Andreas. (eds) *Handbuch zur neueren Geschichte Tirols*. Bd. 2. Zeitgeschichte. 2. Teil. Wirtschaft und Geschichte. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 209—270.
- Holzner, Johann. (2006) *Schattenkämpfe. Literatur in Osttirol*. Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verlag.
- Mitterer, Felix. (1995) «Literaten sind relativ uninteressante Menschen»: Interview von Ch. Gabl (Dezember 1989). In Mitterer, Felix. *Materialien*. Innsbruck: Haymon Verlag, 36—39.
- Mitterer, Felix. (2001) *Stücke*. Bd. 3. Innsbruck: Haymon Verlag.
- Mitterer, Felix. (2016) *Stücke*. Bd. 5. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag.
- Mitterer, Felix. (2018) *Mein Lebenslauf*. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag.
- Nenning, Gerhard. (1995) Nazi, Jud und Christ in einem. In Mitterer, Felix. *Materialien*. Innsbruck: Haymon Verlag, 20—24.
- Stieg, Gerald. (1976) *Der Brenner und die Fackel. Ein Beitrag zur Wirkungsgeschichte von Karl Kraus*. Salzburg: Otto Müller Verlag.
- Thurner, Eugen. (1968) *Tiroler Drama und Tiroler Theater*. Innsbruck; Wien; München: Tyrolia-Verlag.
- Waldner, Hansjörg. (1990) „Deutschland blickt auf uns Tiroler“: Südtirol-Romane zwischen 1918 und 1945. Wien: Picus.
- Wimmer, Paul. (1978) *Wegweiser durch die Literatur Tirols seit 1945*. Darmstadt: J. G. Bläschke Verlag. (Schrifttum der Gegenwart XV)

**The Historical Dramas of Felix Mitterer as a Phenomenon
of the Tyrolean Text in Austrian Literature**

The article deals with the phenomenon of the Tyrolean text in Austrian literature. The theoretical basis of the study is the concept of supertext by V. N. Toporova. Tyrol has formed a special mythopoetic, sacred space of culture, in many respects different from the general Austrian one. The Tyrolean text of Austrian literature is generated, like all local supertexts, by the regional mentality and ideas about regional identity. This topic has not been studied in domestic literary criticism. The article considers the genesis of the Tyrolean text and characterizes its main semantic constants, which were clearly manifested in the historical dramas of the famous Austrian playwright Felix Mitterer (b. 1948). His plays reflect a special type of geopoetic consciousness, which is based on the archaic way of thinking characteristic of Tyrol and conservatism in the perception of reality. Mitterer's historical dramaturgy actualizes the lost meanings of such concepts as patriotism, faith, heroism, endowing these concepts with geopoetic imagery, characteristic of the Tyrolean regional text.

Keywords: Tyrolean literature; regional text; historical drama; anti-Austrian discourse

Для цитирования:

Федяева Т. А. Исторические драмы Феликса Миттерера как феномен тирольского текста в австрийской литературе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 506—523.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-506-523.

To cite this Article:

Fedyayeva, Tatyana A. (2022) Istoricheskiye dramy Feliksa Mitterera kak fenomen tirol'skogo teksta v avstriyskoy literature (The Historical Dramas of Felix Mitterer as a Phenomenon of the Tyrolean Text in Austrian Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 506—523. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-506-523.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 28.01.2022; accepted for publication 28.02.2022*

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА «МОЛОДАЯ ВЕНА»: ПРОРЫВ В МОДЕРНИЗМ

Доказано, что кружок «Молодая Вена» возник из добровольных посетителей кафе «Гринстайдль» в центре Вены под руководством Г. Бара. Он объединил свободное содружество поэтов и писателей, создал теорию «преодоления натурализма» и осуществил прорыв в модернизм, обратившись к французской литературе, полемизируя с немецкими натуралистами с целью создания национальной австрийской литературы. Младовенцы продолжили поэтические и театральные традиции, особенно значимые для Австрии. Г. фон Гофмансталь разработал эстетско-символистскую программу, в которой эстетские представления о первичности искусства вытесняются идеей «тупика эстетизма». Импрессионистический цикл одноактных пьес А. Шницлера *Анатоль* широко использовал достижения философии Э. Маха, глубинной психологии З. Фрейда и представил мимолетного героя, живущего изменчивыми настроениями. В стихотворениях Ф. Дёрмана пародируется образ поэта-декадента. Разнонаправленные эстетические установки писателей «Молодой Вены», не стесненные коллективными манифестами, заложили основы формирования венского модернизма, важного этапа австрийской национальной литературы.

Ключевые слова: «Молодая Вена»; венский модернизм; символизм; импрессионизм; эстетизм; пародии на декадентство

1. Введение

Плюрализм эстетических установок членов кружка «Молодая Вена» во время его создания (1890/1893) имел конкретные социокультурные предпосылки. Местом встречи было кафе «Гринстайдль» в центре Вены. Кафе объединяло людей творческих профессий — журналистов, литераторов, артистов. Они не выдвигали каких-либо манифестов или коллективных заявлений, что было характерно для натуралистов Берлина и Мюнхена, а ориентировались на современную (модерную) литературу, образцом которой были новаторские достижения французских поэтов-символистов и «современных» прозаиков. Одновременно «Молодая Вена» продолжала традиции австрийской словесности и глубинной психологии, что можно назвать *постнатуралистиче-*

ской линией развития углубленного психологизма. Саморефлексией «Молодой Вены» является эстетическая и литературно-критическая деятельность Германа Бара (1863 — 1934), организатора кружка и популяризатора венской современной эстетики. Его теория «преодоления натурализма» стала первой концепцией *символистско-импрессионистической* литературы венского модерна (*die Wiener Moderne*). Под *венским модерном* (модернизмом) понимается следующая концепция:

«ожидаемое и необходимое для функционирования культуры явление, возникшее первоначально из понятий современности, новизны и моды и сохраняющее имплицитно этот основополагающий смысл, не ограничиваясь им. Модерн... представляет собой историко-философскую и литературно-художественную категорию как специфическое мироощущение, наиболее полно выражающееся в отчуждении человека в мире рациональной упорядоченности и общественного угнетения» (ЦВЕТКОВ 2003: 122).

Современники справедливо подчеркивали в Баре особое свойство его творческой натуры — способность живо воспринимать все новое, терминологически осмыслять его и быть при этом страстным почитателем и пропагандистом. Поскольку порубежная эпоха характеризовалась ранее неведомой динамикой культурного дискурса, Бар заслужил репутацию подвижного и гибкого в своих суждениях критика, неслучайно его называли «Протеем» («*Verwandlungskünstler*») (*DAS HERMANN-BAHR-BUCH* 1913: 18).

В историю литературы Бар вошел как крупнейший эстетик венского модерна. Слово «модерн» («*die Moderne*»), изобретенный Новалисом и Ф. Шлегелем неологизм, вновь ввел в обиход после нескольких десятилетий забвения Ойген Вольф при основании берлинского «Свободного литературного объединения “Прорыв”» (1886): «Нашим высшим идеалом искусства больше не является античность (*die Antike*), но модерн (*die Moderne*)» (THESEN 1988: 25). В программных тезисах раннего натурализма нашло выражение умонастроение молодых, оппозиционно настроенных к эпигонской литературе писателей, искавших новых путей в искусстве, братьев Харт, П. Эрнста, Б. Вилле, А. Хольца, И. Шлафа, В. Бельше, Г. Гауптмана и др. Смысл берлинского модерна точно выражал пафос объединения: революционное и реформаторское изменение всего искусства. Для этого необходимыми требованиями стали понятия правдивости произ-

ведений искусства, усвоение достижений естественных наук и создание немецкой национальной литературы (DIE BERLINER MODERNE 1987: 14). По другому пути пошли венские модернисты.

2. Теория «преодоления натурализма» Г. Бара

Следует подчеркнуть, что Бар не был коренным венцем. Он родился в Линце, учился в Венском университете, проходил в Вене армейскую службу и после возвращения из длительных путешествий долгое время жил в столице Австро-Венгрии. Начав изучение классической филологии, философии и юриспруденции в университете Вены (1881), Бар был исключен из него за участие в дуэли. Дальнейшая учеба в Черновцах также была прервана. Интерес к политике и социальной экономике привел Бара в Берлинский университет, где он учился у советника О. фон Бисмарка — Адольфа Вагнера. Бар старательно изучал труды экономистов А. Смита, Д. Рикардо, К. Каутского и К. Маркса, слушал лекции по истории Древней Греции, а также по философии И. Канта и Ф. Шиллера. У Бара явно отсутствовала единая философская система. Его живо занимали другие интересы: журналистская деятельность и желание стать политиком, образец которого он видел в лидере австрийской социал-демократии Викторе Адлере (1852 — 1918). Интенсивное творчество (пьесы *Новые люди*, 1887 и *Великий грех*, 1889) и увлечение драматургией Х. Ибсена не дали возможности Бару закончить итоговую диссертацию *Путь от индивидуализма к социализму* (FARKAS 1989: 19).

Новые интересы (должность редактора искусствovedческого журнала) привели Бара в Париж (1889), откуда он предпринял путешествие по Южной Франции, Испании и Марокко. Почти годичное пребывание во французской столице и знакомство с символистским кружком С. Малларме заметно расширило кругозор начинающего литератора. Опубликованные Баром эссе и статьи в немецких журналах «Ди Национ», «Дойчланд» и «Дер Кунстwart» широко использовали материалы парижских газет «Фигаро», «Ла ви Паризьен» и «Жиль Блаз», театральные премьеры, новые книжные публикации и художественные выставки. Парижская атмосфера бытования искусства во многом отличалась от берлинской. В парижских салонах главную роль играли не политические и философские, а эстетические и искусствovedческие проблемы: критика импрессионистической живописи,

достижения французской психологии, дискуссии о творчестве Ш. Бодлера, символистах и романе Ж.-К. Гюисманса *Наоборот*, проблемы декадана, эстетизма и новые произведения П. Клоделя, Ф. Брюнетьера и Ж. Мореаса. В статье *Декаданс* (1897) Бар попытался осмыслить новое качество французской литературы: «романтика нервов», «склонность к искусственному», «пристрастие к мистике» и «ужасное и безграничное» (ВАНР 1968).

В марте 1890 г. Бар вернулся из Парижа в Берлин. К этому времени в журнале *Модерная литература* была опубликована программная статья *Модерн*, написанная в испанские месяцы жизни. Автор заявлял в ней, обращаясь к читателям с большим пафосом, о рождении «нового человечества» (Ibid.: 35). Стиль Бара подчеркнуто метафоричен и краток, что было свойственно ранним тезисам натуралистов Берлина и Мюнхена. Однако восприятие реальности Баром было противоположно натуралистическому. Опыт развития импрессионистической живописи во Франции, произведения П. Бурже и М. Барреса ясно указывали на активность субъективного начала при восприятии реальности. Известное положение Бара из статьи *Модерн*: «У нас нет другого закона, чем правда, как ее чувствует отдельный человек... Это и будет новым законом, какой мы создаем» (Ibid.: 38), — переключает внимание автора и читателя с социума реального мира на его рецепцию индивидуальным сознанием, привнося чувственное и суггестивное начало в произведения разных видов искусств. Главное в них — «нервическая раздражительность», которую Бар назвал «сенсуализмом» и свойством «конца века». В «сенсуалистической правде», представляющей собой *импрессионистические* ассоциации, нет и следа от копирования реальности научными средствами, какие предлагал Арно Хольц в знаменитой формуле натурализма:

«Искусство имеет тенденцию снова стать природой. Оно становится ею в зависимости от своих средств воспроизведения и их употребления» (HOLZ 1926: 83).

Одновременно Бар замечает первые опыты писателей Вены, сходные с его концепцией модерна, и их внимание к современной литературе Франции. Переехав в Вену, Бар становится главным эстетиком литературы и искусства венского модерна. В автобиографии Бар писал:

«... когда я начинал его (собрание сочинений) во время работы в Вене и стал влиятельным человеком, я назвал свою группу „Молодой Веной“... В первых стихотворениях Гофмансталя, в *Саде познания* Леопольда фон Андриана, ландшафтах Климта, песнях Гуго Вольфа и Густава Малера происходит прощание с Австрией» (ВАНР 1923: 281).

Бар искренне радел за современную литературу и увидел ростки ее в стихотворениях шестнадцатилетнего Гуго фон Гофмансталя (1874 — 1929):

«Странный, временами напыщенный, потом вновь по-детски наивный, угрожающе сверх меры развитый мальчик, при повышении температуры — нервно возбужденный, но всегда с холодным сердцем, игриво общительный и одинокий, столь грустный в своем преждевременном искусстве жизни, стал для меня видением Австрии» (Ibid.: 280).

3. Эстетско-символистская программа Гуго фон Гофмансталя

Далекий от системных обобщений молодой Гофмансталь в течение своей жизни разрабатывал философию творчества — гибкое и подвижное единство, формировавшееся под влиянием прочитанных книг, жизненных обстоятельств и встреч с великими современниками. Сейсмографически точно Гофмансталь находил прочные нити, связующие поэта с жизнью, характерные для европейских писателей порубежного времени, искал путей из «тупика эстетизма». «Великими спутниками» Гофмансталь называл античных трагиков, Шекспира, Мольера, Кальдерона, Гёте, Новалиса, Гофмана, Уайльда, Достоевского, Л. Толстого и других, считая, что настоящая литература не столь обширна:

«...она ведет свое происхождение от немногих великих книг мировой литературы», которые видоизменяются во времени до гротеска или эклектики, но это “потомство по прямой линии”» (ГОФМАНСТАЛЬ 1995а: 588).

Поэт привносит в традицию свое ощущение изменившегося времени в новых формах и новыми изобразительными средствами. В обширном эпистолярном наследии (десятки опубликованных томов и тысячи неопубликованных страниц) адресатами Гофмансталя были Т. Манн, С. Георге, Р. М. Рильке, С. Цвейг, М. Метерлинк, А. Шницлер и др. В переписке с ними эстетическая проблематика занимает первостепенное место. Кроме того,

лирическими героями стихотворений и ранних драм Гофмансталь были гениальные поэты и художники. Все они, однако, не являются прямой манифестацией его поэтических принципов. Одной из особенностей проникновения в реальный мир Гофмансталь является момент умолчания истины, *символико-метафорическое и образное* ее выражение. Автор больше скрывает, намекает в сравнениях и метафорах, чем открыто декларирует. Другая грань его дарования заключается в особенностях его психофизического восприятия мира: Гофмансталь постоянно подчеркивал свою уникальную способность «визуального», живописного проникновения в смысл реальности (HOFMANNSTHAL 1986a: 382).

Магистральная тема всего творчества Гофмансталь — взаимоотношение жизни и искусства. В ранний период деятельности во время обучения в Венском университете акцент в этой дихотомии приходился на искусство, первичность которого создавала основы *эстетизма*. Лишь искусство порождало «прекрасную жизнь», было способно проникать в тайники мироздания и символизировать его невыявленную сущность. Ранние стихотворения и первые лирические драмы свидетельствуют об умозрительных философских построениях (*Вчера*, 1890), о демиургической роли художника (*Смерть Тициана*, 1892), о фантастических способах разрешения жизненной проблематики (*Глуpecь и Смерть*, 1893). В письмах и статьях Гофмансталь серьезно размышлял над понятием жизни, находясь под влиянием «философии жизни» Ф. Ницше (1844 — 1900). Жизнь, по Гофмансталью, разделялась на две антиномии, находившиеся в тесной взаимосвязи: жизнь «внешнюю», реально существующую в конкретных событиях и фактах («мертвая жизнь», «псевдожизнь») и «настоящую жизнь», «живую жизнь», которая глубже и содержательнее «внешней». Она обладает чудодейственным началом, сходным с мистерией. Такая жизнь открывается за привычными пространственно-временными рамками и находится в постоянном становлении. Она образует совершенные формы, и в эту жизнь активно вовлекается поэт на пути «нравственного самосовершенствования», что явилось следствием влияния на Гофмансталь произведений русской литературы (ЦВЕТКОВ 2016).

В многочисленных письмах периода военной службы в Геддине и Тлумаче Гофмансталь приходит к осознанию насущной необходимости выхода из замкнутого литературой и искусством

мира, созданного в родительском доме, в реальную жизнь. Поэт в представлении Гофманстала причастен ко всем без исключения явлениям и вещам жизни. Все тяготы и проблемы мира не обременительны для него, а на все события он откликается с поразительной отзывчивостью и чувствительностью, оставаясь человеком деятельным в поисках гармонии в самом себе: «Стоит ему (поэту) в свои звездные часы создать нечто, как его творение обретает гармонию» (ГОФМАНСТАЛЬ 1995а: 595). Быть зрелым человеком означало для Гофманстала «научиться вслушиваться в себя», а процесс творчества предполагал интроспекцию и сверхчувственную тайну:

«растворение души поэта во всеохватывающем медиуме — бытии — и создание при этом определенных соединений звуков с целью выражения состояния поэтической души или мировой игры» (ГОФМАНСТАЛЬ — ВЕБЕНБУРГ 1966: 83).

Явления бытия как исходная позиция поэта преобразуются, по Гофмансталу, в словесные образы и получают новую жизнь в мире слов, сохраняя некое подобие реальности. Мир слов представлялся поэту особым миром, замкнутым в себе как мир красок:

«Поэзия (живопись): выражать словами (красками) то, что в жизни совокупно выражается тысячью других медиумов. Транспонировать жизнь. Не потому ли акустически точно воспроизведенная речь так же фальшива, как и наклеенные на картину драгоценные камни» (ГОФМАНСТАЛЬ 1986а: 400).

Гофмансталь указал на одно из основополагающих понятий *символистской эстетики* С. Малларме и С. Георге — транспонирование — поэтический прием, позволявший осуществлять синтез разных видов искусства (словесно-музыкально-живописный) путем интермедиального «перевода» одного языка искусства на другой.

В статье *О стихотворениях Стефана Георге* Гофмансталь писал о «настоящем поэте», в котором неразрывно соединяются «поэтическая сила» и «вселенское чувство художника» (ГОФМАНСТАЛЬ 1986с: 219). В *Разговоре о стихах* поэт отличается, по мнению Гофманстала, от всех других людей особым даром видения мира, поскольку он видит «образно» (ГОФМАНСТАЛЬ 1986b: 395). Поэту свойственна поэтическая рефлексия: она ведет, в отличие от философов, не в пустоту понятий, а в глубину поэтической образности. Поэтическая рефлексия есть «орфическое» свойство поэта. Он «переносит» взгляд из реальности в словесный мир и, соглас-

но своему замыслу, избирательно сохраняет некоторые жизненно важные связи в мире слов. К этим объективным признакам добавляются субъективные: они придают связям особую выразительность:

«Если поэзия делает нечто, то именно это: она из каждой картины мира и мечты с жадной страстью вылуцчивает именно сокровеннейшее, подобно тем блуждающим огням из сказки, которые отовсюду слизывали золото» (ГОФМАНСТАЛЬ 1995б: 533).

За внешней оболочкой поэт, по Гофмансталью, угадывал *связь с всеобщим, идеей и праобразом*. Гофмансталь развил в эстетической теории мысли о поэте-маге, используя понятия из философии Платона. Венский поэт не раз подчеркивал, что построение «мира в мире» с помощью «поэтической рефлексии» или магического дара требует от поэта напряжения всех творческих способностей и не может быть продолжительным. Периоды тяжелых душевных кризисов, связанные с истощением поэтического дара, сменялись периодами интенсивного труда — «озарений». После 1900 г. Гофмансталь более не сочинял стихотворений и всецело посвятил себя драматургии, преимущественно музыкальной: либретто к операм Р. Штрауса *Электра*, *Ариадна на Наксосе*, *Кавалер розы*, *Женщина без тени* и др.

4. Импрессионистические пьесы раннего Артура Шницлера

Для драматургического и прозаического творчества Артура Шницлера (1862 — 1931), врача по образованию, не склонного к теоретическим обобщениям, характерны необычные приемы *психологизма* и *игрового начала*. Наиболее представительным драматическим произведением, созданным в период активного творческого общения писателей “Молодой Вены” и тонко уловившим настроение времени, стал цикл одноактных драм *Анатоль* (1893). Мгновения-настроения мимолетного героя близки философским рассуждениям австрийского философа Эрнста Маха (1838 — 1916) и теории «преодоления натурализма» Германа Бара. В статье *Импрессионизм* Бар называет мировоззрение Маха «философией импрессионизма» (БАР 2017: 275). Мах высказал важную мысль:

«То, что мы называем нашим миром, есть прежде всего и исключительно продукт деятельности наших органов чувств» (МАХ 1908: 69).

Материалистический взгляд на мир Маха воплотился в рефлексивно наполненном анализе ощущений субъекта. Область исследований Маха — изучение сознательного и бессознательно-го, особенностей органов чувств, состояния сна — близка к общему направлению экспериментов венских врачей глубинной психологии З. Фрейда и И. Бройера. Неслучайно Фрейд называл Шницлера своим «двойником».

Драматические сцены с участием Анатоля и череды его возлюбленных строятся по горизонтали, в форме “хоровода”, подчеркивая бесконечную изменчивость любовных ощущений. Случайный и импровизированный характер развития действия обуславливается отсутствием какого-либо значимого события в семи эпизодах, каждый из которых не требует дальнейшего развития. Внутреннее действие такого эпизода поддерживается остроумными диалогами о любви, ревности и измене. В веренице любовных сцен Анатолий предстает перед зрителем каждый раз иным: меланхоличным, страстным, ревнующим, равнодушным и т. д. Его увлечения мимолетны, а жизнь представляется неисчерпаемым источником новых ощущений. Шницлеровскому герою чуждо какое-либо серьезное философствование. Любимец женщин и прожигатель жизни, он крайне ревнив, ироничен и требует от любовниц верности как в прошлом, так и в будущем, считая себя свободным человеком. Драматург наделяет Анатоля *импрессионистическим идеалом*, избирая объектом изображения любовные приключения и концентрируя внимание только на источниках мимолетных ощущений.

Изображение в каждом эпизоде момента, выхваченного из жизни героя, должно подчеркивать тот факт, что Анатолий, уподобивший жизнь *игре*, поставлен вне времени, и его иллюзии, а затем и их разрушение, — явления циклические. Изменчивые настроения властвуют над личностью Анатолия. Не только потеря самого себя в настроениях и необходимость постоянного обновления обстановки заставляют Анатолия покидать одних возлюбленных и искать новых. Дело в том, что герой не верит в возможность счастья для себя. В его душе наряду с иллюзиями живут подозрения, что очередная спутница ему неверна:

«Он предпочитает быть убежденным в неверности женщины, несмотря на то что портит этим все очарование мгновенного удовольствия» (BAYERDÖRFER 1972: 516).

В диалогах Анатоля с другом, которому он поверяет свои чувства, раскрываются сомнения, страхи и восторги героя. Шницлеровским персонажам чуждо какое-либо серьезное отношение к жизни. Сохраняя свое положительное эмоциональное отношение к миру, Анатолий, например, акцентирует свой интерес на необычном и мимолетном, напоминая многочисленных персонажей живописного импрессионизма:

«В отличие от реального человека, сочетающего обычно изменчивость психического состояния с его устойчивостью (и преемственностью), так сказать, гибкую тактику с твердой стратегией, мимолетный человек *абсолютно неустойчив*: это человек не цели, а исключительно сиюминутного настроения. Его поведение определяется непредсказуемым потоком ассоциаций. В некотором смысле можно сказать, что идеал мимолетного человека соответствует идеалу абсолютно легкомысленной личности, вся жизнь которой подобна беззаботному и бездумному порханию с цветка на цветок» (БРАНСКИЙ 1999: 391–392).

Общение Анатоля с возлюбленными происходит под углом зрения, какой интересен только ему. Он «наполняет» собеседниц своими заботами и проблемами, лишая их собственной индивидуальности. При таком доминирующем положении Анатоля другие персонажи превращаются в олицетворенные отражения его настроений. Так создается зеркальное отражение настроения главного героя. После исполнения своей роли Анатодем одна *мафрионетка* уступает место другой. Причинной связи между ними нет. Их роль и функции определяются изменчивыми желаниями Анатоля.

5. Декадентские стихотворения Феликса Дёрмана

Талантливый венский поэт Феликс Дёрман (1870 — 1928) опубликовал сборники стихотворений *Невротика* (1891) и *Сенсации* (1892), близкие по тематике и тональности сборнику *Цветы зла* Ш. Бодлера. Дёрман в *пародийной* форме надевает на себя маску европейского декадента и предстает в гротескной форме человеком, вобравшем в себя все виды «экстравагантных свойств», например, в стихотворении *Что я люблю*:

«Ich liebe die hektischen, schlanken
Narzissen mit blutrotem Mund;
Ich liebe die Qualengedanken,
Die Herzen zerstoehen und wund...

Ich liebe, was niemand erlesen,
Was keinem zu lieben gelang:
Mein eigenes, urinnerstes Wesen
Und alles, was seltsam und krank» (DÖRMANN 1981: 357).

К сожалению, поэтическое творчество Дёрмана ограничивается двумя сборниками.

6. Заключение

Эстетический дискурс литературы кружка «Молодая Вена» во время своего возникновения отличался разнообразием творческих установок авторов, базирующихся как на общих *постна-туралистических* позициях (Г. Бар), так и на конкретных концепциях *символизма и эстетизма* (Г. фон Гофмансталь), *импрессионизма* (А. Шницлер) или *пародиях декадентских тем* (Ф. Дёрман). Заслуга организатора кружка Бара заключалась в его способности поддерживать индивидуальный писательский стиль каждого из участников, добровольно посещавших кафе «Гринстайдль». Их объединял общий пафос *модерной литературы*: противостояние, сомнение и неприятие оптимистического настроения человеческой цивилизации, которая пагубно воздействовала на свободу человека, его автономность и самоопределение. Деструктивная энергетика общественного и технического прогресса европейской метрополии, которую обнаруживает литературный кружок «Молодая Вена» в период его организации, сопрягалась с путями преодоления отчуждения человека в разных видах *синтеза искусств, интроспекции, игровом начале и пародийных стилизациях*.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бар Г. Импрессионизм // Москвина Е. А. Символическая реальность. Статьи о немецкой и австрийской литературе. Переводы. М.: Глобал Ком: Языки Славянских Культур, 2017. С. 269—275.
[Bahr, Hermann. (2017) Impressionizm (Impressionism). In Moskвина, Yekaterina A. *Simvolicheskaya real'nost'. Stat'i o nemetskoj i avstriyskoj literature. Perevody* (Symbolic Reality. Articles about German and Austrian Literature. Transfers). Moscow: Global Kom: LRC Publishing House, 269—275. (In Russian)].
- Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
[Branskiy, Vladimir P. (1999) *Iskusstvo i filosofiya: Rol' filosofii v formirovani i vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii*

- zhivopisi* (Art and Philosophy: The Role of Philosophy in the Formation and Perception of a Work of Art on the Example of the History of Painting). Kaliningrad: Jantarnyy skaz, 1999. (In Russian)].
- Гофмансталь Г. Поэт и нынешнее время // Гофмансталь Г. Избранное. М.: Искусство, 1995а. С. 579—603. [Hofmannsthal, Hugo. (1995a) Poet i nyneshneye vremya (The Poet and the Present Time). In Hofmannsthal, Hugo. *Izbrannoye* (Selected Works). Moscow: Iskustvo, 579—603. (In Russian)].
- Гофмансталь Г. Разговор о стихах // Гофмансталь Г. Избранное. М.: Искусство, 1995б. С. 529—543. [Hofmannsthal, Hugo. (1995b) Razgovor o stikhakh (Talk about Poetry). In Hofmannsthal, Hugo. *Izbrannoye* (Selected Works). Moscow: Iskustvo, 529—543. (In Russian)].
- Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Изд. С. Скирмунта, 1908. [Mach, Ernst. (1908) *Analiz oshhushheniy i otnosheniye fizicheskogo k psicheskomu* (Analysis of Sensations and the Relation of the Physical to the Mental). Moscow: S. Skirmunt. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал: Монография. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy (2003) *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial*. (Literature of the Viennese Moderne. Postmodern Potential). Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Роль нравственного начала русской литературы в эстетике Г. фон Гофмансталя // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 1 (16). С. 30—35. [Tsvetkov, Yuriy. (2016) Rol' npravstvennogo nachala russkoy literatury v estetike G. fon Gofmanstalya (The Role of the Moral Principle of Russian Literature in H. von Hofmannsthal's Aesthetics). *Bulletin of the Ivanovo State University. The series "Humanities"*, No. 1 (16), 30—35. (In Russian)].
- Bahr, Hermann. (1968) *Décadence*. In Bahr, Hermann. *Zur Überwindung des Naturalismus. Theoretische Schriften*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 167—172.
- Bahr, Hermann. (1923) *Selbstbildnis*. Berlin: Fischer.
- Bayerdörfer, Hans-Peter. (1972) Vom Konversationsstück zur Wurstelkomödie. Zu Arthur Schnitzlers Einaktern. *Jahrbuch der Deutschen Schilergesellschaft*, 16, 508—529.
- Das Hermann-Bahr-Buch. (1913). Berlin: S. Fischer.
- Das Werk von Arno Holz. (1926). Vol. 10. Berlin: J. H. W. Dietz Nachfolger.
- Die Berliner Moderne: 1885-1914. (1987). Stuttgart: Philipp Reclam Jun.
- Dörmann, Felix. (1981) Was ich liebe. In *Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910*. Stuttgart: Philipp Reclam Jun.
- Farkas, Reinhard. (1989) *Hermann Bahr: Dynamik und Dilemma der Moderne*.

Wien; Köln: Böhlau Verlag.

Hofmannsthal, Hugo. (1986a) Aufzeichnungen aus dem Nachlaß. In Hofmannsthal, Hugo. *Reden und Aufsätze III*. Frankfurt/M.: S. Fischer, 393—409.

Hofmannsthal, Hugo. (1986b) Balzac. In Hofmannsthal, Hugo. *Reden u Aufsätze I*. Frankfurt/M.: S. Fischer, 382—397.

Hofmannsthal, Hugo. (1986c) Gedichte von Stefan George. In Hofmannsthal, Hugo von. *Reden u Aufsätze I*. Frankfurt/M.: S. Fischer, 214—221.

H. von Hofmannsthal — E. K. Bebenburg. *Briefwechsel*. (1966). Frankfurt/M.: S. Fischer.

Thesen der Freien literarischen Vereinigung „Durch!“. In Wunberg, Gotthart, & Dietrich, Stephan. (eds) (1988) *Die literarische Moderne*. Freiburg i. Br.: Rombach Verlag, 23—26.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

Aesthetic Pluralism of the Literary Circle “Young Vienna” is Breakthrough into Modernism

It is proved that the circle “Young Vienna” arose from the voluntary visitors of the “Griensteidl” cafe in the centre of Vienna under the leadership of Hermann Bahr. He united a free community of poets and writers, created a theory of “overcoming naturalism” and made a breakthrough into modernism by turning to French literature, arguing with German naturalists in order to create a national Austrian literature. The participants of the circle “Young Vienna” continued the poetic and theatrical traditions, especially significant for Austria. H. von Hofmannsthal has developed an aesthetic-symbolist program in which aesthetic ideas about the primacy of art are replaced by the idea of the “dead end of aestheticism”. The impressionistic cycle of one-act plays by A. Schnitzler *Anatole* widely used the achievements of the philosophy of E. Mach and the deep psychology of S. Freud and presented a fleeting hero, living in changeable moods. F. Dörmann’s poems parody the image of a decadent poet. The multidirectional aesthetic attitudes of the writers of the “Young Vienna”, not constrained by collective manifestos, laid the foundations for the formation of Viennese modernism, an important stage of Austrian national literature.

Keywords: “Young Vienna”; Viennese modernism; symbolism; impressionism; aestheticism; parodies of decadence

Для цитирования:

Цветков Ю. Л. Эстетический плюрализм литературного кружка «Молодая Вена»: прорыв в модернизм // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 524—537.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-524-537.

To cite this Article:

Tsvetkov, Yuriy L. (2022) Esteticheskiy plyuralizm literaturnogo kruzhka “Molodaya Vena”: proryv v modernizm (Aesthetic Pluralism of the Literary Circle “Young Vienna” is Breakthrough into Modernism). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 524—537. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-524-537.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; принята к публикации 28.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; accepted for publication 28.02.2022

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

**МЕЖНАУЧНЫЙ ТРАНСФЕР В АНАЛИЗЕ
НЕМЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты: монография / под общ. ред. О. А. Костровой. М.: Флинта, 2021. 312 с.

Язык неразрывно связан с культурой: его полноценное освоение невозможно без знакомства с традициями, обычаями, верованиями, и, прежде всего, с литературой как хранилищем культурной информации и памяти народа. Для осознанного восприятия художественного произведения и понимания подтекстовой информации значимы представления о когнитивных и лингвокультурных принципах исследования текста, концептах, важно видение роли языковой личности в теории культурного трансфера. Это служит своего рода ключом для раскрытия глубинного смысла текста, понимания и интерпретации лингвокультурных единиц. Коллективная монография О. А. Костровой, Е. В. Беспаловой, Ю. А. Блиновой, О. В. Омелькиной *Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты* представляет собой уникальный опыт описания концептосферы немецкого художественного текста и его лингвоконцептуального анализа. В монографии изложены теоретические положения, позволяющие выстроить лингвокультурный и когнитивный анализ художественного текста, а также представлен лингвоконцептуальный анализ ряда немецких художественных и гибридных текстов.

В современных исследованиях по германистике существует немало работ, в которых содержится описание концептов (МЕДВЕДЕВА и др. 2011), символов и метафор в языке и речи (ШУВАЛОВ 2019); раскрываются вопросы изучения системной организации немецкоязычных литературно-художественных текстов с позиции метасемиотики, т. е. через рассмотрение формализованных свойств входящих в него элементов-знаков (ШИПОВА 2016); рассмотрена специфика функционирования устных и письменных текстов в немецкоязычном социуме отдельных периодов, например, в эпоху Реформации (БАБЕНКО 2021), и проч. Вне всякого со-

мнения, работы такого рода представляют значимость и отражают опыт анализа языковых феноменов с учетом контекстуального окружения, исторической эпохи и культурного фона. Уникальность рецензируемой монографии заключается именно в том, что она не только отражает основные направления лингвистических исследований последних десятилетий в области анализа текста, лингвокультурных концептов, текстовых категорий, но и носит междисциплинарный характер. Авторам удалось найти общие точки соприкосновения в области философии, истории, социологии, литературоведения и выйти на существенно новый уровень интерпретации явлений в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии на обширном фактическом материале. Это, в свою очередь, способствовало яркому и убедительному изложению материала, глубокому освещению поставленных вопросов. Особо следует подчеркнуть, что при написании работы учтен, творчески переработан и представлен с новых позиций опыт исследований последних лет по целому ряду направлений современной отечественной и зарубежной германистики (по грамматике, лексикологии, лингвокультурологии, лингвистике текста и дискурса). Именно это делает работу актуальной и значимой для современной лингвистики в целом и германистики в частности.

Работа состоит из двух частей. Часть I «Концептосфера немецкого художественного текста» включает главу 1 «Подходы к изучению лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей художественного текста» и главу 2 «Уровни концептуальной интерпретации текстов нового времени». В первой главе осуществляется анализ различных подходов к исследованию художественного текста, особое внимание уделяется когнитивным и лингвокультурным принципам исследования текста, вводится понятие «художественный концепт», освещаются философские истоки концептуального слоя литературных течений, а языковая личность представлена как ядерный компонент художественного текста. Существенно новым оказывается представление языковой личности в теории культурного, прежде всего, межнаучного трансфера, «при котором основными донорами являются литературоведение, философия, когнитивистика и культурология, а принимающей дисциплиной становится языкознание» (КОСТРОВА и др. 2021: 45). Авторы видят свою задачу в том, чтобы показать, каким образом может быть применена методика межнаучного трансфера к анали-

зу концептуального и языкового наполнения ментального пространства немецкой языковой личности, справедливо отмечая, что ее реализация возможна на разных уровнях текста: жанрово-стилистическом, когнитивно-семантическом и лексико-грамматическом (Ibid.: 49). Заслуживает особого внимания иерархическое представление концептов: в монографии общекультурные концепты (или гиперконцепты) представлены как доноры художественных. В свою очередь, гиперконцепты образуют иерархические структуры, в которых частные произведены от более общих, а иерархическая зависимость художественных концептов реализуется опосредованно через ассоциативное поле (Ibid.: 50–52). Авторы обозначают тематические области, требующие художественной обработки: война, разруха, лейтмотив общества потребления, лейтмотив фантастического, симуляция, «поиск идентичности», критицизм, лейтмотив самоуглубления, лейтмотив среды обитания. Получают описание типичные концепты в картине мира немецкой языковой личности послевоенного периода с позиции инокультурного интерпретатора: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА, ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ, СВЕРХЧЕЛОВЕК, РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ, ЧУЖЕСТЬ, ТЯГА К ИСТОКАМ. Выделенные концепты позволяют увидеть динамику изменения языковой картины мира в художественных текстах, начиная с послевоенного периода в немецкоязычной литературе. Следует отметить, что одновременно затрагиваются вопросы художественной формы, ее жанровой вариативности, раскрывается лингвокультурный потенциал грамматического стандарта в структуре языковой личности. Это позволяет представить немецкий художественный текст и его составляющие как компоненты макродискурса, что, в свою очередь, развивает и совершенствует лучшие традиции отечественной и зарубежной лингвистики.

Часть II «Лингвоконцептуальный анализ немецких художественных и гибридных текстов» включает две главы: «Концептуальные феномены немецкого художественного текста» и «Идиоэтничность грамматико-стилистической концептуализации». В них получают освещение такие вопросы как немецкий роман с позиции лингвоконцептологии, ландшафтные концепты в современных немецкоязычных литературных текстах, концептосфера сатиры и юмора в жанре кабаре, столкновение социальных миров в гибридной литературе. Понятие «языковой личности» получает в

предложенном контексте дополнительную трактовку — в данном случае речь идет в том числе и о «языковой личности автора» художественного текста, что, в свою очередь, позволяет рассматривать возможность представления национальных концептов немецкой культуры в виде особых художественных концептов. Хотелось бы обратить особое внимание на трактовку концепта «эвиденциальность» в немецкой лингвокультуре и концептуальную модализацию высказывания с помощью модальных и близких к ним глаголов. Значимо наблюдение о том, что для художественного текста следует различать авторизованную и инферированную эвиденциальность (Ibid.: 238): в первом случае говорящий как непосредственный участник пересказывает собственные мысли и переживания, а во втором — наблюдает за кем-то, строя предположения о том, что кто-то думает или переживает. Формирование эвиденциальных смыслов в рамках дискурс-анализа становится возможным за счет «разграничения ролей автора, нарратора и персонажей, которые, как правило, обобщаются в категории говорящего» (Ibid.: 239). Действительно, этот фактор представляется важным, поскольку он откладывает отпечаток на излагаемую информацию. Совершенно справедливо отмечено, что в художественном тексте, имеющем вымышленный характер, «вряд ли можно в прямом смысле говорить об эвидентности информации» (Ibid.: 240), поскольку автор имеет право на художественный вымысел. В этой же главе затрагивается и один из сложнейших вопросов — концептуальная модализация высказывания с помощью модальных и близких к ним глаголов. Стоит сразу оговорить, что авторы тем самым поднимают и проблему описания модальности текста, комплексное освещение которой пока отсутствует в лингвистической литературе. Прослежено влияние типа немецкой культуры (низкоконтекстная культура с высокой степенью индивидуализации) на выбор стратегий модализации. Таким образом, описание модальности на уровне текста получает интерпретацию через лингвокультуру, что также составляет новизну исследования. В параграфе о лингвокультурной специфике функционирования сложного предложения убедительно показано, что определенные типы придаточных предложений можно рассматривать как личностную доминанту протагониста и лингвокультурную специфику авторского стиля. Определенную роль в стилизации текста играют архаизация и модернизация.

Монография имеет обширную теоретическую базу, содержащую значимые труды отечественных и зарубежных исследователей. Внушительным представляется и объем проанализированных художественных текстов — список источников включает 60 наименований.

Рецензируемая работа рассчитана, в первую очередь, на специалистов в области германской филологии (аспирантов, преподавателей ВУЗов лингвистических факультетов, научных сотрудников). Для ее полноценного прочтения и понимания необходимо иметь представление о целом ряде вещей: о направлениях в литературе, тенденциях в лингвокультурологии, новых концептуальных положениях в области модальности, грамматике текста и т. д. Соответственно, отсутствие необходимых знаний может воспрепятствовать полноценному пониманию и интерпретации монографии. Тем не менее сложность этого труда вполне объяснима: в нем синтезированы знания из области истории, филологии, психологии и лингвистики и показаны возможности их применения к описанию концептосферы немецкого художественного текста, что, в свою очередь, подчеркивает его многогранность и значимость, а также отражает высокий профессиональный уровень авторов.

В заключение хотелось бы отметить, что монография О. А. Костровой *Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты*, написанная в соавторстве с Е. В. Беспаловой, Ю. А. Блиновой и О. В. Омелькиной, содержит целый ряд интереснейших идей и показывает новые возможности толкования немецкого художественного текста с учетом национально-культурных особенностей носителей языка и исторических событий.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бабенко Н. С.* Речевые практики в немецкоязычном социуме эпохи Реформации в аспекте лингвоцентричности // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2021. № 1 (14). С. 4—15. [Babenko, Nataliya S. (2021) *Rechevyue praktiki v nemetsko-yazychnom sotsiume epokhi Reformatsii v aspekte lingvotsentrichnosti* (Speech Practices in the German-speaking Society of the Reformation Era in the Aspect of Linguocentricity). *Lingvistik i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* (Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages), No. 1 (14), 4—15. (In Russian)].
- Кострова О. А.* Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты: коллективная монография / О. А. Кост-

рова, Е. В. Беспалова, Ю. А. Блинова, О. В. Омелькина; под общ. ред. О. А. Костровой. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].

Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Mark V., & Medvedeva, Diana I. (2011) *Klyuchevyye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury* (Key Concepts of German Linguistic Culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].

Шипова И. А. Метасемиотическое пространство художественного текста. М.: Библио-Глобус, 2016. [Shipova, Irina A. (2016) *Metasemioticheskoye prostranstvo khudozhestvennogo teksta* (Metasemiotic Space of Artistic Text). Moscow: Biblio-Globus. (In Russian)].

Шувалов В. И. Метафора в лексической системе современного немецкого языка. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2019. [Shuvalov, Valeriy I. (2019) *Metafora v leksicheskoy sisteme sovremennogo nemetskogo yazyka* (Metaphor in the Lexical System of the Modern German Language). Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian)].

Для цитирования:

Аверина А. В. Межнаучный трансфер в анализе немецкого художественного текста: рец. на кн.: Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты: монография / под общ. ред. О. А. Костровой. М.: Флинта, 2021. 312 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 539—544.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-539-544.

To cite this Review:

Averina, Anna V. (2022) *Mezhnauchnyy transfer v analize nemetskogo khudozhestvennogo teksta* (Interscientific Transfer in the Analysis of German Literary Text). Book Review: Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 539—544. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-539-544.

Рецензия поступила в редакцию 07.03.2022; принята к публикации 31.03.2022
The review was submitted 07.03.2022; accepted for publication 31.03.2022

S. N. Awerkina
Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

B. Lachhein
Universität Duisburg-Essen

JEWGENIJ TSCHIRIKOW NEU LESEN

Tschirikow, Jewgenij. *Das Tier aus dem Abgrund*. Übersetzung von Christine Hengevoss. Coesfeld: Elsinor Verlag. (Im Druck)

Letzte fünf Jahre sind an verschiedenen historischen Jubilaren reich, die aber nicht mit dem Jubel im traditionellen Sinne verbunden sind, sondern in grauen Tönen gefärbt: 2017 — Russische Revolution, anders gesagt Novemberputsch; 1917/1922 Bürgerkrieg in Russland; 2018 — Ende des Ersten Weltkriegs (zugleich Zerfall von drei großmächtigen Imperien); 1918/1919 Revolution in Deutschland; 1919 — Aufstand der Spartacus-Gruppe; 1921 — Mord von Rosa Luxemburg und Klara Liebknecht. Diese Reihe kann vervollständigt werden. Wichtig bleibt dabei der Wunsch nach 100 Jahren die Ereignisse der Vergangenheit neu zu definieren, von verschiedenen Seiten zusehen, Lehre zu ziehen und in Diskussionen nachvollzuziehen. Nichts umsonst waren mehrere Kongresse dem Thema des Überganges, des Umbruches, der großen Explosion gewidmet, dabei natürlich im Kontext der Gegenwart.

Kein Wunder, dass in diesem Prozess der neuen Lesung der Geschichte der Name des großen russischen Schriftstellers der Jahrhundertwende und Anfangs des 20. Jahrhunderts Jewgenij Tschirikow besonders interessant sein kann. In Vergleich zu den in der ganzen Welt bekannten Autoren wie Boris Pasternak, Anna Achmatowa, Marina Zwetajewa wird Jewgenij Tschirikow dem deutschsprachigen Publikum, außer Fachleute, als richtige Entdeckung erscheinen. Besonders mit seiner Saga *Das Tier aus dem Abgrund*. Da findet man Beschreibung von ziemlich bekannten Ereignissen der turbulenten russischen Geschichte aus der einerseits sehr persönlichen, andererseits ontologischen Perspektive. Die Epopöe beschreibt das Schicksal der einer Familie und zeigt, wie Verformung und geistliche Korrosion die Seele anfangs sensiblen und gutherzigen Menschen decken, die Psyche zerstören, zu perversen Beziehungen bringen.

Selbst am Anfang des Romans gibt uns Jewgenij Tschirikow zu verstehen, dass es nicht um konkrete Menschen geht, sondern um Menschheit insgesamt, genauer gesagt um Menschheitsdämmerung. Man verrät dem Text mythologische Reichweite.

Der Roman öffnet sich mit der Beschreibung des Widerstandes zwischen zwei Soldaten — eines aus der Weißen Armee und eines aus der Roten Armee. Der Leser findet hier keine Analyse der Gefühle, man hat mit der Beschreibung von Wahrnehmungen der Hauptfigur — Wladimir Paromow zu tun.

Mit kalter Entschlossenheit erschießt Wladimir den Feind. Aber das ist ihm nicht so wichtig, wie das, was er um sich sieht: die Steppe, den Himmel, die Farbenpalette des Schnees. Ihm öffnet sich das Geheimnis des Universums. Selbst die Wunde am Bein ist Wladimir unwichtig. Die richtige Wunde liegt im Herzen. Vom Schützengraben aus sieht er die Himmelskuppel und stellt sich als tot dar, dessen Sarg im Zentrum der Kirche steht (wie in der orthodoxen Kirche üblich ist) und oben schimmert das Gewölbe des Gotteshauses.

Gerade hier am Anfang tauscht das zentrale Motiv des Romans auf. Was ist der Mensch heute? Gleich am Anfang entsteht das Bild des Untieres im Abgrund. Er erwacht beim Helden den glühenden Hass, der im Blut aufkocht — starkes Gefühl der Freude als er den Gewehrverschluss ausspaltet, schießt und erlebt tierische Befriedigung.

Die Schlussfolgerung klingt schrecklich: heute ist der Mensch das schlimmste Tier. Das natürliche Tier scheint Wladimir nicht so fremd und ungeheuerlich zu sein. Die Schlacht ist aber nicht zu Ende und das verwundete Tier Wladimir steckt in einer Grube. Tschirikow vergleicht diese Schlacht mit dem Festmahl in der biblischen Perspektive. Abendmahl vor der Kreuzung von Christus, von allem Menschlichen, zugleich eine Art des griechischen Bacchanals. Er denkt sich tot, aber er ist doch am Leben und muss weiter gehen, aber wohin, weiß er nicht. Die neue frühe Rote nimmt er wie Erwachung nach der Seeflut wahr. Er selber verliert dabei aber seine Identität. Wladimir wechselt seinen Offiziermantel gegen Schafpelzmantel des ermordeten Rotarmisten, reißt den roten Stern vom Hut ab, nimmt seine Papiere. Wer er jetzt ist, versteht man selber nicht: ein Gespenst, der in der Zwischenwelt wie eine unantastbare Seele ziellos über die Erde fliegt — nicht lebendig, nicht tot? Dieses Bild ist sehr autobiografisch. Immer wieder fühlte sich Tschirikow wie an der Zwischenstation: die Wessen fanden ihn nicht weiß genug, in der

Sowjetunion wurde er nur als Autor der Kindergeschichten und Singer der einfachen Leute empfunden.

So formuliert Tschirikow seine Mensch-Tier-Konzeption, die Vision des Tierischen. Des Dämonischen im Menschen und in der Gesellschaft. Im Roman geht es generell um die Tierische Zeit, das Fehlen von Glauben, Dominanz des Überlebensprinzipes statt Gottes. Das Menschliche versteckt im Roman nur in der Erinnerung, in Träumen, wo schöne idyllische Bilder schweben, der Antlitz der Ehefrau Lada, Tochter Eva als Symbol der ersten Frau, Urmutter aus dem Paradiesgarten, das weiße Familienhaus auf der Krim, der Sommer, die Stille, das Glück.

All diese Themen machen Tschirikow dem deutschsprachigen Leser nah. Der größte Anteil der Literarischen Texte der europäischen Autoren aus 10-20-er Jahre sind auch der existenziellen Kluft, Zerspaltung des Menschen, Dehumanisierung der Kultur gewidmet. Die These des Haupthelden — "...ich will kein Weißer sein, kein Roter, sondern bloß ein Mensch" — klingen wie ein Schrei von vielen Soldaten, die an der Ersten Weltkrieg teilgenommen haben. Die geforderte Anordnung des Menschen ist eine Gefahr für den einzelnen Menschen, Zerstörung des Prinzips des Humanistischen.

Der Mann im Krieg ist in der europäischen Kultur traditionsgemäß mit dem Begriff der verlorenen Generation verbunden. Die Vertreter dieser literarischen Richtung besprechen große Themen. Der Stil und Buntheit der Sprache verlieren an Bedeutung. Die Texte von Hemingway und Remarque sind in Telegraphen-Stil geschrieben. Die Sprache von Tschirikow bleibt doch im Diskurs des Jugendstiles. Er bleibt Impressionist, Vertreter der Ära des silbernen Zeitalters.

Wenn man Jewgenij Tschirikow in die europäische Tradition einschreiben wollte, scheint er viel näher Nietzsche und Nietzscheaner zu sein (Konzeption der Menschheitskrise, Erwarten der neuen Morgenfrühe, Gegenüberstellung von Apollinischem und Dionysischem, Kult der Stärk (während Nietzsche selber schwach, krank und sensibel war), die Idee, dass die Menschheit andererseits von Gut und Böse steht). Bei Tschirikow vertreten viele Figuren diese Position. Zum Beispiel, die Alte im gottverlassenen Dorfe antwortet auf die Frage, ob es den Gott gebe, dass sie es nicht weiß, dass es ganz egal ist, denn es kann nichts in dieser Welt verändern. In ihrem Bewusstsein ist der Gott gestorben, wie im Zarathustra Buch deklariert wird. Aber hier ist zu bemerken, dass Tschirikow selber sehr religiös war. In Bel-

grad, wo er im Exil war, unterstützte er die Altgläubigengemeinde.

Bestimmte Nähe findet man zwischen Jewgenij Tschirikow und Sigmund Freud. Alle Kritiker schreiben über besondere Sinnlichkeit, Empfindlichkeit des Erzählens in Tschirikows Texten. Im Roman realisiert das sich auf der Ebene des Privatlebens der Helden. Die Gewohnheit zu kämpfen bringt zum Bruderkrieg, zum Widerstand zwischen Boris und Wladimir. Die Liebe ist für sie wie ein Schlachtfeld. Man kämpft um die gleiche Frau, was im gewissen Sinne aus den traumatischen Lebenserfahrungen passiert.

Charakteristisch für Tschirikows Texte ist eine unglaubliche Polyphonie. Im Roman handeln die Vertreter allen sozialen Schichten: dostojewskijhafte kleine Menschen, tolstojartige Volksfiguren, bunthafte empfindliche Träumer; und jedem verleiht er seine eigene Sprache. Er ist Meister der Beschreibung, aber auch des Dialogs, was man im Roman von den ersten Seiten gespürt wird. Es gibt auch viele Allusionen auf die russische klassische Kultur, angefangen von dem Namen Lada (ein Zitat aus der Oper *Fürst Igor*: „Du bist mit mir meine Taube Lada...“). Die Reihe kann fortgesetzt werden.

Bestimmt steht Jewgenij Tschirikow in einer Reihe mit solchen großen Epikern, die den Krieg beschrieben haben, wie Alexei Tolstoj mit seinem Roman *Leidensweg*, Boris Pasternak mit *Doktor Schiwago*, Michail Scholochow mit *Der stille Don*, Michail Bulgakow mit *Die Flucht* und *Die weiße Garde*, bei denen menschliche Verwirrung, das Durcheinander des Krieges tief und lebensnah beschrieben ist. Natürlich haben Schriftsteller einander beeinflusst, aber wichtig ist zu betonen, dass Jewgenij Tschirikow bestimmt ein Unikum bleibt und natürlich würdig ist, in Deutschland entdeckt zu werden.

Und noch was ist zu erwähnen. Über Exilleben von Tschirikow ist viel bekannt. „Das Zentrum des russischen Auslandes namens Alexander Solschenizyn“ haben Exposition über sein Schaffen entwickelt, man führt mehrere Konferenzen durch, die Jewgenij Tschirikow gewidmet sind. Aber wir möchten einen besonderen Akzent auf die Verbindung des Schriftstellers mit Nishnij Nowgorod setzen.

Nach vielen Jahren des Verbots und Vergessens begann die Rückkehr von Jewgenij Tschirikow auf die literarische Bühne nur in der Periode der Perestrojka. Bis 2000 waren einzelne Werke des Schriftstellers in literarischen und gesellschaftspolitischen Zeitschriften und Sammlungen gedruckt.

2000 wird der Roman *Das Tier aus dem Abgrund* zum ersten Mal im

postsowjetischen Raum veröffentlicht: zuerst als separates Buch in Minsk, dann in akademischer Sammlung der Werke von Jewgenij Tschirikow in St. Petersburg. Neben dem Roman umfasste die Sammlung Wolga-Geschichten und Legenden sowie Geschichten und Märchen für Kinder. Dadurch wird der Schriftsteller im modernen Russland wieder entdeckt. Danach werden seine Kinder-Werke in Hauslektüresammlungen für Grundschüler und Auszüge aus dem Roman *Das Tier aus dem Abgrund* in Lesebücher für Oberstufenschüler eingeordnet. Tschirikow wird landesweit — in Moskau, St. Petersburg, Nishnij Nowgorod, Kasan, Perm, Samara — veröffentlicht. 2010 wurde sein Roman *Das Vaterhaus* zu einem der hundert besten Bücher des Jahres. Heute werden in Russland Romane *Das Tier aus dem Abgrund* und *Das Vaterhaus*, Publizistiksammlungen *Das stille Wasser* und *Die Beruhigung*, seine Kindergeschichten und Kindermärchen, Wolga-Erzählungen und -Legenden, Stücke *Juden*, *Waldgeheimnisse*, *Freunde der Öffentlichkeit*, *Die Liebe des Kommissars Murawjow*, das Mysterien-Märchen *Die augenbetörende Schönheit* und Memoiren *Auf den Wegen des Lebens und der Schöpfung* veröffentlicht. Erwartet wird die Veröffentlichung der Tetralogie *Das Leben von Tarchanow*.

Es gibt viele Hörbücher, darunter auch Roman *Das Tier aus dem Abgrund*.

Gleichzeitig wächst das Interesse am Schriftsteller seitens der Philologen und Literaturwissenschaftler. Die erste große internationale wissenschaftliche Konferenz, die den Tschirikows Werken gewidmet war, fand 2007 in Moskau statt. Sie sammelte Forscher aus Russland, der Ukraine, Tschechien und den USA und wurde zum Startpunkt der Tschirikow-Wissenschaft. Das literarische Erbe des Schriftstellers wurde in den letzten Jahren auf Konferenzen in Moskau, Nishnij Nowgorod, Kasan, Samara, Wien, Brunn, Belgrad und Prag ausführlich vorgestellt.

2011 haben die Nachkommen des Schriftstellers in Nishnij Nowgorod das Literaturmuseum seines Namens eröffnet. Dort werden zahlreiche Dokumente, Manuskripte, Modelle, Dekorationen, Plakate, vitale und moderne Ausgaben der Tschirikows Werken in verschiedenen Sprachen, persönliche Sachen und Portraits des Schriftstellers und seiner Familie, Werke von berühmten russischen Malern — Ilja Repin, Iwan Bilibin, Grigorij Musatow, Nikolaj Schlein, Alexei Tolstoi, — sowie auch von den tschechischen und italienischen Künstlern, Autogramme vieler Kulturschaffenden, einschließlich Iwan

Bilibin, Marina Zwetajewa, Sergei Rachmaninow, Fjodor Schaljapin und Kinder von Leo Tolstoi dargestellt. Die Nachkommen haben die Ausstattung der Tschirikows Wohnungen in St. Petersburger und Prag nachgemacht. Das Museum wurde zum Treffpunkt der Schüler, Lehrer, Wissenschaftler, Künstler, Musiker und aller für das Leben und Werke von Tschirikow interessierenden.

In Nishnij Nowgorod wurden zwei Gedenktafeln für Jewgenij Tschirikow geöffnet: an dem Haus, wo der Schriftsteller 1902/1904 wohnte und arbeitete, und an dem Gorki-Museum, das früher Wohnung des berühmten Nishnij Nowgorod Schriftstellers Maxim Gorki war, während er mit Jewgenij Tschirikow aktiv kommunizierte und arbeitete.

Для цитирования:

Awerkina S. N., Lachhein B. Jewgenij Tschirikow neu lesen: рец. на кн.: Tschirikow, Jewgenij. *Das Tier aus dem Abgrund*. Übersetzung von Christine Hengevoss. Coesfeld: Elsinor Verlag. (Im Druck) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 545—550.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-545-550.

To cite this Review:

Awerkina, Svetlana N., & Lachhein, Barbara. (2022) Jewgenij Tschirikow neu lesen (Reread Yevgeniy Chirikov). Book Review: Tschirikow, Jewgenij. *Das Tier aus dem Abgrund*. Übersetzung von Christine Hengevoss. Coesfeld: Elsinor Verlag. (In Print). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 545—550.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-545-550.

*Рецензия поступила в редакцию 15.02.2022; принята к публикации 28.02.2022
The review was submitted 15.02.2022; accepted for publication 28.02.2022*

Н. С. Бабенко
Институт языкознания РАН

**ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУР
В XIII — XVI ВЕКАХ: НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ**

Сквайрс Е. Р., Мальков А. В. Новгородская скра. Издание, перевод, исследования. М.: Языки Славянских Культур, 2020. 216 с.

Книга посвящена уставу немецкого купеческого подворья, которое являлось торговым представительством Ганзы в Новгороде, известным как «двор святого Петра» (лат. *curia sancti Petri*, нем. *sante Peters*, в немецкой историографии *Peterhof*), существовавшим с перерывами в XII — XV вв. как опорный пункт в торговле Ганзы с Русью. Рецензируемый труд продолжает исторические исследования Е. Р. Сквайрс, выполненные в разные годы в русле проблематики, связанной с изучением торговых и языковых контактов Ганзы с Новгородом, что имеет с точки зрения германистики большое значение для истории нижне-немецкого языка, который в ганзейскую эпоху приобрел международное влияние.

Новая публикация Сквайрс (в соавторстве с А. В. Мальковым) посвящена исключительно Новгородской скре — памятнику письменности, находящемся на стыке двух культур — немецкой и русской; исследование является результатом объединения усилий представителей двух наук: филологии и юриспруденции, что делает исследование уникальным обобщающим научным изданием.

Уникальным следует признать обстоятельство, согласно которому текст Новгородской скры представлен в современной историографии семью редакциями, что позволяет ставить и детально изучать многие вопросы в рамках истории экономических и правовых отношений, взаимодействия языковых культур, развития нижне-немецкого регионального стандарта в пределах языкового влияния Ганзы. Все это требовало от авторов книги тонкой методологической работы с весьма неоднородным историческим материалом.

Новгородская скра представлена в книге тремя ключевыми редакциями (XIII в., 1361 г. и 1603 г.), которые документируют

все стороны внутренней организации быта и правового положения немецкой общины в Новгороде, ее взаимоотношения с русскими партнерами в параллельных (оригинальном средненижне-/верхненемецком и русском) текстах.

Книга состоит из пяти глав, каждая из которых содержит обширные сведения из разных областей исторического знания: библиотечно-архивное дело (документы из шести европейских архивов и библиотек), собственно исторический материал (развитие торговых и дипломатических связей Северной Германии с Новгородом Великим), правовая сфера (развитие юридической системы Новгорода под влиянием устава ганзейских купцов как образца для Новгородской скры), филолого-текстологические (сопоставление трех ключевых редакций Скры) и собственно лингвистические изыскания (реконструкция нижненемецкого языка Ганзы в период ее расцвета как торговой метрополии).

Глава I «Ганза и ее связи с Новгородом» содержит сведения из истории становления пути «из варяг в греки», его северо-континентальной части, где ведущую роль играли торговые города Северной Германии, от которых шли связи на восток до Новгорода и Пскова на Руси. Здесь же дается лингвистическая характеристика средненижненемецкого языка, бытовавшего во входивших в Ганзейский союз городах. В XIV в. сложился общий региональный язык официально-деловой сферы, который в науке получил название «нижненемецкий язык Ганзы»; на нем велась переписка ганзейцев. Новгородская скра как внутренний устав ганзейского торгового двора, ориентированный на купцов, съезжавшихся из разных немецких городов, составлялась ими на родном нижненемецком языке со времени ее создания в XIII в. и вплоть до конца XVI в., то есть в первых шести редакциях.

В главе убедительно обосновывается трактовка термина *скра*. Уставы, подобные Новгородской скре, назывались средненижне-немецкими словами bok, scrift, settinghe. Принятое в отношении новгородского устава обозначение *снем. skra, schra* авторы считают необычным явлением. Как скандинавизм эпохи раннеганзейских связей немцев с Новгородом слово *skra* 'высушенная шкура, грамота, свод законов, кодекс' принадлежит к заимствованиям из скандинавского на северо-востоке нижненемецкого языкового ареала. Новгородский термин *скра* остается изолированным от других обозначений правовых документов и указыва-

ет на тот факт, что это название новгородский устав получил в самой первой редакции, когда он не имел формы кодекса, а занимал один огромный лист пергамента и скорее напоминал грамоту, то есть действительно имел вид листа кожи (у лексемы *skra* развилось переносное значение в результате семантического сдвига 'шкура' > 'кожа, пергамен как носитель текста', далее сам текст, 'грамота' > 'книга законов, кодекс'. Авторы считают, что это название в Новгороде отражает раннее значение слова и не может претендовать на свод законов. Анализ лингвистических параметров употребления слова *schra* дает основание утверждать, что это наименование не стало обозначением определенного типа текстов (например, уставов), а по функции скорее является именем собственным данного конкретного текста.

Важный историко-текстологический материал представлен в компактно выполненном разделе первой главы «Рукописные источники Новгородской скры». Его продолжением являются 38 цветных иллюстраций прекрасного качества, которые отображают оригиналы из 6 европейских архивов и библиотек.

Рецензируемое издание — это не только научный труд высочайшего уровня, но и захватывающая, интригующая своими реконструкциями, интерпретациями/расследованиями, чрезвычайно познавательная по всем своим параметрам книга, которая раскрывает детали развития международных связей свободного города Новгорода в разных исторических условиях.

В книге указывается, что первоначально три публикуемые в книге рукописи хранились в Любеке. После Второй мировой войны только седьмая редакция Новгородской скры осталась в архиве этого ганзейского города, тогда как две другие были перевезены в Советский Союз; в настоящее время рукопись первой редакции хранится в Москве в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА), четвертая рукопись находится в Российской Национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге. Из семи существующих редакций Скры первые три связаны по своему происхождению с городом Висбю на Готланде. Создание каждой редакции Скры, обновление текста имело свою глубокую историю, которая авторами тщательно исследуется с привлечением большого количества фактов и доказательств.

Обзор рукописной традиции новгородской скры показал примечательную закономерность: публикуемые здесь редакции

представлены каждая единственной полной рукописью, тогда как все остальные редакции существуют в нескольких списках. Авторы задаются вопросом: совпадение ли это или результат их неправильного выбора? По мнению самих авторов, ни то ни другое. В эволюции Новгородской скры как памятника средневекового права версиям 1, 2, 4 и 7 принадлежат важные этапные места, и причины уникальности сохранившегося оригинального источника в каждом случае свои, возможно, тоже не случайные, а характерные для той эпохи и той ситуации, в которой создавалась очередная новая редакция.

Авторы книги опираются на существующий оригинал — на любекскую рукопись. Создание седьмой редакции Скры связано с большими историческими переменами. В 1603 г. состоялось ганзейское посольство в Москву и переговоры закончились тем, что Борис Годунов выдал Ганзе привилегию, разрешавшую проезд и торговлю в Новгороде. Однако для Новгорода, утратившего политическую и экономическую самостоятельность, это была уже другая эпоха. Хотя договором великого князя Ивана Васильевича с Ганзой 1514 г. деятельность ганзейского новгородского двора была де юре восстановлена, на деле нового расцвета не произошло. Привилегия Годунова упоминала только Любек в качестве получателя привилегий, что перекладывало на этот город всю ответственность за сохранение торговых связей и все расходы по управлению Петровым двором. Не все города поддержали Любек, например, для Дерпта было выгоднее вести торговлю с русскими непосредственно. В седьмой Новгородской скре Любек выступает как единственная инстанция, отвечающая за «все русские дворы» немцев.

В Главе 2 «Новгородская скра глазами правоведа и методолога» акцент делается на данных о юридическом содержании текста. Авторы обращаются к вопросам методологии, так как считают важным изучать содержание принципов регулирования внутренних дел подворья и торговли, и не только тех, которые лежат на поверхности, но и саму ситуацию, когда право действовало на «чужой» территории в условиях возникновения юрисдикционных коллизий, а также с точки зрения непрерывного развития правовой информации, в том числе эволюции средств ее структурирования. В главе рассматриваются основные положения Новгородской скры в их развитии от редакции к редак-

ции, а также эволюция средств структурирования правовой информации в уставе подворья св. Петра в Новгороде.

Главы 3, 4 и 5 посвящены каждая рукописям Новгородской скры соответственно первой редакции, четвертой и седьмой. В каждой главе обсуждается внешний вид рукописи, детали расположения текста, палеографические проблемы, связанные с участием разных писцов в создании рукописи, характер письма и т. д. В отдельную рубрику в 3, 4 и 5 главах выносятся вопросы языка рукописей. Большое внимание уделяется описанию средненижненемецкого языка, использовавшегося в юридических документах на протяжении нескольких веков, и динамики изменений его фактуры в разных редакциях Скры. В XIII в. средненижненемецкий язык еще только начинал проникать в сферу официально-делового письма через *Саксонское зеркало* («*Sassen Speyghel*») и существовал в виде местных диалектов, объединившихся в несколько диалектно-региональных вариантов. Саксонское право создавалось в течение нескольких лет между 1220 и 1231 гг. на эльбостфальском диалекте нижненемецкого, распространенном в восточной (остфальской) части нижненемецкого по среднему течению Эльбы.

Довольно детально описывается роль балтийского Готланда в торгвле, его разнообразные связи с немецкими территориями и их представителями. Эти ранние связи нашли и свое языковое отражение, особенно в нижненемецком языке купеческой немецкой общины города Висбю: в текстах первых новгородских источников заметны диалектные черты этого региона. По мнению исследователей, на вариант нижненемецкого, сформировавшийся в Висбю, оказал влияние состав немецких переселенцев, в основном выходцев их Вестфалии, однако существовал приток людей из Нижней Саксонии, в том числе и из Любека. Отмечается и ведущая роль вестфальских городов в основании Петрова двора Ганзы в Новгороде.

Каждая из последних глав книги заканчивается разделом «Текст и перевод», где положения Скры-оригинала выделены структурно и снабжены параллельным переводом, что делает работу с этим материалом достаточно операциональной. В книге формулируются принципы издания текста, которые позволили авторам обеспечить передачу текста максимально близко к оригиналу, например, благодаря минимальной нормализации напи-

сания и сохранению знаков препинания оригинала; текст последовательно структурирован путем разбивки на содержательные части:

«So we so brvwet mit sante pet(er)es holte. dhe geue ene halue marc cvnen. we so / dhar mede becket V cunen. So welik man was smeltet mit sante pet(er)es ketele. dhe geue II marc houede».

‘Если кто варит пиво, используя дрова св. Петра, тот плати полмарки кун; кто использует их для выпечки — 5 кун. Если кто-либо плавит воск в котелке св. Петра, тот плати 2 марки [кунных] голов’ (стр. 59).

Глава 5, последняя, посвящена седьмой редакции Скры. Она появилась в начале XVII в. (1603 г.) и относится уже к совсем иной эпохе, когда в Германии шел активный процесс языковой интеграции северных городов. Их официальные инстанции переходили на верхненемецкий язык, что затронуло и составление Новгородской скры. В частности, она содержит по сути целый лексикон русско-немецкой торговли — снем. Rubel, Vorahnen ‘баранья кожа’, Lastken ‘ласочный мех’. Новизна текста, вызванная исторической эпохой, проявилась и в обилии латинизмов и галлицизмов.

В Заключительных замечаниях к изданию авторы обращают внимание на очень важные детали в содержании текста, указывая на недостаточную логичность и эксплицированность в языковых формах выражаемых ими правовых понятий и связей. Это очень важный пассаж в плане оценки некоторого несовершенства исторического развития языка, что фиксируют правовые документы. Опускаются именно те члены предложения, которые указывают на характер связи между действием и результатом.

«С формальной точки зрения современного наблюдателя возникает некоторая неясность неопределенность, которая может быть снята исходя их общего содержания правового текста» (стр. 200).

Представляется, что данное нетривиальное наблюдение авторов книги требует дальнейшей разработки, поскольку здесь открывается возможность сделать некоторые важные выводы о характере дискурсивных практик в замкнутых и незамкнутых деловых сферах в ситуации контактов средневековых культур.

Рецензируемая книга Е. Р. Сквайрс и А. В. Малькова, несомненно, принадлежит к числу крупных исследовательских проектов последнего времени, которые по своим задачам и резуль-

татам становятся заметными событиями в отечественной исторической германистике и содействуют развитию академического гуманитарного знания.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. [Skvairs, Yekaterina R., & Ferdinand, Svetlana N. (2002) Gansa i Novgorod: yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov (Hansa and Novgorod: Linguistic Aspects of Historical Contacts). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Сквайрс Е. Р.* К вопросу о месте ранних текстов Ганзы из Новгорода в традиции немецкого средневекового права // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1—6. [Skvairs, Yekaterina R. (2019) K voprosu o meste rannikh tekstov Gansy is Novgoroda v traditsii nemetskogo srednevekovogo prava (On the Issue of the Place of Hansa early Texts from Novgorod in the tradition of German Medieval Law). *Scientific notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 5 (23), 1—6. (In Russian)].

Для цитирования:

Бабенко Н. С. Из истории взаимодействия двух культур в XIII — XVI веках: немецкой и русской. Рец. на кн.: *Сквайрс Е. Р., Мальков А. В.* Новгородская скра. Издание, перевод, исследования. М.: Языки Славянских Культур, 2020. 216 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 551—557.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-551-557.

To cite this Review:

Babenko, Nataliya S. (2022) Iz istorii vzaimodeystviya dvukh kul'tur v XIII — XVI vekakh: nemetskoy i russkoy (From the History of the Interaction of two Cultures in the 13th — 16th Centuries: German and Russian). Book Review: Squires, Yekaterina R., & Malkov, Anton V. (2020) Novgorodskaya skra. Izdaniye, perevod, issledovaniya (Novgorod Skra. Edition, Translation, Research). Moscow: LRC Publishing House. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 551—557. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-551-557.

Рецензия поступила в редакцию 03.04.2022; принята к публикации 08.04.2022
The review was submitted 03.04.2022; accepted for publication 08.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамов** Петр Валерьевич, Высшая школа сценических искусств (Москва, Россия);
p_abramow@mail.ru
- Аверина** Анна Викторовна, Московский государственный областной университет (Москва, Россия);
av.averina@mgou.ru
- Аверкина** Лариса Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия);
averkina_l@lunn.ru
- Аверкина** Светлана Николаевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия);
snaverkina@lunn.ru
- Бабеева** Раиса Ивановна, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия);
babaevari@ivanovo.ac.ru
- Бабенко** Наталия Сергеевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
babenkons@yandex.ru
- Байкова** Ольга Владимировна, Вятский государственный университет (Киров, Россия);
olga-baykova@yandex.ru
- Белютин** Роман Вячеславович, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия);
ryubelyutins@ Rambler.ru
- Беспалова** Екатерина Викторовна, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Самарский университет) (Самара, Россия);
ek_vik_bespalowa@bk.ru
- Буркхардт** Армин, Университет им. Отто фон Герике (Магдебург, Германия);
armin.burkhardt@ovgu.de
- Быкова** Ольга Ильинична, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
olga.bykova@ Rambler.ru
- Васкиневич** Анжелика Игоревна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия);
avaskinevich@kantiana.ru
- Вольский** Алексей Львович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
volskij@mail.ru

- Горбачевская** Светлана Ивановна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
sgaeiou@yandex.ru
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
grischaewa@rgph.vsu.ru
- Дронова** Ольга Александровна, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия);
oa.dronova2014@yandex.ru
- Дюбо** Борис Анатольевич, Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет им. Ж. И. Алферова Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия);
borisdjubo@yahoo.de
- Жеребин** Алексей Иосифович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург, Россия);
zerebin@mail.ru
- Зусман** Валерий Григорьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия);
vzusman@hse.ru
- Зусман** Наталья Давидовна, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки (Нижний Новгород, Россия);
nataliazusman@yandex.ru
- Иванов** Андрей Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия);
aivan@lunn.ru
- Ишимбаева** Галина Григорьевна, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия);
galgrig7@list.ru
- Катаева** Сталина Гавриловна, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия);
katajewa@rambler.ru
- Клауберг** Рольф, РУДН (Москва, Россия);
rolfclauberg@gmail.com
- Кобенко** Юрий Викторович, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия);
serpentis@list.ru
- Костомаров** Петр Иванович, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия);
laz@tpu.ru
- Кострова** Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия);
olga_kostrova@pghsa.ru

- Лакхайн** Барбара, Университет Дуйсбург-Эссен (Эссен, Германия);
b-m.lachhein@t-online.de
- Майер-Фиракер** Симон, Технический университет (Дрезден, Германия);
simon.meier-vieracker@tu-dresden.de
- Маслакова-Клауберг** Наталья Ивановна, Институт мировых цивилизаций (Москва, Россия);
mnleo@mail.ru
- Меркиш** Татьяна Алексеевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
tania.merkish@gmail.com
- Москвина** Татьяна Николаевна, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия);
tatiana_moskvina@mail.ru
- Нефедова** Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия);
nefedovalub@mail.ru
- Никонова** Жанна Викторовна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия);
nikonova@lunn.ru
- Парр** Рольф, Университет Дуйсбург-Эссен (Эссен, Германия);
rolf.parr@uni-due.de
- Сибирцева** Вера Григорьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия);
sibvera@mail.ru
- Смирнова** Татьяна Петровна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия);
trsmirnova@lunn.ru
- Трошина** Наталья Николаевна, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия);
troshinat@mail.ru
- Федяева** Татьяна Анатольевна, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия);
fedjaew58@mail.ru
- Фикс** Улла, Институт германистики, университет г. Лейпцига (Лейпциг, Германия);
u.fix@t-online.de
- Цветков** Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия);
jzvetkow@mail.ru

LIST OF CONTRIBUTORS

- Pyotr V. **Abramov**, High School of Performing Arts (Moscow, Russia);
p_abramow@mail.ru
- Anna V. **Averina**, Moscow State Region University (Moscow, Russia);
av.averina@mgou.ru
- Larisa A. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia);
averkina_1@lunn.ru
- Svetlana N. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University
(Nizhny Novgorod, Russia);
snaverkina@lunn.ru
- Raisa I. **Babayeva**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia);
babaevvari@ivanovo.ac.ru
- Nataliya S. **Babenko**, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia);
babenkons@yandex.ru
- Olga V. **Baykova**, Vyatka State University (Kirov, Russia);
olga-baykova@yandex.ru
- Roman V. **Belyutin**, Smolensk State University (Smolensk, Russia);
ryubelyutins@rambler.ru
- Yekaterina V. **Bespalova**, Samara National Research University named after
Academician S. P. Korolev (Samara University) (Samara, Russia);
ek_vik_bespalowa@bk.ru
- Armin **Burkhardt**, Otto von Guericke University Magdeburg;
armin.burkhardt@ovgu.de
- Olga I. **Bykova**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
olga.bykova@rambler.ru
- Rolf **Clauberg**, RUDN University (Moscow, Russia);
rolfclauberg@gmail.com
- Olga A. **Dronova**, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia);
oa.dronova2014@yandex.ru
- Boris A. **Dyubo**, Alferov Federal State Budgetary Institution of Higher Edu-
cation and Science Saint Petersburg National Research Academic Uni-
versity of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);
borisdjubo@yahoo.de
- Tatyana A. **Fedyayeva**, Saint Petersburg State Agrarian University (Saint
Petersburg, Russia);
fedjaew58@mail.ru
- Ulla **Fix**, Institute for German Studies, University of Leipzig (Leipzig,
Germany);
u.fix@t-online.de

- Svetlana I. **Gorbachevskaya**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
sgaeiou@yandex.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
grischaewa@rgph.vsu.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Bashkir State University (Ufa, Russia);
galgrig7@list.ru
- Andrey V. **Ivanov**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia);
aivan@lunn.ru
- Stalina G. **Katayeva**, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia);
katajewa@rambler.ru
- Yuriy V. **Kobenko**, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia);
serpentis@list.ru
- Pyotr I. **Kostomarov**, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia);
laz@tpu.ru
- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia);
olga_kostrova@pgsga.ru
- Barbara **Lachhein**, Universität Duisburg-Essen (Essen, Germany);
b-m.lachhein@t-online.de
- Nataliya (Luise) I. **Maslakova-Clauberg**, Institute of World Civilizations (Moscow, Russia);
mnleo@mail.ru
- Simon **Meier-Vieracker**, TU Dresden (Dresden, Germany);
simon.meier-vieracker@tu-dresden.de
- Tatyana A. **Merkish**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
tania.merkish@gmail.com
- Tatyana N. **Moskvina**, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia);
tatiana_moskvina@mail.ru
- Lyubov' A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia);
nefedovalub@mail.ru
- Zhanna V. **Nikonova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia);
nikonova@lunn.ru
- Rolf **Parr**, University of Duisburg-Essen (Essen, Germany);
rolf.parr@uni-due.de

List of Contributors

- Vera G. **Sibirtseva**, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod, Russia);
sibvera@mail.ru
- Tatyana P. **Smirnova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia);
tpsmirnova@lunn.ru
- Nataliya N. **Troshina**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
troshinat@mail.ru
- Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia);
jzvetkow@mail.ru
- Anzhelika I. **Vaskinevich**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia);
avaskinevich@kantiana.ru
- Aleksey L. **Volskiy**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia);
volskij@mail.ru
- Aleksey I. **Zherebin**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia);
zerebin@mail.ru
- Natal'ya D. **Zusman**, M. I. Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire (Nizhny Novgorod, Russia);
nataliazusman@yandex.ru
- Valeriy G. **Zusman**, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod, Russia);
vzusman@hse.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XIX

Разнообразие в контексте
современного гуманитарного знания:
«Diversity» в фокусе литературоведения.
Разнообразие в архитектуре немецкого языка

Главный редактор

Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части

Бабенко Наталия Сергеевна

Ответственный редактор литературоведческой части

Бакиш Наталия Александровна

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 28.04.2022. Дата выхода в свет 30.06.2022.

Формат 60x88/16. Усл. печ. л. 32,78. Уч.-изд. л. 30,4.

Тираж 500 экз. Изд. № 5696. Заказ № 07727.

Адрес редакции и издателя:

603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»

<https://lunn.ru>

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17 Б, офис 324

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1. Тел.: (495) 230-20-52